

ЭРНСТ ТЕЛЬМАН

Биография

4. Jahrg. / Nr. 245 / ^{Wochenschrift} 10 Pfennig

Berlin, Freitag, 23. Oktober 1925

Die Rote Fahne

Zentralorgan der Kommunistischen Partei Deutschlands (Sektion der Kommunistischen Internationale)

Verlag: Berlin SED 68, Friedrichstr. 22 III Tel.: August 1954/57 und
Hohl 1953. — Juristische Sprechstunde Mittwoch, 10. Sonntag, 11. — 11 Uhr nachm.

Erscheint täglich

Verlag: Berlin SED 68, Friedrichstr. 22 III Tel.: August 1954/57 und
Hohl 1953. — Juristische Sprechstunde Mittwoch, 10. Sonntag, 11. — 11 Uhr nachm.

Abonnement pro Woche 10 Pf., monatlich 3,00 M. in Berlin und Orten
mit eigener Zeitung. — Fernabschreiben. — Werbung mit
Einzelnummern 1,00 M., Großverkauf im Einzel (einschließlich Porto) 0,50 M.,
Hamburg, Leipzig, Berlin, Bonn und Stuttgart 1,00 M., Köln
1,20 M., Frankfurt 1,50 M.

Begründet von
Karl Liebknecht und Rosa Luxemburg

Verlag: Berlin SED 68, Friedrichstr. 22 III Tel.: August 1954/57 und
Hohl 1953. — Juristische Sprechstunde Mittwoch, 10. Sonntag, 11. — 11 Uhr nachm.

Die Lehren des Hamburger Aufstandes.

Von Ernst Thälmann.

Seit vor zwei Jahren, am 23. Oktober 1923, liegt die Geschichte des Hamburger Aufstandes vor uns. Sie ist ein Dokument der Geschichte der Arbeiterbewegung. Sie ist ein Dokument der Geschichte der Arbeiterbewegung. Sie ist ein Dokument der Geschichte der Arbeiterbewegung.

Эрнст Тельман был среди нас,
когда мы вели в Веймарской республике
борьбу против поднимавшего голову
фашизма.

Эрнст Тельман был среди нас,
когда мы в глубоком подполье
в условиях гитлеровского фашизма
вели борьбу за свержение нацизма.

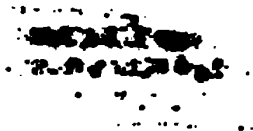
Эрнст Тельман был с нами,
когда Коммунистическая партия Германии
в результате победы славной Советской Армии
в 1945 г. вышла из подполья.

Идеи Эрнста Тельмана были с нами,
когда мы в 1946 г.
из двух рабочих партий создали одну —
Социалистическую единую партию Германии.

Эрнст Тельман был среди нас,
когда мы в 1949 г.
основали нашу республику.

Эрнст Тельман с нами и теперь,
ибо мы дали клятву
укреплять в его духе нашу республику
и неуклонно нести вперед
знамя социалистической революции.

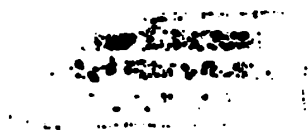
Эрих Хонеккер

Institut für Marxismus-Leninismus
beim Zentralkomitee der SED

ERNST THÄLMANN

Eine
Biographie

Dietz Verlag Berlin 1980

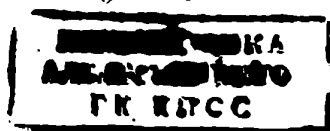
Т. 31
Институт марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

ЭРНСТ ТЕЛЬМАН

Биография

5963

~~34228~~

Москва
Издательство
политической
литературы
1984

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ:

Гюнтер Хортцански (руководитель),
Вальтер Виммер (заместитель руководителя),
Лотар Бертольд, Хайнц Карл,
Хорст Науман, Стефан Вебер

При участии:

Кати Хафтеркорн, Райнера Хольце,
Эрики Кюклих, Ханса Вийяра
 и других

ТЗ1

Эрнст Тельман: Биография. Пер. с нем. / Г. Хортцански, В. Виммер, Л. Бертольд и др. — М.: Политиздат, 1984. — 559 с., ил. — В пер. — Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ.

В предлагаемой вниманию читателя книге рассказывается о жизни и борьбе выдающегося деятеля немецкого и международного коммунистического и рабочего движений, Председателя Коммунистической партии Германии Эрнста Тельмана. В русском переводе работы сделаны некоторые сокращения, в частности опущен ряд сносок и подстрочных примечаний.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Т $\frac{0901010000-244}{079(02)-84}$ 251-83

66.61(4Г)
 ЗКН1(092)

© DIETZ VERLAG BERLIN, 1980

Перевод на русский язык

© ПОЛИТИЗДАТ, 1984 г.

Эрнст Тельман посвятил всю свою жизнь служению высшим идеалам человечества: борьбе за его освобождение от эксплуатации и угнетения, за мир между народами, за коммунизм. Он являл собой пример рабочего вождя, который был тесно связан с рабочим классом, пример нестигаемого борца против империализма и фашизма, последовательного пролетарского интернационалиста, верного друга Советского Союза и партии Ленина.

Целью предлагаемой вниманию читателя книги является рассказать о богатой сокровищнице опыта, накопленного этим борцом. В данном биографическом труде сделана попытка проследить путь, пройденный Тельманом от классово сознательного рабочего, от партийного и профсоюзного функционера Гамбурга до Председателя КППГ, до одного из руководящих деятелей Коммунистического Интернационала, показать Тельмана как человека, олицетворявшего самые лучшие черты закаленного в классовой борьбе вождя рабочих, убежденного марксиста-ленинца.

Жизнь и деятельность Эрнста Тельмана неразрывно связаны с революционным немецким рабочим движением первой половины нашего столетия. Вся его ставшая историческим подвигом деятельность неотделима от становления КППГ как марксистско-ленинской партии, ее превращения в тесно связанную с массами, сильную и сплоченную боевую партию, от ее неустанной борьбы за интересы рабочего класса, всего трудящегося народа.

Следует учитывать, что даже самые лучшие революционеры становятся вождями рабочих только в ходе борьбы партии и рабочего класса, что они формируются жизнью класса. Поэтому биография Тельмана должна быть также очерком истории революционной партии немецкого пролетариата, борьбы немецкого рабочего класса и его союзников. В той мере, в какой росла роль Эрнста Тельмана в руководстве КППГ и в деятельности Коммунистического Интернационала, в ней должны быть отражены и вопросы мирового коммунистического движения. Главным содержанием этого биографического труда является политическая деятельность Эрнста Тельмана. Его жизнь была целиком посвящена борьбе за решение общественных проблем в их самом широком

смысле: защите интересов народа, становлению рабочего класса, борьбе против эксплуататоров. Он принадлежал к числу тех коммунистов, о которых Ленин писал еще в начале своей деятельности по созданию революционной пролетарской партии: «Надо готовить людей, посвящающих революции не одни только свободные вечера, а всю свою жизнь...»¹

Жизнь Тельмана являет собой пример неутомимой борьбы за дело рабочего класса, за благо трудящегося народа, самоотверженной деятельности в защиту его прав, в защиту мира. Это была непрерывная и успешная борьба за укрепление революционной партии пролетариата, за эффективную политику, направленную против империализма и фашизма, за овладение марксистско-ленинской теорией и ее действенное, творческое применение в классовой борьбе.

У него оставалось мало времени для семьи, для своих личных дел. Эрст Тельман без остатка отдавал себя служению цели, которой посвятил свою жизнь. Но он умел хорошо использовать те редкие свободные часы, которые удавалось выкраивать для чтения художественной литературы, для встреч с друзьями, для общения с природой.

Ленин писал: «Вождем рабочих не ангелы, не святые, не герои, а люди, как все»².

Это целиком и полностью относится и к Тельману. Рабочий, он жил и формировался в среде рабочих. Став руководителем крупной коммунистической партии, он остался рабочим. Тесная связь с рабочими, знание проблем людей труда, понимание их повседневных забот и пужд — таков был главный источник его силы. Его соратник по борьбе Франц Дале считал, что именно это является ключом к пониманию личности Эрста Тельмана: он был и остался простым классово сознательным рабочим, тесно связанным со своим классом образом мышления и всем жизненным укладом.

«Но при всех выдающихся качествах и способностях, делавших его поистине исторической личностью,— писал Франц Дале,— Эрст оставался совершенно обычным человеком. Как и все, он имел свои особенности и некоторые слабости. Он вовсе не являлся каким-то вундеркиндом, которому на роду было написано стать партийным вождем своего класса. Именно в том и состояла сила нашей коммунистической партии, что во главе ее стояли люди из народа, обладавшие живыми связями со своим классом, с трудящимися массами»³.

Тельман разделял чаяния всех эксплуатируемых и угнетенных, мечтавших изменить мир, и всю свою жизнь боролся за это.

¹ Ленин В. И. Полп. собр. соч., т. 4, с. 376.

² Там же, т. 21, с. 409.

³ Дале Франц. Накануне второй мировой войны. 1938 г.—август 1939 г. Воспоминания (далее: Накануне второй мировой войны). М., 1982, т. 1, с. 316.

Он вновь и вновь спрашивал себя, что необходимо, что следует делать лучше, чтобы как можно быстрее добиться освобождения рабочего класса от эксплуатации и угнетения, избавления человечества от капитализма и войны. Он постоянно раздумывал над этим, обращался к классикам марксизма-ленинизма, советовался со своими товарищами-коммунистами, интересовался мнением рабочих. Он никогда не отступал перед трудностями, а шел всегда впереди, принимая на себя всю ответственность во имя служения своему классу. И в этом его величие как человека.

Написано уже немало воспоминаний и очерков, в которых воссоздан незабвенный образ великого сына и вождя немецкого рабочего класса. Много интересных мыслей и важных сведений почерпнули авторы данного труда из опубликованных в далеком уже прошлом речей и статей руководящих деятелей КПГ, а также из работ немецких и советских историков об Эрнсте Тельмане¹. Ценным источником стали воспоминания его соратников по борьбе, его спутницы жизни Розы Тельман и их дочери Ирмы². В последние годы для читателя стали доступны чрезвычайно богатые, хотя и с рядом пробелов, документальные материалы о деятельности Тельмана³. Теперь мы располагаем несравнимо

¹ Из этих работ прежде всего следует назвать: *Bartel Walter. Ernst Thälmann. Der mutige Vorkämpfer gegen Faschismus und imperialistischen Krieg.* Berlin o. J.; Ders.: *Ein Held der Nation. Aus dem Leben Ernst Thälmanns.* Berlin, 1961; *Bredel Willi. Ernst Thälmann. Ein Beitrag zu einem politischen Lebensbild.* Berlin (1948); *Давидович Д. С. Эрнст Тельман. Страницы жизни и борьбы.* М., 1968 и 1971; *Lindau Rudolf. Ernst Thälmann. Leben und Kampf.* Berlin, 1956; *Raase Werner. Ernst Thälmanns revolutionäre Gewerkschaftspolitik.* Berlin, 1953; *Weizmann Oleg. Ernst Thälmann in Leningrad. Ein Beitrag zur Geschichte der deutsch-sowjetischen Freundschaft* (Halle) o. J.

² Vgl.: *Deutschlands unsterblicher Sohn. Erinnerungen an Ernst Thälmann.* Berlin, 1963; *Thälmann Irma. Erinnerungen an meinen Vater.* Berlin, 1974. Наряду с этим в книге использованы многочисленные публикации-воспоминания из журналов и газет. Обзор вышедшей до 1956 г. литературы содержится в: *Ernst Thälmann. Kämpfer für Frieden und Freiheit. Auswahlverzeichnis von Schriften über Ernst Thälmann.* Berlin, 1956. Важные сведения почерпнуты из бесед Тельмана с Ирмой Габель-Тельман, Францем Далемом, Эльзой и Филиппом Дауб, Рудольфом Линдау, Альбертом Шрайпером и другими товарищами из ГДР, а также с товарищами из Гамбурга, Парижа и Вены.

³ Здесь следует прежде всего назвать исторический архив КПГ и литературное наследие Эрнста Тельмана, которые хранятся в Центральном партийном архиве (в дальнейшем — ИМЛ, ЗРА) в Институте марксизма-ленинизма при Центральном Комитете СЕПГ, а также архивные материалы, предоставленные нам партийным архивом Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Ценные документы и сведения авторы получили от государственных архивов ГДР и от комиссии по изучению истории местного рабочего движения при окружном СЕПГ округа Галле, от Института марксизма-ленинизма при ЦК КПЧ и от государственного архива в Праге, от Института им. Мориса Тореза в Париже, от Ученого совета Мемориала Эрнста Тельмана в Гамбурге-Эппендорфе, а также от государственного архива Гамбурга.

Авторы выражают свою благодарность названным институтам и архивам, а также Государственному управлению архивов ГДР за оказанные помощь и поддержку.

более многочисленными источниками, чем десять лет назад. Благодаря этому стало возможным создать предлагаемую биографию. К материалам, которые имеются теперь в нашем распоряжении, относятся, наряду с большинством опубликованных речей и статей Тельмана, не публиковавшиеся ранее записи его выступлений в руководящих органах КПГ и Коминтерна, а также его тюремные записки.

О двух первых десятилетиях политической деятельности Эрнста Тельмана остались, однако, чаще всего лишь краткие сообщения, в ряде случаев отсутствуют даже и такие сведения. В более поздние годы нередко в целях обеспечения безопасности партии и лично Тельмана не делалось никаких записей о его деятельности. Немало важных документов и газетных материалов было уничтожено во время второй мировой войны. Дошедшие до нас личные письма и другие подобные им записи, дающие представление о его мыслях и чувствах, о мотивах его действий, его интересах и наклонностях и поэтому имеющие особую ценность для биографического труда, в большинстве своем относятся к первым годам его заключения в фашистской тюрьме. Письма периода первой мировой войны и некоторые другие документы были уничтожены, чтобы они не попали в руки гестапо.

Авторы хотели бы выразить свою искреннюю благодарность всем, кто оказал им поддержку в работе. Они также обращаются с просьбой ко всем, кто располагает неизвестными еще материалами об Эрнсте Тельмане или мог бы дать какую-либо дополнительную информацию, сообщить им об этом ¹.

¹ Кроме названного нами круга лиц мы благодарим также Вальтера Бартели, Вильгельма Эйльдермана, Эрнста Дили, Эриха Глюкауфа, Курта Херхольца, Эриха Патерна, К. К. Шириню, Е. Н. Соколова и Ганса Тойбнера, которые дали нам свои отзывы и рекомендации при работе над рукописью, членов Ученого совета ИМЛ при ЦК СЕПГ, а также Совета по проблемам истории немецкого рабочего движения с первых лет его развития до 1945 г. Вместе с тем авторы выражают свою благодарность сотрудникам Центрального партийного архива и библиотеки Института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ.

1886—1920

1 Детство, обогатившее большим опытом

Эрист Тельман родился 16 апреля 1886 г. в Гамбурге, на улице Альтерваль, 68. На всю жизнь он сохранил привязанность к родному городу. В Гамбурге, который после его включения в 1888 г. в Германский таможенный союз превратился в индустриальный центр и стал крупнейшим торговым и портовым городом на континенте, имелся многочисленный рабочий класс. Гамбургские рабочие уже давно развернули борьбу против капиталистической эксплуатации. Ко времени рождения Эриста Тельмана Гамбург стал одним из центров молодого немецкого рабочего движения.

В «свободном ганзейском городе» господствовали толстосумы: судовладельцы, акционеры верфей и других отраслей промышленности, располагавшие крупным капиталом владельцы импортных и экспортных фирм, финансовые заправилы иностранных банков.

Сенат Гамбурга — правительство ганзейского города — состоял исключительно из представителей богатых буржуазных семей, владевших своими мандатами пожизненно. Подавляющее большинство жителей этого города, являвшегося республиканским островком в монархической Германии, пользовались крайне ограниченными политическими правами. В отличие от выборов в рейхстаг, проходивших при наличии всеобщего и равного избирательного права, — правда, только для мужчин — условия выборов в городской парламент Гамбурга носили гораздо более реакционный характер, чем прусское избирательное право, — подавляющее большинство населения города было лишено права голоса.

В последние десятилетия XIX в. в связи с развитием промышленности, судоходства и торговли сотни тысяч искавших работу жителей деревни переселялись в Гамбург. Они пополняли политически бесправные массы пролетариев, чей тяжелый труд в порту и на верфях, на складах и фабриках приумножал богатство гамбургской буржуазии. Как и везде, где господствует капиталистическое стремление к наживе, рабочие ютились в домах казарменного типа; мрачные закоулки и задворки — так выглядели рабочие кварталы города. Летом 1882 г. в Гамбурге разразилась эпидемия холеры, унесшая жизни более 8000 человек.

В таких условиях рос Эрнст Тельман. Его отец Иоганнес был уроженцем Веддера в Гольштейне. В родной деревне он работал батраком, познав беспощадный помещичий гнет. После военной службы в Потсдаме Иоганнес в 1880 г. приехал в Гамбург, чтобы поискать свое счастье в этом большом городе. Несколько лет он работал кучером в экспедиционной конторе и в 1885 г. получил гамбургское подданство. Мать Эрнста, Мария Магдалена, урожденная Копайс, была дочерью плотника, родом из входившей в состав ганзейского города деревенской общины Кирхвердер. Родители Эрнста поженились в Гамбурге в 1884 г.

Спустя несколько месяцев после рождения Эрнста Тельмана его отец стал владельцем небольшой пивной, расположенной на улице Альтерваль, близко от его дома. Улица Альтерваль находилась в центре Гамбурга, недалеко от порта. Обычными посетителями пивной были дворники и посыльные из близлежащих лавок, грузчики и рабочие верфей.

В середине 90-х годов отец Эрнста открыл в гамбургском районе Айльбек зеленую лавку. Первоначально лавка и крохотная квартирка размещались в сыром полуподвале.

Здесь, в Айльбеке, в основном и прошли школьные годы Эрнста Тельмана. Учился он хорошо. Однако ему часто приходилось помогать родителям в лавке. На игры и учебу у мальчика почти не оставалось времени. В автобиографических заметках, сделанных в фашистском застенке, Эрнст Тельман вспоминает: «Хотя чаще всего мне приходилось делать уроки по утрам, перед началом занятий, я считался прилежным учеником и был у учителей

на хорошем счету»¹. Больше всего ему нравились история, естествознание, страноведение, арифметика и физкультура; уроки закона божьего интереса у него не вызывали.

Эрнст любил читать книги на исторические темы: о битве в Тевтобургском лесу, о тирольском борце за свободу Андреасе Хофере, о временах викингов и Ганзы, героические саги и приключенческие книги, например о Клаусе Штёртебекере, который, по представлениям простых людей, был защитником слабых и угнетенных. Школа пробудила у него интерес и к произведениям классической немецкой литературы.

В лавке отца и во время деловых поездок с ним юный Тельман встречался с представителями различных слоев населения. Он рано стал задумываться над противоречием между бедностью и богатством. Десятилетия спустя он все еще вспоминал состоятельных буржуа и их заполненные углем подвалы, для них он доставлял к черному ходу корзины с овощами. Он вспоминал и своих голодавших школьных товарищей, с которыми делился своим завтраком, вспоминал женщин, покупавших уголь мизерными порциями и бравших у лавочников продукты в кредит.

Мальчик чутко ощущал социальные контрасты, но на вопросы об их причинах родители не могли дать ему удовлетворительного ответа. Мать, к которой Эрнст был очень привязан, в отличие от отца, являлась очень религиозной. Она призывала сына уповать на бога и на потусторонний мир. Отец отвечал ему, что богатые и бедные имелись всегда и что, видимо, так будет всегда. Как писал Тельман в автобиографических заметках, его отец являлся «членом всевозможных гражданских и военных кружков»². К рабочему движению он относился если не отрицательно, то безразлично. Таким образом, воспитание Эрнста Тельмана в родительском доме было отнюдь не социалистическим. Лишь в годы Веймарской республики обратился Жан Тельман к революционной партии рабочего класса, вступив в КПГ.

Молодого Эрнста Тельмана глубоко волновали социальные и политические события, происходившие в его родном городе и во всем мире. «Массовая стачка портовых рабочих в Гамбурге,— писал он из фашистской тюрьмы своей дочери Ирме осенью 1936 г.,— была первой социально-политической битвой, навсегда оставшейся в моей памяти»³. В ходе длившейся 11 недель стачки (с ноября 1896 по февраль 1897 г.) 18 тыс. рабочих Гамбурга боролись за сокращение рабочего дня и повышение заработной платы. Это была борьба против гамбургских капиталистов и их позиции «господина в собственном доме».

¹ *Thälmann Ernst. Mein Lebenslauf bis zum Eintritt in die KPD.— In: Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung (Berlin) (im folgenden: BzG), 1975, H. 1, S. 88.*

² *Thälmann Ernst. Mein Lebenslauf.— In: BzG, 1975, H. 1, S. 91.*

³ *Thälmann Ernst. Briefe aus dem Gefängnis an seine Angehörigen. Berlin, 1965, S. 158.*

Борьба была жестокой. Пикеты забастовщиков подвергались аресту, бастовавшие рабочие преследовались судом. Боевой дух и самоотверженность рабочих, проявленные во время этой стачки, ставят ее в один ряд с крупнейшими забастовками последней трети прошлого века.

«Каждый рабочий теперь знает,— писал в феврале 1897 г. Франц Меринг в газете «Нойе цайт»,— чего он может ожидать от этого правительства: смертельную вражду и ничего больше. Оно существует и, как это показала гамбургская забастовка, хочет существовать только для того, чтобы своими организованными средствами принуждения служить классу предпринимателей, когда речь идет о том, чтобы в условиях буржуазного общества сделать невозможным улучшение социального положения рабочих»¹.

Такой же «огромный, почти страстный интерес», как к забастовке портовых рабочих, проявил Эрнст Тельман и к делу Дрейфуса во Франции и империалистической войне Англии в 1899—1902 гг. против южноафриканских бурских республик: Оранжевой Республики и Трансвааля. «Тогда я на ярких, наглядных примерах, остро, как воспринимал в детстве каждую мелочь повседневной жизни, почувствовал несправедливость, царившую в мире... Они с особой силой свидетельствовали о том, что подгнило что-то в Датском королевстве»².

Насколько ему позволяло ограниченное свободное время, Эрнст Тельман в последние ученические годы часто ходил в гамбургские театры на спектакли для школьников. Он видел «Принца Фридриха Гомбургского» Клейста, «Гёца фон Берлихингена» Гёте, «Разбойников» и «Дона Карлоса», трилогию о Валленштейне и «Марию Стюарт» Шиллера. Но самое глубокое впечатление у него осталось от «Вильгельма Телля». Десятилетия спустя он вспоминал о том, что идеи свободы Шиллера разрешили его сомнения, вселили уверенность в себе и способствовали более свободному и самостоятельному развитию мышления.

После окончания семи классов — в народных школах Гамбурга существовало семь классов — хорошо учившийся Эрнст Тельман был принят в старшую ступень школы. Благодаря этой верхней ступени обучения и сравнительно высокому уровню преподавания гамбургская система народного образования считалась тогда в Германии образцовой. В старшую ступень попадали лучшие ученики, окончившие семь классов; уроки там вели учителя-предметники. Из числа старшеклассников гамбургские торговые фирмы черпали пополнение для своих контор и расчетных бюро, для подготовки мастеров. «Так эти господа обеспечивали для своих фирм лучшие молодые силы из бедных слоев», — пишет Вильгельм

¹ *Mehring Franz. Gesammelte Schriften*, Bd. 14. Berlin, 1978, S. 160—161.

² *Thälmann Ernst. Mein Lebenslauf*. — In: BzG, 1975, H. 1, S. 90. В декабре 1894 г. во Франции на основании сфабрикованного обвинительного материала к пожизненной каторге был приговорен офицер генерального штаба, еврей по происхождению Альфред Дрейфус.

Кёнен. «Тем самым они систематически лишали рабочий класс столь нужных ему способных людей. Год за годом отрывалась от масс и социально развращалась верхняя прослойка пролетарской молодежи»¹.

Но с Эрнстом Тельманом этого не случилось. Окончив школу, он захотел овладеть каким-либо ремеслом или стать учителем. Однако, хотя материальное положение его родителей к тому времени позволяло им осуществить желание сына, они ему воспротивились. «Отец был твердо убежден, что работа в его лавке, а дела тогда шли успешно, являлась для меня столь же полезной, как и обучение какому-либо ремеслу или дальнейшая учеба»², — писал позже Эрнст Тельман.

Незадолго до окончания школы, на пасху 1900 г., в жизни Эрнста Тельмана произошло событие, которое даже в фашистском застенке еще живо стояло у него перед глазами. Большие красные плакаты приглашали выпускников на праздник. Решение пойти туда привело Эрнста к первому знакомству с социалистическим рабочим движением. «Большой зал был набит битком, — вспоминал он. — Я был поражен и восхищен. Там присутствовала лишь молодежь моего возраста. Сколько людей, какой огонь и темперамент, какой подъем... Сколь незначительным событием по сравнению с этим казалась теперь конфирмация в церкви Рюктешель в Айльбеке!»³ Оратор был встречен бурными аплодисментами. Он говорил о трудной судьбе рабочих и их детей, о значении для каждого молодого человека тех лет, когда он вступает в пору зрелости, и простыми словами рассказал о положении рабочей молодежи и стоявших перед ней задачах. «Ваша жизнь, — примерно так говорил он, — становится более серьезной, в одиночку вы — ничто, объединенные и сплоченные — все!»⁴ Он призвал молодежь бороться за правду и справедливость, за святое дело социализма. Впервые Эрнст Тельман ощутил глубокое волнение, вызываемое массовым пением боевой пролетарской песни. Когда митинг окончился, он за 20 пфеннигов купил первую в своей жизни социалистическую брошюру, которую прочел в тот же день.

После окончания школы Эрнст Тельман еще два года работал в лавке родителей. Но бесконечность рабочего дня с его удручающей суетой все больше тяготила его. Сомнительная самостоятельность мелкого предпринимателя его не привлекала.

В то время как его ровесники, получившие какую-либо специальность, по вечерам стояли в дверях, праздно болтая, Эрнст с лошастью и тележкой был еще где-нибудь в пути либо трудился в конюшне, а то и в складском сарае. Когда же мальчик брался за книгу, отец тем более считал это пустой тратой времени. Эрнст должен был экономить те гроши, которые он получал на карман-

¹ IML, ZPA, NL 74.

² *Thälmann Ernst. Mein Lebenslauf.* — In: BzG, 1975, H. 1, S. 91.

³ Ebenda, S. 92.

⁴ Ebenda.

ные расходы. Ему приходилось выслушивать упреки, если он в воскресный день отправлялся куда-нибудь с друзьями. Отношения между жизнерадостным подростком и строгим отцом, между сыном, интересовавшимся идеями политической свободы и социальной справедливости, и отцом, для которого упрочение его положения мелкого буржуа было превыше всего, становились все более натянутыми. Эрнсту было почти 16 лет, когда в один прекрасный день он, попросившись с матерью и твердо заверив ее в том, что он никогда не опозорит своих родителей, но и не вернется к ним, как блудный сын, с раскаянием, покинул родительский дом.

Для Эрнста Тельмана начался новый этап в его жизни — его вступление в ряды рабочего класса. В январе 1944 г. он писал о значении этого шага для всей своей последующей жизни: «То, что все произошло иначе, не так, как этого хотели они (родители. — Авт.), имеет свои положительные стороны. Ведь в результате я стал таким, каким являюсь сегодня»¹.

2

«Мы начали борьбу»²

Решение Эрнста Тельмана покинуть мещанский родительский дом и начать самостоятельную жизнь пришлось на время, когда развертывался процесс перехода капитализма в империалистическую стадию развития. Как и в других развитых капиталистических странах, в Германии быстрыми темпами происходил процесс концентрации в промышленности и в банковском деле, который вел к образованию монополий, и процесс слияния промышленного и банковского капитала в финансовый капитал. Вследствие своего запоздалого развития и тесных связей финансового капитала с реакционным прусским юнкерством германский империализм отличался особой агрессивностью и хищностью.

Гамбургские верфи, такие, как «Вулкан», «Блом унд Фосс», «Райерштик», стремительно развивались. Вооружение флота германского империализма приносило акционерам гигантские прибыли. Акционерное пароходное общество «Гамбург — Америка», руководимое Альбертом Баллином, близким доверенным лицом кайзера Вильгельма II, стало к 1914 г. крупнейшим пароходством мира.

Однако для шестнадцатилетнего Эрнста Тельмана было сперва нелегко найти работу, поскольку в 1900 г. капиталистическая экономика оказалась охваченной очередным кризисом, продолжавшимся до 1902 г. Ему повезло, когда после нескольких дней скитаний — ночи он проводил в «Конкордии», почлежке для бездомных, — он познакомился с режиссером из театра Эрнста Дру-

¹ IMI., ZPA, NL 3/18.

² Слово из выступления Э. Тельмана 24 сентября 1906 г.

кера, народного театра в районе Сау-Паули, ставившего спектакли на нижненемецком диалекте. «Он почувствовал жалость ко мне, голодному и бездомному, и попросил свою 78-летнюю мать, чтобы я мог ночевать у них», — писал Эрнст Тельман в своих воспоминаниях. Несмотря на то что эта старая женщина жила в крохотной полуподвальной квартирке в районе Альтона, она взяла его к себе. Ее материнская забота глубоко тронула его. «Как часто в течение тех нескольких недель я думал о том, что ни один буржуа, конечно, не предложил бы и не дал бы мне жилье». Эрнст Тельман за небольшую плату помогал рабочим театра Эрнста Друкера и тем самым, «насколько это было возможно, зарабатывал себе на жизнь»¹. По утрам он регулярно отправлялся на поиски работы и наконец устроился в гамбургском порту.

Сначала Эрнст Тельман по несколько дней в неделю работал там в пользовавшемся дурной славой складском хозяйстве, на «эксплуататорской фирме высшего ранга, известной самой низкой во всем гамбургском порту оплатой труда». Сколь беззастенчиво хозяева выжимали соки из рабочих, особенно эксплуатируя молодежь, он узнал на собственном опыте, надрываясь на мельнице в Райерштиге, перемалывавшей на удобрение гуано и рыбу, — гамбургские рабочие называли эту мельницу «костоломом». «Здесь я получил первый основательный наглядный урок по капиталистической системе эксплуатации и ее методам»², — писал позднее Эрнст Тельман. Он обратил внимание на то, что молодые рабочие получали за ту же работу гораздо меньше, чем старшие, и что даже взрослые рабочие здесь зарабатывали хуже, чем где-либо в другом месте. Большинство рабочих таких предприятий не состояло в профсоюзах, и поэтому хозяева могли оплачивать их труд ниже тарифа.

Капиталистическая эксплуатация, испытанная на собственном опыте, околпачательно раскрыла Эрнсту Тельману глаза на глубокие классовые противоречия, определявшие облик общества, в котором он жил. Обостренное чувство справедливости и, не в последнюю очередь, предвыборная агитация социал-демократов перед предстоящими выборами в рейхстаг побудили Эрнста Тельмана сделать вскоре решающий для всей его жизни шаг: 15 мая 1903 г., год спустя после того, как он покинул родительский дом, он вступил в социал-демократическую партию. Семнадцатилетний юноша принял это решение по глубочайшему убеждению. Партийная организация социал-демократов Гамбурга насчитывала в 1903 г. около 16 500 членов, в том числе до 300 молодых людей в возрасте от 15 до 20 лет. Молодые рабочие, происходившие, подобно Эрнсту Тельману, из семей, далеких от социал-демократического движения, составляли тогда в СДПГ исключение.

¹ *Thälmann Ernst. Mein Lebenslauf.* — In: BzG, 1975, H. 1, S. 94, 95.

² *Ebenda*, S. 93.

Гамбург являлся оплотом социал-демократии. Уже на выборах в рейхстаг в апреле 1880 г., полтора года спустя после принятия в рейхстаге исключительного закона против социалистов, социал-демократы победили в одном из трех избирательных округов Гамбурга, а с 1883 г. еще в одном избирательном округе стал постоянно, всего лишь с одним небольшим перерывом, избираться Август Бебель. С 1890 г. во всех трех избирательных округах Гамбурга по выборам в рейхстаг стали избираться «красные». С каждым выбором увеличивалось число голосов, отданных за кандидатов из числа социал-демократов. А 16 июня 1903 г., месяц спустя после того, как Эрнст Тельман стал членом партии, он был среди тех, кто в ганзейском городе праздновал невиданный до того триумф социал-демократии: более 100 тыс. избирателей проголосовали за партию Августа Бебеля, в то время как все остальные партии, вместе взятые, получили всего около 61 тыс. голосов.

Через восемь месяцев после вступления в партию, 1 февраля 1904 г., Эрнст Тельман стал членом Центрального союза немецких рабочих и работниц торговли, транспорта и путей сообщения Германии, который позже называли Германским союзом транспортных рабочих¹. Он на собственном опыте убедился, что рабочие только тогда могут вести успешную борьбу за улучшение своего положения, когда они объединятся в рядах профсоюза, чтобы сплоченно противостоять эксплуататорам. «Мое членство в профсоюзной организации я рассматривал не как вынужденную необходимость, а как членство по убеждению, налагавшее на меня обязанности, которые я, соответственно моим духовным способностям, готов был тотчас выполнять»² — так, оглядываясь в прошлое, оценивал Эрнст Тельман начало своей профсоюзной деятельности.

С вступлением в партию и в профсоюз для Эрнста Тельмана началась новая жизнь. Он регулярно посещал партийные и профсоюзные собрания. Информацию о политических событиях он черпал из социал-демократической газеты «Гамбургер эхо», которая в конце 1904 г. насчитывала около 40 тыс. подписчиков. Огромное впечатление производили на него первомайские демонстрации и собрания, выступления на них таких известных рабочих пождей, как Август Бебель.

Как и все рабочие Германии, рабочие Гамбурга приветствовали революцию 1905 г. в России. «Русская революция — это и наше дело»³, — заявил Карл Либкнехт 12 февраля 1905 г. в Лейпциге; так восприняли это событие все передовые рабочие. Они заявляли о солидарности со своими русскими братьями по клас-

¹ Vgl.: *Thälmann Ernst. Mein Lebenslauf.* — In: BzG, 1975, H. 1, S. 96; IML, ZPA, NL 3/3.

² *Thälmann Ernst. Mein Lebenslauf.* — In: BzG, 1975, H. 1, S. 96.

³ *Liebkecht Karl. Gesammelte Reden und Schriften, Bd. 1.* Berlin, 1958, S. 131.

су, черпая из нее силы для борьбы с властью имущими в собственной стране. Мысль о массовой политической забастовке захватила многих гамбургских рабочих. Бурными овациями приветствовали они Розу Люксембург, которая в своей речи в Гамбурге 14 ноября 1905 г. призывала к массовой забастовке, охарактеризовав Россию как «социального возбудителя всей Европы»¹.

Два месяца спустя рабочие Гамбурга провели первую массовую политическую забастовку в Германии. Она была направлена против дальнейшего преднамеренного ограничения избирательного права рабочих на выборах в городской парламент². Но речь шла не только об этом. Рост цен ухудшил и без того бедственное положение рабочих семей. Русская революция, ее размах вдохновили массы, и под их давлением руководства социал-демократической партии и свободных профсоюзов в Гамбурге призывали к открытому выступлению, ставшему самым крупным в рабочем движении тех лет.

17 января 1906 г., в «красную среду», сирены буксирных судов и многих фабрик в середине дня подали сигнал. Порттовые рабочие и трудящиеся других предприятий оставили свои рабочие места и, несмотря на угрозы со стороны полиции и военных, колоннами направились в залы, где должны были состояться созванные партийной организацией открытые собрания по вопросу об установлении демократического избирательного права. После митингов на улицах вновь выстроились колонны демонстрантов. Они наводнили центр города, где в ратуше шло заседание парламента, на котором обсуждался вопрос об ужесточении избирательного права для рабочих. Среди десятков тысяч демонстрантов был и Эрнст Тельман, на которого мощь и сплоченность массового движения произвели огромное впечатление.

Хотя сорвать наступление буржуазии на избирательное право не удалось, это не уменьшило значения забастовки для развития классового сознания и повышения боевой готовности рабочих.

В этом году на молодого социал-демократа, активного профсоюзного работника Эрнста Тельмана обратило внимание полицейское управление Гамбурга. В сентябре 1906 г. на него было заведено дело в политической полиции. В то время он являлся членом секции перевозчиков мебели Союза транспортных рабочих. Уже первые записи в полицейском досье свидетельствуют о том, что Эрнст Тельман энергично отстаивал интересы своих коллег. О его выступлении на собрании секции 10 сентября 1906 г. записано следующее: «Участвует в обсуждении вопроса о переговорах комиссии по заработной плате с объединением перевозчиков

¹ Hamburger Echo, 16. XI 1905.

² В 1904 г., несмотря на реакционное избирательное право, в парламент было избрано 13 социал-демократов. Это побудило буржуазию предложить проект нового избирательного права, с тем чтобы воспрепятствовать дальнейшему увеличению в парламенте числа представителей социал-демократов.

мебели»¹. Эрнст Тельман резко критиковал позицию профсоюзной комиссии в переговорах с предпринимателями.

В начале октября 1906 г. Эрнст Тельман был призван в Шлезвиг-Гольштейнский 9-й полк тяжелой артиллерии в Эренбraitштайне. На военную службу он шел сознательным противником милитаризма. Начальство считало его «красным». Но солдатом Эрнст Тельман оставался недолго. Как рассказывал Рудольф Линдау, начальники Тельмана опасались, что он может оказать «отрицательное влияние» на своих товарищей, и поспешили избавиться от него. Болезнь Эрнста Тельмана, явившаяся следствием непрекращавшихся козней против него, стала желанным поводом для его перевода в резерв «как непригодного к службе» — так было записано в его военном билете. В начале января 1907 г. Эрнст Тельман возвратился в Гамбург.

К этому времени он помирился со своим отцом. Тот предложил ему комнату, и Эрнст переселился на Вандсбекерское шоссе. Некоторое время он работал у отца, за что теперь, как и все отцовские работники, получал заработную плату. «Отношения были тогда как нельзя лучше, — читаем мы в автобиографических заметках, — и я никогда не жалел, что поступил именно таким образом».

Уже давно Эрнст Тельман мечтал о мореплаваниях, чтобы посмотреть мир. 2 октября 1907 г. он завербовался помощником котелара на пароход «Америка», обслуживавший североатлантическую линию. За этот труд, который был под силу лишь крепким мужчинам, наряду с разнообразным и далеко не обильным питанием выплачивалось 60 марок в месяц. Однако, когда на рождество 1907 г. Эрнст Тельман списывался с корабля, он не жалел о том, что познакомился с жизнью моряка. Во время непродолжительных стоянок он сходил на берег. На него произвели большое впечатление колоссальные размеры ряда американских городов и портов, технический и промышленный прогресс. Незабываемый след оставили в его памяти также нищие кварталы Нью-Йорка и позорное обращение с небелым населением США.

3

Доверенное лицо товарищей по работе

Затем Эрнст Тельман, меняя различные профессии, вновь работал в Гамбурге: рабочим на складе в порту, грузчиком в угольном бункере, на стройке, в конторах по перевозке мебели, кучером в прачечных. Везде он действовал как защитник интересов своих товарищей по работе. На многочисленных профсоюзных собраниях

¹ Staatsarchiv Hamburg (im folgenden: StA Hamburg). Die Polizeibehörde Hamburg, Abt. IV. Politische Polizei (im folgenden: Abt. IV), N 14558. (Речь идет о деле «кучера Эрнста Йоганна Фрица Тельмана».)

и выполняя функции члена комиссий, которые по поручению профсоюза добивались заключения новых коллективных договоров, он требовал повышения заработной платы, сокращения рабочего дня, улучшения условий труда, оказания помощи безработным. Это привело к первым столкновениям Эрнста Тельмана с реформистскими профсоюзными деятелями¹.

К этому времени реформисты завоевали в профсоюзах прочные позиции. Многие профсоюзные деятели из генеральных комиссий свободных профсоюзов, из правлений отдельных профсоюзных организаций и из местных правлений отвергали учение Маркса о классовой борьбе и о социалистической революции. Они упорно отрицали необходимость революционной борьбы за политическую власть, за диктатуру пролетариата как предпосылку построения социализма и утверждали, что капиталистическое общество постепенно преобразуется в социалистическое. Поэтому они ограничили деятельность профсоюзных организаций экономической борьбой, призывали к политическому нейтралитету и в практической профсоюзной работе все больше ориентировали массы на мирное соглашение с предпринимателями. Они отрицали руководящую роль партии в отношении профсоюзов. В 1905 г. В. И. Ленин писал в связи с этим, «что даже в Германии, где всего сильнее традиции марксизма и влияние его, у профессиональных союзов — заметьте: *социал-демократических* профессиональных союзов — развиваются тенденции *антисоциалистические*, тенденции к «чистому тред-юнионизму» в английском, т. е. безусловно-буржуазном духе»².

Работая на складах в гамбургском порту, Эрнст Тельман основательно изучил условия труда рабочих, в особенности молодежи. Молодые транспортные рабочие порта практически не были объединены в профсоюзную организацию, а большинство членов руководства местной организации не было заинтересовано в активной деятельности молодежи. Реформистские профсоюзные бюрократы воспринимали инициативы «снизу» как помеху. На призывы Эрнста Тельмана уделять больше внимания рабочей молодежи большинство профсоюзных деятелей отвечало лишь отговорками. Тогда Эрнст Тельман, объединившись с несколькими молодыми товарищами, потребовал созвать открытое собрание молодых рабочих. После того как профсоюзные лидеры вновь прибегли к уловкам, небольшая группа, сплотившаяся вокруг Эрнста Тельмана, начала собирать средства для снятия зала и выпустила листовки с призывом участвовать в собрании.

Уже тогда проявились характерные черты личности Эрнста Тельмана: если он считал какое-либо дело правильным, пужным, он энергично брался за него и, несмотря ни на какие препятствия, доводил его до конца.

¹ К настоящему времени имеется около 50 свидетельств о выступлениях Эрнста Тельмана на профсоюзных собраниях в период до первой мировой войны.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 326.

Собрание прошло с поразительным успехом. «В Вандельхалле, зале Дома профсоюзов, собралось около 700 молодых людей», — писал Эрнст Тельман. «Наш труд принес свои плоды. В профсоюзную организацию было принято 200 новых членов, некоторые вступили в молодежную организацию партии. Все (новые члены) значились у нас теперь поименно в списках, мы у всех побывали дома, включив их в работу районных организаций; большинство из них стало впоследствии активными борцами... В следующем общем собрании участвовала в основном молодежь. Старики были удивлены, а отчасти и обрадованы столь неожиданному повороту... Предложение организовать молодежную секцию Германского союза транспортных рабочих было принято большинством голосов и направлено в местную профсоюзную организацию для безотлагательной реализации»¹.

Рудольф Линдау, один из тогдашних руководителей социал-демократического движения в Гамбурге, вспоминает об одном собрании Союза транспортных рабочих в 1908 г., на котором в прениях выступил Эрнст Тельман. Речь шла о правах членов молодежной секции. «Эрнст Тельман не был речистым, пользовавшимся профессиональными приемами оратором, — пишет Рудольф Линдау. — Он не говорил «как по писаному», и, если у него выходило слишком длинное предложение, ему не всегда удавалось закончить его безупречно в грамматическом отношении. Эрнст Тельман оперировал фактами, из которых делал понятные каждому рабочему выводы. Его сравнения и оценки всегда были меткими, нередко грубоватыми, беспощадными... Говоря о тяжелой жизни и борьбе рабочих, он вкладывал в это всю душу, быстро приходил в волнение, непроизвольно повышая свой мощный голос и нередко сопровождая свои аргументы ударами кулака о трибуну.

Эрнст Тельман говорил о тяжелом положении молодых транспортных рабочих, которые подвергались эксплуатации в такой же мере, как и взрослые, но получали гораздо меньшую зарплату... Эрнст Тельман требовал, чтобы им, как членам профсоюза, были предоставлены равные со всеми права. Время выступления истекло. Главный уполномоченный правления гамбургского профсоюза Вильгельм Гаак взялся за колокольчик: «Коллега Тельман, ты превысил регламент!» Не прерывая своей речи, Эрнст Тельман левой рукой отмахнулся от председателя, а из аудитории донеслись громкие возгласы: «Говори дальше!»

Через несколько минут Гаак встал и, навалившись животом на стол, взмахнул колокольчиком: «Коллега Тельман, заканчивай!» Ответом были многочисленные мощные возгласы протеста: «Говори дальше!» Когда его вновь стало слышно, Эрнст Тельман, встав вилооборотом к председателю, продолжал: «Я заканчиваю!» — и говорил еще несколько минут без помех, заключив свою темпераментную речь под бурю аплодисментов»².

¹ Thälmann Ernst. Mein Lebenslauf. — In: BzG, 1975, H. 1, S. 98.

² Deutschlands unsterblicher Sohn, S. 36—37.

Насколько близко к сердцу принимал Эрнст Тельман дела и заботы своих товарищей по работе, проявилось во время его работы кучером, а с лета 1909 г. до лета 1910 г. экспедитсром в прачечной Густава Вельшера в Вандсбеке. То, что все рабочие и работницы этого предприятия были членами профсоюза, являлось его заслугой. Он добился предоставления своим коллегам по работе социальных прав, предлагал меры по облегчению и целесообразной организации их труда. Когда владелец прачечной предложил ему пост делопроизводителя, потребовав от него отказаться от профсоюзной работы на предприятии и прекратить политическую деятельность, Эрнст Тельман ответил отказом. Политические убеждения были для него дороже, чем хорошо оплачиваемое место. Эрнст Тельман уволился и вновь стал работать кучером в другой прачечной.

Уход от Вельшера принес, как писал Эрнст Тельман, «новое счастье» в его личную жизнь. На новом месте он познакомился с Розой Кох, своей будущей женой, которая работала здесь гладильщицей. Она была дочерью сапожника и выросла вместе со своими семьей братьями и сестрами в Бергфельзе (Гольштейн). По воскресеньям Эрнст с Розой ходили в кино или на танцы. «Вдвоем или с его близкими друзьями мы часто ездили на Эльбу, иногда за город, в лес», — рассказывала впоследствии Роза. Эрнст стал оказывать влияние и на политическое развитие Розы. До этого времени она не принимала никакого участия в борьбе рабочего класса. «У меня раскрылись глаза лишь тогда, когда на работе, в гамбургской прачечной «Похвала женщинам» я встретила с Эрнстом Тельманом... Забастовка наших рабочих победно завершилась повышением заработной платы. Мы отпраздновали это событие 1 Мая»¹.

Эрнст Тельман отстаивал не только экономические интересы своих коллег по работе; в своих речах и предложениях, которые он выдвигал на профсоюзных собраниях, он призывал к повышению боевитости профсоюзов, к укреплению солидарности между рабочими и к расширению внутрипрофсоюзной демократии.

Чем более обострялась классовая борьба, тем настоятельнее становилась необходимость преодоления раздробленности профсоюзов. В 1910 г. профсоюзные организации моряков и портовых рабочих объединились с Германским союзом транспортных рабочих. Но такая централизация могла повысить боеспособность профсоюзов только при условии, что это не усилит влияния профсоюзной бюрократии, а, напротив, сохранит и расширит профсоюзную демократию. Поэтому Эрнст Тельман выступал за то, чтобы все важные решения по-прежнему принимались на общих профсоюзных собраниях. Когда в августе 1911 г. гамбургские руководители Германского союза транспортных рабочих вынесли на обсуждение членов профсоюза «Проект статута общего собрания профсоюзной организации района Гамбург I», Эрнст Тельман

¹ Tägliche Rundschau (Berlin), 1. V 1951.

неоднократно выступал на собраниях против предложения ввести систему делегирования. Он опасался, что введением такой системы будет усилено влияние реформистских профсоюзных деятелей, у которых уже были весьма прочные позиции в городском правлении. Он подчеркивал, что делегаты никогда не смогут составить «сильную оппозицию»¹. Поэтому он высказался против мелочной опеки над членами профсоюзов и требовал, чтобы они могли сами выступать на общих собраниях. По этому вопросу в августе 1911 г. Эрнст Тельман вел на страницах газеты «Гамбургер эхо» полемику с представителем Союза фабричных рабочих Максом Хегеманом. Это было его первым выступлением в партийной прессе².

Вся профсоюзная деятельность Эрнста Тельмана являлась примером того, как тесно уязывали активные члены партии свою работу в профсоюзах с разъяснением политики рабочей партии. Выступая на собрании транспортных рабочих 16 ноября 1911 г., он указывал, что ввиду развернувшейся предвыборной борьбы в связи с выборами в рейхстаг следует внутрипрофсоюзные проблемы отодвинуть на второй план. Необходимо обеспечить такой состав рейхстага, говорил он, который не допустил бы принятия каких-либо исключительных законов против профсоюзов. Эрнст Тельман заявил протест против драконовских приговоров социал-демократам, лишенным свободы за профсоюзную деятельность. В заключение под оглушительные аплодисменты он обратился к присутствующим с призывом вступать в социал-демократическую партию.

Настойчивой борьбой за интересы рабочих Эрнст Тельман все больше завоевывал симпатии и доверие товарищей по работе. Они стали возлагать на него важные общественные функции.

В июне 1912 г. Эрнст Тельман в качестве делегата принимал участие в съезде Германского союза транспортных рабочих. Выступая в прениях, Эрнст Тельман, как и в Гамбурге, осудил проявления реформизма. Он заявил, что «наша организация все больше занимается попечительством, нежели борьбой»³, и призвал собравшихся хранить боевой характер профсоюзов. Он выступил в защиту демократических прав членов профсоюзов и внес предложение выбирать делегатов на съезды непосредственно в секциях, поскольку их члены лучше всего могли определить наиболее подходящих для этого людей. Эрнст Тельман потребовал также расширить права молодых членов профсоюзов. «Именно из среды молодежи следует готовить хороших агитаторов на будущее»⁴.

¹ Hamburger Echo, 11. III 1913.

² Vgl. ebenda, 24. VIII 1911.

³ Deutscher Transportarbeiter-Verband. Protokoll des 8. Verbandstages. Abgehalten vom 9. bis 14. Juni 1912 in dem Etablissement «Deutscher Kaiser» zu Breslau. Protokoll der General-Versammlung der «Fakultativen Unterstützungseinrichtungen». Abgehalten am 12. Juni 1912. Berlin, 1912, S. 86.

⁴ Ebenda, S. 85.

Поэтому, заявил он, во всех крупных местных организациях необходимо создать молодежные секции, как это уже было сделано в Гамбурге и Берлине.

На профсоюзном съезде, состоявшемся в июне 1914 г. в Кёльне, Эрнст Тельман вновь высказался за сохранение боевого характера профсоюза. Он заявил также о том, что коллективные договоры «не следует заключать на слишком большой срок», поскольку они часто «устаревают в результате экономических изменений»¹. Против реформистской профсоюзной бюрократии было также направлено предложение Тельмана не допускать назначения сотрудников организации правлением профсоюза в Берлине. Как говорилось в предложении делегатов Гамбурга, сотрудники «должны избираться членами соответствующего правления»². Необходимо, чтобы они «пользовались доверием членов профсоюзной организации»³.

4

В рядах левых сил Германии

С 1910 г. в «Гамбургер эхо» все чаще стали появляться сообщения о выступлениях Эрнста Тельмана на общих собраниях социал-демократической организации района Айльбек, на собраниях делегатов партийной организации третьего гамбургского избирательного округа по выборам в рейхстаг и земельной организации социал-демократов Гамбурга. Молодой социалист был уже одним из ведущих деятелей своей партии.

К этому времени партия пемецких социал-демократов выросла в крупную организацию, насчитывавшую 720 тыс. членов. На выборах в рейхстаг в 1907 г. она получила 3,3 млн. голосов. В 1910 г. партия имела 52 депутата в рейхстаге, 186 депутатов в ландтагах и 7729 представителей общин. Она выпускала 83 газеты, 76 из которых выходили 6 раз в неделю. В 1907 г. партийная организация Гамбурга, насчитывавшая почти 33 тыс. членов, получила 112 892 голоса, вновь одержав победу во всех трех избирательных округах города.

Однако эти успехи не могли заслонить собой того факта, что оппортунизм как буржуазная идеология и политика внутри рабочего движения укрепился в рядах партии. Оппортунизм стал необходим империализму для сохранения его господства. В то же время монополистический капитализм был социальной, экономической и политической питательной средой оппортунизма. В этом

¹ Deutscher Transportarbeiter-Verband. Protokoll des 9. Verbandstages. Abgehalten vom 7. bis 13. Juni 1914 im «Volkshaus» zu Köln am Rh. Berlin, 1914, S. 104.

² Ebenda, S. 34.

³ Ebenda, S. 104.

состоит закономерная связь между империализмом и оппортунизмом. «Основная идея оппортунизма,— писал В. И. Ленин,— есть союз или сближение... буржуазии и ее антипода»¹. Разложению пролетарской партии окровавленными правыми оппортунистами способствовали центристы. Прикрываясь лозунгом «За единство партии», они затушевывали противоречия между правыми силами и левыми силами, марксистами внутри социал-демократических партий. Ленин писал, что центризм возник как «социальный продукт противоречий II Интернационала, соединения верности марксизму на словах и подчинения оппортунизму на деле»². Своими псевдореволюционностью и псевдомарксизмом центризм долгое время прикрывал кризис социал-демократии.

Непримиримую позицию по отношению к оппортунистическим течениям занимали левые. Их выдающимися представителями были Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Франц Меринг и Клара Цеткин. Выступая с позиций последовательной классовой борьбы против империализма, милитаризма и войны, борьбы за мирное, социалистическое будущее немецкого народа, они олицетворяли собой самые передовые, марксистские силы немецкого рабочего движения. В своей борьбе они опирались на широкий круг рядовых членов и функционеров социал-демократических партийных организаций.

Среди гамбургских социал-демократов, в том числе в редакции газеты «Гамбургер эхо», в правлениях земельной организации, в организациях избирательных округов и особенно в низовых партийных организациях было немало по-революционному настроенных функционеров. Заслугой гамбургской социал-демократии стал выпуск социалистических брошюр. Так, в 1906 г. была издана большим тиражом и распространена среди членов партии по себестоимости брошюра «Массовая стачка, партия и профсоюзы», написанная Розой Люксембург по заданию гамбургской партийной организации. В выпускавшейся с 1907/08 г. серии брошюр были напечатаны произведения классиков марксизма, в том числе «Манифест Коммунистической партии», а также произведения Августа Бебеля, Карла Каутского, Франца Меринга и других. Партия организовывала лекционные вечера и учебные курсы по экономическим, историческим и актуальным политическим вопросам. Участвуя в этих мероприятиях, Эрнст Тельман познакомился с основополагающими идеями Маркса и Энгельса. В гамбургской, как и во всех партийных организациях, все более необходимой становилась борьба против усиливавшегося влияния оппортунизма.

Примерно с 1908 г. Эрнст Тельман являлся руководителем одной из первичных организаций социал-демократов. Затем он вошел в состав руководства районной организации и был избран де-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 151.

² Там же, с. 324.

легатом на собрание представителей крупнейшей организации избирательного округа Гамбурга и на собрание делегатов земельной парторганизации Гамбурга. Вскоре он стал постоянным докладчиком на партийных собраниях и собраниях населения. К этому добавлялась разносторонняя профсоюзная деятельность. «Все эти посты,— писал позже Эрнст Тельман,— были неоплачиваемые, но на них уходило почти все мое свободное время, так что, за редким исключением, я почти каждый вечер куда-либо выезжал или занимался политической работой»¹.

Как в партийной организации, так и в Союзе транспортных рабочих Эрнст Тельман выступал за сохранение боевого характера первомайских мероприятий. О характере майских праздников между революционными и оппортунистическими силами в немецком рабочем движении велись все более ожесточенные споры. Уже 13 апреля 1907 г. на собрании секции кучеров Союза транспортных рабочих Эрнст Тельман высказал мнение о том, что 1 Мая должно быть отмечено «прекращением работы». Он критиковал товарищей, «выступавших против празднования 1 Мая». Эрнст Тельман и его единомышленники в профсоюзах видели «в майской демонстрации действенное средство агитации за классовую борьбу, за завоевание восьмичасового рабочего дня и за укрепление солидарности между группами рабочих»². Так было записано в резолюции профсоюзного собрания, на котором Эрнст Тельман выступил в дискуссии о майских праздниках. Такие профсоюзные деятели, как Эрнст Тельман, отвергали идею превращения дня борьбы международного рабочего класса в аполитичный народный праздник путем его переноса на ближайшее воскресенье — это означало бы отказ от прекращения работы.

В 1908 г. съезд социал-демократической партии, состоявшийся в Нюрнберге, принял решение, обязывавшее всех членов партии, которые праздновали 1 Мая и не пострадали от вычетов из заработной платы, сдать в партийную и профсоюзную кассы свой дневной заработок. Эти деньги должны были быть использованы для помощи рабочим, уволенным за участие в первомайских забастовках. Выступая на различных партийных собраниях, Эрнст Тельман подчеркивал необходимость выполнять это решение, являвшееся выражением солидарности между рабочими. Когда Хемницкий съезд 1912 г. 270 голосами против 221 отменил постановление об отчислении дневного заработка, Эрнст Тельман выступил 26 сентября 1912 г. на собрании делегатов парторганизации социал-демократов третьего избирательного округа Гамбурга с резким осуждением этого решения.

На совместном собрании делегатов социал-демократической земельной организации и объединения профсоюзных организаций Гамбурга, Альтоны и их окрестностей, состоявшемся 13 июля

¹ *Thälmann Ernst. Mein Lebenslauf.*— In: BzG, 1975, H. 1, S. 100.

² *Hamburger Echo*, 30. IV 1907.

1914 г. в Гамбурге, правления партийной и профсоюзных организаций вновь выступили против проведения майского праздника. В предложенной собранию резолюции содержалось требование, чтобы «характер проводимых 1 мая мероприятий...» оставался делом «отдельных наций»¹, то есть отдельных партий II Интернационала. Речь шла о затеянной партийным руководством и генеральной комиссией профсоюзов акции, которая преднамеренно была начата в «цитадели» социал-демократии — Гамбурге.

Чтобы ввести в заблуждение массы, оппортунистические лидеры утверждали, что ежегодный отказ от работы 1 мая можно рассматривать как плохо организованную забастовку, к которой предприниматели ввиду твердо установленного срока ее проведения всегда подготовлены и на которую они регулярно отвечают увольнением бастующих. Свое предложение они демагогически обосновали тем, что воздержавшиеся от отказа от работы 1 мая «высвобожденные силы» можно было бы лучше мобилизовать на другие экономические и политические битвы пролетариата. Это решение должно было «обеспечить стихийную вспышку майского праздника... чтобы он сверкнул как молния, как только для этого возникнет революционная ситуация»².

Эрнст Тельман выступил на собрании с протестом против данного оппортунистического решения и с критикой Генриха Штуббе, сделавшего доклад по этому вопросу. «Из слов Штуббе можно сделать вывод, — заключил он, — что с празднованием 1 Мая следует покончить»³. С другой стороны, Штуббе говорил об опасности, угрожавшей праву на создание коалиций и избирательному праву. Но именно для того, чтобы сорвать планы реакции, подчеркивал Тельман, необходимо 1 мая прекращать работу и проводить демонстрации. Если же майский праздник будет отменен, то тогда боевой дух рабочих ослабнет и в проведении других акций. Принятие такого решения стало бы для гамбургских рабочих «свидетельством бессилия». Но, несмотря на эту критику, поддержанную другими выступавшими, большинством голосов было принято оппортунистическое решение⁴.

Через несколько дней в статье «Абсурднейшая тактика» Роза Люксембург выступила против позиции, занятой гамбургской партийной организацией. Как и Эрнст Тельман, она оценила решение о майском празднике «как отмену майского праздника вообще». Роза Люксембург предостерегала: «Для немецкого рабочего класса не может быть ничего более абсурдного и постыдного, чем родившееся в самой Германии предложение об отмене международного майского праздника, это свидетельство малодушия и самоотречения пролетариата»⁵.

¹ Hamburger Echo, 15. VII 1914.

² Ebenda, 25. VII 1914.

³ Ebenda, 15. VII 1914.

⁴ Vgl.: ebenda.

⁵ Luxemburg Rosa, Gesammelte Werke, Bd. 3. Berlin, 1973, S. 473, 475.

Эрнст Тельман занял также активную позицию по вопросу о возможности поддержки со стороны партии кандидатов от либеральной партии в противовес консерваторам, когда в ходе выборов в рейхстаг в некоторых избирательных округах дело доходило до перебаллотировки кандидатов от этих двух буржуазных партий. Указывая проблема уже давно играла важную роль в деятельности социал-демократов. Левые критиковали одностороннюю под влиянием оппортунистов ориентацию партии на парламентскую деятельность. Эта опасность усиливалась заключением в ходе выборов союзов с либерально-буржуазными силами.

На многочисленных собраниях Эрнст Тельман высказывал свое недовольство по поводу заключения таких союзов в случаях перебаллотировки. Поэтому резолюцию Йенского партийного съезда 1911 г. по выборам в рейхстаг он считал «ошибочной»¹. Как сообщала газета «Гамбургер эхо», он заявил о своем несогласии с оказанием поддержки буржуазно-либеральным кандидатам, поскольку им нельзя было доверять, даже несмотря на их заверения перед выборами, что они намерены выступать в рейхстаге в защиту демократических прав. Он правильно усматривал в такой предвыборной тактике опасность махинаций в парламенте со стороны оппортунистов, но не сознавал еще того, что заключение избирательных союзов с левыми буржуазными силами при условии соблюдения революционных принципов может быть полезным для классовой борьбы пролетариата. Поэтому лидеры левых не отвергали в принципе союза с буржуазией в случаях перебаллотировки, но решительно осуждали отказ оппортунистов от революционной тактики в ходе предвыборной борьбы.

В 1913 г. германский империализм усилил подготовку к войне. В марте рейхскамплер Бетман-Гольвег выступил с обоснованием законопроекта о вооруженных силах, согласно которому только сухопутные войска должны были увеличиться в течение двух лет на 136 тыс. человек. Источниками финансирования должны были стать крупное разовое чрезвычайное военное ассигнование и налог с имущества.

Прибегнув к тактическим уловкам, задававшие тон в рейхстаге круги стремились к раздельному голосованию по законопроекту о вооруженных силах, содержавшему требования увеличения вооружений, и по законопроекту о военных расходах, предусматривавшему необходимые ассигнования. В этой связи в социал-демократической фракции рейхстага разгорелись жаркие споры. Большинство решило отклонить законопроект о вооруженных силах, но принять законопроект о военных расходах, мотивируя это тем, что, поскольку его основой является налог с имущества, он усилит бремя, которое несут имущие слои. Левые резко осудили такую измену важному принципу марксизма: не поступаться в пользу этой системы «ни человеком, ни пфеннигом». На Йенском съезде

¹ Hamburger Echo, 28. IX 1911.

социал-демократической партии в сентябре 1913 г. Роза Люксембург предостерегала, что позиция фракции, одобрявшей 30 июня законопроект о военных расходах, в случае войны должна логично привести к одобрению социал-демократами военных ассигнований¹.

В социал-демократических организациях также наблюдалось столкновение разных точек зрения. В Гамбурге на собрании организации района Айльбек 8 августа 1913 г. Эрнст Тельман заявил, что он «не согласен с позицией фракции...» по «вопросу о военных расходах»². Два дня спустя на другом собрании он сказал, что расходы по реализации законопроекта о вооруженных силах в любом случае лягут на плечи народных масс³.

На собрании районной организации Айльбека 25 сентября 1913 г. Эрнст Тельман резко выступил против председателя Германского союза строительных рабочих, оппортуниста чистейшей воды Августа Винцинга, сделавшего сообщение об Йенском партийном съезде. Винцинг поддерживал позицию парламентской фракции, демагогически аргументируя это тем, что отклонение фракцией «налога с имущества» могло бы «вынудить правительство внести предложения о других налогах, которые обременили бы широкие массы». Как писала газета «Гамбургер эхо», Эрнст Тельман отстаивал «точку зрения меньшинства парламентской фракции в том виде, как она была выражена на партийном съезде»⁴. Он ссылаясь на проект резолюции по вопросу о налогах, который предложила на Йенском партийном съезде Роза Люксембург. В этом проекте милитаризм назывался «сильнейшим средством припущдения в руках господствующих классов», против которого «совершенно необходимо вести самую решительную борьбу». «Все законопроекты, которые вносятся в рейхстаг в целях усиления милитаризма, в том числе и проекты по введению налогов для покрытия военных расходов, независимо от того, идет ли речь о прямых или косвенных налогах, следует отклонять»⁵.

В связи с обсуждением в рейхстаге законопроекта о вооруженных силах «вопрос о массовых забастовках,— как констатировала Роза Люксембург,— со всей силой стал на повестку дня»⁶. Эрнст Тельман принадлежал к тем гамбургским социал-демократам, которые и тут последовательно придерживались пролетарских позиций. Выступая на многочисленных партийных и профсоюзных собраниях, он убежденно говорил, что отношение к массовым

¹ Vgl.: *Luxemburg Rosa. Gesammelte Werke*, Bd. 3, S. 341.

² *Hamburger Echo*, 12. VIII 1913.

³ Vgl. ebenda.

⁴ Ebenda, 30. IX 1913.

⁵ *Dokumente und Materialien zur Geschichte der Deutschen Arbeiterbewegung* (im folgenden: *Dokumente und Materialien...*), Bd. IV. Berlin, 1967, S. 464.

⁶ *Luxemburg Rosa. Gesammelte Werke*, Bd. 3, S. 346—347.

политическим забастовкам — это один из тех вопросов, в которые прежде всего должна быть внесена ясность, чтобы партия могла выполнить свои задачи в обострившейся обстановке. В противоположность взглядам оппортунистов, считавших массовую забастовку «обоюдоострым оружием», которое-де может разрушить также организации рабочего класса, и пренебрежительным утверждениям, будто Роза Люксембург «пропагандирует русский метод», Эрнст Тельман требовал от партии, чтобы она «готовила массовую забастовку», четко признав ее в качестве средства борьбы¹.

На упомянутом собрании организации района Айльбек 25 сентября 1913 г. он заявил, что поддерживает требование Розы Люксембург развернуть подготовку к массовым выступлениям, которое она и другие делегаты выдвинули на Йенском съезде партии. Во внесенном ими предложении говорилось о необходимости «решительной и последовательной наступательной тактики во всех областях, которая сознательно переносит центр тяжести борьбы на открытые выступления масс»². «Гамбургер эхо» писала по этому поводу, что «в своих развернутых выступлениях Тельман отстаивает позицию Розы Люксембург по вопросу о массовых забастовках»³.

К кануну первой мировой империалистической войны Эрнст Тельман — ему тогда уже исполнилось 28 лет и он уже более десяти лет являлся членом социал-демократической партии и организации свободных профсоюзов — стал известным в Гамбурге функционером, пользовавшимся уважением своих товарищей по классу. Доверенное лицо своих коллег по труду, он самоотверженно боролся за их социальные и политические интересы. Эрнст Тельман занимал прочные классовые пролетарские позиции. Он выступал против оппортунистических действий правых партийных и профсоюзных деятелей, которые, как и по всей Германии, все в большей мере определяли политику партии в Гамбурге, уже давно изменив тем социалистическим принципам, которыми руководствовались Эрнст Тельман и десятки тысяч революционных социал-демократов. По важным вопросам классовой борьбы этот выполнявший многочисленные функции транспортный рабочий стоял на позициях выдающихся представителей левых в немецком рабочем движении. Он был одним из пролетарских сторонников левого течения в немецкой социал-демократии, которые твердо придерживались принципов марксизма, революционных традиций и были верны социалистическим целям борьбы.

¹ Hamburger Echo, 12. VIII 1913.

² Dokumente und Materialien... Bd. IV, S. 462.

³ Hamburger Echo, 30. IX 1913.

5 Против империалистической войны!

В начале лета 1914 г. обстановка в Европе резко ухудшилась. Германские пушечные короли, юнкеры и милитаристы, которые уже давно вели подготовку к войне, использовали покушение сербских националистов на наследника австрийского престола 28 июня в Сараево в качестве повода для последних приготовлений к развязыванию войны, которая должна была, по их расчетам, обеспечить им господство в Европе и завоевание огромной колониальной империи.

Господствующие классы Франции, Великобритании, России и их союзники также преследовали далеко идущие империалистические цели. Они стремились не только воспрепятствовать переделу мира в пользу германского империализма и устранить этого ставившегося все более сильным соперника, но и увеличить путем войны свои области империалистического господства и сферы влияния.

Эрнст Тельман был убежден, что приближавшаяся война отвечала лишь интересам стремившихся к пажибе капиталистов и была преступлением в отношении трудового народа. Он со всей серьезностью воспринял антивоенные решения, принятые на международных социалистических конгрессах и на съездах немецких социал-демократов. В конце июня — начале июля 1914 г., когда по всем признакам вот-вот должна была начаться война, он выступил с призывом обсудить на партийных и профсоюзных собраниях характеризовавшуюся военной угрозой обстановку и меры, необходимые для предотвращения войны.

Вместе с другими рабочими своего города Эрнст Тельман пытался воспрепятствовать шовинистической истерии, развязанной империалистической буржуазией и ее писателями на страницах буржуазной прессы. Как и в других городах, в последние дни июля на улицах Гамбурга можно было увидеть толпы подстрекаемых поджигателями войны деклассированных элементов и прочего сброда. Дело доходило до столкновений с рабочими. Эрнсту Тельману довелось стать участником такой рукопашной схватки, затеянной у Главного вокзала горлающей толпой студентов. 28 июля он участвовал в одном из 19 многочисленных собраний гамбургских социал-демократов, на которых тысячи рабочих решительно протестовали против военной угрозы. Эрнст Тельман надеялся получить здесь ответ на волновавший его вопрос: как следует рабочим вести борьбу против войны? Однако его постигло разочарование. Почти все ораторы ограпичивались лишь описанием грозившей опасности мировой войны и ее последствий для народных масс. После принятия не содержавшей каких-либо конкретных мер резолюции, в которой подтверждалось стремление рабочего класса

к миру и содержался призыв к правительству оказать сдерживающее влияние на Австрию, участников собрания отправили по домам.

Через несколько дней, 1 августа, на улицах у столбов для афиш и объявлений стали собираться толпы людей. Огромные плакаты извещали о мобилизации. В тот же день правительство Германии объявило войну России, 3 августа последовало объявление Германией войны Франции. 4 августа, нарушив международное право, германские войска совершили нападение на Бельгию; после этого Англия объявила Германии войну. Началась первая мировая война, носившая с обеих сторон империалистический характер.

К ужасу классово сознательных рабочих, «Гамбургер эхо» с каждым днем все более явно сворачивала на курс войны. 4 августа упомянутая социал-демократическая газета писала: «Нам не избежать этого кровавого водоворота, мы должны защищать родину». Используя злобный шовинистический жаргон, «Гамбургер эхо» заявляла: «На фронтах развернулась борьба и против Востока и против Запада... Но если даже дело дойдет до самого худшего, если на нас ополчится еще больше врагов, мы должны будем стиснуть зубы и защищаться».

Тяжелейшим ударом для революционных рабочих явилось сообщение о том, что 4 августа социал-демократическая фракция в рейхстаге голосовала за военные кредиты. Это было изменой интересам рабочего класса, социализму и пролетарскому интернационализму и со всей очевидностью свидетельствовало о том, что оппортунистические партийные и профсоюзные лидеры, проводившие политику раскола немецкого рабочего движения, находились на стороне буржуазии. Эрнст Тельман, как и многие революционно настроенные рабочие, был возмущен действиями правых социал-демократических лидеров. В нем крепло убеждение, что защита интересов рабочих исключает совместные действия с правыми. Вспоминая об этом черном дне в истории немецкого рабочего движения, он позднее писал: «4 августа 1914 г. одним ударом сорвало маску, за которой до тех пор скрывался процесс обуржуазивания германской социал-демократии, происходящий на базе империалистического развития Германии и образования рабочей аристократии. Для масс классово сознательных рабочих-социалистов 4 августа явилось страшным ударом, мучительным разочарованием. То, за что они боролись, во что верили — партия и социалистический интернационал, — больше не существовало.

Красное знамя классовой борьбы пролетариата было поругано и втоптанно в грязь»¹.

Почти во всех социал-демократических партиях взял верх оппортунизм. II Интернационал распался. В 1914 г. В. И. Ленин писал: «Вожди Интернационала совершили измену по отношению

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи. К истории германского рабочего движения (ноябрь 1928 г.—сентябрь 1930 г.). М., 1958, т. 2, с. 15.

к социализму, голосуя за военные кредиты, повторяя шовинистические («патриотические») лозунги буржуазии «своих» стран, оправдывая и защищая войну, вступая в буржуазные министерства воюющих стран и т. д. и т. п. ...Ответственность за это опозорение социализма ложится прежде всего на немецких социал-демократов, которые были самой сильной и влиятельной партией II Интернационала»¹. В противовес этому руководимая Лениным партия большевиков развернула последовательную борьбу против войны, разработав революционную программу превращения империалистической войны в войну гражданскую. Также и в других странах из числа лучших представителей рабочего движения начала формироваться оппозиция против войны и социал-шовинизма.

Лидеры гамбургской социал-демократии всеми средствами пытались не допустить развертывания в партийной организации дискуссии по вопросам военной политики, но они не могли остановить процесс формирования оппозиции. Ее возглавили Генрих Лауфенберг, Фриц Вольфгейм и Карл Герц. 13 августа 1914 г. они передали в редакцию «Гамбургер эхо» заявление, в котором характеризовали мировую войну как «войну в интересах международного финансового капитала». «В своей основе, — писали они, — это война между молодым, стремящимся к экспансии германским империализмом и укрепившимся, почувствовавшим угрозу себе английским империализмом». В заключение они заявляли протест газете «Гамбургер эхо», «оценка которой происходивших событий мало чем отличалась от буржуазных оценок»².

Стремясь приглушить растущее недовольство среди членов партии, правление организовало собрания около 400 постоянных партийных агитаторов, входивших в состав так называемой комиссии докладчиков. Кроме того, в конце лета и осенью были проведены заседания уполномоченных партийных организаций всех трех избирательных округов Гамбурга. На этих собраниях, проходивших за закрытыми дверями, правые развязали бешеную травлю в отношении представителей оппозиции. Отрицая империалистический характер войны, они спекулировали на справедливой ненависти немецких рабочих к реакционному царизму, пытались оправдывать захватническую политику германского империализма и призывали к «защите отечества»³.

Эрнст Тельман, являвшийся членом комиссии докладчиков и партийным уполномоченным, вместе с другими левыми социал-демократами выступил против социал-шовинистов, отмежевываясь от империалистической пропаганды, которую они вели на страницах «Гамбургер эхо». Позже, уже будучи функционером КПГ, он

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 17—18.

² Laufenberg Heinrich, Wolffheim Fritz, Herz Carl. Organisation, Krieg und Kritik. Dokumente zu den Hamburger Parteidebatten, (Hamburg) o. J., S. 16.

³ Vgl.: IML, ZPA, NL 6/2.

неоднократно возвращался к своей позиции по вопросу о войне, которую занял в 1914 г. На 11-м конгрессе Германского союза транспортных рабочих в сентябре 1922 г. в Берлине Тельман ссылался на то, что он уже «на партийных собраниях нашей старой социал-демократической партии начал борьбу... против Штольте-на, Перпера и прочих руководителей, поддерживавших политику войны. Я уже тогда заявлял, что, одобрив военные кредиты, партия перечеркнула решения международных конгрессов»¹.

Эрнст Тельман был также крайне возмущен выступлениями профсоюзной прессы, состоявшейся в шовинизме с партийными газетами. На заседании гамбургского правления Германского союза транспортных рабочих он самым решительным образом протестовал против статьи в органе союза «Курьер», появившейся в октябре 1914 г., в которой говорилось, в частности: «Гнусные планы вероломного кровавого царя и его союзников... разобьются о беспримерное мужество немецких и австрийских войск... Сегодня на башнях Антверпена развеивается немецкий флаг; надеемся, что это навсегда»². Профсоюзные деятели сочли уместным отмежеваться от этой статьи. Однако на следующем общем собрании им вновь удалось так затянуть обсуждение «пасущих» вопросов внутренней жизни союза, что, несмотря на усилия Эрнста Тельмана, дискуссия о пагубной роли правых профсоюзных деятелей, состоящих на службе германского империализма, была сорвана.

В начале января 1915 г. Эрнст Тельман обратился к своим единомышленникам с призывом: «Вы должны идти в пиззы!»³ Он указывал, что дискуссиями с партийными бюрократами ничего не добьешься, поэтому необходимо в пиззовых партийных организациях и на предприятиях привлекать рабочих к борьбе против войны. Благодаря кропотливой работе революционных функционеров оппозиционное движение в Гамбурге постепенно принимало организованные формы. Участились проявления солидарности с оппозиционными силами, объединившимися вокруг Генриха Лауфенберга. Этот процесс, однако, был затруднен тем, что выбыли из борьбы лучшие представители рабочего класса, призванные на фронт. Военная администрация Альтоны, чья исполнительная власть распространялась и на Гамбург, все чаще запрещала проведение мероприятий социал-демократической партии, что было на руку оппортунистическим лидерам, стремившимся подавить оппозицию.

Как и в Гамбурге, преодолевая многочисленные препятствия, формировалась оппозиция против войны также в других городах Германии. Сплотившиеся вокруг Карла Либкнехта, Розы Люксембург, Франца Меринга и Клары Цеткин левые разоблачали империалистический характер войны и призывали к борьбе против «классового мира», который правые социал-демократические

¹ Deutscher Transportarbeiter-Verband (Deutscher Verkehrsbund). Protokoll über die Verhandlungen des 11. Verbandstages. Berlin, 1922, S. 224.

² Courier (Berlin), 25. X 1914; IML, ZPA, NL 6/2.

³ Deutschlands unsterblicher Sohn, S. 39.

лидеры заключили с монополистами, милитаристами и юнкерами. «Нет!», произнесенное Карлом Либкнехтом 2 декабря 1914 г. в рейхстаге при голосовании за военные кредиты и нашедшее отклик у пролетариев других стран, окончательно опровергнуло оппортунистическую ложь о единодушной поддержке империалистического «отечества» немецким рабочим движением. Оно подорвало «классовый мир», дав толчок революционному антивоенному движению. В. И. Ленин назвал Карла Либкнехта и его товарищей надеждой «всех интернационалистских элементов»¹.

В начале января 1915 г. Эрнст Тельмана призвали в армию. 14 января он должен был явиться в запасной батальон 20-го Лауэнбургского полка тяжелой артиллерии гарнизона Нойбрейзах. 13 января, за несколько часов до своего отъезда из Гамбурга, Эрнст Тельман вступил в брак с Розой Кох. Позже Роза Кох рассказывала: «Через два часа после заключения нами брака Эрнст должен был стать солдатом... и я осталась одна. Два года мой муж, как и другие, не получал отпуска, он не мог приехать домой даже на короткое время... Как я ненавидела войну!»²

После трехмесячной подготовки в гарнизоне Эрнст Тельман был отправлен на фронт в Шампань. С осени 1914 г., когда авантюристические планы блицкрига германских милитаристов потерпели фиаско, противостоявшие друг другу армии перешли к изнурительной позиционной войне.

Классово сознательный рабочий, Эрнст Тельман и на фронте не скрывал, что решительно осуждает империалистическую войну. «С самого первого дня он был против войны; он ругал ее на чем свет стоит»³, — вспоминал Фридрих Бок, который был призван на военную службу вместе с Эрнстом Тельманом. Часто происходили столкновения с командирами, которые как в казарме, так и на фронте стремились вытравить у солдат всякое самостоятельное мышление и добиться слепого повиновения. Придирчивая, бессмысленная муштра вызывала у Тельмана раздражение. Он не мог оставаться спокойным при виде позорных издевательств, с помощью которых командиры пытались заставить солдат повиноваться. Летом 1915 г. при перевозке боеприпасов он увидел пехотинца, который вместо строгого ареста был привязан к дереву. Он рассказал об увиденном солдатам своей батареи, назвав такое наказание средневековым живодерством. Об этом было доложено командиру батареи, который наказал непокорного капошира внеочередным парядом. Но вместо этого Эрнст Тельман отправился к солдатам соседнего подразделения. За уклонение от службы он получил трое суток строгого ареста. Вскоре после этого он по той же причине получил еще трое суток ареста.

Чем более натянутыми становились отношения Эрнста Тельмана с командирами, тем легче он налаживал контакты со своими

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 338.

² Tägliche Rundschau, 1. V 1951.

³ IML, ZPA, EA 1400/1.

товарищами по несчастью. Готовность прийти на помощь в повседневных тяготах солдатской жизни была для него само собой разумеющимся делом. Он бесстрашно брал своих товарищей под защиту от придирок начальников.

Доверие со стороны товарищей способствовало тому, что Эрнст Тельман оказывал влияние и на их политические взгляды. Пресса и события на фронте давали достаточно материала для обсуждения. От своей жепы Эрнст Тельман получал «Гамбургер эхо», на передовые статьи которой, как рассказывает Фридрих Бок, он прямо-таки набрасывался. «Там можно было найти весьма сомнительные вещи, о которых Эрнст всегда высказывал свое мнение»¹. Он был возмущен «педостойным националистическим тоном»² таких правых профсоюзных лидеров, как секретарь правления Германского союза транспортных рабочих Пауль Мюллер, который поддерживал в «Курьере» военную политику германского империализма.

Передко Эрнст Тельман получал от Якоба Рипера и других своих друзей газету «Бремер бюргер-цайтунг», на которую известное влияние оказывали левые. В одном из писем к Рудольфу Линдау Эрнст благодарил его за «присланную по полевой почте посылку с домашним «печеньем», которое поправилось ему самому и которым он угостил своих товарищей». «Не забудь обо мне, когда снова будет печь», — писал Эрнст Тельман. Рудольф Линдау объясняет: «Речь шла о небольшой картонной коробке, какую в то время везде можно было купить и которая предназначалась специально для пересылки пирожных. Среди прочего в ней находились листовки «Спартак»³.

После политических докладов, которые делали офицеры-инструкторы, в казарме, в окопах или во время работ Тельман устраивал солдатские дискуссии. В дни затишья ему время от времени удавалось проводить где-либо в укромном месте более длительные беседы с политически зрелыми солдатами. Об этом свидетельствуют заметки в его записной книжке и «Критические заметки по политическим вопросам»⁴. Его оценки политических событий служили для многих поводом для размышлений о войне и ее причинах.

Ценой огромных потерь германская армия к 1916 г. захватила на востоке, на Балканах и на западе Европы территорию, по размерам в несколько раз превышавшую территорию Германии. Пролитавшаяся на фронтах кровь превращалась для военных промышленников в звонкую монету. В тылу под знаком «классового мира», путем удлинения рабочего дня, ужесточения потогонной

¹ IML, ZPA, EA 1400/1.

² Deutscher Transportarbeiter-Verband. Protokoll des 10. Verbandstages Berlin, 1919, S. 83.

³ Deutschlands unsterblicher Sohn, S. 40.

⁴ IML, ZPA, NL 3/2. С января 1916 г. до декабря 1918 г. Эрнст Тельман вел дневник, делая записи в своем календаре члена профсоюза транспортных рабочих.

системы, обесценивания заработков усиливалась эксплуатация рабочих. Трудящиеся массы голодали, пайки, которые выдавались по карточкам, были явно недостаточными; цены же на черном рынке являлись для них недоступными. Летом 1915 г. начались волнения, которые время от времени вспыхивали вновь.

Образовавшаяся 5 марта 1915 г. группа «Интернационал», названная позднее группой «Спартак», призывала рабочих и солдат к борьбе против массового убийства — войны. 1 мая 1916 г. Карл Либкнехт в речи на площади Потсдамерплац в Берлине провозгласил лозунг «Долой войну! Долой правительство!». Этим был дан сигнал к развертыванию широкого массового движения против войны. Приговор к тюремному заключению, вынесенный за это Карлу Либкнехту в июне 1916 г., вызвал первые политические забастовки. Несмотря на то что выпод введенного в начале войны осадного положения антивоенное движение подавлялось все более жестоко, демонстрации и забастовки теперь не прекращались.

С весны 1916 г. Эрнст Тельман находился со своей частью на Сомме, где с июня до ноября шли тяжелые бои. 18 мая он был засыпан землей от взрыва разорвавшегося рядом с ним снаряда, но каким-то чудом даже не получил серьезных ранений. В своей записной книжке он пометил: «Это могло стать моим последним часом»¹. Когда его часть была на несколько дней отведена в тыл для кратковременного отдыха и пополнения, у Эрнста Тельмана произошла крупная стычка с его командиром-лейтенантом. Во время еды лейтенант осматривал помещение, где расположились солдаты. У стола он заметил маленького, худенького французского мальчика, которому что-то давали Эрнст и его соседи по столу. На провокационный окрик лейтенанта Эрнст Тельман резко ответил, что речь идет не о «французском брюхе», а о голодном ребенке. Лейтенант срывающимся голосом закричал на Эрнста Тельмана и его товарищей. Дело дошло до скандала, и офицера чуть не вышвырнули за дверь. Эрнст Тельман отказался от возложенной в наказание на всю батарею чистки орудий. Поскольку на фронте каждый человек был на счету, а дисциплина начинала расшатываться, против Тельмана было «лишь» возбуждено дело за оскорбление старшего по званию, неуважительное отношение к командиру, отказ от повиновения и упорство в непослушании. Спустя некоторое время дело было приостановлено: 19 сентября 1916 г. Эрнст Тельман был ранен. Как записано в его военном билете, он пострадал от «нанесенного упавшей станией орудия ушиба обеих ног и левого плеча, последовавшего вследствие прямого попадания».

С 20 сентября до конца октября 1916 г. Эрнст Тельман находился в лазарете в Кёльне; здесь он мог получать более подробные сведения о политической и военной обстановке. 22 октября его навещил отец, который провел у него почти целый день. Эрнст был очень рад этому. В связи с возбужденным против него делом Эрнст

¹ IML, ZPA, NL 3/2.

Тельман был вынужден по приказу военного врача, несмотря на высокую температуру, побывать в окружном суде. В начале ноября, когда он прибыл в запасной батальон в Нойбрейзахе, его признали годным к службе в гарнизоне, а 24 ноября «по решению военно-полевого суда комендатуры Нойрейн» он был приговорен к двум неделям строгого ареста.

В течение двух лет из-за антивоенных взглядов Эрнста Тельмана начальство отказывало ему в отпуске. После ранения ему предлагался трехнедельный отдых. 29 декабря 1916 г. он прибыл в Гамбург. Эрнст Тельман надеялся повидаться со своими единомышленниками и обсудить с ними некоторые неясные для него вопросы. Но почти все его старые соратники и руководители оппозиционного движения были либо призваны в армию, либо арестованы. Генрих Лауфенберг, с которым он вел переписку через ездивших в отпуск солдат, находился на службе в армии. Рудольф Линдау тоже был теперь солдатом. Оппозиционная в своем большинстве гамбургская социал-демократическая молодежная организация была распущена оппортунистическими лидерами социал-демократии еще в марте 1916 г. Вскоре после этого молодые социалисты создали самостоятельную организацию, имевшую собственную газету «Пролетарьер-югенд». Как явствует из платежной ведомости газеты, Эрнст Тельман находился среди тех, кто своими взносами оказывал организации материальную помощь. Однако вскоре новая молодежная организация была запрещена военными властями.

Обстановка на родине превзошла самые худшие ожидания Эрнста Тельмана. Как и все отпускники, он был вынужден тратить массу времени на поиски продуктов, стоять в очередях у магазинов, выслушивая горькие сетования женщин.

Выступая на одном из нелегальных собраний, организованных левыми социал-демократами, на котором присутствовали также несколько отпускников, он заявил, что положить конец войне могут только сами народные массы. Как сообщает Фридрих Детман, на этом собрании обсуждался вопрос о «сборе подписей под требованием установления мира». «Кроме того, Эрнст Тельман предложил организовать на верфях и военных предприятиях выступления против системы сверхурочной работы и плохого снабжения продовольствием. После собрания мы пошли в рабочее кафе, где Эрнст Тельман говорил о необходимости активных антивоенных выступлений рабочих и солдат»¹.

Во время своего следующего отпуска, в июле 1917 г. — с февраля по июль его подразделение находилось в Южном Эльзасе и в Шампани, — Эрнст Тельман ознакомился с изменением обстановки в рабочем движении. В январе 1917 г. социал-шовинистическое большинство правления СДПГ исключило из партии все отвергавшие политику войны организации, завершив тем самым организационный раскол немецкой социал-демократии. В апреле центрист-

¹ Deutschlands unsterblicher Sohn, S. 45.

ские лидеры основали Независимую социал-демократическую партию Германии (НСДПГ). В Галле, Лейпциге, Дюссельдорфе и некоторых других округах большая часть политически организованных рабочих перешла в НСДПГ, однако в целом большинство социал-демократов оставалось в старой партии. Группа «Спартак» присоединилась к НСДПГ, сохранив политическую и идеологическую самостоятельность. Этот шаг свидетельствовал о том, что взгляды руководителей «Спартак» на сущность и роль боевой революционной партии пролетариата были еще недостаточно зрелыми.

Наряду с сознательными рабочими и последовательными противниками войны среди членов НСДПГ были такие, кто, отвергая империалистическую войну, сохранял, однако, парламентарские иллюзии, а также сторонники буржуазно-пацифистских взглядов. Руководство НСДПГ находилось в руках правых центристов. Центристы, идеологом которых в Германии являлся Карл Каутский, на словах отвергали захватническую политику германского империализма. Но, в противоположность группе «Спартак», они воздерживались от призыва трудящихся масс к революционной борьбе против империализма и войны. Будучи социал-пацифистами, они видели гарантию прочного мира не в свержении империалистической буржуазии, а в соглашениях между буржуазными правительствами. «Откровенный оппортунизм открыто и прямо против революции и против начинающихся революционных движений и взрывов, в прямом союзе с правительствами, как бы ни были различны формы этого союза...» — писал В. И. Ленин в сентябре 1916 г. — Прикрытые оппортунисты, каутскианцы, гораздо вреднее и опаснее для рабочего движения, потому что они прячут свою защиту союза с первыми при помощи благовидно звучащих тоже-«марксистских» словечек и пацифистских лозунгов»¹. Образование НСДПГ затруднило процесс политического прозрения рабочего класса и многих удержало от перехода на позиции левых.

В Гамбурге Эрнст Тельман увидел, что подавляющее большинство рабочих, как и прежде, оставалось в рядах социал-демократической партии. НСДПГ была здесь не очень сильной. Тельман считал себя членом НСДПГ с момента образования этой партии, в которую перешла большая часть его политических друзей из числа рабочих верфей и порта. Во время своего отпуска он неоднократно встречался с одним из основателей НСДПГ в Гамбурге Якобом Рипером. Однако, будучи солдатом, формально он не мог быть членом НСДПГ, поскольку согласно § 49 имперского военного закона военнослужащие не имели права состоять в политических организациях и принимать участие в политических собраниях.

Наряду с НСДПГ в Гамбурге существовала еще небольшая, но активная группа левых радикалов. В отличие от группы «Спартак»

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 139.

она не присоединилась к НСДПГ. Окончательное предательство оппортунистов и правых профсоюзных лидеров побудило ее представителей запясть по некоторым вопросам сектантскую позицию. Большинство левых радикалов считало, к примеру, что профсоюзы «изжили себя», в то время как группа «Спартак» стремилась к объединению оппозиционно настроенных членов профсоюзов для борьбы против политики оппортунистических лидеров. Левые радикалы требовали выхода революционных рабочих из профсоюзов и призывали к созданию так пазываемых организаций единства, которые должны были объединить политические и профсоюзные организации рабочего класса.

Эрнст Тельман поддерживал с левыми радикалами Гамбурга дружественные отношения. Однако, будучи опытным профсоюзным функционером, он понимал, что своим враждебным отношением к профсоюзам они изолировали себя от трудящихся масс.

В 1917 г. все явственнее становились признаки обострения классовых противоречий и приближавшегося политического кризиса. В ходе многочисленных политических дискуссий в тылу и на фронте в центре внимания находилась Февральская революция в России, с которой и трудящиеся массы Германии связывали свои надежды на скорое заключение мира. В записной книжке Эрнста Тельмана все чаще стали встречаться заметки о «столкновениях на политической почве». 14 августа 1917 г. он записал: «...была стычка с офицером и сержантом»¹. В конце сентября Эрнст Тельман заболел. 20 октября после продолжительного пребывания в полевом госпитале он был переведен в госпиталь в Байрейте. Выписали его только в конце ноября, признав годным к службе в гарнизоне и вновь отправив в Нойбрейзах.

6

«В истории классовой борьбы началась новая эпоха»

Находясь в байрейтском госпитале, Эрнст Тельман из газетных сообщений о вооруженном восстании в Петрограде 7 ноября 1917 г. узнал о том, что буржуазное Временное правительство свергнуто и власть в свои руки взяли Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Он всей душой был с теми, кто прогнал эксплуататоров, открыв тем самым народам путь к социализму. Великая Октябрьская социалистическая революция, положившая начало преобразованию мира, ее эпохальное значение определяли отныне все его помыслы и дела. Об этом свидетельствовали его революционный настрой и действия во время Ноябрьской революции в Германии. Во многих своих работах он ясно и четко охарактеризовал значение Великой Октябрьской социалистической революции.

¹ IML, ZPA, NL 3/2.

Так, в статье, посвященной 8-й годовщине революции, он писал: «7 ноября 1917 г. является началом величайшего переворота в истории человечества. Решительная победа русских рабочих, крестьян и солдат над объединенными силами помещиков и капиталистов изменила лицо мира... В истории классовой борьбы началась новая эпоха»¹.

Впервые свергнув господство эксплуататорских классов и завоевав политическую власть, рабочие и крестьяне России под руководством большевиков положили начало новой эре в истории человечества, эре ликвидации капитализма и перехода человечества к социализму. Установление в Стране Советов диктатуры пролетариата проложило путь к построению социализма на одной шестой части планеты. История подтвердила правильность марксистско-ленинского учения и всемирно-историческую роль созданной В. И. Лениным партии нового типа — руководящей силы рабочего класса и его союзников в социалистической революции и социалистическом строительстве. Осуществлявшаяся правыми лидерами социал-демократии политика сотрудничества с буржуазией потерпела тяжелое поражение.

Великая Октябрьская социалистическая революция и ее основополагающий опыт явились выражением общих закономерностей общественного развития, действительных для всех стран и народов. Овладение опытом Красного Октября и его применение стало решающим условием победы рабочего класса в других странах.

Победоносная пролетарская революция в России подорвала господство эксплуататоров во всем мире. Октябрьская революция указала народным массам выход из кровавого хаоса империалистической войны. Во многих капиталистических странах ширились революционные выступления. Красный Октябрь вдохновил и борющийся немецкий пролетариат. Милитаристская политика, проводившаяся стоявшими у власти империалистами, и становившееся все более очевидным поражение в войне превратили Германию в самое слабое звено в системе мирового империализма. Здесь стремительно обострилась классовая борьба.

В 1918 г. в связи с тяжелым ранением и болезнью Эрнст Тельман был вынужден дважды брать отпуск — на месяц в январе — феврале и на три недели в июне — июле. Свое пребывание в Гамбурге он использовал прежде всего для ознакомления с политической литературой оппозиционных сил и для укрепления связей со своими товарищами.

В период с июля по ноябрь 1918 г. Эрнст Тельман вновь испытал все ужасы войны. В надежде изменить в свою пользу положение на западном фронте германский генеральный штаб организовал бессмысленные в военном отношении операции, стоявшие боль-

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи. К истории германского рабочего движения (июнь 1919 г.— ноябрь 1928 г.). М., 1957, т. 1, с. 187.

ших потерь. Напрягая последние силы, германские войска весной 1918 г. подошли на расстояние 70 км к Парижу. После этого обескровленная немецкая армия окончательно остановилась. 8 августа немецкая линия обороны была прорвана перешедшими в контрнаступление войсками союзников. В своих заметках Эрнст Тельман писал: «Никогда я не видел ничего более ужасного, чем сегодня», «Все тот же убийственный артиллерийский огонь противника», «Мы несем чудовищные потери»¹.

Пережитое на фронте оказало большое влияние на весь дальнейший политический путь Эрнста Тельмана. Приобретенный им тогда личный опыт усилил его ненависть к милитаризму и войне. Беспощадность, с которой германские империалисты отправляли солдат на гибель, их жестокость по отношению к населению оккупированных территорий укрепляли его убежденность в необходимости всеми силами бороться против войны и порождавших ее сил. «Мы, участвовавшие в этой войне, пережили все ее ужасы, испытали отвращение и познакомились с убийством, и поэтому мы несем свою долю ответственности за то, чтобы больше не была пролита бессмысленно ни одна капля крови», — писал он, находясь в заключении. «Фронт мировой войны» оказал сильное воздействие на его формирование. Пережитое на войне в значительной мере утвердило Эрнста Тельмана в его «социалистических воззрениях и закалило для последующих дел», свершенных им во имя рабочих, трудового народа².

В начале ноября 1918 г. в рядах отступающих германских войск поползли слухи о революционных событиях, происходивших в тылу. Военная дисциплина пошатнулась. 7 ноября 1918 г. Эрнст Тельман записал: «Объявлено о предложении заключить перемирие. Радость и ликование по всему фронту». Тысячи солдат самовольно прекращали военные действия и отправлялись домой. 9 ноября Эрнст Тельман записал в своем календаре: «В два часа дня я и четверо моих товарищей ушли с фронта»³.

Когда Эрнст Тельман возвратился в Гамбург, революция шла полным ходом. Выступление отказавшихся продолжать бессмысленную войну кильских матросов 3 ноября явилось началом Ноябрьской революции. Через несколько дней пожар революции охватил всю Германию. Рабочие важнейших военных предприятий объявляли забастовки, захватывали заводы и шахты. Рабочие и солдаты штурмом брали казармы и полицейские участки, освобождали политических заключенных. Боевыми органами рабочего класса с первых же дней революции стали рабочие и солдатские Советы, возникавшие по примеру Великой Октябрьской социалистической революции. Во многих местах Советы являлись поначалу подлинными органами власти.

¹ IML, ZPA, NL 3/2.

² IML, ZPA, NL 3/3.

³ Ebenda, NL 3/2.

8 ноября в Берлине группа «Спартак» совместно с революционными вожаками с крупных предприятий выступила с призывом начать генеральную забастовку и вооруженное восстание. Этому призыву последовали сотни тысяч рабочих и солдат. 9 ноября они вышли на улицы города. Монархия и правительство кайзера были низложены. Вместо кайзеровского штандарта над императорским дворцом развевалось алое знамя. С балкона дворца с призывом к народу обратился Карл Либкнехт: «И хотя старое низвергнуто, мы не должны думать, что наша задача выполнена. Мы должны напрячь все свои силы, чтобы создать правительство рабочих и крестьян и построить новое, пролетарское государство, которое обеспечит нам мир, счастье и свободу»¹.

Но контрреволюция поднимала голову. Она опиралась на лидеров социал-демократии, которые всячески стремились оказаться у руководства революцией, чтобы задушить ее. Уже 9 ноября правые лидеры СДПГ и НСДПГ создали новое правительство, демагогически называвшее себя Советом народных уполномоченных. Оно лицемерно заявило о своем намерении проводить в жизнь «социалистическую программу». На деле же это правительство заключило с монополистическим капиталом и с генералами кайзера союз, направленный против революционных сил.

5 ноября поздним вечером в Гамбурге начались вооруженные выступления матросов, к которым на следующее утро присоединились рабочие. Уже к вечеру следующего дня в Гамбурге и Альтоне вооруженные действия были в основном закончены. В течение 18 часов революционные массы подавили сопротивление вооруженных властей. Созданный сразу же Совет рабочих и солдат установил свой контроль над газетой «Гамбургер эх». 8 ноября она вышла под названием «Ди роте фане». Ее редактором стал левый радикал Пауль Фрёлх.

8 ноября на предприятиях было избрано около 600 делегатов в состав Большого Совета рабочих, который принял решение образовать Исполнительный комитет в составе 30 человек. 18 членов комитета было избрано из числа делегатов; по три представителя должны были направить СДПГ, НСДПГ, левые радикалы и объединение профсоюзов. К этим 30 представителям более чем сотысячного отряда рабочих присоединились 30 делегатов солдатских Советов, которые представляли несколько десятков тысяч солдат и матросов. Председателем Исполнительного комитета стал левый радикал Генрих Лауфенберг. Этот человек мужественно боролся против империалистической войны и социал-шовинизма, однако не имел ясного представления о том, как следует продолжать революционную борьбу. Состав Совета рабочих и солдат и его Исполнительного комитета, а также малочисленность и организационная слабость левых радикалов стали причиной того, что, несмотря

¹ *Liebknecht Karl. Gesammelte Reden und Schriften, Bd. IX. Berlin, 1974, S. 595.*

на ряд проведенных Советом революционных мероприятий, он все больше отступал перед силами контрреволюции.

Эрнст Тельман быстро ознакомился с новой политической обстановкой в Гамбурге. Через несколько дней после возвращения он объявил о своем формальном вступлении в НСДПГ. По вечерам и воскресеньям он почти всегда был занят: участвовал в собраниях НСДПГ или заседаниях ее уполномоченных, присутствовал на собраниях профсоюзных, молодежных и солдатских организаций. Он участвовал в демонстрациях революционных гамбургских рабочих против контрреволюции, помогал товарищам в распространении листовок.

На жизнь Эрнст Тельман зарабатывал, помогая отцу и принимая время от времени участие в общественных работах в гамбургском городском парке.

Вскоре партийное руководство возложило на Эрнста Тельмана обязанности докладчика на партийных собраниях и собраниях населения. Он был постоянным докладчиком на собраниях районной организации НСДПГ, а также часто выступал в прениях на других партийных и профсоюзных собраниях.

Эрнст Тельман призывал к решительному продолжению революции. Как видно из отчета об одном из собраний, он требовал «обобществления важнейших промышленных предприятий». «Действия крупных промышленников доказывают, что получение прибыли является для них самым главным». Он не переставал бичевать «военные грехи правых социалистов» и давал отпор попыткам социал-демократов оправдать свои действия 4 августа 1914 г. как «принципиальную социалистическую политику». На собрании гамбургской организации НСДПГ 22 декабря он подверг критике партийное руководство в Берлине, вызвавшее среди членов партии замешательство, и выступил с призывом соблюдать «принципы интернациональной классовой борьбы»¹.

К этому времени в Гамбурге усилились разногласия между левыми радикалами, ставшими с начала декабря называть себя «международными коммунистами», и руководителями НСДПГ. Уже 10 ноября по требованию лидеров СДПГ вновь вышла «Гамбургер эхо» в качестве органа социал-демократов. «Ди роте фане» продолжала выходить как орган Совета рабочих и солдат. Лидеры НСДПГ постоянно пытались заполучить в свои руки «Ди роте фане». Они сорвали проведение совместного собрания левых радикалов и членов НСДПГ, на котором должен был решиться вопрос о дальнейшей судьбе газеты, организовав одновременно с запланированным левыми радикалами общим собранием сепаратное собрание НСДПГ. Из записей Эрнста Тельмана следует, что он присутствовал на собрании членов НСДПГ. 2 декабря «Ди роте фане» стала органом НСДПГ, а 16 декабря она впервые вышла под названием «Гамбургер фолкс-цайтунг». В начале 1919 г. левые

¹ Hamburger Volks-Zeitung (im folgenden: HVZ), 16., 18., 24. XII 1918.

радикалы Гамбурга создали организацию Коммунистической партии Германии (КПГ). С конца февраля они начали издавать собственную газету «Коммунистиче арбайтерцайтунг».

На состоявшемся в Берлине учредительном съезде КПГ произошёл окончательный разрыв передовых революционных сил с оппортунизмом. Образование КПГ стало поворотным пунктом в истории немецкого рабочего движения. У немецкого рабочего класса вновь была самостоятельная революционная партия, дававшая правильные ответы на основополагающие вопросы о государстве и революции, безоговорочно признававшая диктатуру пролетариата как необходимое средство борьбы и решительно осуждавшая центристскую политику классового сотрудничества с буржуазией. С самого начала КПГ заявила о своей приверженности принципам пролетарского интернационализма, вступив в тесное боевое содружество с первым государством рабочих и крестьян и с партией Ленина. Образование КПГ положило начало воссоединению на революционной основе расколотого оппортунистами немецкого рабочего движения.

Революционно настроенные рабочие в НСДПГ и среди них Эрнст Тельман считали свою партию *революционной* партией пролетариата. В КПГ они видели братскую социалистическую партию, своего соратника в борьбе против общего врага. Однако они ещё не осознавали исторического значения факта образования КПГ и той роли, которую она была призвана сыграть в немецком рабочем движении. Прийти к пониманию этого им мешало наряду с прочим и то, что в гамбургской организации КПГ все большим влиянием стали пользоваться левые сектанты¹. Этим обстоятельством объясняется также призыв Эрнста Тельмана к своим товарищам по партии проводить «строгую разграбительную линию по отношению к левым и правым»². Однако он постоянно ориентировался на совместные действия с коммунистами.

Последовательный интернационалист, Эрнст Тельман безоговорочно встал на сторону Советской России. Рудольф Линдау вспоминает о собрании, проходившем в начале 1919 г., на котором один из функционеров НСДПГ, Пауль Дитман, предсказывал скорое поражение Советской России. «Взяв слово в прениях, Эрнст Тельман дал горячий отпор этим контрреволюционным пророчествам». Он разъяснил, почему судьба немецкого рабочего класса неразрывно связана с судьбой Советской России. «Тот, кто не верит в победу социализма в Советской России,— заявил Эрнст Тельман,— тот не верит и в революционные силы немецкого рабочего класса и является врагом немецких рабочих»³.

¹ 17 февраля 1919 г. в «Гамбургер фольке-цайтунг» было помещено сообщение о собрании гамбургских коммунистов, на котором «после жарких споров» было принято решение «не принимать участия в выборах в гамбургский парламент».

² HVZ, 17. II 1919.

³ Deutschlands unsterblicher Sohn, S. 41—42.

Как активный партийный работник Эрнст Тельман вошел в число 12 кандидатов НСДПГ от 37-го избирательного округа (Гамбург, Бремен и Штаде) на выборах в Национальное собрание, которые должны были состояться 19 января 1919 г. В качестве кандидата в депутаты, члена агитационной комиссии и центрального избирательного комитета гамбургской организации НСДПГ Эрнст Тельман выступал на многих собраниях с разъяснением политической обстановки. Центральное место в его выступлениях занимала критика антирабочей политики правых социал-демократических лидеров.

В январе 1919 г. контрреволюция учинила жестокую расправу над восставшими рабочими в Берлине. Революционные рабочие Гамбурга были глубоко возмущены этим событием. 18 января на Хайлигенгайстфельде, просторной площади в районе Сан-Паули, 100 тыс. трудящихся организовали митинг протеста по поводу убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Митинг закончился массовой демонстрацией его участников, направившихся колоннами к площади Ратхаусплац.

Полмесяца спустя, в конце января — начале февраля 1919 г., правый социал-демократ Густав Носке, сам себя называвший «кровавой собакой», отдал добровольческому контрреволюционному корпусу Герстенберга приказ двинуться против Бременской Советской Республики. В Гамбурге было распространено воззвание, призывавшее рабочих поддержать революционный Бремен. 29 января коммунисты направили в адрес гамбургского Совета рабочих и солдат требование «провести в течение 48 часов вооружение гамбургских рабочих» и «оказать Бремену поддержку, используя все военные средства»¹. Решение о вооружении было принято большинством голосов. Однако правые лидеры СДПГ и находившиеся под их влиянием солдатские Советы сорвали незамедлительное оказание действенной помощи. В начале февраля революционные рабочие самостоятельно приступили к вооружению, захватывая оружие на полицейских участках и в казармах. Эрнст Тельман был одним из руководителей этой акции. Около 3 тыс. вооруженных рабочих Гамбурга направились в Бремен, однако им помешали реакционные силы, устроившие забастовку железнодорожников. В своих выступлениях на многочисленных собраниях организаций НСДПГ Эрнст Тельман вскрыл подоплеку реакционных проносов, направленных против Бременской Советской Республики, заклеив позором действия правых социал-демократических лидеров.

26 февраля 1919 г. на площади Хайлигенгайстфельд состоялся массовый митинг по поводу убийства премьер-министра Баварии члена НСДПГ Курта Эйснера, павшего от руки контрреволюционного офицера. На митинге выступил Эрнст Тельман, вместе

¹ *Neumann Paul Hamburg unter der Regierung des Arbeiter-und Soldatenrats. Tätigkeitsbericht, erstattet im Auftrage der Exekutive des Arbeiter-rats Groß-Hamburg. Hamburg, 1919. S. 90.*

с ним — Геприх Лауфенберг и Герман Кюн от КПГ, а также Герман Рейх, Якоб Ринер и Пауль Вагнер от НСДПГ. Митинг прошел под знаком борьбы против возрастающего кровавого террора сил контрреволюции. Собравшиеся почтили минутой молчания память Карла Либкнехта, Розы Люксембург и Курта Эйснера, погибших за дело освобождения пролетариата.

После возвращения с фронта Эрнст Тельман вновь активно работал в своем профсоюзе — в Германском союзе транспортных рабочих. Здесь он также выступал против классового сотрудничества с буржуазией. На общем собрании гамбургского союза 25 февраля 1919 г. он потребовал прекращения «дружественных переговоров» между профсоюзами и предпринимателями. Он выдвинул и требование, чтобы сотрудники профсоюзных организаций не назначались более центральным правлением, а избирались из числа членов профсоюза. Как и перед войной, Эрнст Тельман вновь осудил систему выборов делегатов на мероприятия местных профсоюзных организаций, поскольку правые профсоюзные лидеры использовали эту систему для того, чтобы заранее исключить неугодных им кандидатов и ограничить право голоса членов профсоюзов.

В числе других левых руководителей НСДПГ Эрнст Тельман выступил за укрепление позиций Советов, поскольку их устраниение стало явной целью как всех контрреволюционеров, так и правых социал-демократических лидеров. Со 2 по 6 марта 1919 г. он в качестве делегата окружной организации Вассерканте участвовал во внеочередном съезде НСДПГ в Берлине. Он высказался в поддержку предложенного Эрнстом Дэймигом и другими делегатами проекта резолюции, в котором говорилось, что НСДПГ противопоставляет «буржуазно-либеральной демократии пролетарскую демократию» и что она поддерживает «рабочие Советы в их стремлении сосредоточить в своих руках политическую и экономическую власть»¹. Выступая на партийном собрании, посвященном подведению итогов работы съезда, Эрнст Тельман подчеркнул, что съезд, «к сожалению... по всем обсуждавшимся вопросам принял не те решения, какие в данный момент следовало бы принять»². Он, несомненно, имел в виду содержавшееся в «Программном манифесте» съезда заявление о том, что НСДПГ требует «включения системы Советов в конституцию»³, т. е. в конечном счете, как заявил Тельман, подчинения Советов буржуазному государству. «По вопросу о системе Советов, — писала «Гамбургер фолькс-цайтунг» в отчете о собрании, — оратор занял позицию Дэймига: недоверие любому парламенту. Вся власть Советам рабочих. Выборы в Советы должны производиться на предприятиях». Эрнст Тельман заключил свое выступление замечанием о том, что НСДПГ может ориентироваться «только на левые силы»⁴.

¹ Dokumente und Materialien..., Bd. VII, 1. Halbbd. Berlin, 1966, S. 36—37.

² HVZ, 26. III 1919.

³ Dokumente und Materialien..., Bd. VII, 1. Halbbd., S. 38.

⁴ HVZ, 26. III 1919.

Гамбургская организация НСДПГ выдвинула Эрнста Тельмана своим кандидатом на выборах в гамбургский парламент, которые состоялись 16 марта 1919 г. НСДПГ получила 42 852 голоса, СДПГ — 267 975. Вместе с остальными 12 депутатами от НСДПГ Эрнст Тельман вошел в состав парламента родного города. Несмотря на то что СДПГ получила абсолютное большинство мест в парламенте, она пошла на создание коалиционного сената с участием буржуазной Германской демократической партии.

Весной 1919 г. Эрнст Тельман развернул активную деятельность и в Гамбургском союзе революционных старост, который возник в январе 1919 г. По инициативе старост, ядро которых составляли рабочие порта и верфей, было проведено немало революционных мероприятий. Они стояли на общей с левыми силами НСДПГ и с коммунистами идеологической платформе.

5 апреля 1919 г. Эрнст Тельман выступил на организованном старостами собрании на тему «Революция в Венгрии и наше отношение к ней». Он подробно рассказал о революционных событиях в Венгрии, где пролетариат «стремительным рывком оставил позади свершившуюся там буржуазно-демократическую революцию, взяв свою судьбу в собственные руки». Он раскрыл значение таких проводимых Венгерской Советской Республикой политических, экономических и социальных мероприятий, как национализация банков, экспроприация крупных помещиков, расселение бездомных рабочих семей в виллах богатей, и заявил, что, в противоположность этому, в прусской Германии юнкерство и капитализм занимают такие же прочные позиции, как и до Ноябрьской революции». В «так пазываемой Германской республике, — сказал он, — нет ни малейшего намека на социализм». Далее Эрнст Тельман охарактеризовал социализм как единственное спасение человечества. «Настоятельным требованием момента является ликвидация наемного труда и замена его производственной кооперацией; таким образом, надо покончить с эксплуатацией человека человеком». Революционные вожди российского и венгерского пролетариата своим примером указывают путь всему мировому пролетариату. И Гамбургу более совсем не к лицу, продолжал Тельман, что отдельно руководители — имелись в виду правые социал-демократы — выступают против революционного движения. Рабочие Гамбурга по должины больше мириться с тем, что пишет «Гамбургер эхо». Под бурные аплодисменты Эрнст Тельман заключил: «Мы должны возвратить себе господствующие позиции в бывшей цитадели социал-демократии, превращенной правыми лидерами в болото»¹.

На одном из собраний 12 апреля Эрнст Тельман выступил с докладом «Веление времени и единство всего пролетариата». Он сказал, что революционно настроенные руководители поставили перед собой цель добиться объединения пролетариата. Однако этому препятствуют некоторые вожди. «Единственным залогом

¹ Hamburger Echo, 6. IV 1919; HVZ, 7. IV 1919.

прочности революционных завоеваний,— заявил Эрнст Тельман,— является единство рабочих»¹. После оживленной дискуссии, в которой все выступавшие поддержали Тельмана, собравшиеся приняли обращение к гамбургским рабочим, в котором говорилось: «Если мы, пролетарии, будем вести грызню и бороться друг против друга, то вернемся к тяжелейшим временам капиталистической эксплуатации... Протяните же друг другу руки, а если этого не хотят ваши вожди, сделайте это через их головы»².

Широко распространенный тогда среди революционных рабочих лозунг «За единство рабочего класса, наперекор вождям!» выражал стремление большинства рабочих к преодолению раскола. Он был направлен прежде всего против политики правых лидеров социал-демократии, расколовших рабочее движение, постоянно срывавших проведение совместных акций и обезоруживавших тем самым рабочий класс в борьбе с контрреволюцией. Однако это свидетельствовало также и о другом: многие классово сознательные рабочие еще не понимали, что им необходимо объединение только на принципиальной основе, опирающееся на революционную платформу, на которой стояла молодая КПП.

Как писал Эрнст Тельман в связи с десятилетием КПП, в гамбургской организации НСДПГ также «...пачался процесс классового размежевания между жалкими, трусливыми центристскими вождями Каутским, Дитманом, Криспиным и Гильфердингом, с одной стороны, и рабочими, стремящимися примкнуть к партии пролетарской революции, к Коммунистическому Интернационалу,— с другой»³.

За прошедшие после возвращения в Гамбург шесть месяцев Эрнст Тельман своей последовательной борьбой против империализма и реакции, за интересы трудящихся масс завоевал доверие большинства членов НСДПГ. 11 мая 1919 г. на общем партийном собрании он был избран первым председателем гамбургской организации НСДПГ. Правда, большинство членов нового правления впоследствии так и не встало на сторону КПП. Но избрание Эрнста Тельмана явилось первым поражением правых сил в гамбургской партийной организации.

7

Необходим союз с Советской Россией!

Выполнение функций первого председателя гамбургской организации НСДПГ повлекло за собой для Эрнста Тельмана значительную большую политическую ответственность. Поскольку этот пост не оплачивался, ему приходилось совмещать указанную работу со

¹ HVZ, 14. IV 1919.

² Ebenda.

³ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 2, с. 16.

своим профессиональным трудом. 21 мая 1919 г. Эрнст Тельман был принят на гамбургскую биржу труда, куда его порекомендовал один из председателей биржи, депутат от СДПГ в гамбургском парламенте Эмиль Хюфмайер. До войны Хюфмайер был председателем гамбургского профсоюза строителей. Еще тогда он высоко ценил Эрнста Тельмана как профсоюзного работника. Работа на бирже труда не ослабила связь Тельмана с рабочим классом. Напротив, здесь он получил доступ к сведениям о безработице и особенно о бедственном положении безработных, которые он использовал в своей политической работе.

В начале мая 1919 г. Баварская Советская Республика потерпела поражение. Это означало конец Ноябрьской революции. Все попытки превратить революцию в социалистическую оказались безуспешными. Под напором рабочего класса и других трудящихся была свергнута монархия, завоеваны важные демократические и социальные права, что создало более благоприятные условия для рабочего движения. Однако при поддержке оппортунистических лидеров СДПГ, НСДПГ и профсоюзов монополистам удалось сохранить свое классовое господство. 14 августа вступила в силу новая конституция, принятая за две недели до этого Национальным собранием в Веймаре. Таким образом, под покровом буржуазного парламентаризма была воссоздана диктатура монополистической буржуазии, возникло империалистическое государство — так называемая Веймарская республика.

Последующие годы послевоенного революционного кризиса были ознаменованы ожесточенными классовыми столкновениями. Стремясь укрепить свою власть, господствующие классы шли на политические и социальные уступки, прибегали к демократической фразеологии и антикоммунистической клевете, а также к националистической демагогии, шовинистической пропаганде и жестокому террору против революционных народных масс.

5 июня 1919 г. был убит один из руководителей мюнхенских коммунистов Евгений Левине. Это убийство вызвало волну протеста среди рабочих Гамбурга. Революционные старосты, НСДПГ и КПП выступили с призывом провести на площади Хайлигенгайстфельд митинг протеста. Гамбургская организация СДПГ была вынуждена присоединиться к этому призыву. 6 июня на площади Хайлигенгайстфельд собралось несколько десятков тысяч гамбургских рабочих, чтобы выразить свой протест по поводу упомянутого подлого убийства, почтить память Левине и других жертв белого террора в Баварии. Эрнст Тельман был в числе ораторов, выступивших от имени НСДПГ. Собравшиеся прервали речь председателя гамбургской социал-демократии Макса Лейтерица, заявившего о своем несогласии с тем, что в предложенной резолюции правительство Эберта, Шейдемана и Носке было названо «интеллектуальным зачинщиком» убийства¹.

¹ Vgl.: HVZ, 7. VI 1919.

По окончании митинга была организована грандиозная демонстрация, участники которой направились к городской ратуше. Здесь выступил Генрих Лауфенберг. Собравшиеся единодушно потребовали приспустить в честь погибшего Левине флаг на ратуше. Депутаты гамбургского парламента от НСДПГ водрузили над ратушей красный флаг. Это было встречено взрывом ликования. Однако напятый кем-то мальчишка сорвал флаг. Когда Эрнст Тельман вместе с другими членами фракции НСДПГ стал вновь укреплять его на балконе ратуши, один из депутатов-консерваторов бросился к Тельману, пытаясь вырвать у него флаг. «Само собой разумеется,— говорилось в сообщении «Гамбургер фолькс-цайтунг»,— этого господина сразу же оттеснили в угол, а на балконе ратуши вновь развевался красный флаг».

13 июня рабочие опять собрались на площади Хайлигенгайстфельд. Накануне в «Гамбургер фолькс-цайтунг» было опубликовано обращение Эрнста Тельмана к трудящимся, в котором он призывал в день похорон Розы Люксембург на кладбище Фридрихсфельде в Берлине «траурной демонстрацией почтить память этой пламенной революционерки». Несмотря на ненастную погоду, 20 тыс. человек направились к месту проведения митинга. Весь транспорт прекратил работу уже в полдень. Демонстрируя свою ненависть к реакции и ее социал-демократическим пособникам, революционные рабочие несли транспаранты с лозунгами «Проклятые судьям-убийцам!» и «Долой гвардию Носке!». «Да здравствует международный пролетариат!», «Долой капитализм», «Долой кровавого пса Носке!» — хором скандировали в колоннах. С шести трибун выступали представители КПГ и НСДПГ, среди них были Генрих Лауфенберг, Рудольф Линдау, Лотар Попп, Эрнст Тельман и Фриц Вольфгейм. Участники митинга приняли резолюцию, в которой наряду с прочим потребовали отставки «псевдосоциалистического правительства, роспуска контрреволюционной белой гвардии» и «роспуска Национального собрания». В заключение огромная колонна демонстрантов направилась к Дому профсоюзов, с балкона которого к демонстрантам обратились с речами Эрнст Тельман и Фриц Вольфгейм. По предложению Тельмана на Доме профсоюзов в память о Розе Люксембург был водружен красный флаг.

К этому времени для немецкого рабочего движения назрела необходимость определить свое отношение к договору о мире, в котором были зафиксированы итоги первой мировой войны. В начале мая 1919 г. в Версале министру иностранных дел Германии были переданы продиктованные Антантой условия заключения мира. 28 июня договор был подписан представителями германской стороны. Версальский договор отразил стремление империалистических сил стран-победительниц исключить Германию из числа великих конкурентоспособных империалистических держав. Территория Германской империи была урезана примерно на одну восьмую, часть страны оккупирована иностранными войсками. Договором

устанавливалось значительное сокращение вооружений Германии. На нее были возложены высокие репарационные платежи, вопрос об окончательных размерах которых еще оставался открытым. Договор ограничивал суверенитет германского империализма, однако не затрагивал основ его могущества. Таким образом, заключенный империалистами в Версале мирный договор уже нес в себе зародыш новых войн.

Правые социал-демократические лидеры в полном единодушии с буржуазными партиями использовали справедливое возмущение народных масс кабальными условиями договора для развертывания националистической пропаганды. В противовес этому КПП и левые силы в НСДПГ давали объективную оценку Версальского договора. Они подчеркивали его империалистический, антиреволюционный характер и указывали трудящимся на грозившую им опасность того, что господствующие классы переложат тяготы войны и Версальского договора на плечи народных масс.

Гамбургская организация НСДПГ также определила свое отношение к договору. С этой целью было проведено 11 многочисленных собраний. Эрнст Тельман участвовал в их подготовке в качестве председателя гамбургской парторганизации. В одной из резолюций Версальский мир был охарактеризован как «империалистический мир», как «роковое завершение мировой империалистической войны». Империалисты Антанты, говорилось в резолюции, «проникнуты тем же духом, что и страны Четверного союза в Брест-Литовске», которые в 1918 г. навязали молодому Советскому государству кабальный мирный договор. Члены гамбургской организации НСДПГ выразили уверенность в том, что «договор, заключенный в Версале... будет столь же недолговечным, как и Брестский». В заключение в резолюции говорилось: «Мы убеждены, что объединенный пролетариат всех стран одержит победу над всеми силами империализма и устранит несправедливость, царящую в мире»¹.

23 июня — Эрнст Тельман находился тогда в Штутгарте на съезде Союза транспортных рабочих — и в последующие дни в Гамбурге прокатилась сильная волна протеста трудящихся против крупных махинаций в продовольственном снабжении. Эти выступления получили название «колбасные бунты». Рабочие штурмом брали полицейские участки, оружейные склады и тюрьмы, заняли ратушу и биржу и разоружили вызванных правыми социал-демократами солдат баренфельдского контрреволюционного добровольческого отряда, которые безжалостно стреляли в народ. Один полк, прибывший с севера страны, вынужден был отступить. На расправу с рабочими Гамбурга были брошены контрреволюционные войска под командованием известного жестокоостью генерала Леттов-Форбека. 1 июля его войска, поддерживаемые самолетами, танками, минометами и огнеметами, вошли в город. Однако «рабочие

¹ HVZ, 16. V 1919.

не ответили им ни единым выстрелом, все надежды на решительную борьбу оказались иллюзорными»¹, — вспоминает об этих днях Рудольф Линдау. Изолированные локальные выступления рабочих не имели бы успеха, пишет он, напротив, они были бы использованы силами контрреволюции для кровавой расправы над рабочими. Поэтому три рабочие партии, революционные старосты, Совет рабочих и заводские советы выступили с призывом не давать входившим в город войскам повода к применению оружия.

Весной 1919 г. среди революционных рабочих Гамбурга, как и в организациях КППГ и НСДПГ в других районах Германии, усилились разногласия по принципиальным вопросам классовой борьбы пролетариата. Речь шла прежде всего об отношении к находявшимся под влиянием реформистов профсоюзам и к буржуазным парламентам. На страницах газет «Коммунистисхе арбайтерцайтунг» и «Гамбургер фолькс-цайтунг» стали появляться статьи, посвященные указанным вопросам. Об этом велись жаркие споры на собраниях и конференциях. Ведущие представители гамбургских коммунистов отрицали возможность революционной работы в профсоюзах и в парламентах. Так, общее собрание гамбургской организации КППГ, состоявшееся в начале сентября 1919 г., заявило о несогласии со взглядами центра, выступавшего за использование революционной партией рабочего класса всех легальных возможностей борьбы.

Эрист Тельман и сплотившиеся вокруг него члены и функционеры гамбургской организации НСДПГ не разделяли этих левосектантских взглядов. Сам Эрист Тельман продолжал активно работать в Германском союзе транспортных рабочих. 11 мая он был избран делегатом на X конгресс профсоюза, который должен был состояться в Штутгарте. 25 июня он выступил на конгрессе в дискуссии по отчету правления и контрольной комиссии. Он критиковал политику профсоюзного руководства во время войны, которая основывалась на «классовом мире» и характеризовалась поддержкой закона о трудовой повинности. В результате этой политики «был в значительной мере утрачен боевой характер организации». Теперь необходимо, говорил он, «...чтобы профсоюзы вновь прониклись духом классовой борьбы». Эрист Тельман особо подчеркнул, что НСДПГ «не хочет внести раскол в профсоюзы»².

На общих собраниях гамбургской организации Германского союза транспортных рабочих 18 и 26 июля были подведены итоги работы конгресса. Эрист Тельман выступил от имени оппозиции, представлявшей в профсоюзах НСДПГ. Он отметил, что на прошедшем конгрессе впервые было уделено внимание политическим вопросам. Критика проводившейся во время войны политики профсоюзного руководства является справедливой, подчеркнул он.

¹ *Lindau Rudolf. Revolutionäre Kämpfe 1918—1919. Aufsätze und Chronik.* Berlin, 1960, S. 125.

² *Тельман Эрист. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 10.*

Националистический курс профсоюзных лидеров во время войны, в том числе секретаря правления профсоюза Пауля Мюллера, убедительно свидетельствует о том, что рабочие Германии «должны добиваться создания лучшего, чем сейчас, интернационала». Это требование было проникнуто пониманием необходимости разрыва рабочих с оппортунизмом и в международном масштабе. Эрнст Тельман с осуждением говорил о том, что конгресс также уделил слишком мало внимания обсуждению вопроса о Советах¹. В своей заключительной речи 26 июля он выразил недовольство тем, что переговоры с предпринимателями ведутся профсоюзами «слишком примирительно». Эрнст Тельман закончил свое выступление следующими словами: «Если профсоюзы вернутся к классовой борьбе, они вновь будут пользоваться уважением рабочих»². На многочисленных собраниях НСДПГ, состоявшихся в августе 1919 г., Эрнст Тельман также неоднократно выступал с докладом на тему «Отношение НСДПГ к профсоюзам»³.

Революционные силы гамбургской организации НСДПГ выступали за участие в выборах в парламент. Они вели борьбу как против Веймарской республики, так и против «свободного» и «демократического» государства Гамбург, рассматривая их как инструменты власти буржуазии; однако они считали, что парламентские институты буржуазного государства необходимо использовать для классовой борьбы пролетариата. Так, в своих выступлениях в гамбургском парламенте Эрнст Тельман отстаивал насущные экономические и политические интересы трудящихся, разоблачая в то же время капиталистическую систему и реакционную политику в сенате гамбургских лидеров социал-демократии.

На заседании парламента 9 мая 1919 г. Тельман выступил против задержек выплаты надбавки к зарплате рабочим государственных предприятий, осудив также намерение сената урезать доходы этих рабочих. В данном вопросе фракция НСДПГ занимала следующую позицию: «...если сокращение заработной платы является столь необходимым, то, по крайней мере, начинать следует не с низших слоев населения, а с тех, кто получает наибольшие доходы»⁴. Выступая в парламенте 18 июня 1919 г., Эрнст Тельман резко критиковал ростовщичество домовладельцев, показав на конкретных примерах, что плата за жилье постоянно растет. Он резко осудил домовладельцев, отказывавшихся сдавать квартиры многодетным семьям. На заседании гамбургского парламента 11 июля 1919 г. обсуждалось предложение о разработке проекта

¹ Делегаты берлинской и гамбургской организаций на конгрессе внесли проект резолюции по вопросу о Советах, в первом абзаце которой содержалось требование, чтобы конгресс выступил в защиту системы Советов. Это требование было отклонено.

² HVZ, 5. VIII 1919.

³ Vgl. ebenda, 12., 18. VIII 1919.

⁴ Stenographische Berichte über die Sitzungen der Bürgerschaft zu Hamburg im Jahre 1919 (24. März bis Ende Dezember). Hamburg o. J., S. 302.

жилищного строительства в Гамбурге; Эрнст Тельман потребовал, чтобы достижения современного градостроительства шли на пользу не только небольшому мещинству имущих. Рабочий человек, заявил он, также вправе пользоваться такими удобствами, как газовая плита, электричество, ванная комната, горячая вода и центральное отопление. Следует облегчить домашний труд женщин, предоставляя им такие современные удобства, как мойки для кухонной посуды или фабричная чистка одежды. Необходимы также улучшение системы народного образования, включая дошкольные учреждения, и строительство родильных домов.

И другие речи Эрнста Тельмана в гамбургском парламенте свидетельствовали о его тесной связи с трудящимися. Вносившиеся им предложения были направлены на то, чтобы облегчить нужду беднейших слоев населения. При этом он не оставлял никакого сомнения относительно того, что коренное изменение социального положения рабочих возможно только в новом, свободном от эксплуатации обществе.

Свою деятельность в парламенте Эрнст Тельман тесно увязывал с работой среди трудящихся масс. На состоявшемся 15 сентября 1919 г. собрании безработных он подробно рассказал о своем выступлении в городском парламенте 27 августа, когда он заявил протест против намерения сократить пособия для безработных. В парламенте говорят об отсутствии средств для помощи безработным, заметил Эрнст Тельман, и в то же время выделяют крупные суммы на гражданскую самооборону. Было бы лучше использовать предназначенные рейхсверу и полицейским войскам средства для облегчения участи безработных.

Тесная классовая связь с трудящимися, знание их проблем, нужд, забот и надежд укрепляли убежденность Эрнста Тельмана в том, что для устранения причин нищеты и войны необходимо уничтожить капитализм. Он чувствовал себя причастным к общему делу эксплуатируемого и борющегося за свое освобождение пролетариата всех стран.

Как и все левые в НСДПГ, он являлся сторонником III, Коммунистического Интернационала (Коминтерна), основанного в начале марта 1919 г. в Москве представителями коммунистических и левосоциалистических партий, организаций и групп. Основание Коммунистического Интернационала было результатом многолетней бескомпромиссной борьбы, которую руководимая Лениным партия большевиков и революционные социалистические группы в других странах вели против империалистической войны и всех видов оппортунизма, за объединение революционных сил международного рабочего движения в свободном от оппортунизма Интернационале.

Коммунистический Интернационал продолжил дело, начатое Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом созданием I Интернационала. Он воспринял, как писал Ленин, «плоды работ II Интернационала, отсек его оппортунистическую, социал-шовинистскую,

буржуазную и мелкобуржуазную, «кверну...»¹. III, Коммунистический Интернационал сыграл важную роль в формировании коммунистических партий, помог им шаг за шагом овладеть идеологическими, теоретическими, политическими и организационными основами ленинизма и обрести тесную связь с массами. Коммунистический Интернационал передал рабочим всего мира опыт мирового революционного движения, прежде всего общезначимый опыт Великой Октябрьской социалистической революции и строительства социалистического общества в Советском Союзе.

18 июня 1919 г. бюро Исполнительного комитета Коминтерна (ИККИ) обратилось к мировому пролетариату с призывом к демонстрациям в поддержку Советской России и Венгерской Советской Республики, против вооруженной интервенции империалистических держав². Под давлением рабочих реформистские рабочие организации капиталистических стран Европы также вынуждены были объявить 21 июля забастовку протеста против империалистического мирного договора, заключенного в Версале, в поддержку русской и венгерской революций. КПГ и НСДПГ обратились к немецким рабочим с призывом принять участие в акциях протеста. 18 и 19 июля «Гамбургер фолкс-цайтунг» опубликовала обращение Эрнста Тельмана к читателям. В первом обращении говорилось: «В понедельник 21 июля пролетариат всех стран соединится в забастовках протеста, демонстрациях и массовых митингах, чтобы положить начало совместной борьбе мирового пролетариата за завоевание политической власти, за международную солидарность, за идеи мировой революции и социалистического освобождения народов!» Уже налицо признаки того, «что пролетариат стран Антанты готовится к упорной борьбе за солидарность всех народов и за Интернационал, основой которого является революционный социализм. Не Лига наций — этот союз империалистов и капитала приведет нас к социализму, а объединение социалистических пролетариев всех стран, основанное на солидарности, свободное от ненависти и зависти, проникнутое стремлением трудящихся классов к счастью и благосостоянию. Мир, свобода и счастье в собственной стране и во всем мире, ликвидация всякой эксплуатации человека человеком, создание общества равенства и солидарности — вот цель социализма».

Забастовка в Гамбурге прошла с огромным успехом. В 12 часов на крупнейших предприятиях города была прекращена работа. Вечером состоялись многотысячные собрания НСДПГ. Их участники приняли резолюцию, в которой был выражен решительный протест против «насилованного мира», заключенного в Версале, и выдвигалось требование «прекратить борьбу против социалистической России и Венгрии». В резолюции указывалось на необходимость установления с обеими странами дружественных связей.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 303.

² См.: Коммунистический Интернационал, 1919, № 3, с. 277—281.

С лета 1919 г. центральным вопросом дискуссий все больше становился вопрос о том, следует ли НСДПГ примкнуть к оппортунистическому II Интернационалу, оживленному правыми лидерами социал-демократии, или к Коммунистическому Интернационалу. В газетах НСДПГ, находившихся под влиянием левых, стали все чаще появляться статьи с разъяснением решений Коминтерна, в особенности его Учредительного конгресса, и с призывами к вступлению в Коммунистический Интернационал. Многие члены и функционеры НСДПГ выступили с критикой представителей партии, принявших участие в проведенных правыми оппортунистами и центристами в феврале — августе 1919 г. в Берне, Амстердаме и Люцерне конференциях по возобновлению деятельности II Интернационала, и требовали срочного созыва внеочередного партийного съезда, который должен был решить вопрос о вступлении НСДПГ в Коммунистический Интернационал.

Эрнст Тельмац, твердо стоявший на революционных позициях, решительно выступал за разрыв со II Интернационалом и за вступление в Коминтерн. На таких же позициях стояли в Центральном Комитете Вильгельм Кёнен и Вальтер Штёккер, в окружных партийных организациях Марта Арендзес, Пауль Бётхер, Отто Брасс, Эрнст Дёймиг, Франц Далем, Отто Гайтнер, Герта Гефке, Альфред Эльснер, Герман Реммеле, Пауль Швепк и многие другие функционеры. Призывая к вступлению в Коммунистический Интернационал, Тельмац подчеркивал, что он — целиком на стороне Советской России. Так, на собрании профсоюзного комитета Гамбурга, Альтопы и их округи в конце октября Тельмац говорил, что «необходимо объединиться с теми странами, которые, как Россия, уже достигли первых успехов в строительстве социализма». Его слова вызвали «живую реакцию участников собрания»¹.

Завершению дискуссии в гамбургской организации НСДПГ положило начало собрание, состоявшееся 31 октября 1919 г. под председательством Эрнста Тельмана. Это собрание было посвящено подготовке внеочередного партийного съезда, который намечалось провести с 30 ноября по 6 декабря 1919 г. в Лейпциге. В ряде внесенных на собрании предложений четко формулировалась позиция по вопросам, обсуждавшимся в течение последних месяцев на партийных собраниях. Революционно настроенные члены и функционеры гамбургской организации НСДПГ провозгласили боевой целью партии установление диктатуры пролетариата. Они подчеркивали, что революционные силы рабочего движения «не должны в сложившейся обстановке... отказываться от участия в деятельности парламента»; в то же время они высказались против переоценки значения парламентской борьбы. В соответствующем предложении для съезда говорилось: «Съезд считает парламенты оплотом буржуазии. Задача представителей рабочего класса в парламенте состоит лишь в том, чтобы, находясь на этом ключевом участке

¹ Hamburger Echo, 27. X 1919, Abendausgabe.

классовой борьбы, отвергать и критиковать политику буржуазии, разъяснять с высокой трибуны парламента своему народу и народам других стран принципы марксистского социализма, разоблачать буржуазное правительство и его действия». Гамбургская организация НСДПГ выдвинула требование «оставаться в профсоюзах, с тем чтобы преобразовать их в духе революции»¹.

Эти взгляды совпадали с точкой зрения В. И. Лешина и Коммунистического Интернационала и находились в полном соответствии с решениями II съезда КППГ. Состоявшийся в октябре 1919 г. съезд КППГ разработал принципы революционной тактики партии в парламенте, принял решение о работе коммунистов в профсоюзах, а также подверг острой критике левосектантские взгляды по этому вопросу. Ведущие представители гамбургских коммунистов и другие «левые» делегаты, отказавшиеся отречься от своих сектантских, анархо-синдикалистских взглядов, были отстранены от участия в работе съезда.

На общем собрании членов НСДПГ 31 октября после выступления Эрнста Тельмана и других функционеров большинством голосов было принято решение о вступлении НСДПГ в Коммунистический Интернационал, «в эту единственную международную организацию, — говорилось в принятой собранием резолюции, — которая ведет последовательную классовую борьбу против международного капитала». Свое решение о вступлении в Коминтерн собравшиеся аргументировали и заявлением о солидарности с Советской Россией, которой немецкий рабочий класс должен оказывать поддержку в ее тяжелой борьбе. В другой резолюции собравшиеся потребовали, чтобы «предстоящий съезд обсудил вопрос о возможном приведении политической линии НСДПГ в соответствие с политикой руководства КППГ»². Это также явилось одобрением решений II съезда КППГ.

Левые силы в гамбургской организации НСДПГ и в особенности Эрнст Тельман хорошо понимали необходимость сближения своей партии с КППГ и объединения этих двух революционных отрядов немецкого рабочего движения. Однако в решении упомянутого вопроса они еще наталкивались на сопротивление, в том числе и со стороны левых функционеров НСДПГ, в других частях Германии.

Результаты общего собрания показали, что в низовых организациях НСДПГ возросло влияние левых функционеров и что в партии усилилась дифференциация между правыми и левыми силами. 10 октября в своей работе «Привет итальянским, французским и немецким коммунистам» В. И. Ленин писал: «Независимцы», каутскианцы, австрийские социал-демократы *кажутся* единой партией; на деле масса их членов партии *не* солидарна с вождями в основном, в самом главном, в наиболее существенном.

¹ HVZ, 4. XI 1919.

² Ebenda.

Масса пойдет на пролетарскую революционную борьбу за Советскую власть, как только наступит момент нового кризиса, а «войска» останутся и тогда, как и теперь, контрреволюционерами»¹.

В 1919 г. капиталистическая экономика Германии переживала кризис. Промышленное производство сократилось на одну треть по сравнению с 1918 г., половина фабрик простаивала в основном из-за нехватки угля, примерно на 10% снизился урожай. Вместе с тем к концу 1918 г. денежное обращение удвоилось. Непрерывно росли цены. В 1920 г. стоимость жизни в 15 раз превышала довоенный уровень, а заработная плата была на 25—30% ниже прожиточного минимума.

Для рабочих это означало, что после голодных военных лет им вновь пришлось затягивать пояса. Это означало, что с наступлением ранних холодов зимы 1919/20 г. многие компании в рабочих кварталах оставались неоплаченными, поскольку погреба торговцев углем оказались пустыми и раздобыть топливо можно было только по спекулятивным ценам на черном рынке. В семье Эрнста Тельмана голод и холод также стали постоянными гостями.

К этому времени Тельман окончательно избрал для себя жизненный путь рабочего вождя. Все свободное от работы время он посвящал выполнению обязанностей председателя гамбургской организации НСДПГ и депутата городского парламента. Весь день уходил на то, чтобы заработать скудное пропитание. Семья Эрнста Тельмана жила в той же нужде, что и тысячи немецких рабочих, служащих, мелких чиновников и других трудящихся.

6 ноября 1919 г. Роза Тельман родила девочку, которую назвали Ирмой. Велика была радость родителей. Но в тяжелых условиях того времени прибавилось также больше забот. Роза Тельман вспоминает: «Я сидела в холодной кухне, где горел только газовый рожок. Кутаясь и дрожа от холода, кормила грудью свою крошку, завернутую в теплое одеяло». Эрнст Тельман очень любил свою дочь. Теперь, напрягая все свои силы, чтобы помочь своему классу завоевать лучшее будущее, он боролся и за нее. Роза пишет: «Эрнст ходил по кухне, стиснув кулаки. «Так дальше жить невозможно, Роза! — сказал он. — Все должно измениться! Сейчас миллионы детей мерзнут так же, как наша Ирма и ты. Многие портовые рабочие не имеют работы. Надо бороться, Роза, за лучшую жизнь!»²

Через несколько дней после рождения дочери Эрнст Тельман с 11 другими делегатами гамбургской парторганизации принял участие в работе внеочередного Лейпцигского съезда НСДПГ. Он был избран делегатом на общем партийном собрании 4 тыс. голосов, получив после Германа Рейха наибольшее количество голосов.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 215.

² Сатулла Евгения. В семье Эрнста Тельмана. М., 1964, с. 17.

По сравнению с Берлинским съездом НСДПГ, состоявшимся в марте 1919 г., левое крыло партии было представлено на Лейпцигском съезде гораздо полнее. Это отразилось и на решениях съезда. Принятая единогласно Программа действий положила конец распылчатости «Программного манифеста» Берлинского партийного съезда, содержавшего требование включить систему Советов в буржуазный правопорядок. Новая Программа действий содержала решительное требование установления диктатуры пролетариата как важнейшего условия построения социалистического государства и заявление о необходимости слома капиталистического государства. Делегаты съезда единодушно приняли резолюцию, в которой заверяли рабочих и крестьян Советской России в братской солидарности.

Жаркие споры разгорелись по вопросу о вступлении в Коминтерн. В предложенной Вальтером Штёккером резолюции, которую поддержал также и Эрнст Тельман, выдвигалось требование безотлагательного вступления. Однако резолюция была отклонена 170 голосами против 111. Своего рода компромиссом явилась предложенная партийным руководством и контрольной комиссией резолюция, в которой выдвигалось требование порвать всякие отношения со II Интернационалом и установить связь с Коминтерном. После того как их предложение было отклонено, Эрнст Тельман и большинство других левых делегатов проголосовали за эту резолюцию, которая была принята абсолютным большинством голосов: 227 против 54.

Принятие этой резолюции означало поражение правого крыла НСДПГ. Левые взяли ее на вооружение в своей дальнейшей борьбе за вступление в Коммунистический Интернационал. Спустя некоторое время Ленин дал следующую оценку Лейпцигскому съезду НСДПГ: «...на последнем партийном съезде немецких «независимых» нам очень ясно видна была борьба направлений... Одно направление — революционные, вновь пришедшие к нам рабочие, противники рабочей аристократии; другое направление — рабочая аристократия, возглавляемая во всех цивилизованных странах старыми вождями»¹.

Левые независимые социал-демократы Гамбурга оценили Лейпцигский съезд как шаг вперед в развитии партии и усилили борьбу против оппортунистического влияния. На съезде окружной организации НСДПГ в середине января 1920 г. избранный одним из его председателей Эрнст Тельман заявил, что «разногласия внутри нашей партии... должны не замалчиваться, а устраняться путем всестороннего обсуждения»².

Эти усилия революционно настроенных членов и функционеров НСДПГ получили поддержку со стороны функционеров гамбургской организации КПГ.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 249.

² HVZ, 20. I 1920.

С лета 1919 г. реакционные силы германского милитаризма, юнкерства и монополистического капитала начали подготовку к насильственной ликвидации буржуазно-демократической республики и завоеваний Ноябрьской революции, разгрому всех рабочих организаций и установлению в Германии военной диктатуры. Участвовали открытые провокационные выступления махровых реакционеров. 18 ноября 1919 г. генералы Гинденбург и Людендорф, возглавлявшие с 1916 по 1918 г. высшее командование сухопутных войск, выступили в следственной комиссии Национального собрания с лживыми утверждениями об «ударе ножом в спину», распространявшимися еще в ходе Ноябрьской революции милитаристами, которые утверждали, что германские войска потерпели поражение не на поле боя, а в результате «удара ножом в спину», нанесенного им трудящимися своими аптивоенными выступлениями. Подстрекаемые реакцией мелкие буржуа, солдаты и студенты, вышли на улицы Берлина, чтобы приветствовать этих генералов лозунгами «Да здравствуют Гинденбург и Людендорф!», «Да здравствует кайзер Вильгельм III!».

КПГ и НСДПГ обратились к трудящимся с предостережением об опасности происков контрреволюции. 22 ноября 1919 г. по поручению правления гамбургской организации НСДПГ Эрнст Тельман опубликовал воззвание, в котором, ссылаясь на провокацию военных 18 ноября, разоблачал планы готовивших путч сил реакции. Он указывал, что события в Берлине свидетельствуют о надвигающейся опасности контрреволюции. «В газетах германских националистов,— говорилось в воззвании Тельмана,— открыто пропагандируется борьба против наших революционных борцов, зачастую эта пропаганда переходит в постоянную травлю; открыто проповедуется борьба против всех рабочих. Реакционеры чувствуют себя достаточно сильными, чтобы объявить войну рабочим! Они уже не скрывают этого. С нетерпением ждут они того момента, когда смогут пустить в ход все свои силы, чтобы творить произвол и пасилне...

Необходимо вести борьбу не только с реакцией, контрреволюцией и милитаризмом»,— заключал свое воззвание Эрнст Тельман. Следует также дать понять социал-демократическому сенату, что «гамбургские рабочие не намерены более терпеть кабалу и гнет в условиях не вызванного необходимостью осадного положения»¹. Тельман обратился к рабочим с призывом принять 23 ноября участие в организуемых НСДПГ собраниях протеста.

Собрания на тему «Против милитаризма и реакции» прошли с огромным успехом. Так было, например, в Викториягартеп, где

¹ HVZ, 22.XI 1919. Осадное положение было введено летом 1919 г.

выступил Эрнст Тельман. В опубликованном в «Гамбургер фолькс-цайтунг» сообщении говорилось, что один из ораторов-коммунистов «целиком и полностью» поддержал выступление Тельмана. Участники всех прошедших собраний приняли резолюцию, в которой выражали «пламенный протест против позиции, занятой правительством в отношении действий путчистов в Берлине». Для нас ясно, заявляли они, что действия реакционеров поощрялись социал-демократическими министрами в правительстве. «Пролетариат клянется, — говорилось далее в резолюции, — сплоченными силами ответить на этот удар... но не для того, чтобы сохранить портфели причастным к этим событиям министрам, а чтобы всеми имеющимися у него средствами вести борьбу за свободу пролетариата и построение социализма». Революционные рабочие Гамбурга потребовали, в частности, освобождения всех политических заключенных, полной свободы печати, слова, митингов и собраний, отмены осадного положения, незамедлительной ликвидации военно-полевых судов и разоружения рейхсвера. В заключение в резолюции говорилось: «Мы шлем сердечный привет мужественным российским борцам за свободу и заявляем о своей поддержке их героической освободительной борьбы с мировым империализмом. В нашей совместной борьбе мы считаем себя едиными с пролетариатом России, его поражение будет нашим поражением, его победа — нашей победой!»¹

Через несколько недель контрреволюционные силы совершили провокацию. 13 января 1920 г., когда десятки тысяч берлинских рабочих организовали у здания рейхстага демонстрацию протеста в отношении намерения Национального собрания принять закон против заводских советов, военный министр социал-демократ Густав Носке по требованию монархиста генерала Вальтера фон Лютвица отдал приказ стрелять в демонстрацию. В результате кровавой расправы 42 человека было убито и 105 ранено; путь к принятию реакционного закона о заводских советах был расчищен.

Ответом на учиненное войсками Носке побоище у рейхстага в Берлине явились массовые митинги протеста, организованные 16 января рабочими Гамбурга, которых поддерживали братья по классу во всей Германии. Эрнст Тельман выступил в портовом районе Ротенбургсорт. Как и все выступавшие на организованных НСДПГ собраниях ораторы, он вначале почтил память основателей Коммунистической партии Германии Карла Либкнехта и Розы Люксембург, павших от рук контрреволюционеров год назад, и других погибших за это время революционеров. Эрнст Тельман назвал закон о заводских советах «позорным законом», поскольку он, как говорилось в принятой резолюции, означал «насилие над правами рабочих» и служил «лишь интересам предпринимателей». Сравнившиеся отклонили реакционный закон о заводских советах и потребовали для рабочих «права контроля и участия в решении

¹ HVZ, 24. XI 1919.

попросов деятельности предприятий»¹. На заседании городского парламента 5 марта 1920 г. Эрнст Тельман выразил уверенность в том, что в Германии идея Советов одержит победу, «так же как это произошло в России»².

В марте 1920 г. наиболее воинственные силы контрреволюции сочли свои позиции настолько окрепшими, чтобы открыто установить свою диктатуру. Если до этого ультрараскиссионное крыло монополистической буржуазии и военной клики использовало правых социал-демократических лидеров в качестве фигового листка, то теперь оно решило, что пришло время установить свое полное единовластие.

Утром 13 марта на улицах Берлина раздалась гулкая поступь марширующих контрреволюционных военных отрядов. Под черно-бело-красными знаменами кайзеровского рейха в город вошла бригада морской пехоты Эрхарда. Путчисты без боя заняли правительственный квартал города и провозгласили новое правительство. Рейхсканцлером стал восточнопрусский юнкер Вольфганг Капп, военным министром — заклятый враг рабочего класса генерал фон Лютвиц. Они распустили Национальное собрание, объявив, что любая попытка к сопротивлению будет караться смертной казнью. Военные заговорщики выступили по всей Германии. За их спиной стояли также крупные монополистические воротилы, как Борзиг, Маннесман и Стигнес, и также реакционные политики, как Гугенберг. Коалиционное правительство правого социал-демократа Бауэра бежало в Дрезден, а оттуда — в Штутгарт.

Рабочий класс единодушно выступил против грозившей трудящимся опасности. Утром 13 марта 1920 г., когда в Гамбург стали поступать первые сообщения о капповском путче, рабочие по призыву гамбургских заводских советов и профессиональных союзов сплоченно поднялись на всеобщую забастовку. Правления гамбургских организаций социал-демократической партии и немецкой демократической партии также опубликовали совместный призыв к забастовке. В то время как в этих воззваниях основной упор делался на призыве к рабочим выступить за буржуазную республику и конституционное правительство, организация НСДПГ района Вассеркапте раскрывала в первую очередь подоплеку путча и указывала цели борьбы революционных рабочих против путчистов. В ее воззвании говорилось: «Случилось то, что мы постоянно предсказывали. Реакционная камарилья предприняла попытку путем военного путча захватить бразды правления и открыто установить диктатуру капитала... Военная и юнкерская каста сбросила фиговый листок формальной демократии. Эберт, Носке и Бауэр пожинают плоды того, что они посеяли... Мы боремся не за антирабочее правительство, оно недостойно бесценной крови, пролитой народом. Вступив в борьбу, мы должны ликвидировать реакцию,

¹ HVZ, 17. I 1920.

² Stenographische Berichte über die Sitzungen der Bürgerschaft zu Hamburg im Jahre 1920. Hamburg o. J., S. 311.

разгромить милитаризм и проложить путь к построению социализма»¹.

На одном из партийных собраний Эрнст Тельман заявил, «что НСДПГ вступила в эту акцию не для того, чтобы, скажем, поддержать правительство Эберта — Носке. Мы в этом не заинтересованы. Для нас важно использовать сложившуюся обстановку в интересах революционного пролетариата»².

13 марта во второй половине дня забастовка гамбургских рабочих стала уже всеобщей. Бастовали не только рабочие верфей и промышленных предприятий. В городе бездействовали трамвайные линии и железные дороги. К рабочим присоединились служащие учреждений и заводов. Оценивая эти события, Эрнст Тельман писал: «Нас в Гамбурге радует прежде всего то, что пролетариат был настроен в эти дни... исключительно по-революционно»³.

В то время как сплотившиеся вокруг Эрнста Тельмана и Германа Рейха левые силы гамбургской организации НСДПГ призывали к последовательной борьбе против милитаристской реакции вплоть до ее окончательного подавления, правые силы, представителями которых были депутаты гамбургского парламента Пауль Бергман и Фердинанд Кальвейт, пытались заключить гнилое компромиссное соглашение с правыми лидерами СДПГ и с демократической партией. Опираясь на большинство во фракции НСДПГ в городском парламенте, они вошли в комитет парламента и сената, который должен был руководить всеми мероприятиями, направленными против путчистов, и одновременно сдерживать протест рабочих в пределах, обеспечивающих безопасность буржуазному строю.

Ввиду того что командующий гарнизоном Альтоны полковник фон Вангенгейм вместе со своим штабом и подчиненными ему частями открыто встал на сторону путчистов, парламент под давлением бастовавших рабочих был вынужден все же принять решение, согласно которому все «способные носить оружие мужчины, готовые, независимо от партийной принадлежности, выступить на защиту республики»⁴, поступали в распоряжение городского ополчения. Вооружение рабочих частей стало первым успехом революционных сил, противостоявших правым лидерам социал-демокра-

¹ HVZ, 17.III 1920. В призыве также требовалось: «3. После победы над путчистами Лютвицем и Каппом — незамедлительная отставка правительства Эберта — Носке. 4. После этого — формирование переходного правительства, которое даст гарантии непеременимого сохранения всех прав, обеспечивающих свободу».

² HVZ, 19.III 1920. В противоположность этому левосектантские силы гамбургской организации КПГ, сплотившиеся вокруг Фрица Вольфгейма, выступили, как только начался путч, с призывами к соблюдению «нейтралитета».

³ HVZ, 17. III 1920.

⁴ Stenographische Berichte über die Sitzungen der Bürgerschaft zu Hamburg 1920, S. 388.

тии, которые пытались по возможности ограничить активность пролетариата.

Благодаря широте и сплоченности забастовочного движения объединившимся вокруг полковника фон Вангенгейма путчистам не удалось достичь сколько-нибудь значительных успехов. Их попытки поставить город под свой контроль потерпели неудачу. Уже 15 марта Вангенгейм и его штаб были вынуждены покинуть Альтону. Это явилось победой гамбургских рабочих и служащих. Но вместо того, чтобы закрепить эту победу, оказав помощь силам, борющимся против контрреволюции в остальных частях Германии, правые социал-демократические и профсоюзные лидеры Гамбурга не пашли более срочного дела, как объявить о завершении всеобщей забастовки.

Большая часть членов и функционеров гамбургской организации НСДПГ намеревалась продолжить всеобщую забастовку. На собраниях, созванных НСДПГ в различных частях города во второй половине дня 16 марта, большинство ораторов протестовало против прекращения всеобщей забастовки. Эрпст Тельман выступил на собраниях в клубе Бана и в Конвентгартене. Обращаясь к рабочим, он сказал: «Мы считаем, что прекращать забастовку не следовало». Он призвал собравшихся находиться на своих рабочих местах с оружием, чтобы быть готовыми «к любым обстоятельствам»¹. «Революционные рабочие,— говорилось в принятой резолюции,— не могут оставаться в стороне в разгоревшейся борьбе... Угроза со стороны сил реакции окончательно еще не устранилена»².

Хорошо организованная всеобщая забастовка и успехи рабочих в вооруженной борьбе выпудили правительство Каппа 17 марта к отказу от власти. В ходе единодушного пролетарского выступления, ставшего крупнейшим со времени Ноябрьской революции, рабочие доказали, что, объединившись в своей борьбе, они становятся непобедимой силой. Благодаря единству действий рабочий класс вовлек в борьбу широкие слои трудящихся, представителей средних слоев, интеллигенции и демократически настроенной буржуазии, он сумел воспрепятствовать установлению военной диктатуры и защитить социальные завоевания Ноябрьской революции. В открытом противоборстве с рабочим классом милитаризм потерпел поражение.

Вновь объединившиеся, поддерживаемые правыми социал-демократическими лидерами силы контрреволюции видели теперь главную задачу в том, чтобы помешать рабочим воспользоваться результатами своей победы, чтобы добиться прекращения повсюду всеобщей забастовки и разоружения пролетариата. Уже 18 марта возглавлявший гамбургскую службу безопасности полковник Мейн отдал приказ отобрать у рабочих розданное им оружие. Эта ме-

¹ HVZ, 19. III 1920.

² Hamburger Nachrichten, 17. III 1920, Morgenausgabe.

ра, которую даже социал-демократические функционеры считали «неправильной в тактическом отношении»¹, вызвала среди революционно настроенных рабочих глубокое возмущение. 19 марта на улицах Гамбурга появились грузовики с солдатами и служащими органов безопасности, которые должны были собрать оружие и документы на него². В ответ на это созданный гамбургской организацией НСДПГ комитет действия, в который наряду с Эрнстом Тельманом вошли еще три левых функционера и один правый, вновь призвал рабочих к всеобщей забастовке: «Рабочих хотят разоружить. Это провокация... Витровка в руках рабочего является залогом свободы. Вступайте во всеобщую забастовку! Выходите со своих предприятий!»³ На собрании организации НСДПГ, состоявшемся 19 марта в переполненном до отказа большом зале Дома профсоюзов, была принята резолюция, в которой гамбургские рабочие выражали свою готовность к борьбе. Рабочие вновь призывались к всеобщей забастовке с требованиями: немедленное прекращение изъятия оружия; возврат уже отобранного оружия; всеобщее вооружение пролетариата; поддержка борющихся рабочих в Киле; освобождение политических заключенных и арестованных.

Гамбургские коммунисты, отмежевывавшиеся в конце февраля 1920 г. от левосектантских сил, поддержали новый призыв НСДПГ ко всеобщей забастовке. В заявлении, опубликованном гамбургской организацией КПГ, говорилось: «Коммунисты! Объединившиеся с социал-демократией силы контрреволюции вновь хотят разоружить рабочий класс... Ни один революционный рабочий не должен приступать к работе, пока не будет проведено вооружение рабочего класса на предприятиях. Комитет действия НСДПГ призвал к всеобщей забастовке. В Гамбурге повсюду, где начнут разгораться бои, коммунисты будут бороться в первых рядах»⁴.

К вечеру 19 марта призыву к забастовке последовали рабочие многих верфей. Они покинули свои рабочие места и направились к площади Хайлигенгайстфельд, чтобы принять участие в митинге протеста против разоружения пролетариата. Однако против рабочих были брошены команды службы безопасности, которые разогнали собравшихся. 20 марта многие рабочие верфей еще бастовали. На некоторых верфях забастовка являлась всеобщей. Однако преобладающее влияние социал-демократов и профсоюзной бюрократии мешало единству действий рабочих Гамбурга. 22 марта повсюду была возобновлена работа.

¹ Stenographische Berichte über die Sitzungen der Bürgerschaft zu Hamburg 1920, S. 412.

² Vgl.: HVZ, 19. III 1920. Реакция, однако, не удалось получить все оружие. Так, рабочие Шифбека «отказались сдать оружие, после чего машины уехали. Рабочее ополчение выставило посты и само будет следить за спокойствием и порядком». (Ebenda.)

³ HVZ, 19. III 1920.

⁴ StA Bremen, Bestand 4, 65, IV 4e, Bd. 1.

В дни всеобщей забастовки против канповского путча в гамбургской организации НСДПГ быстро проявились глубокие разногласия между правым крылом, которое представляли Бергман и Кальвейт, и возглавлявшимся Тельманом и Рейхом левым крылом.

Стремясь упредить открытую критику в свой адрес со стороны партийной организации, правые во фракции НСДПГ в гамбургском парламенте приняли 18 марта резолюцию, направленную против Эрнста Тельмана и Германа Рейха. Ее подписали 11 человек, заявивших об отказе «нести впредь ответственность за политику, проводимую Тельманом и Рейхом», и выразивших этим двум депутатам парламента «свое решительное недоверие... за их действия, идущие вразрез с политикой фракции»¹.

Однако члены гамбургской организации НСДПГ решили по-другому: они встали на сторону Эрнста Тельмана, Германа Рейха и их революционной политики. На своем чрезвычайном заседании 25 марта комитет гамбургской организации НСДПГ выразил партийной фракции в парламенте, за исключением Тельмана и Рейха, недоверие и потребовал от подписавшихся под провокационной резолюцией сложить с себя полномочия депутатов городского парламента. 1 апреля 1920 г. в большом зале Дома профсоюзов состоялось многолюдное собрание организации НСДПГ, участники которого выразили свое возмущение действиями 11 правых депутатов. Они потребовали немедленного лишения их депутатских полномочий, заявив, что фракция должна действовать только в духе решений Лейпцигского партийного съезда². Участники состоявшейся 18 апреля конференции всех гамбургских местных организаций НСДПГ, на которой присутствовал секретарь Центрального Комитета партии Вальтер Штёккер, после шестичасовой дискуссии 69 голосами против 6 высказались в поддержку Тельмана и Рейха. В одном из донесений агента охранки сообщалось, что на собраниях НСДПГ идет острое противоборство. «Сторонники радикального направления, которое возглавляют Рейх и Тельман, неизменно составляют большинство». В донесении отмечалось, что Бергман и Кальвейт «считаются изменниками пролетариата»³.

11 правых депутатов от НСДПГ в гамбургском парламенте были заменены. Таким образом, правые утратили одну из своих сильнейших позиций.

Политика, отстаиваемая Эрнстом Тельманом, одержала в НСДПГ крупную победу. Она была закреплена 14 мая 1920 г.,

¹ Hamburger Echo, 24. III 1920, Morgenausgabe.

² «Гамбургер фолькс-цайтунг» комментировала результаты собрания следующим образом: «Тем самым гамбургская организация НСДПГ заявила раз и навсегда, что в НСДПГ не должно быть почвы для реформизма и что, верная решениям Лейпцигского съезда, наша партия должна оставаться на позициях признания диктатуры пролетариата и системы революционных Советов».

³ StA Bremen, Bestand 4, 65, IV 4e, Bd. 1.

когда год спустя после избрания Эрнста Тельмана неосвобожденным председателем состоялись переѳыборы гамбургского руководства партии. Тельмана вновь избрали председателем правления. Представители правого крыла избраны не были. В других партийных органах также произошли перемены: в апреле на посты председателя и секретаря правления окружной парторганизации и на пост главного редактора «Гамбургер фолкс-цайтунг» были избраны представители левого крыла. В июне состоялись переѳыборы комиссии по печати.

В своей работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» В. И. Ленин тогда писал: «Теперь, в 1920 году, после всех позорных крахов и кризисов эпохи войны и первых лет после войны, видно ясно, что из всех западных партий именно немецкая революционная социал-демократия дала лучших поѳедей, а также оправилась, вылечилась, окрепла вновь раньше других. Это видно и на партии спартаковцев и на левом, пролетарском крыле «Независимой с.-д. партии Германии», которое ведет неуклонную борьбу с оппортунизмом и бесхарактерностью Каутских, Гильфердингов, Ледебуров, Криспинов»¹.

9

За присоединение к Коммунистическому Интернационалу и объединение с КПП

Политическая борьба в НСДПГ обострялась. В центре дискуссий находился вопрос о присоединении к Коммунистическому Интернационалу. Под давлением большинства членов партии за присоединение теперь выступали также и правые лидеры, по, как заявил один из председателей НСДПГ Артур Криспиа, «не без условий»², — они были за присоединение, которое должно было внести в Коммунистический Интернационал центризм, вместо того чтобы преодолеть его в рядах самой НСДПГ. Правые лидеры ставили своей целью, как позднее — при подготовке II Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала — писал Ленин, сохранить в Интернационале «такую «автономию», которая давала бы им возможность проводить прежнюю оппортунистическую или «центристскую» политику»³.

Против этих попыток выступили революционно настроенные члены и функционеры НСДПГ. Уже перед Лейпцигским съездом партии они требовали присоединиться к Коминтерну без всяких условий, на основе решений, принятых Учредительным конгрессом

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 16.

² Die Sozialistische Republik (Köln), 24. II 1920.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 204.

Коммунистического Интернационала. При этом они опирались на поддержку Исполкома Коминтерна и КПГ.

5 февраля 1920 г. Исполком Коммунистического Интернационала направил письмо, адресованное всем рабочим Германии, руководству Коммунистической партии Германии и руководству Независимой социал-демократической партии Германии. Это был ответ на письмо Центрального Комитета НСДПГ 19 зарубежным партиям и группам и ИККИ, в котором сообщались важнейшие итоги съезда. Опираясь на указания Ленина, руководящий орган Коминтерна критиковал политику правых лидеров НСДПГ, приветствовал достигнутый под давлением революционно настроенных членов партии разрыв со II Интернационалом и приглашал направить делегацию НСДПГ для переговоров.

Письмо ИККИ сыграло важную роль на собраниях НСДПГ Гамбурга и в статьях «Гамбургер фолкс-цайтунг». Газета опубликовала важные работы В. И. Ленина; так, 8 и 9 апреля 1920 г. была напечатана его статья «Оппортунизм и крах II Интернационала». В гамбургской и других организациях НСДПГ все настойчивее выдвигалось требование направить в Москву делегацию, чтобы осуществить присоединение к Коммунистическому Интернационалу.

Гертруда Майер, являвшаяся в то время членом НСДПГ в Кёльне, вспоминает о своей беседе с Эрнстом Тельманом в мае 1920 г. в Гамбурге. Кёльнские члены НСДПГ, среди которых важную роль играл Франц Далем, бывший тогда редактором газеты «Социалистиче републик», в своем большинстве выступали за присоединение НСДПГ к Коммунистическому Интернационалу. В беседе Гертруды Майер с Тельманом речь шла об отношении НСДПГ к КПГ и об их объединении. Эрнст Тельман говорил, что не следует торопиться. «Нам требуется массовое движение. Коммунистическая партия так, как ее себе представляет Ленин, не может быть только партией добрых единомышленников. Это должна быть партия масс»¹. Для Эрнста Тельмана было важно добиться того, чтобы за присоединение к Коминтерну и за объединение с КПГ выступило как можно больше членов НСДПГ².

В ходе кампании по выборам в рейхстаг, назначенным на 6 июня 1920 г., также проявилось возросшее влияние левого крыла НСДПГ. Члены гамбургской организации НСДПГ выдвинули 9 мая своих кандидатов по гамбургскому избирательному округу. Главными кандидатами наряду с Эрнстом Тельманом являлись Герман Рейх и Вильгельм Герцог, которые тоже принадлежали к левому крылу партии.

¹ Новое время, 1969, № 33, с. 17.

² В одной из своих записей об Эрнсте Тельмане Вильгельм Флорин излагает по памяти содержание письма, которое Эрнст Тельман направил своим товарищам из кёльской организации НСДПГ и в котором он писал о своем отношении к КПГ. Он отмечал, что задача состоит в том, чтобы путем объединения превратить КПГ в массовую партию.

Участие в выборах в рейхстаг не было для Эрнста Тельмана и его соратников самоцелью. Они видели свою задачу в том, чтобы в ходе подготовки к выборам всколыхнуть массы. На проводившихся НСДПГ предвыборных собраниях Тельман предостерегал от парламентских иллюзий. Так, выступая на собрании 2 мая 1920 г., он подчеркивал: «Мы используем парламент лишь для того, чтобы обращаться с его трибуны к массам... Мы идем в парламент по той же причине, что и в профсоюзы. Мы хотим революционизировать массы... Мы должны разъяснить массам, что сотрудничество наших революционных борцов в рейхстаге может иметь успех лишь при условии, если оно будет увязываться с уличными выступлениями»¹.

На выборах в гамбургском избирательном округе НСДПГ добилась крупного успеха. Насчитывавшая к тому времени 24 тыс. членов партийная организация получила 84 518 голосов, удвоив, таким образом, число поданных за ее кандидатов голосов по сравнению с выборами в гамбургский парламент в марте 1919 г. и получив депутатский мандат в рейхстаг. Его обладателем стал Герман Рейх, получивший при выдвижении кандидатур для выборов на несколько голосов больше, чем Эрнст Тельман. Число голосов, поданных за СДПГ, сократилось. За нее голосовало 215 293 избирателя. По сравнению с выборами в городской парламент 1919 г. она потеряла более 50 тыс. голосов.

КПГ, участвовавшая в выборах впервые, набрала в Гамбурге 2929 голосов. К тому времени гамбургская организация КПГ была певелика; ее члены, группировавшиеся вокруг Рудольфа Линдау, поддерживали решения II и III съездов партии, в то время как большинство, оставшееся после II съезда КПГ на антипартийных позициях, в феврале 1920 г. было исключено III съездом партии из ее рядов. Апархо-синдикалистские силы присоединились позднее к левосектантской раскольнической группировке т. н. коммунистической рабочей партии Германии. Гамбургской организации КПГ, сохранившей контроль над газетой «Коммунистисхе арбайтерцайтунг», постепенно удалось укрепить свои позиции и усилить свое влияние среди рабочих.

На собрании НСДПГ 18 июня Эрнст Тельман сделал анализ состоявшихся выборов в рейхстаг. Он подверг критике имевшиеся в партии силы, выступавшие за создание коалиционного правительства с участием СДПГ и буржуазных партий. Поддержав его, собрание высказалось против того, чтобы «независимые социал-демократы на нынешнем этапе борьбы пошли на переговоры и тем более на создание коалиционного правительства с правыми социалистами, ибо они тем самым способствовали бы опасному для революции заблуждению, будто правые социалисты... являются социалистической партией и будто назначенные парламентом министры могут на основе действующего законодательства сломить

¹ HVZ, 7. V 1920.

сопротивление буржуазии. Мы сможем приблизиться к своей цели — к социализму лишь путем бескомпромиссной классовой борьбы, центр тяжести которой находится вне парламента и которая должна вестись всеми содействующими достижения успеха средствами»¹.

В своем докладе на собрании Эрнст Тельман резко критиковал «хитрую медлительность в переговорах с Москвой и в присоединении к III Интернационалу». Необходимо, заявил он, «своевременно позаботиться о надежной делегации на июльский конгресс в Москве»². Собрание приняло резолюцию, в которой в соответствии с предложением Тельмана содержалось требование направить в Советскую Россию комиссию «для переговоров с представителями III Интернационала и для нашего присоединения к Коминтерну в соответствии с решениями съезда партии. Члены партийной организации Гамбурга считают, что отсутствие какой-либо согласованности действий с революционными социалистическими партиями других стран недостойно нашей борьбы и нашей политической роли в Германии»³.

Это заявление о приверженности пролетарскому интернационализму не было пустой декларацией. Когда польские реакционные помещики и капиталисты при поддержке французского и английского империализма весной 1920 г. развязали новую интервенционистскую войну против Советской России, левые функционеры НСДПГ вместе с коммунистами возглавили движение «Руки прочь от Советской России!». «Борьба против Советской России, — говорилось в воззвании руководства окружной организации НСДПГ Вассеркапте, — это не только борьба Франции и Польши против России, это борьба капитализма против социализма». Рабочие и заводские советы призывались к бдительности: «Осуществляйте строжайший контроль за транспортом на Восток. Не допускайте никаких перевозок боеприпасов и войск... Следите за погрузками в порту... доказывайте свою солидарность революционными делами»⁴. Выступая на одном из собраний НСДПГ, Эрнст Тельман и Анна Гайер в соответствии с выводом о том, что первое социалистическое государство является оплотом международного революционного движения и что его защита отвечает кровным интересам пролетариата всех стран, заявили, что немецкие рабочие не могут оставаться нейтральными в борьбе, которую ведет Советская Россия против мирового империализма. Поэтому их лозунгом является: оказание поддержки Красной Армии, чтобы помочь Советской России одержать победу.

¹ HVZ, 19. VI 1920.

² Имеется в виду II Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала.

³ NVZ, 19. VI 1920.

⁴ Hamburgischer Correspondent, 25. VIII 1920.

Фридрих Детман, являвшийся тогда членом гамбургской организации НСДПГ, в своих воспоминаниях пишет о том, что предназначавшиеся для отправки морским транспортом оружие и боеприпасы в то время нередко указывались в коносаментах как безобидные грузы. Но Эрнст Тельман не давал себя провести. Он «организовывал рабочий контроль. Осматривая корабли, обходя пакгаузы, он беседовал с матросами, портовыми рабочими и железнодорожниками и убеждал их проявить пролетарскую солидарность с ведущими борьбу русскими братьями по классу»¹.

Совместная борьба коммунистов и членов НСДПГ в рядах движения «Руки прочь от Советской России!» еще теснее сближала революционных немецких рабочих и усиливала влияние левого крыла в НСДПГ. В результате правые в Центральном Комитете НСДПГ были наконец вынуждены согласиться с направлением делегации на II Всемирный конгресс Коминтерна. В нее вошли Эрнст Дэйминг и Вальтер Штёккер в качестве представителей левого крыла, а также Артур Криспиан и Вильгельм Дитман от правого крыла. В итоге длившейся в течение полугода внутрипартийной борьбы левым силам НСДПГ при поддержке Коминтерна и КПГ удалось сорвать замыслы правых и превратить в жизнь решение Лейпцигского партийного съезда об установлении связей с Коммунистическим Интернационалом.

II Всемирный конгресс Коминтерна, проходивший с 19 июля по 7 августа 1920 г. в Петрограде и Москве, принял при имевшем решающее значение участии В. И. Ленина ряд важных решений. Он расценил работу в профсоюзах и других массовых организациях и революционную деятельность в парламентах, как и защиту повседневных интересов рабочих, в качестве основополагающих задач коммунистических партий. В резолюции «Роль коммунистической партии в пролетарской революции» и в «21 условии» приема в Коминтерн он сформулировал принципиальные отличительные черты партии нового типа. Условия приема в Коминтерн стали барьером против проникновения оппортунистических элементов во всемирную организацию коммунистов и поддержкой для революционных сил в таких партиях, как НСДПГ, в их борьбе против лидеров, упорно придерживавшихся правооппортунистических и центристских взглядов. В «21 условии», наряду с прочим, от всех партий требовались обеспечение коммунистического содержания агитации и пропаганды, пропаганда диктатуры пролетариата, строительство партии на основе демократического централизма и обеспечение твердой партийной дисциплины, ведение систематической работы среди рабочих и других трудящихся города и деревни. Они вменяли партиям в обязанность оказывать безоговорочную поддержку всем государствам, где установлена власть рабочего класса, и освободительному движению в колониях. «Условия приема» ускорили процесс

¹ Deutschlands unsterblicher Sohn, S. 46.

дифференциации в центристских партиях. Они в решающей мере содействовали внедрению марксизма-ленинизма в международное рабочее движение.

После Всемирного конгресса Коминтерна в организациях и в печати НСДПГ разгорелась ожесточенная борьба за признание решений конгресса, особенно «21 условия» приема в Коминтерн. Функционеры левого крыла использовали при этом любую возможность для разъяснения рабочим исторического значения и задач Коммунистического Интернационала. Густав Гунделах, тогдашний председатель районной организации НСДПГ Уленхорст-Винтерхуде, пишет о том, что, выступая на заседаниях правления, совещаниях функционеров и партийных собраниях, Эрнст Тельман страстно призывал одобрить решения Коминтерна. «На примере накопленного в Германии опыта он показывал, как политика реформистов и центристов оборачивалась против интересов рабочего класса, и разъяснял вытекающие из этого задачи и обязанности революционной рабочей партии. Насколько помню, везде, где выступал Эрнст Тельман, ему удавалось добиваться признания большинством функционеров и членов партии требований Ленина»¹.

Герман Рейх с гордостью констатировал на всегерманской конференции НСДПГ в начале сентября 1920 г. в Берлине, что в Гамбурге «вообще нет больше споров по вопросу, следует ли присоединиться к III Интернационалу, — этот вопрос был уже ясен на Лейпцигском съезде партии, и члены гамбургской партийной организации требуют, чтобы НСДПГ присоединилась к III Интернационалу»². Принятие на собрании гамбургской парторганизации НСДПГ 9 сентября 1920 г. подавляющим большинством голосов резолюции, в которой заявлялось о поддержке решений II Всемирного конгресса и о международной солидарности с Советской Россией, подвело черту под длительным периодом борьбы. Состоявшаяся затем конференция партийных функционеров также встала на платформу Коммунистического Интернационала, обратившись в полном соответствии с воззванием представителей левого крыла НСДПГ Берты Браунталь, Эрнста Дёймига, Адольфа Гофмана, Вильгельма Кёнена и Вальтера Штёккера с призывом к членам партии направить на предстоящий партийный съезд таких делегатов, которые безоговорочно выступают за принятие «21 условия» приема в Коминтерн.

В НСДПГ все громче становились голоса тех, кто выступал за объединение революционного левого крыла партии с КПП и за создание единой секции Коммунистического Интернационала в Германии. В начале сентября «Гамбургер фолькс-цайтунг» под заголовком «Войдем в Коминтерн!» писала, что очищение НСДПГ

¹ Deutschlands unsterblicher Sohn, S. 57.

² Unabhängige Sozialdemokratische Partei Deutschlands. Protokoll der Reichskonferenz vom 1. bis 3. September 1920. Berlin o. J., S. 88.

от всех оппортунистических элементов является предпосылкой для того, чтобы «выковать крупную массовую германскую коммунистическую партию, в которую вольются все пока еще расколотые отряды революционных рабочих»¹.

На организованном КПГ 20 сентября в большом зале Дома профсоюзов открытом собрании, на котором с отчетом о II Всемирном конгрессе Коминтерна выступил председатель КПГ Пауль Леви, разъяснивший, в частности, значение «21 условия» приема в Коминтерн для создания массовой революционной партии немецкого пролетариата, взял слово также Эрнст Тельман. Поддержав выступление Леви, он подчеркнул, что успешная борьба против мирового империализма возможна только при условии сплочения всех революционных партий в рядах Коммунистического Интернационала. Поэтому, заявил он, я сразу же выступил в поддержку условий приема в Коминтерн. Советским коммунистам, продолжал он, принадлежит ведущая роль в Интернационале, ибо Ленин и его боевые соратники являются «людьми, которые... знают революционное движение всего мира по собственному опыту и которым можно доверять»². В героической борьбе, которую Советская Россия ведет против международного капитализма, сказал Тельман, необходимо оказывать русским братьям активную помощь. Тельман потребовал, чтобы направлявшиеся в Польшу группы военнопленных были разоружены, а боеприпасы уничтожены.

С 12 по 17 октября 1920 г. Эрнст Тельман участвовал в качестве одного из 20 делегатов округа Вассеркапте в работе чрезвычайного съезда НСДПГ в Галле. Его последовательно революционная позиция обеспечила ему большинство голосов на выборах делегатов съезда от гамбургской партийной организации.

В начале своего выступления в прениях по отчетному докладу Эрнст Тельман от имени делегации округа Вассеркапте внес предложение поручить Центральному Комитету и фракции НСДПГ в рейхстаге «...немедленно предпринять необходимые шаги, чтобы предотвратить грубую высылку делегатов русских профсоюзов»³. Выдворение делегации, находившейся в Германии по приглашению Всеобщего германского объединения профсоюзов (АДГБ), заявил он, — это наглая провокация по отношению к немецкому пролетариату.

Далее Тельман подверг резкой критике оппортунистические действия правого большинства в Центральном Комитете, которые, как заявил он, должны были «вызвать у германского пролетариата известное недоверие к такой партии»⁴. КПГ, заметил он, с полным основанием критиковала эти действия. Вместе с другими левыми делегатами съезда он голосовал за резолюцию,

¹ Zit. in: Gothaer Volksblatt, 11.IX 1920.

² StA Bremen, Bestand 4, 65, IV 4-e, Bd. 1.

³ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 14.

⁴ Там же, с. 16.

требовавшую немедленного присоединения партии к Коммунистическому Интернационалу и тем самым ее объединения с КПП. После того как резолюция была принята 237 голосами против 156, причем несколько делегатов воздержались, оставшиеся в меньшинстве правые делегаты покинули съезд, раскол таким образом НСДПГ.

В качестве представителя округа Вассерканте Эрнст Тельман был избран на съезде партии в Галле в Партийную комиссию НСДПГ (левая), впервые войдя, таким образом, в состав руководства партии. После съезда он в качестве председателя городской парторганизации НСДПГ Гамбурга направил все свои силы на скорейшее идейное и организационное объединение левого крыла НСДПГ с КПП. На заседании Центрального Комитета партии, Партийной комиссии и Комиссии партийного контроля НСДПГ 28 октября 1920 г. он поддержал предложение Вильгельма Кёнена созвать объединительный партийный съезд уже в начале декабря. Это предложение перекликалось также с решением партконференции организации КПП округа Норд от 17 октября 1920 г., постановившей «осуществить как можно быстрее объединение с левыми силами НСДПГ»¹. Эрнст Тельман сообщил о том, что в Гамбурге «налажено хорошее сотрудничество с товарищами из КПП»².

Усиливавшееся взаимодействие между НСДПГ и КПП проявилось также в ходе мероприятий в честь 3-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. 4 ноября 1920 г. «Гамбургер фолькс-цайтунг» опубликовала воззвание КПП, НСДПГ (левая) и КРПГ с призывом к трудящимся «проявить солидарность с Советской Россией» участием в «массовой демонстрации», а также почтить память жертв контрреволюции. Местом митинга было избрано кладбище Ольсдорф, где рабочие Гамбурга воздвигли памятник своим братьям по классу, погибшим в революционных боях 1918—1920 гг. На митинге с речами выступили Эрнст Тельман, писатель Вильгельм Герцог, ставший летом 1920 г. редактором газеты «Гамбургер фолькс-цайтунг», и другие ораторы. Они поклялись продолжить борьбу в духе, заветам погибших революционеров, и всегда проявлять солидарность с «русскими братьями».

Два дня спустя Эрнст Тельман и представитель КПП выступили с речами на многоядном собрании в большом зале «Загебиля», посвященном 2-й годовщине Ноябрьской революции в Германии. Городской сад «Загебиль» у железнодорожного круга в центральной части города со своими восемью залами был одним из крупнейших заведений такого рода в Германии. Эрнст Тельман заявил в своей речи, что годовщина Ноябрьской революции не может быть отмечена как день победы, — это день обвинения и при-

¹ IML, ZPA, 30/201.

² Ebenda, 143/1/1415.

зыка к борьбе. Огромная вина лежит на правых лидерах СДПГ, разоруживших рабочих. В заключение своей речи Тельман обратился с призывом к женам рабочих побуждать своих мужей к участию в классовой борьбе пролетариата и включаться в эту борьбу самим. После собрания его участники сомкнутыми колоннами, с пением «Интернационала» и провозглашая здравицы в честь III Интернационала, двинулись по улицам в различные части города.

3 декабря 1920 г. Эрнст Тельман участвовал в работе внеочередного съезда НСДПГ в Берлине, на котором была проведена непосредственная подготовка к объединению. Выступая на съезде, Вальтер Штёккер констатировал, что «гамбургская окружная организация... является одной из тех, члены которых перешли к нам в подавляющем большинстве... Мы твердо держим в своих руках также и «Гамбургер фолькс-цайтунг»¹. На следующий день начался совместный съезд с участием КПГ, продлившийся до 7 декабря 1920 г. и завершивший процесс объединения созданием Объединенной коммунистической партии Германии (ОКПГ). 20 делегатов НСДПГ (левая), среди которых был Эрнст Тельман, и 4 делегата КПГ представляли на съезде революционный пролетариат округа Вассерканте². «Гамбургер фолькс-цайтунг» писала 6 декабря 1920 г.: «В течение почти двух лет те, кто по сути были единого мнения, что немецкий пролетариат... должен идти путем русского... завоевать в борьбе политическую власть, шли к этой цели раздельными путями — одни в основном Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург «Союзе Спартака», другие — в рядах многочисленной Независимой социал-демократической партии... ведя непрерывную борьбу с реформистской бюрократией этой партии. И вот теперь съезд впервые объединил их в братский союз».

Эрнст Тельман как представитель округа Вассерканте был избран на съезде членом Центральной комиссии ОКПГ. После Центрального правления, осуществлявшего политическое и организационное руководство партией в период между съездами, Центральная комиссия была важнейшим руководящим органом партии. Она избиралась съездом на основе предложений окружных парторганизаций и проводила свои заседания не реже одного раза в три месяца. Ее задача состояла в разработке рекомендаций для Центрального правления, в контроле за их реализацией и — в случае необходимости — в организации дополнительных выборов в Центральное правление.

18 и 19 декабря 1920 г. в Гамбурге состоялся первый партийный съезд организации ОКПГ округа Вассерканте. В нем приняли участие 116 делегатов, представлявших 52 местные группы. Тельман

¹ Bericht über die Verhandlungen des Vereinigungsparteitages der USPD (Linke) und der KPD (Spartakusbund). Abgehalten in Berlin vom 4. bis 7. Dezember 1920. Berlin, 1921, S. 323.

² Vgl. ebenda, S. 275, 277.

был избран в бюро съезда, состоявшее из четырех человек. С основным докладом на съезде выступил член Центрального правления ОКПГ Вильгельм Кёнен. Эрнст Тельман выступал в прениях, затронув вопросы о работе партии в профсоюзах и о пропаганде среди сельского населения. Как один из самых активных борцов за объединение, он вместе с Йозефом Берингом, Эрной Хальбе, Рудольфом Линдау, Гуго Урбансом и другими был избран в состав окружного правления партии.

Путь, которым последовательно шел Тельман, привел его в ряды революционного авангарда немецкого пролетариата и тем самым — в международное коммунистическое движение. Достигнув тридцатичетырехлетнего возраста, он уже имел опыт классовой борьбы, накопленный им в профсоюзной деятельности в качестве доверенного лица своих товарищей по работе и в повседневной политической и организационной деятельности в рядах социал-демократии предвоенных лет. Пролетарский интернационалист, классово сознательный партийный работник и противник империалистической войны, он принадлежал также к числу противников проводившейся правыми лидерами социал-демократии политики классового мира. В ожесточенных классовых схватках с германским империализмом и в борьбе с центристами он под влиянием победоносной борьбы большевиков и политики Коминтерна стал опытным партийным руководителем, возглавившим гамбургскую организацию НСДПГ. Его активная деятельность решающим образом содействовала тому, что большинство членов НСДПГ Гамбурга идеологически и организационно порвало с оппортунизмом и встало на путь объединения с КПГ.

1921–1925

1

**«Придет день,
когда немецкий пролетариат...
объединится в своей борьбе»**

В жизни Эрнста Тельмана начался новый этап. Теперь он был членом единственной в Германии партии, смело бросившей вызов империализму, прочно стоявшей на позициях классовой борьбы и пролетарского интернационализма, последовательно отстаивавшей жизненные интересы рабочих и других трудящихся и целеустремленно борющейся за выполнение рабочим классом его исторической миссии — за ликвидацию капитализма и строительство социалистического общества.

С созданием Объединенной коммунистической партии Германии революционный авангард немецкого пролетариата значительно укрепился. Но в лице германского империализма коммунисты имели опытного и коварного противника, важной опорой которого являлись правые лидеры СДПГ и профсоюзов. Молодая коммунистическая партия только начала овладевать марксизмом-ленинизмом, у нее еще не было опытного и прочного марксистско-ленин-

ского руководства. В рядах партии существовали серьезные разногласия в оценке темпов революционного развития, в выборе наиболее подходящих форм борьбы и вовлечения масс в антиимпериалистическую борьбу.

Вместе с развитием коммунистической партии, происходившем в ходе ожесточенных классовых схваток, рос и Эрнст Тельман, ставший одним из ее руководителей. Его деятельность после объединительного съезда протекала по-прежнему главным образом в Гамбурге. Эрнст Тельман являлся неосвобожденным председателем местной партийной группы ОКПГ Гамбурга¹ и входил в состав окружного комитета партии округа Вассерканте. Партийная организация этого округа, насчитывавшая более 34 тыс. членов, была одной из самых крупных в партии, а местная партийная группа Гамбурга, в которой состояло около 13 тыс. членов, самой многочисленной партгруппой в округе².

На положении рабочих Гамбурга, как и всех трудящихся Германии, тяжело сказалось развернутое против них наступление предпринимателей. Ноябрьская революция и последовавшие затем массовые волнения вначале сдерживали действия крупной буржуазии, вынудив ее пойти на уступки трудящимся. Теперь же, когда в революционном движении наступил временный спад, владельцы германских концернов перешли к фронтальному наступлению на элементарные жизненные права трудящихся с целью извалить на народные массы все бремя поражения Германии в мировой империалистической войне. Парижская конференция представителей империалистических государств-победителей приняла относительно репараций в январе 1921 г. решение, по которому Германия должна была выплатить в форме 42 ежегодных взносов огромные репарации в сумме 226 млрд. золотых марок. Более настойчивыми стали требования предпринимателей отменить восьмичасовой рабочий день. Под покровительством ультрареакционных агрессивных кругов монополистического капитала усилили свою активность различные военные и националистические объединения, эти поборники гражданской войны и расадники реваншизма реакционных сил.

Во всех частях страны рабочие стали подниматься на отпор этому наступлению предпринимателей. Гамбургская организация ОКПГ последовательно боролась за интересы трудящихся ганзейского города. Когда в конце декабря 1920 г. в Гамбурге развернулось длившееся до середины марта 1921 г. стачечное движение рабочих-металлистов за повышение заработной платы, она выступила с предложением расширить фронт забастовок, чтобы заста-

¹ 16 января 1921 г. на собрании гамбургской местной партийной группы ОКПГ Эрнст Тельман был избран ее первым председателем, а также первым кандидатом для предстоявших выборов в городской парламент. (Vgl.: HVZ, 17.1 1921.)

² По данным окружного КПГ, на 1 июля 1921 г. в парторганизации округа было 34 850 членов, а на 1 октября 1921 г. — 32 205 членов. (Vgl.: IML, ZPA, 31/1/205.)

вить предпринимателей выполнить требования рабочих. Но в результате соглашения правых профсоюзных лидеров, отключивших это предложение, забастовка привела лишь к незначительному повышению зарплаты.

На многочисленных массовых собраниях рабочих в конце 1920 г.— начале 1921 г. организация ОКПГ протестовала против непомерного роста квартирной платы. Коммунисты Гамбурга организовывали в те дни также крупные митинги безработных. Местная группа ОКПГ призывала рабочих, еще не потерявших свои места, к совместной борьбе с безработными. На трех собраниях, состоявшихся 5 января, 16—18 тыс. рабочих потребовали в принятых ими резолюциях включить безработных в производственный процесс, возобновить работу на предприятиях, остановленных их хозяевами, увеличить размер пособий безработным и выплатить им дополнительное единовременное пособие. Решающую роль в реализации упомянутых требований должны были сыграть советы представителей рабочих и служащих. Колонны демонстрантов, образовавшиеся на улицах после этих собраний, были разогнаны, лишь одной из них удалось пройти по городу. Выступивший в тот же день в городском парламенте Эрнст Тельман заклеил позором террористические акции против безработных. Он также разоблачил виновников нараставшего жилищного кризиса в Гамбурге и спекулянтов земельными участками, резко осудил намечавшееся повышение квартирной платы.

Отстаивая жизненные интересы трудящихся Гамбурга, выступая за совместную борьбу рабочих, независимо от их партийной принадлежности, гамбургские коммунисты осуществляли разработанную руководством ОКПГ политику единого фронта. Эта политика была убедительно изложена в его принятом 7 января 1921 г. «Открытом письме» правлениям СДПГ, НСДПГ, КРПГ и профсоюзов.

В «Открытом письме» предлагалось объединить усилия в борьбе за повышение заработной платы, за обеспечение сносных условий существования рабочим, служащим и чиновникам, совместно добиваться продажи продовольствия по сниженным ценам для людей наемного труда и лиц с низким заработком, предоставления трудящимся достойного человека жилья, установления контроля за производством, использованием сырья и продовольствия, а также пуска всех остановленных предприятий, производивших товары первой необходимости. Путем совместной борьбы необходимо было добиться запрещення всех контрреволюционных полувоенных организаций, а также создания пролетарских организаций самообороны, освобождения политических заключенных, отмены запрета забастовок и немедленного установления экономических и дипломатических отношений с Советской Россией. В своем «Открытом письме» ОКПГ заявила, что, не отказываясь от своей конечной цели, она готова к совместным действиям с другими партиями и организациями для осуществления названных

выше мер. Проводя такую политику, ОКПГ пыталась создать единый пролетарский фронт, с помощью которого можно было бы отразить наступление предпринимателей. В борьбе за осуществление своих непосредственных демократических и социальных требований рабочие на собственном опыте должны были преодолеть распространявшиеся правыми оппортунистами иллюзии и убедиться, что для устранения причин бедствий трудящихся необходимо сломить господство империализма и установить политическую власть рабочего класса.

19 января гамбургская местная партгруппа ОКПГ обратилась к местному комитету Всеобщего германского объединения профсоюзов с письмом, в котором заявила, что поддержит требования, которые были выдвинуты 8 января на собрании членов профсоюзов и ориентирующихся на профсоюзы советов представителей рабочих и служащих и которые совпадают с требованиями, содержащимися в «Открытом письме». Правые социал-демократические лидеры АДГБ в Гамбурге даже не реагировали на предложение ОКПГ, продемонстрировав тем самым свое полное безразличие к интересам рабочих.

Выдвинутые в «Открытом письме» предложения стали основой агитационной работы гамбургских коммунистов в ходе кампании по выборам в городской парламент. Стоявший первым в списке кандидатов от ОКПГ Эрнст Тельман часто выступал на проводившихся его партией предвыборных собраниях. Он исходил из того, что в предвыборной кампании партия должна выступать с четких и последовательных позиций по всем проблемам капиталистической экономики, способствуя тем самым подъему трудящихся масс на борьбу.

Выступая в городском парламенте и на предвыборных собраниях избирателей, Эрнст Тельман и другие руководители парт-организации ОКПГ в Гамбурге указывали на неприемлемость репарационных требований Антанты. В то же время они разоблачали националистическую пропаганду, раздуваемую буржуазными партиями и правыми социал-демократическими лидерами. В оглашенном Тельманом 2 февраля 1921 г. в городском парламенте заявлении ОКПГ принятые в Париже решения о репарациях были охарактеризованы как «естественное следствие капиталистической грабительской системы империализма»¹. В качестве выхода из ухудшавшегося бедственного положения и пути предотвращения белого террора в заявлении указывалось на необходимость разрушения германской буржуазии, создания организаций самообороны пролетариата, решительной борьбы против германского капитала и буржуазного правительства, а также на необходимость союза с Советской Россией.

Итоги состоявшихся 20 февраля 1921 г. выборов в городской парламент показали, что своей последовательной защитой инте-

¹ Stenographische Berichte über die Sitzungen der Bürgerschaft zu Hamburg im Jahre 1921. Hamburg o. J., S. 275.

ресов рабочих и других трудящихся ОКПГ усилила свое влияние в рабочих кварталах Гамбурга и особенно среди рабочих верфей. Она получила 59 179 голосов. Эрнст Тельман был вновь избран в городской парламент. Он был также переизбран на пост председателя фракции ОКПГ. 217 774 избирателя отдали свои голоса СДПГ. НСДПГ набрала всего лишь 7686 голосов.

Результаты выборов открыли перед СДПГ две возможности: остаться в коалиции с буржуазной демократической партией или сформировать сенат совместно с НСДПГ. Но для этого ей требовалась поддержка со стороны ОКПГ. Сразу же после выборов ОКПГ заявила, что она готова решительно поддержать земельное правительство, сформированное из представителей СДПГ и НСДПГ, если СДПГ выполнит свои предвыборные обещания и выступит за реализацию минимальных требований, изложенных в «Открытом письме» ОКПГ и неоднократно выдвигавшихся на заседаниях городского парламента. Однако СДПГ отклонила предложение ОКПГ и вновь сформировала сенат в коалиции с демократической партией.

22—24 февраля 1921 г. состоялось пленарное заседание Центральной комиссии ОКПГ, на котором впервые выступил Эрнст Тельман. В ходе заседания возникла полемика с председателем партии Паулем Леви, который в связи со съездом Итальянской социалистической партии взял под защиту центристские элементы и выступил против позиции Коммунистической Интернационалы по вопросу о создании Итальянской коммунистической партии. Стремясь оправдать свои взгляды, он выдвинул в адрес ИККИ упрек в том, что тот-де не понимает западноевропейских проблем. Выступая на заседании Центральной комиссии, Пауль Леви обрушился с клеветой на принятое на II конгрессе Коминтерна «21 условие» приема в Коминтерн, заявив, что они носят бюрократический характер. Как и большинство членов Центральной комиссии, Эрнст Тельман осудил явно оппортунистические представления Леви о партии, решительно заявил о поддержке политики ИККИ; вместе с 27 другими коммунистами он проголосовал за принятие соответствующей резолюции. И когда Пауль Леви и некоторые другие члены партийного руководства, среди которых оказались также второй председатель партии Эрнст Дёймиг и Клара Цеткин, использовали это в качестве предлога для отказа от своих партийных постов, Эрнст Тельман решительно выступил против такого нарушения дисциплины. «Если в ИККИ или в РКП принимается решение по какому-либо вопросу тактики и некоторые товарищи придерживаются по этому вопросу другого мнения и оказываются в меньшинстве, то они не подают в отставку... Коммунисты обязаны оставаться на местах в своих партийных организациях и действовать в духе решения Центральной комиссии. Оценка их действий будет дана съездом партии!»¹

¹ IML, ZPA, 2/3.

Пролетарская дисциплина, приверженность к демократическому централизму были характерными чертами Эрнста Тельмана. И в этой связи он видел в ленинской партии большевиков пример для КППГ. Он хорошо понимал, что партия лишь тогда может быть на высоте поставленных перед ней исторических задач, если она едина и сплочена, если она использует опыт мирового коммунистического движения.

Новыми председателями партии были избраны Генрих Брандлер и Вальтер Штёккер. Центральная комиссия приняла резолюцию, в которой союз с Советской Россией характеризовался как альтернатива Версальскому договору и тяжелым репарационным требованиям. Рут Фишер и Эрнст Рейтер (Фрисланд), руководители берлинской окружной парторганизации, стоявшие на левых-сектантских позициях, выступили против этого лозунга. Смысл указанного лозунга наиболее четко определила Клара Цеткин. Она заявила, что «ни теперь и ни когда-либо в будущем немецкий пролетариат не сможет оградить свои национальные интересы от империалистов Антанты в союзе с немецкой буржуазией... он сможет сделать это, только вступив в ряды великого революционного мирового фронта революционного пролетариата, в союзе с Советской Россией и с революционным пролетариатом всех стран»¹. Такая последовательно интернационалистская позиция полностью соответствовала взглядам Эрнста Тельмана. Лозунг о союзе с Советской Россией был принят 50 голосами против трех.

15 марта более 10 тыс. жителей Гамбурга, следуя призыву ОКППГ, вышли на демонстрацию против политики правительства. Газета «Гамбургер фолксцайтунг» перепечатала 19 марта статью центрального органа ОКППГ «Ди роте фане», в которой указывалось на усиленное вооружение контрреволюционных отрядов и содержался призыв к рабочим вооружаться.

В эти дни классовый враг готовил провокацию, целью которой было изолировать авангард рабочего класса от широких масс и учинить над ним кровавую расправу. Так господствующий класс намеревался ответить на рост влияния ОКППГ, которого она добилась прежде всего благодаря своей политике «Открытого письма». В марте 1921 г. реакция с помощью правых лидеров социал-демократии осуществила задуманную провокацию. 19 марта отряды охранной полиции были стянуты в округ Галле-Мерзебург, где влияние ОКППГ являлось особенно сильным. 22 марта полиция спровоцировала там вооруженные стычки с рабочими. Революционные рабочие промышленных районов Средней Германии ожесточенно защищались, но через несколько дней потерпели поражение вследствие военного превосходства противника. Многие рабочие погибли, пав жертвами белого террора.

В таких условиях руководство партии не сумело проявить необходимой политической зрелости. В нем возобладали люди, ко-

¹ IML, ZPA, 2/3.

торые переоценивали возможности революционных сил и глубину кризиса, охватившего господствующий класс, и руководствовались авантюристической «теорией наступления». Не считаясь с реальной обстановкой, они не ограничились призывом к защите рабочих Средней Германии, а потребовали, чтобы партия сразу же была нацелена на развертывание наступательных действий, без учета соотношения политических сил.

Эта ошибочная позиция и непоследовательность руководства ОКПГ не могли не сказаться и на действиях партийной организации Гамбурга. Известие о событиях в Средней Германии еще более возмутило гамбургских рабочих. Местный комитет ОКПГ принял решение о проведении акций солидарности в поддержку товарищей по классу в Средней Германии. Одним из организаторов движения солидарности в Гамбурге был Эрнст Тельман. На заседании партийного комитета 19 марта он высказал свои соображения о необходимых мерах. В тот же день члены руководства парторганизации провели встречи и беседы с безработными. Было решено, что последние утром 23 марта направятся на предприятия и там вместе с работающими потребуют их остановки, а если окажется необходимым, то организуют забастовки.

Для координации действий был создан оргкомитет, в состав которого вместе с Эрнстом Тельманом вошли секретарь окружного комитета Вассерканте Гуго Урбанс, редактор газеты «Гамбургер фолксцайтунг» Рудольф Липдау и другие товарищи.

22 марта оргкомитет принял решение объявить на следующий день всеобщую забастовку и провести массовый митинг на городской окраине Хайлигенгайстфельд. Соответствующие призывы были опубликованы в «Гамбургер фолксцайтунг» и распространены в виде листовок. Вечером накануне забастовки Эрнст Тельман выступил перед представителями заводских парторганизаций ОКПГ Гамбурга и разъяснил им задачи в связи с намеченными акциями.

Утром 23 марта несколько сот безработных собрались на демонстрацию на площади Хайлигенгайстфельд, откуда двинулись к верфям «Блом и Фосс» и «Вулканверфт». Вместе с рабочими этих предприятий они заняли их и потребовали работы.

Во второй половине дня сенат Гамбурга объявил чрезвычайное положение. К верфям и на Хайлигенгайстфельд была стянута полиция. Верфь «Блом и Фосс» была при помощи полиции очищена от рабочих. У шлюза Эллерхольц полицейские открыли огонь по колонне демонстрантов с верфи «Вулканверфт». Четверо рабочих было убито, 11 человек ранено. Возмущенные этим кровавым насилием, рабочие и безработные устремились к площади Хайлигенгайстфельд. Во главе колонны докеров шел Эрнст Тельман. Его продуманные действия и хладнокровие помогли предотвратить столкновение с полицией. Как рассказывал потом Рудольф Липдау, когда полицейские броневики стали приближаться к колонне демонстрантов, Эрнст Тельман и еще несколько партийных

руководителей оказались всего лишь в нескольких метрах от броневиков, которые в любой момент могли открыть пулеметный огонь по толпе. В башне ближайшего броневика стоял, высушившись из нее по грудь, молодой лейтенант, который кричал так громко, что его лицо налилось кровью. Эрнст Тельман, обратившись к стоявшему рядом Йопу Шееру, спросил его со свойственной ему невозмутимостью: «Почему он так громко орет, Джонни?» — «Это от страха», — ответил, обернувшись к нему, Йоп. Эрнст Тельман рассмеялся: «Ты прав!»¹ Демонстранты протестовали против действий реакционных сил в Средней Германии и в Гамбурге. На площади Миллернтор полиция открыла огонь по двигавшейся через нее колонне. 15 рабочих было убито, 49 — ранено, 7 из них скончались от полученных тяжелых ранений.

Вечером вновь собрался оргкомитет, который принял решение воздержаться от проведения дальнейших акций. Революционные рабочие Гамбурга под руководством ОКПГ убедительно продемонстрировали свою солидарность с братьями по классу в Средней Германии. И если не удалось организовать генеральную забастовку, то все же тысячи трудящихся показали волю к борьбе и тесную связь с ведущими борьбу рабочими Средней Германии. Потребовалось жестокое полицейское насилие, чтобы подавить выступление забастовщиков и демонстрантов.

В последующие дни в Гамбурге и его окрестностях состоялось еще несколько забастовок и столкновений с полицией. Предприниматели в ответ на это уволили с верфей около 35 тыс. рабочих. Многие функционеры и члены ОКПГ были арестованы. Принимавшие участие в акциях 23 марта рабочие были приговорены судами Гамбурга к каторжным работам, заключению в тюрьме или в крепости общим сроком на 102 года. Газета «Гамбургер фольксцайтунг» была запрещена, а ее типографию заняла полиция. За активное участие в забастовках солидарности Эрнста Тельмана уволили с гамбургской биржи труда.

Выступая в городском парламенте, Эрнст Тельман разоблачил клевету буржуазной и социал-демократической прессы, возлагавшей вину за кровопролитие на коммунистов и назвавшей выступивших на борьбу рабочих «движением разбойников и грабителей». Его слова были пропитаны уверенностью в победе, глубокой верой в силу пролетариата: «И даже если вам удастся при помощи своей чудовищной военной силы подавить беззащитных рабочих, все же придет день, когда немецкий пролетариат... объединится в своей борьбе, и тогда те, кто сегодня выступает против нас, будут просто сметены волной возмущения и негодования, и победа... несомненно, будет за нами»².

На проведенном нелегально заседании правления гамбургской организации ОКПГ Эрнст Тельман потребовал активно выступить

¹ Deutschlands unsterblicher Sohn, S. 42; Vgl. auch IML, ZPA, NI. 66/4.

² Stenographische Berichte über die Sitzungen der Bürgerschaft zu Hamburg 1921, S. 587, 589.

против кампании клеветы, развернутой против партии. В этом же духе он и другие функционеры гамбургской парторганизации выступали на собраниях рабочих, на паромках и на биржах труда. 31 марта в речи на митинге на Ольсдорфском кладбище он почтил память жертв полицейского террора и призвал присутствовавших к продолжению борьбы за дело рабочего класса. На заседании городского парламента 13 апреля 1921 г. Эрнст Тельман потребовал выплаты 35 тыс. уволенных с верфей рабочим пособий по безработице, в которых им было отказано сенатом. Но другие фракции парламента, включая социал-демократов, отклонили это требование.

Мартовские бои закончились поражением немецкого пролетариата. Обстановка для решающих выступлений еще не созрела. Руководство ОКПГ не сумело разработать четких директив для борьбы с провокациями. Но упорная, стоившая многих жертв работа коммунистов сорвала попытку реакции разбить революционный авангард немецкого пролетариата.

7 и 8 апреля 1921 г. Эрнст Тельман участвовал в заседании Центральной комиссии ОКПГ, на котором был сделан анализ и подведены итоги мартовских боев. На этом заседании стало очевидным, что в партийном руководстве одержали верх сторонники «теории наступления». Об этом свидетельствовали утвержденные на заседании «Тезисы о мартовских выступлениях». За них было подано 26 голосов, против — 14. Эрнст Тельман голосовал за принятие тезисов. Эти тезисы были учтены в резолюции окружной партийной конференции ОКПГ округа Вассерканте, которая состоялась 16—17 апреля. В резолюции выдвигалось требование придерживаться «линии революционного наступления». Как и большинство коммунистов Гамбурга, Эрнст Тельман рассматривал «теорию наступления» как объявление борьбы правому оппортунизму. Как и другие, он еще не понимал, что при существовавшем тогда соотношении сил не имелось необходимых предпосылок для решительных революционных выступлений.

В начале мая Эрнст Тельман вновь побывал в Берлине, где участвовал в заседании Центральной комиссии ОКПГ, проходившем с 3 по 5 мая. Принятые на этом заседании «Тезисы о тактике Коммунистического Интернационала в ходе революции» и, еще более, практические действия партии свидетельствовали о ее стремлении следовать линии «Открытого письма», продолжать борьбу за реализацию частичных требований, за вовлечение в совместную борьбу социал-демократических рабочих. Но в то же время Центральная комиссия ОКПГ одобрила политику партийного руководства в ходе мартовских боев.

Процесс прояснения позиций в рядах партии был чрезвычайно затруднен тем, что некоторые члены так называемой партийной оппозиции, отклонявшие «теорию наступления», придерживались, в свою очередь, ошибочных взглядов, выдвигая клеветнические обвинения в адрес Коминтерна и руководства ОКПГ. Эти критики солидаризировались с бывшим председателем партии Паулем

Леви, который в своих нарушениях партийной дисциплины дошел до полного разрыва с партией. В одной из своих брошюр он говорил о клеветнических утверждениях о том, что мартовские бои являлись-де «путчем коммунистов». Поэтому 15 апреля он был исключен из рядов партии.

Преобладающее большинство участников заседания Центральной комиссии проголосовало за «Тезисы о тактике», в том числе и Эрнст Тельман. В своем выступлении на заседании он обвинил группу Левы в том, что она «нанесла революционному пролетариату удар в спину», и решительно потребовал от сторонников Леви в партийном руководстве, чтобы они осудили свои нападки на Коминтерн и руководство ОКПГ и соблюдали партийную дисциплину.

На этом заседании Центральной комиссии было принято решение, имевшее важное значение для дальнейшего роста и деятельности Эрнста Тельмана. Его избрали в состав делегации ОКПГ на III конгресс Коммунистического Интернационала.

Политика ОКПГ в первые месяцы 1921 г. отражала степень зрелости партии в то время. Она героически и самоотверженно боролась против германского империализма, но все еще не выработала марксистско-ленинской стратегии и тактики для этой борьбы. Так, в поисках подходящих форм привлечения на свою сторону симпатизировавших социал-демократам рабочих в партии стали проявляться тенденции к тому, чтобы добиваться создания единого фронта не путем совместной борьбы, не для совместной борьбы за интересы рабочих и других трудящихся, для выдвижения соответствующих конкретных требований, а путем достижения формальных договоренностей с СДПГ. На практике это означало отказ от целеустремленной работы среди масс и угрозу зависимости действий партии от лидеров социал-демократии.

Значительно сильнее проявило себя в ОКПГ в описываемые месяцы радикальное течение. Важной причиной этого было, как подчеркивал Ленин, чрезвычайное обострение классовой борьбы, жестокий террор сил контрреволюции, поддерживавшийся правыми силами СДПГ и НСДПГ. Это привело к тому, что в каждом классово сознательном рабочем «...с невероятной остротой просыпалась ненависть к оппортунизму... и эта ненависть — самое благородное, самое великое чувство лучших людей из угнетенной и эксплуатируемой массы — ослепляла людей, не позволяла им рассуждать хладнокровно, вырабатывать свою правильную стратегию...»¹

Многие классово сознательные революционные рабочие, страстно желавшие скорейшей ликвидации господствовавшего общественного строя, противоречия и историческая обреченность которого стали к тому времени совершенно очевидными, считали, что усилившаяся в результате объединения с левым крылом

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 89.

НСДПГ коммунистическая партия способна в кратчайшее время нанести решающий удар германскому империализму, чья власть все еще была неустойчивой, подорванной затаженным экономическим кризисом. К этому течению принадлежал и Эрнст Тельман.

Радикальные течения в ОКПГ использовались имевшимися в партии мелкобуржуазными, ультралевыми силами, взгляды которых не имели ничего общего с мировоззрением революционных рабочих. Главные представители этих сил — Рут Фишер, Аркадий Маслов, Эрнст Рейтер (Фрисланд) и Артур Розенберг — занимали руководящие посты в партийной организации округа Берлин-Бранденбург. Они поддерживали связь с находившимися в Берлине представителями антиленинской так называемой «рабочей оппозиции» в Российской Коммунистической партии (большевики) и плели вместе с ними заговор против Центрального Комитета РКП(б), Советского государства и против Коминтерна. Ловко используя демагогию, псевдореволюционную левацкую фразеологию, прибегая к двурушничеству, а также выступая против действительно имевших место правооппортунистических тенденций, они маскировали свое сектантство и авантюризм. Поэтому революционно настроенным рабочим было нелегко правильно оценить подлинную суть их политики. Таким образом, внутри ОКПГ имелось сильное радикальное течение, представлявшееся наблюдателям со стороны единым и сплоченным.

Подобные тенденции отмечались также и в коммунистических партиях других стран. В. И. Ленин не раз обращал внимание на опасность левого уклона и вел против него борьбу. При этом он всегда проводил четкое различие между ультралевыми крикунами и «теоретиками», с одной стороны, и революционными рабочими, оказавшимися под влиянием левацких настроений, — с другой. Несмотря на всю остроту своей критики, он всегда руководствовался стремлением привлечь этих рабочих на сторону Коминтерна.

2

«К массам!»

Как и многие другие делегаты III Всемирного конгресса Коминтерна, Эрнст Тельман добрался до Советского Союза с соблюдением правил строгой конспирации. Он выехал в Литву, откуда молодая литовская коммунистка скрытным, надежным путем доставила его к латвийской границе. 18 июня 1921 г. он прибыл в Советский Союз. Зарубежным делегатам, подвергавшимся у себя на родине постоянным преследованиям, в первом государстве рабочих и крестьян был оказан сердечный прием. Эрнст Тельман впервые находился в Стране Советов, стране Красного Октября. Теперь он своими глазами видел государство, в котором начинало становиться действительно то будущее, ради которого он жил и за которое боролся. Он мог лично убедиться в том, что означает власть

в руках рабочего класса, мог ознакомиться с опытом РКП(б), авангарда международного коммунистического движения.

22 июня 1921 г. в Большом театре в Москве открылся III конгресс Коммунистического Интернационала. Эрнст Тельман был лоцол ожиданий, — ведь он еще никогда не участвовал в работе высшего форума международного коммунистического движения. Здесь он познакомился с В. И. Лениным и другими выдающимися руководителями рабочего движения. Непосредственные контакты с представителями рабочего движения многих стран, их доклады о классовой борьбе в мире произвели на него неизгладимое впечатление, еще более укрепили его интернационалистские взгляды, расширили его кругозор, помогли ему глубже разобраться в разносторонних проблемах международного рабочего движения.

С нетерпением ожидал Эрнст Тельман оценки конгрессом основных проблем международной классовой борьбы; прежде всего, он хотел получить ответ на вопросы, по которым в ОКПГ в последние месяцы возникли разногласия. Как и другие члены официальной делегации ОКПГ — кроме нее в работе конгресса участвовали также три представителя так называемой партийной оппозиции, — он считал, что «теория наступления» получит одобрение и поддержку.

Еще до начала конгресса В. И. Ленин в беседах с представителями ОКПГ и других коммунистических партий указал на ошибочность таких взглядов¹, подвергнув критике сторонников упомянутой политики в рядах РКП(б). Он также сделал принципиальные замечания к тезисам о тактике Коммунистического Интернационала и сформулировал суть этой тактики: «Тактику Коммунистический Интернационал должен построить на том: неуклонно и систематически завоевывать *большинство рабочего класса*, в первую голову *внутри старых профсоюзов*. Тогда победим наверняка при всяком повороте событий...

Отсюда: тактика «открытого письма» обязательна повсюду»².

По данному вопросу на конгрессе разгорелись жаркие споры. Уже в ходе обсуждения международной обстановки и задач Коминтерна был сделан важный вывод на будущее: конгресс констатировал, что первый период революционного движения после войны завершен, что буржуазия укрепила свое господство и перешла к наступлению против рабочего класса на экономическом и политическом фронтах. «Руководить нынешней оборонительной борьбой пролетариата, расширять и углублять ее, придавать ей единство и — в соответствии с ходом развития — возводить ее на степень *политической окончательной борьбы* — это является

¹ Vgl.: Unvergesslicher Lenin. Erinnerungen deutscher Genossen. Zusammenge stellt vom Institut für Marxismus-Leninismus beim Zentralkomitee der SED. Berlin, 1960, S. 102—108, 116—118; Reisberg Arnold. An den Quellen der Einheitspolitik. Der Kampf der KPD um die Aktionseinheit in Deutschland 1921—1922. Ein Beitrag zur Erforschung der Hilfe W. I. Lenins und der Komintern für die KPD. Berlin, 1971, S. 162—164.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 266—267.

п остается основной задачей коммунистической партии в текущем кризисе»¹.

В докладе и в тезисах о тактике особо подчеркивалось, что важнейшей задачей коммунистических партий является завоевание решающего влияния на большинство рабочего класса. Героическая борьба рабочих Средней Германии была расценена как подлинный шаг вперед, а «теория наступления» и ошибочные действия руководства ОКПГ в ходе мартовских боев решительно осуждены. Против доклада и тезисов выступили немецкая, австрийская и итальянская делегации. Их поправки к тезисам о тактике были направлены на то, чтобы исключить из тезисов все острые формулировки, касавшиеся «теории наступления», и критику ошибок, допущенных во время мартовских боев, а также ослабить требование завоевания большинства рабочего класса. Выразители этих взглядов в большинстве своем являлись истинными, преданными революции коммунистами, прочно стоявшими на позициях борьбы за пролетарскую революцию; но, охваченные азартом и нетерпением, они делали ошибки. Их переход на правильные позиции был затруднен тем, что левацких взглядов паряду с некоторыми другими деятелями придерживался и тогдашний председатель Коминтерна Зиновьев.

После речи итальянца Умберто Террачини, который выступил с обоснованием поправок к тезисам, слово взял Ленин. Он решительно отверг все радикальные фразы и напомнил об опыте большевиков: «Мы победили в России потому, что на нашей стороне было не только бесспорное большинство рабочего класса... но и потому, что половина армии, непосредственно после захвата нами власти, и ⁹/₁₀ крестьянской массы в течение нескольких недель перешли на нашу сторону...» И он особо подчеркнул: «...но для победы, для удержания власти, необходимо не только большинство рабочего класса... но и большинство эксплуатируемых и трудящихся сельского населения»².

Убедительные аргументы Ленина имели определяющее значение для принятого конгрессом решения. Клара Цеткин поддержала В. И. Ленина. Она высказалась за то, чтобы различные течения внутри ОКПГ пришли к соглашению на основе тезисов III Всемирного конгресса Коминтерна.

На вечернем заседании высшего органа Коммунистического Интернационала 2 июля 1921 г. около половины десятого вечера слово было предоставлено Эрнсту Тельману. В своей страстной речи он гневно осудил Леви и его сторонников, которые нанесли партии удар в спину. Речь Тельмана выражала волю революционных рабочих к борьбе. Это была речь коммуниста, тесно связанного с рабочими массами.

¹ Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919—1932, М., 1933, с. 179.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 30, 32.

Эрнст Тельман сказал о своем несогласии с критикой Лениным левацких взглядов. Но он прямо заявил о том, что будет выполнять принятые конгрессом решения: «Я человек дисциплинированный и сторонник централизма; я этого добился, борясь с собой. Я настолько придерживаюсь централизма, что выполняю решения»¹.

Эта пролетарская дисциплина и выраженная в его речи готовность учиться на опыте борьбы международного движения, а также ясное понимание того, что партия должна быть тесно связана с массами, отличали его от ультралевых в ОКПГ и привели его к убеждению, что партии необходимо изменить свою тактику.

Речь Тельмана свидетельствовала о том, что в ОКПГ росли новые пролетарские вожди, беззаветно преданные делу пролетарской революции. И хотя они еще не освободились от заблуждений и ошибок, они уже начинали усваивать ленинскую стратегию и тактику.

После длительных дискуссий в комиссии по выработке тезисов конгресс в конце концов единогласно утвердил тезисы о тактике. Это имело большое значение для дальнейшего развития коммунистического движения. В тезисах говорилось о том, что «завоевание исключительного влияния на большинство рабочего класса, вовлечение наиболее активной части его в непосредственную борьбу является в настоящий момент важнейшей задачей Коммунистического Интернационала...»²

В тезисах подчеркивалась необходимость борьбы за ближайшие цели, в ходе которой следовало подводить массы к социалистической революции. Коммунистические партии Западной Европы и Америки обязывались «стремиться путем утверждения своего влияния в профессиональных союзах, путем усиления давления на другие партии, опирающиеся на пролетариат, начинать совместную борьбу за ближайшие интересы пролетариата»³. Так при сыгравшем решающую роль участии В. И. Ленина на III Всемирном конгрессе Коминтерна была заложена основа марксистско-ленинской политики единого фронта. Решения конгресса явились для ОКПГ важной поддержкой в выработке ее политики, направленной на укрепление связей с массами.

Конгрессы Коминтерна и заседания его руководящих органов стали для Эрнста Тельмана, как и для всего коммунистического движения, неоценимой школой живого, творческого марксизма-ленинизма. Они в значительной мере содействовали овладению его идеологическими, теоретическими, политическими и организационными принципами, усвоению опыта большевиков и всех секций этого международного боевого союза, выработке действенной, отвечающей требованиям складывающейся обстановки стратегии и тактики. Эти форумы помогали молодым коммунистическим пар-

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 30.

² Коммунистический Интернационал в документах, с. 183.

³ Там же, с. 193.

тиям успешно вести борьбу с правым и «левым» оппортунизмом в своих рядах, крепить единство революционных сил мирового пролетариата и сплачивать их вокруг Советского государства.

Все это целиком и полностью относилось и к III Всемирному конгрессу Коминтерна, который имел исключительно важное значение для дальнейшего развития Эрнста Тельмана. Он вновь и вновь обращался к его материалам и решениям. Оглядываясь на пройденный путь, Эрнст Тельман отмечал в апреле 1926 г.: *«Именно мы, которые тогда находились в оппозиции, должны сегодня констатировать, что, если бы Ленин не повернул круто руль, если бы Коммунистический Интернационал не действовал в соответствии с подлинно революционным марксистским анализом обстановки, Коммунистический Интернационал оказался бы в значительной мере оторванным от масс. Лозунг «К массам!», тактика единого фронта явились конкретным выражением изменившейся обстановки, того факта, что в период между двумя волнами революции Коммунистический Интернационал должен выполнять свою задачу по организации революции»*¹.

Советское правительство предоставило делегатам конгресса возможность ознакомиться с первыми успехами экономического строительства и с социальными достижениями Страны Советов. Еще не зарубцевались раны, нанесенные городам и селам гражданской войной, советским рабочим все еще приходилось терпеть большие лишения после долгих лет мировой войны, борьбы с белогвардейцами и империалистической интервенцией. И все же делегаты смогли увидеть, как начиналось строительство совершенно нового общества — общества без эксплуатации и угнетения трудящихся. Эрнст Тельман посетил ряд городов Советской России. Он встречался с рабочими паровозостроительного завода в Коломне, железнодорожных мастерских под Тулой и текстильной фабрики в Москве. Встречи и беседы с советскими трудящимися оставили глубокий след в его сознании. Позднее он писал, как гордится тем, что смог «своими глазами увидеть факты социализма, несмотря на все еще трудные времена в Советском Союзе». Зная на собственном горьком опыте, что представляют собой правые и центристские лидеры немецкой социал-демократии, он в результате своих встреч в Советском Союзе еще более убедился: *«в рабочем движении есть руководители, готовые честно и сознательно на деле бороться за социализм»*². Увиденное и услышанное в Советском Союзе укрепило его убежденность в том, что партия большевиков проводила политику, которая целиком и полностью отвечала интересам рабочих, других трудящихся и являлась примером для всех коммунистических партий.

Вернувшись из Советского Союза — он плыл морем до Штеттина и оттуда далее в Гамбург, — Эрнст Тельман доложил об итогах III Всемирного конгресса Коминтерна и поделился своими

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 254.

² Thälmann Ernst. Mein Lebenslauf. — In: BzG, 1975, H. 1, S. 98.

впечатлениями о Советской России. Выступая перед членами партии и партийными работниками, он рассказывал о том, как советские трудящиеся развертывали социалистическое строительство, преодолевая немалые трудности на пути к этой цели. Густав Гунделлах в своих воспоминаниях описывает одно из собраний в Гамбурге, на котором присутствовало около 5 тыс. человек. Эрнст Тельман привел множество примеров того, как братья по классу в России в тяжелейших условиях восстанавливали разрушенное хозяйство. «Во многих областях имеются такие трудности, — рассказывал он, — которые в Германии трудно себе представить»¹. И все же, с убеждением говорил Тельман, рабочие и крестьяне Советской России преодолеют все трудности и одержат победу, построив социализм. Все его выступления были проникнуты глубокой верой в силу возглавляемых партией Ленина рабочих и крестьян Советской России. Он во всеуслышание говорил об этом именно в то время, когда в Германии велась безудержная антибольшевистская кампания и изю дня в день предсказывался скорый крах молодой Советской республики.

Свою солидарность с братьями по классу в Советской России возглавлявшиеся Эрнстом Тельманом гамбургские коммунисты демонстрировали не только на собраниях. Летом 1921 г. опустошительная засуха уничтожила урожай в обширных районах Страны Советов. Это усугубило унаследованную от царизма отсталость и экономические трудности, вызванные империалистической и гражданской войнами, интервенцией и империалистической блокадой. Советские люди переживали голод и нужду. Включившись в движение солидарности, партийная организация Гамбурга по призыву руководства ОКПГ от 23 июля 1921 г. организовала кампанию солидарности с Советской Россией. Фракция ОКПГ в гамбургском парламенте призвала фракции НСДПГ и СДПГ создать из представителей этих трех партий и местных комитетов АДГБ и Объединения свободных союзов служащих совместный комитет помощи. Однако руководства СДПГ и АДГБ категорически отказались от сотрудничества с ОКПГ. Подавая пример другим, функционеры ОКПГ развернули работу по сбору средств в фонд помощи Советской России. Они решили внести в фонд этой помощи свой дневной заработок и призвали всех членов партии последовать их примеру. На организованных ОКПГ собраниях и митингах солидарности проводился сбор средств для Советской России. В одном из таких митингов принял участие Эрнст Тельман.

25 сентября Комитет рабочей помощи Советской России округа Вассерканте сообщил, что собрано уже 240 тыс. марок. Этот хороший результат был достигнут прежде всего вследствие активной работы гамбургских коммунистов. Его удалось добиться также благодаря принципиальной линии, проводившейся Эрнстом Тельманом, его чувству большой любви к Советскому государству.

¹ IML, ZPA, NL 66/4.

Осуществленный сбор средств для Советской России свидетельствовал о том, что идея солидарности с первым социалистическим государством мира глубоко проникла в сознание и гамбургских рабочих.

Решения III Всемирного конгресса Коминтерна были всесторонне обсуждены в парторганизациях ОКПГ. Сразу же после возвращения из Советской России на собрании партийных работников организации ОКПГ Большого Гамбурга 21 июля 1921 г. Эрнст Тельман выступил с докладом об итогах конгресса и о задачах предстоящего съезда партии, на который собрание избрало его делегатом. 2 и 3 августа он участвовал в заседании Центральной комиссии ОКПГ, принявшей решение провести съезд 22 августа. В результате развернувшейся дискуссии, носившей временами острый характер, было решено положить решения конгресса в основу деятельности партии. Выступая в дискуссии, Тельман выразил озабоченность тем, что единству действий партии могут мешать сторонники Леви. Поэтому, сказал Тельман, он отказался на конгрессе подписать «мирный договор» между официальной делегацией ОКПГ и представителями так называемой оппозиции. Тельман видел опасность, угрожавшую партии со стороны некоторых фракционеров — сторонников Леви, однако не считал возможным налаживать сотрудничество в осуществлении решений конгресса с весьма многочисленной группой представителей оппозиции, отмежевывавшихся от Леви.

Гамбургская парторганизация искала организационные формы осуществления политики единого фронта. Так, она проводила конференции с участием делегатов с предприятий и из учреждений. Таким путем в действия против наступления предпринимателей вовлекались рабочие, являвшиеся членами СДПГ и НСДПГ. Влияние коммунистов росло, особенно среди рабочих гамбургских верфей и батраков округа Вассерканте. Еще на заседании Центральной комиссии ОКПГ 2 и 3 августа Эрнст Майер от имени центрального партийного руководства рекомендовал окружным парторганизациям проводить, по примеру гамбургцев, конференции с участием рабочих из других партий. Эта инициатива коммунистов Гамбурга была также отмечена как достойный подражания пример на VII съезде КПГ¹.

Съезд проходил с 22 по 26 августа 1921 г. в Йене. На этом съезде КПГ сделала значительный шаг вперед в обсуждении и реализации решений III Всемирного конгресса Коминтерна. Решающее значение имело при этом письмо В. И. Ленина съезду. «Не терять хладнокровия и выдержки; — систематически исправлять ошибки прошлого; — неуклонно завоевывать большинство среди рабочих масс и в профсоюзах и вне их; — терпеливо строить

¹ Vgl.: Bericht über die Verhandlungen des 2. (7.) Parteitages der KPD. Berlin, 1922, S. 94. На этом съезде было решено снять слово «объединенная» в названии партии.

крепкую и умную коммунистическую партию, способную действительно руководить массами при всех и всяких поворотах событий...»¹ — так подытожил Ленин задачи для КППГ.

В этом духе съезд сделал должные выводы из мартовских боев. В его решениях отразилась готовность КППГ учесть должным образом лозунг III Всемирного конгресса «К массам!». Эрнст Тельман заявил, что будет «старательно и честно, открыто и последовательно выполнять решения III Всемирного конгресса». Партия должна добиваться «контакта со всеми сочувствующими нам массами и с теми массами, которые стоят вправо от нас». КППГ должно быть «авангардом пролетариата, авангардом, который поддерживает всякое выступление»².

На съезде вновь проявились прежние левые тенденции. Однако в целом ему удалось прийти к правильной, критической оценке «теории наступления» и в соответствии с решениями III Всемирного конгресса создать предпосылки к тому, чтобы партия могла продолжать политику «Открытого письма» — политику мобилизации рабочих и других трудящихся на защиту своих социальных и демократических прав, политику, направленную на подготовку и вовлечение масс в решительную борьбу за ликвидацию власти монополистического капитала. Эрнст Тельман активно выступал в парторганизации Гамбурга за проведение упомянутой политики.

На состоявшейся 25 сентября партийной конференции КППГ округа Вассерканте была подчеркнута необходимость единого фронта рабочих. В этой связи Эрнст Тельман подверг критике центральный орган партии «Ди роте фане» за то, что тот неудовлетворительно выполнял свою роль рупора масс. Он потребовал, чтобы коммунисты активизировали свою деятельность на предприятиях и в профсоюзах, а также быстрее расширяли сеть партийных ячеек. Эрнст Тельман был вновь избран в состав окружного комитета партии, секретарем которого опять стал Гуго Урбанс. Между ним и Эрнстом Тельманом имелись острые разногласия, возникшие уже в то время, когда Урбанс являлся членом КППГ, а деятельность Тельмана протекала еще в рядах НСДПГ. Эти разногласия по политическим вопросам усугублялись к тому же личной неприязнью. Тельмана отталкивало поведение Урбанса, который строил против него интриги и пытался вытеснить его с руководящей партийной работы³.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 89—90.

² Bericht über die Verhandlungen des 2. (7.) Parteitagcs der KPD, S. 252.

³ Как следует из протоколов полиции — другие документы отсутствуют, — сторонникам Гуго Урбанса удалось на окружной партконференции в апреле 1922 г. сорвать избрание Эрнста Тельмана в состав окружного комитета партии Вассерканте. Попытка вытеснить его из руководства парторганизации Гамбурга не удалась. В мае 1922 г. Эрнст Тельман был вновь избран на пост председателя этой парторганизации. В таком качестве он принимал участие в заседаниях окружного комитета. Надежных сведений о сути разногласий донесения полицейских агентов не содержат.

В мобилизации масс на борьбу и постоянной защите их интересов видел Эрнст Тельман смысл и цель также и своей парламентской деятельности. Он знал, что средствами буржуазного парламентаризма нельзя добиться коренного изменения общественных отношений, что, «пока буржуазно-капиталистический общественный строй оказывает свое чудовищное влияние на массы... не может быть и речи ни о какой подлинной демократии»¹. Но он стремился использовать все возможности, которые давал парламент, для смягчения бедственного положения трудящихся и отпора натиску предпринимателей. В парламенте Гамбурга Эрнст Тельман представлял интересы гамбургских рабочих и безработных, судьбу которых он хорошо знал по собственному опыту, а также чиновников, служащих, пенсионеров и других людей, живших на пособие, — он был там представителем всех эксплуатируемых и угнетенных.

Деятельность в парламенте, участие в его заседаниях и работа в парламентских комиссиях требовали от коммунистов — рабочих депутатов немало личных жертв. С конца марта 1921 г. Эрнст Тельман был некоторое время безработным, затем выполнял случайные работы на различных предприятиях; наконец, он довольно долго работал на верфи «Кубац», где разбирались на лом старые корабли. Участие в каждом заседании парламента означало потерю заработка. Депутатское содержание в гамбургском парламенте не выплачивалось, а у КППГ не было средств, чтобы оказывать финансовую поддержку своим депутатам. И Эрнсту Тельману не всегда удавалось выдерживать столь тяжелое бремя, он не имел возможности присутствовать на всех заседаниях комиссий.

КППГ высказывала в парламенте свое мнение по всем важным вопросам. По многим проблемам выступал Эрнст Тельман. Вместе со своими товарищами он формулировал предложения фракции КППГ, вносил их на рассмотрение, обосновывал их. В речи о проекте государственного бюджета Гамбурга 30 марта 1921 г. он решительно отклонил этот законопроект, который, как заявил Тельман, отвечает лишь интересам господствующего класса и направлен против рабочих. Капиталистическое государство, отмечал он, взваливает бремя войны и репараций на плечи трудящихся масс. Предприниматели готовят наступление против восьмичасового рабочего дня. Милитаристские организации беспрепятственно плетут свои козни, и в то же время капиталистическое

¹ Stenographische Berichte über die Sitzungen der Bürgerschaft zu Hamburg 1920, S. 1880.

правительство беспощадно преследует рабочих. «В стране царит не демократия, а диктатура капитализма!» Страстно, ясным, простым и энергичным языком закаленного в классовой борьбе рабочего, опираясь на факты, он разоблачал клевету буржуазных политиков и правых социал-демократов, вскрывал их уловки, срывал показное благообразие с их фраз о «демократии» и «спокойствии и порядке». С уверенностью коммуниста, убежденного в своей правоте, основанной на марксистском познании закономерностей общественного развития, он прямо заявил, «...что мы, коммунисты, будем бороться до тех пор, пока не будет разгромлено существующее капиталистическое государство, пока не будет свергнута буржуазия. Мы будем бороться за освобождение человечества от оков капиталистического паемного рабства, будем бороться за построение коммунистического общества»¹.

На заседании гамбургского парламента 5 октября 1921 г. Эрнст Тельман выступил с разоблачением буржуазной классовой юстиции Веймарской республики и потребовал удаления из судебных органов всех реакционных чиновников, выбора судей народом, упразднения всех чрезвычайных судов и всех чрезвычайных постановлений и распоряжений. 27 сентября 1921 г. он выступил с протестом против намерения повысить транспортные тарифы, а на заседании 26 октября потребовал, чтобы всем лицам, получавшим материальное пособие, выделялись картофель и уголь по льготным ценам. В речи о проекте государственного бюджета на 1922 г. он на конкретных статистических данных показал глубину финансового кризиса, к которому привела Германию политика монополистов, сопоставил огромные расходы на содержание полицейского аппарата с сокращавшимися год от года средствами, выделяемыми на социальные и культурные цели, и показал, что все бремя расходов перекладывалось на плечи рабочих, служащих, чиновников и пенсионеров. Выступая в январе 1922 г. в парламенте и на одном из крупных митингов в городе, Эрнст Тельман требовал амнистии для политзаключенных.

Деятельность в парламенте Гамбурга отнимала у него много времени и сил. Он вел эту работу наряду с выполнением своих основных партийных функций — члена Центральной комиссии КПГ, члена окружного округа Вассеркапте, а также председателя гамбургской парторганизации КПГ.

Дочь Эрнста Тельмана Ирма пишет в своих воспоминаниях, что часто по вечерам, когда она ложилась спать, ее отец все еще сидел за столом, читал или писал, — нередко он проводил за работой всю ночь. «Когда я была еще совсем маленькой, мать уже приучила меня подолгу молча играть одной и не задавать вопросов, когда отец работал у себя за столом дома»². Лунза Целк, работавшая в 1920 и 1921 гг. в правлении гамбургской парторга-

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 24—25.

² Thälmann Irma. Erinnerungen an meinen Vater, S. 20; Vgl. auch ebenda, S. 18—19.

низации НСДПГ, а затем КПГ, пишет: «Он занимал тогда пост первого председателя партийной организации, по должен был сам зарабатывать на жизнь, работая транспортным рабочим. Он обладал поистине неисчерпаемой физической и духовной силой и не давал себе отдыха... В то время конференции или собрания партийной и профсоюзной организаций проводились обычно в субботу и воскресные дни, чтобы их участники не теряли заработка. Кроме того, по субботам и воскресеньям мы выполняли текущую партийную и профсоюзную работу»¹. Фридрих Детман вспоминает, что Эрнст Тельман использовал каждую возможность для изучения марксистской теории. Он занимался, даже работая на верфи «Кубац». Один из трудившихся там вместе с ним рабочих читал ему марксистскую литературу, а Тельман, слушая, выполнял в это время его работу. Потом они обсуждали прочитанное. Этот беспрестанный труд во имя партии, служение делу рабочего класса, стремление овладеть знаниями, чтобы во всеоружии вести классовую борьбу, стали для Эрнста Тельмана жизненной потребностью.

22 и 23 января 1922 г. Тельман участвовал в заседании Центральной комиссии КПГ, на котором было решено, что КПГ может войти в состав рабочего правительства вместе с социал-демократами, если для того будут иметься определенные предпосылки. Этот новый шаг в выработке политики единого фронта был связан с острой внутрипартийной дискуссией. В партии по-прежнему чувствовалось влияние сектантов, выдвигавших против политики единого фронта различные оговорки. В то же время бывший ультраеврей Рейтер (Фрисланд) в союзе с оставшимися еще в рядах КПГ сторонниками Леви создал правую оппозиционную внутрипартийную группировку. В ответ на это Центральная комиссия удалила его и его сторонников из состава партийного руководства. 12 января парторганизация Гамбурга на своем внеочередном собрании высказала свое отношение к фракционной деятельности Рейтера. Вначале на собрании в качестве представителя руководства партии выступил Вильгельм Пик с докладом о политической обстановке и положении в партии. Затем слово взял Эрнст Тельман. Он внес и обосновал резолюцию, в которой поведение Рейтера осуждалось как некоммунистическое и одобрялось решение Центральной комиссии. В то же время Тельман выразил упрек в адрес руководства партии за его медлительность. Резолюция была принята почти единогласно. На состоявшемся затем заседании Центральной комиссии КПГ Тельман резко осудил фракционную деятельность Рейтера и его сторонников, потребовав их исключения из партии. Центральная комиссия приняла соответствующее решение.

Позиция Тельмана определялась убеждением в том, что боевая сила партии в решающей мере зависит от ее внутренней

¹ IML, ZPA, EA 1050.

сплоченности, от ее принципиальности и дисциплинированности. Понимание этого было обусловлено прежде всего его многолетним опытом классовой борьбы, оно повседневно углублялось в ходе его партийной работы, в борьбе за интересы рабочего класса.

Во главе гамбургской партийной организации Эрнст Тельман боролся против растущего обнищания рабочего класса, за создание пролетарского единого фронта. 17 января 1922 г. он выступил на общем собрании функционеров-коммунистов, работающих в профсоюзах и заводских парторганизациях, с докладом в связи с предстоящими выборами в заводские советы. Собрание приняло резолюцию, в которой коммунисты заявляли, что на этих выборах они также поддержат 10 требований Всеобщего германского объединения профсоюзов (АДГБ). Упомянутые 10 требований к правительству Германии и рейхстагу были выдвинуты 15 ноября 1921 г. правлением АДГБ и Всеобщего свободного союза служащих в связи с успешным претворением в жизнь политики единого фронта КПП и под давлением трудящихся масс. Они касались участия государства в распоряжении материальными цептостями, т. е. в деятельности капиталистических предприятий, обобществления угольных шахт, увеличения налогообложения капиталистов и ряда других вопросов. В Гамбурге и других частях страны КПП добивалась удовлетворения выдвинутых требований, в то время как правые социал-демократические лидеры профсоюзов не предпринимали никаких практических шагов для реализации этих предложений. В своей резолюции в связи с выборами в заводские советы коммунисты Гамбурга также выступали против повышения стоимости жизни, удлинения восьмичасового рабочего дня и требовали общего повышения заработной платы, жалования и размеров материальной помощи трудящимся. Они призывали к созданию боевого единого фронта пролетариата для борьбы за его интересы.

На заседании комитетов действия, заводских советов и профсоюзных работников — членов гамбургской парторганизации КПП 30 января Тельман выступил с докладом об отношении к рабочим, не являющимся членами профсоюзов. Высказанные им соображения легли в основу принятой на этом совещании резолюции. В ней констатировалось, что сотрудничающая с буржуазией профсоюзная бюрократия потерпела полный провал в борьбе за улучшение жизненных условий трудящихся и тем самым вызвала сокращение численности профсоюзов. В резолюции подчеркивалось, что КПП считает своим долгом активизировать профсоюзы, используя революционную тактику, и таким образом добиваться прекращения выхода трудящихся из профсоюзов. С помощью активной пропаганды следовало попытаться вовлечь в свободные профсоюзы всех рабочих.

Когда в начале февраля 1922 г. началась забастовка железнодорожников Германии, КПП выступила на их стороне. «Гамбургер фолксцайтунг» опубликовала призыв к поддержке бастую-

щих и потребовала немедленной отмены изданного президентом Эбертом распоряжения о запрещении забастовки и строгого соблюдения закона о восьмичасовом рабочем дне. Она потребовала не применять никаких санкций к бастующим, а также удовлетворить требования о повышении заработной платы. Членам партии вменялось в обязанность поддерживать забастовку. Городской парторганизации Гамбурга в результате настойчивой работы удалось образовать комитет служащих в составе 13 человек, который должен был организовать забастовку солидарности среди служащих и чиновников. В отчете окружкома КПГ округа Вассерканте Центральной комиссии КПГ, в котором отмечалась хорошая работа местных партгрупп, особенно возглавляемой Тельманом гамбургской организации, указывалось, что забастовка железнодорожников «вызвала среди рабочих, чиновников и служащих большие симпатии к КПГ за ее отношение к вступившим в борьбу железнодорожникам» и привела к «сильному сближению этих пролетарских слоев»¹.

О том, как успешно вел Эрнст Тельман борьбу с оппортунистами, свидетельствует его выступление на собраниях пекарей и кондитеров Гамбурга 12 марта и 6 апреля. С докладом выступал социал-демократ, председатель городского комитета Всеобщего германского объединения профсоюзов Эрентайт. Эрнст Тельман был содокладчиком. Он доказал, что правые лидеры АДГБ ничего не сделали для реализации 10 требований АДГБ, в то время как коммунисты энергично добивались их осуществления. Несмотря на сопротивление Эрентайта, собрание приняло составленную в духе выступления Тельмана резолюцию, призывавшую правление Союза пекарей и кондитеров побудить АДГБ к борьбе за реализацию 10 требований.

Осуществлявшаяся Эрнстом Тельманом и партийной организацией Гамбурга политика единого фронта соответствовала линии КПГ и Коммунистического Интернационала. Развернутое в международном масштабе наступление капитала, по прежде всего упорная борьба коммунистических партий заметно усилили стремление мирового пролетариата к единству. В декабре 1921 г. по инициативе Политбюро ЦК РКП(б) ИККИ утвердил тезисы о едином рабочем фронте. В них в развитие решений III Всемирного конгресса Коминтерна подробно обосновывалась тактика единого фронта и подтверждались готовность Коммунистического Интернационала к достижению договоренности с другими международными организациями рабочего движения о совместной борьбе пролетариата. В начале апреля 1922 г. в Берлине состоялась конференция представителей Исполкомов Коминтерна, II Интернационала и центристского II¹/₂ Интернационала. Несмотря на все маневры правых оппортунистов, было, хотя и с весьма серьезными уступками со стороны III Интернационала,

¹ IML, ZPA, 31/1/206.

достигнуто соглашение. Этим соглашением наряду с прочим предусматривалось проведение в ближайшее время всемирного конгресса рабочих организаций, для подготовки которого была создана организационная комиссия. На 20 апреля и на 1 мая намечалось проведение совместных выступлений за восьмичасовой рабочий день, против безработицы и наступления капитала, в защиту российской революции и в поддержку голодавших трудящихся России, за установление всеми государствами политических и экономических отношений с Советской Россией и за создание пролетарского единого фронта.

Тем не менее II Интернационал сорвал осуществление этого соглашения. В Германии руководство СДПГ отказалось от проведения совместных митингов, предоставив решение этого вопроса местным партийным организациям. И в Гамбурге тоже СДПГ и НСДПГ сорвали совместные выступления с КПГ. Несмотря на это, 20 апреля около 15 тыс. рабочих направились колоннами к площади Хайлигенгайстфельд. Там — одновременно в различных местах — к ним обратились с речами члены городского правления КПГ Эрнст Тельман, Ганс фон Борстель и Рудольф Хоммес. Большинство слушателей собрались вокруг Эрнста Тельмана. Ораторы заклеили позором лидеров гамбургской СДПГ, развязавших бесстыдную клеветническую антикоммунистическую кампанию именно в то время, когда необходимость единого фронта пролетариата была столь настоятельной. «Но, несмотря на это, единый фронт будет создан, он должен быть создан, если пролетариат не хочет бесконечного рабства», — заявил Эрнст Тельман. Нарисовав убедительную картину широкого наступления международного капитала, ораторы в полном единодушии с позицией Коминтерна потребовали созыва всемирного конгресса пролетариата «для выработки и утверждения тактики борьбы, которую необходимо развернуть в мировом масштабе против международного наступления капитала»¹.

Борьба коммунистов Гамбурга и их председателя Эрнста Тельмана за завоевание большинства рабочих пачала приносить плоды. Это показали результаты выборов в производственные советы 1922 г. КПГ удалось значительно увеличить число своих членов в заводских советах, в то время как СДПГ и НСДПГ потеряли немало голосов. Хотя большинство заводских советов все еще оставалось под контролем СДПГ, на крупных верфях и на важных металлургических предприятиях в состав заводских советов были избраны 92 коммуниста, 53 члена СДПГ и НСДПГ и 3 беспартийных. За год до того и на этих предприятиях большинство членов заводских советов составляли члены СДПГ.

В середине 1922 г. возросла активность праворадикальных террористических организаций. В ночь на 1 июля, вечером, Германская национально-пародная партия устроила «праздник Ска-

¹ StA Hamburg, Polizeibehörde I, Arbeitssignatur 707; HVZ, 21. IV 1922.

геррака», на котором пронапосилсь поджигательские нацпопалистические, антикоммунистические речи; правые экстремисты попытались устроить поджог издательства газеты «Гамбургер фольксцайтунг». 1 июня контрреволюционные силы подорвали изрывчаткой памятник жертвам революции на кладбище Ольсдорф, а в ночь на 3 июня и на 13 июня они совершили налеты на книжный магазин коммуниста Ноймана. В эти же дни была предпринята попытка поджога квартиры Тельмана. В субботу 17 июня и 23.15 жители улицы Спенсштрассе и соседних улиц были разбужены сильным взрывом. Взорвалась снабженная взрывателем замедленного действия ручная грапата, привязанная к окошлой раме квартиры Тельмана, вторая грапата не взорвалась. Пострадали одна из комнат и палисадник у входа. К счастью, Эрнст Тельмана не было дома, а жена и дочь находились в спальне. В ночь на 19 июня группа нацоналистов горлашила под окнами квартиры Тельмана гимн «Германия превыше всего».

О подобных провокациях сообщалось из всех частей Германии. Необходимо было преградить путь силам контрреволюции. Еще больше возросла необходимость единства действий рабочего класса.

Коммунисты Гамбурга действовали в полном соответствии с воззванием руководства КПГ от 16 июля, в котором оно обращалось к СДПГ, НСДПГ и АДГБ с призывом принять участие в создании сплоченного рабочего фронта обороны перед лицом наступления предпринимателей и монархической реакции.

24 июля 1922 г. члены одной из воинствующих националистических организаций убили германского министра иностранных дел Вальтера Ратенау, принадлежавшего к тем кругам монополистического капитала, которые более или менее реалистически оценивали международное соотношение сил. В апреле 1922 г. он принял предложение Советского правительства заключить с Германией во взаимных интересах договор. Рапалльский договор открывал Германии возможность для проведения миролюбивой внешней политики и сотрудничества с Советской Россией. Против Рапалльского договора выступили другие представители монополистического капитала и крупных землевладельцев, их политические эмиссары и правые лидеры СДПГ.

После покушения на Ратенау гамбургская организация КПГ, как и Центральная комиссия компартии, предложила СДПГ, НСДПГ и АДГБ организовать совместные выступления против сил контрреволюции. Несмотря на серьезность обстановки и пезируя на то, что проходивший в Лейпциге профсоюзный конгресс АДГБ выдвинул требование принять вместе с тремя рабочими партиями действенные меры против реакции, СДПГ и АДГБ вновь отказались от проведения совместно с коммунистами демонстраций. В ответ на это КПГ обратилась к рабочим Гамбурга с призывом принять 26 июля участие в демонстрации и митинге на площади Хайлигенгайстфельд, организаторам которых являлись

СДПГ, НСДПГ и свободные профсоюзы. По оценкам полиции, в них приняло участие около 100 тыс. человек. И хотя даже шеф гамбургской полиции высказывал сомнения в целесообразности таких мер, социал-демократ, член сената, ведавший вопросами полиции, Хензе, обычно воздерживавшийся от услуг полиции при проведении националистических сборищ, распорядился ввести в центральную часть города вооруженные подразделения охранной полиции.

Когда участники демонстрации стали после митинга расходиться по домам, они в районе площади Мюленберг натолкнулись на одно из таких полицейских подразделений. Некоторые участники митинга потребовали отвода полицейского отряда. Командовавший группой полицейских капитан отдал приказ сделать предупредительный залп, который привлек внимание других участников демонстрации, поспешивших к месту происшествия, чтобы в случае необходимости помочь своим братьям по классу. Среди них был и Эрнст Тельман. Как рассказывал потом Тельман, несколько распорядителей образовал цепь, чтобы удержать подоспевшую толпу. Офицеру полиции было сказано, что собравшиеся люди разойдутся. Но через несколько минут офицер потребовал, чтобы люди немедленно очистили площадь. Поскольку улицы были узкие, это оказалось невозможным. Возникла давка, и в это время полиция вновь сделала предупредительный залп, который лишь усилил волнение и возмущение людей. А командир отдал приказ стрелять в толпу. Один рабочий был убит, четыре человека ранено.

Два дня спустя Эрнст Тельман с трибуны гамбургского парламента заклеймил преступление полиции 26 июня. Он потребовал, чтобы из органов юстиции и из полиции были удалены все реакционные элементы, чтобы были распущены террористические контрреволюционные организации и рейхсвер, создано рабочее ополчение и освобождены политические заключенные. Со всей силой он подчеркнул, что враг находится справа. Свою речь Тельман закончил словами: «Сегодня речь идет лишь об одном — о том, что рабочие будут вынуждены искать решения своих проблем не на основе классового сотрудничества, не на основе соглашений, а добиваться победы на основе классовой борьбы, сделав своим лозунгом достойные каждого пролетария слова поэта:

Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой!»¹

После того как центральные руководства партий пришли к соглашению, в начале июля наконец также и в Гамбурге была достигнута договоренность между рабочими партиями и свободными профсоюзами выступить совместными силами на защиту

¹ Stenographische Berichte über die Sitzungen der Bürgerschaft zu Hamburg im Jahre 1922. Hamburg o. J., S. 734.

республики, против контрреволюции. 4 июля сотни тысяч трудящихся приняли участие в демонстрациях и митингах. Наряду с другими ораторами перед собравшимися выступил Эрнст Тельман.

Убежденность Эрнста Тельмана в том, что совместные действия рабочего класса являются наилучшей гарантией в борьбе против реакции и что рабочий класс должен защищать буржуазно-парламентскую демократию от всех посягательств справа, прозвучала особенно четко в его речи в гамбургском парламенте 7 июля. Он выступил с обоснованием предложений фракции КПП по обеспечению и расширению демократических прав трудящегося народа и, подводя итог, констатировал: «Уже теперь видно, как в рабочих массах формируется единый фронт, и даже если нынешняя форма демократического государства нас не удовлетворяет, так как под демократической формой государства... мы понимаем нечто совсем другое в сравнении с тем, что имеем сегодня, то мы все же обязаны и вынуждены развернуть вместе со всеми рабочими борьбу против реакции, которая в своей борьбе с рабочими намерена устранить эту не удовлетворяющую нас форму государства». Исходя из тесной связи между борьбой за демократию и социализм, он заявил, что, развернув решительную борьбу против сил реакции и их подстрекателей, «мы добьемся экономических и политических успехов, выходящих за рамки этой демократической формы государства»¹.

В своем заключительном слове в прениях о предложении КПП он вновь подчеркнул, «что, если реакция осмелится посягнуть на республику, мы в своей борьбе окажем поддержку этой демократической форме государства». Коммунисты, заявил Тельман, уже не раз доказывали делом, что они «готовы к защите демократического государства в борьбе против реакции»².

Последовательные действия гамбургской организации КПП привлекли к концу июля — началу августа в ее ряды около 400 новых членов. В сентябре 1922 г. в парторганизации насчитывалось примерно 14 тыс. членов. Спрос на газету КПП округа Вассерканте «Гамбургер фольксцайтунг» возрос настолько, что уже не хватало свободных экземпляров газеты, чтобы вывешивать ее на предприятиях. Важной причиной этих успехов являлось и то, что Эрнст Тельман неустанно нацеливал коммунистов на работу среди играющей решающую роль части пролетариата — на предприятиях и в профсоюзах. Альма Золтау вспоминает о собрании партийных функционеров в гамбургском районе Хаммербрук в 1922 г., на котором Тельман говорил о необходимости «добиваться от социал-демократической организации избирательных округов гораздо большего, чем до сих пор. Необходимо все больше переносить работу партии на предприятия и в профсоюзы.

¹ Stenographische Berichte über die Sitzungen der Bürgerschaft zu Hamburg 1922, S. 835.

² Ebenda, S. 845.

Мало пользы от того, если члены партии проявляют активность лишь в жилых районах, а на предприятиях не заметно никакого революционного подъема»¹.

Летом 1922 г. профсоюзное собрание сотрудников управления Гамбург I Германского союза транспортных рабочих избрало Тельмана делегатом на 11-й конгресс профсоюза, состоявшийся в Берлине 3—8 сентября. Вместе с другими делегатами-коммунистами он выступил на конгрессе против проводившейся руководством профсоюза оппортунистической политики классового сотрудничества, потребовав проведения революционной профсоюзной политики. На вечернем заседании конгресса 8 сентября он выступил с обоснованием внесенного им и другими революционно настроенными членами профсоюза проекта резолюции, в которой решительно отклонялось участие в классовом сотрудничестве. Он заявил, что классовое сотрудничество, кажущееся паритетное взаимодействие рабочих и предпринимателей, созданное по инициативе предпринимателей во время Ноябрьской революции для сдерживания классовой борьбы, является всего лишь продолжением в новых условиях политики классового мира, проводившейся правыми профсоюзными лидерами в годы первой мировой войны. Политику классового сотрудничества активно поддержали даже такие реакционные представители крупной промышленности, как Стиппес, Фёглер и Зорге, заявившие, «что этот брак по расчету между капиталом и трудом чрезвычайно выгоден для предпринимателей»². Эрнст Тельман не только дал оценку классовой сути политики классового сотрудничества, но и разоблачил демагогическое утверждение, будто завоевания рабочих являются результатом этой политики. Опираясь на исторические факты, он доказал, что, например, восьмичасовой рабочий день был завоеван не благодаря политике классового сотрудничества, а в результате борьбы рабочих в ходе Ноябрьской революции.

В заявлении по проекту резолюции профсоюзного руководства Эрнст Тельман потребовал не ограничивать профсоюзную борьбу отдельными требованиями повышения ставок заработной платы и тарифов, а направить силы всей организации на борьбу за единые тарифы зарплаты работникам транспорта и за дальнейшее расширение социальных и экономических прав, за влияние на производство и политику цен, а также за реализацию требований АДГБ, выдвинутых в ноябре 1921 г.³ Он подверг критике содержащиеся в проекте резолюции управления профсоюза об экономической обстановке иллюзорные утверждения, будто

¹ IML, ZPA, EA 1397.

² Deutscher Transportarbeiter-Verband (Deutscher Verkehrsbund). Protokoll über die Verhandlungen des 11. Verbandstages. Abgehalten zu Berlin im Gewerkschaftshaus, Engelshof 24/25, vom 3. bis 8. September 1922. Berlin, 1922, S. 115.

³ Vgl. ebenda, S. 173—174.

от капиталистического правительства» можно ожидать основополагающих мер в интересах трудящихся. «Тот, кто верит, что капиталистическое правительство способно на это, мало что понял после 1918 г. Капиталистическое правительство никогда не посмеет выступать против капитализма»¹.

Эрнст Тельман поддержал предложение профсоюзного руководства объединить в рамках единого профсоюза всех занятых на транспорте рабочих, чиновников и служащих — следовательно, также и членов профсоюза железнодорожников. Такое объединение, сказал он, особенно необходимо ввиду происходящей концентрации капитала и отвечает стремлению рабочего класса к созданию единого фронта².

Сразу же после возвращения из Берлина Эрнст Тельман в докладе на собрании гамбургской парторганизации КПГ с участием профсоюзных функционеров-коммунистов подвел итоги конгресса профсоюза. Это выступление, как и вся его деятельность, свидетельствовало о том, сколь важное значение придавал Эрнст Тельман профсоюзной борьбе и работе коммунистов в профсоюзах. Он был в числе 71 участника Всегерманской конференции профсоюзных работников-коммунистов, состоявшейся в Берлине 7 и 8 октября 1922 г. Здесь он также энергично призывал выступать против любых выходов из возглавлявшихся реформистами профсоюзов. Задача партии состоит в том, заявил Эрнст Тельман, чтобы всеми силами «вести среди рабочих разъяснительную работу, добиваясь их вступления в профсоюзы». Тельман доложил о том, что коммунисты Гамбурга пользуются «большими симпатиями» среди организованных в профсоюзы рабочих, но все еще слишком велико число рабочих, не являющихся членами профсоюзов»³.

В 1922 г. быстро нараставшая, сознательно стимулировавшаяся крупным капиталом инфляция еще более ухудшила положение рабочих. В конце 1922 г. реальная заработная плата была ниже уровня 1913 г. в среднем на 30—45%. Это был самый низкий уровень после 1919 г. Врачи отмечали постоянное ухудшение состояния здоровья трудящихся, особенно детей, увеличение смертности среди новорожденных, прежде всего в результате безграничного роста цен на молоко, усиливавшуюся угрозу голодной смерти.

О растущей дороговизне, о постоянно усиливавшемся наступлении предпринимателей говорил Эрнст Тельман в своей речи в гамбургском парламенте 20 сентября, выступая с обоснованием предложений фракции КПГ: обеспечение выдачи продовольствия

¹ Deutscher Transportarbeiter-Verband (Deutscher Verkehrsbund). Protokoll über die Verhandlungen des 11. Verbandstages. Abgehalten zu Berlin im Gewerkschaftshaus, Engeluf 24/25, vom 3 bis 8. September 1922, S. 224.

² Vgl.: Ebenda, S. 195.

³ IMI, ZPA, I 2/708/2.

семьям бедняков, открытие общественных столовых и отопливаемых помещений, возобновление детского питания в школах, закрытие всех фешенебельных ресторанов для богатеев¹.

Ораторы от других партий, хотя и не могли оспаривать бедственное положение широких слоев населения, ограничивались лишь разговорами о нужде, не вдаваясь в ее причины, или демагогически, со ссылками на Версальский договор и его последствия, сводили эти причины к разграблению Германии империалистическими державами-победительницами.

В противоположность этому Эрнст Тельман не только убедительно говорил о том, что рабочие вследствие быстрого роста инфляции не могли покупать «самые необходимые продовольственные товары и предметы обихода», но и вскрывал подлинные причины бедственного положения трудящихся масс, кроющиеся в последствиях империалистической войны и в капиталистическом общественном строе в целом. «И если со стороны буржуазии указывается на эксплуататоров за границей, то это односторонний подход, ибо именно в Германии, среди владельцев банков и крупных промышленников, находятся те самые люди, которые эксплуатируют народ, пролетариат». Чтобы преодолеть нужду, продолжал Тельман, рабочий класс требует мер против повышения цен и ростовщичества. «Он твердо убежден в том... что, если он не выступит сам, ему печего ждать от находящихся в подчинении у правительства инстанций»². Поэтому среди пролетариата усиливается стремление оказывать решающее воздействие на регулирование цен, а также на производство.

Указав на успешную деятельность комитетов рабочего контроля и заводских советов на предприятиях в других городах, Эрнст Тельман потребовал, чтобы такие органы действовали и в Гамбурге. Так он использовал парламентскую трибуну для пропаганды этих двух важных частичных требований КППГ в антиимпериалистической борьбе. Если рост цен будет продолжаться, заявил он, то «к самопомощи будут вынуждены не только рабочие, но вместе с ними выступит также и часть среднего сословия». Он обратился к рабочему классу с призывом осознать свою силу, ковать оружие и идти путем, «по которому пять лет назад пошли рабочие России — по пути революции»³.

В своем заключительном выступлении в прениях Эрнст Тельман направил огонь критики прежде всего против разглагольствовавший оратора Германской национально-народной партии, который — со ссылками на высказывания президента социал-демократа Фридриха Эберта — требовал увеличения продолжительности рабочего дня и создания «народного общества» для того, чтобы «вызволить отечество из беды», а беда эта затрагивает де-

¹ Vgl.: Stenographische Berichte über die Sitzungen der Bürgerschaft zu Hamburg 1922, S. 978.

² Ebenda, S. 982, 983, 984.

³ Ebenda, S. 986.

всех. Эрнст Тельман решительно выступил против посягательств на восьмичасовой рабочий день. Он обвинил капиталистов в том, что они «придают гораздо большее значение эксплуатации рабочих, нежели улучшению технических средств». Увеличение рабочего времени, заявил он, равнозначно увеличению числа безработных; но «серьезнейшая, главная задача состоит в том, чтобы включить безработных в производственный процесс»¹. Он также опроверг преднамеренную ложь о «бедствии всех немцев», приведя доказательства того, что крупные промышленники и торговцы наживаются на инфляции. Демагогическим разглагольствованиям о «народном обществе» он противопоставил призыв к решительной и сплоченной борьбе эксплуатируемых масс против господства крупного капитала и его правительства.

И это выступление Эрнста Тельмана в гамбургском парламенте явилось примером парламентской деятельности коммунистов. Он внес конструктивные предложения коммунистов, направленные на незамедлительное облегчение острейшей нужды, используя в то же время парламентскую трибуну для разоблачения методов капиталистической эксплуатации и проимпериалистической политики правительства, для пропаганды политики и мировоззрения коммунистов и тем самым для мобилизации масс на борьбу против капитализма.

На съезде организации КПГ округа Вассерканте, состоявшемся 30 сентября и 1 октября, Эрнст Тельман также говорил о предстоящей борьбе, призвав к координации деятельности заводских советов с борьбой против роста цен в рамках всей страны.

На выборах делегата на IV Всемирный конгресс Коминтерна мандат получил Гуго Урбанс, который собрал на несколько голосов больше, чем Эрнст Тельман. О задачах этого конгресса Тельман говорил на заседании Центральной комиссии КПГ, состоявшемся 15 и 16 октября. Он выступил в прениях с анализом международного революционного движения: рабочего движения в капиталистических странах, национально-революционного движения и положения в Советской России как «фактора в расстановке сил, который, несомненно, сыграет величайшую роль». В этой речи Тельман сделал вывод о том, что объективно можно констатировать «нарастание революционного движения» и что Коммунистический Интернационал должен обеспечить субъективные предпосылки для борьбы. В этой связи он с полным основанием критиковал то, что соображения КПГ к Программе Коминтерна — РКП(б) и КПГ имели поручение подготовить соответствующие проекты для IV Всемирного конгресса — были представлены с большим опозданием, поскольку, как отмечал он, необходима широкая дискуссия, чтобы обеспечить твердую единую позицию партии по этим вопросам. Он подчеркнул, что в любом

¹ Stenographische Berichte über die Sitzungen der Bürgerschaft zu Hamburg 1922, S. 992—993, 997, 998.

случае необходимо не допустить включения в проект Программы каких-либо оппортунистических тенденций.

IV конгресс Коминтерна состоялся в Петрограде и Москве с 5 ноября по 5 декабря 1922 г. На нем получила дальнейшее развитие разработанная III конгрессом тактика единого фронта, была обоснована необходимость борьбы за удовлетворение частичных требований и подчеркнуто значение борьбы против сил реакции и фашизма, в защиту общих демократических прав. Всемирный конгресс заявил о том, что создание рабочего правительства — правительства из представителей рабочих партий — является возможным этапом в борьбе за установление власти рабочего класса и переход к диктатуре пролетариата. Большинство участников конгресса, руководствовавшихся идеями В. И. Ленина, отвергло левацко-сектапские взгляды.

Несмотря на свою болезнь, в работе конгресса принял участие Ленин. В своем докладе «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции» он дал анализ главных проблем социалистического строительства в Советской стране и обобщил опыт РКП(б) для международного коммунистического движения¹. Он нацелил коммунистов на овладение марксистской теорией, опытом международной классовой борьбы и их творческое применение в конкретных условиях каждой страны. При этом, указывая на, коммунистические партии должны ориентироваться не только на наступление против буржуазии, но и учитывать возможность временного отступления.

Эрнст Тельман участвовал в заседаниях Центральной комиссии КПГ 13 и 14 декабря, на котором были подведены итоги IV Всемирного конгресса Коминтерна. В своем выступлении он, наряду с прочим, высказался по вопросу о рабочем правительстве, заявив, что, по его мнению, участие коммунистов в таком правительстве возможно лишь при условии, если приведены в движение массы, которые сами потребуют участия КПГ в таком правительстве. Положение, однако, совсем иное. Эрнст Тельман признавал к тому, чтобы в ходе дальнейшей борьбы партия сконцентрировала внимание на обеспечении единого руководства деятельностью заводских советов и движением за повышение тарифов заработной платы. Путем давления снизу, говорил он, необходимо добиваться отклонения решений третейских судов и организации забастовок, которые должны перерасти в политическую борьбу против буржуазии. Деятельность контрольных комиссий должна выйти за рамки соблюдения буржуазной законности и мобилизовывать массы на революционную борьбу. С помощью создания рабочей самообороны необходимо дать отпор организованным выступлениям фашистских банд. В этом и в борьбе против удорожания жизни, за повышение заработной платы, против удлинения рабочего дня и ограничения прав рабочих

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 278—294.

на предприятиях Тельман видел важнейшие средства мобилизации рабочих на борьбу. Создание же рабочих правительств, считал он, не является подходящим исходным рубежом для развертывания такой борьбы.

Как и другие партийные работники, Эрнст Тельман тогда еще недостаточно понимал, какое значение могло бы приобрести в тех условиях рабочее правительство как этапная цель борьбы. Но он правильно подчеркивал необходимость исходить из экономических требований рабочих, чтобы развернуть широкое массовое движение, обеспечив его единое руководство. Это свидетельствовало о его хорошем знании обстановки и настроений рабочих, что помогало избрать правильный путь к созданию решающих предпосылок для участия коммунистов в рабочем правительстве.

Председатель партии Генрих Брандлер предостерегал на заседаниях Центральной комиссии от левосектантских ошибок, односторонне пацеливая, однако, на использование демократических иллюзий масс и требований отсталых рабочих. Он недооценивал необходимость подготовки и организации партийной борьбы за повседневные экономические интересы рабочих. В этих элементах стихийности и ошибочных взглядах Брандлера по вопросу о государстве проявились его правооппортунистические тенденции. Центральная комиссия единодушно высказала мнение о том, что в ближайшее время следует ожидать обострения классовых противоречий.

20 декабря 1922 г. в гамбургском парламенте обсуждался бюджет. Эрнст Тельман использовал это заседание для разоблачения политики правящего класса и изложения программы КПГ по мобилизации трудящихся масс. В своем выступлении он дал характеристику глубокого кризиса капитализма, который чрезвычайно остро проявлялся в странах Центральной Европы. Правящий класс Германии, опираясь на реакционное правительство Купо, пытался справиться с трудностями за счет пролетариата. Тельман парисовал убедительную картину бедствий широких слоев народа и предостерег от параставшей опасности фашизма. Он отметил, что борьба рабочих за повышение заработной платы, против наступления капитала на их экономические и политические права носит «пока еще экономический характер», но она «может весьма быстро перерасти в политическую борьбу» и приобрести формы, «последствий которых мы еще не можем оценить в полной мере». Поскольку мы являемся свидетелями «неспособности капиталистического правительства и общественного строя» справиться с ростом дороговизны и ростовщичеством, «рабочий класс переходит к принятию мер самопомощи». Обращаясь к представителям других фракций, Тельман подчеркнул тот неопровержимый факт, что обнищание имеет предел, «за которым противоречия между пролетариатом и буржуазией сталкиваются с такой силой, что пролетариат одерживает победу, а тех, кто выступает против требований пролетариата, ожидает та же судьба,

что и царскую военную касту... Они будут сметены революционной волной рабочего движения»¹.

Особенно важное значение имел раздел речи Тельмана о борьбе за власть. Опираясь на решения IV конгресса Коминтерна и КПГ, он заявил: «Мы знаем, что борьба за политическую власть — не такая борьба, в которой, может быть, все решается сразу. Это борьба, которая, судя по всему, будет нарастать постепенно. Коммунистическая фракция считает, что по всем вопросам этой борьбы и в других делах, где речь идет о защите интересов пролетариата, мы должны пытаться добиваться также и малых побед, ибо понимаем, что крупных побед, таких, как завоевание власти, нельзя добиться одним махом. В этой связи необходимо, чтобы был орган, способный выполнить то, что требуют рабочие. Это под силу лишь созданному в ходе борьбы рабочему правительству, которое опирается на массы. Это рабочее правительство, поддерживающее постоянную связь с массами, сможет добиться того, что отвечает интересам пролетариата. Это — инструмент борьбы, и он сможет осуществить требования, направленные на улучшение условий жизни и политического положения пролетариата»².

Приведенные слова свидетельствуют о том, что в борьбе за отвечающую конкретным условиям Германии стратегию и тактику классовой борьбы Эрнст Тельман накопил важный опыт. И если он подчеркивал, что рабочее правительство должно возникнуть в ходе борьбы масс и опираться на них, то он не допускал каких-либо правооппортунистических толкований этого требования. В то же время его приверженность борьбе за частичные цели, понимание того, что в существующих условиях немедленное установление диктатуры пролетариата невозможно, и его поддержка рабочего правительства как этапной цели отличались от тех лепосектантских взглядов, которые тогда особенно пропагандировались в руководстве окружной парторганизации КПГ Берлин-Бранденбург.

4

Против Куно и Пуанкаре

1923 год характеризовался для некоторых стран Европы чрезвычайным обострением классовых противоречий. В Германии он был отмечен новыми вспышками классового противоборства. Для Тельмана эти события были связаны с решением новых задач, что имело большое значение для его дальнейшего развития.

Уже в первые дни нового года стало очевидным, что французский империализм нацелил все свои силы на захват Рурской области. До крайности обострилась борьба между французским и

¹ Stenographische Berichte über die Sitzungen der Bürgerschaft zu Hamburg 1922. S. 1398, 1397, 1399.

² Ebenda, S. 1398.

германским монополистическим капиталом за участие в ограблении рабочего класса Германии. Французский монополистический капитал хотел заполучить промышленный центр Германии, чтобы расширить экономическую основу для установления своей гегемонии в Европе. Это облегчалось для него провокационными действиями игравшей решающую роль группы германских монополистов во главе с Гуго Стиннесом, которая срывала репарационные поставки Франции и Бельгии, стремясь вынудить правительство на уступки — отмену восьмичасового рабочего дня, права на забастовки и других социальных и политических прав трудящихся. В то же время упомянутые выше силы стремились добиться для себя более выгодных условий намечавшегося создания германо-французского горно-металлургического картеля и более приемлемой, отвечавшей их стремлению к прибылям и господству формы репарационных поставок.

Руководство КПГ вместе с коммунистическими партиями Бельгии, Франции, Великобритании, Италии, Нидерландов и Чехословакии выдвинуло на конференции, состоявшейся 6 и 7 января в Эссене, требование создать международный пролетарский единый фронт, чтобы отвратить грозившую оккупацию Рурской области и вызванную империализмом военную опасность. В этом духе партийная организация коммунистов Гамбурга обратилась 4 января через газету «Гамбургер фолксдайтунг» с призывом к рабочим и чиновникам принять участие в митинге протеста против угрозы оккупации Рура, против агрессивных планов германских и французских монополистов, за сплочение международного пролетариата в борьбе во имя освобождения от капиталистического гнета.

Митинг коммунистов Гамбурга состоялся у «Загебиля». Председествовавший Эрнст Тельман предоставил вначале слово двум представителям Французской коммунистической партии. Они подтвердили решимость французского рабочего класса выступить, в соответствии с воззванием конференции в Эссене, за международный единый фронт, против оккупации Рура и угрозы новой мировой войны. Выступивший на митинге представитель Итальянской коммунистической партии призвал немецких рабочих следовать примеру советских рабочих. От КПГ выступил Пауль Фрёлх. Эрнст Тельман в своей заключительной речи призвал секции Коммунистического Интернационала к еще большему сплочению, чтобы еще успешнее вести борьбу за освобождение пролетариата. Митинг был завершен демонстрацией трудящихся.

11 января 1923 г. французские и бельгийские войска вступили в Рурскую область. Захват Рура явился серьезной угрозой миру и национальной независимости Германии. Он привел к дальнейшему осложнению экономического положения Германии и вызвал катастрофическое ухудшение жизненных условий трудящихся. Империалистическое правительство Германии ответило на эту оккупацию призывом к «пассивному сопротивлению» оккупаци-

онным властям и развязало шовинистическую и националистическую пропагандистскую кампанию. С помощью призыва к «пассивному сопротивлению» и шовинистического разгула германское правительство пыталось заручиться поддержкой народных масс в своем противоборстве с французским империализмом. В то же время оно стремилось ослабить этим чрезвычайно обострившийся классовый антагонизм и отвлечь трудящихся от борьбы против германского империализма. То, что скрывалось за националистической фразеологией германских монополистов и их апологетов, сжато и точно охарактеризовал позднее Эрнст Тельман в своей статье к 10-летию оккупации Рура: «Патриоты войны за Рур заботились не о чести нации, не об отечестве — дело шло о золотой монете, о большом куске, о максимальной доле прибыли от ограбления пролетариата Рейна и Рура. Дело шло о выгодных сделках, о наживе»¹.

Правые лидеры Объединенной социал-демократической партии Германии (ОСДПГ) — так именовалась в течение некоторого времени бывшая Социал-демократическая партия Германии после присоединения к ней в сентябре 1922 г. большинства правой ИСДПГ — встали в рурском конфликте на сторону германской буржуазии. Они поддерживали националистическую политику правительства Куно — самого реакционного правительства Германии после Ноябрьской революции. «ОСДПГ заключила «классовый мир» со смертельными врагами пролетариата и укрепила его как раз в то время, когда постоянным требованием момента была беспощадная классовая война», — писал Эрнст Тельман в своей статье в январе 1933 г.

На собрании партийных функционеров гамбургской организации КПГ 12 января 1923 г. Эрнст Тельман высказал свое мнение о задачах КПГ в связи с изменившейся обстановкой. Он охарактеризовал сплоченность рабочих в борьбе как самую настоятельную необходимость. Собрание избрало его делегатом на VIII съезд КПГ и на окружной съезд партии округа Вассерканте. Выступая на окружном съезде, который состоялся 13 и 14 января, Тельман высказался за создание пролетарского единого фронта. Он призывал к тому, чтобы КПГ вела работу прежде всего на предприятиях и оказывала поддержку деятельности контрольных комиссий. На выборах в заводские советы, говорил он, КПГ должна выдвинуть следующие политические лозунги: 1) сохранение восьмичасового рабочего дня, 2) отмена сверхурочных работ, 3) осуществление контроля за производством, 4) расширение прав заводских советов на предприятиях, 5) недопущение какого-либо саботажа производства со стороны предпринимателей. Для борьбы с фашизмом «необходимо создание рабочих организаций самообороны совместно с рабочими — членами ОСДПГ»².

¹ Die Rote Fahne, 11. I 1933.

² HVZ, 23. I 1923.

Все указанные предложения Тельмана были направлены на защиту и расширение социальных и демократических завоеваний рабочего класса и на создание в этой борьбе единого фронта против империализма. Особенно важное значение в связи с развернувшейся борьбой вокруг Рура имел его призыв к делегатам окружного съезда «выдвинуть теперь на передний план прежде всего заключение союза с Советской Россией»¹. Советский Союз 13 января заявил решительный протест против оккупации Рурской области, которая явилась нарушением права немецкого народа на самоопределение, предостерег от опасности нового кровопролития в Европе и призвал народы мира спасти решительными действиями мир в Европе.

Националистический угар достиг в те дни своего апогея. Буржуазная пресса не скупилась на антифранцузские выпады, а большинство социал-демократических газет призывало к «классовому миру» с германским империализмом. Единственной партией, выступившей против этого, была КППГ. На страницах ее печати и на сотнях организованных коммунистами собраний — лишь в округе Вассерканте было проведено 90 таких собраний — она призывала к борьбе против Куно и Пуанкаре, против германского и французского империализма. Выступая 16 января на массовом собрании трудящихся, Эрпст Тельман обвинил лидеров социал-демократии в том, что они вновь заключили «классовый мир» с предпринимателями. Он точными словами охарактеризовал борьбу за Рур: «И вновь капиталисты затеяли драку из-за добычи. Они напоят пролетариату удар за ударом. Рабочий класс должен нести на своих плечах все бремя репараций и санкций. Усилилась эксплуатация также и французского рабочего класса. «Победителями» стали французские предприниматели, которые, как и эксплуататоры всего мира, ведут борьбу за сохранение своих отраслей промышленности». Немецкий рабочий класс должен «добиться в борьбе создания такого правительства, которое направит острину своей политики против предпринимателей», — рабочего правительства. «Но чтобы достичь этого, необходимо противопоставить националистическому фронту единый пролетарский фронт... теперь необходимо удвоить и утроить силы, чтобы возросло сопротивление усилившейся эксплуатации со стороны немецких и французских предпринимателей»².

Несколько дней спустя рабочий-транспортник и председатель гамбургской организации коммунистов Эрпст Тельман принял участие в работе VIII съезда КППГ, состоявшегося 28 января — 1 февраля 1923 г. в Лейпциге. Он полностью поддержал Клару Цеткин, которая, открывая съезд, в своей речи обосновала необходимость борьбы против германского и французского империализма, создания единого пролетарского фронта против империализма.

¹ HVZ, 23. I 1923.

² HVZ, 17. I 1923.

лизма, идеологического и организационного укрепления партии, которая должна повести за собой массы в борьбе за революцию. Делегаты съезда единодушно приняли «Манифест к международному пролетариату и рабочим и работницам Германии». Вместе с другими делегатами Тельман голосовал за послание солидарности в адрес Советской России, которая явилась единственным государством, заявившим протест против оккупации Рурской области. Съезд выразил Советской России благодарность за «важный урок, состоящий в том, что дело нации сегодня — это дело рабочего класса». Своими действиями она доказала, что право народов на национальную независимость и самостоятельность «может быть обеспечено и сохранено лишь путем разворачивания сил революционных масс». КППГ была единственной политической силой в Германии, указавшей альтернативу антинациональной и антинародной политике германского монополистического капитала.

Но как показали выступления в прениях на съезде КППГ, в молодой партии все еще высказывались различные взгляды по вопросу о формах и методах борьбы. Борьбу в партии за четкую ленинскую линию особенно отразила развернувшаяся на съезде дискуссия по вопросам: каким путем можно выковать единый фронт? Как создать рабочее правительство? Каковы предпосылки для создания такого правительства и его задачи? КППГ имела мало опыта в указанных вопросах или совсем не обладала им. Политика классового мира правых лидеров социал-демократии и их ярый антикоммунизм чрезвычайно затрудняли поиск правильных ответов на эти вопросы. Было очевидно, что на съезде противостояли друг другу две группировки: большинство делегатов и сильное меньшинство, находившееся в оппозиции и опиравшееся на парторганизации округов Берлин-Бранденбург, Вассерканте-Гамбург, Средний Рейн, Гессен-Франкфурт и Лаузиц. Как уже следовало из дискуссий накануне и во время съезда и как это ясно показало дальнейшее развитие событий, основные разногласия проявлялись внутри упомянутых группировок.

В то время как Клара Цеткин, Вальтер Штёккер и другие представители большинства занимали в отношении единого фронта и рабочего правительства правильные позиции, Генрих Брандлер и Август Тальгеймер слишком уповали на возможности парламентской борьбы, а по вопросу о государстве придерживались взглядов, допускавших правооппортунистическое толкование.

Оппозиция особенно подчеркивала необходимость создания единого фронта прежде всего путем разворачивания борьбы масс, в результате которой должны были возникнуть рабочие правительства. Она энергично выступала против формулировок представителей большинства, которые можно было истолковать в духе оппортунизма. В рядах оппозиции также проявлялись тенденции революционного нетерпения, левачьи перегибы. Группировавшиеся вокруг Рут Фишер и Аркадия Маслова ультралевые, яв-

являвшиеся противниками единого фронта, рассматривавшие рабочее правительство лишь как «синоним» диктатуры пролетариата и прикрывавшие свое неверие в силы рабочего класса псевдореволюционными фразами, пытались создать впечатление, будто между представителями заблуждавшихся в некоторых вопросах членов партии из рядов оппозиции и их взглядами, сводившимися к чистому авантюризму, не существует никаких расхождений. Поскольку ультралевые заявляли также о своей поддержке справедливых требований революционных рабочих, критиковали распылчатые и ошибочные высказывания представителей партийного большинства и воздержались от открытого выступления на съезде со своими подлинными взглядами, было трудно распознать последствия, к которым вела их политика.

Эрнст Тельман дважды брал слово в прениях. Примечательной являлась его позиция по главному вопросу — о связи между движением масс и рабочим правительством, между борьбой за частичные цели и за конечную цель. Его концепция была направлена против оппортунистических тенденций в партийном руководстве и в то же время отличалась от негативной и авантюристической позиции ультралевых. В числе немногих Тельман занимал по этим вопросам четкую позицию, хотя, как и большинство делегатов съезда, только начинал овладевать марксистско-ленинской стратегией и тактикой. Личию, которую он отстаивал в партийной дискуссии, он выдвинул еще до съезда, развив ее в своем выступлении на собрании функционеров гамбургской организации КПП 12 января. Там он заявил, что в решающих схватках социал-демократическому коалиционному правительству необходимо противопоставить «в качестве политической этапной цели рабочее правительство». «Но мы не должны забывать накопленного в ходе революции в Германии опыта, говорящего о том, что единый фронт должен быть образован снизу в борьбе за конкретные требования пролетариата. Руководство этой борьбой должно принадлежать КПП»¹.

Так, исходя из решений IV Всемирного конгресса Коминтерна, Эрнст Тельман ориентировал коммунистов на создание рабочего правительства как на этапную цель борьбы, неизменно подчеркивая, когда он затрагивал этот вопрос, что оно обязательно должно опираться на широкое движение масс, а не являться лишь результатом парламентских комбинаций. В принятой 12 января резолюции собрания партийных функционеров говорилось: «Рабочее правительство дает возможность для развертывания борьбы за диктатуру пролетариата лишь при условии, если выступления масс уже подорвали основы власти буржуазии и движение объединенных сил снизу привело к созданию исполнительных органов власти пролетариата»².

¹ HVZ, 13. I 1923.

² HVZ, 12. I 1923.

В своих выступлениях на партийном съезде Тельман исходил из того, что в результате оккупации Рура начнется складываться революционная ситуация, что выдвигало перед партией задачу расширения фронта борьбы на основе политики единства. «На пути пролетарского единого фронта рабочее правительство может стать средством завоевания власти, оно может быть этапной целью, но рабочему классу следует разъяснить, какие предпосылки необходимы для участия в рабочем правительстве. Для меня вхождение в рабочее правительство означает, что для этого необходимо по крайней мере одно основание... чтобы часть пролетариата имела возможность защищать и поддерживать данное правительство. Тот, кто считает, будто рабочее правительство можно защитить легальным путем, без борьбы пролетариата, может стать свидетелем того, что при первой же благоприятной возможности буржуазия прогонит к черту этих заявивших министерские кресла рабочих»¹.

Слова Тельмана были проникнуты убеждением, что монополистическому капиталу можно нанести поражение только в активной, возглавляемой КПГ борьбе и рабочий класс может добиться успеха лишь при условии, если будет выступать единым фронтом. Его утверждение, что рабочее правительство должно опираться на борьбу масс, не оставляло места для каких-либо оппортунистических толкований.

Таким революционным духом была проникнута и деятельность Эрнста Тельмана после съезда партии. В Центральной комиссии, в состав которой его вновь избрали, на посту председателя гамбургской организации КПГ, а также на своем рабочем месте он отдавал все свои силы созданию широкого фронта борьбы против империализма. Уже на следующий день после завершения съезда, 2 февраля 1923 г., Эрнст Тельман выступил на собрании членов заводских советов, советов рабочих и служащих, доверенных лиц заводских профорганизаций и профсоюзных работников Гамбурга. Он показал империалистический характер борьбы вокруг Рура, изобличил руководство СДПГ и профсоюзов в поддержке проводимой монополистическим капиталом политики классового мира и призвал к борьбе против германского и французского империализма. Необходимо, говорил он, заставить профсоюзную бюрократию «отказаться от классового мира с капиталистами, выполнять свои экономические задачи, вести борьбу за повышение заработной платы». Профсоюзная бюрократия должна также признать важное значение деятельности заводских советов, «а это означает прекращение националистической шумихи и борьбу с врагами рабочих в собственной стране». Тельман предостерег от выхода из профсоюзов, что вело бы к их ослаблению, но потребовал: «Каждый убежденный борец за классовые интересы должен

¹ Bericht über die Verhandlungen des III. (8.) Parteitages der Kommunistischen Partei Deutschlands (Section der Kommunistischen Internationale). Abgehalten in Leipzig vom 28. Januar bis 1. Februar 1923. Berlin, o. J., S. 358.

решительно требовать от профсоюзной бюрократии, чтобы она покончила; наконец, с направленной против пролетариата политической в защиту интересов буржуазии». Надлежит также, заявил он, вовлечь в борьбу служащих. «Важным фактором экономической и политической борьбы должно стать движение заводских советов. Оно не может оставаться каким-то побочным явлением, а должно превратиться во влиятельный параллельный институт власти, ведущий к созданию рабочего правительства и прокладывающий путь к революции»¹.

В духе решений съезда партии Эрнст Тельман направил свои усилия на мобилизацию рабочих и служащих на совместную борьбу против империализма. Характерной чертой Тельмана было то, что он нацеливал коммунистов прежде всего на работу в заводских советах и в профсоюзах, ибо лишь с их помощью можно было охватить основную массу пролетариата, трудящихся заводов и фабрик. В деятельности заводских советов он видел решающее звено сплочения рабочего класса в борьбе против империализма. Наряду с этим он постоянно подчеркивал, что контрольные комиссии и пролетарские сотии располагали большими возможностями улучшения положения рабочего класса, защиты демократических прав от происков фашизма, а также создания широкого революционного фронта борьбы с целью коренного изменения соотношения сил в Германии.

На собраниях актива и функционеров организации КПГ Гамбурга, состоявшихся в течение последующих недель, Эрнст Тельман неоднократно выступал по вопросам борьбы в Руре и о задачах партии. 9 марта он выступил в прениях на собрании членов заводских советов, созванном «комитетом пятнадцати», руководящим органом революционного движения заводских советов Гамбурга. Он обратился к собравшимся с призывом усилить борьбу против германского и французского империализма ввиду жестоких мер правительства Пуанкаре против Французской коммунистической партии. От имени коммунистов он заявил о поддержке требований «комитета пятнадцати». Собрание единодушно приняло резолюцию против антирабочей политики коалиционного сената Гамбурга и поручило этому комитету «вместе со всеми рабочими организациями добиться разрыва с проводившейся коалиционной политикой и создать предпосылки для создания сената рабочих, который при поддержке трудящихся масс защищал бы их интересы»². В заключение своего выступления Эрнст Тельман призвал к тому, чтобы митинг, созывавшийся 18 марта в связи с международной конференцией рабочих во Фрапкфурте-на-Майне, стал мощной демонстрацией под лозунгом «Долой сотрудничество с буржуазией, за сплочение пролетариата в борьбе!».

Самоотверженный труд Эрнста Тельмана и его товарищей увенчался крупным успехом. 18 марта в массовом митинге на

¹ HVZ, 3. II 1923.

² HVZ, 10. III 1923.

площади Хайлигенгайстфельд приняло участие 40 тыс. трудящихся Гамбурга, больше, чем в устроенном буржуазными партиями и СДПГ в противовес ему националистическом митинге.

Эрнст Тельман вел борьбу против наступления предпринимателей и непосредственно на месте своей работы, на верфи «Кубац», где производилась разборка на лом старых судов. Вилли фон дер Райт пишет о том, как дирекция верфи устроила провокацию против рабочих, проведя в их отсутствие обыск в раздевалке, «единственной причиной которого было требование рабочих ввести специальную надбавку к дотациям в связи с ростом цен». Рабочие заявили протест против обыска, а работавшие на верфи коммунисты привели доказательства того, что злоупотребления дирекцией властью являлись частью общего наступления владельцев верфи против рабочих. В ответ на это пять рабочих было уволено, в том числе три коммуниста. Поскольку дирекция отклонила требование совета рабочих восстановить уволенных на работе, общее собрание рабочих верфи большинством голосов приняло решение прекратить 17 февраля работу. Был создан забастовочный комитет, в состав которого вошел и Эрнст Тельман.

Руководство гамбургского профсоюза металлистов не признало правомерность забастовки и отказалось поддержать ее, но городское правление КПГ и «комитет пятнадцати» революционных заводских советов встали на сторону бастовавших. На организованной КПГ встрече представителей заводских советов, профсоюзных функционеров и членов комитетов действия Эрнст Тельман рассказал о забастовке на верфи «Кубац». Его сообщение произвело большое впечатление на участников встречи, которые заявили о своей готовности поддержать забастовку. «Комитет пятнадцати» выделил на это средства из своего фонда. Многие рабочие Гамбурга, особенно докеры, а также трудящиеся с других предприятий округа Вассерканте оказали своими пожертвованиями помощь бастовавшим рабочим верфи «Кубац». Забастовка длилась почти три месяца.

Но Эрнст Тельман в своей деятельности уже не ограничивался только Гамбургом. 23 марта он вместе с представителями РКП(б) и Французской компартии выступил на массовом митинге в районе Берлина Моабит с докладом о решениях франкфуртской конференции рабочих. Два дня спустя он принял участие в работе партийного съезда организации КПГ округа Рейпланд-Северная Вестфалия в Эссене. Он передал делегатам съезда боевой привет парторганизации коммунистов округа Вассерканте. В отличие от также присутствовавшей на съезде Рут Фишер, которая выступила с требованием немедленного захвата шахт и предприятий, отклонив при этом выдвижение каких-либо частных требований, Эрнст Тельман в своем выступлении подчеркнул, что, добиваясь удовлетворения частных требований, партия должна вести рабочих к дальнейшим целям борьбы: «Одним скачком установить диктатуру пролетариата невозможно... необходимо исхо-

дать из насущных вопросов сегодняшнего дня... которые волнуют весь пролетариат»¹.

Тем временем в Гамбург пришел советский корабль. Он доставил зерно, собранное трудящимися Страны Советов для своих борющихся и голодающих товарищей по классу в Рурской области. Вернувшись в Гамбург, Эрнст Тельман рассказал революционным рабочим города о том, что видел и слышал в Рурской области. Там царит голод и произвол в отношении наших братьев по классу, рассказывал он. В этой связи он с чувством большой признательности говорил о поставках зерна из Советского Союза. Пролетариат Гамбурга сделает все, заявил Тельман, чтобы хлеб как можно скорее был доставлен в Рурскую область. Гамбургские рабочие так и поступили. Они приняли на себя расходы по перегрузке зерна в железнодорожные вагоны, обеспечив также быструю разгрузку второго советского корабля с зерном. 5 апреля на массовом собрании в гамбургском Доме профсоюзов Эрнст Тельман выразил благодарность советским трудящимся за их замечательную акцию солидарности. Митинг, на котором выступил также делегат советских профсоюзов, прошел как манифестация тесного единения немецких и советских рабочих. Выступая в 1924 г. в рейхстаге с речью, в которой он подверг критике план Дауэса, Тельман напомнил об этой крупной акции солидарности рабочих и крестьян Советской России: «За три месяца мы бесплатно роздали беднейшему населению оккупированной территории 10 млн. буханок хлеба. В то время как германское правительство отказалось выделить средства для удовлетворения нужд рурского пролетариата и всех трудящихся Рурской области, действительную помощь в этом тяжелом положении оказал Советский Союз»².

С 6 по 8 апреля Эрнст Тельман участвовал в работе конференции, созванной руководством КПГ с целью достижения договоренности с теми окружными партийными организациями, в которых преобладающим влиянием пользовалась оппозиция и где — прежде всего это имело место в Берлине — удалось укрепиться прибегавшим к изощренной демагогии ультралевым. Достигли договоренности о том, чтобы разногласия были устранены в ходе дискуссии, которая, однако, как требовали Тельман и другие коммунисты, не должна была ослабить сплоченность партии. Практическую работу следовало вести в соответствии с принятыми ранее решениями партии. Конференция значительно ослабила внутрипартийные разногласия, дав всем здоровым силам партии возможность сконцентрировать свое внимание на борьбе за социальное и национальное освобождение немецкого народа. Однако Рут Фишер и Аркадий Маслов, не решавшиеся сначала выступать открыто, развернули затем ультралевую фракционную деятельность.

¹ IML, ZPA, I 6/3/67.

² Verhandlungen des Reichstags. II. Wahlperiode 1924, Bd. 381. Stenographische Berichte (von der 1. Sitzung am 27. Mai 1924 bis zur 29. Sitzung am 30. August 1924) nebst Sach- und Sprechregister. Berlin, 1924, S. 1031.

В конце апреля Тельман выехал в Москву на совещание, организованное в ИККИ с представителями КПГ. Это была его вторая поездка в Москву. 1 мая он на трибуне для почетных гостей присутствовал на впечатляющей демонстрации трудящихся Москвы. Ветеран КПСС москвич П. А. Чумак вспоминал: «В группе немецких товарищей на трибуне выделяется коренастая фигура рабочего — Эрнст Тельман. Каждую минуту он спрашивает переводчика, трудящиеся какого предприятия проходят мимо трибуны, что написано на кумачовых транспарантах. Вот он вдруг поднимает руку, приветствуя москвичей»¹.

После окончания демонстрации Эрнст Тельман с Чумаком и другими товарищами поехал в Рогожско-Симоновский район Москвы. На Таганской площади он принял участие в митинге дружбы с рабочими Москвы. Рядом с Тельманом стоит А. В. Луначарский. Он представляет собравшимся Эрнста Тельмана: «Здесь перед вами стоит немецкий рабочий из Гамбурга. Предоставляю слово коммунисту товарищу Эрнсту Тельману».

Сильным рывком Тельман выдвигается вперед. Он обращается неожиданно по-русски: «Товарищи!» Кажется, что вся площадь устремлена к трибуне. И вот звучит четкая, звонкая немецкая речь:

«Рабочие и работницы Москвы! Рабочие Гамбурга поручили мне передать вам боевой революционный привет. Советская Россия, где недавно была засуха, послала хлеб голодавшим трудящимся Рурской области. Этот дар тронул до слез их и их семьи. Рабочий класс Германии никогда не забудет вашу братскую поддержку, оказанную в это трудное время. Мы, коммунисты, всегда будем вместе с вами в первых рядах»².

Закончив речь, Тельман разбрасывает с трибуны листовки на немецком и на русском языках, в которых руководство КПГ передавало свой привет рабочим Советской России, «авангарду мировой революции», и заявляло, что «сотни тысяч рабочих, сплотившихся в Германии под знаменем Коммунистического Интернационала», являются «залогом победы немецкой революции». В тот же день в «Правде» были опубликованы приветствия комитета действий рабочих гамбургских верфей и членов делегации КПГ. Гамбургские докеры в своем послании заявляли: «Поручаем товарищу Тельману выразить московским рабочим нашу преданность и наше уважение российскому пролетариату и рабочим красной Москвы»³.

Эти встречи в Москве углубили установленные в 1921 г. дружественные связи Эрнста Тельмана с трудящимися Страны Советов. Рабочие Москвы проявили большое уважение к представителю революционного немецкого пролетариата.

В резолюции совещания ИККИ, в котором от КПГ приняли участие Пауль Бётхер, Геприх Брандлер, Герхард Эйслер, Рут

¹ Neues Deutschland, 12. V 1973.

² Ebenda.

³ Правда, 1923, 1 мая.

Фишер, Аркадий Маслов и Эрнст Тельман, т. е. представители различных взглядов, были осуждены главные тезисы ультралевых, а также подвергнуты критике правые из руководства КПГ. В резолюции содержался ценный для КПГ совет вести систематическую борьбу за влияние среди беднейших и средних слоев крестьянства, среди мелкой буржуазии и интеллигенции. В ней подчеркивались задачи КПГ как самой последовательной выразительницы национальных интересов немецкого народа. Наконец, ИККИ рекомендовал «в целях всестороннего обеспечения работы конференции по достижению взаимопонимания, в целях более тесной связи с такими важными пролетарскими центрами, как Берлин, Гамбург и Эссен»¹, избрать в Центральную комиссию КПГ представителей этих партийных организаций.

Эрнст Тельман расценил эту резолюцию как основу для успешной революционной деятельности партии, заявив, что поэтому он будет выступать за выполнение решения ИККИ. И если он, как и другие подлинно пролетарские силы в партии, действовал соответствующим образом, то Фишер и Маслов заявили о согласии с этой резолюцией лишь для того, чтобы не изолировать себя от партийных масс.

Центральная комиссия КПГ на заседании 16 и 17 мая обсудила итоги московского совещания, одобрив достигнутую на нем договоренность. Руд Фишер, Оттомар Гешке, Артур Кёниг и Эрнст Тельман были избраны в состав Центральной комиссии КПГ.

Примерно в это время Эрнст Тельман прекратил работу на верфи, чтобы целиком отдать свои силы партийной работе. Вначале он являлся упаковщиком и экспедитором в издательстве газеты «Гамбургер фольксцайтунг». Однако его связь с рабочими сохранилась. Он всегда хорошо знал их жизнь и борьбу, их заботы и лишения, их стремления и надежды. Особенно сердечные контакты Тельман по-прежнему поддерживал с рабочими родного города, прежде всего с портовыми рабочими Гамбурга. Его постоянная тесная связь с рабочими всегда была важнейшим источником его решений, его целеустремленных и принципиальных действий, верности партии и ее революционным целям.

Из немногих сохранившихся сведений о его деятельности в течение последующих месяцев видно, как входил Эрнст Тельман в работу партийного руководства. 29 мая Политбюро поручило ему подготовить вместе с Паулем Бётхером и Артуром Эвертом материал об опыте, накопленном в работе по осуществлению политики единого фронта и по реализации лозунга борьбы за рабочее правительство. На заседании Центральной комиссии 4 июля Эрнст Тельман выступил с предостережением от недооценки опасности фашизма. В 1923 г. нацистская партия и другие правозэкстремистские организации повысили свою активность и на волне всячески подогреваемой националистической истерии усилили свое

¹ Die Rote Fahne, 13. V 1923.

влияние. По приглашению Политбюро Тельман принял участие в его заседании 17 июля, на котором обсуждалась подготовка к дню борьбы с фашизмом.

Когда сенат Гамбурга, в котором задавала топ СДПГ, запретил проведение назначенной на 29 июля демонстрации, городская организация КПГ заявила против этого решительный протест. В опубликованном 27 июля 1923 г. газетой «Гамбургер фолксцайтунг» заявлении говорилось: «Угрозе рабочему классу со стороны день ото дня наглеющих фашистов необходимо противодействовать проведением во всей стране, а также и в Гамбурге дня борьбы с фашизмом. Мощное выступление миллионов готовых к решительной борьбе рабочих должно показать фашистам, что их попытка установить фашистскую диктатуру натолкнется на решительное сопротивление рабочих, будет сорвана их организованными действиями». Газета давала точную оценку классовой сути фашизма. «Германская буржуазия в целом не желает этой моральной победы рабочего класса. Руководящие и наиболее влиятельные круги буржуазии, воротилы тяжелой промышленности, финансовые магнаты, крупные землевладельцы являются покровителями фашистов и подлинной движущей силой, направляющей их действия».

Но поначалу деятельность Эрнста Тельмана протекала в основном в Гамбурге. 9 и 10 августа рабочие гамбургских верфей объявили забастовку в знак протеста против все большего обесценивания денег. 11 августа «Гамбургер фолксцайтунг» выступила с призывом к рабочим развернуть борьбу за рабочий сенат и за рабоче-крестьянское правительство Германии. В приложении к газете была опубликована программа борьбы КПГ за создание рабочего сената. Это произошло в тот же день, когда рабочие Берлина начали всеобщую забастовку против правительства Куно. 12 августа забастовки начались в других городах.

На V Всемирном конгрессе Коминтерна, состоявшемся год спустя, Эрнст Тельман докладывал: «Несмотря на силу социал-демократии, мы попытались в Гамбурге осуществить на практике лозунг: «Всеобщая забастовка». Мы вывели на улицу всех рабочих порта и верфи независимо от того, под каким влиянием они находились — социал-демократическим или профсоюзным. Мы сражались в течение 4 дней, а рабочие порта даже 6 дней; и только в субботу рабочие снова вернулись на заводы»¹.

13 августа 1923 г. полиция открыла в центре города огонь по рабочим-демонстрантам. Четверо было убито, 13 ранено. Несмотря на объявление осадного положения, захват полицией помещений бюро парторганизации, конфискацию «Гамбургер фолксцайтунг» и листовок КПГ, многие рабочие последовали призыву КПГ к всеобщей забастовке. Однако влияние правого оппортунизма оказалось настолько сильным, что всеобщая забастовка была сорвана.

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 51.

Как и в Гамбурге, правые социал-демократические лидеры пришли на помощь буржуазии также в других частях Германии. И хотя в результате широко развернувшейся борьбы немецкого пролетариата правительство Куно было свергнуто, его место заняло правительство Штресемана. Четыре лидера социал-демократии стали министрами. Это правительство большой коалиции, в состав которого вместе с представителями СДПГ вошли представители партии крупной буржуазии — Германской народной партии, — смогло подавить первый натиск немецкого пролетариата, но было не в состоянии изменить условия, породившие борьбу рабочего класса Германии.

5

**«Восстания пролетариата —
это этапы победного шествия
революции...»**

«Как только было свергнуто правительство Куно, по всей Германии вспыхнули искры гражданской войны»¹. Положение трудящихся день ото дня становилось все более невыносимым. Раздувавшаяся группировавшимся вокруг Стимпеса крайне правыми силами инфляция перерастала в экономическую катастрофу. Курс золотой марки составлял в августе 1923 г. в среднем 1 млн., в сентябре — 23,5 млн., в октябре — 6 млрд. и в ноябре — 522 млрд. марок. Обесценение денег происходило столь быстро, что трудящиеся на свои миллионы бумажных денег не могли купить даже самых необходимых продуктов питания. Цены на молоко, жиры и мясо стали практически недоступными, не хватало даже хлеба и картофеля. Юнкеры и крупные землевладельцы отказывались продавать свои продукты за бумажные деньги. Оптовые и розничные торговцы придерживали товары. Нищета и бедствия народных масс достигли масштабов последних лет минувшей войны. «На свою заработную плату рабочие уже ничего не могли купить. Даже «самые верные слуги государства» — чиновники и те начали бунтовать. Средние слои были разорены. Призрак голода шествовал по Германии. Буржуазные правительства оказались бессильными перед лицом распада»².

Быстро парастало вызванное этим недовольство народа. Начались голодные бунты. Во многих местах население стало прибегать к самопомощи. Отряды рабочих, состоявшие главным образом из безработных, направлялись в деревни и конфисковывали придерживаемое продовольствие. Голодные люди выкапывали на полях картофель и собирали зерно, чтобы сохранить жизнь своим детям и самим себе. Широкие слои пролетариата, а также мелкие крестьяне и средние городские слои стремились к скорейшему

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 180.

² Там же, с. 179—180.

изменению существующих порядков. В середине сентября вновь начались многочисленные забастовки. В Германии развивался революционный кризис. И хотя вхождение руководящих деятелей социал-демократии в правительство оживило реформистские иллюзии, в СДПГ ширилась оппозиция проводившейся правыми лидерами политике классового сотрудничества. Господствующий класс искал отвечающий его интересам выход из положения. Наиболее реакционные группировки сил финансового капитала поощряли развитие фашистского движения. В Рейнской области возросла активность сепаратистов, пользовавшихся поддержкой крупной буржуазии. Правительство Штресемана прекратило свое «пассивное сопротивление», сконцентрировав все силы на подавлении революционных сил. 26 сентября 1923 г., сразу же после капитуляции в Руре, президент Эберт ввел в стране осадное положение, передав исполнительную власть министру рейхсвера.

КПГ продолжала вести упорную борьбу против германского монополистического капитала и готовилась к решающим классовым схваткам. Укреплялись пролетарские сотни. Организованные компартией комиссии рабочего контроля развернули по всей стране политические акции, направленные прежде всего против взвинчивания цен и квартплаты, против укрывательства продовольствия. Работая в революционных заводских советах, партии удалось усилить свое влияние на рабочих промышленных предприятий.

Но в работе партии были и совершенно очевидные недостатки. Руководство КПГ слишком мало уделяло внимания обеспечению единого руководства различными массовыми выступлениями, происходившими по всей стране. Генрих Брандлер и другие партийные руководители нацеливали парторганизации на накопление и сохранение сил для нанесения решающего удара. Следствием этого явились упущения в систематическом развертывании и усилении массовых выступлений с целью вовлечения в борьбу за власть рабочих и других трудящихся. Партийное руководство односторонне сосредоточивало все свои усилия на Саксонии и Тюрингии, не уделяя должного внимания другим важным промышленным районам страны. Оно проявляло тенденции к оппортунистическим уступкам в отношении земельного правительства Саксонии, где топи задавали левые социал-демократы. На съезде парторганизации КПГ округа Вассерканте 25 и 26 августа Тельман выступил против действий Брандлера, подверг критике неудовлетворительное политическое и организационное состояние партии, потребовав ее полной мобилизации на борьбу за власть. Он также выразил сомнение в связи с утверждением Брандлера о том, что КПГ располагает в Саксонии целыми полками вооруженных рабочих, готовых двинуться против рейхсвера, если он посмеет вступить в Саксонию.

В сентябре Эрнст Тельман вновь выехал в Москву для участия в созванном ИККИ совещании в поддержку рабочего движе-

ния в Германии. Когда Тельман проезжал через Литву, он по настоянию германского правительства был задержан и подвергнут обыску. Ему стоило немалого труда освободиться. То же самое повторилось в Латвии. И вот наконец он в Советской России.

Эту поездку Тельман использовал также для того, чтобы воочию убедиться, какие огромные усилия прилагал советский народ в экономическом строительстве, и углубить свои связи с советскими трудящимися. 18 сентября он посетил открытую незадолго до этого первую сельскохозяйственную и промышленную выставку в Москве. Вечером на выставке состоялся митинг. Когда на трибуне появился Эрнст Тельман, собравшиеся устроили ему бурную овацию. В своей речи он заявил, что на него произвел огромное впечатление подъем народного хозяйства Советского Союза, достигнутый за предыдущие два года. Рабочий класс, трудящиеся крестьянство, а также часть интеллигенции Германии обращают свои взоры к Советской России — и не только потому, что она столь энергично развивает свою экономику, а прежде всего потому, что она дает всем яркий пример борьбы. Победа российского пролетариата «всегда окрыляла нас, вселяла в нас силы, чтобы выстоять». В заключение он заявил, что в Германии быстро нарастают революционные настроения. Когда митинг закончился, его участники окружили Тельмана плотным кольцом и отнесли на руках к машине.

21 сентября 1923 г. началось совещание, в котором приняли участие представители коммунистических партий Германии, Франции, Чехословакии и РКП(б). В состав делегации КПГ наряду с Эрнстом Тельманом входили Генрих Брандлер, Гуго Эберлейн, Рут Фишер и Аркадий Маслов, а также представители КПГ в ИККИ Эдвин Хёрле и Клара Цеткин. Когда Брандлер в своем выступлении на встрече стал рисовать радужную картину подготовки партии к вооруженной борьбе и прежде всего вооружения пролетариата, Тельман возразил ему. Он сказал, что сообщение Брандлера основано не на анализе положения и соотношения сил во всей стране, а лишь на оценке обстановки в Саксонии и Тюрингии, где движение единого рабочего фронта получило наибольшее развитие. Хотя всеобщая забастовка против правительства Купо и показала, что трудящиеся все больше понимают необходимость вооруженного восстания, заметил он, Брандлер слишком переоценивает в пользу рабочих соотношение сил. Пролетарские сотни, говорил он, пока не готовы к вооруженному выступлению, они не имеют еще и оружия¹. Докладывая в ноябре 1923 г. об итогах совещания, Тельман заявил: «В Москве мы со всей серьезностью заявили о том, что с пролетарской революцией шутить нельзя, если аппарат еще не готов к ней в военном и политическом отношении в той мере, как это требуется»². Гуго Эберлейн

¹ См.: Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М., 1969, с. 207—208.

² IML, ZPA, 2/15.

подтвердил, что Брандлер в своем сообщении о пролетарских союзах и их вооружении выдавал желаемое за действительное¹.

Но предостережения Тельмана и Эберлейна не были учтены должным образом. В целом это совещание ИККИ переоценило степень зрелости революционной обстановки в Германии, прежде всего меру готовности к вооруженному восстанию. Совещание пришло к выводу, что в ближайшие недели в Германии развернется борьба за власть. Международный революционный пролетариат был призван к поддержке революции в Германии. 1 октября в ИККИ с участием представителей КПГ было принято решение, что коммунисты войдут в состав правительств Саксонии и Тюрингии, если возглавляющие их левые социал-демократы заявят о своей готовности выступить на защиту Саксонии от Баварии, где все более усиливалась активность фашистов. Был разработан план действий, согласно которому боевые действия должны были начаться с защиты рабочего правительства Саксонии. Партия должна была использовать свои позиции в правительстве для вооружения пролетариата. Одновременно следовало мобилизовать и в должный момент поднять на борьбу пародные массы по всей стране².

В двух статьях в московской газете «Гудок» 3 и 5 октября 1923 г. Эрнст Тельман давал свою оценку складывавшейся обстановки в Германии: «Доверие к нам растет не только в рабочих массах, но и в кругах чиновничества, служащих и среднего сословия. Необычайно расширяющееся движение заводских советов создало у партии крепкую базу на предприятиях. К этим организациям присоединяются еще контрольные комиссии, цель которых — борьба с дороговизной и спекуляцией, и пока медленно, но верно создающиеся крестьянские советы». Подытоживая, он в полном соответствии с выводами совещания в ИККИ констатировал: «Внутреннее положение Германии обострилось до последних пределов. Возбуждение пролетариата огромно, битва с буржуазией неминуема»³.

В соответствии с решением ИККИ представители руководства КПГ Фриц Геккерт и Пауль Бётхер 10 октября вошли в качестве министров в состав возглавлявшегося левым социал-демократом Эрихом Цейгнером земельного правительства Саксонии. Генрих Брандлер занял пост руководителя саксонской государственной канцелярии. 16 октября было образовано коалиционное правительство левых социал-демократов и коммунистов также в Тюрингии. Руководство партии перенесло свою штаб-квартиру в Дрезден, а в Берлине было оставлено лишь небольшое представительство во главе с Вильгельмом Пиком.

Но оба рабочих правительства не выполнили свою историческую задачу. Левые социал-демократы проявили непоследователь-

¹ См.: Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк, с. 208.

² См. там же, с. 209—210.

³ Гудок, 1923, 3 и 5 октября.

пость. Полиция и органы юстиции обещали продолжать свои репрессивные действия против революционных рабочих и коммунистической прессы. Правительства не принимали сколько-нибудь действенных мер с целью быстрого улучшения положения трудящихся и совершенно недостаточно заботились о вооружении рабочих. Министры-коммунисты, имевшие самые благие намерения, также не справились с поставленными перед ними задачами. Поддавшись влиянию представителей большинства в руководстве партии, особенно Брандлера, считавших, что коалицию с левыми социал-демократами необходимо сохранить любой ценой, они не проявляли должной решительности в проведении своей линии.

Тем не менее, несмотря на все недостатки и упущения, созданные в Саксонии рабочего правительства оказало мобилизующее влияние на рабочих Германии. Имперское правительство ввело 13 октября чрезвычайное положение, направленное против этого созданного в полном соответствии с конституцией рабочего правительства, и начало подготовку к его ликвидации военным путем.

Эрнст Тельман возвратился из Москвы прямо в Гамбург. Там он развернул активную деятельность по подготовке парторганизации Гамбурга, в соответствии с принятыми в ИККИ решениями, к вооруженной борьбе. Боеготовность рабочего класса возросла и здесь. Проводившаяся КПП политика единого фронта находила все больший отклик среди рабочих-социал-демократов и беспартийных. В целях противодействия возникновению антиимпериалистического единого фронта правые лидеры СДПГ и АДГБ в Гамбурге стремились проводить «политику единения», направленную на защиту республики, т. е. на сохранение империалистических порядков.

21 сентября, когда Эрнст Тельман был еще в Москве, гамбургская организация КПП выпустила листовку, в которой заявляла, что настал час «вырвать из рук неспособной, бесчестной и изменнической немецкой буржуазии бразды государственного правления» и в совместной борьбе всех эксплуатируемых создать правительство рабочих и крестьян. Партия призывала трудящихся создавать пролетарские сотни и контрольные комиссии, заставить профсоюзных лидеров проводить действительно классовую политику и развернуть борьбу за создание рабочего сената на основе подлинно пролетарской программы. 9 октября «Гамбургер фольксдайтунг» опубликовала призыв создавать на предприятиях пролетарский единый фронт, образовывать комитеты действий и пролетарские сотни. На совещании с городским комитетом АДГБ и с представителями Объединенной социал-демократической партии Германии и НСДПГ 14 октября Тельман и другие представители КПП потребовали от ОСДПГ выступить за отмену закона о предоставлении правительству чрезвычайных полномочий, который был накануне принят рейхстагом при поддержке фракции ОСДПГ. Они потребовали, чтобы ОСДПГ заявила о своей готовности вести борьбу в защиту восьмичасового рабочего дня, против военной диктату-

ры и чрезвычайного положения, за подготовку всеобщей забастовки. ОСДПГ ответила отказом.

Одновременно с этими попытками расширить фронт борьбы велась подготовка к вооруженному восстанию, за которую отвечал Эрнст Тельман. Решающую роль в подготовке к вооруженной борьбе играл Альберт Шрайнер (Бауман), военный руководитель объединенных окружных парторганизаций КППГ округа Вассерканте, Северо-Западного округа и Нижней Саксонии. 16 октября газета «Гамбургер фолксцайтунг», которая за неделю до того была запрещена сенатом и выходила теперь нелегально, обратилась к рабочим Гамбурга с написанным в духе решений партийного руководства призывом оказать помощь своим братьям по классу в Саксонии, если, как следовало ожидать в ближайшее время, центральное правительство применит вооруженную силу против земельных рабочих правительств. Начало боевых действий в Саксонии, говорилось в призыве, должно послужить для всех рабочих сигналом к немедленному объявлению всеобщей забастовки и применению против рейхсвера и реакционных банд «тех же средств», которые они используют для нападения на рабочих в Саксонии или в других местах.

Обстановка в Гамбурге обострялась. Альма Золтау в своих воспоминаниях писала: «В 1923 г., когда стремительно нарастала инфляция, я присутствовала на собрании партийных функционеров-женщин, проходившем в здании партийного правления. В городе усиливались недовольство и возмущение трудящихся. На рынках женщины стали громить прилавки торговцев, которые буквально каждый час повышали цены на свои товары. Нам приходилось каждое утро добиваться на предприятиях выплаты жалования, так как уже к обеду у заводских ворот собирались женщины, требовавшие денег. К вечеру цены подскакивали вновь, и дневного жалования не хватало даже на обед. К нам, женщинам, обратился Эрнст Тельман: «Мы не можем допустить, чтобы начавшиеся выступления приняли такой стихийный характер. Мы должны добиваться, чтобы эти женщины создавали комитеты народного контроля. В них следует избирать женщин, являющихся коммунистами, социал-демократами, а также беспартийных, и они должны осуществлять контроль за ценами, устанавливаемыми торговцами».

Эти предложения товарища Тельмана мы осуществили в различных частях города. На многочисленном собрании женщин был избран центральный комитет народного контроля Гамбурга, а также делегация к бургомистру Штольтену. Товарищ Эрнст от имени КППГ выступил с коротким обращением к женщинам. Он сказал, что следующим утром следует ожидать объявления забастовки на верфях и в порту. На это сообщение женщины отвечали возгласами: «Завтра утром мы тоже будем в порту, мы поддержим наших мужей!».

Рабочие верфей и некоторых других предприятий Гамбурга уже бастовали. 18 и 19 октября жены рабочих перекрыли подходы к

Эрнст Тельман
(справа во втором ряду сверху)
среди учеников старшего класса
народной школы

Schrift-Nr. *1000* Kreis-Nr. *1000*
 1000
 Central-Verband der Handels-, Transport-
 und Verkehrs-Arbeiter und Arbeiterinnen
 Deutschlands.

Mitgliedsbuch
 für
 Herrn *Ernst Thälmann*
 aus *Hamburg*
 geboren am *16. April* 1886
 eingetreten am *1. Februar* 1904
 in *Hamburg*

Statut genehmigt
 Central-Verband
 Handels-, Transport- und
 Verkehrs-Arbeiter Deutschlands
 1. Vorsitzender: *Ernst Thälmann*

Eigenhändige Unterschrift:
 Für den Vorstand: *Friedr. Himpel*
 Für die örtliche Verwaltung: *Hamburg*
Markmarkt 30.

Профсоюзный членский билет
Эрнста Тельмана

Auszüge

aus Vernehmungsprotokollen über

Ernst Tilmann

geboren am 16. II. 1888, Hamburg
wohnt in Hamburg, Altona-Neudorf 17-2885

Datum	Vernehmung von	Abt.	Bemerkungen
1906 12/12	Ernst Tilmann geboren	133	Vernehmung über die Reise nach Hamburg zur Vernehmung mit der Frau Tilmann zur Vernehmung. Der Vernehmung wurde eine große Anzahl von Briefen beige in der Handlung beigefügt. Diese Briefe sind dem Vernehmungsbüro zugewiesen.
1911 12/12	Ernst Tilmann geboren	133	Vernehmung über die Reise nach Hamburg zur Vernehmung mit der Frau Tilmann zur Vernehmung. Der Vernehmung wurde eine große Anzahl von Briefen beige in der Handlung beigefügt. Diese Briefe sind dem Vernehmungsbüro zugewiesen.
1914 12/12	Ernst Tilmann geboren	133	Vernehmung über die Reise nach Hamburg zur Vernehmung mit der Frau Tilmann zur Vernehmung. Der Vernehmung wurde eine große Anzahl von Briefen beige in der Handlung beigefügt. Diese Briefe sind dem Vernehmungsbüro zugewiesen.

Первая страница
начатого политической
полицейской Гамбурга
в 1906 г. досье
на Эрнста Тельмана

Эрнст Тельман
(в верхнем ряду слева)
с группой делегатов
конгресса Германского союза
транспортных рабочих.
Кельн, 1914 г.

*Эрнст Тельман
(в первом ряду слева)
на Западном фронте*

Роза и Эрнст Тельман

Эрнст Тельман
с членами партийной
организации НСДПГ
Гамбурга-Эппендорфа. 1919/20 г.

Эрнст Тельман (X)
среди делегатов
111 Всемирного конгресса
Коммунистического Интернационала.
1921 г.

Газета «Ди роте фане»,
центральный орган КПП

Представители
10-й стрелковой дивизии
Красной Армии
передают Эрнсту Тельману
во время V Всемирного конгресса
Коммунистического
Интернационала в 1924 г.
знамя для гамбургских рабочих

**КПГ ведет агитацию
за кандидатуру Эрнста Тельмана
в ходе второго тура
президентских выборов
в 1925 г.**

**Эрнст Тельман
выступает на X съезде КПГ
в Берлине.
Июль 1925 г.**

*Эрнст Тельман,
Председатель
Центрального Комитета КПП*

*Дом им. Карла Либкнехта
в Берлине, в котором
с ноября 1926 г.
размещался
Центральный Комитет
КПП*

**Эрнст Тельман,
председатель Союза красных фронтовиков
с февраля 1925 г.**

**Эрнст Тельман с советским моряком
и китайским рабочим на окружной встрече
в Гамбурге Союза красных фронтовиков
округа Вассерканте.
21 июня 1925 г.**

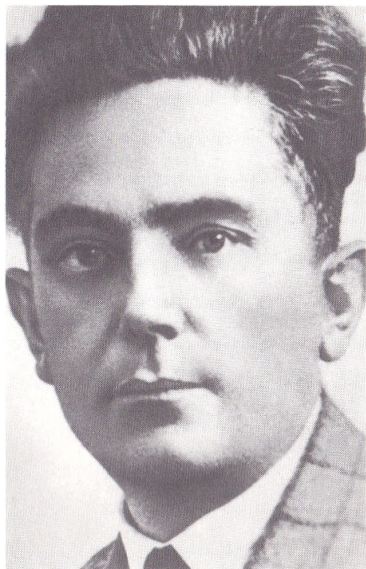

*Эрнст Тельман в Гамбурге.
1 мая 1926 г.*

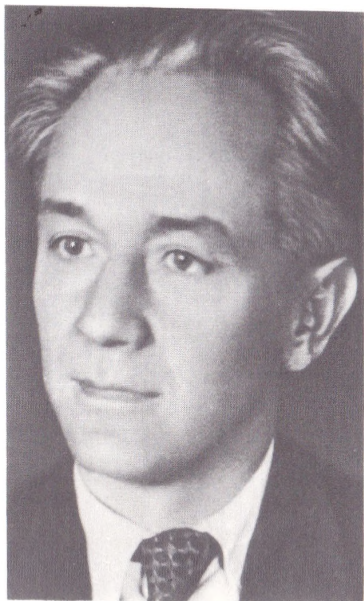

Эрнст Тельман возглавляет вступающую в Народный парк Нойкёльн колонну участников второй всегерманской встречи Союза красных фронтовиков. Берлин, май 1926 г.

XI съезд КППГ в Эссене. Март 1927 г.

**Докладчики
на XI съезде КПГ:
Эрнст Тельман;
Филипп Денгель;
Артур Дөрм;
Оттомар Гешке;
Фриц Геккерт;
Эрнст Шнеллер**

**Эрнст Тельман произносит речь
на открытии памятника в Грёльвице
рабочим, павшим в ходе
мартовских боев 1921 г.
20 марта 1927 г.**

**Дом № 66 по ул. Тарпенбекштрассе
в Гамбурге-Эппендорфе.
На втором этаже этого дома
с 1929 г. жила семья Тельмана
(снимок сделан после 1945 г.)**

**Колонна членов КПГ
марширует по улицам Альтоны
накануне выборов в рейхстаг
в мае 1928 г. (слева рядом
с Тельманом идет Ион Шеер)**

**Встреча Эрнста Тельмана
на Московском вокзале
в Ленинграде**

**Эрнст Тельман
на всегерманской встрече КСМГ
в Дюссельдорфе.
31 марта 1929 г.**

**Эрнст Тельман произносит речь
на кладбище Берлин-Фридрихсфельде
8 мая 1929 г. на похоронах
жертв полицейского террора
1 Мая**

верфям, не допуская туда штрейкбрехеров. 20 октября состоялась демонстрация: тысячи безработных Гамбурга прорвали заслоны и проникли в центр города, где демонстрации и митинги были запрещены. Произошли стычки с полицией. Многие рабочие, а также представители средних слоев в знак солидарности с демонстрантами также выступили против полиции. На передний план вновь выступило правление гамбургской социал-демократии, стремившееся ослабить нараставшее революционное движение. 21 октября оно распространило среди членов партии указание отклонить все требования вооружения пролетарских сотен, разоружения полицейских сил охраны внутреннего порядка и рейхсвера, а также не поддерживать призывы к всеобщей забастовке без соответствующих решений ОСДПГ и профсоюзов. На состоявшейся 22 октября новой встрече представителей Всеобщего германского объединения профсоюзов, ОСДПГ, НСДПГ и КППГ правые социал-демократы предложили обратиться к руководящим органам этих партий и профсоюзов в Берлине с требованием провести общую демонстративную забастовку против сил экономической и политической реакции и воздержаться пока от выступлений на местах. Это было демагогическое предложение; оно должно было создать видимость готовности к борьбе и в то же самое время задуть массовые выступления трудящихся в Гамбурге. Поэтому КППГ не могла поддержать такое предложение. Но она не пошла на внезапное прекращение переговоров с другими организациями, а заявила, что даст свой ответ на следующий день.

Ввиду ожидавшейся в ближайшее время вооруженной акции против Саксонии руководство КППГ приняло 20 октября решение объявить всеобщую забастовку рабочего класса Германии на 9 ноября, как это предусматривалось ранее, а призвать к ней уже на совещании правительства Саксонии с представителями заводских советов, профсоюзов и контрольных комиссий, проведение которого было намечено на 21 октября в Хемнице. Вооруженная борьба за создание рабоче-крестьянского правительства должна была явиться следствием всеобщей забастовки; ее надлежало начать в Саксонии и Галле-Мерзебурге и одновременно — для отвлечения правительственных сил — в округах Вассерканте и Мекленбург. Получив такое указание, член Центральной комиссии КППГ Герман Реммеле направился в Гамбург, где вечером 21 октября передал Эрнсту Тельману и другим руководителям гамбургской партийной организации КППГ это решение партийного руководства, а затем выехал в Киль, чтобы выполнить указанное поручение и там.

В Гамбурге были срочно начаты последние приготовления к вооруженному восстанию. В квартире одного из рабочих под руководством Тельмана состоялось совещание ответственных руководителей гамбургской парторганизации. Участники совещания констатировали, что обстановка для вооруженного массового выступления в Гамбурге являлась благоприятной; поэтому было решено приступить к действиям, подав тем самым сигнал пролетариату

всей Германии. Если КППГ не возглавит готовые к борьбе массы — таков был сделанный на совещании вывод, — то следовало ожидать стихийных массовых выступлений. А это нанесло бы ущерб авторитету КППГ.

Эта готовность к борьбе проявилась и на конференции рабочих верфей округа Вассерканте, проведенной в Гамбурге 21 октября по инициативе КППГ. Эрнсту Тельману и другим функционерам КППГ пришлось использовать все свое влияние и авторитет, чтобы в соответствии с указаниями руководства партии не допускать до решающего общего выступления отдельных акций рабочих, удерживать массу от немедленного объявления всеобщей забастовки. В то же время Тельману пришлось вести полемику против профсоюзных лидеров — социал-демократов, пытавшихся в принципе не допустить каких-либо массовых выступлений. Большинство участников конференции приняли решение объявить всеобщую забастовку, как только рейхсвер вступит в Саксонию. Была направлена делегация в Хемниц, чтобы получить директивы для развертывания борьбы.

Но события в Хемнице развивались иначе, чем предполагалось. На созванной там конференции стало очевидным, что левые социал-демократы отказываются поддержать всеобщую забастовку. В ответ на это Генрих Брандлер снял предложенное им решение партийного руководства от 20 октября и, хотя рейхсвер уже вступил в Саксонию, предложил направить данный вопрос на обсуждение в соответствующую комиссию. Когда Гуго Урбанс и другие представители прибыли в Хемниц, то решение было уже принято.

Несмотря на саботажные действия социал-демократических лидеров, забастовка в Гамбурге 22 октября все ширилась. На верфях, в порту и на строительных предприятиях рабочие требовали объявления всеобщей забастовки. Первыми начали забастовку рабочие всех верфей, их примеру последовали портовики, рабочие пакгаузов и угольных складов. Уже к полудню все работы в обширном районе порта были прекращены. Все более массовыми становились демонстрации безработных. Голодные люди силой вынуждали владельцев многих продовольственных лавок распределять бесплатно хлеб. Весть о вступлении отрядов рейхсвера в Саксонию еще более усилила негодование трудящихся. Полиция оказалась бессильной перед широким движением масс.

Вечером 22 октября под председательством Эрнста Тельмана собралось руководство объединенных округов КППГ Вассерканте, Северо-Западного округа и Нижней Саксонии и непосредственные руководители восстания, которые утвердили план его проведения. Большинство участников совещания под влиянием Эрнста Тельмана высказалось за то, чтобы, в соответствии с полученными указаниями, начать вооруженное выступление утром 23 октября и пометать, таким образом, наступлению рейхсвера против Средней Германии. Военным руководителям районных организаций Гамбурга были отданы боевые приказы. Начало выступления было наз-

начено на 5 часов утра. Поскольку наличного вооружения было совершенно недостаточно — боевые отряды имели всего лишь около 20 винтовок и не более 30 пистолетов, — оснащенные этим оружием группы активистов должны были перекрыть транспортные коммуникации, чтобы помешать подвозу подкрепления силам противника, и захватить необходимое оружие. С этой целью предусматривалось внезапное нападение сформированного из испытанных коммунистов ядра военных сил гамбургского пролетариата на полицейские участки в предместьях города. Затем рабочие должны были проникнуть в центр Гамбурга и занять стратегически важные городские объекты.

Ровно в 5 часов утра 23 октября 1923 г. боевые группы атаковали полицейские участки. Полиция оказалась застигнутой врасплох. Было занято 17 участков, полицейские — разоружены. Через полчаса после начала восстания рабочие захватили около 170 винтовок с боеприпасами, которые были розданы повстанцам. Во многих районах Гамбурга рабочие ранним утром вышли на улицы. К полудню фронт забастовки расширился. Отдельные полицейские разоружались, было изъято оружие из одного из оружейных магазинов. На время прекратилось движение транспорта. В северных и восточных предместьях Гамбурга повстанцы при поддержке населения сооружали баррикады. Наиболее успешно борьба развивалась в районе Бармбек, где военным руководителем был Ганс Киппенбергер. Только в южной части Бармбека, ставшей главной ареной борьбы, в течение нескольких часов было сооружено 58 баррикад. Это свидетельствовало о большой симпатии, с которой население относилось к повстанцам.

«Наша квартира, — писала дочь Эрнста Тельмана, — стала местом сбора участников борьбы. Во всем доме, как и во многих других домах гамбургских рабочих, готовилась еда для борющихся рабочих, женщины и дети помогали строить баррикады»¹. Борьба шла и в других районах Гамбурга и на городских окраинах, особенно в районе Шифбек, где военным руководителем являлся Фриц (Фите) Шульце. Стойкими борцами проявили себя многие молодые рабочие, сражавшиеся на баррикадах, поддерживавшие связь и обеспечивавшие материальное снабжение участников боев. Политическое руководство восстанием находилось в руках Эрнста Тельмана. В ходе восстания полностью проявились его тесная связь с гамбургскими рабочими, хорошее знание волновавших их проблем, постоянная готовность к действиям, его способность быстро принимать решения, мужество и большой организаторский талант. Он тесно сотрудничал с главным военным руководителем Альбертом Шрайнером (Бауманом). В течение первого дня восстания Тельман провел в одной из городских квартир совещание, на котором было доложено об обстановке в различных районах, где шли боевые действия.

¹ *Thälmann Irma. Erinnerungen an meinen Vater, S. 12.*

Многие рабочие проявляли готовность участвовать в борьбе. Не хватало оружия. 300 вооруженным рабочим противостояла превосходившая их в 20 раз военная сила. Против повстанцев было брошено более 5 тыс. полицейских, а на следующий день и группы десантников с военных кораблей. Реакционные силы располагали броневиками, самолетами, у них было множество пулеметов. Но рабочие стойко держались. Разместившись на крышах домов, они мужественно отражали натиск двигавшихся на баррикады полицейских отрядов. Благодаря поддержке со стороны населения группы вооруженных рабочих могли быстро маневрировать, полностью используя все свои малочисленные силы. Сознывая, что они борются за справедливое дело, рабочие вели себя как настоящие герои, проявляя беспримерную стойкость и замечательную инициативу. Малыми силами, подчас в одиночку или вдвоем, они сдерживали продвижение целых отрядов полиции, которая наступала лишь группами численностью 30—50 человек. Хотя полиция была хорошо вооружена и с избытком обеспечена боеприпасами, она не решалась приближаться к позициям рабочих мелкими группами. Это свидетельствовало о превосходстве пролетариата, «который с оружием в руках защищал не только себя, но и весь свой класс и свое будущее», — говорилось в одном из отчетов того времени окружного КПГ округа Вассерканте.

Несмотря на то что тысячи полицейских окружили центры повстанческого движения плотным кольцом, Эрнст Тельман со свойственным ему бесстрашием поддерживал постоянную связь с боровшимися на баррикадах рабочими — на рыночной площади в Бармбеке и в других частях города. Он подбадривал их, давал советы. Чаще всего он был где-нибудь в пути, на велосипеде, в серой штормовке, брюках из грубой ткани, в сапогах и сипей фуражке.

Хотя небольшая часть рабочих героически сражалась на баррикадах, организовать в Гамбурге всеобщую забастовку так и не удалось. Влияние правых лидеров социал-демократии оказалось сильнее, чем представлялось сначала. К тому же принятые в Хемнице решения привели к изоляции Гамбурга. 23 октября Эрнст Тельман обратился к руководству соседних окружных организаций КПГ в Ганновере и Бремене с призывом поддержать борьбу гамбургских рабочих проведением всеобщих забастовок.

В первый день вооруженным рабочим Гамбурга удалось отбить все удары противника. 24 октября давление полицейских отрядов усилилось, но защитники баррикад стойко сопротивлялись немногочисленному их по силе и вооружению врагу. Они ловко уклонялись от ударов значительно более сильных полицейских отрядов, нанося им молниеносными ответными действиями все новые потери. В результате контрреволюционными силам не удалось подавить восстание и на следующий день. И вот тогда правые лидеры СДПГ показали свое подлинное лицо. В соответствии с их указаниями 700 членов социал-демократического так называемого

«Объединения республиканцев» взяли на себя функции городских органов полиции, высвободив таким образом полицейские силы для борьбы с повстанцами.

В течение 24 октября для Эрнста Тельмана и других руководителей восстания стало ясно, что революционные рабочие Гамбурга оказались в одиночестве. Возвратившийся ночью 23 октября в Гамбург Гуго Урбанс не связался с руководителями восстания и, заняв особую позицию, выступил против восстания, когда оно уже было в разгаре. Это вызвало кое-где дезорганизацию. Столкнувшись с такими фактами, руководители восстания решили прекратить борьбу. Когда вечером на второй день восстания Фриц Геккерт в качестве представителя руководства партии установил связь с руководителями боевых действий и детально ознакомил их с обстановкой в Германии, было решено прекратить борьбу и организованно отвести рабочих с баррикад. Эрнст Тельман с сопровождавшим его товарищем направился на позиции в Шифбек и Брамфельд, чтобы вывести боевые группы из боя. Неохотно, но в полном порядке и без сколько-нибудь значительных потерь бойцы оторвались от противника. Отдельные небольшие группы вооруженных рабочих продолжали вести борьбу еще и 25 октября. Эрнст Тельман вновь обратился с письмом к окружному КПГ в Ганновере, призывая его объявить всеобщую забастовку и потребовать отмены осадного положения, чтобы обеспечить политическое прикрытие отступавшим повстанцам в Гамбурге. Но в соответствии с указанием Центральной комиссии КПГ от 21 октября ни в Ганновере, ни в других частях Германии не было организовано никаких выступлений. Без сопротивления ушло в отставку законное правительство Саксонии, распущенное на основе чрезвычайного постановления президента социал-демократа. 12 ноября из состава земельного правительства Тюрингии вышли министры-коммунисты.

В те дни в руководстве КПГ считали, что решающая схватка всего лишь откладывается, что она произойдет в ближайшее время. Но, как показали дальнейшие события, господствующему классу удалось укрепить свою власть. Революционный немецкий пролетариат потерпел поражение.

Решающую помощь германскому империализму в этой кризисной обстановке вновь оказали правые лидеры СДПГ. Они вошли в правительство Штресемана, чтобы заглушить революционное движение; они сделали все, чтобы сорвать создание единого фронта рабочего класса; став чиновниками буржуазного государственного аппарата, они участвовали в подавлении революционных рабочих. Президент социал-демократ Эберт в письме на имя министра рейхсвера Отто Гесслера благодарил его за поддержку, оказанную сухопутными войсками и военным флотом в кровавом подавлении восстания в Гамбурге.

Силам реакции удалось также подавить в 1923 г. восстания трудящихся в Болгарии и Польше. Период послевоенного револю-

ционного кризиса завершился. Попытка использовать его для свержения империалистического господства в ряде стран окончилась неудачей.

Но в течение этих лет укрепились Советская власть в России, ее позиции. Окрепло и накопило значительный опыт международное коммунистическое движение. Перед ним теперь стояла задача извлечь правильные уроки из борьбы истекшего периода, из своих успехов и поражений. В разгоревшихся дискуссии и спорах по данным вопросам Эрнст Тельман был в первых рядах. Накопленный в 1923 г. опыт борьбы, к которому он теперь обращался вновь и вновь, имел огромное значение для его дальнейшего роста как революционного вождя немецкого пролетариата; из этого опыта он делал принципиальные выводы для развития партии, для ее стратегии и тактики.

«Пролетарская революция,— писал он в 1925 г.,— пережила по одно кровавое поражение. Но убить ее нельзя. Она вновь и вновь поднимается, еще более могущественная, гордая и решительная. Парижская Коммуна была подавлена. Русская революция 1905 г. окончилась на царских виселицах, в застенках, в Сибири. И, несмотря на это, она поднялась вновь. Гамбург тоже не мертв, Гамбург непобедим... Восстания пролетариата — это этапы победного шествия революции, и не только по своим непосредственным положительным результатам, а прежде всего в силу тех великих уроков, которые извлекал из них весь рабочий класс»¹.

6

«Проникнутые чувством революционной силы слова Тельмана...»

После восстания в Гамбурге господствующий класс со всей присущей ему жестокостью обрушился на революционных рабочих, пытаясь разгромить КПП. Эрнсту Тельману вместе с другими участниками боев на баррикадах и функционерами гамбургской организации КПП пришлось уйти в подполье. Несмотря на угрозу быть схваченным полицией, которая лихорадочно преследовала коммунистических руководителей, он остался в Гамбурге. Часто менял пелегальные квартиры. В течение некоторого времени Тельман жил в школе на Адлерштрассе у беспартийного привратника Августа Крюгера. Это убежище подыскал ему зять Крюгера, коммунист Георг Дюннингхауз, который являлся связным Тельмана.

Главной заботой Эрнста Тельмана было теперь обеспечение дальнейшей деятельности партии, а также оказание помощи подвергавшимся преследованиям и арестованным участникам восстания и их родным. Уже 25 октября в письме к членам парторганиз-

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 182—183.

зации Гамбурга он призвал их направить все свои силы на установление тесной связи с трудящимися. В тот же день Эрнст Тельман поручил Густаву Гунделаху подыскать в районе Гамбурга Винтерхуде помещение для проведения вечером 26 октября нелегального совещания.

Это первое после восстания совещание с функционерами КППГ Гамбурга, на котором были обсуждены ближайшие задачи партийной организации, состоялось у симпатизировавшего КППГ владельца небольшой гостиницы. Выступая перед собравшимися, Тельман подчеркнул, что КППГ должна извлечь из гамбургского восстания важные уроки на будущее. Был проведен сбор денег и продовольствия для семей преследуемых участников боев на баррикадах.

7 ноября гамбургский парламент лишил депутатов-коммунистов неприкосновенности. Но, несмотря на все преследования, КППГ продолжала свою работу и в Гамбурге. 9 ноября на центральном городском кладбище Ольсдорф состоялся траурный митинг памяти павших бойцов. Неожиданно среди участников митинга появился разыскиваемый полицией Эрнст Тельман, который обратился к собравшимся с речью. Фридрих Детман позднее вспоминал: «Окруженный плотным кольцом своих соратников по борьбе в дни октября, он видел, как полицейские тщетно пытались пробиться к нему. Но каждая из этих ищек была окружена коммунистами. Изолированные таким образом, они присмирели и даже без поспешной помощи обнажили головы в честь жертв революции, погибших в 1918—1923 гг. После речи Тельмана товарищи почтили молчанием память павших пролетарских борцов. В тот день арестов не было»¹.

На следующий день Эрнст Тельман участвовал в совещании революционных профсоюзных работников. Он информировал собравшихся о том, что многие рабочие, возмущенные действиями правооппортунистических лидеров, выходят из профсоюзов и что хозяева предприятий уволили лучших профсоюзных функционеров. Руководство КППГ должно подумать о том, заявил он, как следует реагировать на это. Партийное руководство, продолжал Тельман, уже принимает меры, чтобы места уволенных с предприятий функционеров заняли другие. Тельман заключил свое выступление констатацией того важного факта, что в обстановке происходившего в то время быстрого сокращения численности профсоюзов, которому некоторые функционеры КППГ стремились противодействовать созданием новых, революционных профсоюзов, «задача завоевания профсоюзов по-прежнему является правильной задачей: это совершенно необходимо для дальнейшей борьбы»².

22 ноября со ссылкой на деятельность Эрнста Тельмана в качестве ответственного редактора газеты «Гамбургер фолксцай-

¹ Deutschlands insterblicher Sohn, S. 48—49.

² IML, ZPA, 2/708/92.

тунг» был отдан приказ о его аресте. Благодаря хорошей конспирации классовая юстиция не смогла доказать непосредственное участие Тельмана в руководстве гамбургским восстанием. А полиции так и не удалось схватить обвиняемого.

В те дни господствовавший в Германии класс предпринял важные шаги для укрепления своей власти. 8 ноября Эрберт передал исполнительную власть командующему сухопутными войсками генералу фон Секту. 15 ноября началось осуществление мер по укреплению марки, 23 ноября последовал запрет КПГ. 8 декабря рейхстаг принял закон о предоставлении чрезвычайных полномочий образованному в конце ноября правительству во главе с центристом Вильгельмом Марксом. И, наконец, намечилось новое урегулирование вопроса о репарациях с участием американского финансового капитала, что сыграло решающую роль в восстановлении позиций германского империализма.

В КПГ оживленно обсуждались события 1923 г. и выводы из них для дальнейшей политики партии. 3 ноября Эрнст Тельман уже участвовал в состоявшемся в одном из предместий Берлина заседании Центральной комиссии, в котором также приняли участие секретари окружкомов и редакторы партийной прессы. На заседании высказывались самые противоречивые мнения. Генрих Брандлер, памятного переоценивший в сентябре степень готовности к борьбе за власть, теперь преувеличивал трудности, с которыми пришлось столкнуться в октябре, и пытался оправдать сдачу позиций без борьбы. Еще сильнее, чем прежде, проявились его колебания в решающем вопросе — вопросе о власти. Брандлер исходил из классово нейтрального понимания демократии. Демократия, утверждал он, — это не классовое господство. В Германии до осени 1923 г. существовала демократия, которая могла бы привести к господству либо пролетариата, либо буржуазии. Буржуазия захватила государственную власть лишь путем установления фашистской диктатуры — так оценил он установленный к тому времени режим, характеризовавшийся законом о чрезвычайных полномочиях и террором рейхсвера. В политической практике эти взгляды Брандлера вели к оппортунистическим ошибкам, к иллюзорным представлениям о том, будто в «рамках демократии», т. е. в рамках приукрашенной парламентаризмом империалистической классовой диктатуры, возможно осуществление принципиальных преобразований в интересах рабочего класса.

Эрнст Тельман критиковал то, что Брандлер переоценивал военно-техническую сторону подготовки революционного восстания, что в партии отсутствовала дисциплина, а авторитет Центральной комиссии был слабым. Он напомнил, что еще в Москве предостерегал Брандлера и других товарищей от игры с восстанием, и констатировал, что партия была недостаточно подготовлена к решающим схваткам.

На заседании Центральной комиссии было решено создать, ввиду преследований, которым подвергалась КПГ, узкое руководство

партии из шести товарищей; Центральная комиссия должна была выполнять функции совета при нем. В состав этого узкого руководства вошли Генрих Брандлер, Рут Фишер, Вильгельм Пик, Август Тальгеймер, Эрнст Тельман и Якоб Вальхер. Работая в этом органе, Эрнст Тельман стремился конструктивно участвовать в формировании политики партии. 27 ноября он выступил против авантюристического предложения одного из ультралевых функционеров начать в Рейнской области борьбу за власть. Он подверг критике недисциплинированность Рут Фишер, заявившей 29 ноября, что она не станет выполнять решений по организационному вопросу, которые наряду с прочим предусматривали превращение заводских партгрупп в главную опору партии и создание, с учетом условий подполья, рабочих пятерок. Но Тельман все еще верил в политическую честность Рут Фишер и считал, что это ее заявление об отказе выполнять партийные решения не следует принимать всерьез.

На заседании Центральной комиссии КПГ 8 декабря стало очевидным, что в партии существовало три группировки. Было представлено три проекта письма в ИККИ о положении в Германии и о задачах КПГ; все три проекта исходили из того, что в Германии в ближайшее время следует ожидать решающих выступлений. Эта точка зрения в то время была весьма широко распространена как в самой КПГ, так и в ИККИ. Но в то время как Брандлер и Тальгеймер в целом пытались оправдывать политику партии с начала оккупации Рура, другая группировка, проект письма которой, подготовленный Германом Реммеле, был принят большинством голосов, критиковала колебания Брандлера, поддерживавших его членов партии и сдачу партийной позиции без боя. В письме левых, которых поддерживал и Тельман, резко осуждалось отступление партийного руководства. Однако упомянутая критика оппортунистических ошибок была связана с левосектантскими взглядами, прежде всего по вопросу о едином фронте. В этом сказывалось влияние в партии ультралевых настроений.

19 декабря руководство КПГ приняло решение не давать, ввиду возникших разногласий, делегатам партии на предусмотренное совещание в ИККИ единой директивы. Каждый делегат должен был изложить взгляды группировки, которую он представлял. Это решение свидетельствовало о серьезности сложившейся в партии обстановки. В условиях подполья партии было трудно сделать должные выводы из событий 1923 г. и разработать соответствовавшие изменившемуся соотношению сил стратегию и тактику. Большинству партийных руководителей и многим членам КПГ грозил арест. Более тысячи коммунистов и других революционных рабочих находились в заключении. Коммунистическая пресса была запрещена.

К тому же поначалу не было сколько-нибудь заметных признаков поражения рабочего класса и начавшегося периода относительной стабилизации капитализма. Многие фабрики и заводы

стояли, в стране по-прежнему господствовала массовая безработица. В последующие месяцы были проведены многочисленные забастовки. Жестокое действие господствующего класса вызывали у многих рабочих острое недовольство и резкий протест. Разочаровавшись в политике правых лидеров, сотни тысяч трудящихся выходили из профсоюзов; начало падать и влияние СДПГ.

Политика Брандлера и его сторонников оказалась несостоятельной. Она лишила партию возможности укрепить свои ряды и готовиться к борьбе против империализма. С другой стороны, в результате террора реакционных сил, предательства правых лидеров СДПГ и профсоюзов, а также правооппортунистических ошибок партийного руководства в партии оживились левацкие настроения. Ультралевые стремились использовать это в своих целях, настойчиво добиваясь осуществления своей сектантской, авантюристической, направленной против Коминтерна политики. Если бы им удалось реализовать свои планы, то КППГ превратилась бы в утратившую всякое значение секту.

Чтобы КППГ могла выполнить свою историческую задачу руководителя рабочего класса и других трудящихся в борьбе против империализма, за социализм, необходимо было преодолеть в партии правооппортунистические и ультралевые взгляды, обеспечить победу марксизма-ленинизма и создать прочное марксистско-ленинское руководство. И в том, что в течение двух последующих лет этого в значительной мере удалось добиться, заключалась немалая заслуга Эрнста Тельмана, ставшего тогда руководителем КППГ.

В соответствии с решением руководства КППГ округ Вассерканте должен был направить своего представителя на совещание в ИККИ. Вероятно, это являлось одной из причин того, что перед своей поездкой в Москву Эрнст Тельман еще раз побывал в Гамбурге. Здесь он 17 декабря выступил с речью на собрании представителей заводских советов. Партийная организация КППГ Гамбурга находилась в чрезвычайно тяжелом положении. Сотни функционеров и других активных коммунистов были арестованы или находились под угрозой ареста. Часть из них скрывалась от полиции в других районах Германии. Но место многих преследуемых коммунистов заняли их жены, которые продолжали партийную работу. Становившееся все более ощутимым во всей Германии возмущение многих рабочих контрреволюционной политикой правых лидеров СДПГ и профсоюзов было особенно сильным в Гамбурге. Десятки тысяч рабочих вышли из профсоюзов и почти 30 тыс. членов гамбургской организации СДПГ порвали с этой партией. Насколько сильным было недовольство классово сознательных рабочих действиями социал-демократических лидеров и как сильно была пролетарская солидарность, свидетельствовал тот факт, что рабочие — члены СДПГ организовали на предприятиях сбор средств для подвергавшихся преследованиям участников боев на баррикадах и членов их семей.

Это Эрнст Тельман также взял себе на заметку, направляясь в Москву на совещание в ИККИ с представителями КПГ. Он приехал туда 4 января 1924 г. 10 января представители левой оппозиции встретились с членами Политбюро ЦК РКП(б), которые перед этим уже провели переговоры с представителями большинства в Центральной комиссии КПГ. В своем выступлении Эрнст Тельман подчеркнул, что окружные организации партии в важнейших промышленных округах поддерживают оппозицию. Он подверг Центральную комиссию КПГ критике за то, что она недостаточно привлекала рабочих к руководству партией. Тельман потребовал, чтобы руководство КПГ больше прислушивалось к настроениям масс и решительно отмежеввалось от СДПГ.

Позиция, которую занимал в то время Тельман, хорошо раскрыта в письме Вильгельма Пика от 15 января, в котором он давал оценку выступлений на этом совещании Рут Фишер и Эрнста Тельмана: «Русские товарищи, несомненно, заметили вполне определенное отличие выступления товарища Тельмана от выступления товарища Фишер... Речь Рут Фишер... была полна пессимизма и гнетущей, злобной критики. Проникнутые чувством революционной силы слова Тельмана звучали как возвышающая пропаганда. Эта разница проявляется также и в практической работе»¹. Вильгельм Пик глубоко понимал, что в основе этого лежали две принципиально отличавшиеся друг от друга позиции, принципиально различные представления о партии.

11 января началось официальное совещание с делегатами КПГ, в котором приняли участие представители ИККИ, а также коммунистических партий Болгарии и Польши. Развернулась острая дискуссия, в ходе которой резко сталкивались противоположные оценки и мнения. В результате правооппортунистические ошибки старого руководства были осуждены. Партии рекомендовали продолжать политику единого фронта и вести работу в профсоюзах. Однако в вопрос о дальнейшем ходе революции ясность так и не была внесена. Левосектантские элементы в коммунистическом движении стремились использовать критику политики Брандлера в своих целях. В результате были разработаны тезисы левосектантского характера, которые поддержал Зиновьев, являвшийся в то время председателем Коминтерна. Зиновьев переписывался с Рут Фишер и находился под влиянием ее аргументов. Эти тезисы нашли свое отражение и в решении совещания. Так, в нем отвергались переходные формы на пути к завоеванию власти. Лозунг «Рабочее правительство» истолковывался просто как синоним диктатуры пролетариата, а тактика единого фронта — лишь как метод разоблачения социал-демократии; создание единого фронта допускалось только «снизу». Зиновьев утверждал, что социал-демократия является «крылом фашизма» и что левую социал-демократию следует рассматривать как главного врага². Эти левосектантские

¹ IML, ZPA, I 6/3/137.

² См.: Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк, с. 213—214.

ошибки нанесли ущерб международному коммунистическому движению. Они мешали выработке политики, соответствовавшей изменившимся условиям борьбы. Наконец, на совещании было предложено создать новое руководство КПГ из представителей группы центра и левых.

В один из свободных от заседаний дней Эрнст Тельман вместе с Карлом Яннаком, который также входил в состав делегации КПГ, посетил военное училище. Их приветствовал знаменитый командир кавалерии Красной Армии С. М. Буденный. Об этой встрече Карл Яннак писал: «По просьбе хозяев Эрнст Тельман рассказал о гамбургском восстании. Я сделал сообщение о боях в Бремене. Буденный с большим уважением отзывался о немецких рабочих. Если они будут действовать сообща с Советским Союзом, говорил он, то мир в Европе будет установлен навсегда... Эрнст Тельман был глубоко тронут, услышав от Буденного о том, что один из полков славной Красной Армии будет носить его имя. Сыны рабочих и крестьян Советского Союза, заявил Буденный, должны знать, как борются их братья в Германии»¹.

21 января, когда Эрнст Тельман еще находился в Москве, умер Владимир Ильич Ленин. Страна Советов и международное революционное рабочее движение понесли тяжелую утрату. Все прогрессивное человечество оплакивало потерю вождя Октябрьской революции и основателя Советского государства, гениального теоретика марксизма-ленинизма, вождя мирового пролетариата и всех эксплуатируемых и угнетенных. И Эрнст Тельман тяжело переживал известие о смерти «нашего великого вождя», как писал он в письме к советским рабочим и крестьянам. «Ленин умер, но его революционный дух живет во всех нас»². Вся дальнейшая деятельность Тельмана — свидетельство того, сколь серьезное значение придавал он этим словам. Идеи Ленина все больше становились основой его деятельности. И то, что КПГ в последующие годы все больше овладевала учением Ленина и все лучше применяла ленинизм к конкретным условиям Германии, было прежде всего заслугой Эрнста Тельмана. Он выполнил завет Ленина, у гроба которого стоял в почетном карауле в ночь с 23 на 24 января.

Возвратившись в Германию, Эрнст Тельман посвятил все свои силы укреплению партии. В соответствии с рекомендациями ИККИ на заседании Центральной комиссии 8 февраля 1924 г. было предложено избрать Германа Реммеле председателем КПГ, а Эрнста Тельмана — его заместителем. Эти выборы были проведены 19 февраля на заседании Центральной комиссии. На заседании была принята резолюция, в которой содержалась просьба к ЦК РКП(б) «содействовать тому, чтобы труды Ленина как можно скорее стали доступны немецкому пролетариату и чтобы изучение (трудов) нашего великого вождя и учителя помогало КПГ в

¹ Deutschlands unsterblicher Sohn, S. 54.

² Письмо Эрнста Тельмана было адресовано трудящимся Вятской губернии. — In: BzG, 1970, N. 6, S. 951.

ее развитию, помогало ей шире применять революционный марксизм в своей борьбе»¹.

На многочисленных совещаниях партийного руководства, на съездах парторганизаций округов Рудные горы-Фогтланд и Рурской области, а также в парторганизации Гамбурга — он по-прежнему входил в состав окружкома КПГ округа Вассерканте — Эрнст Тельман выступал в духе решений январского совещания в ИККИ. Хотя военное чрезвычайное положение и запрет КПГ были 1 марта 1924 г. отменены, он все еще не мог выступать на открытых собраниях — его по-прежнему разыскивала полиция.

О деятельности Тельмана с середины 1923 г. и в первые месяцы 1924 г. не имеется почти никаких документальных свидетельств, что было обусловлено строгой конспирацией. Как следует из кратких протоколов заседаний руководства КПГ, в то время Тельман носил партийную кличку Тедди. И скоро товарищи стали любовно называть его «наш Тедди». Самому ему тогда не нравилось это имя, придуманное одним из ультралевых деятелей. И если кто-нибудь называл его так, он, как вспоминали его соратники, отвечал довольно резко: «Меня зовут Эрнст, запомни это» или: «Для тебя я все еще Эрнст!» Конечно, в конце концов ему пришлось привыкнуть к этой кличке, и позднее он даже стал подписываться именем Тедди.

Немногие документальные источники, относящиеся к месяцам, когда партия находилась под запретом, убедительно свидетельствуют о том, с какой энергией занимался Тельман разработкой действительной политики вовлечения масс в борьбу против империализма. Здесь полностью проявился его пролетарская классовая убежденность, прочная связь с рабочим классом и другими трудящимися массами, его опыт борьбы и возросшая теоретическая зрелость.

Рут Фишер, Аркадий Маслов и их друзья, напротив, еще более настойчиво проводили свою левацкую линию. Они плели заговор против Коминтерна, пытались создать в его рядах оппозицию и получить таким образом поддержку для своей сектантской политики. Через Макса Левьена, жившего в Москве, они поддерживали связь с Зиновьевым, которого стремились полностью переставить на свои позиции. Они скрывали свою переписку с ним от Тельмана и от других левых; в то же время они, например, получили через Левьена копию письма Зиновьева Тельману.

2 апреля 1924 г. Эрнст Тельман участвовал в совещании комиссии ИККИ с руководящими представителями левых в КПГ. На этом совещании, посвященном подготовке IX съезда КПГ, вновь проявились разногласия между Эрнстом Тельманом и его соратниками, с одной стороны, и ультралевыми — с другой. Но последним удалось, прибегая к двурушничеству, заявлениям о согласии с решениями, которые они на деле саботировали, а также используя ловкую тактику в дискуссиях, скрыть свое подлинное лицо.

¹ Dokumente und Materialien..., Bd. VIII. Berlin, 1975, S. 40—41.

Так, Рут Фишер отмахнулась на этом совещании от политики единого фронта, расценив ее как весьма бесполезную. Она утверждала, что здесь, мол, находится «источник ревизионизма в Коминтерне»¹. Она выдвинула против единого фронта столько возражений, что от него, как отметил один из представителей ИККИ, фактически ничего не осталось. Рут Фишер также выступила против работы коммунистов в профсоюзах и против включения представителей группы центра в состав партийного руководства. При этом она демагогически ссыалась на то, что таковы-де настроения масс. Ее позиция определялась глубоким неверием в силы рабочего класса.

Совсем по-другому вел себя Эрнст Тельман. В вопросе о профсоюзах он — в полном соответствии с позицией комиссии ИККИ — исходил из того, что коммунистам обязательно нужно оставаться в профсоюзах, но КПГ должна сделать все также для охвата исключенных и неорганизованных трудящихся. Он выступал за привлечение к сотрудничеству в партийной работе представителей группы центра. Каждое его слово было словом революционера-рабочего, тесно связанного с массами партийного работника, настойчиво добивавшегося ясности во всем, стремившегося создать единую и боевую партию.

7

**За прочную,
дисциплинированную,
централизованную
коммунистическую
партию**

С 7 по 10 апреля 1924 г. в Оффенбахе и Франкфурте-на-Майне состоялся IX съезд КПГ. Поскольку большинству функционеров КПГ грозил арест, съезд проходил нелегально. Эрнст Тельман выступил с докладом о задачах партии. Это было его первое основополагающее выступление перед высшим органом партии. В своем анализе обстановки он исходил из того, что еще нельзя сказать, предстоят ли решающие схватки уже в ближайшее время. Такое же мнение высказывал тогда председатель ИККИ в письме, адресованном съезду. Это была уже более реалистическая оценка по сравнению с той, что давалась в конце 1923 г. Но правильно оценить обстановку было по-прежнему чрезвычайно трудно. В Германии разворачивалась острая классовая борьба. Однако Эрнст Тельман считал неправильным говорить только лишь о широких масштабах борьбы и не видеть ее изменившегося характера. Речь теперь идет об оборонительных боях, подчеркивал он, и в целом КПГ не является хозяином положения. Эрнст Тельман, как и уча-

¹ IML, ZPA, 2/17.

ствовавшая в работе съезда делегация ИККИ, указывал на необходимость должной увязки частичных требований с приготовлениями к пролетарской революции и подготовкой членов партии к борьбе за власть.

То были принципиально правильные и необходимые ввиду правооппортунистических тенденций группы Брандлера требования. В числе предпосылок борьбы за власть в качестве первой и решающей Тельман назвал «завоевание большинства пролетариата»¹. Он ясно и четко заявил, что одновременно с подготовкой к борьбе за власть партия должна добиваться осуществления частичных требований. Важнейшая задача, говорил он, состоит теперь в борьбе за восьмичасовой рабочий день, за повышение заработной платы, свободу коалиций и за трудоустройство безработных. Он также коснулся необходимости вовлечения в борьбу батраков и крестьян-бедняков.

Эрнст Тельман решительно потребовал превратить заводские ячейки в главную основу организационного построения партии: «Без широкой сети заводских ячеек не может быть прочного организационного фундамента партии на предприятиях в условиях подполья, отсутствие заводских ячеек чрезвычайно затруднит решение всех стоящих перед партией политических и организационных задач». Он настойчиво подчеркивал: «Мы должны усилить работу в профсоюзах и среди неорганизованных трудящихся... Необходимо со всей определенностью сказать, что коммунистам важно продолжать работу в профсоюзах, что, разумеется, нельзя выходить из профсоюзов и что необходимо также вести работу среди неорганизованных рабочих, используя для этого заводские советы, и т. д.». Предстоящую избирательную кампанию партия должна использовать для того, говорил он, чтобы «доводить до сознания рабочих нашу программу и наши идеалы, разъяснять им нашу позицию по всем политическим и экономическим вопросам». В этой связи Эрнст Тельман выдвинул требование усилить политическую работу среди женщин. Следует также укреплять связь партии с молодежью: «Нам необходимо улучшить и углубить сотрудничество партии с молодежью... Молодежи надлежит сотрудничать с партией, партия и молодежь тесно связаны друг с другом политически и организационно, и коммунисты окружных парторганизаций должны направить свои усилия на расширение молодежного движения»².

Эрнст Тельман подчеркнул, что КПП должна решительно отмежеваться от политики правых социал-демократов. Подводя итог, он заявил: «Первейшей задачей КПП является подготовка к борьбе за диктатуру пролетариата. В любой обстановке партии надо выступать перед массами с ясными взглядами и с четкой программой

¹ Bericht über die Verhandlungen des IX. Parteifages der Kommunistischen Partei Deutschlands (Sektion der Kommunistischen Internationale). Abgehalten in Frankfurt a. M. vom 7. bis 10. April 1924. Berlin, 1924, S. 263.

² Ebenda, S. 264, 265, 266, 270.

действий; при этом тактика партии должна быть гибкой и подвижной». Он закончил доклад настоятельным призывом к делегатам съезда приложить все свои силы к выполнению стоящих перед партией пазревших задач и создать предпосылки для «решения великой задачи, путь к чему указал нам российский пролетариат: для победы пролетарской революции»¹.

Эрнст Тельман все более четко видел путь, которым должна была идти партия. Из всех выступлений на съезде именно его речь давала наиболее четкую ориентировку на решение новых задач. Она существенно отличалась от речей других делегатов, внимание которых было сосредоточено на фракционной борьбе и рассуждениях о делах прошлого и которые высказывали весьма туманные соображения и ошибочные представления по вопросам о профсоюзам и организационной работе.

На съезде партии был дан решительный отпор правому оппортунизму, и это явилось важнейшей предпосылкой для оздоровления партии. Но сильные левацко-сектантские тенденции в решениях съезда свидетельствовали о том, что процесс прояснения позиций в партии еще далек от завершения.

Эрнст Тельман был вновь избран в состав Центральной комиссии КПГ и в Политбюро. Однако решающее влияние в партийном руководстве получили мелкобуржуазно-ультралевые силы, группировавшиеся вокруг Рут Фишер, Аркадия Маслова, Артура Розенберга и Вернера Шолема. Руководителем Политбюро вначале стал Аркадий Маслов, а в июне 1924 г. его сменила Рут Фишер. Вопреки рекомендациям представителей ИККИ и несмотря на возражения Тельмана, в состав руководства партии были включены лишь немпогие представители группы центра. В 1926 г. Эрнст Тельман писал, что, хотя образование нового партийного руководства являлось правильным шагом, левые все же допустили, например на съезде партии во Франкфурте, крупные ошибки в различных областях, «и особенно в отношении профсоюзов, в оценке роли партии и в слабом привлечении различных товарищей к сотрудничеству, что сказалось также и на составе Центральной комиссии»².

К числу левых в Центральной комиссии относились также Вильгельм Флорин и Оттомар Гешке, которые, как и Эрнст Тельман, хотя и были солидарны с ультралевыми в критике правого оппортунизма, не имели ничего общего с их антиленинской платформой. В дальнейшем они все чаще выступали вместе с такими заслуженными членами Центральной комиссии, как Гуго Эберлейп, Фриц Геккерт и Вильгельм Пик.

На съезде партии был также утвержден список кандидатов от КПГ для выборов в рейхстаг. Эрнст Тельман стал главным кандидатом. Во время предвыборной кампании он все еще не мог выступать публично. Несмотря на продолжавшийся несколько месяцев запрет партии, несмотря на аресты и преследования мно-

¹ Bericht über die Verhandlungen des IX. Parteitages der KPD, S. 268, 271.

² ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 164, ед. хр. 334.

гих своих членов и функционеров и разнузданную антикоммунистическую пропаганду, КПП получила на выборах 4 мая 1924 г. почти 3,7 млн. голосов. За СДПГ голосовало 6 млн. избирателей. Правым буржуазным партиям, использовавшим националистическую и шовинистическую пропаганду и прибегавшим к социальной демагогии, удалось получить более 10 млн. голосов буржуазных и мелкобуржуазных избирателей.

Спустя ровно месяц после выборов, 4 июня 1924 г., Эрнст Тельман выступил в рейхстаге с первой большой речью. Силы реакции требовали лишения неприкосновенности депутатов-коммунистов. Эрнст Тельман с присущими ему твердостью и страстностью отстаивал принципы КПП. Он без обиняков заявил депутатам от буржуазных партий и социал-демократам, взявшим на себя роль защитников республики монополий, «что мы попытаемся привлечь на сторону революции широкие массы крестьян, рабочих и представителей среднего сословия. Партия, стоящая на позициях классовой борьбы, всегда должна ясно и четко говорить о своей цели и о тактике борьбы за эту цель»¹.

На клевету о том, будто КПП проводит антинациональную политику, Эрнст Тельман ответил в паступательном духе: «Представители буржуазии, которые осмеливаются вставать здесь в позу, стенать и разглагольствовать о национальном достоинстве, это в своем большинстве те, кто несет ответственность за преступление, которое состоит в том, что подавляющее большинство немецкого народа находится в отчаянном положении и голодает... Когда шла речь о Руре и Рейнской области, мы доказали, что изменники нации пахотятся не в рядах пролетариата, а среди крупных промышленников, которые еще до прекращения пассивного сопротивления начали заключать сделки с французскими капиталистами... В течение всего времени оккупации Рура и Рейнской области было ясно видно, что именно среди нас² находятся те, кто действительно изменяет родине, когда речь идет об увеличении прибылей». Национальные проблемы, заявил Тельман, могут быть решены только «путем международной классовой борьбы»³. Так раскрывал Эрнст Тельман классовую сущность национального вопроса.

Два дня спустя, незадолго до своего отъезда в Москву на V Всемирный конгресс Коминтерна, он выступил с речью о политической обстановке в большом зале Дома профсоюзов Гамбурга, где собрались тысячи трудящихся города. В заключение этого первого после октябрьских боев массового митинга его участники построились в колонны и двинулись по улицам. Против демонстрантов были брошены полицейские силы.

¹ Verhandlungen des Reichstags. II. Wahlperiode 1924, Bd. 381. Stenographische Berichte (von der 1. Sitzung am 27. Mai 1924 bis zur 29. Sitzung am 30. August 1924) nebst Sach- und Sprechregister. Berlin, 1924, S. 92.

² В Германской народной партии.

³ Verhandlungen des Reichstags. II. Wahlperiode 1924, Bd. 381, S. 92, 94, 95.

С 17 июня по 8 июля 1924 г. состоялся V конгресс Коминтерна. Эрнст Тельман прибыл в Москву за неделю до его открытия. 11 июня его в гостинице посетил корреспондент журнала советской организации юных пионеров. По его просьбе Тельман написал несколько строк для читателей журнала; он передал привет будущим строителям социализма: «Вооруженные духовным оружием Ленина, полные революционной решимости, вперед к новым победам!»

Эрнст Тельман уже второй раз участвовал в работе высшего органа международного коммунистического движения. За три года, прошедшие после III Всемирного конгресса, он стал одним из руководителей КПГ. Его формированию как руководителя в значительной мере содействовали всемирные конгрессы Коминтерна, пленумы ИККИ, их решения, а также встречи и беседы с руководителями коммунистических партий. Свидетельством большого авторитета Тельмана в рядах международного коммунистического движения явилось его избрание в президиум конгресса. Кроме того, он был избран секретарем политической комиссии и председателем комиссии по Австрии, а также членом семи других комиссий конгресса.

23 июня 1924 г. Эрнст Тельман выступил на конгрессе с речью в прениях по отчетному докладу ИККИ и по докладу о мировом экономическом положении. В отчетном докладе и в развернувшихся по нему прениях была сделана попытка обобщить опыт классовой борьбы, накопленный после IV Всемирного конгресса, оценить новую международную обстановку и извлечь из этого соответствующие выводы. Значительную роль при этом играла немецкая проблематика. Выступали представители самых различных взглядов. Тельман дал в своей речи подробный анализ политики КПГ в 1923 г. и подверг острой критике оппортунистические ошибки прежнего партийного руководства. Он сделал важный вывод о том, что осенью 1923 г. КПГ была еще недостаточно зрелой, чтобы привести рабочий класс к победе. Он еще глубже и четче сознавал теперь, что большевики являются авангардом и примером для международного революционного пролетариата. Как важнейшие задачи он охарактеризовал «необходимость создания сплоченной, дисциплинированной, централизованной коммунистической партии» и овладение опытом большевиков, чтобы пройти путь, «который приведет нас к завершению в Германии того, что русские рабочие и крестьяне в 1917 г. завершили в России»¹.

Анализируя причины и уроки поражения октябрьского восстания в Гамбурге, Эрнст Тельман сравнил обстановку в Германии с обстановкой в Болгарии за период с осени 1923 г. Он подчеркнул, что Болгарская коммунистическая партия лучше учла критику со стороны ИККИ, быстрее локализовала последствия пора-

¹ Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. 17 июня — 8 июля 1924 г. Стенографический отчет. М.—Л., 1925, ч. 1, с. 250, 254.

жения, сумев в большей мере сохранить свое влияние на рабочий класс. Свою речь он заключил словами: «Братский боевой союз германских рабочих и крестьян с русскими рабочими и крестьянами мы должны воздвигнуть как крепкую бронированную стену против мировой буржуазии — такова задача, которую мы себе поставили: победа германской революции, победа мировой революции»¹.

Поставив задачу превратить КПГ в массовую партию, которая соответствовала бы требованиям, характеризующим партию Ленина, Эрнст Тельман раскрыл суть главной задачи. Это был вывод из всего накопленного им политического опыта, из его анализа борьбы минувших лет и из дискуссий в органах Коминтерна. Тельман хорошо понимал, что, только решив эту задачу, КПГ, как и другие коммунистические партии, сможет привести к победе рабочий класс и его союзников в борьбе против империализма, за пролетарскую революцию. Поэтому он всем своим авторитетом поддержал решающее требование конгресса большевизировать коммунистические партии, т. е. превратить их в подлинно марксистско-ленинские боевые партии, которые должны овладеть всем, «что в русском большевизме было и есть международного, общезначимого»². На конгрессе были охарактеризованы основополагающие черты такой партии:

1. Партия должна быть действительно массовой, уметь поддерживать самую тесную неразрывную связь с массой рабочих и служить выразительницей ее нужд и чаяний.

2. Она должна быть маневроспособной, ее тактика не должна быть догматической, сектантской.

3. Она должна быть по существу революционной, марксистской, при всех обстоятельствах делающей максимум усилий для приближения момента победы пролетариата над буржуазией.

4. Она должна быть централизованной партией, не допускающей фракций.

5. Она должна вести настойчивую и регулярную пропагандистскую и организационную работу в буржуазных армиях³.

Конгресс определил далее, что одной из главных задач партии является борьба против любых извращений марксизма-ленинизма и его пропаганда во всей совокупности. Непременным для коммунистической партии, ставящей перед собой задачу стать руководителем рабочего класса, являлось ее организационное построение на основе заводских ячеек. Завоевание влияния в профсоюзах было названо на конгрессе важнейшей предпосылкой привлечения на сторону партии трудящихся масс; поэтому конгресс осудил выход коммунистов из профсоюзов. Для дальнейшего раз-

¹ Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. 17 июня — 8 июля 1924 г. Стенографический отчет, ч. 1, с. 254—255.

² Там же, ч. 2, с. 48.

³ См. там же, с. 47—48.

вития партий, особенно КПГ, важное значение имело следующее положение «Тезисов по вопросам тактики»: «Коминтерн, как международная большевистская организация, с первых же дней своего существования ведет беспощадную борьбу не только против правого оппортунизма, но и против «ультралевых» уклонов, зачастую являющихся только обратной стороной оппортунизма»¹.

Выступление Тельмана на конгрессе было проникнуто революционным и интернационалистским духом. Его позиция отражала силу, а также и слабости, проявившиеся у большинства участников конгресса и получившие отражение и в его решениях. Так, конгресс признал необходимость единого рабочего фронта, но, как и в решениях январского совещания, отводившаяся ему роль была в значительной степени ограничена левацкими ошибочными оценками.

Подобные взгляды в отношении политики единого фронта и о рабочем правительстве высказывал также и Эрнст Тельман в своем выступлении в дискуссии по отчету политической комиссии. Но он решительно отверг ультралевые доводы итальянского делегата Амадео Бордиги, который категорически отвергал единый фронт в политической области. Тельман указал на необходимость привлечения коммунистами на свою сторону рабочих масс Итальянской социалистической партии. Тельман также выступил против отказа от парламентской борьбы. Но прежде всего он осудил нежелание Бордиги признать дисциплину Коминтерна, что в конечном счете сводилось к притязаниям на создание в Коммунистическом Интернационале «левой» фракции. В этой связи Тельман напомнил о выступлениях Ленина на II и III Всемирных конгрессах Коминтерна, на которых Бордига заявил о своем несогласии с лозунгом «К массам!».

Чувством глубокого уважения и солидарности с рабочими и крестьянами Страны Советов были проникнуты слова благодарности, с которыми Эрнст Тельман обратился к делегациям от Советского Союза, приветствовавшим конгресс. Три делегации передали представителям КПГ в знак братской солидарности красные знамена. «Товарищи, так же как российский пролетариат шел под красным знаменем классовой борьбы во время первой революции 1905 г. и второй, победоносной российской революции 1917 г., так же и мы, Германская Коммунистическая Партия... вступим на этот путь и чрез все препятствия придем к победе пролетарской германской революции»². Отвечая ленинградским рабочим, он заверил, что КПГ понесет переданное ей знамя «в борьбе, которая приведет нас к такой же победе, какой явилась в 1917 г. первая пролетарская революция. Мы понесем знамя к этой цели, мы здесь на конгрессе даем обещание следовать примеру Российской партии, соблюдая большевистскую тактику. Мы можем, я думаю, сказать

¹ Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. 17 июля — 8 июля 1924 г. Стенографический отчет, ч. 2, с. 42.

² Там же, ч. 1, с. 242.

передавшим нам это зная ленинградским рабочим, что мы умеем бороться и что мы победим»¹.

Принципиальность Эрнста Тельмана в борьбе против оппортунизма, его последовательно пролетарская, интернационалистская, основанная на соблюдении партийной дисциплины позиция, его бесстрашие в борьбе и политическая зрелость получили достойную оценку — Тельман был избран кандидатом в члены ИККИ и членом его Президиума. Он стал одним из руководителей международного коммунистического движения.

Сразу же после завершения V конгресса Коминтерна в Москве состоялся III конгресс Красного Профинтерна. На открытии конгресса 8 июля от имени Президиума ИККИ с речью выступил Эрнст Тельман. Главными мыслями его приветствия были призыв к работе по-ленински в профсоюзах и призыв учиться у партии Ленина. В этих призывах отражались важные выводы, которые стали руководящим принципом деятельности самого Тельмана. Свою приверженность марксизму-ленинизму и Советскому Союзу он хорошо выразил в следующих словах: «Методы для борьбы нам даны в учении Ленина, которое всему пролетариату Западной Европы, так же как и всего мира, ясно и отчетливо указывает путь к завоеванию большинства рабочего класса и к победе пролетарской революции. Примерным образцом работы в профессиональном движении для всего мира является деятельность русских большевиков в профессиональных союзах, сумевших вовлечь профессиональные союзы в борьбу русского рабочего класса за власть и после победы создать из них крепкую опору пролетарской диктатуры»².

8

Кандидат всех классово сознательных рабочих

В начале июля 1924 г. находившийся в Москве Эрнст Тельман получил сообщение о том, что руководство КПГ считает целесообразным для него не возвращаться пока в Германию. Причиной этого было обращение земельного суда Гамбурга в процедурную комиссию рейхстага с ходатайством о лишении Тельмана депутатской неприкосновенности. Однако рейхстаг 22 июля отклонил данное ходатайство, поддержанное процедурной комиссией, и сразу же после окончания III конгресса Красного Профинтерна Тельман смог выехать из Москвы. В Германии его ожидало множество дел. Рабочему классу пришлось отражать новое наступление

¹ Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. 17 июня — 8 июля 1924 г. Стенографический отчет, ч. 1, с. 558.

² III конгресс Красного Интернационала профсоюзов. 8—22 июля 1924 г. Отчет (по стенограммам). М., 1924, с. 18.

германского монополистического капитала на свои политические права и социальные завоевания. В этих условиях стало особенно необходимым укрепление партии в духе решений V Всемирного конгресса Коминтерна, с тем чтобы повысить ее боевую силу.

Возвратившись из Москвы, Эрнст Тельман оказал поддержку в Гамбурге окружной организации КПГ в проведении мероприятий, связанных с 10-й годовщиной начала первой мировой войны. ИККИ по предложению КПГ выступил с призывом провести в конце июля — начале августа антивоенную неделю. Начало мероприятий в Гамбурге было положено 30 июля массовым митингом, состоявшимся в переполненном Доме профсоюзов. Вместе с Тельманом на митинге с речью выступил французский писатель и коммунист Анри Барбюс, автор знаменитого антивоенного романа «Огонь». Оба оратора выразили волю революционного пролетариата своих стран всячески противодействовать подготовке новой войны, а если ее не удастся предотвратить, то превратить ее — в духе Карла Либкнехта и российского пролетариата — в освободительную войну пролетариата. Эрнст Тельман подчеркнул, что недостаточно лишь выдвинуть лозунг «Война войне», ибо он «останется пустым звуком, если мы не пропикнемся убеждением в том, что, уничтожив капиталистическое общество, мы навсегда устраним возможность возникновения капиталистических войн». Под бурную овацию участников митинга Барбюс и Тельман обнялись. Тысячи находившихся в зале людей были охвачены, как писала газета «Гамбургер фолксцайтунг», «внезапно и стихийно возникшим восторгом, вызванным зажигательными идеями крупного французского мыслителя и полными классовой убежденности словами Тельмана»¹.

Следующим вечером Эрнст Тельман выступил на собрании портовых рабочих. Ночью он выехал в Берлин, чтобы 1 августа принять участие в заседании Политбюро. 3 августа он уже снова находился в Гамбурге, где должен был выступать с речью в Доме профсоюзов на заключительном массовом митинге недели антивоенной борьбы. Однако проведение всех намечавшихся на 3 августа митингов КПГ было запрещено. Власти намеревались провести в то воскресенье на улицах, площадях и в городских залах Гамбурга военные демонстрации и националистические манифестации по поводу 10-летия начала войны. Но революционные рабочие Гамбурга сорвали планы реакции. Хотя КПГ и пришлось перенести митинг на другой день, тысячи трудящихся прошли маршем мимо Дома профсоюзов, через вокзальную площадь и прилегающие к ней районы, завладев на несколько часов улицами города. Следующий день, 4 августа, стал кульминацией антивоенной недели в Гамбурге: в тот день был проведен один из самых мощных и впечатляющих митингов, которые когда-либо проводились в Доме профсоюзов.

¹ HVZ, 31.VII 1924.

Выступая на этом митинге, Эрнст Тельман в большом докладе проанализировал развитие политической обстановки после 1914 г. Он напомнил о состоявшихся в августе — сентябре 1914 г. в том же самом зале собраниях функционеров СДПГ, на которых классово сознательные рабочие убедились в том, что правые социал-демократические лидеры и газета «Гамбургер эхо» были в лагере буржуазии. Он воздал должное мужеству немногочисленного отряда левых в немецком рабочем движении, высоко державшего поднятое Розой Люксембург и Карлом Либкнехтом знамя революции. Он особо выделил значение победы большевиков, показавших пример того, на что способны объединенные силы пролетариата. Эрнст Тельман заклеил позором оппортунистическую политику правых лидеров СДПГ, воспрепятствовавших тому, чтобы и немецкий рабочий класс освободился от своих угнетателей. Важнейший урок последнего десятилетия состоит в том, заявил он, что КПП должна стать бесспорным и целеустремленным вождем пролетариата.

В конце августа в рейхстаге обсуждался план Дауэса, разработанный комитетом экспертов под председательством представителя американского капитала Чарлза Гейтса Дауэса и принятый в августе на конференции по репарациям в Лондоне, на которой присутствовал и представитель Германии. План Дауэса предусматривал новое урегулирование немецких репарационных платежей. В соответствии с этим планом Германия должна была выплачивать: в 1924/25 г. 1 млрд., затем год за годом — все большие суммы и, наконец, с 1928/29 г. — по 2,5 млрд. золотых марок ежегодно. Чтобы Германия могла выплатить столь огромную сумму, требовалось оживить ее экономику крупными иностранными кредитами. Государственный бюджет, имперский банк и государственные железные дороги были подчинены контролю иностранных комиссаров; государственные железные дороги были преобразованы в самостоятельную акционерную компанию. Осуществление репарационных платежей было возложено на американского генерального агента. План Дауэса отражал проникновение империализма США в Европу. Хлынувшие в Германию после его принятия миллиардные займы — к 1932 г. их общая сумма почти в 3 раза превысила все выплаченные за это время репарации — чрезвычайно усилили германский империализм и процесс образования новых крупных монополий; эти займы привели к ужесточению эксплуатации трудящихся.

28 августа в ходе третьего, и решающего, чтения законопроекта по плану Дауэса последним от КПП выступил Эрнст Тельман. Как вспоминает Вильгельм Кёнен, его речь была «образцом того, как следует выступать против классового врага в его собственном доме»¹. Тельман тщательно подготовился к выступлению. Он критически использовал в нем также цифры и аргументы, приводи-

¹ Deutschlands unsterblicher Sohn, S. 338.

мые классовым врагом. Тельман обращался к рабочим, к трудящемуся народу, который должен был оплачивать репарации и проценты по иностранным займам, трудом которого наживались прибыли германских монополий и американских банкиров.

Эрнст Тельман прямо говорил о сговоре воротил германской промышленности и капиталистов Аппанты о том, какие методы эксплуатации трудящихся являются самыми прибыльными. Он обвинил правительство и его вдохновителей в том, что они согласились в Лондоне с существенными ограничениями суверенных экономических и финансовых прав Германии. Он также разоблачил депутатов СДПГ, которые поддерживали законопроекты по плану Дауэса и тем самым обеспечили их утверждение рейхстагом. Что же касается КППГ, заявил он, то она решительно отклоняет план Дауэса и все относящиеся к нему законопроекты, ибо «ни одно правительство и ни один рейхстаг не имеют права продавать трудящиеся массы Германии международному финансовому капиталу»¹.

Эрнст Тельман убедительно говорил о том, что теперь стрелки переведены на усиленный приток иностранного капитала в экономику Германии. Он настоятельно предостерегал от иллюзий, что ожидавшийся в результате иностранных кредитов экономический подъем принесет облегчение трудящимся: «Американский дядюшка» пришел не затем, чтобы помочь германскому народу, а затем, чтобы ограбить германский народ, чтобы нажить прибыли». Кроме того, если английские, французские и американские монополии станут совладельцами германской экономики, немецкие предприниматели попытаются сделать все, чтобы «...возместить потерянную таким образом часть прибылей за счет усиленной эксплуатации рабочих»².

С трибуны рейхстага Эрнст Тельман обратился к трудящимся массам с призывом вместе с КППГ добиваться того, чтобы репарации не перекладывались невыносимым бременем на плечи трудящихся, а выплачивались за счет экспроприации крупных состояний, доходов банков, крупной промышленности и юнкерства. Платить должны были те, кто нажился на войне. Тем самым Тельман со всей убедительностью подчеркнул, что внешнеполитические вопросы — это классовые вопросы, что речь шла о классовой борьбе в самой Германии. Он показал, что план Дауэса — это инструмент классовой борьбы в руках империалистов, инструмент не только экономической борьбы и грабежа немецких трудящихся, но также политической борьбы против рабочего движения. Колоссальные кредиты германскому монополистическому капиталу должны были помочь ему побыстрее окрепнуть и создать заслон от революции в Германии и Западной Европе.

Борьба против плана Дауэса, заявил Эрнст Тельман, будет вестись коммунистами не только в Германии. Революционное ра-

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 64.

² Там же, с. 68, 64.

бочее движение, говорил он, рассматривает план Дауэса как атаку империализма в международном масштабе, и отпор ей будет дан также в международном плане. Коммунисты Франции, Бельгии, Великобритании и США, констатировал он, уже выступили против плана Дауэса.

В этой речи в рейхстаге Тельман впервые дал развернутую оценку внешней политики Германии. При этом он показал себя хорошим знатоком и в этой области, сделав вклад в разработку внешнеполитической концепции КПП. Как и Клара Цеткин в своей первой речи в качестве депутата от КПП в рейхстаге, Эрнст Тельман выдвинул основополагающую альтернативу антинациональной внешней политике крупной буржуазии: союз с СССР, со страной, которая собственными силами создавала социалистическое пародное хозяйство. Советский Союз, подчеркнул он, показывает трудящимся Германии яркий пример выхода из экономических трудностей, единственный путь решения проблемы репараций, который отвечает интересам народа и состоит в том, что рабочие, трудящиеся массы Германии «...должны также освободиться от господства капиталистической системы...»¹

Парламентская деятельность в рейхстаге и его комиссиях была всего лишь одной из многих задач, возложенных на Эрнста Тельмана. Он вел трудную и напряженную жизнь руководителя, отвечающего за многие области работы функционера КПП. Так, летом и осенью 1924 г. он подготовил для Политбюро информацию о положении в Коммунистической партии Швеции, заботился о проживавших в Берлине политэмигрантах, а 7 ноября принял участие в праздновании в Гамбурге Международного дня молодежи. Он оказывал помощь в подготовке Всегерманской конференции профсоюзов, состоявшейся 17 августа, и позаботился о том, чтобы на ней было высказано критическое отношение к выходу коммунистов из свободных профсоюзов. На партийных собраниях Эрнст Тельман часто выступал с разъяснением решений партии и Коминтерна. Он постоянно участвовал в работе окружной парторганизации КПП округа Вассерканте, за руководство которой отвечал как член Центральной комиссии. По возможности чаще он старался также выезжать в другие окружные парторганизации.

Эрнст Тельман постоянно стремился поддерживать контакты с членами и функционерами партии и с рабочими. Он хорошо знал их заботы и нужды, говорил понятным им языком. Он пользовался все большим авторитетом и уважением, его влияние на политику партии росло. Руководящие партийные деятели все чаще обращались к нему за советом и поддержкой. Так, Оттомар Гешке, ставший после V Всемирного конгресса Коминтерна представителем КПП в ИККИ, писал ему: «Я был бы тебе благодарен, дорогой Тедди, если бы ты нашел время и сообщал мне твое личное мнение о политической и экономической обстановке и о положении

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 83.

в партии»¹. В другом адресованном ему письме представительства КПГ в ИККИ выражалась озабоченность в связи со складывавшейся в партии обстановкой в результате действий находившихся в ее руководстве ультралевых и высказывалось пожелание посоветоваться с ним по этим вопросам. Эрнст Тельман всегда находил время, чтобы выполнить такие просьбы.

Когда президент Эберт распустил 20 октября рейхстаг, реакционная классовая юстиция отдала приказ об аресте более половины депутатов рейхстага-коммунистов. Была опубликована 29 октября в списке разыскиваемых лиц и фотография Эрнста Тельмана с объявлением о его розыске, хотя он, являясь членом комиссии рейхстага по обеспечению прав народного представительства, которая была сохранена при роспуске рейхстага, по-прежнему пользовался неприкосновенностью. Статс-секретарь в министерстве внутренних дел Цвайгерт от имени правительства заявил: «Ввиду неопределенности правового положения судебные органы не могут гарантировать депутатскую неприкосновенность»². Эрнсту Тельману вновь пришлось уйти в подполье. В его гамбургской квартире неоднократно производились обыски.

Ввиду начавшейся волны преследований руководство КПГ приняло 5 ноября решение, обязывавшее ряд его членов временно покинуть Германию и поручившее непосредственное руководство партией правлению, в состав которого вошли Эрнст Тельман, Вильгельм Пик, Артур Розенберг, Эрнст Шнеллер и председатель Коммунистического союза молодежи Конрад Бленкле. Эрнст Тельман, в случае возникновения угрозы его безопасности, должен был выехать в Москву; к тому же он крайне нуждался в отдыхе; в октябре он заболел. ИККИ предложил руководству КПГ обратить внимание Тельмана «со всей серьезностью и настойчивостью на то, что он во что бы то ни стало должен выдержать этот период преследований, пока не будет вновь находиться под защитой депутатской неприкосновенности»³.

Тельман остался в Берлине, возглавив вместе с другими членами образованного правления предвыборную борьбу КПГ в связи с выборами в рейхстаг 7 декабря 1924 г. Как это ни было трудно, ему приходилось скрываться, избегая публичных выступлений. Преследование полиции помешало Тельману также принять участие в работе II съезда Компартии Чехословакии, проходившего с 31 октября по 4 ноября, и выехать затем вместе с Д. З. Мануильским в Вену на партконференцию братской партии австрийских коммунистов, как предусматривалось ранее решением ИККИ. И все же вскоре он появился в Чехословакии, но об этом ни немецкая, ни чехословацкая полиция ничего не узнали. Поскольку в Берлине было опасно проводить пленум Центральной комиссии КПГ, чехословацкие товарищи обеспечили ей возможность собраться в

¹ IML, ZPA, I 6/3/137.

² Vgl.: Die Rote Fahne, 13. XI 1924.

³ IML, ZPA, I 2/2/16; I 6/3/138.

Усти-над-Лабем, чтобы обсудить ближайшие задачи партии. Судя по всему, полиция так и не узнала об этом.

7 декабря Эрнст Тельман был вновь избран в рейхстаг. По сравнению с выборами в мае 1924 г. КППГ потеряла почти миллион голосов и 17 мест в рейхстаге, в то время как СДПГ удалось получить дополнительно 1,8 млн. голосов избирателей и 31 депутатский мандат. Неблагоприятный для КППГ исход выборов был обусловлен не только усилившимися гонениями против партии, но прежде всего тем, что правым лидерам социал-демократии удалось со ссылками на начавшуюся временную стабилизацию капитализма убедить немалую часть трудящихся в том, что изменение экономической конъюнктуры на долгие годы улучшит условия их жизни. К тому же работа КППГ среди народных масс была серьезно затруднена сектантской политикой ультралевых.

Фракция КППГ в рейхстаге избрала Тельмана своим председателем. В парламентской деятельности ему помогал опытный партийный работник Вальтер Штёккер, который в качестве секретаря коммунистической фракции рейхстага уже в течение многих лет руководил ее текущей работой, умело и со знанием дела отстаивая интересы рабочих на пленарных заседаниях рейхстага и в его комиссиях.

Первое заседание нового, 3-го рейхстага Веймарской республики состоялось 5 января 1925 г. Дискуссию на этом заседании открыл Эрнст Тельман, который осудил преследования революционных рабочих органами буржуазной классовой юстиции¹. На второй день заседания рейхстага Эрнст Тельман вновь взял слово и от имени классово сознательных рабочих выдвинул требование: «Вместо снижения заработной платы — повышение на 40% зарплаты и жалованья; отказ от сверхурочных работ, борьба за восьмичасовой рабочий день, вместо увольнений и безработицы — включение безработных в производственный процесс; долой налоговую эксплуатацию сельского и городского пролетариата; конфискация собственности крупных капиталистов; оборонительный и наступательный союз со Страной Советов; немедленное освобождение пролетарских политических узников»². Компартия Германии, заявил он, и в буржуазном парламенте будет проводить обусловленную четкой программой борьбы революционную классовую политику защиты жизненных интересов трудящихся.

После того как отпала необходимость избегать в течение ряда месяцев публичных выступлений, Эрнст Тельман с удвоенной энергией включился в эту работу. Наконец-то он мог снова выступать на партийных собраниях, а также выезжать в округа. Так, из его рабочего плана на январь и февраль 1925 г. следует, что он выезжал в Тюрингию, Верхнюю Силезию, Восточную Пруссию,

¹ Vgl.: Verhandlungen des Reichstags. III. Wahlperiode 1924, Bd. 384. Stenographische Berichte (von der 1. Sitzung am 5. Januar 1925 bis zur 36. Sitzung am 17. März 1925). Berlin, 1925, S. 3—4.

² Verhandlungen des Reichstags. III. Wahlperiode 1924, Bd. 384, S. 18.

Южную Германию и в Рурскую область. 1 февраля он участвовал в работе первой всегерманской конференции Союза красных фронтовиков, на которой с докладом выступил Эрнст Шнеллер. Эрнст Тельман был избран председателем правления этого союза.

Союз красных фронтовиков возник летом 1924 г. по решению Центральной комиссии КПГ. В июне 1924 г. были созданы первые местные группы союза; в начале 1925 г. в его состав входило уже 255 местных групп, насчитывавших 15 тыс. членов. Основание Союза красных фронтовиков было обусловлено острой политической необходимостью. Начавшееся экономическое и политическое возрождение германского империализма привело в первой половине 1924 г. к принявшему угрожающие формы оживлению реваншистских и милитаристских кругов. Активизируя деятельность «Стального шлема», «Союза фронтовиков», «Объединения бывших военнопленных» и других так называемых союзов бывших фронтовиков, германский милитаризм стремился усилить свое влияние на трудящиеся массы и использовать их в своих целях, идеологически готовиться к реваншистской войне, запугать рабочих организацией провокационных сборищ и направленных против трудящихся террористических актов. Революционное рабочее движение должно было оказывать противодействие этим проискам; перед ним встала задача противопоставить призывам к реваншу и подстрекательству к войне пропаганду пролетарского интернационализма и разъяснение отношения пролетариата к войне, встала задача демонстрацией своей готовности дать крайне реакционным силам терроризма должный отпор.

Наиболее успешно справиться с этой задачей могла собственная легальная организация защиты рабочего класса — организация, которая сумела бы убедить бывших участников войны из рядов пролетариата в том, что их место на стороне рабочих, и которая своими дисциплинированными действиями и выступлениями укрепляла бы классовое сознание рабочего класса. Созданный в феврале 1924 г. по инициативе правых лидеров социал-демократии Рейхсбаннер, в который входили главным образом рабочие-социал-демократы и члены свободных профсоюзов, для этой цели не подходил. Его руководство, в состав которого наряду с социал-демократами входили также представители демократической партии и центристы, нацеливало данную организацию на защиту империалистической Веймарской системы от революционного рабочего класса. Поэтому и был создан Союз красных фронтовиков.

Вначале этот союз столкнулся с большими трудностями: подстановка опытных кадров, создание организации продвигалось вперед медленно, не были еще окончательно определены ее специфические политические задачи. Как отмечалось в одном из отчетов союза весной 1925 г., «не было твердой руки и ясной головы, чтобы с самого начала с инициативой и знанием дела развернуть и направить в нужное русло работу по созданию такой массовой ор-

ганизации»¹. К тому же в КПГ имелись люди, относившиеся к новой массовой организации с предубеждением, источником которого были ультралевые.

Вот почему Эрнст Тельман направил свои усилия на политическое и организационное укрепление Союза красных фронтовиков. Для решения этой важной задачи — создания революционной пролетарской массовой организации и обеспечения руководства ею требовался штаб руководящих функционеров. В лице второго председателя правления союза Вилли Леова, Эдгара Андре, Ганса Ендрецкого, Эрнста Шнеллера, Фрица Зельбмана и других Эрнст Тельман нашел опытных, инициативных, преданных делу революции соратников. Он целеустремленно взялся за решение новой задачи и вместе со своими товарищами и при поддержке партии в течение короткого времени решил ее. Его главной заботой было обеспечить правильное политическое направление деятельности союза. В качестве главной задачи организации он выдвинул борьбу против вновь набравшего силу германского империализма и милитаризма, воспитание трудящихся в духе пролетарского интернационализма и прежде всего солидарности с Советским Союзом, превращение Союза красных фронтовиков в массовую организацию пролетариата, в связующее звено между КПГ и рабочим классом.

Неясные представления о том, какими должны быть отношения между Союзом красных фронтовиков и КПГ, разногласия между окружками партии и окружными правлениями союза были преодолены. Эрнст Тельман руководствовался ленинским положением о том, что партия сможет выполнять свою роль авангарда пролетариата лишь при условии, если она при помощи массовых организаций установит тесную связь с трудящимися. В этом духе он и определял характер отношений между партией и Союзом красных фронтовиков. «Союз красных фронтовиков как по своему составу, так и по руководству является чисто пролетарской организацией, а по своим целям и стремлениям — революционной организацией классовой борьбы. Однако союз не является коммунистической организацией: он объединяет наряду с рабочими-коммунистами сравнительно большой процент и беспартийных рабочих и рабочих, состоящих в других политических организациях. Но по своим устремлениям он является частью общего коммунистического движения. Перед ним стоят задачи, которые партия как таковая не может выполнить, но выполнению которых она должна всячески способствовать»².

Важнейшей задачей Союза красных фронтовиков Тельман считал политико-разъяснительную работу среди индифферентных рабочих и особенно среди тех, кто еще находился под прямым влиянием классового противника. Он поставил перед союзом задачу «разъяснять многочисленным пролетарским элементам в правых

¹ IML, ZPA, 81/1/1135.

² Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 115.

союзах, что буржуазия намерена использовать их в роли пушечного мяса в ее новых войнах... попытаться вернуть эти элементы в ряды пролетарского классового фронта»¹. Систематическая работа правления союза под руководством Тельмана, четкое определение его политических задач привели к быстрому росту Союза красных фронтовиков.

К этому времени Эрст Тельман уже стал Председателем КПГ. Правда, этот пост тогда еще не имел такого значения, которое он приобрел позднее. Политическое и организационное руководство КПГ пахотилось в руках председателей Политбюро и Оргбюро, т. е. Рут Фишер и Верпера Шолема. Должность Председателя партии имела главным образом представительный характер. Но она придавала слову Тельмана больший вес, облегчая ему оказание на политику партии все большего влияния. Это, конечно, шло вразрез с представлениями Рут Фишер и ее друзей, которые хотели использовать лишь доброе имя видного рабочего, пролетарского классового борца и пользовавшегося большим уважением в рядах международного рабочего движения ленинца Эрнста Тельмана для маскировки своей приукрашенной революционными фразами мелкобуржуазной политики. Развитие событий скоро показало несостоятельность таких расчетов. Более того, Эрст Тельман внес в Центральной комиссии КПГ решающий вклад в дело преодоления ультралевого сектантства, постепенно став в ходе этой борьбы признанным политическим вождем партии.

Направление всей деятельности Эрнста Тельмана определялось примером партии Ленина, уроками первой победоносной пролетарской революции. Он по собственному опыту хорошо знал, что опытная, целеустремленная, тесно связанная с массами и владеющая всеми формами борьбы боевая марксистско-ленинская партия является залогом успеха пролетариата в классовой борьбе. Он хорошо понимал, что теоретические труды и практическая деятельность Ленина стали образцом для всех коммунистов мира.

В день первой годовщины кончины В. И. Ленина Эрст Тельман выступил с речью в берлинском Дворце спорта, где собралось 20 тыс. коммунистов. Он говорил о значении ленинизма для революционного немецкого рабочего движения. «Дело Ленина — это революция. Ленинизм — это мировая революция. Сегодня рабочие не только капиталистических, но и колониальных стран, крестьянские массы все лучше понимают, что ленинизм — это живое дело, порожденное марксизмом»². К победе может привести, подчеркнул Тельман, лишь борьба в духе Ленина. На заседании Центральной комиссии, состоявшемся 10 и 11 января 1925 г., он призвал коммунистов изучать труды Ленина и осваивать теорию и практику ленинизма. Он сообщил о решении руководства КПГ создавать кружки для изучения ленинизма, чтобы помочь партийным функционерам овладеть теоретическими знаниями, необходимыми для

¹ Тельман Эрст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 117.

² Die Rote Fahne, 22. I 1925.

их практической деятельности. Выступая 1 марта на партийной конференции рабочих, он возражал товарищам, которые считали, что партия должна быть «небольшой, по чистой». «Давайте-ка приглядимся к русским большевикам, — заявил он. — Несмотря на все происки полиции при царизме, они не стали замкнутой сектой, а в тяжелейших условиях вели агитацию за свою партию»¹.

Эрнст Тельман не только призывал членов и функционеров партии усваивать марксизм-ленинизм; он и сам использовал каждую свободную минуту, чтобы расширить свои знания, глубже понять суть большевистской партии — партии нового типа, чтобы советоваться с Лениным. Гамбургский коммунист Альберт Фридрихс еще за годы до того времени заставлял его за чтением ленинской работы «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Тельман сделал многочисленные выписки из этого труда Ленина, дополнив их собственными размышлениями о прочитанном. Дочь Тельмана пишет о том, что он проводил целые вечера за изучением трудов Маркса, Энгельса и Ленина. «К отцу часто приходили товарищи, — вспоминает Ирма. — С ними он обсуждал прочитанное. Однажды я слышала, как он в беседе с молодым еще тогда товарищем Ионом Шеером процитировал по памяти несколько фраз из ленинской работы и дал ему совет: «Слушай внимательно! Это написано для нас! Мы в партии должны еще многому научиться. А примером для нас является Коммунистическая партия Советского Союза. Наши ошибки в значительной мере обусловлены тем, что наши товарищи недостаточно изучают и применяют марксизм-ленинизм»².

28 февраля 1925 г., за четыре месяца до истечения срока своих полномочий, умер президент Эберт. Четверть года спустя после выборов в рейхстаг, состоявшихся в декабре 1924 г., избиратели были вновь приглашены к избирательным урнам. Согласно конституции новый президент должен был быть избран непосредственно немецким народом путем прямых выборов. Не существовало никаких сомнений, что реакция всячески станет добиваться того, чтобы новым главой государства был избран из ее среды, а не из числа социал-демократов, как это имело место в случае с избранным Национальным собранием Фридрихом Эбертом. Большинство в правлении СДПГ, со своей стороны, намеревалось уже во время первого тура выборов, в ходе которого ни один из кандидатов не имел шансов на получение необходимого абсолютного большинства голосов, отказаться от выдвижения своего кандидата. Оно выступило за выдвижение одного из буржуазных политических деятелей в качестве «единого республиканского кандидата».

3 марта 1925 г. Центральная комиссия КППГ обсудила тактику партии на выборах, выдвинув своим кандидатом Эрнста Тельмана. Это, судя по всему, побудило руководство СДПГ изменить свои намерения. Оно выдвинуло своим кандидатом в президенты Отто Брауна. Браун являлся членом правления СДПГ, после канпоовско-

¹ HVZ, 4. III 1925.

² Thälmann Irma. Erinnerungen an meinen Vater, S. 19.

го путча с небольшим перерывом был до января 1925 г. премьер-министром Пруссии и вместе с другими нес ответственность за угнетение рабочего класса и упрочение власти империалистических сил. Кандидатом от Германской народной партии, Германской национально-народной партии и так называемых союзов защитников отечества был выдвинут Карл Яррес, занимавший пост министра внутренних дел в правительствах Штресемана и Маркса и скандально известный своими преследованиями коммунистов. От партии Центра баллотировался бывший канцлер Вильгельм Маркс. Германская демократическая партия, Баварская народная партия и НСДПГ в союзе с националистическими группировками также выдвинули свои кандидатуры.

Среди них только кандидат от КПГ имел основания заявить о том, что он последовательно и самоотверженно боролся за жизненные интересы трудящихся. Тельман вел борьбу не за пост президента, что ввиду тогдашнего соотношения политических сил было бы нереальным. Смысл и цель выдвижения его кандидатуры состояли в объединении и мобилизации рабочих, всех эксплуатируемых и угнетенных на борьбу за их классовые интересы, против возраставшей монархической опасности. В этом духе он нацеливал Центральную комиссию и Политбюро на использование выборов для развертывания работы среди масс, для укрепления партии и разоблачения антинациональной, направленной на осуществление плана Дауэса политики монополистической буржуазии. Главное состоит в том, подчеркивал он, чтобы тесно увязать предвыборную борьбу с решением насущных задач, с борьбой против реакционной политики правительства Лютера¹, за амнистию политзаключенных, за повышение заработной платы, за восьмичасовой рабочий день, с выборами в производственные советы и т. д.

13 марта 1925 г. Эрнст Тельман отправился из Берлина в свою первую крупную поездку по Германии в качестве кандидата в президенты. Открытие избирательной кампании КПГ было предусмотрено в Галле, одном из оплотов партии. Более 8 тыс. рабочих, собравшихся в зале Народного парка, традиционном месте собраний пролетариата Галле, ожидали кандидата в президенты от коммунистов. Когда Тельман и представители братских английской и французской компартий в сопровождении барабанщиков и трубачей вошли в зал, они были встречены бурей оваций. Но Эрнсту Тельману не пришлось выступить со своей первой речью кандидата в президенты. В зал ворвался многочисленный наряд полиции под командой лейтенанта Пинккера. Когда после приветственных речей зарубежных гостей слово взял Тельман, Пинккер взобрался

¹ Созданное в январе 1925 г. из представителей Германской национально-народной партии, Германской народной партии, Баварской народной партии и партии Центра правительство во главе с имперским канцлером Гансом Лютером было первым правительством партий буржуазного блока, самым реакционным правительством после 1918 г. Оно действовало до декабря 1925 г.

на сцену и потребовал, чтобы собравшиеся очистили зал. Все выходы, кроме одного, были перекрыты полицией. Хотя Эрнст Тельман уже прекратил свое выступление и рабочие дисциплинированно направились к выходам, Пидкер неожиданно отдал приказ открыть огонь. Озверевшие полицейские дали залп по сгрудившейся толпе. Жертвами зверского нападения полиции были 10 убитых, и среди них юный трубач Фриц Вайнек, 25 тяжело и более сотни легко раненых.

Эрнст Тельман попытался выступить с речью на другом, проводившемся одновременно предвыборном собрании, но и там появился Пидкер, заставивший прекратить собрание. Как сообщала газета «Ди роте фаше», проявившему хладнокровие и выдержку Тельману удалось предотвратить здесь новое кровопролитие. Вместе с Вильгельмом Кёпеном, Максом Ладеманном и другими депутатами-коммунистами избирательного округа Галле-Мерзебург он в последовавшие за этими событиями дни вскрыл преступление Пидкера и его вдохновителей. Эрнст Тельман доказал, что это была заранее предусмотренная провокация, организацией которой реакция намеревалась с самого начала оказать противодействие развернутой КПП предвыборной кампании. Тем самым он сорвал попытки буржуазной прессы возложить ответственность за это политическое убийство на коммунистов.

Провокация в Галле не помешала дальнейшей предвыборной поездке Эрнста Тельмана. Уже 14 марта он произнес речь на митинге в Бреслау. До 26 марта он выступил на митингах в Хемнице, Лимбахе, Магдебурге, Лейпциге, Мюнхене, Франкфурте-на-Майне, Ханау, Оффенбахе, Золингене, Ремшейде, Эльберфельде, Бармене, Дюссельдорфе, Мюнхене-Гладбахе, Мюльгейме, Кёльне, Эссене, Дортмунде, Ганновере, Зарштедте и Хильдесгейме.

Эта поездка с выступлениями на предвыборных собраниях дала замечательный политический эффект, но потребовала и огромного напряжения физических сил. Нередко в течение одного дня проводилось несколько митингов. Говорить свободно и без микрофона перед многочисленной аудиторией — тогда это было обычным делом — тут требовалась вся сила голоса. Повсюду, где он выступал, Эрнст Тельман использовал возможность побеседовать перед митингом или после его окончания с работниками местной партийной организации и обсудить стоявшие перед ними проблемы. Он поручил отвечавшему за вопросы технического и организационного обеспечения в Центральной комиссии Лео Флигу составить точное расписание ночных поездов, чтобы использовать для переездов ночное время, а дневное целиком посвятить предвыборным выступлениям и политическим беседам. Находясь в поездке, он направлял в Политбюро письма и курьеров с предложениями, направленными на постоянное усиление вплоть до 29 марта развернутой партией предвыборной кампании. Он критиковал партийную печать и некоторых функционеров за недостаточное ведение предвыборной пропагандистской работы. Ультралевые лидеры, вне

всякого сомнения, со страхом следил за тем, как росли авторитет Тельмана и уважение, которым он пользовался в массах.

В своих предвыборных речах и статьях Тельман открыто, с партийных позиций высказывался по всем интересовавшим рабочих проблемам. Он раскрывал политические цели других кандидатов, доказывая, что все они, несмотря на конкурентную борьбу и их направленные друг против друга громогласные речи, стремились к одной цели — обеспечить «существование нынешней системы эксплуатации и лишение прав огромной массы трудящегося народа в интересах небольшой клики банковских и промышленных магнатов и крупных землевладельцев». Он предостерегал от парламентских иллюзий, от заблуждений, будто для борьбы с реакцией достаточно избирательного бюллетеня или что избрание Брауна, этого второго Эберта, главой государства может что-то изменить в классовом характере реакционного государства. Тельман призывал пролетарских избирателей бороться вместе с коммунистами за рабочую республику, в которой решающей будет воля рабочих. Обращаясь с призывом к трудящимся крестьянам, он подчеркивал, что он является кандидатом не только рабочих, а всех трудящихся. Он призывал их к совместной с рабочими борьбе против помещиков и капиталистов. И он сформулировал соответствующий лозунг: «Земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает! Шахты и фабрики принадлежат тем, кто там трудится!» Эрнст Тельман обращался также к служащим, чиновникам, ко всем, кто зарабатывал хлеб своими руками или головой. Он разъяснял им, что никто, кроме коммунистов, на деле не отстаивает их интересы.

Повсюду, где выступал Эрнст Тельман, он большим личным обаянием, своей четкой политической позицией завоевывал слушателей на свою сторону. Они чувствовали, что к ним обращается рабочий, в словах которого отражен суровый жизненный опыт, который смотрит на жизнь так же, как и они, который выдвигает не какие-то абстрактные политические тезисы, а отстаивает их интересы.

29 марта 1925 г. за Эрнста Тельмана проголосовали 1 871 815 избирателей, 7,8 млн. голосов были поданы за Отто Брауна, 3,8 млн. — за Вильгельма Маркса и 10,4 млн. — за Карла Ярреса. 2,8 млн. избирателей голосовали за трех остальных кандидатов. Таким образом, ни один из кандидатов не получил абсолютного большинства голосов. Потребовался второй тур выборов, в котором для победы было достаточно простого большинства.

КПГ пришлось заново определить свою тактику, что оказалось чрезвычайно сложным делом. Нельзя было исключать того, что правые партии предпочтут более популярного кандидата, чем Карл Яррес. Поведение лидеров СДПГ свидетельствовало об их стремлении обеспечить в прусском ландтаге при поддержке партии Центра повторное назначение Отто Брауна на пост премьер-министра Пруссии; поэтому они были готовы отказаться от выдвижения своей кандидатуры на пост президента и призвать своих из-

бирателей голосовать во втором туре за Вильгельма Маркса. Это могло лишь пойти на пользу сгруппировавшимся вокруг Германской народной партии и Германской национально-народной партии реакционным силам, стимулировав их усилия договориться о выдвижении общего кандидата и при помощи разнузданной националистической и монархической пропаганды обеспечить ему победу. КПП не могла оставаться равнодушной к судьбе республики, партия была полна решимости всеми силами защищать ее от угрозы монархизма. Кроме того, приходилось учитывать, что лидеры СДПГ, не колеблясь, возложат на КПП вину за поражение кандидата веймарской коалиции вследствие их собственной уступчивости в отношении партии Центра. Поэтому в руководстве КПП было выдвинуто на обсуждение предложение заявить о готовности отказаться от выдвижения собственной кандидатуры и поддержать кандидата от СДПГ или профсоюзов, если он заявит о готовности бороться за основные демократические требования.

Президиум ИККИ одобрил это предложение, подчеркнув на состоявшемся 2 апреля совещании с представителями КПП, участвовавшими в работе V расширенного пленума ИККИ, что такая тактика является не только правильной, но и совершенно необходимой. Заявления Тельмана, сделанные им после пленума, убедительно свидетельствуют о том, что он целиком разделял упомянутую точку зрения и был готов в интересах борьбы против угрозы монархизма отказаться от выдвижения своей кандидатуры.

Когда делегация КПП вернулась из Москвы в Берлин и информировала 9 апреля Центральную комиссию о совещании 2 апреля, руководство СДПГ уже решило поддержать реакционного центриста Вильгельма Маркса, голосовать за которого КПП не могла ни при каких условиях и кандидатуру которого отвергали даже сами социал-демократы. Таким образом, путь к выдвижению общего кандидата от КПП, СДПГ и буржуазно-демократических сил был блокирован. Кандидатом от реакционных партий был выдвинут генерал-фельдмаршал Пауль фон Гинденбург.

Ввиду занятой СДПГ позиции для КПП оставалась лишь возможность сохранения кандидатуры Эрнста Тельмана или отказа от участия в избирательной кампании и выборах, что было бы равнозначно отказу от возможности еще раз разъяснить массам политику КПП. Эрнст Тельман предпринял еще одну поездку по стране с предвыборными выступлениями.

В течение нескольких недель сотни тысяч рабочих всех частей Германии впервые повстречались с Тельманом. Они увидели подлинного народного трибуна и убедились, что он говорил их языком, отвечая на все волновавшие их вопросы. В течение этих недель в массах окончательно утвердилось убеждение в том, что Эрнст Тельман является самым популярным и авторитетным деятелем руководства КПП.

На выборах 26 апреля 1925 г. за Тельмана отдали свои голоса 1 931 131 избиратель. Это было на 60 тыс. голосов больше, чем в

первом туре. Президентом стал Гинденбург, получивший 14,6 млн. голосов. За Вильгельма Маркса голосовало 13,7 млн. избирателей.

Уже после первого тура выборов Тельман подверг критическому анализу результаты избирательной кампании и сделал из этого должные выводы. Он расценил как тревожный тот факт, что партия оказалась не в состоянии снова мобилизовать на поддержку своего кандидата около 800 тыс. избирателей, голосовавших за КППГ на выборах в рейхстаг 7 декабря 1924 г. Ультралевые возлагали вину за это на «пассивные», как они говорили, народные массы. Тельман же, напротив, стремился установить, какие упущения имели место со стороны партии, и прежде всего ее руководства. Он и другие партийные руководители пришли к выводу, что речь шла не об улучшении отдельных сторон партийной работы, а о необходимости коренного пересмотра курса партии.

Важнейший вывод из итогов выборов Тельман сформулировал словами испытанного ленинского лозунга: «Глубже в массы!». Он показал, что связи партии с массами поставлены под угрозу, главной причиной чего явилась жесткая политика ультралевых и недостаточное внимание партии к работе на предприятиях и в профсоюзах. Эрнст Тельман выдвинул требование разработать гибкую большевистскую тактику и развернуть активную борьбу за удовлетворение частичных требований, не упуская из виду конечную цель — социализм. Он писал в «Ди роте фане»: «Глубже в массы! А это означает: мы должны терпеливо и настойчиво просвещать массы, в борьбе за их насущные требования мы должны быть глашатаем всех их нужд, идти в авангарде; мы должны показать им выход из нынешнего положения, увязывая его с окончательным выходом... Для этого в профсоюзах и на заводах мы должны быть самыми неутомимыми, самыми энергичными товарищами, готовыми на любые жертвы, мы должны уметь организовать свою работу по единому плану, взяв за основу производственную ячейку и профсоюзную фракцию»¹. Тем самым Эрнст Тельман доказал свое понимание того, что требовалось для восстановления тесных связей партии с массами.

9

Эрнст Тельман во главе партии

После длившейся полтора месяца напряженной предвыборной борьбы Эрнст Тельман получил возможность отдохнуть несколько дней в кругу своей семьи. С конца 1923 г. такая возможность становилась все более редкой.

Тесная связь Тельмана с Гамбургом побудила его не вызывать на это время жену и дочь в Берлин. Ирма вспоминает его ответы на ее вопрос: «Почему мы не едем в Берлин, где ты теперь рабо-

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 104.

таешь?» — «В Гамбурге трудятся рабочие-портовики. Они наши дорогие друзья, и мы не хотим жить без этих друзей. Я с радостью думаю о вас во время своей работы; но я также думаю и о Гамбурге и о порте и обо всех своих товарищах, которых люблю и которые так мужественно борются вместе со мной. Поэтому мы остаемся в Гамбурге»¹.

Праздник 1 Мая 1925 г. Эрнст Тельман отметил вместе с гамбургскими рабочими. Утром он был в числе ораторов, выступивших с речами перед 60 тыс. участников демонстрации на площади Хайлигенгайстфельд. Вторую половину дня и вечер он вместе с женой Розой провел в Луна-парке в Альтоне, куда их пригласила парторганизация КПГ Большого Гамбурга. После выступления Эрнста Тельмана там состоялся большой праздничный концерт с участием коммунистического певческого объединения, артистов театра «Пролетарише бюне», чтецов-декламаторов и рабочей спортивной секции гимнастов.

Два дня спустя Эрнст Тельман вновь с головой погрузился в работу, связанную с борьбой за выработку политической линии партии. С 21 марта по 6 апреля 1925 г., т. е. в то время, когда Тельман участвовал в качестве кандидата в президенты в проходившей в Германии предвыборной кампании, в Москве состоялся расширенный пленум Исполкома Коминтерна. На нем получили дальнейшего развития решения V Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала о большевизации, которые были конкретизированы тезисами о большевизации партий Коминтерна. Таким образом, V пленум ИККИ дал коммунистическим партиям широкую и детально разработанную программу их превращения в идейно закаленные, крепкие в организационном отношении, тесно связанные с массами боевые партии. Тезисы указывали и КПГ путь к закреплению на позициях марксизма-ленинизма. Они помогли Эрнсту Тельману и его соратникам критически оценить обстановку в КПГ, дать действенный отпор ультралевым сектантам и шаг за шагом разработать стратегию и тактику, соответствовавшие сложившимся в Германии условиям.

Это проявилось уже в ходе состоявшегося 3 мая совещания, в котором приняли участие члены Центральной комиссии и руководящие партийные работники из округов, всего 42 товарища, и целью которого была подготовка пленума Центральной комиссии. Иван Кац, Артур Розенберг и Вернер Шолем, опираясь на поддержку небольшой группы функционеров из округов, выступили на этом совещании с крайне левацкими взглядами. Они отрицали факт относительной стабилизации капитализма и нарастания угрозы милитаризма. «Немецкой буржуазии не удалось стабилизировать экономику Германии»², — утверждал Артур Розенберг. Он обвинил партийное руководство в проведении коалиционной политики, поскольку оно 27 апреля, впервые после 1923 г., обратилось

¹ *Thälmann Irma. Erinnerungen an meinen Vater, S. 18.*

² IML, ZPA, I 2/2/16.

к руководству СДПГ и профсоюзов с открытым письмом, в котором предложило им совместно выступить за осуществление самых неотложных демократических и социальных требований.

Вместе с другими партийными руководителями Эрнст Тельман дал отпор этим нападкам. Он подчеркнул, что теперь, более чем когда-либо, необходимо учиться у Ленина тому, как партия должна, не поступаясь большевистскими принципами, учитывать в своей тактике изменяющуюся обстановку. Он говорил о необходимости принимать во внимание уровень сознательности масс, использовать любую возможность, чтобы привлечь на свою сторону миллионы рабочих, находившихся под влиянием лидеров СДПГ. «Следует ли добиваться этого через единый фронт сверху или снизу — имеет второстепенное значение»¹, — заявил Тельман. Он четко и определенно сформулировал коренной вопрос политики партии — помочь миллионам рабочих освободиться от влияния оппортунизма. Они должны убедиться в том, что коммунисты — вопреки клеветническим утверждениям правых лидеров социал-демократии — являются братьями по классу рабочих-социал-демократов, единственно последовательными защитниками интересов рабочих.

9 и 10 мая Центральная комиссия обсудила стоявшие перед КПГ задачи. На ее рассмотрение был внесен проект резолюции с правильным в целом анализом обстановки в Германии. В проекте была предпринята попытка выработать реалистическую и гибкую, направляющую на завоевание масс тактику.

Но накануне заседания Центральной комиссии вновь произошло открытое столкновение с тремя поборниками крайне левацких взглядов, которые заявили, что намерены противопоставить проекту резолюции Центральной комиссии свой проект. Эрнст Тельман и другие члены Центральной комиссии резко осудили эту фракционную вылазку. Тельман был единственным, кто предложил поправки к проекту резолюции Центральной комиссии. Политбюро включило их в проект резолюции. Из выступления Тельмана на заседании Центральной комиссии следует, что эти поправки содержали более точный анализ относительной стабилизации капитализма, сильнее подчеркивали роль КПГ как революционной партии рабочего класса и точнее определяли ее задачи в профсоюзах и на промышленных предприятиях.

На этом заседании Центральной комиссии Тельману и его соратникам удалось добиться признания того факта, что с конца 1923 — начала 1924 г. началось временное ослабление открытой классовой борьбы, монополистический капитал вступил в фазу роста конъюнктуры, сумев, главным образом путем крайнего ужесточения эксплуатации, укрепить не только свои политические, но и экономические позиции. Партия была нацелена на усиление борьбы за удовлетворение частичных требований, на осуществление политики единого фронта в новых условиях, на защиту буржуазной

¹ IML, ZPA, I 2/2/16.

~~демократии от посягательств крайне реакционных, выступавших под флагом монархизма империалистических кругов.~~

Кац, Розенберг, Шолем и их друзья потерпели тяжелое поражение. Их нападкам на политический курс партии был дан должный отпор. Против них также выступили Рут Фишер и ее сторонники. Это замедлило процесс прояснения позиций в партии: подлинные расхождения между группировавшимися вокруг Тельмана ленинскими силами и ультралевыми во главе с Рут Фишер оставались в значительной мере внешне незаметными. Эрнст Тельман уже в течение длительного времени вел в Центральной комиссии упорную борьбу с Рут Фишер, отвергая ее жесткие методы расправы с несогласными с левосектантской политикой рабочими путем исключения их из партии. Об этом так писал Филипп Дауб, который в 1925 г. входил в состав руководства профсоюза немецких металлистов в Саарской области, где под влиянием ультралевых исключались из партии горняки. В связи с этим на одном из совещаний к нему обратился Эрнст Тельман: «Тебе надо бы хорошенько подумать, чего вы добились, исключив этих людей из партии. Скажу тебе, и передай всем причастным к этому товарищам, что необходимо терпеливо вести борьбу за каждого рабочего. Нельзя так задевать за живое людей. Хотя я их и не знаю, по уверен, что это не приверженцы правых, что они еще вернутся на партийные позиции. Как видишь, вы допустили большую ошибку... она вызвана революционным нетерпением; но мы поможем вам поправить дело»¹.

В те месяцы Эрнст Тельман уделял много внимания и деятельности Союза красных фронтовиков, который на проведенной в 1925 г. Всегерманской встрече впервые продемонстрировал свою силу. На первую встречу Союза красных фронтовиков 21—22 мая 1925 г. в Берлине собралось более 30 тыс. прибывших из всех частей Германии красных фронтовиков и членов Красного юнгштурма — молодежного отряда Союза красных фронтовиков. Немало из них в течение нескольких дней шли в Берлин походным маршем. 21 мая красные фронтовики вместе с революционными рабочими Берлина провели демонстрацию против угрозы монархизма. Это выступление, состоявшееся на следующий день после въезда Гинденбурга в президентский дворец, стало убедительным свидетельством того, что революционное движение не отступило. Соблюдая строгий порядок, колонны красных фронтовиков выстроились на площади Лютсгартен. Оттуда они выступили в направлении рабочего района Лихтенберг. На всем двухчасовом пути колонны их восторженно приветствовали выстроившиеся шпалерами берлинцы. Марш закончился впечатляющим митингом на стадионе Лихтенберга, где к красным фронтовикам присоединились 50 тыс. рабочих. 14-му отряду берлинских красных фронтовиков было торжественно вручено красное знамя — подарок московских рабочих, доставленный в Берлин двумя советскими летчиками.

¹ IML, ZPA, EA 1089.

22 и 23 мая состоялась II Всегерманская конференция Союза красных фронтовиков. Ее участники направили приветственные телеграммы рабочим Москвы, Коммунистическому Интернационалу и Красной Армии. Они торжественно заявили о тесной связи союза с СССР и с первой победоносной армией мирового пролетариата¹.

С тех пор ежегодные всегерманские встречи красных фронтовиков в Берлине стали крупными событиями в развитии союза. Сотни тысяч рабочих в Берлине, Билефельде, Бранденбурге, Эрфурте, Гамбурге, Галле, Лейпциге, Магдебурге и других городах видели председателя Союза красных фронтовиков Эрнста Тельмана на всегерманских и областных встречах красных фронтовиков, он присутствовал на церемониях вручения знамен и на «красных праздниках» союза. В знакомой всем гимнастерке красного фронтовика, подняв сжатый кулак в традиционном приветствии «Рот фронт», он шагал во главе колонн членов союза. В поступи маршировавших колонн чувствовалась решимость и готовность к борьбе. Эти торжественные марши и встречи Союза красных фронтовиков производили глубокое впечатление на их участников и на зрителей, укрепляли боевой дух рабочего класса.

Со времени избрания Эрнста Тельмана в феврале 1925 г. председателем Союза красных фронтовиков усилился приток в него членов, особенно беспартийных рабочих. К 1 апреля в состав союза входило уже 558 местных групп, насчитывавших 40 450 членов, из них 18 850 — беспартийных. К 1 июня число местных групп увеличилось до 826, а их членов — до 51 630, из них 27 346 — беспартийные. А к 1 сентября в союзе насчитывалось уже 1217 местных групп и 70 150 членов, среди которых было 45 418 беспартийных. Все более эффективными становились выступления Союза красных фронтовиков при проведении многих важных мероприятий и в ходе боевых акций рабочего класса.

Под руководством Тельмана Союз красных фронтовиков быстро стал сильной и влиятельной антиимпериалистической и антимилитаристской боевой политической организацией рабочего класса, важным помощником КПГ. Возглавляя Союз красных фронтовиков, Эрст Тельман проявил большую политическую споровку, хорошее знание людей и чуткое отношение к ним, а также выдающиеся организаторские способности. В тесном сотрудничестве со своими боевыми товарищами он в течение нескольких месяцев напряженной работы сумел придать союзу четкий политический облик, превратить его в авторитетную революционную массовую организацию, привлечь к работе штаб политических работников, действовавших под его общим руководством самостоятельно и с большой инициативой.

Председатель союза был для красных фронтовиков примером политической ясности, классовой воинственной непримиримости, пролетарской дисциплины и готовности к самопожертвованию.

¹ Vgl.: Die Rote Fahne, 23. V 1925.

Став председателем Союза красных фронтовиков, Эрнст Тельман вскоре завоевал среди его членов высокий авторитет и уважение. Рут Фишер, Аркадий Маслов и их друзья рассчитывали на то, что сложные проблемы союза займут у Тельмана все его время, лишив его возможности активно заниматься работой в партии. Но на деле все вышло наоборот. Те значительные успехи, которых добился Эрнст Тельман в Союзе красных фронтовиков, укрепили его авторитет также в рядах КПП.

В течение этих месяцев Эрнсту Тельману пришлось решать в партии множество самых различных задач. В своем письме от 24 июня 1925 г. он перечисляет области работы, за которые отвечал. Он являлся Председателем партии, членом Политбюро, осуществлял связь между Политбюро и Оргбюро, был представителем Центральной комиссии в окружной партийной организации Вассерканте, председателем фракции КПП в рейхстаге, отвечал за всю антивоенную работу, а также за обеспечение безопасности партии. Он был председателем Союза красных фронтовиков, вел большую пропагандистскую и агитационную работу, которую считал важной задачей каждого партийного работника.

С конца мая 1925 г. Тельман с головой ушел в подготовку X съезда партии. Главной задачей съезда он считал разработку программы действий, которая нацеливала бы партию в условиях временной стабилизации капитализма на эффективную борьбу против империализма, на последовательную защиту жизненных интересов трудящихся. КПП, подчеркивал он, необходимы надлежащие «рычаги для мобилизации широчайших масс и для начала установления классового союза между пролетариатом и мелкобуржуазными слоями»¹. Партийный съезд, отмечал он, должен еще крепче сплотить КПП и ликвидировать правооппортунистические и ультралевые уклоны.

К этой цели вместе с Эрнстом Тельманом стремились Филипп Денгель, Гуго Эберлейн, Вильгельм Флорин, Оттомар Гешке, Фриц Геккерт, Вильгельм Пик, Герман Реммеле и другие. И теперь все более явно проявлялись принципиальные расхождения между ними и ультралевыми. Последние стремились лишь к тому, чтобы добиться от съезда одобрения их левосектантской политики. Они мешали КПП создать атмосферу критического обсуждения слабостей и ошибок в партийной работе и повсюду избрать на съезд лучших, стремящихся идти вперед представителей. Маслов в своей книге «Общие основы русской революции» открыто и агрессивно выступил против Ленина и ленинизма. В органе для партийных работников окружка Берлин-Бранденбург «Фупке» он опубликовал большую статью о партийных съездах КПП, в которой обрушился с нападка на первые восемь партийных съездов. Он, Рут Фишер и их сторонники систематически и изощренно выдвигали различные оговорки и разжигали недоверие к политике

¹ Die Internationale, 1925, Sonderheft, S. 4.

Коминтерна, к его направленному на укрепление единства и сплоченности международного коммунистического движения курсу. Вернер Шолем в журнале «Ди Интернационале» выступил с необоснованной критикой принятого VII съездом КПП Устава партии. Как руководитель Оргбюро он был бы должен позаботиться о том, чтобы опыт организационной работы партии после 1921 г. нашел свое отражение в новом Уставе. Но за подготовку нового Устава взялся не он, а Оттомар Гешке и другие товарищи.

Ультралевые намеревались ограничить выступление Эрнста Тельмана на съезде приветственной протокольной речью по случаю открытия съезда. Они скрыли от него требование ИККИ уделить на съезде особое внимание вопросам профсоюзной политики. Однако Эрнст Тельман сам добился включения вопроса о политике в отношении профсоюзов в повестку дня съезда в качестве одного из главных ее пунктов и поручения себе выступить с докладом по этому вопросу. К указанному докладу он готовился особенно тщательно. Он хотел убедительно доказать, что завоевание масс путем проведения правильной профсоюзной политики является одним из центральных вопросов политики партии.

В ходе подготовки к съезду Эрнст Тельман выступал за расширение руководства партии путем включения в него новых пролетарских сил, поддерживал предложение направить в ИККИ просьбу, чтобы тот обратился к германской компартии с подробным письмом, «в котором были бы подведены итоги и сделаны выводы из борьбы КПП в истекшем году, а также обращено внимание на ошибки, допущенные в борьбе за завоевание масс»¹.

12 июля Эрнст Тельман в зале заседаний прусского ландтага открыл X съезд КПП, обратившись с приветствием к 170 делегатам съезда и многочисленным зарубежным гостям. Кульминацией съезда стал пятый день его работы, когда с докладом «Борьба за единство профсоюзов и германский рабочий класс» выступил Эрнст Тельман. Главная мысль доклада состояла в том, что работа в профсоюзах является решающим звеном в деле дальнейшего марксистско-ленинского укрепления КПП по примеру Российской Коммунистической партии (большевиков). Тельман охарактеризовал работу в профсоюзах как «важнейший политический вопрос, одну из задач всей партийной работы». Он подчеркнул: «Чем длительней процесс организации революции, чем труднее складываются условия борьбы, тем более необходимо воспитывать в массах веру в собственные силы и пробуждать веру в победу диктатуры пролетариата. Для этого прежде всего необходимо вести борьбу за осуществление ближайших экономических задач и путем этой борьбы подвести членов профсоюзов к борьбе политической, завоевать их на сторону революции»².

Тельман дал глубокий анализ положения в международном профсоюзном движении. Проблемы работы в профсоюзах Германии

¹ IML, ZPA, I 6/3/151.

² Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 126.

он увязал с классовой борьбой международного пролетариата с монополистической буржуазией, с борьбой между социализмом и капитализмом, между марксизмом-ленинизмом и оппортунизмом.

Тельман показал, как правые лидеры СДПГ при помощи почти 5 тыс. штатных профсоюзных функционеров, которые в свою очередь опираются на профсоюзный аппарат и на 600 тыс. рабочих-социал-демократов, являющихся членами профсоюзов, «господствуют над огромной массой беспартийных нейтральных рабочих, составляющих 85% АДГБ». Более 4 млн. беспартийных членов АДГБ он охарактеризовал как ядро германского промышленного пролетариата, без которого революция не сможет одержать победу. Удерживая эту организованную основную массу рабочих от борьбы против капиталистического строя, реформистские лидеры парализовали силу рабочего класса. Поэтому Эрнст Тельман призвал всех членов партии «...в упорной повседневной борьбе завоевывать каждый пролетарский мозг, чтобы через все бои и сражения прийти к главному сражению — за победу диктатуры пролетариата»¹.

В своем докладе Тельман вскрыл ошибки и упущения в работе КППГ в профсоюзах. Он предостерегающе говорил о том, что КППГ все еще изолирована от большинства тех миллионов рабочих, которые входят в профсоюзы. Эта изоляция партии от масс является одной из лучших гарантий сохранения власти буржуазии и всей капиталистической стабилизации. Она также облегчает правым социал-демократическим и профсоюзным лидерам проведение их оппортунистической политики поддержки системы монополистического капитала и империалистического государства. Из этого Тельман делал вывод, что профсоюзный вопрос становится узловым вопросом всех политических проблем и что в конечном итоге КППГ своей политикой в отношении профсоюзов определяет свое отношение к рабочему классу. Тельман со всей силой подчеркнул, что «...профсоюзный вопрос не является ведомственным вопросом... а политической проблемой в самом широком смысле этого слова»². Он потребовал, чтобы по крайней мере 75% усилий партии были направлены на профсоюзную работу и политическую работу в профсоюзах. Коммунисты должны вступать в профсоюзы не только в силу партийной дисциплины, а также и по убеждению, говорил он. Они должны там повседневно защищать интересы своих товарищей, зарекомендовать себя активными и опытными профсоюзными работниками и содействовать доведению до сознания рабочих масс политики КППГ.

Большое значение придавал Тельман борьбе за единство профсоюзов, которое следовало выковывать прежде всего на заводах в повседневной борьбе за социальные требования рабочих. Он также призвал к завершению процесса присоединения самостоятельных революционных профсоюзных организаций, возникших после 1923 г. в некоторых отраслях промышленности, к свободным проф-

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 155—156.

² Там же, с. 143.

союзам и к решительному пресечению попыток правых профсоюзовых лидеров расколоть профсоюзное движение.

В докладе и особенно в заключительном слове Тельман привлек внимание коммунистов к необходимости «проводить... гораздо более глубокую политико-организационную работу, чем это имело место до сих пор» наряду с профсоюзами также и в других крупных массовых организациях, прежде всего в спортивных организациях и потребительской кооперации, в которых организованы миллионы рабочих.

Политику в профсоюзах Эрнст Тельман считал основным вопросом развития партии и ее борьбы против империализма и оппортунизма. Изложенные в его докладе положения имели общее принципиальное значение. Он убедительно разъяснил смысл и цель работы партии в профсоюзах. Доклад Тельмана свидетельствовал о том, что он овладел учением Ленина о партии и взаимосвязях между ней, классом и массами и умел применить его к условиям в Германии. Высказанные им соображения были отражены в «Резолюции о работе коммунистов в свободных профсоюзах» и в решении «О профсоюзной принадлежности и работе членов КПП в профсоюзах».

Группировавшимся вокруг Тельмана силам удалось добиться правильной в основном оценки в решениях съезда относительной стабилизации капитализма, включения в них требования ведения борьбы за повседневные экономические интересы трудящихся и принципиальной оценки отношения партии к массам. Приняв новый Устав партии, с обоснованием которого выступил Оттомар Гешке, съезд обеспечил уставные предпосылки для дальнейшей организации партийной жизни в ленинском духе. В Уставе было впервые записано, что заводские ячейки должны быть основой партийной организации. Высшим органом партии между съездами стал Центральный Комитет. Центральная комиссия была упразднена, обсуждение важных вопросов между съездами партии должно было проводиться теперь на партийных конференциях.

Внутрипартийная политика ультралевых, отклонение ими коллективной работы и нежелание считаться с мнением членов партии, зажим ими критики привели, однако, к тому, что значительная часть делегатов съезда не заняла четких позиций по ряду основополагающих вопросов. Это дало Рут Фишер и ее сторонникам возможность продолжать свою двуличную линию, заявляя во всеуслышание о приверженности к марксистско-ленинской политике, а на деле постоянно ее саботируя. Продолжались попытки скрыть тяжелый кризис, в котором находилась КПП. X съезд партии окончательно доказал, что ультралевые не были способны и не были намерены укреплять связи КПП с массами и обеспечить ее развитие как революционной, интернационалистской боевой партии. Съезд партии также показал, что группировавшиеся вокруг Эрнста Тельмана коммунисты-ленинцы были еще недостаточно сильны, чтобы самостоятельно изолировать ультралевых. Рут Фишер и

вновь избранный, несмотря на энергичные возражения Тельмана, в состав Политбюро Вернер Шолем и после съезда сохранили свое решающее влияние в партийном руководстве.

Такая сложная ситуация правильно оценивалась в ИККИ. ИККИ стремился помочь Эрнсту Тельману и другим ленинским силам покончить с ультралевой, сектантской политикой и создать крепкое марксистско-ленинское руководство. Это являлось первой предпосылкой того, чтобы КППГ обрела способность вести работу по мобилизации рабочего класса на активную борьбу против империализма. ЦК КППГ было предложено направить в Москву представительную делегацию, чтобы вместе с Президиумом ИККИ определить путь преодоления кризиса в КППГ.

Однако Рут Фишер и ее сторонники отклонили это предложение. Острую критику, которой подверг политику КППГ руководитель делегации ИККИ на X партийном съезде Д. З. Мануильский, они истолковали как выражение личных разногласий. Вместо представительной партийной делегации, как того требовала обстановка, на совещание в ИККИ были направлены Эрнст Шнеллер, Оттомар Гешке и Отто Кюне. Это произошло, по-видимому, 21 июля. Наряду с прочим им было поручено добиться осуждения выступления Мануильского на X съезде КППГ. Ультралевые стремились избежать принципиального разговора с Президиумом ИККИ. Эрнст Тельман решительно возражал против такого образа действий. Вместе с Филиппом Денгелем и Германом Реммеле он требовал от Политбюро направления в ИККИ действительно представительной делегации. Однако они оказались в меньшинстве. На состоявшемся 22 июля заседании ЦК Тельману удалось добиться лишь того, что в состав делегации КППГ был включен представитель КППГ в ИККИ Х. Нойман, поддерживавший Тельмана и его сторонников.

На этом заседании ЦК Эрнст Тельман внес важные предложения, касавшиеся дальнейшей работы КППГ. Он подверг критике тот факт, что главным содержанием партийной работы считалось проведение митингов, различных кампаний и общая агитация. Чтобы довести до сознания масс суть коммунистической политики и завоевать их на свою сторону, недостаточно проведения массовых митингов, говорил он, для этого необходимы прочный организационный фундамент, сильные и работоспособные заводские ячейки и влияние в профсоюзах. Особенно важной является деятельность комитетов единства и их «русских комиссий», подготовивших поездку в Советский Союз первой рабочей делегации. Тельман отверг утверждения, что с ее выездом 14 июля в Москву эти комитеты выполнили-де свою задачу. Напротив, отметил он, теперь задача состоит в том, чтобы эти комитеты единства готовили поездки в Советский Союз новых рабочих делегаций и организовывали на заводах и в профсоюзных организациях выступления возвратившихся из Советского Союза делегатов с рассказами о поездке. Необходимо также попытаться, заявил Тельман, привлечь эти комитеты к борьбе за политические и социальные требования рабочих.

Говоря об отношении к СДПГ, Тельман поддержал и развитие дальше соображения, которые ультралевые сектанты уже в течение ряда лет шельмовали как правый оппортунизм. Он выдвинул предложение поддержать кандидатуры социал-демократов на предстоявших выборах бургомистров в Дортмунде и Вильгельмсхафене. КПГ, говорил он, не может быть в стороне, когда грозит опасность, что на выборах победит Германская национально-народная партия. На реплику Шолема, что это политика наименьшего зла, Тельман ответил: если кандидат от социал-демократов будет избран при нашей поддержке, а мы выступим с заявлением, в котором изложим наши отвечающие интересам рабочих требования, это улучшит предпосылки для парламентской и внепарламентской борьбы КПГ. Если коммунисты допустят избрание представителя Германской национально-народной партии, массы не поймут этого и отвернутся от КПГ.

Отстаивая такой подход, Эрнст Тельман вновь проявил себя как настоящий революционер, как непримиримый противник ультрареволюционной фразы и пустых радикальных формул. Он был убежденным передовым борцом за ленинскую политику единого фронта, за тесное боевое содружество коммунистов и рабочих — членов СДПГ. Его позиция получила поддержку большинства членов Центрального Комитета.

В руководстве КПГ развернулась решительная борьба между революционными пролетарскими силами, которые тесно сплотились вокруг Эрнста Тельмана, и группой Фишер — Маслова. Ультралевые вели эту борьбу, используя все средства фракционного интриганства. Для Эрнста Тельмана это была политическая и идеологическая борьба, без победы в которой партия не смогла бы успешно выполнять свои задачи в противоборстве с империализмом, в отстаивании насущных социальных и демократических интересов трудящихся.

Сразу же после прибытия в Москву трех представителей КПГ там состоялось заседание Президиума ИККИ. В ходе бурного, как сообщал Оттомар Гешке, совещания были подвергнуты острой критике левосектантские взгляды и дан решительный отпор наглому требованию Рут Фишер и ее сторонников дезавуировать выступление Д. З. Мануильского на X съезде КПГ. Эрнсту Шнеллеру было поручено вернуться в Берлин, проинформировать ЦК или, по крайней мере, Политбюро о результатах совещания и сообщить, что ИККИ считает необходимым направление в Москву для выяснения всех вопросов полномочной делегации КПГ.

В целях поддержки ленинских сил в КПГ ИККИ направил в Берлин своего представителя. Тот всесторонне обсудил сложившуюся обстановку с Эрнстом Тельманом, который полностью согласился с высказанным представителем ИККИ мнением, что настало время для решительного преодоления разногласий в ЦК. Коминтерн целиком и полностью полагался на Тельмана, самого влиятельного и пользовавшегося наибольшим авторитетом в пар-

тии из членов ее руководства, стоявших на ленинских позициях. Это явилось для Эрнста Тельмана ощутимой поддержкой в борьбе против происков ультралевых. Как сообщал представитель ИККИ, Тельман намеревался использовать сообщение Шнеллера о совещании в Президиуме ИККИ, чтобы, «развернув политическую критику, полностью солидаризироваться с Исполкомом и добиться размежевания, которое, судя по всему... является неизбежным»¹. Но вначале это так и не удалось, поскольку ультралевые сорвали проведение совещания руководящих органов партии. 27 июля Рут Фишер послала в Москву телеграмму с сообщением об отказе направить представительную делегацию и с уведомлением, что в Москву снова прибудет лишь Эрнст Шнеллер.

В конце июля ИККИ принял решение образовать для оздоровления обстановки в КПП комиссию из 16 руководящих деятелей 12 братских партий, в состав которой наряду с другими вошли Георгий Димитров, Сен Катайма, Васил Коларов, Отто Куусинен, Д. З. Мануильский, И. А. Пятницкий, И. В. Сталин, а также по одному представителю от Итальянской коммунистической партии и Коммунистической партии Чехословакии. Оттомар Гешке, который в результате бесед в Президиуме ИККИ твердо стал на позиции группы во главе с Тельманом, выехал в Берлин, чтобы информировать ЦК об этом решении и призвать его к направлению наконец в Москву делегации, в состав которой вошли бы также функционеры из округов и которая действительно могла бы представлять КПП.

В письме Хайпцу Нойману от 31 июля Эрнст Тельман изложил важные соображения о путях преодоления вызванного ультралевыми кризиса в партии. Эти соображения были также учтены в открытом письме ИККИ, написанном две недели спустя. Тельман считал задачей первостепенной важности осуществить практические меры по разъяснению рабочим политики партии. Он предложил ввести в состав Политбюро новые силы, а в окружных парт-организациях поставить новых руководителей, «хороших рабочих с заводов и из профсоюзов, чтобы наконец покончить с политическим кумовством и развернуть настоящую практическую работу... Таким образом, Хайнц, необходима перегруппировка, следует предоставить членам партии больше свободы и прав, создать повсюду более широкую основу доверия, обеспечить большую коллективность в работе. Далее, необходимы изменения в теоретической области. Затем, что касается профсоюзной работы, я, как и многие, считаю, что необходимо произвести ряд изменений: расширить и улучшить эту важную работу, особенно там, где действительно происходит постепенная перегруппировка сил среди рабочих»².

В начале августа Оттомар Гешке информировал в Берлине Эрнста Тельмана, Филиппа Денгеля, Вильгельма Флорина и других

¹ IML, ZPA, I 6/3/146.

² Ebenda, I 2/2/31.

товарищей о беседах в Москве. Он подробно доложил о них на заседании ЦК 6 и 7 августа. Выступая на этом заседании, Рут Фишер пыталась свалить на других вину за недостатки и ошибки в партийной работе. Эрнст Тельман, напротив, беспощадно вскрывал недостатки в КППГ. Он со всей силой предостерегал от пренебрежительного отношения к справедливой, указывающей путь вперед критике со стороны ИККИ. «Я должен особо подчеркнуть,— писал Гешке в ИККИ,— что Тедди и Денгель старались изо всех сил и здорово насели на Рут и берлинцев»¹. Центральный Комитет решил уполномочить Эрнста Тельмана, Филиппа Денгеля, Рут Фишер, Иона Шеера, Вильгельма Швана, Макса Штрётцеля и находившихся в Москве Отто Кюне, Хайнца Ноймана и Эрнста Шнеллера провести переговоры с Президиумом ИККИ.

11 августа 1925 г. Эрнст Тельман самолетом германско-русского общества воздушных сообщений вылетел из Берлина в Москву. Вместе с ним летел также Вильгельм Шван, политический секретарь окружной парторганизации Рурской области, примыкавший к ультралевым горняк, которого Тельман терпеливо пытался склонить к поддержке своей политической линии. Другие члены делегации выехали в Москву раньше. Во время посадки в Смоленске руководители губернского комитета РКП(б) приняли обоих представителей КППГ для беседы. После беседы в губернском комитете Тельман вечером посетил Дом крестьянина, осмотрел там музей, общественные, библиотеку и читальный зал. Он более двух часов беседовал с крестьянами из окрестностей Смоленска, которые засыпали его вопросами. Прощаясь, он произнес краткую речь, в которой заверил, что рабочие Германии в союзе с крестьянами накапливают силы, чтобы единым фронтом выступить против капиталистов и помещиков. На следующее утро Тельман и Шван вылетели в Москву, где в тот же день, 12 августа, началось совещание с комиссией ИККИ.

Представители ИККИ доложили о том, как Рут Фишер и ее сторонники систематически игнорировали все предложения ИККИ, направленные на улучшение политики партии и нормализацию внутрипартийного положения, развернули скрытую борьбу против Коминтерна. Они подробно изложили и обосновали злободневные политические и организационные задачи КППГ. Их оценки и соображения были единодушно поддержаны другими представителями братских партий. В отличие от Рут Фишер, которая пыталась защищать свой политический курс, другие, особенно Филипп Денгель, Ион Шеер и Эрнст Шнеллер, дали критическую оценку сложившейся в КППГ обстановке и поддержали усилия ИККИ, стремившегося добиться необходимого перелома в политике КППГ.

Из всех представителей КППГ вновь наиболее критично и конструктивно высказался по обсуждавшимся вопросам Эрнст Тельман. Ультралевые, заявил он, разрушают КППГ. Он не побоялся

¹ IML, ZPA, I 6/3/151.

признать, что ему и его соратникам не удалось, опираясь на собственные силы, выступить против ультралевых столь решительно, как это происходило теперь. Важнейшими внутрипартийными задачами на ближайшее время Тельман считал: 1. Убедить каждого члена партии во вреде и опасности ультралевого сектапства. 2. Заменить насаждавшийся Рут Фишер и ее сторонниками режим личной диктатуры коллективной работой. 3. Привлечь все силы к партийной работе. 4. Наконец, организовать систематическую теоретическую учебу членов и функционеров партии и воспитательную работу среди них. Руководствуясь этими принципами, Эрнст Тельман сформулировал программу вывода партии из внутреннего кризиса. В этих принципах отразилось его отвращение к бесплодным раздорам, к групповщине и пустой болтовне. Четко и просто изложив ленинские нормы партийной работы применительно к специфическому положению КППГ в 1925 г., Тельман осудил националистическую, антиленинскую позицию ультралевых и решительно заявил, что считает жизненно важным для КППГ встать на последовательно интернационалистские позиции и установить тесную связь с РКП(б).

— Я буду вести беспощадную борьбу против любых посягательств на Коминтерн и на РКП(б), — продолжал он, — ибо такие посягательства ведут к ослаблению позиций КППГ в борьбе против германского империализма и лишат нас нашу партию международной поддержки в этой нелегкой борьбе.

14 августа совещание было прервано, чтобы в соответствии с предложением Эрнста Тельмана изложить результаты обсуждения в Открытом письме к КППГ и разработать предложения по перегруппировке сил в руководстве партии, направленные на обеспечение выполнения решений Коминтерна и самой КППГ.

20 августа вновь состоялось заседание комиссии. Эрнст Тельман предложил избрать в Политбюро товарищей Копрада Бленкеле, Филиппа Денгеля, Оттомара Гешке, Фрица Геккерта, Германа Реммеле, Вильгельма Швапа и Эрнста Тельмана, но также оставить в его составе Рут Фишер и Аркадия Маслова, чтобы лишить их повода ввести партию в заблуждение своими жалобами на смещение с руководящих постов и утверждать, будто их заменили правыми. Следовало создать Президиум Политбюро в составе: Тельман, Денгель, Шван. Функции одного из политических секретарей Политбюро были переданы Артуру Эверту. В состав Оргбюро были предложены кандидатуры товарищей Гуго Эберлейна, Вильгельма Флорина, Оттомара Гешке, Артура Гольке, Вильгельма Пика, Пауля Шлехта, Эрнста Шнеллера и Вернера Шолема, на посты секретарей по оргвопросам — Гешке и Флорина. Геккерт был предложен на должность заведующего отделом профсоюзов, а Вильгельм Кёнеп — заведующего отделом по коммунальным вопросам. Эти предложения получили единодушное одобрение. Делегации КППГ было рекомендовало провести выборы руководящих органов на пленуме Центрального Комитета. Затем все участники

совещания утвердили текст Открытого письма к КПГ и подписали его.

В Открытом письме был дан всесторонний анализ положения в КПГ и осуждены ультралевые, их сектантство, отступление от марксизма-ленинизма и отказ от пролетарского интернационализма. Документ нацеливал партию на завоевание масс, потребовав изменения отношения к своим товарищам по классу — социал-демократам, проведения гибкой политики единого фронта и сосредоточения сил на работе в профсоюзах. В письме постоянно подтверждалось сказанное Эрнстом Тельманом на X съезде КПГ о значении работы в профсоюзах и об отношении к рабочим — членам СДПГ. Открытое письмо призывало к последовательному применению в КПГ ленинских норм партийной жизни, перемещению центра тяжести работы на предприятия, превращению заводских ячеек в основу партийного строительства и систематическому проведению в жизнь принципов демократического централизма.

1 сентября 1925 г. ЦК КПГ одобрил Открытое письмо и избрал руководящие органы партии в предложенном в Москве составе. Тем самым политическое и организационное руководство партией было передано в руки Эрнста Тельмана и его соратников.

Когда в силу доверия к нему со стороны революционного немецкого рабочего класса и Коммунистического Интернационала Эрнст Тельман возглавил вторую по силе и влиянию коммунистическую партию в мире, ему было 39 лет. В рядах КПГ Тельман стал стойким борцом за классовые интересы пролетариата, закаленным в классовой борьбе профессиональным революционером. Укрепились его последовательно интернационалистские взгляды. Он неуклонно исходил из убеждения в том, что немецкий рабочий класс только в союзе с СССР, а его партия — только утвердившись на указанном Лениным и его большевистской партией пути, могут успешно вести борьбу против империализма.

Эрнст Тельман приобрел богатый опыт революционной борьбы. Проявив большое усердие, он овладел обширными политическими знаниями и стал зрелым марксистом-ленинцем. Среди немецких коммунистов он наиболее решительно стремился превратить КПГ в сильную и боеспособную марксистско-ленинскую массовую партию, в вождя пролетариата в революционной освободительной борьбе. В определившей содержание всей его жизни борьбе за ликвидацию эксплуататорского империалистического строя и за строительство нового, социалистического общества он смело искал новые пути привлечения находившихся под влиянием реформизма рабочих на сторону революционной классовой политики.

В противоборстве с ультралевыми со всей силой проявилось его отвращение к фракционной борьбе за власть в партии и к псевдо-радикальной возне. Своими искренностью, прямотой и революционным оптимизмом он завоевал доверие революционного немецкого пролетариата. В лице Эрнста Тельмана и его соратников к руководству партией пришли опытные марксисты-ленинцы.

1925-1929

1 За сильное левое крыло в рабочем движении

Приход Эрнста Тельмана и его соратников к руководству партией открыл новый этап в развитии КПП. Под руководством Эрнста Тельмана учение Ленина систематически и широко внедрялось в сознание членов партии и рабочего класса. Центр тяжести партийной работы был перенесен на заводы и в профсоюзы; организационно-политическая переориентация КПП на заводские партийные ячейки стала последовательно проводиться в жизнь. Опираясь на помощь Коммунистического Интернационала, Центральный Комитет и Политбюро сконцентрировали усилия на том, чтобы преодолеть в своих рядах левосектантские и правооппортунистические уклоны, укрепить партию, усилить ее влияние на массы, сделать ее способной успешно вести классовую борьбу против монополистического капитала.

Когда Эрнст Тельман пришел к руководству КПП, партия находилась на самой низшей точке своего развития, и прежде всего в результате политики ультралевых. Число ее членов снизилось

до 114 тыс. человек, влияние партии на массы значительно ослабло. В течение только одного года, с мая 1924 г. по апрель 1925 г., от нее отвернулось 1,7 млн. избирателей. Сильные позиции на заводах и в свободных профсоюзах, которые КПП завоевала в революционные годы послевоенного кризиса, были большей частью утрачены. С ужасающей ясностью это подтвердил конгресс АДГБ, который проходил с 31 августа по 4 сентября 1925 г.

В числе 313 делегатов было всего два коммуниста, в то время как в июне 1922 г. на 690 делегатов конгресса профсоюзов приходилось 90 членов КПП.

Несомненно, снижение влияния КПП на массы имело и объективные причины. Германия, как и большинство других капиталистических стран, начиная с 1924 г. падала в стадии экономического подъема. Опираясь на кредиты иностранных монополий и свои собственные крупные инвестиции, монополистический капитал модернизировал устаревшую производственную базу и увеличил производственные мощности. Сравнительно быстро производство достигло довоенного уровня, а к 1928 г. оно удвоилось по сравнению с 1923 г. Конечно, основную тяжесть этой капиталистической стабилизации нес на себе рабочий класс. Восьмичасовой рабочий день повсеместно отменялся, а капиталистическая рационализация усиливала эксплуатацию. С другой стороны, рабочему классу удалось добиться значительного повышения зарплаты; реальная заработная плата быстро росла, особенно во второй половине 1924 г. и весь 1925 г. Улучшение условий жизни рабочих по сравнению с лихорадочными временами войны и инфляции господствующий класс использовал для того, чтобы расширить свое влияние. Правому руководству СДПГ и свободных профсоюзов удалось оживить реформистские иллюзии и снова расширить свое идеологическое и организационное влияние в среде рабочего класса. КПП оказывала этому недостаточное сопротивление, что было обусловлено ошибочной, антиленинской политикой ультралевых.

В решениях V Всемирного конгресса Коминтерна, V расширенного пленума Исполкома Коминтерна, а также в своем Открытом письме Коммунистический Интернационал указал КПП путь для завоевания нового влияния в массах и повышения ее боеспособности. Теперь задача заключалась в том, чтобы мобилизовать членов партии и ее актив на претворение в жизнь этой единственно правильной политики и превратить заново сформированное руководство партии совместно с опытными, стоящими на позициях марксизма-ленинизма партийными работниками в коллективно работающий руководящий штаб, что являлось важнейшей предпосылкой для укрепления КПП и выработки реалистичной политической линии.

Положение руководителя партии наложилось на Эрнста Тельмана высшую степень ответственности. Теперь его взор должен был постоянно охватывать партийную работу во всей ее совокупности. От него ожидали руководящих указаний для партии и союзных с

ней массовых пролетарских организаций, ориентации по основополагающим вопросам классовой борьбы, решающих политических инициатив. Его новое положение предоставляло ему также значительно больше возможности для распространения и закрепления в партии своей марксистско-ленинской концепции о сущности, формах и методах работы партии нового типа, о задачах КППГ, для проведения четкого курса на завоевание масс и подготовку их к борьбе против господства империализма. Как руководитель партии, он постоянно искал самый тесный контакт с рабочими, использовал любую возможность, чтобы выступить на партийных собраниях и митингах, лично разъяснить массам политику КППГ. Но теперь на первый план выдвинулись его выступления по основополагающим вопросам политики партии в Центральном Комитете и Политбюро, в партийной печати, на конференциях окружных секретарей и редакторов, а также Коммунистического союза молодежи Германии и Союза красных фронтовиков. Несравненно больше, чем раньше, он должен был теперь заниматься работой в Центральном Комитете и его аппарате.

Сразу после заседания Центрального Комитета 1 сентября 1925 г. состоялась конференция окружных секретарей партии и редакторов. Эрнст Тельман разоблачил сущность ультралевых позиций и открыто заявил, что политика партии, определявшаяся ультралевыми в период между IX и X съездами, была неправильной, что именно она мешала налаживанию связей с широкими слоями пролетариата. Он проинформировал о заседаниях комиссии ИККИ, состоявшихся 12—20 августа. Эрнст Тельман выразил решительный протест против утверждения ультралевых, будто дискуссия по поводу Открытого письма означает, по сути дела, борьбу ИККИ и группы Тельмана против Рут Фишер и Аркадия Маслова. Он заявил, что речь идет не об этих двух личностях, а о дальнейшей судьбе партии. Необходимо, подчеркнул он, продолжать дальнейшее развитие КППГ как революционной марксистско-ленинской боевой партии, укреплять ее связи с массами и углублять отношения с Коммунистическим Интернационалом и РКП (б). Нужно сделать КППГ способной к завоеванию на свою сторону беспартийных рабочих и рабочих-социал-демократов. Этим миллионам рабочих она должна доказать, что только она одна борется за повседневные интересы трудящихся и ликвидацию капитализма. Продолжение старой, сектантской политики означало бы окончательную изоляцию КППГ от масс, что лишало бы ее способности вести за собой рабочий класс в борьбе за освобождение от империалистической эксплуатации. Говоря об этом, Тельман обращался к опыту партии большевиков, подчеркнув, что работа В. И. Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» является для КППГ путевой нитью в ее борьбе против «левого» и правого оппортунизма.

Эрнст Тельман призвал участников конференции совместно с новым составом руководства партии осуществить необходимые

изменения политического курса. Он решительно выступил против ложного утверждения ультралевых о том, что Открытое письмо Коммунистического Интернационала якобы вынуждает КПГ к повороту вправо. Он заявил, что смысл действий ИККИ состоит в том, чтобы «направить партию по новому пути, который ведет к пролетарским массам всей Германии»¹. В отличие от Фишер, Маслова и некоторых их сторонников, огромное большинство членов партии правильно поняло это, исходя из собственного опыта, а также опираясь на помощь Коминтерна. Поэтому Центральный Комитет, сказал он, будет делать соответствующие выводы в отношении тех товарищей, которые попытались бы сорвать необходимую переориентацию партии и продолжали бы блокировать поворот партии лицом к массам.

Эрнст Тельман предложил в ближайшие полтора-два месяца организовать во всей партии дискуссию по поводу Открытого письма ИККИ, а в заключение провести партийную конференцию. Во время этой дискуссии необходимо ближе познакомиться с принципами большевистской партии. Задача состоит в том, подчеркнул Тельман, чтобы восстановить внутрипартийную демократию, реорганизовать партийное строительство и превратить заводские ячейки, как это и записано в уставе, действительно в фундамент партийной организации, а также укрепить связь КПГ с Коммунистическим Интернационалом.

Подавляющее большинство партийного актива, не колеблясь, пошло за новым руководством партии и одобрило изменение курса. 93 участника конференции проголосовали за Открытое письмо, 10 — против, а 4 — воздержались. В своей резолюции конференция обобщила идеи Тельмана и предложила принять их в качестве ориентировки для партийной дискуссии. В постановлении конференции была подчеркнута необходимость тесно увязывать открытое критическое обсуждение прошлого ультралевого курса с решением новых организационных и политических задач сегодняшнего дня, с упорной и кропотливой работой в массах.

Даже и после такого явного поражения ультралевые продолжали свою борьбу против марксистско-ленинского курса КПГ. В берлинской партийной организации они еще имели сильную опору. В течение многих лет руководство этой самой крупной по численности окружной партийной организации полностью пахотилось под их влиянием. В связи с тем что исход дискуссии в Берлине имел большое значение для всей партии, Эрнст Тельман уделял всему происходящему в этом округе особое внимание. Он позаботился о том, чтобы в ближайшие месяцы на каждом заседании руководства данной окружной организации присутствовал представитель ЦК. Как только ему удавалось выкраивать время, он брал эту задачу на себя. Уже 2 сентября на заседании окружного комитета партии он сделал доклад о заседании комиссии в Москве.

¹ IML, ZPA, I 2/2/8.

Эрнст Тельман старался привлечь берлинский окружной комитет на сторону ЦК и проводимой им политики. От имени ЦК он предоставил Рут Фишер и ее сторонникам возможность найти свое место в партии и честно работать. Однако Рут Фишер добилась того, что большинство руководящих деятелей окружной партийной организации, так же как и берлинские представители на конференции, состоявшейся 1 сентября, выступили против Открытого письма. С целью ликвидации сектантства ультралевой фракции в Берлине Эрнст Тельман и другие товарищи из руководства партии пошли в первичные партийные организации. Они хотели добиться поддержки линии Открытого письма прежде всего со стороны членов партии на заводах и фабриках. Эрнст Тельман дважды, 1 и 29 октября, выступал перед активом партийных ячеек и профсоюзных организаций Большого Берлина с разъяснением ближайших политических и организационных задач КППГ. В своей статье «О курсе берлинской организации», опубликованной в газете «Ди роте фане» 10 сентября, он разъяснял берлинским коммунистам, что речь идет о том, какой курс должна выработать КППГ для того, чтобы быть в состоянии повести за собой рабочий класс в борьбе за политическую власть. Дискуссия в первичных партийных организациях и статья Эрнста Тельмана помогли большинству берлинских коммунистов освободиться от влияния ультралевых деятелей.

Борьбу с сектантскими силами Эрнст Тельман тесно связывал с практическими шагами по улучшению работы с массами. Сюда относилось также значительное усиление работы партии с молодежью. В отличие от ультралевых, которые недооценивали КСМГ и запустили руководство этим союзом, Эрнст Тельман уделял работе с молодежью большое внимание. В самостоятельной революционной молодежной организации, поддерживаемой и направляемой партией, он видел важнейшее связующее звено КППГ с рабочей молодежью. Открывая X съезд партии, Эрнст Тельман в своей речи призвал коммунистов заботиться о том, чтобы молодое поколение «воспитывалось в коммунистическом духе и проявляло еще больше мужества и смелости, чтобы в его рядах царил вера в победу пролетарской революции»¹.

В связи с проведением 11-го Международного юношеского дня 6 сентября 1925 г. Эрнст Тельман выступил на страницах газеты «Ди роте фане» с анализом обстановки в среде рабочей молодежи. Он обратил внимание на то, что численность КСМГ и даже молодых пролетариев, состоящих в свободных профсоюзах, ничтожно мала по сравнению с миллионами молодых рабочих, неорганизованных вовсе либо охваченных политическими клерикальными организациями. Этот серьезный факт должен всех поторопить. «Сущность нашей большевистской тактики,— подчеркнул Тельман,— заключается в завоевании пролетарских масс для борьбы

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 124.

за коммунизм, за диктатуру пролетариата, за революцию. Эти задачи мы не можем выполнить, не завоевав на свою сторону наиболее эксплуатируемый, но в то же время и наиболее боеспособный слой рабочего класса, свободный от оппортунистических традиций легальности довоенных лет, — пролетарскую молодежь»¹.

Он требовал покончить с недооценкой работы с молодежью и оказывать молодому, еще слабому Коммунистическому союзу молодежи значительно большую помощь, чем раньше. Перед КСМГ он поставил задачу совершенствоваться и укреплять свою организацию, повышать идеологический уровень и закалять свою ударную силу в повседневной борьбе рабочей молодежи на заводах и в профсоюзах.

Чтобы привлечь большинство рабочего класса к борьбе против германского империализма, КПГ должна была ясно определить свое отношение прежде всего к социал-демократии. Эрнст Тельман использовал возвращение первой делегации германских рабочих из Советского Союза в конце августа как повод для изложения принципиальных положений по этой проблеме. Он подчеркнул, что КПГ только тогда сможет повести за собой рабочий класс в борьбе за политическую власть, когда ей удастся вернуть рабочим массам ту веру в силы пролетариата, которой их лишила оппортунистическая политика правых лидеров СДПГ. Поэтому, указывал он, необходимо воспитывать новое отношение к рабочим-социал-демократам. Поворот в мышлении тех рабочих-социал-демократов, которые выехали из Штеттина, будучи противниками коммунизма, а через несколько недель в результате всестороннего ознакомления с социалистическим строительством в Советском Союзе отмежевались от антисоветизма, свидетельствовал о том, что политические и идеологические взгляды рабочих-социал-демократов не являются *«...чем-то прочным, неизменным, вечным»*. Этих рабочих можно *«...убедить, духовно завоевать...»*², привлечь к поддержке пролетарской, революционной политики. Однако для этого необходимо, подчеркнул Тельман, чтобы достижению этой великой цели были подчинены вся наша работа, вся агитация, все политические лозунги. Партия должна научиться давать рабочим ясные и убедительные ответы на все их вопросы.

Эти положения исходили из классовой оценки СДПГ как партии, большинство членов которой составляли рабочие, но политика которой определялась правооппортунистическими лидерами и помогала сохранять классовое господство империализма. Эрнст Тельман учитывал, что глубоко укоренившиеся среди членов социал-демократической партии оппортунистические взгляды можно преодолеть только постепенно, шаг за шагом и только путем накопления практического опыта в совместной борьбе коммунистов и социал-демократов за интересы рабочих. Он видел все трудности,

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 170.

² Там же, с. 174.

связанные с формированием нового отношения к рядовым членам социал-демократической партии, о чем говорилось и в Открытом письме. Он также знал, что для этого необходима точная марксистско-ленинская оценка СДПГ и АДГБ.

Такая оценка была особенно необходима после Гейдельбергского съезда СДПГ и Бреславского конгресса профсоюзов. Гейдельбергский съезд, состоявшийся 13—18 сентября 1925 г., принял новую программу партии, которая, отдавая дань антикапиталистическому настрою большей части членов партии, на словах признавала социализм, но одновременно с этим признавала и империалистическое государство, что означало отказ от борьбы за коренное изменение государственной власти. С помощью своей концепции «социал-демократического пути к социализму» правые лидеры СДПГ пытались замаскировать свои буржуазные классовые позиции. АДГБ на своем конгрессе, состоявшемся 31 августа — 4 сентября, тоже принял решение ориентироваться на мелкобуржуазный реформистский курс «демократизации экономики», «улучшения» капиталистической системы, открыто предав тем самым коренные интересы рабочего класса, требовавшие ликвидации капитализма.

Центральный Комитет и Политбюро КПП под руководством Эрнста Тельмана дважды, в сентябре и октябре, обсуждали вопрос о положении в СДПГ и АДГБ. В своем докладе Центральному Комитету о Бреславском конгрессе профсоюзов Тельман ориентировал товарищей на оказание поддержки оппозиционным силам в АДГБ, группировавшимся вокруг Роберта Дисмана. Они потребовали на конгрессе развернуть борьбу за восьмичасовой рабочий день профсоюзными методами. Особенно необходимо было, указывал Тельман, усилить работу коммунистов в самом крупном профсоюзе — Германском профсоюзе металлистов, во главе которого стоял Дисман. Эрнст Тельман высказался против того, чтобы призывать оппозиционные силы СДПГ вступать в КПП. Он заявил, что лозунг «Выходи из СДПГ — вступай в КПП!» лишь затруднил бы создание настоящей левой оппозиции в СДПГ и облегчил бы оппортунистическим лидерам проведение своего правого курса.

Вместе с Вильгельмом Кёненом, который 23 сентября сделал сообщение в ЦК о Гейдельбергском съезде СДПГ, с Артуром Эвертом, Вильгельмом Пиком и другими товарищами Эрнст Тельман осенью 1925 г. воспрепятствовал тому, чтобы принятый в Гейдельберге и Бреслау правый курс СДПГ и АДГБ увел коммунистов в сторону от решительной борьбы за создание единого фронта рабочего класса. Новое руководство партии выступило с различными инициативами с целью формирования нового отношения к рабочим-социал-демократам. Благоприятную возможность для этого Эрнст Тельман видел в муниципальных выборах в Берлине, которые были назначены на 25 октября 1925 г. Политбюро рекомендовало берлинскому окружному комитету партии предложить СДПГ путем объединения избирательных списков обеих партий исполь-

звать все-де-единого-голоса-рабочих-в-борьбе-против-буржуазно-го-большинства. Хотя окружной комитет под влиянием Рут Фишер вначале отклонил упомянутое предложение, ЦК на своем пленуме 23—24 сентября, на котором Эрнст Тельман сделал доклад по этому пункту повестки дня, одобрил инициативу Политбюро, обязав окружной комитет партии передать 1 октября соответствующее предложение окружному правлению СДПГ. Несмотря на то что СДПГ оставила данное предложение без ответа, это был, как позднее подчеркивал Эрнст Тельман, «первый крупный политический шаг, который Центральный Комитет должен был предпринять в соответствии с Открытым письмом...»¹. Тем самым было положено начало другим инициативам и предложениям по созданию единого фронта. КПГ получила на этих выборах 347 381 голос, т. е. на 96 168 больше, чем во время президентских выборов 26 апреля. Результаты муниципальных выборов в Берлине показали, что всего за несколько недель притягательная сила КПГ возросла. Это подтверждало правильность политики Тельмана.

Большое значение для становления КПГ имели статьи Эрнста Тельмана по истории КПГ и по вопросу об уроках борьбы большевиков, написанные им осенью 1925 г. В них, исходя из исторического опыта рабочего движения, Председатель партии сделал актуальные политические выводы. Эти статьи Тельмана по истории проникнуты непоколебимой верой в то, что будущее принадлежит рабочему классу, а следовательно, социализму. Они свидетельствовали о том, как глубоко овладел Тельман научной теорией рабочего движения, насколько основательно изучил он основополагающие труды Маркса, Энгельса и Ленина. Он умел блестяще соединять в неразрывное целое теорию и практику революционного рабочего движения.

Особенно важной для понимания членами партии стоявших перед ними задач была его статья «Уроки Гамбургского восстания». В ней Эрнст Тельман дал анализ классовых боев осени 1923 г. и роли в них КПГ. Критерием зрелости КПГ он считал ее способность встать во главе рабочего класса, повести его за собой в борьбе против империализма и указать цель и направление этой борьбы. Объективные условия для борьбы за политическую власть могут быть с успехом использованы только в том случае, указывал Тельман, если во главе масс стоит большевистская партия. Поэтому КПГ должна стать железной, до предела сплоченной и спаянной единством, безусловно дисциплинированной партией, которая, как «авангард пролетариата», видит свою роль «в организации и сплочении всего рабочего класса во всех промышленных центрах и крупных городах по всей стране». Эрнст Тельман призывал коммунистов терпеливо и упорно вести повседневную работу в массах и быть тесно связанными с ними. Речь шла о создании боевого пролетарского единого фронта миллионов рабочих. В заключение

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 236.

он характеризовал процесс развития КПП осенью 1925 г.: «Наша партия проводит решающую перестройку сверху донизу. Она искореняет псевдореволюционный дух, радикальный только на словах. Она ликвидирует в своих собственных рядах остатки сектантства, презрения к массам. Она изменяет свою тактику с тем, чтобы установить еще более прочные, еще более тесные связи с социал-демократическими рабочими, с массами в профсоюзах и на заводах. Она приступает к полной перестройке своих организационных основ. Она работает над созданием в рабочем движении широкого левого крыла»¹.

В двух других статьях — «7 ноября — новая историческая эпоха» и «Московское восстание 1905 года» — Тельман показал, сколь жизненно необходимо для коммунистической партии усвоить общезначимые уроки победоносной борьбы партии Ленина. Всемирно-историческое значение Октябрьской революции Тельман понимал как начало «величайшего переворота в истории человечества», как событие, которое, как никакое другое, изменяло облик мира и оказало влияние на все значительные политические события в мире. Он неустанно нес эти идеи в массы с тем, чтобы пробудить в немецком рабочем классе непоколебимую волю к завоеванию власти и построению социализма. «Интернационализация русской революции 7 ноября 1917 г. — таков смысл настоящей исторической эпохи»², — писал он. Для выполнения этой исторической задачи КПП должна, отмечал Тельман в декабре 1925 г., «...изучать историю русской революции на всех ее этапах, должна изучать все ее сражения, с тем чтобы усвоить опыт большевиков. Партия должна научиться шагать по пути русской братской партии, по тому пути, который через поражения ведет к окончательной победе, к победоносной пролетарской революции»³.

Статьи Тельмана помогли рядовым членам партии и функционерам глубже понять сущность марксистско-ленинской партии и лучше усвоить задачи, поставленные перед КПП в Открытом письме. В то же время статьи были необходимы в связи с распространявшимися ультралевыми искаженными представлениями об истории КПП. Ультралевые клеветали на партию, изображая ее борьбу в период до 1923 г. за марксистско-ленинскую политику в отношении масс как бесконечную цепь правооппортунистических ошибок и недостатков и выдавая в то же время за высшую ступень развития партии период между IX и X съездами, когда они своим псевдорадикализмом подрывали влияние КПП в массах.

Дальнейшее повышение боеспособности КПП в значительной мере зависело от того, насколько широко удастся развернуть инициативу рядовых членов партии, к чему с пренебрежением относились ультралевые лидеры, добиться утверждения демократического централизма и принципа коллективности руководства на

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 183, 186.

² Там же, с. 191.

³ Там же, с. 227.

всех уровнях, развивать в партии критику и самокритику. Ультра-левые нарушали внутрипартийную демократию, не допуская рядовых членов партии к участию в принятии политических решений.

Эрнст Тельман решительно выступал за прекращение практики рассмотрения всех важнейших вопросов только на конференциях функционеров. Общие партийные собрания и конференции делегатов снова заняли теперь должное место в партийной жизни. За короткое время к активной партийной работе удалось привлечь большое число членов партии.

Эрнст Тельман энергично стремился внедрить ленинский стиль в работу Центрального Комитета и Политбюро, а также всего партийного аппарата. Теперь Центральный Комитет проводил свои заседания регулярно, четко определял свою позицию по принципиальным политическим вопросам, давал оценку положения в стране и принимал решения об очередных задачах партии. Как правило, раз в неделю Эрнст Тельман созывал заседания Политбюро. Президиум Политбюро, называвшийся также Политическим секретариатом, превратился в оперативно и быстро действующий руководящий коллективный орган. Центральный партийный аппарат стал более гибким и боеспособным. В сентябре был образован Секретариат Центрального Комитета, в который наряду с Эрнстом Тельманом вошли Филипп Денгель, Артур Эверт, Лео Флиг, Вильгельм Флорип, Оттомар Гешке и Вильгельм Шван. Секретариат готовил заседания Центрального Комитета и Политбюро, взял на себя поддержание связи с округами и массовыми пролетарскими организациями, руководил текущей работой центрального партийного аппарата, осуществлял контроль за ведением финансового хозяйства и работой партийных издательств и типографий. Опираясь на отделы ЦК, Секретариат следил за выполнением решений ЦК и Политбюро. Секретариат разгрузил Политбюро, дав ему возможность сконцентрировать свои силы на решении важных политических вопросов¹.

Когда у Эрнста Тельмана падалось время, он принимал участие в заседаниях отдельных отделов ЦК. По его инициативе один-два раза в год в ЦК стали проводиться совещания и беседы с руководящими партийными работниками окружных парторганизаций. Значительную часть рабочего времени Председателя партии занимали подготовка и анализ работы различных заседаний и совещаний.

Огромную тяжесть выполнявшейся Эрнстом Тельманом работы трудно было выдерживать долгое время без какой-либо помощи. Поэтому в сентябре 1925 г. Центральный Комитет принял решение ввести должность личного секретаря Председателя партии, назначив им бывшего главного редактора газеты «Гамбургер фольксцайтунг» Пауля Дитриха — опытного пропагандиста и партийного

¹ Vgl.: IML, ZPA, I 2/1/30. Секретариат играл все более важную роль, постепенно он взял на себя также часть работы Оргбюро, которое было упразднено в 1927 г.

работника. Позднее, после XI съезда КПП, состоявшегося в марте 1927 г., Дитрих стал членом Секретариата ЦК.

31 октября 1925 г. Эрнст Тельман открыл в Берлине первую в истории КПП партийную конференцию, которая должна была подвести итоги двухмесячной дискуссии и нацелить партию на решение стоявших перед ней задач. Он приветствовал 253 делегатов, которые представляли большей частью заводские партийные ячейки, а также представителей Коммунистического Интернационала и некоторых братских партий. В основном докладе конференции «К положению в КПП» Эрнст Тельман очертил путь, который прошла партия со дня своего основания. У Карла Либкнехта и Розы Люксембург, которых он назвал умнейшими и самыми лучшими революционными марксистами германского рабочего движения, он призвал учиться вести борьбу против оппортунизма и левого сектантства, бороться за овладение марксизмом-ленинизмом. Эрнст Тельман по достоинству оценил самоотверженную борьбу, которую КПП пришлось вести в течение семи лет в тяжелейших условиях. За эти несколько лет КПП должна была попытаться «наверстать то, что создала Российская Коммунистическая партия за 20 лет своего развития в огне двух революций, в подполье, под ударами мировой войны, а именно — выработать четкую марксистскую революционную ориентацию, стратегию и тактику, которые в качестве большевистской линии составляют сегодня основу деятельности Коминтерна»¹.

По оценке Эрнста Тельмана, в ходе партийной дискуссии удалось вскрыть всю опасность и вредность левого сектантства. Партия более основательно ознакомилась с принципами революционной массовой политики. Тельман дал резкий отпор нападкам на решения III Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала, особенно на ленинскую тактику единого фронта, исходившим прежде всего от Маслова. Эрнст Тельман настоятельно подчеркивал, что лозунг III Всемирного конгресса Коминтерна «К массам!» имеет огромное принципиальное значение. Понимание ленинского принципа тесной связи партии с рабочим классом, с народными массами служит критерием того, оправдывает ли коммунистическая партия свое название, может ли она выполнить свою историческую миссию. КПП сможет подвести рабочих к пролетарской революции лишь при условии, если она сумеет политически и организационно прочно закрепиться в среде рабочего класса. Эрнст Тельман точно определил ближайшие важнейшие задачи: выковать в борьбе против империализма единый фронт рабочего класса, усилить работу в профсоюзах и ускоренными темпами создавать заводские партийные ячейки. Он особо подчеркнул необходимость повышения теоретического уровня партии, поскольку «без здоровой, ясной, революционной теории не может быть серьезной революционной практики»².

¹ IML, ZPA, 1/16/35.

² Ebenda.

Выступивший с содокладом Вернер Шолем защищал курд-ультралевых. Однако его взгляды не были поддержаны преобладающим большинством делегатов. Большинство выступивших в прениях поддержали принципы политики, изложенные в докладах Эрвста Тельмана, Филиппа Денгеля, Фрица Геккерта, Артура Эверта и Конрада Бленкле. 222 голосами «за» при 30 «против» была принята «резолуция по внутрипартийным вопросам». Только 12 делегатов отклонили «резолуцию о политической обстановке и задачах КППГ». Конференция одобрила также другие предложенные партийным руководством постановления. Таким образом, итоги конференции свидетельствовали о том, что подавляющее большинство членов партии осуждало платформу ультралевых и одобряло политику Центрального Комитета во главе с Эрнстом Тельманом.

Первая партийная конференция подтвердила, что силы ленинцев в ЦК тесно сплотились вокруг Эрвста Тельмана. Опираясь на пролетарское ядро партии, а также на помощь Коммунистического Интернационала, они добились победы марксизма-ленинизма над ультралевым уклоном. Была выработана конструктивная программа деятельности КППГ во всех областях, которая полностью отвечала требованиям классовой борьбы.

Партийная конференция ориентировала рабочий класс и других эксплуатируемых на непримиримую борьбу против буржуазии и ее государства, за свои коренные жизненные интересы. Только этим путем можно было двигать вперед развитие революционного движения, подводить рабочий класс к борьбе за социализм. Только такое четкое определение цели могло обеспечить успех в борьбе за немедленное улучшение условий жизни масс. Конференция сформулировала следующие политические требования: демилитаризация полиции, роспуск реакционных и монархических союзов, освобождение политических заключенных. В социально-политической области она призвала к борьбе за восьмичасовой рабочий день, повышение зарплаты, возложение на буржуазию бремени, которое нес с собой план Дауэса. Делегаты потребовали более широких прав для заводских советов, улучшения жилищных условий рабочих и решительной борьбы с ростовщиками, наживавшимися на квартирной плате, а также помощи трудящимся крестьянам со стороны государства. Чтобы осуществить эти требования и защитить политические права и социальные завоевания рабочего класса от усиливавшегося наступления монополистической буржуазии, необходимо было создать левый блок коммунистов, социал-демократов и членов профсоюзов.

В ходе партийной дискуссии осенью 1925 г., которая завершилась 1-й партийной конференцией, было подтверждено, что КППГ непоколебимо стоит на платформе марксизма-ленинизма и верна пролетарскому интернационализму. Была предотвращена опасность превращения партии ультралевыми в изолированную от пролетариата секту. Создание тельмановского Центрального Комитета

Внешнеполитический курс германского империализма был в то время направлен на использование соперничества между западными державами с тем, чтобы Германия постепенно вновь стала великой империалистической державой. В ходе переговоров английского и французского правительств с германским министерством иностранных дел в 1925 г. был найден способ, который должен был позволить Германии вступить в Лигу наций, гарантировал бы границы Германии с соседними государствами на Западе, однако оставлял открытой дверь на Восток для экспансионистских устремлений германского империализма. В октябре это было оформлено соглашениями на конференции в Локарно.

Эрнст Тельман с большим вниманием следил за ходом переговоров о так называемом гарантийном пакте. Выступая в качестве кандидата в президенты на одном из предвыборных митингов в Хагене, он метко охарактеризовал его как план мирового империализма, направленный против Советского Союза. В речи при открытии X съезда партии он назвал переговоры о гарантийном пакте попыткой германской буржуазии «принять участие в военных планах мирового империализма»¹. Он убедительно показал, что усиление германского империализма в ходе относительной стабилизации также обостряет противоречия между империалистическими державами. После прихода Эрнста Тельмана к руководству партией Политбюро неоднократно обсуждало вопрос об отношении КППГ к гарантийному пакту. На заседании 11 сентября Тельман отметил, что ввиду ориентации германского империализма на Запад необходимо усилить разъяснение необходимости сотрудничества с Советским Союзом. Эту мысль он проводил во всех своих выступлениях осенью 1925 г.

С 23 по 27 ноября в рейхстаге состоялись решающие дебаты по Локарнскому договору. На второй день дебатов Эрнст Тельман взял слово для выступления как основной оратор от КППГ. Он назвал достигнутое в Локарно соглашение политическим дополнением плана Дауэса. Министра иностранных дел Густава Штресемана и ораторов от большинства других партий, хором заверявших о своем миролюбии и готовности к взаимопониманию, он обвинил в преднамеренном обмане масс. Этим буржуазным политикам были известны внешнеполитические экспансионистские устремления

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 123.

германского империализма, и они являлись их ярыми поборниками. Тельман вскрыл истинную цель этого договора: создать предпосылки для пересмотра империалистической Германией в подходящее время с помощью силы итогов первой мировой войны. Тельман подчеркнул, что за договор, который действительно служил бы обеспечению мира, каждый коммунист выступил бы безоговорочно. Но гарантия западных границ свидетельствует лишь о том, «что германская буржуазия в момент, когда она не в состоянии начать похода против Франции, констатирует этот печальный для германской буржуазии факт в форме Западного пакта... Западный пакт означает только отсрочку новой войны между Германией и Францией». Но эта война выйдет за рамки конфликта между Германией и Францией, это будет «классовая война, борьба гибнущего капиталистического мира против Советского Союза...»¹

Эрнст Тельман указал на антисоветскую направленность политики Локарно. Он охарактеризовал вытекавшую из этого политику как наступление, начатое «Англией при помощи дипломатических средств с целью создать в Европе антисоветский блок с участием Германии». А германская буржуазия была обманута «относительно возможности ревизии ее восточных границ, так сказать, в качестве оплаты в рассрочку за вступление Германии в антисоветский блок».

Эрнст Тельман предупредил о неизбежных последствиях отхода Германии от политики Рапалло. И он со всей определенностью заявил, что рабочий класс и все прогрессивные силы в конце концов одержат победу в борьбе «гибнущего капиталистического мира против Советского Союза, против социальной революции на Западе и против национальных революций сотен миллионов рабочих и крестьян Дальнего Востока и угнетенных колоний»². Альтернативой проводимой крупной буржуазией политике Локарно, отмечал он, является борьба рабочего класса за национальную независимость Германии, продолжение политики Рапалло, сотрудничество с Советским Союзом, борьба против политики мировых империалистических держав. И в этом, подчеркнул Тельман, немецкий рабочий класс не одинок, его союзниками являются такие беспримерные мировые силы, как Советский Союз и международный рабочий класс.

Подобно тому как это мастерски сделала еще в 1923 г. Клара Цеткин в связи с вступлением в Рурскую область французских и бельгийских войск, Эрнст Тельман обосновал право рабочего класса на национальное руководство. «В истории классов и наций не существует пробелов. В тот самый момент, когда буржуазия перестанет представлять интересы национальной независимости Германии, другая сила выступит на сцену германской истории, сила, которая во имя собственных классовых интересов провозгласит

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 200, 206.

² Там же, с. 199, 202, 206.

себя представителем национальной независимости Германии. Этой силой является германский рабочий класс. У него нет ничего общего с национализмом... Он не желает бороться против других народов и угнетать их, нет, он кровь от крови и плоть от плоти трудящихся масс всех стран...»¹

Когда 27 ноября 1925 г. в рейхстаге был ратифицирован Локарнский пакт, в берлинском парке Люстгартен состоялась демонстрация под лозунгом «Против военного пакта Локарно — за мирный пакт рабочих с Советской Россией!», в которой приняли участие 80 тыс. берлинских рабочих. Тем самым они выразили свое согласие с политикой КППГ.

В последующее время основными ораторами по внешнеполитическим проблемам от фракции КППГ в рейхстаге стали Эрнст Шнеллер и Вальтер Штёккер. Сам же Эрнст Тельман занялся решением новой задачи, которая стала актуальной поздней осенью 1925 г., а именно организацией борьбы за безвозмездную экспроприацию князей.

Усиление монархической реакции, свидетельством чего явилось избрание Гинденбурга имперским президентом, побудило изгнанных в 1918 г. королей и князей потребовать крупную компенсацию за их конфискованные поместья и имущество. Имперское правительство и правительства земель с готовностью пошли навстречу требованиям бывших «сюзеренов». Общая сумма их претензий составила 2,5 млрд. марок. Когда осенью 1925 г. эти факты стали достоянием общественности, они вызвали глубокое возмущение не только среди рабочего класса, но и в мелкобуржуазных слоях населения. В то самое время, когда князья выступили со своими непомерными требованиями к пемецкому народу, положение широких слоев трудящихся становилось все хуже. Число безработных подскочило с 0,5 млн. в сентябре 1925 г. до 2,3 млн. в феврале 1926 г. Лишь в конце лета 1926 г. оно вновь снизилось до уровня менее 2 млн. человек.

В ноябре 1925 г. Политбюро под председательством Эрнста Тельмана неоднократно обсуждало вопрос о том, как следовало организовать отпор грабежу князей. Тельман предложил не ограничиваться лишь срывом их попыток поживиться за счет государственных налогов с трудящихся, а вести борьбу до полной экспроприации собственности князей и использования ее на социальные нужды.

Такая цель борьбы была понятна рабочим, и поэтому представлялась благоприятная возможность для единых действий всего рабочего класса, завоевания на его сторону широких слоев трудящихся и дальнейшего развития классовой борьбы против монополистического капитала, юнкерства и реакции. Для приведения в движение пародных масс Эрнст Тельман рекомендовал использовать закрепленное в веймарской конституции право избирателей

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 216.

принимать непосредственное участие в решении принципиальных вопросов политики государства. В соответствии с этим, если десятая часть имеющих право голоса граждан в рамках народной инициативы проголосует за законопроект, который затем будет отклонен рейхстагом, следовало провести референдум.

Вначале фракция КПГ 25 ноября внесла в рейхстаг законопроект о безвозмездном отчуждении собственности княжеских домов и ее использовании на социальные нужды. Княжеские имения должны были быть разделены между малоземельными крестьянами и арендаторами с целью облегчения их бедственного положения, дворцы — использованы в качестве санаториев, детских домов и учебно-воспитательных учреждений, а конфискованные деньги князей должны были пойти на увеличение пособий инвалидам войны и родственникам погибших на войне. 2 декабря, когда в рейхстаге начались слушания по вопросу о выплате компенсации германским князьям за конфискованное имущество, Эрнст Тельман по поручению ЦК КПГ обратился с Открытым письмом к правлению СДПГ, к правлению АДГБ, к правлениям профсоюзов служащих, Рейхсбаппера и Союза красных фронтовиков. Он предложил им совместными усилиями добиваться проведения народного референдума по вопросу о безвозмездной конфискации собственности князей. КПГ считает необходимым, говорилось в письме ЦК, «чтобы все силы организованного рабочего движения самым решительным образом выступили против ограбления Германии Гогенцоллернами, Виттельсбахами, Веттинерами, Кобургами и прочим сбродом»¹.

Хотя среди членов СДПГ тоже обсуждался вопрос о референдуме, что подтвердила газета «Форвертс», ответ на предложение КПГ поступил лишь от правления Союза красных фронтовиков. Правление СДПГ через газету «Форвертс» отклонило предложение КПГ. В то же время «Форвертс» призывала к достижению компромисса, пытаясь представить последовательную борьбу КПГ против выплаты компенсаций князьям как необдуманную и бесполезную. Несмотря на такую позицию правления СДПГ, КПГ продолжала добиваться того, чтобы в борьбе за проведение народного референдума было достигнуто единство действий рабочего класса. 4 декабря Центральный Комитет направил правлению СДПГ письмо, в котором говорилось: «Чтобы доказать, что мы серьезно заинтересованы в реализации нашего предложения, мы приглашаем вас принять участие в совместном совещании... На этом совещании мы могли бы попытаться найти общую основу и такую формулировку законопроекта, которая отвечала бы всем конституционным требованиям проведения референдума. Если вам действительно близки интересы трудящихся масс, а не княжеских династий, то на этом совещании можно было бы согласовать юридическую и финансовую основу проведения этой акции. Главное

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 222.

требование момента — это прежде всего организация широкой кампании в массах, которая обеспечила бы успешное проведение референдума»¹.

Хотя правление СДПГ на это не реагировало, Политбюро 7 декабря решило «принять все меры для того, чтобы начать кампанию по проведению референдума за безвозмездную конфискацию собственности княжеских домов, и снова обратиться ко всем организациям с призывом присоединиться к этому движению»². С самого начала для Эрнста Тельмана было ясно, что референдум будет иметь успех только при условии, если удастся побудить СДПГ и профсоюзы к единым действиям с КППГ и с помощью единого фронта рабочего класса вовлечь в это движение широкие массы крестьянства и средние слои городского населения. Поэтому было необходимо, чтобы борьба рабочих против предусматривавшейся компенсации князьям приняла столь широкий размах, что руководство СДПГ и АДГБ было бы вынуждено присоединиться к этому движению.

Под популярным лозунгом «Ни пфеннига князьям! Хлеба и работы бедствующему народу!» КППГ провела множество собраний и митингов. Начало было положено 13 декабря массовым митингом в берлинском парке Люстгартен, в котором приняли участие десятки тысяч рабочих. Среди выступавших был и Эрнст Тельман. Отклонение рейхстагом требования коммунистов облегчить нужду безработных, заявил он, должно побудить рабочий класс объединиться в одну великую армию в борьбе против капитализма, милитаризма и юнкерства. По инициативе ЦК местные органы КППГ предложили профсоюзным объединениям и местным правлениям СДПГ создать совместные комитеты по агитационной подготовке плебисцита. Возникло большое число таких комитетов; коммунисты и социал-демократы вновь стали ближе друг к другу.

В то время Эрнст Тельман почти постоянно работал в Берлине. Он возглавлял различные акции КППГ по мобилизации масс и убеждал малодушных в собственных рядах, считавших референдум безнадежным делом. Ему пришлось вести борьбу и с сектантами, которые называли требование референдума «парламентарским кретинизмом». Такая точка зрения, отвечал им Тельман, является чрезвычайно близорукой, так как именно в результате такой акции будут расти авторитет и влияние КППГ в массах как антиимпериалистической и антимонархической силы. Он следил за тем, чтобы КППГ не выпускала из своих рук инициативу и сохраняла руководящую роль во всем движении вплоть до дня решающего голосования. Вместе с тем он неоднократно подчеркивал, что движение за референдум необходимо развивать совместно с СДПГ и профсоюзами как единую акцию всего рабочего класса.

¹ IML, ZPA, 3/19/524.

² Ebenda, 3/1/522.

17 декабря Эрнст Тельман встретился в Берлине в помещении Международной рабочей помощи (Межрабпом) с представителями организаций, заявивших о готовности совместно с КПГ выступить за проведение референдума. Он информировал их о проведенных партийей мероприятиях и обсудил с ними дальнейший план действий. 6 января 1926 г. по инициативе КПГ был образован комитет по проведению народного референдума за безвозмездную конфискацию собственности князей. Председателем комитета стал ученый-экономист, демократ Рене Кучинский. К 18 января к этому комитету Кучинского присоединились 24 пролетарские и буржуазно-демократические организации.

Несмотря на отрицательное отношение правления СДПГ к предложениям ЦК КПГ от 2 и 4 декабря 1925 г., на заседании Политбюро 16 января Эрнст Тельман выступил за то, чтобы снова призвать руководство СДПГ к совместным действиям и одновременно проинформировать об этом шаге некоторых левых лидеров СДПГ. В письме от 19 января 1926 г. в адрес партийной комиссии СДПГ Эрнст Тельман от имени ЦК заявил, что КПГ с радостью приветствовала бы, если бы партийная комиссия со своей стороны высказалась за проведение референдума по вопросу о конфискации собственности князей и присоединилась к соответствующим акциям, организованным КПГ и комитетом под председательством Кучинского¹.

Тельман подчеркивал снова и снова, что борьба против компенсации князьям приводит массы в движение и не только делает возможным, но и настоятельно требует привлечения социал-демократических и беспартийных рабочих к совместным действиям с коммунистами. Он также призывал к усилению бдительности, чтобы своевременно срывать все попытки реакционных буржуазных и правых социал-демократических деятелей расколоть движение и ввести массы в заблуждение.

Развернутое Коммунистической партией Германии движение охватило подавляющее большинство рабочих-социал-демократов и членов профсоюзов, которые все решительнее требовали официального участия СДПГ и АДГБ в борьбе за проведение референдума. В конце концов правые лидеры СДПГ под сильным давлением рядовых членов партии и опасаясь оказаться в изоляции от масс, были вынуждены согласиться с предложением ЦК КПГ. 19 января 1926 г. партийная комиссия СДПГ приняла решение об участии во всенародном движении за конфискацию собственности князей.

Упорная борьба КПГ за создание единого фронта рабочего класса увенчалась крупным успехом. Оценивая несколько позднее эту акцию, Эрнст Тельман отмечал, что удалось «заставить представителей СДПГ сесть за один стол для переговоров с коммунистами...» и «поддержать инициативу КПГ»². Соглашения, достигнутые

¹ См.: Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 229.

² Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 235.

между КПГ и СДПГ, способствовали созданию единого фронта рабочего класса по всей стране.

О задачах партийных организаций по подготовке референдума Эрнст Тельман говорил на пленуме ЦК КПГ 26 января, а также на конференции окружных секретарей и редакторов 29—30 января. Он отметил как большой успех, что уже в начальной стадии борьбы против выплаты компенсации князьям удалось привести в движение не только рабочий класс, но и часть городских средних слоев и крестьянства, а также сблизиться с теми слоями, которые ранее стояли в стороне от партии. Тельман ориентировал на то, чтобы вести кампанию за конфискацию собственности князей как составную часть борьбы против попыток буржуазии взвалить на плечи рабочих последствия зимнего кризиса экономики. Поэтому, указывал он, необходимо требовать национализации промышленности и контроля за производством, а также строжайшего контроля со стороны государства, заводских советов и профсоюзов за предоставлением кредитов. Следовало побудить профсоюзы оказывать сопротивление снижению заработной платы. От редакторов Председатель партии потребовал, чтобы они в своих газетах ежедневно приводили наглядные примеры того, какие высокие компенсации и пенсии выплачивало буржуазное государство свергнутым князьям и бывшим кайзеровским офицерам и какие жалкие подачки получали безработные, инвалиды войны и жертвы инфляции.

В феврале 1926 г. по инициативе Эрнста Тельмана руководство партии особо занялось работой КПГ в деревне, где монархические силы имели наиболее сильное влияние. При фракциях КПГ в рейхстаге и ландтагах были образованы секретариаты по вопросам работы среди крестьян. Была разработана политическая аграрная программа действий — платформа для совместной борьбы трудящихся крестьян, сельскохозяйственных рабочих и революционного пролетариата. Эта программа была опубликована 14 февраля как воззвание «Лицом к деревне!». В конце февраля была проведена «Неделя деревни», во время которой велась пропаганда этой программы среди сельскохозяйственных рабочих и крестьян. Особые заслуги в деле усиления политической работы партии в деревне принадлежали прежде всего ведущему специалисту КПГ по работе в деревне Эдвину Хёрнле, заведующему сельскохозяйственным отделом ЦК Генриху Рау, а также депутату рейхстага от КПГ и председателю Германского союза мелких крестьян Эрнсту Путцу.

В проведенной КПГ «Неделе деревни» Эрнст Тельман не участвовал: он поехал в это время в советскую столицу, где с 17 февраля по 15 марта 1926 г. проходил VI расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала. Исполком Коминтерна пригласил представителей всех коммунистических партий, чтобы обсудить совместно с ними политическую и экономическую обстановку на международной арене в истекшем году и наметить

актуальные задачи в борьбе против мирового империализма, за дальнейшее идеологическое, политическое и организационное укрепление коммунистических партий.

Эрнст Тельман, который на организационном заседании 17 февраля был избран в президиум пленума, с большим вниманием выслушал доклад Исполкома. Содержавшаяся в нем оценка международного положения, осуждение ультралевого сектантства и ориентация на еще более энергичное применение тактики единого фронта в борьбе против империализма полностью совпадали с его собственными оценками и соображениями. Он также с большим интересом слушал выступления представителей других партий, рассказывавших о своих успехах и трудностях.

Выступая в прениях по докладу ИККИ, Эрнст Тельман начал свою речь с принципиального положения о том, что все важнейшие вопросы какой-либо страны или партии должны рассматриваться с учетом международных проблем и могут быть правильно поняты только в такой интернациональной взаимосвязи. Он подверг критике то, что дискуссия «слишком сосредоточивает внимание на вопросах отдельных секций, а связь этих вопросов с международными проблемами выявляется слишком слабо». С этой же меркой Тельман подошел и к рассмотрению германских проблем. Он исследовал уровень развития относительной стабилизации капитализма и показал, как американский капитал пропикал в крупную промышленность Германии, как укреплялись экономические позиции германского монополистического капитала и как параллельно с этим германское имперское правительство при попустительстве правых лидеров СДПГ обостряло свой реакционный курс. Он вскрыл также противоречивость стабилизации капитализма. Эрнст Тельман сделал вывод о том, что сложившаяся обстановка, хотя и не острая революционная, как в 1923 г., дает КПГ «возможность завоевать на свою сторону широкие массы и создавать опорные пункты на пути организации революции»¹.

Тельман подчеркнул, что для коммунистической партии особенно необходимо укреплять свои позиции в профсоюзах, чтобы в грядущих экономических боях руководящая роль принадлежала коммунистам.

Он подробно информировал об опыте, который уже приобрела КПГ при организации народного движения за безвозмездную конфискацию собственности князей. Вместе с тем он отметил успехи других секций, особо остановившись на положении в чехословацкой, польской, итальянской и английской братских партиях.

Эрнст Тельман выдвинул требование противопоставить мировой буржуазии единый революционный классовый фронт международного пролетариата, опирающийся на единую мировую политику всех коммунистов. В интересах этой великой цели он резко выступил против попыток Бордиги и других ультралевых, в том числе и

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 233.

некоторых делегатов КПГ, посягнуть на «единство Коминтерна... которое основывается на ленинизме», и противопоставить ВКП(б) Коммунистическому Интернационалу. Тельман подчеркнул, что положение партии Ленина в Коминтерне обусловлено тем, что она является наиболее опытной секцией, «единственной в мире партией, которая установила диктатуру пролетариата и вот уже более восьми лет успешно отстаивает ее и действительно, хотя и в условиях величайших трудностей, строит социализм»¹.

Когда же ультралевые на заседаниях Германской комиссии и в прениях по докладу этой комиссии объединенными силами перешли в организованное наступление на линию Коминтерна, Тельман решительно выступил против них. Он заверил руководящий штаб международного революционного рабочего движения в том, что путем упорной идеологической борьбы КПГ искоренит сектантство в своих рядах. Силы, сгруппировавшиеся вокруг Рут Фишер, Вернера Шолема и Аркадия Маслова, как показала практика, не проявляют желания заниматься конструктивной политической работой, и поэтому они для КПГ политически и морально потеряны; партия должна с ними расстаться, потребовал он на заседании Германской комиссии. Рут Фишер и ее друзья продолжали опасную, а некоторые члены партии и лживую, двойную игру, внешне притворяясь лояльными, а втайне стремясь объединить ультралевые силы с целью вновь захватить руководство партией. Однако за каждого обманутого ими рабочего необходимо бороться, указывал со всей настойчивостью Тельман. Речь шла о том, чтобы на основе решений ИККИ сплотить КПГ, превратить ее в монолит².

Эрнст Тельман и руководство КПГ получили поддержку со стороны представителей других партий. Так, Георгий Димитров заявил: «Теперешняя руководящая рабочая группа германского ЦК должна получить всемерную поддержку со стороны всех секций Коминтерна»³.

В резолюции по немецкому вопросу ИККИ констатировал, что КПГ под руководством Эрнста Тельмана удалось выработать правильную тактику и успешно применять ее, «провести широкие кампании, мобилизовать широкие массы трудящихся и таким образом создать базис для дальнейших массовых движений стремящегося к единству пролетариата». Коммунистическим партиям было рекомендовано «в качестве лучшего примера» правильного применения тактики единого фронта рассматривать «борьбу за отчуждение собственности бывших владетельных особ в Германии». ИККИ полностью поддержал «рабочую группу, стоящую во главе КПГ» и образующую ядро подлинно ленинского руководства

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 232.

² См.: Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 244.

³ VI расширенный пленум Исполкома Коминтерна (17 февраля — 15 марта 1926 г.). Стенографический отчет. М.—Л., 1927, с. 568.

партии. ИККИ подчеркнул, что товарищи, сплотившиеся вокруг Эрнста Тельмана, свободны от фракционной узости, имеют правильный подход к германским рабочим массам и установили основанные на взаимном доверии взаимоотношения с Коммунистическим Интернационалом.

Взросший международный авторитет Эрнста Тельмана и КПГ нашел свое выражение и во время перевыборов Президиума и Секретариата ИККИ 14 марта. Герман Реммеле, Эрнст Тельман и Клара Цеткин были избраны в Президиум, а Оттомар Гешке — в Секретариат. Тельман единогласно был избран заместителем председателя ИККИ.

Пребывание в Москве в феврале — марте 1926 г. показало, насколько глубоко вошел уже Тельман в роль руководящего деятеля Коминтерна. Как и председатели других секций, он сделал выдержанный в интернационалистском духе отчетный доклад перед Коминтерном о деятельности возглавляемой им национальной секции. Вместе с тем он чувствовал себя ответственным и за развитие других братских партий. Его выступления на VI пленуме ИККИ, как и на других конгрессах и совещаниях Коминтерна, свидетельствовали о том, что ко всем вопросам классовой борьбы он подходил с интернационалистских позиций. Он учился на опыте международного рабочего движения, чтобы лучше выполнять свои задачи в собственной стране, а также стремился к тому, чтобы сделать опыт немецкого рабочего движения полезным для других коммунистических партий.

Сразу после окончания 15 марта пленума ИККИ, Эрнст Тельман вернулся в Берлин. За это время в Германии была одержана крупная победа единого фронта, созданием которого он так много занимался. В списке сторонников референдума, которые составлялись с 4 по 17 марта, внесли свои имена 12,5 млн. граждан, имеющих право голоса. Это было в 3 раза больше числа подписей, необходимых для проведения референдума.

Эрнст Тельман видел теперь свою задачу в мобилизации всех сил партии на достижение следующей цели: победы в плебисците. Он исходил из того, что реакционные партии в рейхстаге не отступят перед 12,5 млн. сторонников референдума и добьются отклонения законопроекта о конфискации собственности князей. Для победы в плебисците было необходимо собрать около 20 млн. голосов. Это была высокая цель. Несмотря на упорное сопротивление всех сил реакции, удалось было привлечь на свою сторону еще 7,5 млн. избирателей, прежде всего из средних городских слоев и сельского населения. 12,5 млн. голосов за проведение референдума вызвали в рядах буржуазных партий и организаций тревогу и замешательство. 15 апреля они образовали направленный против референдума рабочий комитет, который располагал огромными денежными средствами и в распоряжении которого находилась большая часть принадлежавшего силам реакции аппарата по формированию общественного мнения. Католические епископы в па-

стырском послании грозили верующим: кто пойдет голосовать на референдум, нарушит высшие заповеди бога. Германский президент Гинденбург нарушил возлагавшееся на него конституцией правило проявлять сдержанность и выступил с письмом в защиту бывших владетельных князей. Это письмо было широко распространено.

На заседаниях руководства партии, на совещаниях партийных работников, в статьях и воззваниях Эрнст Тельман анализировал обстановку после голосования по вопросу о референдуме и намечал дальнейшие задачи. Так, на 3-ей Всегерманской конференции Союза красных фронтовиков, состоявшейся 20—21 марта 1926 г. в г. Галле, он отмечал, что успех всенародного волеизъявления состоит не только в том, что собрано 12,5 млн. подписей. Намного важнее были «широкий размах мобилизации всего пролетариата и усиление благодаря этому процесса дифференциации в буржуазных партиях»¹. Председатель партии указывал на то, что следовало основательно подумать, каким образом можно было бы использовать силу миллионов трудящихся за рамками референдума для борьбы против монополистического капитала и реакционной политики буржуазных партий.

Тельман обращал внимание на разногласия в рядах Демократической партии Германии и в партии Центра. Их руководящие круги были яркими противниками конфискации собственности князей, вследствие чего они вступили в противоречие со многими своими избирателями, с верующими рабочими, мелкими буржуа, крестьянами и представителями среднего сословия, которые симпатизировали движению за конфискацию собственности князей. Особенно внимательно следил Тельман за изменениями в отношениях между КПГ и СДПГ. Он пришел к выводу, что «стена между социал-демократическими и коммунистическими рабочими хотя и не была еще полностью разрушена...»², но в ней уже была пробита большая брешь.

В начале апреля Эрнста Тельмана уложил в постель грипп. Лечился он, как обычно, дома, в своей гамбургской квартире, с помощью домашнего врача, а ухаживала за ним жена Роза. В его отсутствие ультраевые силы, которые настойчиво пытались дискредитировать крупную акцию единого фронта, организованную КПГ, предприняли новые атаки против марксистско-ленинской политики руководства партии. Однако в середине апреля Председатель КПГ снова был на своем посту. Выступив на состоявшейся 16—17 апреля в Берлине конференции политических секретарей и редакторов, он подверг резкой критике ультраевое сектапство и подчеркнул: проведение реальной пролетарской политики означает в Германии в настоящее время направлять огонь внутрипартийной борьбы против ультраевых. Партия, говорил Тельман, не должна

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 249.

² Там же, с. 250.

позволить сектаптам мешать ей в практической работе. Она должна еще лучше и последовательнее выступать в защиту жизненных интересов трудящихся и на примере практических успехов работы среди широких масс убеждать в правильности политики ЦК тех рабочих, которые, либо разуверившись, либо охваченные революционным нетерпением, следуют за ультралевыми лидерами¹.

Эта конференция — «лучшая из всех за многие годы», как сообщал Лео Фляг представительству КПГ при ИККИ, — отразила большое доверие, завоеванное тельмановским партийным руководством среди коммунистов. Состоявшиеся в последующие месяцы окружные партийные конференции также подтвердили рост доверия к руководству партии и усиление изоляции ультралевых. Эрнст Тельман выступал с докладами на партийных конференциях в округах Галле-Мерзебург, Вассерканте и в Берлине.

6 мая 1926 г. рейхстаг отклонил поддержанный 12,5 млн. избирателей законопроект о конфискации собственности князей. За законопроект голосовали представители КПГ, СДПГ и несколько депутатов от ДПГ. Ставший вследствие этого неизбежным, референдум был назначен имперским правительством на 20 июня. КПГ, комитет Кучинского, а также многочисленные социал-демократические организации удвоили свои усилия с целью привлечения на свою сторону новых избирателей. Вычепляющим кульминационным моментом при этом был 2-й Всегерманский слет Союза красных фронтовиков, состоявшийся 23—24 мая в Берлине. Подготовка к нему была проведена в духе борьбы против монархической реакции, за конфискацию собственности князей, за союз с мелкобуржуазными слоями и мелким крестьянством. В Берлин прибыли около 50 тыс. красных фронтовиков. Всю ночь с субботы на воскресенье Эрнст Тельман и другие члены руководства союза находились с делегациями из округов. Возглавляемый Эрнстом Тельманом марш колонн красных фронтовиков, которых на улицах Берлина восторженно приветствовали 300 тыс. жителей города, вылился, как и ожидал председатель союза, в «мощную демонстрацию борьбы против социальной и монархической реакции, в частности за победоносный плебисцит против князей и их слуг»². Это была самая крупная демонстрация, которую когда-либо видел Берлин после демонстраций протеста в связи с убийством Ратенау в 1922 г. Слет убедительно показал, что КПГ и Союз красных фронтовиков во главе с Эрнстом Тельманом расширяли свое влияние в массах, воспитывая все больше сознательных классовых борцов из числа рабочих.

На пленуме ЦК 4 июня Эрнст Тельман дал оценку возможного исхода плебисцита, высказав предостережение от чрезмерных надежд, с одной стороны, и от недооценки сил трудящихся — с дру-

¹ См.: *Тельман Эрнст*. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 254, 256.

² *Die Rote Fahne*, 26. V 1926.

гой. Хотя получение необходимого числа голосов и маловероятно, подчеркнул он, тем не менее если в тяжелой борьбе «рабочих масс совместно с оппозиционной мелкой буржуазией против промышленных баронов, юнкеров и правительства»¹ будет получено не менее 20 млн. голосов, то и это следует расценить как большой успех. В последние две недели перед референдумом Эрнст Тельман использовал любую возможность для выступлений перед партийными функционерами, а также на массовых митингах. Всей силой своей убежденности и авторитета он стремился сплотить рабочий класс для единых действий.

14 455 184 избирателя, т. е. 36,4% всех имеющих право голоса граждан, проголосовали 20 июня за безвозмездную конфискацию собственности князей. Это было примерно на 4 млн. больше числа голосов, полученных КПП и СДПГ на последних президентских выборах. Несмотря на чудовищное давление на избирателей со стороны реакции, например угрозу репрессий со стороны крупных землевладельцев, что удержало многих крестьян от голосования в сельскохозяйственных районах восточнее Эльбы, рабочий класс, действовавший единым фронтом в союзе с буржуазно-демократическими силами, добился крупного политического успеха, хотя непосредственная цель и не была достигнута. Как и в 1920 г. при подавлении капповского путча, участвуя во всенародном движении против выплаты князьям компенсации за конфискованную собственность, в этой самой крупной акции единства немецкого рабочего класса в годы относительной стабилизации капитализма, рабочие вновь могли убедиться в том, что сила рабочего класса заключается в единстве действий и что, выступая единым и сплоченным, он может стать большой притягательной силой для своих союзников в городе и деревне. Под руководством Эрнста Тельмана КПП с честью выполнила роль инициатора и движущей силы всенародного движения. По оценке Тельмана, партии «впервые удалось правильно применить в частном вопросе тактику единого фронта»².

В то время как Тельман голосовал в Гамбурге против бывших князей, в газете «Ди роте фане» уже появилась его статья «Начало борьбы!», которая ориентировала партию на следующий этап битвы. «Коммунисты, — писал Тельман, — и после 20 июня будут продолжать борьбу за отчуждение собственности князей, как часть великой борьбы за свержение господства капитала... Лозунгами для 21 июня будут: «Каждый комитет единства обсуждает результаты плебисцита!» ...Все лозунги экономической и политической борьбы рабочего класса, обнищавшей мелкой буржуазии и обедневшего мелкого крестьянства сольются в единый боевой клич: «Да здравствует Конгресс трудящихся Германии!»³

¹ IML, ZPA, I 2/1/43.

² Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 289.

³ Там же, с. 269—270.

29 мая 1926 г. Эрнст Тельман вылетел в Москву, чтобы информировать ИККИ о разворачивании всепародного движения за конфискацию собственности князей. В Москве он был подключен к обсуждению событий в Польше, в которой в середине мая ярый антикоммунист, выходец из рядов польской социал-демократии маршал Юзеф Пилсудский совершил реакционный военный переворот, низложил правительство, вынудил уйти в отставку президента и приступил к ликвидации буржуазно-парламентской системы и установлению открытого диктаторского режима. Пилсудский сумел ввести в заблуждение часть рабочего класса, крестьянства, средних слоев и угнетенные национальные меньшинства относительно подлинных целей своего государственного переворота, выдавая его за борьбу против реакции. В исключительно сложной обстановке, сложившейся в эти майские дни, перед братской польской партией стояла задача освободить массы от всяческих иллюзий относительно режима Пилсудского и придать их борьбе революционную направленность.

Еще в Берлине Тельман внимательно следил за сообщениями о событиях в Польше и о тактике Коммунистической партии Польши. Перед своим отъездом в Москву он 26 мая информировал Политбюро о том, что свою точку зрения по польскому вопросу он доложит ИККИ.

В Москве он поддержал усилия ИККИ, направленные на выработку реальной, классовой оценки событий в Польше и оказание помощи Коммунистической партии Польши в выборе правильной тактики борьбы против Пилсудского. На следующий день после его прибытия в Москву «Правда» опубликовала его статью «О тактике польской компартии», а 3 июня ее напечатала и газета «Дироте фане». Эта статья легла в основу обсуждения польских событий в ИККИ, которое помогло Коммунистической партии Польши развернуть борьбу против режима Пилсудского.

Интернационалистская позиция Эрнста Тельмана ярко проявилась также при организации акций солидарности с английскими горняками. Выведенные из себя попытками шахтовладельцев снизить заработную плату и увеличить продолжительность рабочего дня, английские горняки 1 мая 1926 г. объявили забастовку. Через два дня в знак солидарности с горняками во всей Англии началась всеобщая забастовка, в которой приняли участие около 4 млн. трудящихся. Это было «наиболее массовое и решительное выступление европейского пролетариата в годы временной стабилизации капитализма»¹. Однако 12 мая правые лидеры тред-юнио-

¹ См.: Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк, с. 254.

нов прекратили всеобщую забастовку. Но горняки — а это миллион рабочих, — опираясь на международную солидарность, и прежде всего на помощь рабочего класса Советского Союза, продолжали свою борьбу в течение семи месяцев. Только в ноябре шахтовладельцам удалось при помощи реформистских лидеров задушить забастовку.

Еще когда английские горняки только готовились к забастовке, на конференции окружных секретарей и редакторов газет, состоявшейся 16—17 апреля, Эрнст Тельман призвал партию поддерживать это движение. Непосредственно после начала всеобщей забастовки, 4 мая, Политбюро под его руководством обсудило вопрос об организации акций солидарности. В заседании участвовали представители Международной рабочей помощи. На следующий день Эрнст Тельман по поручению ЦК направил правлению АДГБ открытое письмо, которое он вместе с Фрицем Геккертом вручил в здании правления на Вальштрассе. В нем Эрнст Тельман указывал на исключительную важность, которую имеет английская всеобщая забастовка для всего международного рабочего движения, и в особенности для германских рабочих, и предлагал правлению АДГБ «...немедленно организовать совместные действия важнейших союзов также и в Германии», чтобы тем самым способствовать началу международных акций помощи. Было бы совершенно недостаточно, отмечалось в письме, если бы профсоюзы горняков и транспортных рабочих поставили перед собой цель не допустить экспорта германского угля в Англию. Более важно, чтобы «на время английской забастовки был прекращен какой бы то ни было экспорт угля». Важно не допустить, чтобы германская буржуазия заменила Англию на мировом рынке и стала весьма эффективным штрейкбрехером. Тельман рекомендовал «в целях немедленного создания фонда помощи борьбы в Англии... брать со всех членов АДГБ специальный взнос». Необходимо, писал он, использовать возникшую в связи со всеобщей забастовкой в Англии благоприятную ситуацию, «чтобы организовать наконец и в Германии борьбу за удовлетворение требований горняков и всего рабочего класса, а именно: восьмичасовой рабочий день, семичасовые смены для горняков, более высокая заработная плата, достаточные пособия для безработных и работающих неполную неделю»¹. Для организации этой борьбы он предложил создать из представителей всех участвующих профсоюзов центральное руководство.

Это открытое письмо содержало реалистическую и приемлемую программу борьбы. Ее осуществление могло бы стать эффективной поддержкой английским братьям по классу, укрепило бы силы немецкого пролетариата и повысило бы влияние профсоюзов в массах. Однако правление АДГБ отклонило предложение КПГ о совместных действиях. Оно заявило 6 мая, что только профсоюзы несут ответственность перед немецким и международным рабочим

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 258—259.

классом и поэтому должны принимать решения самостоятельно. КПГ и взывала к этому чувству ответственности за международную солидарность.

Однако правые лидеры профсоюзов и не думали подкреплять свои слова делами. Напротив, они сорвали многие акции солидарности, намеченные по решению функционеров местных профсоюзных организаций горняков, прежде всего акции, направленные против экспорта угля. В результате с мая по сентябрь в Англию поступило 11 млн. тонн штрейкбрехерского угля.

Невзирая на враждебную позицию правых лидеров СДПГ и профсоюзов по отношению к единому фронту, КПГ последовательно и честно выступала за единство действий в защиту интересов немецкого и международного пролетариата. Однако она была вынуждена разворачивать движение солидарности в одиночку, преодолевая к тому же сопротивление большинства профсоюзных инстанций. Пожалуй, не было ни одного заседания Политбюро или Центрального Комитета, на котором не обсуждались бы вопросы поддержки забастовки английских горняков. Эрнст Тельман являлся инициатором важнейших акций солидарности. Особое значение он придавал борьбе против экспорта угля в Англию. Однако влияние КПГ в профсоюзах было слишком слабым, чтобы сломить сопротивление профсоюзной бюрократии и побудить горняков и транспортных рабочих в Германии к эффективным акциям солидарности, к участию в забастовках и борьбе за прекращение поставок угля.

Эрнст Тельман заботился не только о действенной солидарности; он вместе с тем обращал внимание партии на необходимость тщательного изучения и использования в ее работе опыта широкой стачечной борьбы английских горняков и применявшейся при этом профсоюзной тактики как со стороны реформистских лидеров тред-юнионов, так и со стороны оппозиционного меньшинства в британских профсоюзах.

Эрнст Тельман видел в крупной английской забастовке важный источник опыта для КПГ, особенно это касалось работы в профсоюзах и экономической борьбы. Это было ему особенно близко, поскольку имело первостепенное значение для сплочения масс вокруг революционного авангарда, для защиты непосредственных жизненных интересов трудящихся. Об этом шла речь и в Германии.

Еще во время подготовки референдума по вопросу о безвозмездной конфискации собственности князей Эрнст Тельман предлагал на заседании Политбюро разработать программу борьбы за социальные интересы трудящихся на период после 20 июня 1926 г. 4 июня ЦК КПГ впервые обсуждал такую программу. Председатель партии проанализировал в своем докладе важнейшие политические события после VI пленума ИККИ: всеобщую забастовку в Англии, государственный переворот в Польше и всепародное движение против выплаты компенсации за подлежавшую конфиска-

ции собственности немецких князей. Он пришел к выводу, что открылись новые благоприятные возможности для активизации борьбы против наступления капитала, для дальнейшего поступательного развития рабочего движения и его союзников. Тельман осудил пессимизм оппортунистических и ультралевых сил, которые считали, что стабилизация капитализма исключала возникновение революционного кризиса в течение ближайших 10—15 лет. Но в то же время он предостерегал и от иллюзий, что ближайшие столкновения с господствующим классом «будут уже преддверием решающих битв»¹. Сейчас речь шла скорее о дальнейшем укреплении складывавшегося пролетарского единого фронта. Кропотливая повседневная работа, борьба по «вопросу о хлебе», за удовлетворение насущных требований масс — вот главная задача партии, указывал Тельман. Особое внимание он обращал на работу среди безработных, ибо создать боеспособный пролетарский единый фронт можно было только в том случае, если удалось бы вовлечь в него также и миллионную армию безработных. Для укрепления доверия безработных к КПГ требовалось прежде всего, чтобы коммунисты более активно выступали против остановки предприятий, за соединение борьбы безработных с борьбой заводских рабочих. Депутаты-коммунисты в парламентах земель и муниципальных представительств должны были вносить предложения о новых мерах по оказанию помощи безработным. В заключение Тельман предложил подготовить всегерманский конгресс безработных, которому надлежало принять программу борьбы за жизненные интересы безработных.

Тремя неделями позже, 22 июня, Эрнст Тельман внес и обосновал на Политбюро предложение о подготовке конгресса представителей всех слоев работающего населения, конгресса трудящихся. Цель и смысл конгресса должны были состоять в том, чтобы укрепить неустойчивый фронт 14,5 млн. избирателей, которые проголосовали за конфискацию собственности князей, дать борьбе трудящихся за свои интересы новый толчок и поставить новые задачи. В связи с этим на конгрессе следовало обсудить вопрос о путях борьбы с последствиями капиталистической рационализации, ведущей к ухудшению положения рабочих и среднего сословия. Задача делегатов должна была состоять в организации действительных акций против наступления капитала и в содействии вовлечению в единый фронт с коммунистами рабочих и средних слоев населения, не входящих в КПГ. Тельман, который уже обсуждал данный вопрос с товарищами во время своего последнего посещения Рурской области и Гамбурга, потребовал проведения основательной многомесячной подготовки такого конгресса и предложил образовать для этого комиссию во главе с Артуром Эвертом.

В начале июля обострилась болезнь горла, которой Эрнст Тельман страдал уже давно. По предложению врача Секретариат ЦК

¹ IML, ZPA, I 2/1/43.

КПГ рассмотрел вопрос о предоставлении ему полуторамесячного лечебного отпуска. Но Председатель партии позволил себе лишь минимальный отдых. Остаться на посту его заставили все продолжавшиеся столкновения с ультралевыми. Политически они были уже давно разгромлены, но все еще продолжали мешать работе партии. Они не могли примириться с тем, что, несмотря на их вопли, партия приступила к решению очередных дел.

19 августа 1926 г. Центральный Комитет почти единогласно проголосовал за предложение Эрнста Тельмана об исключении Рут Фишер и Аркадия Маслова из партии за их непрекращавшуюся фракционную деятельность.

Неделей позже на состоявшейся 25—26 августа конференции окружных секретарей и редакторов газет Эрнст Тельман отметил, что курс КПГ на решительную борьбу за повседневные интересы широких масс особенно поддерживают и приветствуют заводские рабочие. Тельман потребовал сосредоточить все силы на борьбе против буржуазии, а также против реформистской политики правых лидеров СДПГ и профсоюзов. В то же время он со всей настойчивостью указал на необходимость дальнейшего развития внутрипартийной демократии и улучшения организационно-партийной работы. Единство и сплоченность партийных рядов, знания, боевая готовность и мужество каждого коммуниста, подчеркивал Тельман, — вот основные предпосылки для того, чтобы партия смогла выстоять в борьбе против империализма.

Этой цели служила также система пропаганды и партийной учебы, которая была создана под руководством Эрнста Тельмана. Распространению марксизма-ленинизма в партии и в среде рабочего класса препятствовали ультралевые. И вот в 1926 г. для членов КПГ было проведено два начальных курса занятий по изучению принципиальных вопросов теории. Первый курс состоялся весной. На нем рассматривались, в частности, проблемы империализма и буржуазного государства, а также вопросы стратегии и тактики партии. При этом в центре внимания находились вопросы тактики единого фронта и политики союзов. Второй начальный курс занятий был запланирован на осень. Тема его гласила: «Проблемы диктатуры пролетариата и строительство социализма в Советском Союзе». В ходе этого курса члены КПГ подробно и основательно познакомились с учением Ленина о возможности победы социализма в одной стране. На конференции окружных секретарей и редакторов газет 25—26 августа Эрнст Тельман сообщил, что Центральный Комитет создал партийную школу, где лучшие партийные работники и рядовые члены партии смогут систематически изучать марксистско-ленинскую науку.

Ленинский курс КПГ, ее последовательная борьба за жизненные интересы трудящихся способствовали заметному росту авторитета партии и уважения к ней. Как сообщал Тельман 16 сентября Центральному Комитету, с лета 1925 г. КПГ вовлекла в свои ряды около 20 тыс. новых членов партии и приобрела 40 тыс.

подписчиков партийных газет. Эрнст Тельман требовал от коммунистов неуставно доказывать своей практической работой на предприятиях и в профсоюзах, что КППГ наилучшим и самым решительным образом защищает интересы рабочих. Он сам всегда был впереди, подавая пример как рядовым членам партии, так и партийным работникам. Так было и в Гамбурге, где в сентябре 1926 г. развернулась ожесточенная борьба между портовыми рабочими и предпринимателями по вопросу заработной платы.

Гамбургские портовые рабочие потребовали повышения заработной платы на 20%, гарантированной зарплаты, как минимум, за пять рабочих дней в неделю и отмены сверхурочных. Эти требования в аналогичной форме выдвигались рабочими и других профессий. Позднее, оглядываясь назад, Эрнст Тельман писал, что рабочие защищались от германского трестовского капитала, который пытался «еще туже затянуть тиски эксплуатации, чтобы при меньшей оплате и тяжелейшей работе выжать из рабочих как можно больше»¹. Как и повсюду, предприниматели в Гамбурге также отклонили требования рабочих, приведя в обоснование шаткие доводы о том, что из-за плохого экономического положения германские предприятия и без того уже неконкурентоспособны. Но корпорации портовых предприятий — объединенно предпринимателей перевалочных, складских и экспедиционных фирм — показалось мало и этого, она потребовала дальнейшего снижения заработной платы.

Используя публикации буржуазной прессы, Тельман доказал, что портовый капитал, без сомнения, был в состоянии удовлетворить требования рабочих. Ввиду решимости портовых рабочих начать борьбу некоторые предприниматели были даже готовы пойти на уступки. 27 сентября портовые рабочие в ходе общего голосования большинством в три четверти голосов отвели решение третейского суда, вынесенное 24 сентября и отклонившее все требования рабочих, и постановили начать 1 октября забастовку. Профсоюзы уже определили состав забастовочного комитета. Тогда вмешался имперский министр труда Генрих Браунс. 30 сентября он объявил, что решение третейского суда имеет обязательную силу. Как указывал Эрнст Тельман, министр труда исходил из того, что принятие требований рабочих Гамбурга «имело бы далеко идущие последствия для всей политики в области заработной платы в германской экономике»², поэтому нельзя было идти ни на какие уступки.

КППГ в интересах рабочих выступила за то, чтобы вызвать как раз те «далеко идущие последствия», которых так опасались предприниматели и правительство. Гамбургские же профсоюзные инстанции, напротив, использовали это признание за решением

¹ *Thälmann Ernst. Ziel und Bedeutung des Hafenarbeiterstreiks.*— In: HVZ, 2. X 1926.

² *Ebenda.*

третейского суда обязательной силы в качестве желанного предложения, чтобы квалифицировать уже объявленную забастовку как недопустимую, «дикую», и отказались оказать бастующим финансовую поддержку. Это не остановило коммунистов, которые и прежде выступали за решительную борьбу. Они добились того, что на собрании доверенных лиц портовых рабочих 30 сентября было подтверждено решение о проведении забастовки. Был избран новый забастовочный комитет, состоявший из социал-демократов, коммунистов и беспартийных.

1 октября портовые рабочие организованно и сплоченно начали забастовку и остановили работу порта. Как только Эрнст Тельман узнал о начале забастовки, он поспешил в свой родной город, в столь знакомый ему порт, чтобы быть рядом с рабочими, со своими коллегами, с которыми он проработал плечом к плечу многие годы, и оказать им поддержку в их борьбе. Поздним вечером первого дня забастовки он прибыл в Гамбург.

Первый визит он нанес в окружной комитет КПГ на улице Валентинскамп. Узнав, что портовники единодушно заменили капитулянтский реформистский забастовочный комитет новым, состоящим из социал-демократов и коммунистов, он высоко оценил этот успех. Это значит, сказал он, что гамбургские коммунисты научились вести массовую работу на предприятиях и на деле проводили тактику единого фронта.

Эрнст Тельман попросил дать ему список забастовочного комитета. Внимательно ознакомившись с фамилиями, он возвратил список секретарю окружного комитета партии Рудольфу Линдау с вопросом: «А почему в этом забастовочном комитете нет жен портовых рабочих? Уж не думаете ли вы выиграть забастовку без них?» На заявление о том, что в порту работают только мужчины, он недовольно возразил: «Вы что же думаете, что мы только в целях агитации выдвигаем лозунг: вопрос заработной платы — это вопрос хлеба для всей семьи!»¹

Тельман попросил пригласить заведующую женским отделом окружного комитета и спросил ее, какая работа по подготовке забастовки была проведена среди жен портовых рабочих, что было сделано для организации забастовки солидарности сортировщиц кофе в порту. Он внимательно выслушал ее сообщение. Когда она сказала, что многие портовники сами считали, что их забастовка — это мужское дело, он со всей решительностью осудил такую точку зрения и потребовал не допускать больше недооценки роли жен рабочих в классовой борьбе. Тельман предупредил, что надо быть готовым к тому, что со стороны корпорации портовых предприятий, городского сената и правых лидеров профсоюзов могут быть предприняты шаги к подавлению забастовки. По его инициативе

¹ *Schultz Anna*, Thälmann, der Hafenarbeiterstreik und die Frauen.— In: *Rundschau über Politik, Wirtschaft und Arbeiterbewegung* (Basel) (im folgenden: *Rundschau*), 1934, № 39, S. 1556.

во все районы города были посланы партийные работники с заданием мобилизовать к следующему утру рабочих для усиления забастовочных пикетов. Были посланы курьеры в другие портовые города для организации там акций солидарности. Затем Эрнст Тельман продиктовал статью о забастовке для газеты «Гамбургер фолксцайтунг».

После решения важнейших вопросов в окружном комитете партии Тельман в сопровождении нескольких партийных работников направился в порт, чтобы непосредственно на месте почувствовать настроение бастующих, посмотреть, как выполняют свои задачи забастовочные пикеты, поделиться опытом с забастовочным комитетом и оказать ему тем самым поддержку.

Когда утром 2 октября мобилизованные ночью портовые рабочие, их жены и безработные из Баумвалла, Миллернтора, из квартала Генге и Старого города двинулись в порт, образовав колонну демонстрантов, чтобы поддержать забастовочные пикеты, Эрнст Тельман был среди них. В порт не решился проникнуть ни один штрейкбрехер. Скоро рабочие уже держали в руках газету «Гамбургер фолксцайтунг» и читали о том, что хотел сказать Председатель КПГ о «цели и значении забастовки портовых рабочих». В своей статье Тельман дал высокую оценку мужеству портовиков, которые «первыми начали борьбу против последствий капиталистической рационализации... первыми прорвали линию жульнической арбитражной системы». Он призвал всех рабочих глубоко вникнуть в политическое и экономическое значение забастовки портовиков и всеми средствами поддерживать ее. «Забастовка имеет принципиальное значение не только для гамбургского экономического района, но и далеко за его пределами. Добиться достойной человека заработной платы, восьмичасового рабочего дня, ликвидировать позорные сверхурочные работы, когда миллионы людей вообще не имеют работы, завоевать социально-политические права в области трудоустройства и в производственном процессе — это требования не только гамбургских портовиков, но и всего немецкого пролетариата. Они стоят на повестке дня всех предстоящих битв немецкого рабочего класса»¹.

На следующий день Эрнст Тельман выступил с речью в переполненном большом зале «Загебия» перед 5 тыс. рабочих, среди которых было много социал-демократов. Он призвал к солидарности с бастующими. С воодушевлением было встречено его сообщение о том, что ЦК КПГ пожертвовал 10 тыс. марок для забастовочной кассы. Он резко осудил поведение лидеров гамбургской организации СДПГ, которые не постеснялись поместить в газете «Гамбургер эхо» объявление корпорации портовых предприятий с призывом к срыву забастовки.

Эрнст Тельман без усталости трудился в эти дни в Гамбурге. Он вселял в борющихся мужество и уверенность, призывал к тесному

¹ HVZ, 2. X 1926.

сотрудничеству коммунистов, социал-демократов и беспартийных, убеждал портовых рабочих в том, что их забастовка имеет не только экономическое, но в еще большей мере политическое значение. Как он писал несколько позже, гамбургской партийной организации удалось в дни забастовки полностью держать в своих руках «политическое и идейное руководство борьбой»¹. Даже гамбургская полиция была вынуждена признать ведущую роль КПГ в забастовке.

Сплоченный фронт предпринимателей, поддержанных городским сенатом, а также враждебное отношение к забастовке правых лидеров СДПГ и профсоюзов, которые препятствовали проведению эффективных стачек и акций солидарности, вынудили портовых рабочих 5 октября прекратить забастовку. Несколько дней спустя Эрнст Тельман в своей статье подвел итоги этой борьбы. Вначале он привел оценку Францем Мерингом забастовки гамбургских портовых рабочих 1896/97 г., длившейся около четырех месяцев — с ноября 1896 по февраль 1897 г. Меринг назвал эту крупную акцию рабочего класса, которая впервые наглядно показала десятилетнему тогда Эрнсту Тельману классовые противоречия между трудом и капиталом, «героической борьбой» и «моральным успехом огромного значения».

Проведя гамбургскую забастовку 1926 г., впервые со времени начала относительной стабилизации капитализма «рабочие массы снова дали буржуазии серьезное сражение». Так охарактеризовал Тельман ее значение. Он отметил решимость, боевую дисциплину и классовое сознание бастующих. Как важный успех он оценил то, что коммунисты, несмотря на сопротивление профсоюзных лидеров, смогли не только провести мощную, длившуюся несколько дней забастовку, но и сумели также предотвратить грозивший массовый выход из профсоюзов, после того как забастовка из-за удара пожаром в спину, нанесенного ей реформистами, была прекращена.

«В общем же поведение коммунистов,— подчеркивал Эрнст Тельман,— ясно доказало, что у них нет никаких «партийно-политических» целей, помимо целей пролетарской классовой борьбы, и что, наоборот, именно их стратегические и тактические партийные цели полностью и исключительно соответствуют интересам классовой борьбы пролетариата»². Он определил следующие важнейшие задачи, вытекавшие для КПГ из этой забастовки: 1) оправдать вновь завоеванное доверие масс, углублять его упорной повседневной работой; 2) развернуть широким фронтом борьбу против арбитражной системы; 3) не бежать из профсоюзов, а работать в них более энергично, необходимо именно теперь вовлекать неорганизованных рабочих в профсоюзы; 4) повсеместно продолжать энергичную борьбу за удовлетворение жизненных требований портовых рабочих.

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 280.

² Там же, с. 281.

14 октября Тельман подвел итоги забастовки портовиков, выступив на заседании Политбюро с участием партийного руководства и работников центрального партийного аппарата. Работа КПГ в профсоюзах должна быть сосредоточена теперь прежде всего на подготовке дальнейших схваток, подчеркнул он. В будущем, в случае возникновения любой крупной забастовки, необходимо направлять в районы боевых действий лучшие силы Центрального Комитета и отдела ЦК по работе в профсоюзах для непосредственной поддержки бастующих рабочих и оказания коммунистам действенной помощи в руководстве борьбой на местах.

Осенью 1926 г. работники ЦК КПГ приступили к решению еще одной задачи. Центральный Комитет должен был переезжать в новое помещение. Несколько комнат в стоявшем в глубине двора доме по улице Розенталер штрассе, 38, где размещалось руководство партии с февраля 1921 г., было уже недостаточно. В течение нескольких месяцев велись поиски подходящего здания. Оно не должно было находиться в районе между Фридрихштрассе, рекой Шпрее, зоопарком и каналом Ландвер, где расположены рейхстаг и министерства и где с 1920 г. были запрещены демонстрации и собрания под открытым небом. Было желательно, чтобы ЦК находился в рабочем районе. Наконец в августе был куплен на выгодных условиях дом постройки 1912 г. на площади Бюловплац — теперь она носит имя Розы Люксембург. Рабочие Берлина называли его «домом Карла Либкнехта»; он стал символом КПГ и ее Центрального Комитета во главе с Эрнстом Тельманом.

Первые недели работы Эрнста Тельмана здесь были заполнены подготовкой к конгрессу трудящихся в VII расширенному пленуму ИККИ. Одновременно с этим руководству партии пришлось заниматься Вернером Шолем, Вильгельмом Шваном и Гуго Урбаном, которые не прекращали своей фракционной деятельности, продолжая поддерживать связь с Рут Фишер. Не имея иного выбора, Центральный Комитет был в конце концов вынужден исключить их 5 ноября из партии.

Борьба немецких трудящихся за свои жизненные интересы получила новый толчок в связи с проведением Всегерманского конгресса трудящихся, который состоялся 3—5 декабря в Берлине. Почти 2 тыс. делегатов, среди которых было много беспартийных и рабочих-социал-демократов, представителей крестьянства и городских средних слоев, приняли на этом конгрессе программу действий, совместной борьбы рабочих и всех трудящихся против капиталистической рационализации и усиливавшейся эксплуатации. С обоснованием предложений КПГ к этой программе выступили Фриц Геккерт, Эмиль Хёллайн, Вильгельм Кёнен и Теодор Нойбауэр. Эрнст Тельман, проявивший немалую инициативу в организации конгресса, в его работе не участвовал. В это время он находился в Москве, где 22 ноября открылся пленум ИККИ.

Во второй половине 20-х годов становилось все более очевидным изменение соотношения классовых сил в мире. На одной шестой части земного шара укреплялся советский строй; сила и авторитет первого рабоче-крестьянского государства росли. Все империалистические великие державы, за исключением США, а также многие другие капиталистические государства признали СССР и установили с ним дипломатические отношения. Дальнейшее укрепление Советского Союза ослабляло мировой империализм и создавало более благоприятные условия и перспективы для борьбы рабочего класса в капиталистических странах. С другой стороны, даже высокая конъюнктура в экономике не могла скрыть ограниченного характера стабилизации капитализма. О глубоких противоречиях империализма свидетельствовали прежде всего мощное забастовочное движение в Англии в 1926 г. и подъем китайской революции, подчеркнувшие относительный характер временной стабилизации капитализма.

Такое развитие поставило перед коммунистическим движением новые задачи, выдвинув на передний план вопрос о дальнейших перспективах мирового революционного процесса. В Советском Союзе на повестке дня стоял вопрос о дальнейшем строительстве социализма в условиях продолжавшегося капиталистического окружения; в капиталистических странах речь по-прежнему шла о том, чтобы в повседневной борьбе против капитала и буржуазной реакции спланировать рабочие массы и прокладывать путь для нового наступления революционного движения.

В Советском Союзе в связи с окончанием периода восстановления народного хозяйства и относительной стабилизацией капитализма разгорелась борьба по принципиальному вопросу — о перспективах диктатуры пролетариата и социалистического строительства. Особенно острой эта борьба стала в 1926—1927 гг. Большинство ЦК ВКП(б) во главе с его Генеральным секретарем И. В. Сталиным исходило из ленинского учения о возможности успешного построения социализма в СССР в условиях капиталистического окружения, что служило вместе с тем решающим рычагом для дальнейшего революционного преобразования мира. Этому противостояла оппортунистическая фракция во главе с Троцким и Зиновьевым¹. К силам, которые не отвечали политическим требованиям нового периода, относились и некоторые партийные деятели, пользовавшиеся до сих пор большим авторитетом в Коммунистическом Интернационале.

¹ См.: История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970, т. 4, кн. 1, с. 451—477.

Троцкистская оппозиция отстаивала точку зрения о невозможности построения социалистического общества в одной, отдельно взятой стране. Это действовало деморализующе и мешало планомерному строительству социализма. Пораженческая позиция Троцкого и Зиновьева в вопросе о строительстве социализма была поддержана всеми противниками ленинского курса, у которых успехи Советской страны и ее правящей партии выбивали почву из-под ног. В этом оппозиционном блоке собрались как правые, так и «левые» антипартийные элементы. Свой тезис о том, что СССР не в состоянии построить социализм в одиночку, троцкисты связывали с утверждением, что советский строй может быть сохранен только в том случае, если удастся форсировать революционное движение в капиталистических странах и довести его в недалеком будущем до пролетарской революции, в случае необходимости даже ценой военного столкновения с империалистическими державами. Эрнст Тельман охарактеризовал подобные взгляды как «связь отчаянных «левых» жестов с правооппортунистической по существу политикой»¹ и напомнил о том, что лидеры оппозиции уже неоднократно в сложных ситуациях выступали против Ленина и наносили партии удары в спину.

Троцкисты попытались навязать свои антиленинские, авантюристические концепции и Коммунистическому Интернационалу, где с ними солидаризировались такие носители левооппортунистических, псевдореволюционных тенденций, как ультралевые из КИПГ. Троцкисты в ВКП(б), так же как и «левые» оппортунисты в других коммунистических партиях, не поняли, что мировая пролетарская революция — это не быстрый, как порыв бури, процесс, а целая историческая эпоха, наполненная ожесточенной борьбой двух антагонистических общественных систем, и что двигает эту революцию вперед рождающийся и крепнущий социализм. Поэтому они игнорировали тот факт, что СССР оказывает воздействие на классовую борьбу в капиталистических странах в первую очередь своими экономическими успехами и достижениями в социально-политической области, силой своего примера. Поэтому как те, так и другие отказывались принимать во внимание условия периода относительной стабилизации капитализма, возводя клевету на реалистический подход и называя его отступлением перед империализмом. Такая позиция вскрывала их мелкобуржуазное неверие в силу победившего и правящего рабочего класса, в революционные возможности мирового пролетариата.

Поскольку созданное на одной шестой части земного шара первое рабоче-крестьянское государство являлось решающей опорой пролетариата капиталистических стран в его классовой борьбе, все коммунистические партии рассматривали борьбу против троцкистской оппозиции как свое кровное дело. 6 августа 1926 г.

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 303.

Эрнст Тельман выступил на пленуме ЦК КПГ по вопросу о борьбе с троцкистской оппозицией в ВКП(б). Это имело место непосредственно после того, как объединенный Пленум Центрального Комитета и Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б) открыто осудил антиленинскую линию и антипартийную фракционную деятельность троцкистов.

Для Эрнста Тельмана, который в решающей мере содействовал широкому распространению в КПГ ленинских взглядов о пролетарской партии как организованном и дисциплинированном передовом отряде рабочего класса, бескомпромиссная защита ленинского принципа единства и сплоченности партии была само собой разумеющимся делом. Противоположное этому представление о партии как о конгломерате правого и левого крыльев, связанных друг с другом соглашательским троцкистским «центром», однозначно проявило себя в немецком рабочем движении как вредное явление, содействовавшее распространению влияния буржуазной идеологии. Эрнст Тельман сделал должные выводы из опыта, накопленного в довоенной социал-демократии, в НСДПГ, а также из опыта фракционной борьбы в КПГ, последствия которой сдерживали развитие партии. Поэтому он отвергал троцкистское «представление о партии, как куче различных направлений, которые должны существовать рядом друг с другом под общей крышей партийной демократии»¹. Он знал, что этот центристский взгляд на партию подвергает рабочее движение разлагающему и парализующему влиянию буржуазной идеологии и политики.

В своем докладе на пленуме Центрального Комитета Эрнст Тельман обратил внимание на то, что выступления антиленинских сил угрожает диктатуре пролетариата, ослабляет ее прежде всего потому, что троцкистская оппозиция стремится к расколу Коммунистической партии. При поддержке большинства членов Центрального Комитета, и в первую очередь Филиппа Денгеля, Артура Эверта и Эрнста Шнеллера, Эрнст Тельман дал решительный отпор выступавшим с антипартийных позиций троцкистам и поддерживавшим их немецким ультралевым. Разоблачая троцкистских раскольников, он подчеркнул особую роль и ответственность Коммунистической партии, которая стояла во главе рабоче-крестьянского государства. Он настойчиво разъяснял немецким сторонникам троцкистской оппозиции, что диктатура пролетариата может осуществляться только под руководством единой партии, партии со строгой дисциплиной.

Необходимость решительной и безоговорочной поддержки ленинского большинства в ВКП(б) и в ее Центральном Комитете в борьбе против антиленинских элементов Эрнст Тельман обосновывал прежде всего высокой ответственностью ВКП(б) как ру-

¹ *Thälmann Ernst. Der Weg der russischen Opposition (Referat auf dem 16. Bezirksparteitag der KPD Berlin — Brandenburg — Lausitz am 26. November 1927).* — In: *Die Rote Fahne*, 4. XII 1927.

ководителя первого рабоче-крестьянского государства, как самой опытной и закаленной секции Коммунистического Интернационала.

Выдающуюся роль партии Ленина в Коммунистическом Интернационале Эрпст Тельман рассматривал как «важнейший вопрос»¹, как гарантию того, что курс Интернационала будут определять стратегические и тактические установки Ленина, его идеологические и организационные принципы. Тельман неустанно напоминал о том, что от их правильного применения, от творческого использования опыта победоносной революционной борьбы за установление власти рабочих и их союзников зависит победа или поражение пролетариата. Во многих своих речах и статьях он подчеркивал, что, передавая Коммунистическому Интернационалу и его секциям опыт строительства нового, социалистического общества, ВКП(б) обогащает их теоретическую мысль реальной картиной социалистического общества и наглядно показывает международному рабочему классу социалистическое будущее всех стран. Тельман использовал опыт ВКП(б) и для показа варварского, человекопославнического характера капиталистического строя, обоснования закономерности его замены социализмом и разоблачения лживой картины социализма, которую рисовали реформисты.

Выходившая в Ростове-на-Дону газета «Молот» — орган Северо-Кавказского краевого комитета ВКП(б) — опубликовала в день 9-й годовщины Октябрьской революции написанную для этой газеты статью Председателя КППГ, в которой он высказал свою точку зрения по принципиальным вопросам борьбы в ВКП(б). Тельман подчеркнул международное значение Советского государства, ставшего путеводной звездой и источником моральной силы для всего международного рабочего движения, и дал высокую оценку классовой солидарности советских трудящихся с мировым пролетариатом, которая в ходе социалистического строительства не ослабевает, как клеветнически утверждали троцкисты, а, напротив, становится все более эффективной и весомой. В статье подчеркивалось, что вопрос о социалистическом строительстве в СССР давно вышел за рамки теоретических исследований и социализм уже стал реальной действительностью. Советский Союз на практике доказал возможность построения социализма и успешно осуществляет его. Историческая задача Советского государства состоит в том, писал Тельман, чтобы в условиях капиталистического окружения, без поддержки социалистических промышленно развитых стран последовательно осуществлять строительство социализма и сделать СССР независимым от капиталистических стран. Это было принципиальным осуждением платформы троцкистской оппозиции и показало читателям, что КППГ твердо стояла на стороне ЦК ВКП(б), безоговорочно поддерживала его ленинский курс.

¹ ИМЛ, ЗРА, 1 2/1/45.

Кульминационным моментом борьбы с троцкистами перед конгрессом Коммунистического Интернационала явился VII расширенный пленум ИККИ. Он открылся 22 ноября 1926 г. в 19 часов в Андреевском зале Московского Кремля под председательством Эрнста Тельмана. Тельман был избран в президиум пленума, заместителем председателя политической комиссии, которая должна была рассмотреть и доработать проект тезисов о международном положении и актуальных задачах Коминтерна, и членом английской комиссии. 26 ноября он выступил в прениях по докладу Президиума ИККИ о международном положении и задачах Коммунистического Интернационала и доложил об опыте борьбы КПГ и ее развитии за прошедшие девять месяцев. 11 декабря он участвовал в обсуждении доклада И. В. Сталина о внутрипартийных вопросах ВКП(б).

Вместе с другими опытными руководящими деятелями международного рабочего класса, такими, как Сеп Катаяма, Васил Коларов, Пьер Семар, Богумир Шмераль, Пальмиро Тольятти и Клара Цеткин, Эрнст Тельман дал решительный отпор антиленинским взглядам оппозиции, осудил ее раскольническую деятельность, страстно и принципиально защищал ленинскую генеральную линию ВКП(б). При этом он исходил из того, что Советский Союз представляет собой «важнейший революционный фактор», базу и главную движущую силу мировой социалистической революции, что его развитие определяет перспективы мирового революционного движения, будущее человечества. Это первое государство победившего рабочего класса и его союзников, подчеркнул Тельман, оказывает «сильнейшее влияние на революционное движение, на классовую борьбу пролетариата» во всех странах. Прежде всего с укреплением Советского государства связывают революционные рабочие в капиталистическом мире свою уверенность в том, что, несмотря на все перипетии классовой борьбы, на все горькие поражения, они одержат окончательную победу над буржуазией. Благодаря своей боевой солидарности с Советской страной пролетариат капиталистических стран приближает день и своей победы, так как успехи советских трудящихся изменяют соотношение классовых сил в мире в пользу рабочего класса. Таким образом, «социалистическое строительство в Советском Союзе при обострении противоречий империализма создает возможность для победы революции и в одной из других капиталистических стран»¹.

Тельман постоянно подчеркивал это единство интересов Советского Союза и международного рабочего класса. Он исходил из того, что первое в мире социалистическое государство является самой надежной опорой трудящихся любой страны в борьбе против собственной империалистической буржуазии и что поэтому коренные интересы рабочих той или иной страны повелевают их коммунистической партии оказывать Советскому Союзу поддержку в

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 301.

его борьбе против мирового империализма и помощь в обеспечении мирного строительства в СССР. «Вся ваша политика должна быть направлена на то, чтобы сделать все, все до последнего для Советского Союза»¹ — таков был основной принцип Эрнста Тельмана. Он решительно отверг клеветническое утверждение троцкистов о том, будто последовательный курс ВКП(б) на планомерное социалистическое строительство в СССР свидетельствует о «национальной ограниченности»², означает отказ от пролетарской мировой революции в пользу «национально-реформистской» перспективы. Эрнст Тельман решительно возражал против того, чтобы противопоставлять друг другу мировой революционный процесс и его решающий фактор. Именно социалистическое развитие Советского Союза является наиболее мощным рычагом революционного движения во всех странах, отмечал он в своей статье «10 лет Советской власти и международный рабочий класс».

Социалистические преобразования, творческие трудовые достижения советских трудящихся, «успехи пролетарской инициативы»³ Эрнст Тельман рассматривал как главный фактор мирового революционного процесса. Экономический подъем Советского Союза и социалистические достижения его трудящихся он считал сильнейшими аргументами против капиталистической стабилизации, против реформистской политики и антисоветской пропаганды правых лидеров социал-демократии. Социалистическое строительство в Советской стране и классовую борьбу на других участках мировой пролетарской революции он рассматривал как составные части единого революционного процесса. На VII расширенном пленуме ИККИ Эрнст Тельман заявил, что отношение к Советскому Союзу, где социализм впервые в истории начал припимать реальные очертания, является верным критерием того, на какой стороне ты находишься в классовой борьбе: *«Решающим вопросом для международного рабочего движения является вопрос об отношении к диктатуре пролетариата в Советском Союзе. Здесь мнения расходятся, и они должны разойтись! Отношение к Советскому Союзу дает ответ и на вопрос, к какому лагерю ты принадлежишь в вопросах германской политики: к лагерю революции или к лагерю контрреволюции?»*⁴.

Сознавая, что для международного рабочего движения принципиальное значение имело то, насколько успешно и быстро будет построен социализм в СССР, Тельман также прекрасно понимал, что определение перспектив социалистического строительства представляло собой жизненно важный вопрос для всего мирового коммунистического движения. Он отметил, что речь идет о принципиальных вопросах социалистической революции, об основных вопросах марксистско-ленинской теории. Подчеркивая историческое значение этой борьбы, Тельман в своем выступлении на пленуме

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 313.

² Там же, с. 296.

³ Там же, с. 313.

⁴ Там же, с. 309.

заявил, что «речь идет не об отдельных вопросах ленинизма, а обо всем комплексе вопросов ленинизма, об основных проблемах диктатуры пролетариата»¹.

Эрнст Тельман полностью поддерживал точку зрения ЦК ВКП(б) о возможности построения социализма в одной, отдельно взятой стране. В своем выступлении в прениях 11 декабря он подробно рассмотрел эту доказанную Лениным возможность. Исходя из ленинских положений, он видел ее обоснованность: 1) в неравномерности развития капитализма, которая на его монополистической стадии резко усиливается; 2) в том, что «империализм является исторически умирающим капитализмом... Построение социализма при наличии достаточных материальных ресурсов возможно в эту эпоху и в одной, отдельно взятой стране». В своем выступлении Тельман ссылаясь на труды Ленина, а также на замечания Маркса и Энгельса. В доказательство правильности хода своих мыслей он привел имеющие принципиальное значение факты экономического и социального развития Советского Союза: возросло промышленное и сельскохозяйственное производство; социалистический сектор экономики рос быстрее, чем несоциалистические секторы; укрепился союз рабочего класса с трудящимся крестьянством. Все это свидетельствует о том, говорил Тельман, что диктатура пролетариата продолжает укрепляться и социалистическое строительство продвигается вперед. Он доказал, что троцкисты игнорировали эти неопровержимые факты, отрицали решающий фактор социалистического развития: «У них нет веры в силы рабочего класса и крестьянства Советского Союза, нет веры в силу руководящей ими ВКП(б)...»²

Эрнст Тельман показал, что для троцкистской оппозиции характерны страх перед трудностями строительства социализма, пессимизм, колебания на поворотных пунктах классовой борьбы и склонность как к напикерству, так и к авантюризму. С таким же пессимизмом троцкисты и их сторонники в различных секциях Коммунистического Интернационала оценивали перспективы классовой борьбы в капиталистических странах. В противоположность этому Тельман в своем первом выступлении в прениях на пленуме 26 ноября говорил о «той огромной боевой энергии, которая заложена в западноевропейском пролетариате»³. В доказательство этого он наряду с прочим привел забастовку английских горняков и успешное использование Итальянской коммунистической партией легальных и нелегальных методов борьбы. Позднее Тельман охарактеризовал троцкистскую оппозицию как чуждое по своей природе рабочему классу мелкобуржуазное течение.

Речь Эрнста Тельмана продемонстрировала, что КПГ безоговорочно поддерживала Центральный Комитет ВКП(б) в его борьбе за претворение в жизнь заветов Ленина.

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 309.

² Там же, с. 299, 303.

³ Там же, с. 283.

Расширенный пленум закончился 16 декабря. На состоявшемся затем заседании ИККИ 18 декабря Эрнст Тельман был вновь избран членом Президиума Исполнительного комитета, в составе которого он работал вместе со многими известными представителями мирового коммунистического движения — Викторией Кодовильей, Бела Куном, Отто Куусиненом, Д. З. Мануильским, Н. А. Пятницким, Эдвардом Прухняком, Чарльзом Рутенбергом, Н. В. Сталиным и другими.

В дни работы пленума произошло еще одно важное для Эрнста Тельмана событие. 27 ноября 1926 г. около полудня заседание пленума было прервано. Председествовавший на заседании английский коммунист Уильям Галлахер приветствовал трех представителей отдельного учебного батальона курсов усовершенствования командного состава Красной Армии «Выстрел». Выступивший от имени делегации командир взвода объявил, что Эрнсту Тельману присвоено звание почетного красноармейца батальона, и вручил ему на трибуне пленума военную форму командира Красной Армии. Командиры помогли Эрнсту Тельману надеть шинель; под бурные аплодисменты делегатов он падел шлем с красной звездой. Затем командир взвода заявил: «Товарищи, очень жаль, что товарищ Тельман не может все время присутствовать у нас, в нашем Советском Союзе... Товарищ Тельман... являясь нашим почетным красноармейцем, вне всякого сомнения, убедится, что сердце Красной Армии, как всегда, живое»¹.

Эрнст Тельман, который уже длительное время поддерживал связь с этим батальоном и еще в 1925 г. был избран его воинами почетным членом Московского городского Совета, расценил присвоение почетного звания как доказательство, что Красная Армия и германский рабочий класс «сейчас соединены более крепкими узами солидарности, чем когда бы то ни было»². После окончания пленума ИККИ Эрнст Тельман во главе делегации пленума посетил этот батальон. С этого дня во время проверки регулярно называлась и его фамилия, на что его отделение отвечало: «В командировке!»

С делегацией немецких коммунистов Эрнст Тельман посетил затем 2-ю казачью кавалерийскую дивизию в украинском городе Старокопистипове. Над этой дивизией, носившей имя Коммунистической партии Германии, КПГ взяла шефство. Тельман и его товарищи присутствовали на параде, осмотрели казармы, беседовали с красноармейцами. Эрнст Тельман, Вильгельм Пик и другие руководящие деятели КПГ впоследствии неоднократно посещали эту дивизию, выражая тем самым свою тесную связь с Красной Армией.

¹ Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала. 22 ноября — 16 декабря 1926 г. Стенографический отчет. М.—Л., 1927, т. 1, с. 333—334.

² Там же, с. 334.

В конце декабря 1926 г. Эрнст Тельман вернулся из Москвы в Берлин. 28 декабря он доложил Секретариату ЦК о пленуме ИККИ, а затем на несколько дней уехал домой. С начала нового года он сконцентрировал свои усилия на подготовке XI съезда партии. В статье для газеты «Ленинградская правда», написанной Эрнстом Тельманом, очевидно, еще до его отъезда из СССР и опубликованной газетой 4 января 1927 г., он очертил круг вопросов, на которые должен был дать ответ предстоящий съезд. Он писал, что перед КПГ прежде всего стоит задача взять на себя руководство экономической и политической борьбой трудящихся и противопоставить империалистической буржуазии «единый фронт миллионов эксплуатируемых фабричных рабочих, выброшенных с производства безработных, а также миллионов крестьян, представителей трудящейся интеллигенции, мелких раббье, займодержателей и т. д.»¹ под руководством рабочего класса. Эту задачу он выдвинул на передний план в своем подробном докладе об итогах VII расширенного пленума ИККИ на заседании Политбюро в начале января 1927 г.

10 января Эрнст Тельман намеревался сделать доклад о пленуме ИККИ и задачах партии на пленуме Центрального Комитета КПГ, но свирепствовавший в Берлине грипп уложил его в постель до конца января.

В начале 1927 г. для КПГ возникла новая обстановка: правительство буржуазного блока ушло в отставку, следовало опасаться сформирования еще более правого кабинета. Обстановка была расценена настолько серьезной и мнение Тельмана сочтено настолько важным, что у постели больного было проведено заседание Политбюро.

Несколько позднее Тельман охарактеризовал сформированный в конце января 1927 г. четвертый кабинет Маркса как «...самое контрреволюционное правительство со времени Ноябрьской революции»².

XI съезд КПГ проходил со 2 по 7 марта 1927 г. в большом зале северного парка г. Эссена — центра Рурской области. Это был первый съезд партии после того, как Эрнст Тельман и его единомышленники добились решающего влияния в руководстве партии. За это время партия, несомненно, продвинулась вперед. Она окрепла, накопила опыт в классовой борьбе, испытала свою боеспособность в забастовках, кампаниях солидарности и всенародном движении за конфискацию собственности князей. Численность КПГ увеличилась на 10 тыс. коммунистов по сравнению с прои-

¹ *Thälmann Ernst. Die nächsten Aufgaben der Kommunistischen Partei Deutschlands.* — In: BzG, 1973, N. 6, S. 959—960.

² *Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 325.*

лым съездом партии; делегаты съезда представляли почти 125 тыс. членов партии, регулярно уплачивавших членские взносы. Всего насчитывалось около 2600 местных партийных групп и уличных ячеек и уже более 2100 заводских партийных ячеек. Таким образом, впервые в истории германского рабочего движения начал пробивать себе дорогу один из важнейших ленинских организационных принципов.

В КПГ были организованы прежде всего промышленные рабочие, преимущественно рабочие с высокой квалификацией. Особенно много в партии было металлистов, за ними шли строители. Около половины членов партии, действовавших на предприятиях, работали на мелких фабриках и в ремесленных мастерских с числом занятых менее ста человек, и только одна пятая часть — на заводах с числом занятых более тысячи человек. Это в значительной мере снижало возможности партии оказывать влияние на решающих участках экономической и других видов классовой борьбы. Поэтому Эрнст Тельман постоянно со всей настойчивостью указывал, что партия должна укреплять свои позиции на крупных предприятиях, поскольку они являются важнейшим полем деятельности партии, хотя там особенно сильно давление предпринимателей, а условия для политической работы коммунистов довольно тяжелые.

Возросло также по сравнению с 1925 г. влияние КПГ в массах. Об этом свидетельствовали политический успех всепартийного движения за конфискацию собственности князей и хорошие результаты, которых добилась партия на выборах в ландтаги и муниципалитеты. Еще более значительным был рост ее влияния в профсоюзах. В 1925 г. 19% членов местных комитетов АДГБ составляли коммунисты, а теперь — 24%.

Многое было сделано коллективным руководящим органом партии во главе с Эрнстом Тельманом для усиления идеологической работы. Во всех окружных партийных организациях были проведены занятия кружков на тему о новых изощренных формах и методах капиталистической эксплуатации и о профсоюзной политике. Многие коммунисты изучали основы ленинизма на курсах начального обучения. В округе Берлин-Бранденбург-Лауэнц, в Рурской области и многих других округах были проведены четырех — шестидневные окружные курсы.

Квалифицированные пропагандисты — Эдуард Александр (Е. Людвиг), Герман Дункер, Бела Фогараш (Адальберт Фрид), Вернер Хирш, Эдвин Хёрпле, Эрих Куник, Йозеф Винтерниц (Ленц) и Кристоф Вурм в тесном сотрудничестве с Эрнстом Тельманом, Филиппом Денгелем, Эрнстом Шнеллером и другими членами Политбюро и под их руководством внесли неопределимый вклад в дело повышения идеологического уровня и теоретического образования членов партии. Весьма ценную поддержку в идеологической работе КПГ оказали также немецкие коммунисты, работавшие в Коминтерне, — Альфред Курелла, Хайнц Нойман, Фрида Рубинер,

Рихард Зорге (Р. Зонтер) и Клара Цеткин. В значительно большем объеме, чем прежде, публиковались работы В. И. Ленина в выпускавшейся под наблюдением Германа Дункера серии «Учебники по основам коммунизма» и в книгах «марксистской библиотеки», издававшихся Коминтерном (издательство «Литература и политика»). Висевший перед входом в зал заседаний XI съезда партии лозунг «Действуй только в духе Ленина!» характеризовал существо проводившейся коллективным руководством партии во главе с Эрнстом Тельманом работы и определял главную задачу, поставленную этим съездом КПГ: систематически внедрять ленинизм в немецкое революционное рабочее движение.

На съезде партии Эрнсту Тельману пришлось выполнять огромный объем работы. Он был избран председателем самой важной, политической комиссии. Кроме того, делегаты избрали его в комиссию по работе в профсоюзах, председателем которой был Фриц Геккерт, а также в комиссию по работе в массовых организациях, которую возглавлял Эрнст Шнеллер. 2 марта во второй половине дня председательствовавший на заседании съезда Вильгельм Пик предоставил ему слово для основного доклада «Политическая обстановка и задачи партии».

В начале доклада Эрнст Тельман сделал анализ международной обстановки, уделив особое внимание развернутому империализмом наступлению против социализма, революционного рабочего и национально-освободительного движения. Он отметил, что борьба против угрозы войны является важнейшей задачей коммунистов, а защита Советского Союза и китайской революции — естественным долгом международной классовой солидарности. Эти и другие вопросы, которые он затронул в докладе, постоянно находились в центре внимания Тельмана и в последующие месяцы. В своем докладе он глубоко исследовал экономические и политические признаки, тенденции развития и международные позиции возрождавшегося германского империализма. При этом он остановился на трех моментах.

Прежде всего он указал на процесс быстрой монополизации германской экономики. «Поразительно, с какой энергией германской буржуазии удается проводить монополизацию. Существование концерна «Фарбеп», треста «Рур-Моштан», Калийного синдиката, Электротехнического треста и целого ряда других, более мелких монополистических объединений имеет большое значение. В последнее время монополизацией были охвачены и такие отрасли промышленности, которые прежде никогда не подвергались трестированию, как, например, судостроительная промышленность»¹.

Эрнст Тельман не случайно с такой настойчивостью подчеркивал этот основной признак империализма. Монополистический капитал укреплял эксплуататорский строй, который нужно было разрушить, оказывал решающее влияние на экономическую, полити-

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 321.

ческую и духовную жизнь Германии и являлся ярким врагом пролетариата в классовой борьбе. Этот принципиальный момент не нашел достаточного отражения в анализе внутреннего положения в Германии, сделанном на IX и X съездах партии. Также и положение о том, что германский империализм снова укрепляется, длительное время обосновывалось скорее вторичными причинами, как, например, экспортом капитала или ролью Германии в международной политике. Все это наглядно показывало, что ленинское учение об империализме еще не стало всеобщим достоянием немецкого революционного рабочего движения и что важнейшая задача немецких коммунистов в области идеологической и теоретической работы заключалась именно в овладении этим учением и эффективным его применении.

Доклад Эрнста Тельмана отразил борьбу партии и ее Председателя за выполнение этой задачи. Следуя положению, которое выдвинул В. И. Ленин в классической работе «Империализм, как высшая стадия капитализма», Тельман в своем докладе исходил из роли капиталистических монополий, т. е. из основного экономического признака империализма. Опираясь на официальные документы империалистического государства, он доказал, что господство концернов являлось определяющим моментом хозяйственной жизни страны и что финансовый капитал определял всю структуру экономики Германии.

Что означала для рабочего класса и для подавляющего большинства населения Германии власть монополий, Эрнст Тельман объяснил на примере монополистического взвинчивания цен. Он показал, каким образом концерны грабили потребителей и мелких производителей с помощью искусственно поддерживаемых на высоком уровне цен на внутреннем рынке Германии. Вследствие давления крупных предпринимателей уровень заработной платы в Германии был ниже, чем в других развитых капиталистических странах. Благодаря этому монополии получали средства для того, чтобы с помощью более низких цен вытеснять своих конкурентов на мировом рынке. Таким образом, доказывал Эрнст Тельман, монополистический капитал взваливал издержки своей экономической экспансии на плечи рабочего класса, средних слоев и монополистической буржуазии.

В этой связи Тельман также указал на усиление в Германии государственно-монополистических тенденций. В то время преобладало мнение, что сущность государственно-монополистического капитализма заключается в подчинении буржуазного государства частными монополиями. Тельман, напротив, в соответствии с принципиальными указаниями Ленина обратил внимание на «все возрастающее участие государства в капиталистической экономике», на «тесное переплетение капиталистической экономики с капиталистическим государством»¹.

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 322.

Рабочие все чаще сталкивались с вмешательством государства в их борьбу против предпринимателей. Таким образом, борьба рабочего класса против предпринимателей все в большей степени оказывалась направленной непосредственно против буржуазного государства. В то же время социал-реформисты оспаривали классовый капиталистический характер Веймарского государства и превозносили любые государственно-монополистические мероприятия как шаги на пути к социализму. Поэтому четкое определение Тельманом государственно-монополистических явлений имело чрезвычайно важное значение. Он помог тем самым рабочим правильно ориентироваться в своей борьбе, внеся вклад в правильную оценку стратегии и тактики монополистической буржуазии и представив обличительный материал для опровержения одного из важнейших новых доводов социал-демократического реформизма.

Затем Эрнст Тельман определил в своем докладе историческое место возрождавшегося германского империализма. Он подчеркнул, что условия развития германского капитализма решающим образом изменились по сравнению с довоенным временем, что его положение характеризуется глубокими противоречиями. В этой связи он указал на особенно резкую для германского капитала диспропорцию между производством и рынком, на спяжение на длительную перспективу покупательной способности населения, вызванное монополиями путем искусственного завышения цен, уменьшения заработной платы, и сокращения расходов на социальные нужды, а также на репарационные обязательства.

Наличие огромной безработицы даже во времена высокой конъюнктуры, т. е. существование постоянной армии безработных, он расценил как живейший признак «хронического кризиса германского капитализма»¹. Тем самым Тельман вооружил коммунистов для борьбы с буржуазными и реформистскими апологетами капитализма, распространявшими с целью отвлечения трудящихся масс от классовой борьбы сказку о его постоянном процветании. Его доводы опровергали также болтовню ультралевых фразеров, которые еще пользовались влиянием в некоторых местных партийных организациях. Они упрекали руководство партии в том, что оно припадало очевидный факт относительной стабилизации капитализма и обвиняли его в утрате революционной перспективы и отказе от пролетарской революции. Подобные «левые» фразы, даже если они и лишены смысла, действовали не менее деморализующе, чем открытая реформистская пропаганда. Поэтому так энергично боролся против них Тельман, обладавший ярко выраженным чувством реальности.

Сделав глубокий анализ экономики империалистической Германии, Эрнст Тельман перешел к исследованию взаимосвязей между экономикой и политикой в условиях возрождавшегося герман-

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 323.

ского империализма и выявлению новых моментов в этих взаимосвязях. Он показал, что господствующее положение монополий в германской экономике, растущая власть монополистической буржуазии закономерно влекут за собой все больший поворот к политической реакции. Он подробно остановился на влиянии экономической и политической ориентации германской монополистической буржуазии на внутреннюю и внешнюю политику. Во внутренней политике империалистической буржуазии ее методы эксплуатации дополнялись политическим наступлением против рабочего класса, против всех трудящихся.

«Чтобы осуществить свои планы, буржуазия наряду с общей перестройкой экономической жизни создает и свою политическую надстройку». В результате такого развития, как отметил Тельман, и появилось в конце января 1927 г. имперское правительство Вильгельма Маркса, которое представляло собой коалицию реакционно-клерикальной партии Центра и Баварской народной партии с обеими откровенно правыми партиями крупной буржуазии — Германской национально-народной партией и Германской народной партией. Это было, по определению Тельмана, «правительство сильной руки»¹ для подавления рабочего класса.

Эрнст Тельман указал, что эти процессы были не случайным явлением. Он напомнил делегатам основополагающий вывод В. И. Ленина: «Политическая реакция по *всей* линии — свойство империализма»². Исходя из этого тезиса, Тельман с дальновидностью указал на политические последствия усиления трестовского капитала. Судебный террор, реакция в социальной и культурной областях — во всем этом он видел не отдельные проявления произвола реакции, а начало «...утверждения определенной политической системы, обдуманного нападения на весь рабочий класс...»³. В этом он видел начало всестороннего укрепления диктатуры финансового капитала и ограничения, свертывания демократии. Для разработки генеральной линии и тактики борьбы против правого курса крупной буржуазии и назревавшей угрозы фашизма было чрезвычайно важно, что Эрнст Тельман распознал этот процесс в самом его начале.

Из определения империалистической буржуазии как главного врага Эрнст Тельман сделал выводы для разработки стратегии и тактики борьбы против германского империализма. Он нацеливал партию на всемерную борьбу против монополистического капитала и правительства буржуазного блока, на направление главного удара против трестовского капитала и буржуазного блока. Речь шла об объединении рабочего класса, с тем чтобы поднять его на совместные выступления, сплотить вокруг него другие, подвергавшиеся ограблению монополистическим капиталом трудящиеся слои города и деревни.

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 325.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 164.

³ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 326.

Исходя из этого, Эрнст Тельман сформулировал главную задачу: «...создать действительно серьезный и революционный единый фронт, союз трудящихся города и деревни, добиваться массовых революционных выступлений под руководством коммунистической партии»¹. Ориентация на широкий антиимпериалистический боевой фронт — таков был основной тезис доклада Эрнста Тельмана, который нашел свое отражение и в решениях съезда партии.

Эта задача могла быть решена только при условии единства действий рабочих — коммунистов и социал-демократов. Поэтому в своем докладе Эрнст Тельман назвал тактику единого фронта главной составной частью генеральной линии КПП. В ответ приветствовавшей съезд группе рабочих-социал-демократов Тельман заявил, что коммунисты хотят добиться «...единства в борьбе против общего врага, против буржуазии»². Эта мысль проходила красной нитью через всю работу съезда. Виктор Штерн, присутствовавший на съезде в качестве представителя чехословацкой братской партии, сообщал в своем отчете для чехословацкой партийной печати: «Съезд сконцентрировал внимание партии на решении задачи по сближению с социал-демократическими массами»³.

Тельман выдвинул в своем докладе требование развернуть еще более широкую и интенсивную, более гибкую и разнообразную борьбу за создание единого фронта. Следовало использовать любую возможность для сближения с рабочими-социал-демократами. Он ориентировал на установление прочных контактов с кругами социал-демократов и придале этим контактам соответствующих организационных форм, например, путем создания комитетов единства. Особое внимание следовало уделять тем рабочим-социал-демократам, позиция которых по некоторым вопросам уже носила классовый характер. Эрнст Тельман постоянно призывал коммунистов всегда находить правильный тон в общении с социал-демократическими коллегами, «показывать им, что они являются для нас не объектами агитации, а братьями по классу»⁴. Так он сформулировал эту важную задачу на берлинской окружной партийной конференции.

Наряду с этим Эрнст Тельман предостерегал от недооценки влияния социал-демократических лидеров на рядовых членов и сторонников СДПГ, подчеркнув, что совместных действий всех рабочих можно добиться только в принципиальной борьбе против социал-демократической политики классового мира. Борьба за единство действий, указывал Тельман, не исключает принципиальной критики оппортунизма, а, напротив, предполагает ее. В этом смысле он решительно осудил позицию выступавшей в поддержку бур-

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 342.

² Там же, с. 338.

³ Stern Viktor. Geeinigt für neue Kämpfe. Der 11. Parteitag der KPD.— In: Vorwärts (Reichenberg), 17. III 1927.

⁴ Thälmann Ernst. Imperialismus, Kriegsgefahren und Kapitaloffensive. Bericht von der VII. Erweiterten Exekutive.— In: Die Rote Fahne, 22. II 1927.

жуазии СДПГ, политика которой определялась правыми лидерами. Эрнст Тельман неоднократно отмечал, что только благодаря деятельности коммунистической партии, единственной партии Германии, «которая никогда не предавала рабочий класс и никогда не предаст его»¹, станет возможным единство рабочих в борьбе против буржуазии.

Весь доклад был проникнут желанием пойти реальный, соответствующий сложившимся условиям путь к установлению политической власти рабочего класса. Поэтому Эрнст Тельман стремился дать точную оценку соотношения сил между рабочим классом и империалистической буржуазией, глубокий анализ сложившейся обстановки, верно определить непосредственные потребности трудящихся. Поскольку антиимпериалистические силы формируются только в повседневной борьбе, Эрнст Тельман определил основную задачу для партии: «В будущем в центре всей нашей деятельности будут стоять повседневные выступления германского рабочего класса»². Тельман считал долгом каждого пролетарского революционера понимать диалектическую связь между повседневными задачами борьбы и главной политической целью — диктатурой пролетариата.

Более принципиально, последовательно и полно, чем это делалось когда-либо прежде в КПГ, в его докладе была обоснована необходимость союза всех антиимпериалистических сил при гегемонии рабочего класса, было развито положение тезисов «О политической обстановке и задачах партии» о том, что рабочий класс может победить только в союзе со всеми трудящимися против финансового капитала и только в ходе подлинно народной революции. Эрнст Тельман показал противоречия между крупной буржуазией и средними слоями, отметив общность интересов рабочего класса и средних слоев. При этом он обратил внимание на такие точки соприкосновения, как налоговое бремя, нажива домовладельцев на квартирной плате и пошлинная политика. Тельман требовал мобилизовать «...и мелкобуржуазные слои, а также представителей средних слоев и мелких рабт»³ на борьбу против политики крупной буржуазии с целью ее изоляции и изменения соотношения сил в пользу рабочего класса.

Выступление Тельмана в значительной степени определило направление всей работы съезда. Другие докладчики также следовали изложенной Тельманом марксистско-ленинской линии. Филипп Денгель говорил о работе партии в период после X съезда, Артур Эверт — о внутрипартийных задачах, Эрнст Шнеллер — о работе в массовых организациях, Оттомар Гешке — о партии и молодежи, Фриц Геккерт — о работе в профсоюзах. Представитель Коммунистического Интернационала Отто Куусинен сделал сообщение о работе VII расширенного пленума ИККИ. Съезд партии

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 342.

² Там же, с. 335.

³ Там же, с. 327.

показал, что в КПГ сложился сильный руководящий коллектив во главе с Эрнстом Тельманом, что партия укрепилась и организует свою деятельность в полном соответствии с линией Коммунистического Интернационала.

Эрнст Тельман выступил также в прениях по докладу Оттомара Гешке. Он высказал принципиальные соображения о роли молодежи в классовой борьбе, о задачах партии в отношении молодежи и работе коммунистов в ее рядах. При этом он исходил из того, «...что большинство населения состоит из женщин и молодежи мужского и женского пола»¹. А это значит, что для того, чтобы привлечь массы к революционной борьбе против капитализма, необходимо вовлекать в революционное движение трудящуюся молодежь. Однако Эрнст Тельман видел значение молодежи не только в ее численности, но равным образом и в тех ее качествах, которыми она отличается: в ее активности, восторженности и готовности к действию, в ее вдохновении и оптимизме и не в последнюю очередь в том, что молодые рабочие еще «не прошли через школу реформизма»².

Эрнст Тельман со всей страстностью настаивал на классовом подходе рабочих к молодому поколению. Он решительно выступал против любой недооценки роли молодежи в политической и профсоюзной жизни. Он обращался ко всем классово сознательным рабочим с призывом оказывать молодежи всемерную поддержку, вовлекать ее в экономическую борьбу, передавать ей свой боевой опыт. Он требовал, чтобы партия всегда и везде, в школе и на производстве, в политической и культурной жизни выступала за «...основные права молодежи»³.

Обращая внимание на серьезные упущения в работе коммунистической партии с молодежью, Эрнст Тельман призывал коммунистов, особенно тех, которые работали в молодежных организациях, выйти за рамки Коммунистического союза молодежи, обратить свои взоры на миллионные массы трудящейся молодежи и превратить КСМГ в подлинно массовую организацию как по числу своих членов, так и по методам работы и широте охвата молодежи. Он терпеливо старался пробудить понимание того, что КСМГ, являясь «...еще маленькой организацией, учитывая огромное количество молодых рабочих Германии»⁴, не должен ограничивать свою работу только собственными рядами и наиболее передовыми молодыми рабочими. В заключительном слове к своему основному политическому докладу он заявил, что Коммунистический союз молодежи должен постоянно иметь в виду «огромные задачи грядущего поколения»⁵, т. е. всей молодежи. Особенно важно вести интенсивную работу среди членов социал-демократических и католических моло-

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 343.

² Die Rote Fahne, 15. III 1927.

³ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 345.

⁴ Там же, с. 344.

⁵ Bericht über die Verhandlungen des XI. Parteitages der KPD, S. 333.

дежных организаций с целью привлечения их к совместной борьбе за интересы трудящейся молодежи.

В конце Тельман обратился ко всем коммунистам с настоятельным призывом всегда учитывать в политической работе среди молодежи ее особенности: «У молодежи свои особенности мышления, у взрослых рабочих — свои. Надо уметь обращаться с молодежью...»¹

XI съезд партии продемонстрировал значительный прогресс, достигнутый КППГ за прошедшие полтора года под руководством Эрнста Тельмана. В заключительном слове Тельман констатировал не только рост политического влияния партии благодаря «повороту к политике в духе Открытого письма, но и «внутренний рост партии. Серьезность, с которой товарищи подходили к решению проблем, является выражением развития вперед по пути ленинизма»². Особая заслуга в этом принадлежала Тельману. Ему удалось укрепить коллективное руководство партии, наладить в ЦК и его руководящих органах систематическую работу, направленную на удовлетворение потребностей масс, на организацию их борьбы. Он внес наибольший вклад в налаживание отношений доверия между партией, ее руководством и широкими массами рабочих, а также между КППГ и Коминтерном. Эрнст Тельман стал признанным вождем партии.

Съезд на закрытом заседании единодушно избрал 35 членов и 18 кандидатов в члены Центрального Комитета, который провел свое организационное заседание 7 марта 1927 г. Эрнст Тельман был единогласно избран Председателем Центрального Комитета. Политическими секретарями ЦК были избраны кроме него Филипп Денгель и Артур Эверт, членами Политбюро — Конрад Бленкле, Фриц Геккерт, Эрнст Мейер, Вильгельм Пик, Герман Реммеле и Эрнст Шнеллер; кандидатами в члены Политбюро — Гуго Эберлейн, Вильгельм Гейн и Вальтер Ульбрихт. Пауль Дитрих, Гуго Эберлейн, Лео Флинг, Эрнст Шнеллер и Вальтер Ульбрихт вошли в состав Секретариата ЦК, на который возлагалась текущая организационная работа.

Предпоследний день работы съезда ознаменовался еще одним особо важным событием. В то воскресенье десятки тысяч рабочих и работниц Эссена и многих других городов Рурского бассейна, несмотря на проливной дождь с градом, прошли колоннами по улицам Эссена, демонстрируя тесную связь пролетариата Рура с КППГ. 25—30 тыс. рабочих Рура вместе с делегатами съезда приняли участие в митинге, который открыл политический секретарь Рурского округа Вильгельм Флорин. После него выступили горняк из Эссена, мелкий крестьянин из Восточной Пруссии, социал-демократ, исключенный из СДПГ за поездку в Советский Союз, и молодой социал-демократ. Последним выступал Эрнст Тельман.

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 347.

² Bericht über die Verhandlungen des XI. Parteitages der KPD, S. 160—161.

Руководящие и направляющие решения XI съезда партии он превратил в боевые лозунги, чтобы они дошли до умов и сердец собравшихся, вызвав их бурные аплодисменты: «Нужно выковать единый, мощный красный фронт под руководством Коммунистической партии Германии. Ни шагу назад под натиском предпринимателей. С новыми силами и большей целеустремленностью продвигаться вперед, используя все позиции, завоеванные рабочим классом. Съезд коммунистической партии указывает вам путь»¹.

6
Со всей силой
и страстностью
положим конец пронкам
поджигателей войны!

После закрытия Эссенского съезда партии Эрнст Тельман отправился в Дюссельдорф, где 11—13 марта 1927 г. состоялась 4-я Все-германская конференция Союза красных фронтовиков. 11 марта на вокзале он приветствовал делегатов и собравшихся для их встречи рабочих и работниц Дюссельдорфа. 12 марта во второй половине дня он выступил на конференции с основным докладом о политической обстановке и ближайших задачах Союза красных фронтовиков. Он показал, что миру грозит серьезная опасность. Империалистические державы угрожали Советскому Союзу; прежде всего это был британский империализм, который стремился оказать на СССР давление путем политических и военных провокаций. В конце мая Великобритания разорвала с Советским Союзом дипломатические отношения. Это послужило сигналом для новых антисоветских авантур. Несколько позднее был убит советский посол в Польше П. Л. Войков. Над Советской страной, да и над всей Европой и Азией все гуще собирались грозные тучи войны. 1 июня 1927 г. ЦК ВКП(б) в своем обращении «Ко всем организациям ВКП(б), ко всем рабочим и крестьянам» предупредил о возможном нападении империалистов.

В докладе на конференции Союза красных фронтовиков Эрнст Тельман указал на рост агрессивности германского империализма, а также на усиление политической реакции в стране в связи с ремилитаризацией империалистической Германии. Резко возросла активность милитаристских и фашистских сил. Буржуазное коалиционное правительство усиливало судебный и полицейский террор против революционного рабочего движения, протаскивало в рейхстаге законы, ограничивавшие демократические права и свободы, усиленно подогревало клерикально-националистические настроения в области культуры и среди учащихся, подготовило самый высокий военный бюджет Веймарской республики.

¹ Dio Rote Fahne, 8. III 1927.

Откровенно фашистские организации играли к этому времени в политике германского империализма хотя еще и подчиненную, но отнюдь не маловажную роль. Их относительно небольшое влияние в массах, незначительные позиции в парламенте, а также сильная раздробленность на мелкие партии и небольшие правозкстремистские военизируемые союзы не должны были вводить в заблуждение относительно того, что они представляли собой лагерь смертельных врагов всего рабочего движения, а также буржуазной демократии. Это сборище сил самой крайней реакции сознательно сохранялось кругами финансового капитала. Фашисты имели разнообразие связей с правыми партиями крупной буржуазии, такими, как Германская национально-народная партия и клерикальная партия Центра. Они поддерживали отношения с военной кликой и определяли из-за кулис курс важнейшего реакционного военизированного союза «Стальной шлем», в котором уже тогда было около 200 тыс. членов. При любом отклонении монополистической буржуазии еще больше вправо, в любой кризисной ситуации эти фашистские силы могли превратиться в грозную опасность.

«Стальной шлем» и другие националистические милитаристские и фашистские организации демонстративно пытались с помощью массовых маршей в крупных городах увеличить число своих сторонников в среде мелкой буржуазии и запугать пролетариат. Их старания обосноваться даже в среде рабочего класса увенчались определенным успехом среди отсталых слоев рабочих, преимущественно в сельской местности. В среде же настоящего промышленного пролетариата они натолкнулись на решительный отпор. Эрнст Тельман обратил внимание участников конференции на новое явление: на попытки предпринимателей, а именно главарей концернов, вызвать к жизни так называемое движение за деловое сотрудничество на заводах. Наряду с заводскими группами «Стального шлема» появились многочисленные «заводские союзы», послушные воле предпринимателей. Они пытались оказывать влияние на рабочих в духе националистической идеологии «народного сообщества» — воплощения мнимой общности судеб и интересов предпринимателей и рабочих. «Заводские союзы» были враждебно настроены по отношению к профсоюзам и выступали с позиций воинствующего антикоммунизма. Поэтому их характеризовали как «заводской фашизм».

Эрнст Тельман настойчиво разъяснял, что фашистскую реакцию можно победить только путем борьбы с ней самых широких масс, делая при этом главный упор на политическую и идеологическую борьбу. Поэтому, указывая на, он и перед Союзом красных фронтовиков следует ставить прежде всего политические и идеологические задачи. Тельман постоянно возвращался к этой мысли. Когда на одном из заседаний Политбюро обсуждалась деятельность Союза красных фронтовиков, он решительно выступил против того, чтобы рассматривать союз как «военную организацию»: «Если он является таковым, то значит он не выполнил своих задач для дела

революции и классовой борьбы»¹. Эрнст Тельман поставил перед Союзом красных фронтовиков задачу — оторвать следовавших за фашистскими и милитаристскими организациями рабочих от буржуазно-юнкерских руководящих кругов этих организаций. Прежде всего он подчеркивал, что в борьбе против фашистских элементов необходимо создание единого фронта с вовлечением в него рядовых членов и функционеров Рейхсбаннера и с социал-демократическим рабочим движением в целом. Тельман особо подчеркивал это потому, что лидеры СДПГ и Рейхсбаннера отклоняли какое-либо сотрудничество с Союзом красных фронтовиков и КПГ в борьбе против правой опасности. Он неуклонно стремился преодолеть пессимистические и сектантские настроения, возникавшие в связи с этой антикоммунистической позицией и находившие в ней питательную почву.

Весной 1927 г. Союз красных фронтовиков представлял собой уже внушительную политическую силу. За прошедший год число его членов увеличилось вдвое. В его 26 округах и 177 подокругах насчитывалось уже 1600 местных групп, в которых было организовано более 107 тыс. красных фронтовиков. С целью улучшения антифашистской и антиимпериалистической массовой работы Союза красных фронтовиков Эрнст Тельман предложил образовать заводские группы союза, особенно на военных заводах и в химической промышленности. Это позволило бы более настойчиво бороться с «заводским фашизмом» и создать предпосылки для развертывания эффективной антивоенной борьбы в случае развязывания империалистической войны.

Тельман призвал заводские ячейки КПГ, членов Союза красных фронтовиков и революционных членов профсоюзов провести в этих отраслях промышленности конкретные акции борьбы против империалистической военной политики. Он подробно остановился на быстром развитии военной техники, вследствие чего все более важное значение приобретали отрасли промышленности, работавшие на систематическую подготовку агрессивной войны. Поэтому, подчеркивал Тельман, очень важно своевременно и эффективно разоблачать меры германского империализма, направленные на вооружение. Это было хорошо понято революционными рабочими. Так, выступая 20 января 1928 г. в рейхстаге по вопросу о нелегальном производстве вооружения, Эрнст Тельман смог сообщить, что вопреки лживым опровержениям и пацифистским фразам правительства на верфи Шихау в Эльбинге производились орудия и снаряды и что по состоянию на октябрь 1927 г. уже было изготовлено 60 орудий.

В заключение 4-й Всегерманской конференции Союза красных фронтовиков было единогласно избрано правление союза. Эрнст Тельман остался первым председателем правления союза, Вилли Леов был утвержден в должности заместителя председателя прав-

¹ IML, ZPA, 3/1/577.

ления союза. В последний день работы конференции на массовом митинге в дюссельдорфском зале «Анбллон» Эрнст Тельман призывал к «созданию единого Красного фронта обороны против угрозы империалистической войны и фашизма»¹.

Неделей позже Тельман посетил рабочих Средней Германии, ветеранов мартовских боев 1921 г. Здесь, в Лойне, КПГ начала 20 марта 1927 г. серию манифестаций против одержимого идеей вооружения и реванша трестовского капитала и его военизированных ударных отрядов, в защиту мира и Советского Союза. В Рёсене была сформирована колонна демонстрантов, во главе которой шел Эрнст Тельман. Ее путь проходил вдоль завода «Лойна», через заводские поселки. Со стен манифестантов приветствовали транспаранты: «Да здравствует единый фронт рабочего класса!», «Привет нашему Эрнсту Тельману!» Под звуки траурной мелодии «Вы жертвою пали...» 20 тыс. демонстрантов прошли по улице Ген-зеангер в поселке рабочих химических заводов Крёльвиц.

Прежде чем открыть мемориальный обелиск, сооружением которого пролетариат Средней Германии почтил память своих товарищей по классу, убитых в 1921 г. паемниками концернов, Эрнст Тельман обратился к собравшимся с речью. Он заклеил виновников прошлых и будущих убийств рабочих: «Вам противостоит чрезвычайно жестокий и опасный враг — хозяева концерна «ИГ-Фарбен», которые и во время войны, и в мирные дни идут по трупу, всеми помыслами и деяниями которых движет только одно — ненасытная жажда наживы»². Во второй половине дня тысячи демонстрантов вступили в город Мерзебург, где Эрнста Тельмана восторженно приветствовали рабочие. На рыночной площади и прилегающих к ней улицах собралось около 10 тыс. трудящихся. Митинг открыл секретарь по организационным вопросам окружного комитета КПГ Галле-Мерзебург Макс Ладеман. Затем выступил Эрнст Тельман. Он говорил об уроках мартовских боев 1921 г. Особо отметив роль коммунистической партии, он подчеркнул, что и на международной арене империализму необходимо противопоставить единый фронт всех революционных сил. Затем он торжественно вручил коммунистам города Галле и заводской ячейке КПГ завода «Лойна» два боевых знамени, учрежденные советскими рабочими для своих германских братьев по классу.

Насколько своевременными были предупреждения Тельмана относительно империалистической реакции и его призывы к созданию единого фронта против фашистов и милитаристов, подтвердила кровавая фашистская провокация, совершенная в это самое время в Берлине. На вокзале Лихтерфельде-Ост 600 гитлеровских

¹ Die Rote Front, 1927, N 7.

² Kämpfendes Leuna (1916—1945). Die Geschichte des Kampfes der Leuna-Arbeiter, Teil I, 1 Halbbd. (Geschichte der Fabriken und Werke, Bd. VIII). Berlin, 1961, S. 418; Vgl. auch ebenda, S. 415—419; Klassenkampf, 19., 21. III 1927.

фашистов, вооруженных револьверами, кнжжалами и кастетами, напали на 23 товарищей из музыкального взвода Союза красных фронтовиков района Берлин-Шарлоттенбург и нанесли многим из них тяжелые ранения. Полиция даже не вмешалась.

В ответ на это СКФ и КПГ провели 22 марта 1927 г. в районе Берлин-Шарлоттенбург демонстрацию протеста под лозунгом «Долой фашизм!», в которой принял участие и Эрнст Тельман. На улице Бисмаркштрассе конная полиция пыталась разогнать колонны демонстрантов и начала избивать их, применив обнаженные сабли. Когда Эрнст Тельман подхватил одного раненого товарища и защитил его от изготавившегося для нового удара полицейского, удар сабли задел его голову справа над глазом. Это довело негодование демонстрантов до кипения. Но Тельман нагинул свою фуражку поглубже на лоб, закрыв ею рапу, и позаботился о том, чтобы провокация полиции не увенчалась успехом. На митинге, состоявшемся в заключение демонстрации на площади Луизеплац у Шарлоттенбургского замка, выступил Эрнст Тельман. Трибуной ему служил цоколь памятника. Под бурное одобрение собравшихся, в том числе многих членов Рейхсбанпера, он призвал «организовать борьбу против кровавых террористических актов фашистов. Нужно, чтобы каждый член Рейхсбанпера, каждый рабочий социал-демократ, каждый трудящийся встал в ряды фронта борьбы против фашизма и его покровителя — капиталистического государства»¹.

Эту точку зрения Эрнст Тельман подчеркивал и на совещаниях руководства партии. Выступая 1 апреля 1927 г. на пленуме Центрального Комитета с докладом о ближайших политических выступлениях партии, он говорил прежде всего о борьбе против фашистских тенденций. При этом он конкретизировал то, о чем говорилось на XI съезде партии и 4-й Всегерманской конференции Союза красных фронтовиков. Он указал на то, что крупная буржуазия систематически поощряла фашистские организации, рассматривая их прежде всего как инструмент насильственного угнетения рабочего класса и стремясь создать для них массовую базу. Он решительно предостерег от недооценки сил фашистов, заявив о своем несогласии с разделявшимися некоторыми функционерами КПГ мнением социал-демократов, что в такой стране, как Германия, фашизм не имеет шансов. Тельман подчеркнул, что преградить путь фашизму можно, но только если удастся мобилизовать против него рабочий класс: «Политическая мобилизация масс является предварительным условием успешной борьбы против фашизма»².

В 1927 г. антиимпериалистическая и антифеодалная революция в Китае достигла наибольшего размаха. Встревоженные быстрым политическим подъемом молодого китайского рабочего класса

¹ Die Rote Fahne, 23. III 1927; Vgl. auch 22. III 1927; IML, ZPA, NL 3/63.

² IML, ZPA, I 2/1/54.

и успехами национально-революционной армии в борьбе против милитаристских и сепаратистских сил британские, американские и японские империалисты делали все, чтобы задушить эту революцию. В марте 1927 г. правительства Великобритании и США перешли к открытой интервенции. Одновременно они подталкивали главнокомандующего национальной армией Чан Кайши, собравшего вокруг себя правые силы национально-революционной партии гоминьдап, к контрреволюционному перевороту и кровавой расправе с коммунистами.

Эрнст Тельман очень внимательно следил за развитием этих событий. В китайской революции, которая «находится в теснейшем союзе с СССР», он видел начало «предстоящей революции угнетенных народов Востока против империализма»¹. Это революционное движение угнетенных империализмом наций и колониальных народов, подчеркивал постоянно Тельман, является одним из главных факторов мировой пролетарской революции и поэтому имеет чрезвычайно важное значение для всего международного рабочего класса. Тельман глубоко проникся ленинским выводом о том, что победа рабочего класса над мировым империализмом будет решаться совместными действиями трех главных сил (он говорил о «тройственном союзе революционных сил»²): социализма в Советском Союзе, революционного движения пролетариата в капиталистических странах и национально-освободительного движения. Под этим углом зрения Эрнст Тельман указывал на то, что победа революционного движения в Китае «значительно ускорит»³ развитие революционного движения в Европе. Поэтому вполне логично, что империалистические державы, включая германскую монополистическую буржуазию, вели борьбу против китайской революции с помощью военных и политических средств. Однако рабочие должны осознать, что империалистическая интервенция против китайской революции направлена «против рабочего класса всего мира»⁴. Поражение китайской революции ослабило бы позиции европейского и американского пролетариата в борьбе против империализма.

На заседании Политбюро 30 марта 1927 г. Эрнст Тельман предложил организовать принятие заводскими рабочими и профсоюзными организациями резолюций в поддержку китайской революции, выступление в рейхстаге с требованием признания национально-революционного китайского правительства и проведение митингов протеста против империалистической интервенции. Политбюро приняло эти предложения. Еще 4 февраля, за несколько дней до открытия в Брюсселе Конгресса против империализма и колониального угнетения, который был поддержан также КПП и на котором была образована Международная лига борьбы против империализма, за национальную независимость, Тельман выступил

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 312.

² Там же, с. 313.

³ Там же, с. 348.

⁴ Там же, с. 361.

па массовом митинге, призвав к солидарности с китайскими братьями по классу. Вечером 5 апреля он вместе с Вильгельмом Пиком и представителями американского и индийского рабочего движения выступил в спортивном дворце Берлина перед десятками тысяч рабочих. Он заклеил жестокость, с которой английские империалисты пытались подавить освободительную борьбу китайского народа. Тельман подчеркнул, что единственным из всех государств мира, вставшим как друг на сторону борющегося за свою свободу Китая, был Советский Союз. «Китайская революция была бы уже давно подавлена, если бы российское рабоче-крестьянское государство не протянуло китайским братьям руку помощи в совместной борьбе против капиталистической эксплуатации и угнетения»¹. Представитель китайского освободительного движения передал берлинскому пролетариату знамя китайского объединения профсоюзов и крестьянское знамя.

Мысль о том, что Советский Союз является главным союзником китайской революции, проходила также красной нитью через всю статью Эрнста Тельмана, которая под заголовком «Китайская революция и задачи рабочего класса» была опубликована в партийной печати в середине апреля 1927 г. «Пример русской революции пробудил в Китае те силы, которые... завершат освобождение Китая от империализма». Этими словами он охарактеризовал важнейшую связь между Советской властью, как исходным пунктом мировой пролетарской революции, и китайской революцией, показав ее историческое место и ее взаимосвязь с международными событиями и указав на решающие движущие силы этой революции. Тельман предостерегающе обратил внимание на обострение антисоветского курса империалистов ввиду этих взаимосвязей, поскольку «государство советских рабочих и крестьян, его моральная и материальная помощь китайской революции» представляли собой «самое грозное препятствие» на пути империалистической политики в Китае. Они не остановятся ни перед чем, отмечал он, чтобы разрушить союз между революционным Китаем и Советским Союзом.

Эрнст Тельман внимательно следил за действиями различных классовых сил в национально-революционном движении Китая. Он указывал на то, что молодой китайский пролетариат «все с большим успехом претендует на гегемонию в руководстве китайской революцией»², однако настойчиво подчеркивал, что китайская революция еще не носила социалистического характера. Рабочий класс Китая мог выполнить свою историческую миссию только в союзе с международным рабочим классом. В этом смысле еще с трибуны XI съезда КППГ он предупреждал: «Вся наша партия, весь германский рабочий класс должны сделать все для защиты китай-

¹ Die Rote Fahne, 6.IV 1927; Vgl. auch: Aus dem Kampf der deutschen Arbeiterklasse zur Verteidigung der Revolution in China. Eine Auswahl von Dokumenten und Materialien aus den Jahren 1925—1933. Berlin, 1959, S. 56.

² Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 348—349.

ской революции от грозящих ей опасностей, чтобы она имела возможность развиваться по социалистическому пути»¹. Впечатляющим было выступление германского революционного рабочего движения в поддержку китайской революции и в защиту Советского Союза на 2-м Всегерманском съезде Коммунистического союза молодежи Германии, состоявшемся весной 1927 г. в Гамбурге.

Кульминационным пунктом Всегерманского съезда КСМГ явилась большая манифестация на пасху в воскресенье 17 апреля. 25 тыс. демонстрантов прошли мимо стоявших тесными шпалерами гамбургских рабочих к городскому парку в северной части города. Впереди шагали Эрнст Тельман, члены ЦК КСМГ и молодежные делегации из Чехословакии, Англии и Китая. В городском парке с высокой трибуны, окруженной 40 тыс. молодых людей, членами делегаций Союза красных фронтовиков, молодежного Красного фронта и рабочими Гамбурга, выступил Эрнст Тельман. Он предостерегающе говорил об угрожающем нарастании опасности возникновения войны, о возможности нападения империалистов на Советский Союз и призывал молодежь «быть верной своим революционным традициям и вступить в борьбу против милитаризма и империалистической войны»².

В целях мобилизации масс на борьбу против военной угрозы и шовинистического подстрекательства, укрепления у них чувства пролетарского интернационализма коммунистические партии проводили пограничные встречи. 15 мая 1927 г. Эрнст Тельман принял участие в одной из таких международных манифестаций, организованной районным комитетом Градец-Кралове Коммунистической партии Чехословакии и областным руководством Союза красных фронтовиков Силезии на чехословацко-германской границе под лозунгами: «Против угрозы войны и фашизма!», «Руки прочь от Советской России!»

Возможность обстоятельного обсуждения связанных с предотвращением новой агрессивной империалистической войны и событиями в Китае вопросов в кругу руководящих деятелей различных коммунистических партий представилась на VIII пленуме ИККИ, который состоялся 18—30 мая 1927 г. в Москве. Задачи Коммунистического Интернационала в борьбе против угрозы войны и проблемы китайской революции были центральными темами этого пленума. Эрнст Тельман вместе с Артуром Эвертом, Оттомаром Гешке, Фрицем Геккертом, Хайнцем Нойманом и Германом Реммеле принял участие в работе этого пленума. Он был избран в состав президиума пленума, являлся председателем и докладчиком важнейшей комиссии, которая рассматривала подготовленные Отто Куусиненом тезисы «О войне и угрозе войны», а также сотрудничал в подкомиссии, обсуждавшей задачи коммунистов в буржуазных армиях.

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 313.

² Die junge Garde (Berlin), 1927, № 15.

29 мая на 16-м утреннем заседании пленума Тельман сделал доклад о работе комиссии по вопросу войны и военной опасности. В нем он убедительно показал, что наиболее активно в защиту мира выступали коммунисты, считавшие своим долгом выполнять в этой борьбе роль инициаторов и организаторов. Эрнст Тельман отмечал, что мир можно защитить только активными действиями, а не общими, ни к чему не обязывающими призывами: «Мы должны прежде всего разъяснить массам, что борьба за мир без революционных массовых действий невозможна». Поэтому необходимо всегда придавать лозунгу о мире конкретное содержание, увязывать его с самыми животрепещущими задачами дня. В настоящее время таковыми являются прежде всего защита Советского Союза и китайской революции. С особой настойчивостью Эрнст Тельман подчеркивал необходимость начинать активную борьбу не после того, как империалистическая война уже развязана, а, учитывая уроки начала войны 1914 г., разоблачать подготовку империализма к войне еще в мирное время, ведя систематическую разъяснительную работу в буржуазных армиях.

В этой связи он высказал важную мысль о том, что, хотя коммунисты принципиально и отвергают буржуазную армию как инструмент классового противника, они не должны упускать ни малейшей возможности, чтобы содействовать очищению этой армии, пока она существует, от реакционеров. Так, работу в земельных парламентах необходимо направлять на то, «чтобы вытеснить реакционные элементы из армии». Тем самым он показал, как в ходе борьбы против милитаризма следует выдвигать демократические частичные требования, подчеркнув общедемократическое содержание борьбы революционного рабочего движения за сохранение мира.

Этой линии соответствовало и требование Тельмана стремиться в борьбе за мир к созданию возможно более широкого единого фронта с социал-демократией. Тельман констатировал, что предложение Троцкого ориентироваться вместо этого на сотрудничество с синдикалистами и анархистами говорило о «полном непонимании огромных задач текущего момента», ибо подобный курс привел бы к сектантской изоляции от большинства рабочего класса и решительному ослаблению миролюбивых сил.

Эрнст Тельман вернулся в Берлин с VIII пленума ИККИ как раз к началу 3-го Всегерманского слета Союза красных фронтовиков. Он вновь был в первых рядах 80 тыс. красных фронтовиков, которые в воскресный день 5 июня прошли по улицам германской столицы к парку Шиллера, расположенному в рабочем районе Берлина — Веддинге. Мощная демонстрация антифашистской организации защиты пролетариата произвела сильное впечатление не только на рабочих, но и на буржуазных демократов.

Когда Эрнст Тельман вззошел на трибуну, над парком прогремело тысячеголосое «Рот фронт». Он приветствовал делегацию антимилитаристских и антифашистских братских организаций из

Советского Союза, Франции, Чехословакии, Австрии, Швейцарии, Дании и Голландии. Серьезным предостережением прозвучали слова Тельмана о том, как велика угроза новой империалистической войны. «Нужно напрячь все наши силы... чтобы защитить Советский Союз, отечество рабочего класса всего мира. Мы должны защищать его всеми средствами, даже ценой собственной жизни. Со всей силой и страстью, присущей революционному классу, мы положим конец проискам поджигателей войны и в Германии». Он закончил свою речь призывом: «Да здравствует боевой единый революционный фронт!»¹

Во второй день слета Эрнст Тельман выступил с докладом на междупародной конференции против империалистической войны и фашизма, в которой приняли участие руководство Союза красных фронтовиков и зарубежные делегации. Он всесторонне обосновал, почему борьба с фашизмом является интернациональной задачей и эту борьбу следует соответственно координировать. В связи с назреванием новых конфликтов между империалистами и подъемом революционного движения во всех частях света, говорил Тельман, все более усиливается антисоветизм главных сил империализма и давление империалистической буржуазии на рабочий класс. Тельман обратил внимание на два характерных признака этого курса: «Крупная буржуазия проводит наступление против рабочего класса с помощью фашистских отрядов и чисто фашистских правительств. Это наступление направлено не только против большевизма, но и против рабочего класса всего мира»².

В середине августа Эрнст Тельман закончил свой отпуск, который по решению Секретариата ЦК партии провел в Швейцарии, чтобы восстановить пошатнувшееся здоровье. И снова каждый его день был до предела заполнен работой. Его первое после выздоровления публичное выступление 21 августа в Касселе было посвящено борьбе против казни пединно приговоренных к смерти американских рабочих Никола Сакко и Бартоломео Ванцетти. За прошедшие несколько недель многие сотни тысяч трудящихся Германии, последовав призыву КПГ и массовых пролетарских организаций, включились в охватившее весь мир движение солидарности с обоими американскими рабочими активистами. Во всех частях Германии были проведены многочисленные крупные манифестации и забастовки протеста. В посольство и консульства США поступили сотни телеграмм и резолюций протеста, выражавших тесную связь немецких рабочих и других демократов с жертвами судебного террора американской крупной буржуазии.

24 августа Эрнст Тельман впервые за прошедшие три месяца снова выступил перед десятками тысяч берлинских рабочих, собравшихся в парке Люстгартен, чтобы выразить свое возмущение судебной расправой с Сакко и Ванцетти. Трибуной Тельману

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 366.

² Там же, с. 368.

служила лестница собора, вокруг которой собралось особенно много народа. Он заявил, что это преступление суда не единичный случай, оно характерно для буржуазной классовой юстиции, свирепствующей во всех капиталистических странах. Он призвал к усилению борьбы против реакционной юстиции в собственной стране, за освобождение всех пролетарских политических узников, к сплочению всех сил для свержения реакционного правительства буржуазного блока. Три дня спустя Эрнст Тельман выступил в Альтоне на митинге протеста против реакционной политики сената Гамбурга. Борьба в защиту буржуазно-демократических прав, против буржуазного блока и поддерживающих его сил монополистического капитала все больше выдвигалась на первый план в политике коммунистической партии.

7

Боевой блок трудящихся против блока крупной буржуазии

Еще в отсутствие Тельмана, которого замещал Филипп Денгель, на пленуме Центрального Комитета 21 июля 1927 г. было принято решение выдвинуть в качестве главного лозунга КПГ призыв: «Долой правительство буржуазного блока!» Задача теперь состояла в том, чтобы направить все усилия партии на выполнение этой ближайшей цели. На заседании Политбюро ЦК КПГ 26 августа, в котором уже участвовал Тельман, ему было поручено выступить на предстоявшем пленуме Центрального Комитета с основным докладом на тему «Международное и внутривнутриполитическое положение и наши задачи» и изложить в нем актуальные задачи борьбы против буржуазного блока.

Когда Эрнст Тельман готовился к этому важному докладу, 2—3 сентября 1927 г. во Франкфурте-на-Майне состоялось заседание Имперского союза германских промышленников — самой влиятельной организации германских предпринимателей. Это заседание проходило в начале новой фазы развития германского империализма: промышленное производство империалистической Германии превысило довоенный уровень; по его объему германский капитализм снова вышел на второе место в мире после США. Теперь германские империалисты взяли прямой курс на новую империалистическую экспансию. Развернув вначале конкурентную борьбу за рынки и за усиление своих мировых экономических позиций, они в конечном итоге были готовы развязать вторую мировую войну за империалистический передел мира. На Франкфуртском совещании ведущие монополисты Карл Дуйсбург, представлявший концерн «ИГ-Фарбен», и Герман Бюхер (концерн АЕГ) открыто провозгласили программу своей экспансии: экспортное наступление на империалистических конкурентов и в

этих целях замораживание заработной платы и снижение расходов на социальные нужды, с тем чтобы удешевить экспорт.

8—9 сентября 1927 г. ЦК КПГ собрался на очередной пленум. В своем докладе Эрнст Тельман прежде всего дал оценку итогов заседания Имперского союза германских промышленников. Он высказал мнение о том, что для выработки эффективной стратегии и тактики коммунистической партии необходим тщательный анализ планов классового врага. Стремясь замаскировать наступление концернов, социал-демократические политические деятели и профсоюзные лидеры распространяли выдумки о том, будто предприниматели становятся все более умеренными и готовы идти на компромиссы. Эрнст Тельман, напротив, отметил характерную черту франкфуртского совещания Имперского союза германских промышленников, которая заключалась в том, что оно возвестило об обострении империалистической конкурентной борьбы на мировом рынке и новом наступлении крупной буржуазии на трудящиеся массы. Он предостерег относительно наступления монополистов на социальные и политические права трудящихся, снижения заработной платы и увеличения продолжительности рабочего дня. Наконец, он обратил внимание на попытки влиятельных монополистических кругов облегчить введение более интенсивной эксплуатации рабочих по американскому образцу путем систематического распространения в среде рабочего класса иллюзий об обоюдной заинтересованности рабочих и предпринимателей в процветании капиталистической экономики.

Намерения монополистического капитала нашли свое концептированное выражение в политике правительства буржуазного блока. На пленуме Центрального Комитета Эрнст Тельман в качестве важных задач по отпору этой политике назвал защиту гарантированных законом прав рабочих и служащих от буржуазной классовой юстиции, защиту КПГ и Союза красных фронтовиков от угрозы запрета и противодействие возрастающему влиянию духовенства на школу и всю культурную жизнь страны.

Борьбе в области политики по вопросам культуры Эрнст Тельман придавал большое значение. Он указывал, что пагубное вмешательство клерикальных кругов в дела школы и в политику по вопросам культуры, раскол школы по вероисповеданию и преследование представителей прогрессивной литературы и искусства со стороны буржуазной классовой юстиции служили укреплению господства крупной буржуазии и подавлению рабочего движения. Поэтому борьба против реакции в области культуры, говорил Тельман, составляет важный аспект борьбы против империалистической буржуазии и ее правительства. В эту борьбу объективно втягивались также круги мелкой буржуазии и интеллигенции. Это обстоятельство открывало большие возможности для формирования с участием этих сил единого фронта против империалистической политики по вопросам культуры и его организационного оформления, например в виде союза борьбы против

реакции в области культуры. Тельман подчеркивал, что и в имеющей столь важное значение культурно-политической области КПГ должна выступать против буржуазии с самостоятельными лозунгами, со своей собственной линией.

Сознавая чрезвычайную важность образования и культуры для классовой идеологической и политической борьбы, Эрнст Тельман обращал внимание на роль интеллигенции и на отношение к ней рабочего класса. Он отвергал узкий, сектантский подход к вопросу о взаимоотношениях между рабочим классом и интеллигенцией и разъяснял товарищам необходимость для революционного движения воспитания коммунистической интеллигенции, тесно связанной с рабочим классом. «Разве плохо, если рабочий станет интеллигентом, если, скажем, рабочий с завода благодаря своим способностям и настойчивой работе станет, к примеру, главным редактором? Это очень хорошо для нашей партии»¹.

Эрнст Тельман рассматривал создание широкого фронта борьбы против реакционной политики по вопросам культуры как составную часть борьбы за взаимопонимание всех противников империалистической реакции, которая сконцентрировала свои силы в буржуазном блоке. На пленуме Центрального Комитета он призвал товарищей к совместной с социал-демократами и демократической интеллигенцией борьбе против реакции в области культуры. Еще раньше он ориентировал также на то, чтобы в земельных и городских парламентах, где КПГ, СДПГ и Германская демократическая партия имели большинство, добиваться совместных выступлений этих партий против буржуазного блока. В политической резолюции пленума ЦК КПГ, подготовленной под руководством Тельмана, была поставлена задача создания для борьбы против трестовского капитала и его правительства буржуазного блока «боевого содружества всех сил, движущихся в одном направлении»².

Решающим в этом отношении, как подчеркивал Тельман, была «мобилизация и сплочение пролетарских масс в ходе экономических боев». Чтобы проводить на заводах определенные акции, коммунисты должны были в большей степени исходить из конкретных потребностей рабочих того или иного предприятия, учитывать местные настроения и выдвигать соответствующие требования. Следовало неустанно бороться за преодоление «слишком демонстрационного характера» партии, за более решительное перенесение центра тяжести ее деятельности на повседневную, систематическую и планомерную работу с массами внутри массовых организаций.

Особенно важно было усиление влияния партии на крупных заводах. На следующем пленуме ЦК Эрнст Тельман со свойственной ему меткостью подверг критике опасное отставание в этой об-

¹ IML, ZPA, 21/1/666.

² Dokumente und Materialien..., Bd. VIII, S. 584; Vgl. auch ebenda, S. 581.

ласть: «Сегодня партия концентрирует свое внимание на всех: на Мюллере, на Шульце, на любом сапожном подмастерье. А к крупным заводам, источникам... активности рабочего класса на местах, отношение такое же, как и к сапожному мастеру, у которого работают три подмастерья. Никакой разницы между концерном «АЕГ» и небольшой мастерской с 30 рабочими!» Он требовал, чтобы деятельность партии и революционных массовых организаций концентрировалась «на важнейших узловых моментах», чтобы партия систематически занималась на крупных предприятиях подготовкой основного кадрового состава коммунистов и классово сознательных профсоюзных активистов, которые имели бы влияние на коллектив и при решении любых профсоюзных и политических вопросов могли сказать свое веское слово.

Тем самым Тельман затронул основную проблему — о роли коммунистической партии как авангарда рабочего класса. Опыт классовой борьбы показал, что коммунисты только тогда могли вести за собой на активные действия боеспособные массы, когда им удавалось завоевать доверие своих товарищей по работе, прежде всего в местах наибольшего сосредоточения рабочих, повседневно выступая в качестве самых верных защитников их интересов и советчиков. Опыт показал, что партия может стать руководителем масс только в том случае, если ее члены пользуются уважением на предприятиях, в профсоюзах, потребительской кооперации и в других организациях, если заводские партийные ячейки и профсоюзные группы станут ведущей политической силой заводских рабочих и профсоюзных организаций. Это имело решающее значение для успешной борьбы против трестовского капитала.

На Всегерманской конференции партийных работников по вопросу о профсоюзах, состоявшейся 24—25 сентября 1927 г. в здании берлинского ландтага, руководство партии обсудило вместе с 200 партийными работниками, половина которых прибыла прямо с заводов, состояние партийно-массовой работы КПГ на этом важнейшем участке ее деятельности. Эрст Тельман принял участие в конференции, несмотря на то что к 27 сентября он должен был быть в Москве, где в это время собирались на свое совместное заседание Президиум ИККИ и Интернациональная контрольная комиссия, чтобы сделать выводы из продолжавшейся фракционной деятельности Троцкого. Тельман внимательно выслушал выступления прибывших из округов профсоюзных функционеров-коммунистов, которые поделились опытом своей повседневной практической работы в профсоюзах. Курт Шуман, который в то время отвечал за работу коммунистов в профсоюзе германских металлистов в Саксонии, в своих воспоминаниях особо выделяет эту способность Эрста Тельмана — уметь слушать.

Во второй день работы конференции слово взял Эрст Тельман. Он подчеркнул, что работа в профсоюзах становится центром тяжести политической деятельности партии — авангарда рабочего

класса. Она решает вопрос, удастся ли противопоставить «огромной концентрации трестов концентрированную силу пролетариата»¹. Насколько это было необходимо и как трудно было это осуществить, он показал на примере франкфуртского заседания Имперского союза германских промышленников, где обсуждались вопросы борьбы с рабочими и их профсоюзами на длительную перспективу и где было принято решение основать для этой цели соответствующие фонды предпринимателей. Государственная власть все более решительно вмешивалась на стороне предпринимателей в экономическую борьбу. При разногласиях по вопросам тарифных договоров, заработной платы и продолжительности рабочего времени правительство все чаще прибегало к услугам так называемых третейских судей, решения которых постоянно мешали рабочим, используя конъюнктуру, добиваться более значительного повышения заработной платы.

Коммунисты, указывал Тельман, должны решительно выступать против этого, а также вести борьбу против реформистов, стремившихся сделать профсоюзы составной частью политической системы капиталистического государства и всячески избегать забастовок, ссылаясь при этом на переговоры с союзами предпринимателей и на диктат государственных третейских судов. Экономические схватки, отметил Тельман, неизбежно и все больше перерастали в борьбу рабочих не только с предпринимателями, но и с буржуазным государством.

Эрнст Тельман требовал от коммунистов, чтобы своей инициативной и активной работой в профсоюзных организациях и своим участием в их борьбе они становились бы там действительно руководящей силой. Предпосылкой к тому является, говорил он, концентрация на решении этих задач усилий партии и основательная подготовка коммунистами всех профсоюзных битв. Каждая партийная организация и каждый партийный комитет должны очень хорошо знать конкретную обстановку в своем районе, быть полностью осведомленными об экономическом положении и событиях на крупных предприятиях. Они должны тщательно анализировать ход стачечной борьбы.

Следует сделать все возможное, подчеркивал Тельман, чтобы оживить работу профсоюзов, опираясь, например, на заводские советы, указывать профсоюзам цель и направление их деятельности. Так Эрнст Тельман со всей настойчивостью нацеливал партию на осуществление профсоюзной политики, о которой он говорил на X съезде партии и на I партийной конференции. Борьба партии за усиление своего влияния в профсоюзах и ее стремление отстаивать интересы рабочих, давая отпор наступлению монополистического капитала и правительства буржуазного блока, были взаимообусловлены. Без прочных позиций в профсоюзах она не могла поднимать рабочих на успешную стачечную борьбу, но завоевать прочные позиции в профсоюзах можно было

¹ IML, ZPA, I 2/708/4.

только лишь путем серьезной и успешной борьбы за насущные интересы рабочих.

В последующие недели и месяцы в различных отраслях промышленности развернулась охватившая широкие массы упорная борьба за повышение зарплаты и сокращение продолжительности рабочего дня, за восстановление восьмичасового рабочего дня.

Действуя в духе своих реформистских взглядов, социал-демократические профсоюзные лидеры стремились прекращать забастовки по возможности быстро путем компромиссных соглашений. Поэтому успехи были весьма ограниченными. Самой крупной акцией за эти месяцы была забастовка 80 тыс. горняков промышленной области Средней Германии в октябре 1927 г. Как и рекомендовал Эрнст Тельман на конференции партийных работников, профсоюзные работники-коммунисты и заводские советы захватили здесь инициативу и развернули широкое движение за восьмичасовой рабочий день и повышение зарплаты. Под давлением масс руководство профсоюза горняков было вынуждено принять решение о проведении забастовки; в остальном же оно вело себя совершенно пассивно, проявляя готовность к компромиссу. Однако перед лицом единого и прочного стачечного фронта рабочих предпринимателям не оставалось ничего другого, как согласиться на одиннадцатипроцентное повышение зарплаты.

В октябре и ноябре Эрнст Тельман часто бывал в промышленных городах и деревнях Средней Германии. Когда речь шла о подготовке экономических выступлений, руководстве забастовками, об анализе их результатов, то его интересовали не только совещания функционеров, разработка требований рабочих, создание стачечных комитетов и их деятельность. Тельман стремился встретиться и побеседовать непосредственно с рабочими у них дома или по возможности прямо на рабочем месте. «Для него было характерно,— сообщает партийный работник КПГ Зепп Хан,— что во время этих личных бесед он интересовался буквально всем: размером квартплаты, расходами на электричество и газ, доходами всей семьи»¹. Эрнст Тельман использовал свои возможности депутата рейхстага для посещения предприятий, чтобы на месте ознакомиться с условиями труда рабочих и работниц и соблюдением трудового и социального законодательства.

Ведя энергичную борьбу за развертывание широкого движения сопротивления наступлению предпринимателей, Эрнст Тельман также выдвигал новые инициативы в политической борьбе против реакционного буржуазного блока. В Гамбурге предстояли выборы в местный парламент. Эрнст Тельман стремился использовать их для вовлечения в борьбу против реакции более широких слоев гамбургского рабочего класса.

Эрнст Тельман особо подчеркивал необходимость единого фронта рабочих, ибо он хорошо понимал, что коммунисты потерпят

¹ Deutschlands unsterblicher Sohn, S. 137.

поражение, несмотря на их самоотверженность, если они будут вести борьбу в одиночку. Необходимый широкий фронт борьбы против монополистического капитала, против реакционного буржуазного блока и правозкстремистских происков мог быть создан только на основе единства действий. Поэтому Эрнст Тельман неустанно искал пути и средства для создания единого фронта. Это была его главная забота и в ходе выборов в гамбургский парламент.

Эрнст Тельман всегда помнил о четкой грани, разделявшей связанных с крупной буржуазией правых социал-демократических лидеров, ярых антикоммунистов, с одной стороны, и многочисленных рядовых членов и функционеров СДПГ — с другой, которые жили и действовали в самой гуще рабочего класса. Его интересовало именно мнение этих функционеров и рядовых членов, ибо они представляли массы, с которыми КПГ хотела образовать единый фронт. Конечно, он знал, что большинство из них было в плену реформистских идей, но он понимал также, что от этих социал-демократов и профсоюзных работников зависело, удастся ли привести в движение массы для защиты в рядах единого боевого фронта классовых интересов пролетариата.

Поэтому Тельман лично посещал партийные собрания социал-демократов. Его уважали как твердого и честного противника в политическом противоборстве, который никогда не прибегал к личным нападкам. Он стремился добиться ясности с присущим ему пылом и в то же время по-деловому, что производило сильное и убедительное впечатление. Он умел не только с темпераментом говорить, но и терпеливо слушать. Споры с братьями по классу — членами СДПГ помогали ему лучше понять, что в политике и в массовой работе КПГ было недостаточно убедительным. Обращаясь к социал-демократам с призывом о сотрудничестве, Эрнст Тельман учитывал мнения и настроения этих членов СДПГ, их требование проведения подлинной политики в интересах рабочих.

Выборы в Гамбурге 9 октября 1927 г. принесли СДПГ и КПГ значительный прирост голосов и прочное большинство в парламенте по сравнению со всеми другими партиями. Это открывало перед СДПГ возможность сформировать сенат без коалиции с крупной буржуазией и полностью осуществить свою предвыборную программу с ее многочисленными буржуазно-демократическими и социально-политическими ближайшими требованиями. КПГ была готова оказать в этом СДПГ поддержку в парламенте. 11 октября окружной комитет КПГ Вассеркаппе обратился к гамбургскому правлению СДПГ и местному комитету АДГБ с письмом, подготовленным в Политбюро ЦК. Не сглаживая принципиальные разногласия, в письме в духе предвыборной программной речи Эрнста Тельмана говорилось о том, как СДПГ и КПГ могли бы взаимодействовать в гамбургском парламенте в интересах трудящихся.

СДПГ предлагалось «совместно с КПП и с помощью профсоюзов... путем использования парламентского большинства и мобилизации масс» добиваться осуществления важных социальных и демократических мероприятий, например повышения зарплаты рабочих государственного и общинного секторов, служащих и чиновников, осуществления программ обеспечения занятости и жилищного строительства, сокращения налогов на мелких ремесленников и мелких крестьян и прогрессивного налогообложения крупных состояний и доходов, бесплатного школьного обучения и бесплатного предоставления учебных пособий, пресечения деятельности правых экстремистов. Далее в письме говорилось: «Коммунистическая партия заявляет о своей готовности обеспечить социал-демократическому правительству в Гамбурге возможность существования и деятельности, если оно осуществит эти минимальные требования». В таком случае «КПП будет всячески поддерживать его в борьбе против любых антирабочих предложений и прочих выпадов буржуазных партий, а также в осуществлении требований рабочих»¹. В заключение КПП предложила провести совещание представителей КПП, СДПГ и АДГБ.

Это совещание состоялось 26 октября во второй половине дня в гамбургском Доме профсоюзов. О большом значении, придаваемом КПП этим переговорам, свидетельствовало то, что ее делегацию возглавлял Эрнст Тельман. 17 октября Секретариат ЦК направил его вместе с членом Секретариата ЦК Паулем Дитрихом «для поддержки гамбургских товарищей»².

Возглавляемые председателем гамбургской партийной организации СДПГ Максом Лойтеритцем и председателем местного комитета АДГБ Йоном Эрентайтом делегации СДПГ и реформистского руководства профсоюзов прибыли в составо 11 человек, вопреки ранее достигнутой договоренности о том, что каждая делегация будет состоять из трех человек. Не вызывало сомнений, что их единственной целью было обеспечить алиби, так как в действительности СДПГ еще 24 октября вступила в конфиденциальные переговоры с Германской демократической партией и Германской народной партией о создании коалиции. Поэтому председательствовавший на переговорах Эрентайт выдвинул ультимативное требование исходить из вопросов, содержащихся в ответе местного комитета АДГБ на письмо КПП от 11 октября, в которых, однако, не было никаких конкретных предложений по обеспечению интересов рабочих. Такой подход противоречил прежней договоренности о том, что в основу дискуссии будут положены предложения всех трех партнеров по переговорам.

Однако эти провокации провалились благодаря выдержке Эрнста Тельмана. Он выразил сожаление по поводу того, что его партнеры по переговорам все еще не представили, как это

¹ Dokumente und Materialien..., Bd. VIII, S. 603, 605.

² IML, ZPA, 3/19/597.

сделала КПГ, конкретной программы для обсуждения. Эрентайт и другие представители социал-демократии пытались склонить КПГ к признанию, как это звучало на добропорядочном буржуазном коалиционном языке, «государственно-политических возможностей гамбургского парламента»¹, жестко определявших, по их мнению, объем мероприятий, к осуществлению которых можно было стремиться. Тельман вскрыл классовое содержание этой характерной для буржуазного образа мышления постановки вопроса и изложил принципиальную, пролетарскую позицию коммунистов: «государственно-политические возможности не могут быть отправной точкой, ибо это преграды, которые воздвигает буржуазия в борьбе против требований рабочих»². Тем самым он поставил четкий предел попыткам урезать требования рабочих настолько, чтобы они стали приемлемы для крупной буржуазии, воспрепятствовать политическим выступлениям рабочих и их организаций, сковав их путями буржуазной политики.

Когда развернулась дискуссия о том, как обеспечить средства для улучшения условий жизни трудящихся масс, Тельман от имени КПГ заявил, что это должно быть осуществлено только за счет имущих. Сославшись на предложения КПГ, он указал источники финансирования, которые следовало использовать в рамках законных возможностей в интересах трудящихся масс: прогрессивное налогообложение крупных состояний и доходов, использование налоговых поступлений от квартирной платы исключительно на жилищное строительство, снижение расходов на полицию и судопроизводство, введение налога на предметы роскоши и других налогов на имущество.

Социал-демократические представители категорически отказывались принять эти предложения, однако не могли привести никаких контраргументов, которые они могли бы отстаивать публично. В конце концов представители социал-демократии, действовавшие по указке Эрентайта, добились срыва переговоров, потребовав в ультимативной форме вхождения коммунистов в состав сената и заявив, что это является предварительным условием для достижения соглашения об использовании большинства СДПГ и КПГ в городском парламенте. Тельман заявил, что это невозможно, поскольку сенат был правительством буржуазным, здесь КПГ в то время не могла, а СДПГ принципиально не желала ничего изменять³.

КПГ считала образование правительства совместно с социал-демократами в принципе вполне возможным, но не в любой обстановке. В заявлении Центрального Комитета от 28 октября

¹ Der Schwindel von der Einheitsfront. Die Hamburger Verhandlungen und die Regierungsbildung zwischen SPD und KPD. Stenographischer Bericht, o. O. u. J., S. 37.

² HVZ, 27. X 1927.

³ Vgl.: Der Schwindel von der Einheitsfront, S. 49—50, 68—70, 72—73; HVZ, 27. X 1927.

1927 г. было четко сформулировано, что «участие коммунистов в одном правительстве с социал-демократами в настоящий момент» напервяка «только собьет с толку и партию и рабочих», однако «в другой обстановке» это могло бы служить лозунгом, призывающим к действию¹.

Под такой «другой» обстановкой подразумевались прежде всего острый кризис господства буржуазии со значительным ослаблением буржуазного государственного аппарата, революционный подъем широких масс, участие значительной части социал-демократии в активной антиимпериалистической борьбе и ее готовность к образованию единого фронта с коммунистами. Однако в октябре 1927 г. о такой обстановке не могло быть и речи, прежде всего это касалось позиции социал-демократии. Таким образом, для вхождения коммунистов в сенат Гамбурга отсутствовали даже малейшие предпосылки.

Гамбургские лидеры СДПГ искусственно раздували вопрос об участии коммунистов в сенате, чтобы отвлечь внимание от того, что было осуществимо и что предлагала КППГ: парламентскую поддержку социал-демократического сената со стороны КППГ, если сенат выполнит требования рабочих и будет вести борьбу против правой опасности, т. е. выполнит предвыборные обещания СДПГ. Однако социал-демократические лидеры совсем не хотели брать на себя таких обязательств. И поэтому когда делегация коммунистов повторила свое предложение о защите социал-демократического сената от правых сил средствами парламентской и внепарламентской борьбы, Макс Лойтеритц ответил: «Мы отказываемся создавать такое правительство с петлей на шее». Эрнст Тельман сразу же ответил на это вопросом: «А Германская народная партия — это не петля на шее?» Лойтеритц заявил: «Это не петля на шее»². Тем самым он вполне определенно выразил, что для лидеров социал-демократии коалиция с партиями крупной буржуазии с целью проведения буржуазной политики является само собой разумеющимся делом, а соглашение с КППГ с целью совместной борьбы за удовлетворение требований рабочих даже не подлежит обсуждению.

Эрентайт прервал переговоры. Позиция социал-демократических политиков сделала невозможным использование парламентского большинства СДПГ и КППГ в интересах трудящихся. Несмотря на это, Эрнст Тельман подтвердил конструктивную позицию коммунистов. КППГ будет поддерживать любой шаг СДПГ, направленный на выполнение требований рабочих, заявил он.

Оказывая гамбургским коммунистам осенью 1927 г. помощь словом и делом, Эрнст Тельман не только выполнял важную задачу, порученную ему как Председателю ЦК КППГ. Побывать в своем родном Гамбурге, среди его рабочих было всегда для Тельмана

¹ IML, ZPA, 3/19/1284.

² Der Schwindel von der Einheitsfront, S. 55.

внутренней потребностью. «Но септиментальность тянула меня в родные места, где я вырос и куда я возвращался снова и снова», — писал он позднее. Здесь, где он провел многие годы своей жизни, познав тяжелый, низкооплачиваемый труд, удел пролетария, ведущего каждодневную борьбу за существование, где он стал классовым борцом, коммунистом, где стал, наконец, вождем рабочих, — здесь он особенно живо ощущал тесную связь со своим классом, который всегда был для него источником новых сил. «Гамбургские рабочие и служащие всегда были и остались моими самыми близкими братьями»¹ — эти написанные в фашистском застенке слова говорят о том, что столь тесно связывало его с этим городом.

Приезжая в Гамбург, Эрнст Тельман никогда не упускал случая порадовать свою жену и дочь какой-нибудь безделушкой. Маленькая Ирма без устали рассказывала отцу, которого она не видела неделями, о своих детских переживаниях. Она сердилась, если отец говорил ей накопец: «Ну поговорила ты довольно, теперь спой песенку!» Ведь супруги тоже хотели поговорить друг с другом; особенно для Розы Тельман эти часы пролетали как мгновенья. Быть женой вождя миллионов революционных рабочих Германии было непросто, никто не знал об этом лучше его самого. Его наполняло чувство радости, гордости и глубокой благодарности за то, что Роза, эта простая женщина из рабочей среды, делила с ним все горести и радости, всегда была готова взять на себя любой труд и заботы. Она являлась ему надежной опорой в самые трудные моменты; для дочери она была хорошей матерью, а для него — боевым соратником. «Именно такая жизнь, — писал он Розе в день ее 47-летия из фашистского застенка, — закалила наши характеры, так тесно и верно связала нас с тобой и позволила создать такой полноценный брачный союз»².

Иногда случалось, что они все вместе — отец, мать и дочь — шли на какое-нибудь массовое мероприятие КПГ, но только до места, где оно проводилось. Там уже Роза и Ирма были среди сотен или тысяч собравшихся. Как бы сильно ни любил Эрнст Тельман жену и дочь, как бы ни хотелось ему вознаградить их за постоянную разлуку какой-либо маленькой радостью, он не мог позволить, чтобы его семья как-то выделялась из большого круга товарищей. «Мы были частью большой семьи — партии, и отец требовал от нас строжайшей дисциплины и скромности»³.

Этой большой семье — партии принадлежала также и большая часть времени Эрнста Тельмана даже в те немногие дни, когда он бывал дома. Работа в партийном комитете округа Вассерканте, в состав которого он вновь был избран на окружной партийной кон-

¹ *Thälmann Ernst. Briefe aus dem Gefängnis*, S. 133, 136.

² *Thälmann Irma. Erinnerungen an meinen Vater*, S. 31; *Thälmann Ernst. Briefe aus dem Gefängnis*, S. 168.

³ *Thälmann Irma. Erinnerungen an meinen Vater*, S. 20.

ференции в декабре 1927 г., непосредственная деятельность в одном из важнейших партийных округов помогали ему получать более точное представление о работе всей партии. Это позволяло ему постоянно проверять, насколько эффективной для окружных, районных и первичных партийных организаций, вплоть до партийных ячеек, была деятельность Центрального Комитета, Политбюро и особенно его собственная работа как Председателя партии, как воспринимались решения партийного руководства в «низах».

Если Тельману нужно было в конце недели ехать в Гамбург для участия в заседании окружного комитета Вассерканте, то он всегда стремился прибыть туда еще в пятницу. С большими предосторожностями он покидал вокзал, чтобы не попасть в руки членов секретариата окружкома, которые могли как-то узнать о его приезде, «перехватить» его, а уж тогда не выпустили бы его из своих рук вплоть до самого заседания. А этого он как раз и хотел избежать. И не потому, что не мог понять такого желания товарищей. Но он хотел сначала осмотреться, набраться впечатлений, составить для себя общую картину. Поэтому он охотно бродил по улицам, заходил в старые, знакомые ему уже десятилетия кучерские трактиры, где почти всегда встречал своих давних товарищей по работе, беседовал с шоферами, которые изо дня в день имели дело с людьми из различных слоев населения, много видели и много слышали. Иногда он заходил в пивные, которые посещали портовые рабочие, судостроители и его старые знакомые из прачечных. Здесь Тельман накапливал информацию, впечатления, опыт, которых ему не могли заменить ни одно партийное собрание, ни одно совещание с руководящими функционерами.

Эрих Тельман быстро находил контакт не только с рабочими. Его живо интересовало также положение средних слоев. Еще во время своей работы в Гамбурге он имел обыкновение примерно раз в месяц заходить в пивную в Эппендорфе, куда собирались для игры в скат в основном мелкие ремесленники и лавочники. Его тянуло туда не только желание поиграть в скат. Эти вечера, проведенные за игрой с типичными представителями среднего сословия, которые за кружкой пива и картами говорили о своих делах, надеждах и заботах, позволяли Тельману получать ценную, основанную на жизненном опыте информацию об условиях жизни и политических настроениях средних слоев.

Выступления Тельмана на заседаниях окружкома производили на товарищей большое впечатление своей ясностью. «Его понимали с полуслова. Он говорил четко, резкими, короткими фразами, подчеркивая слова энергичными жестами»¹. Его вопросы и реплики нацеливали внимание слушателей на самое важное, вскрывали суть вопроса, обнажали слабые места. Он всегда поражал товарищей удивительным знанием дела. «Старику достаточно было пройти от главного вокзала до Сан-Паули, и он знал

¹ IML, ZPA, EA 1400/1; Vgl. auch ebenda, NL 3/69.

лучше нас, что делается в Гамбурге»¹. Это был «секрет» его исключительно тесной связи с массами. Эта тесная связь с трудящимися, знание помыслов и забот рабочих были одной из важных причин, побуждавших Эрнста Тельмана настойчиво бороться за привлечение социал-демократии к совместной борьбе за осуществление требований рабочих. Накопленный в Гамбурге опыт показал, что оппортунизм правых социал-демократических лидеров, стремившихся подменить классовую борьбу классовым сотрудничеством, был серьезнейшим и труднопреодолимым препятствием в борьбе единого рабочего класса против монополистического капитала и его реакционного правительства. На пленуме ЦК КПГ 8 декабря 1927 г. Эрст Тельман в своем политическом докладе проанализировал этот опыт, дав также оценку позиции и политики СДПГ после ее Кильского съезда, состоявшегося в мае 1927 г.

Отношение лидеров СДПГ к буржуазному блоку он охарактеризовал как минимую оппозицию. СДПГ проводила в Пруссии, да и в других землях, где она по-прежнему входила в состав правительств, политику буржуазного блока; это вновь подтвердили недавние гамбургские переговоры. Влиятельные политические деятели СДПГ особенно возражали против массовых выступлений. Их приспособленчество, следование политике империалистической буржуазии, отметил Тельман, проявлялись также и в том, что они покрывали ремилитаризацию, а империалистическую внешнюю политику Густава Штреземана превозносили как якобы «политику мира». Это свидетельствовало о сдвиге вправо, что не только вело к полной «ликвидации марксизма» в программных установках СДПГ, но и вообще преследовало цель «обуржуазить рабочее движение»². К этому добавлялась активизировавшаяся антикоммунистическая пропаганда. Процесс ускоренной монополизации и дальнейшее государственно-монополистическое развитие экономики были расценены на съезде СДПГ в Киле как шаги к социализму. Исходя из своей реформистской концепции по вопросу о власти, правые лидеры социал-демократии на съезде партии в Киле представили свое сотрудничество в империалистическом государственном аппарате как «борьбу за завоевание государственной власти» и подтвердили свой курс на создание коалиции с партиями крупной буржуазии как основополагающую ориентировку для СДПГ.

На пленуме ЦК КПГ Эрст Тельман наметил задачи партии, обусловленные коалиционным курсом и реформистской пропагандой СДПГ, а также мелкобуржуазными иллюзиями многих рабочих социал-демократов. Еще на заседании Политбюро он в своем анализе итогов гамбургских переговоров поставил вопрос о том, чтобы во главу угла идеологической работы коммунистов поста-

¹ *Tastesen Paul. Wie ich Ernst Thälmann sah.*— In: *Weg und Ziel. Mitteilungsblatt der KPD Wasserkante (Hamburg)*, 16. IV 1946.

² IML, ZPA, I 2/1/59.

нить пропаганду марксистской теории о государстве и роли коммунистической партии. Политбюро приняло по его предложению соответствующее постановление.

На пленуме Центрального Комитета он остановился на том, как следовало вести эту идеологическую борьбу. Социал-демократическое руководство, говорил Тельман, пыталось внушить рабочему классу, будто с помощью своей парламентской оппозиции правительству буржуазного блока оно «поднимает вопрос о власти». Оно широко пропагандировало представление о том, что завоевание Социал-демократической партией Германии парламентского большинства и формирование ею правительства означают завоевание государственной власти рабочим классом. Уже само участие в коалиционном правительстве оно выдавало за частичное завоевание политической власти. Опровергая эти лживые реформистские лозунги, Тельман указал на необходимость четкого выявления противоположности, классового содержания реформистского и марксистского понимания государства. Следует разъяснить, заявил он, что теория и практика социал-демократов в вопросе о государстве «означают ослабление пролетариата» и сводится к укреплению власти германской буржуазии.

Разъясняя эту задачу на заседании окружного комитета партии Вассерканте, Эрнст Тельман потребовал «унифицировать вопрос о государстве с экономической борьбой»¹. На собственном опыте классовой борьбы, сказал он, рабочие лучше всего могут убедиться в капиталистическом классовом характере государства. Основываясь на практическом опыте рабочих, коммунисты должны разъяснять им, что олицетворяющее власть рабочего класса государство может быть создано только в результате свержения буржуазии. Эрнст Тельман настойчиво подчеркивал, насколько важна полная ясность именно в вопросе о государстве: «Если бы теоретический уровень наших партийных работников оказался достаточным, чтобы в противовес этой реформистской тактике, в противовес этому ложному пониманию государства, этим абсолютно буржуазным иллюзиям, которые СДПГ насаждает в германском рабочем движении, они могли на фабриках и заводах разъяснить рабочим нашу теорию о государстве, мы бы добились значительно больших успехов и во всех других областях»².

Эрнст Тельман вскрыл также несостоятельность утверждений социал-демократических политиков о том, что без КПП было бы легче добиться «рабочего большинства». Он убедительно показал, что СДПГ всегда жертвовала интересами рабочего класса, уступая требованиям своих буржуазных партнеров по коалиции. Социал-демократическое парламентское большинство еще отнюдь не означало рабочего большинства. Только благодаря борьбе коммунистов против крупной буржуазии и оппортунистической

¹ IML, ZPA, 31/1/619.

² IML, ZPA, I 2/1/59.

политики, говорил Тельман, реформистам не было позволено в еще большей мере предать интересы рабочих. Только КПП может внести полную ясность в вопрос о классовых интересах пролетариата, осветить путь к социализму и повести по этому пути рабочий класс. И не в последнюю очередь поэтому она должна усилить борьбу против социал-демократической политики и идеологии прежде всего по вопросу о власти.

В своих выступлениях по случаю 10-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции Тельман также подчеркивал: решающий урок победы рабочих и крестьян России заключался в том, что рабочий класс может прийти к власти, лишь преодолев влияние реформистов.

Между тем ясность в вопросе о власти была необходима не только для борьбы против оппортунизма социал-демократии. Ввиду расширения и обострения классовой борьбы требовалось глубоко обосновать теоретически направление и цели борьбы против монополистического капитала и правительства буржуазного блока. Это было тем более необходимо, что такие социал-демократические лидеры, как президент рейхстага Пауль Лёбе, начали пропаганду своего рода нового издания жульнического трюка с обобществлением, имевшего место в 1919 г., и вести разговоры об экспроприации монополистов, чтобы не утратить влияния на пришедших в движение рабочих и вместе с тем с помощью такой ложной ориентации предотвратить возможные эффективные акции против предпринимателей.

По этим важным вопросам имелись неясности принципиального порядка, в том числе и у некоторых функционеров КПП. Существовало мнение, что партия должна провозгласить в качестве лозунга требование немедленной экспроприации и национализации остановленных металлургических заводов. Генрих Брандлер и другие настаивали на том, чтобы вместо лозунга «Долой правительство буржуазного блока!» провозгласить главным лозунгом партии требование контроля над производством.

Эрнст Тельман, Филипп Денгель, Артур Эверт, Фриц Геккерт, Пауль Меркер, Вальтер Ульбрихт и другие руководящие деятели КПП возражали против этого. Конечно, коммунисты выступают за национализацию промышленности и за рабочий контроль над производством, заявлял Тельман. Однако эти требования нельзя выдвигать в любой обстановке, без учета реальных условий классовой борьбы. Требовать от самого реакционного после Ноябрьской революции правительства, в составе которого не было даже буржуазных демократов, национализации металлургической промышленности — значит способствовать распространению реформистских иллюзий в отношении существовавшего государства, затупевыванию его империалистического характера. Тем более что влияние рабочего класса в политической жизни было недостаточным для того, чтобы меры по национализации хотя бы в определенной степени пошли на пользу трудящимся. Это в полной

мере подтверждала обстановка на уже существовавших государственных предприятиях.

Так же обстояло дело и с требованием контроля над производством. Эрнст Тельман обращался за советом к основополагающей работе В. И. Ленина «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», которую он, например, на заседании окружного комитета партий Вассерканте в декабре 1927 г. рекомендовал «теперь же изучить», а также к другим работам В. И. Ленина, написанным в 1917 г. Он исходил из того, что в контроле над производством В. И. Ленин видел акт революционного насилия пролетариата, который обладает реальной властью¹. Однако, считал Тельман, рабочий класс в настоящий момент не способен по-настоящему осуществлять рабочий контроль за производством. Только в ходе революционного подъема появится возможность поставить на повестку дня вопрос о борьбе за контроль над производством.

Однако Генрих Брандлер и его друзья лозунг контроля за производством понимали иначе. Они подразумевали под этим лишь право заводских советов проверять конторские книги и бухгалтерские балансы с целью предотвращения сокрытия доходов и другие подобные шаги. Такие меры Эрнст Тельман считал правильными, но выдавать их за рабочий контроль над производством, по его мнению, значило обесценивать этот лозунг и в конечном счете запутывать вопрос о власти. Неправильно, указывал он, ставить подобные шаги в центр политики партии как «главный лозунг», поскольку это дезориентировало бы рабочий класс в борьбе против монополистического капитала. Самое важное сейчас, подчеркивал Эрнст Тельман, это борьба рабочих на заводах. Ее следовало расширять под такими лозунгами, как повышение зарплат, обеспечение восьмичасового рабочего дня, права на забастовки, расширение прав заводских советов.

Это были лозунги, непосредственно связанные с интересами рабочих и понятные им. То же относилось и к акциям протеста против террора юстиции буржуазного блока, против повышения квартирной платы и лишения защиты квартиросъемщиков, против реакции в области культуры. Из выступлений за подобные конкретные частичные цели могло возникнуть широкое движение за свержение правительства буржуазного блока, что рассматривалось КПП¹ как ближайшая цель в борьбе за диктатуру пролетариата, указывалось в резолюции Центрального Комитета по докладу Эрнста Тельмана на сентябрьском (1927 г.) пленуме ЦК.

КПП¹ делала различие между этой ближайшей целью и борьбой за захват пролетариатом власти. В вытеснении правых партий из правительства и полевении широких масс рабочего класса и среднего сословия в сочетании с осуществлением демократических и социальных повседневных требований руководство партии

¹ IML, ZPA, 30/567. Речь идет об Апрельских тезисах и о «Резолюции об экономических мерах борьбы с разрухой». — См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 113—118; т. 32, с. 195—197; т. 34, с. 151—199.

видело возможную отправную точку для изменения соотношения классовых сил, которое могло подвести к борьбе за политическую власть. Поэтому Эрнст Тельман настаивал на более четком разъяснении тесной взаимосвязи между повседневными требованиями и конечной целью. Для него было важно показать, что, выдвигая свои частичные требования, КПП не ставит целью оздоровить реформистским путем капиталистический строй, а стремится создать благоприятную почву для борьбы за свержение этого строя. Вместе с тем Тельман настойчиво указывал, что коммунистическая партия должна, естественно, вести борьбу и за реформы в рамках существующего строя. Однако при этом ей необходимо постоянно создавать, что решить вопрос о власти в пользу рабочего класса таким путем невозможно.

8

Борьба за единство рабочего класса — основной вопрос

В конце 1927 г. Имперский союз германских промышленников все энергичнее настаивал на том, чтобы правительство безусловно и полностью выполняло экономические требования крупного капитала. 23 ноября 1927 г. союз передал рейхсканцлеру закрытую памятную записку, в которой откровенно заявлялось, что с осуществлением мер, которых Имперский союз требовал еще в сентябре, «связано очень радикальное изменение конституции»¹. 19 декабря 1927 г. центральные союзы предпринимателей систематизировали и конкретизировали в так называемой «чрезвычайной программе» требования промышленных магнатов. В этой программе монополии решительно потребовали переложения налогового бремени на плечи трудящихся. Следовало, как вытекало из нее, беспощадно урезать ассигнования на социальные нужды. Чтобы осуществить все это, надлежало предоставить имперскому правительству диктаторские полномочия в отношении имперского парламента, парламентов земель и общин.

Выступление Имперского союза германских промышленников подчеркнуло, как важно было вести еще более эффективную и целеустремленную борьбу против монополистической буржуазии. Через два дня после опубликования «чрезвычайной программы» Политбюро ЦК КПП рассмотрело вопрос о том, что нужно сделать для того, чтобы сорвать этот антидемократический план монополистического капитала. 3 января 1928 г. на заседании окружного Вассерканте Эрнст Тельман выступил с речью по пункту повестки дня «Чрезвычайная программа трестовской буржуазии»

¹ *Schulz Gerhard. Zwischen Demokratie und Diktatur. Verfassungspolitik und Reichsreform in der Weimarer Republik, Bd. 1. Berlin (West), 1963, S. 662.*

и наши задачи». Он заявил, что сейчас необходимо противопоставить всю текущую экономическую и политическую борьбу целым германской буржуазии, выдвинутым союзами предпринимателей. Он подчеркнул, что намерения империалистической буржуазии могут быть сорваны только в том случае, если удастся организовать систематическую борьбу против них. Иначе буржуазия получит возможность установить в Германии открытую диктатуру. Однако не следовало допускать и преувеличений в оценках уже применявшихся методов господства, характеризуя их, например, как фашистские.

Эрнст Тельман выступил с принципиальной речью против реакционной «чрезвычайной программы» монополистического капитала на заседании рейхстага 20 января 1928 г. Обсуждался представленный правительством буржуазного блока государственный бюджет на 1928 г., который был полностью выдержан в духе требований монополистов. На основе точных цифр Тельман доказал, что львиную долю налогов придется выплачивать трудящимся массам.

И без того незначительные бюджетные поступления от налогов с капитала будут еще больше урезаны с помощью скидок и отсрочек, а также всевозможных махинаций в пользу буржуазии. Государственный бюджет продемонстрировал, что «корни политики, проводимой правительством буржуазного блока... кроются в классовых интересах трестовской буржуазии». Эрнст Тельман показал, что существовала тесная взаимосвязь между диктаторскими устремлениями и усилением наступления на жизненный уровень и права масс. Ведущие монополисты начали выступать единым фронтом против парламентаризма, так как считали парламент «недостаточно послушным орудием для осуществления их империалистических планов». Он также осудил все большее вмешательство в финансовые дела общин, что подрывало местное самоуправление. Он доказал, что все империалистические «планы реформ» имеют одну и ту же движущую силу, а именно политическую цель «трестовской буржуазии», заключающуюся в диктатуре «финансового капитала»¹.

Тем самым Эрнст Тельман разоблачил антидемократическую концепцию монополистов. С трибуны рейхстага он призвал рабочий класс и всех трудящихся «противопоставить черному блоку трестовской буржуазии боевой блок трудящихся масс» и создать «красный классовый фронт» «на базе борьбы пролетариата (особенно на заводах и в профсоюзах), на базе осуществления восьмичасового рабочего дня и завоевания более высокой заработной платы»².

И действительно, как показала забастовка горняков в октябре 1927 г., значительные группы рабочего класса все меньше и меньше были склонны покорно мириться со стремлением монопо-

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 381, 393.

² Там же, с. 396.

листического капитала к власти. Под влиянием коммунистов десятки тысяч металлистов Средней Германии начали в январе 1928 г. забастовку, требуя повышения зарплаты. Однако реформистские профсоюзные лидеры подчинились решению государственного третейского суда. Они прекратили забастовку после почти полуторамесячной борьбы, не добившись желаемого результата, хотя фронт борьбы не был сломлен и рабочие других отраслей и из других областей страны оказывали бастующим поддержку. В конце февраля в Берлине бастовала часть инструментальщиков. В ответ на это встревоженные предприниматели объявили локаут, уволив 60 тыс. металлистов. Борьба продолжалась до середины марта.

Как констатировал Эрнст Тельман, «тактика профсоюзной бюрократии во время этих забастовок сводилась к тому, чтобы препятствовать разворачиванию битв большого масштаба, а в неизбежных случаях вести борьбу с пораженческих позиций и в конечном итоге предавать ее путем подчинения третейским решениям». Все острее становилось противоречие между реформистским курсом и «необходимостью превращения профсоюзов в настоящие боевые организации в процессе борьбы против империализма, против усиливающегося наступления реакции»¹.

Это обязывало коммунистов больше, чем когда-либо, противопоставлять политике империалистической буржуазии самостоятельную рабочую политику. Указанная задача обсуждалась и на IX пленуме ИККИ в феврале 1928 г., в работе которого принял участие Эрнст Тельман вместе с Филиппом Денгелем, Артуром Эвертом, Германом Реммеле и другими представителями ИККИ.

Перед поездкой в Москву Тельман выполнил еще одну интернациональную обязанность. Он поехал на учредительный съезд Союза красных фронтовиков Австрии, который проходил в Вене 21—22 января 1928 г. В своей приветственной речи Эрнст Тельман призвал австрийских рабочих крепить единство в борьбе против фашизма. Съезд дал высокую оценку его деятельности на посту председателя Союза красных фронтовиков Германии, избрав его почетным председателем Союза красных фронтовиков Австрии. 22 января Эрнст Тельман выступил с речью на многотысячном митинге рабочих. Он рассказал им, как Союз красных фронтовиков защищает германский рабочий класс от натиска реакции. Выступления реакционных, фашистских сил и бессилие руководимой социал-демократами организации самообороны привели и в Австрии к необходимости создать революционную пролетарскую организацию самообороны. Ее задачей должна быть защита пролетариата от происков реакции. Полиция пыталась схватить Тельмана и не дать ему говорить. Но австрийские красные фронтовики образовали вокруг него плотную цепь, которую полиция не смогла прорвать. После митинга Тельман был выслан из Австрии.

¹ Inprekorr, N 26, 10. III 1928, S. 493.

Выступая на заседании профсоюзной комиссии на IX пленуме НККИ, Эрнст Тельман показал, какая сложная обстановка возникла в германском рабочем движении в результате антикоммунистической раскольнической политики социал-демократических профсоюзных лидеров. Исходя из опыта забастовки металлистов в Средней Германии и других экономических выступлений, он поддержал вывод о том, что реформистские профсоюзные лидеры все теснее сотрудничали с буржуазией, стремились сорвать массовые выступления против предпринимателей и обостряли борьбу против коммунистов. Уже сотни коммунистических профсоюзных активистов, выступавших против реформистской политики социал-демократических профсоюзных лидеров, за действительно рабочую политику, были исключены социал-демократическими правлениями из профсоюзов в нарушение профсоюзной демократии и устава профсоюзов.

Тельман подчеркивал, что в этих условиях особенно необходимо усилить повседневную организаторскую и политическую работу коммунистических заводских ячеек и профсоюзных активистов на предприятиях. Он подверг критике то, что многие коммунистические профсоюзные функционеры и заводские советы недостаточно активно выступали против антипрофсоюзного курса реформистов, проявляли слишком мало инициативы в защите единства профсоюзов и вовлечении членов профсоюзов и коллективов предприятий в борьбу за осуществление своих требований.

Некоторые руководящие деятели КПГ, поддерживавшие тесный контакт с Августом Тальгеймером и Герприхом Брандлером, игнорировали изменившиеся условия борьбы. Они считали, что коммунисты должны ограничиваться лишь ролью критиков, что их задача состояла лишь в том, чтобы заставить социал-демократических профсоюзных лидеров мобилизовать профсоюзы на защиту интересов рабочих. Это означало бы, что руководство рабочим движением полностью оказалось бы в руках правых социал-демократов.

Борьба с этой правооппортунистической группировкой осложнялась тем, что некоторые товарищи в Политбюро и Секретариате Центрального Комитета, такие, как Артур Эверт, тоже не видели изменений в обстановке и поэтому недооценивали возможности и ответственность КПГ, заняв примиренческую позицию.

Эрнст Тельман, напротив, призывал к действиям против раскольнической тактики правых профсоюзных лидеров. Следовало продолжать, настаивал он, организацию забастовок и других выступлений рабочих, не останавливаясь перед угрозой исключения из профсоюза. Коммунисты, подчеркивал Тельман, могут успешно вести борьбу за единство профсоюзов и демократические права их членов только при условии, если они сами стремятся вести профсоюзную работу и готовить из числа беспартийных членов профсоюза новых членов партии, если они будут еще более активно вовлекать неорганизованных рабочих и работниц в ряды

свободных профсоюзов и «вести непримиримую борьбу» против любых тенденций к выходу из возглавлявшихся реформистами профсоюзов. Лишь таким путем, указывал Тельман, можно было укрепить организационную основу революционной работы в профсоюзах. «Если нам не удастся побудить пролетарские массы на более решительные выступления против этой кампании исключений из профсоюзов, развязанной реформистской профсоюзной бюрократией, то реформисты могут дойти до крайности и не остановятся перед исключением из профсоюзов всех коммунистов»¹.

Поскольку германская делегация возвращалась на родину лишь в начале марта, Эрнст Тельман использовал время для ознакомления с новыми достижениями советских трудящихся. На этот раз путь привел его в новое учебное заведение, экспериментальную школу при московском заводе «Каучук». Когда он там появился, пионеры как раз отмечали 10-ю годовщину образования Красной Армии. Эрнст Тельман поздоровался с ними словами их пионерского приветствия «Будьте готовы!», они ответили ему на немецком языке: «Всегда готовы!» Затем все вместе сидели за самоваром, и пионеры угощали своего немецкого друга чаем. Он рассказал им о жизни детей рабочих в капиталистической Германии, но прежде всего внимательно выслушал то, что хотели сообщить ему ученики и учителя этой одной из первых политехнических школ. Он узнал, что в эту школу принимались дети, которые намеревались позднее работать на заводе «Каучук». И уже во время учебы в школе они получали систематическую подготовку по своей будущей профессии. Завод оказывал непосредственное влияние на работу школы по обучению и воспитанию, помогал учителям и пионерской организации. Все это произвело на Эрнста Тельмана глубокое впечатление, ведь он и сам мечтал в юности обучиться какой-нибудь профессии. Он с большим уважением слушал о том, как молодое социалистическое государство заботится о всестороннем развитии своих юных граждан.

5 марта 1928 г. Эрнст Тельман вернулся в Берлин. В течение марта он выступил на заседании Центрального Комитета, на Всегерманской конференции партийных работников, а также на заседаниях окружных комитетов партии округов Вассерканте и Галле-Мерзебург, а в начале апреля — на конференции партийных работников округа Большая Тюрингия. Он призывал коммунистов крепить связь с беспартийными членами и функционерами профсоюзов, вовлекать в профсоюзы новых членов, укрепляя тем самым влияние коммунистов. Только этим путем они могли добиться, чтобы профсоюзы больше заботились об интересах рабочих, и в то же время энергично бороться за сохранение своего членства в профсоюзных объединениях.

Насколько правильными были эти соображения Тельмана, показала начавшаяся в апреле забастовка саксонских металли-

¹ Inprekorr, N 26, 10. III 1928, S. 493.

стов. Там, где коммунисты и революционные профсоюзные работники действовали успешно в духе рекомендаций Тельмана, как, например, в Лимбахе, забастовочное движение приобретало большой размах. Очень эффективно действовала Международная рабочая помощь (Межрабпом). Она собирала деньги и продовольствие для бастующих и их семей. Эрнст Тельман назвал Межрабпом «важной составной частью рабочего движения», которая «необходима для поддержки крупных экономических выступлений масс»¹. Но и на этот раз реформистские профсоюзные лидеры капитулировали перед решением третейского суда, который игнорировал большую часть того, чего добивались стачечники. Они задушили забастовку, хотя, как констатировал Тельман, «массы единодушно высказывались за продолжение борьбы и, несмотря на то что третейский суд вынес имевшее обязательную силу решение, на ряде предприятий были приняты решения о продолжении забастовки»².

Эрнст Тельман сделал вывод, что коммунистам не следует мириться с тем, что руководствовавшиеся коалиционными соображениями социал-демократические профсоюзные лидеры всегда проявляли непоследовательность в организации забастовок, принципиально избегая столкновений с государственной властью. Они должны были брать на себя инициативу в проведении боевых акций³.

Тельман разъяснял, что экономические выступления также были решающим оружием против опасной, сковывавшей активность рабочих масс иллюзии о мнимой «демократизации экономики», которую распространяли реформисты. Он осудил теорию и практику «экономической демократии» как стремление добиться «полного подчинения профсоюзов государству и государственным потребностям»⁴ империалистической буржуазии.

Забастовки весны 1928 г., итоги выборов в гамбургский парламент и в другие ландтаги свидетельствовали о развитии левых тенденций и росте влияния в массах революционной рабочей партии — КПП. Как и предсказывал Эрнст Тельман в своей речи в рейхстаге 20 января 1928 г., буржуазный блок распался. 31 марта 1928 г. рейхстаг был распущен. Новые выборы были назначены на 20 мая.

Ведущие партии крупной буржуазии — Германская народная партия и клерикальная партия Центра — стремились в ходе предвыборной кампании найти выход из тупика, в который их завел правый курс. Они обещали СДПГ снова включить ее в коалиционное правительство. Руководство СДПГ сразу же согласилось.

И хотя оно широко использовало в предвыборной агитации все грехи буржуазного блока, однако в предвыборном воззвании

¹ *Thälmann Erns.* Für die Unterstützung der IAH.—In: Inprekorr, N 9, 27. I 1928, S. 178.

² IML, ZPA, I 6/3/168.

³ Vgl. ebenda, 25/1/614.

⁴ Ebenda, I 2/1/59.

у него не нашлось ни слова критики в адрес основных участников правой коалиции — партии Центра и Германской народной партии. Чтобы не раздражать своих будущих партнеров по коалиции, руководство СДПГ направляло все свои атаки исключительно против Германской национально-народной партии, называя павшее правительство, канцлером которого был глава партии Центра, «германо-национальным правительством». Вместе с тем предвыборное воззвание социал-демократов содержало антикоммунистическую клевету и дискредитировало революционную борьбу рабочих против империалистической реакции, представляя ее как «безумные выходки левых путчистов»¹.

В письме к социал-демократическим рабочим Золингена Эрнст Тельман разоблачил лидеров СДПГ: «Сейчас, когда речь идет о парламентских мандатах, социал-демократическая партия обещает все, что только можно; но это лишь слова — дела отсутствуют. А что значат самые прекрасные слова о восьмичасовом рабочем дне, если социал-демократические лидеры профсоюзов в течение многих лет не вели никакой серьезной борьбы за это основное требование организованного рабочего класса и даже нанесли удары в спину рабочим, боровшимся за осуществление этого требования»².

Для КППГ развернувшаяся предвыборная борьба стала важной политической акцией весны и лета 1928 г. 9 апреля в Рурской области — крупнейшем пролетарском центре Германии — Председатель партии открыл предвыборную кампанию КППГ. 30 тысяч рабочих собрались в Вестфальском зале Дортмунда. Демагогии буржуазных партий и лидеров СДПГ Тельман противопоставил факты. Он доказал, что без коалиционной политики социал-демократов проведение политики буржуазного блока было бы невозможно: начиная с основания Веймарской республики, коалиционные правительства социал-демократии и партий крупной буржуазии подавляли революционное рабочее движение, в решающей мере способствуя укреплению власти империалистов и усилению влияния правых партий. Коалиционные правительства Пруссии и других земель действовали как послушные орудия буржуазного блока. Поэтому, указывал Тельман, задумавшая лидерами СДПГ и партиями прежнего буржуазного блока коалиция не могла стать альтернативой буржуазному блоку.

Эрнст Тельман показал пролетариям Рура, что одни лишь выборы мало чем могли изменить их положение: «Вы имеете право голосовать так же, как и владельцы трестов и фабрикапы, но, если вас станет душить пужда и вы потребуете повышения зарплаты, тогда подлинные заправилы «демократии» вышвырнут вас на улицу... Вы можете вступать в профсоюзы, но

¹ Wahlauf Ruf der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands.— In: Reichstags-Handbuch. IV. Wahlperiode 1928. Berlin, 1928, S. 154, 156—157.

² IMI, ZPA, I 6/3/168.

нашей забастовки в большинстве случаев объявляются незаконными». В противоположность другим партиям, продолжал Тельман, КПГ никогда не давала пустых предвыборных обещаний; однако она всегда защищала насущные интересы всего пролетариата. Лишь борьба «за каждый пфенниг повышения заработной платы, за любое сокращение рабочего дня» может улучшить положение рабочих, а не пассивное ожидание успеха на выборах, образование правительств и компромиссные соглашения с предпринимателями. Тельман настойчиво указывал на то, что необходимой предпосылкой для успешной борьбы против буржуазии является единство действий рабочих. Он призывал коммунистов искать взаимопонимания и с верующими рабочими, подчеркивая, «что только с помощью сплоченного боевого фронта верующих, беспартийных, социал-демократических и коммунистических рабочих можно достичь изменения классового положения пролетариата»¹.

Почти полтора месяца совершал Эрнст Тельман поездки по Германии с целью мобилизации рабочих и других трудящихся на борьбу против империалистической политики.

Результаты выборов в рейхстаг показали, что политика, проводившаяся в последние годы Коммунистической партией Германии под руководством Эрнста Тельмана, пользовалась поддержкой трудящихся. За кандидатов КПГ проголосовали 3263 тыс. избирателей, т. е. на 554 тыс., или на 20,5%, больше, чем в декабре 1924 г. КПГ укрепила свою массовую базу, и соотношение сил в рабочем движении начало изменяться в пользу коммунистов. Особенно ярко эта тенденция проявилась в районе Большого Берлина. Здесь число голосов, отданных за коммунистов, увеличилось почти на две трети.

Вместо 45 в рейхстаг вошли теперь 54 коммуниста. Эрнст Тельман, как основной кандидат от КПГ, был вновь избран депутатом рейхстага от своего родного города Гамбурга. Когда новая фракция в июле 1928 г. собралась на свое учредительное заседание, она избрала своими председателями Вальтера Штёккера и Тельмана, а также направила Тельмана в качестве одного из своих представителей в важнейшую комиссию рейхстага — комиссию по охране прав народных представительств (контрольная комиссия). В качестве председателя фракции Тельман тесно сотрудничал с депутатами Мартой Арендзее, Эдвином Хёрпле, Эмилем Хёллайном, Антоном Ядашем, Вильгельмом Кёнепом, Теодором Нойбауэром, Вильгельмом Пиком, Эрнстом Путцем, Зигфридом Ределем, Эрнстом Шнеллером, Георгом Шуманом, а также со своим сопредседателем Вальтером Штёккером; на них лежала основная нагрузка в деятельности парламентской фракции КПГ.

Насчитывавшая 153 депутата социал-демократическая фракция вновь была самой многочисленной в рейхстаге. Все партии

¹ *Thälmann Ernst. Abrechnung mit den Feinden des Proletariats.* — In: Ruhr-Echo, 12. IV 1928.

крупной буржуазии потеряли значительное число голосов. Успех СДПГ на выборах ясно показал, что влияние социал-реформизма в массах тоже возросло. Этому способствовала высокая конъюнктура в экономике, в результате чего улучшилось материальное положение значительной части рабочего класса. Многие трудящиеся-избиратели, разочаровавшиеся в партиях буржуазного блока, но все еще находившиеся в плену мелкобуржуазных воззрений, поддались иллюзии, что такая конъюнктура сохранится еще длительное время и что с помощью реформ можно будет постепенно коренным образом изменить положение трудящихся. Подобные надежды особенно связывались с участием СДПГ в правительстве, поскольку те земельные правительства, в которых СДПГ располагала большинством постов в отличие от правительства рейха и правительств некоторых земель, где преобладали партии крупной буржуазии, были вынуждены пойти на определенные социальные уступки.

Таким образом, начавшийся процесс полевения привел, как отметил Тельман, прежде всего к расширению массовой базы СДПГ. Вместе с тем он подчеркивал — и дальнейшее развитие подтвердило его правоту, — что усиливалась антикапиталистическая тенденция, которая нашла свое выражение также в результатах последних выборов. Поэтому, делая первый вывод из итогов выборов, он настоятельно требовал сделать рывок «вперед в деле сближения с социал-демократическими рабочими»¹.

Под знаком этого проходил и слет Союза красных фронтовиков весной 1928 г. В следующее воскресенье после выборов, 27 мая, по Берлину прошли маршем колонны 100 тыс. красных фронтовиков, собравшихся на свой 4-й Всегерманский слет. Это была демонстрация в поддержку пролетарского единого фронта, против буржуазного блока, который несколько недель назад безуспешно пытался запретить Союз красных фронтовиков. Сотни тысяч членов Союза красных фронтовиков и берлинских рабочих собрались на митинг в парке Люстгартен. С главной трибуны, установленной перед собором, к ним с речью обратился Эрнст Тельман. Он заклеил безудержную антикоммунистическую и антисоветскую пропаганду, целью которой было расколоть рабочий класс и привязать его к империалистической политике. Под бурные аплодисменты он провозгласил: «Защищая Советский Союз, мы защищаем наше отечество, наше будущее, свободу и социализм». Тельман разоблачил националистическую демагогию, показав, что у рабочего класса не может быть общих национальных интересов с империалистической буржуазией: «Отечество Гинденбурга, Борзига и Круппа, Тиссена и Клэкнера, Вельса, Носке и Зеверинга — это не отечество немецкого рабочего класса. Оно станет нашим отечеством только тогда, когда над ним возымеется победоносное знамя социализма»².

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 423.

² Die Rote Fahne, 30. V 1928.

Во время Всегерманского слета Эрнст Тельман встретился с делегацией кассельского моторостроительного завода. Рабочие этого завода послали коммуниста Эрнста Мелиса и одного члена Рейхсбаннера в Берлин на Всегерманский слет Союза красных фронтовиков, поручив им встретиться с Эрнстом Тельманом. Как писал Мелис, Тельман подчеркивал в беседе общность интересов рабочих — коммунистов и социал-демократов в борьбе против империалистической буржуазии. Его особенно интересовали взгляды рабочего-социал-демократа. «Как бы между прочим, он спросил его, как относятся коммунисты к нему, члену Рейхсбаннера, и к его коллегам — социал-демократам... Ответ, видимо, не совсем удовлетворил Тельмана. Товарищ Тельман стал убеждать его, говоря примерно следующее: мы никогда не должны забывать, что рабочие должны держаться вместе... Сейчас, когда правительство осуществляет реакционные мероприятия, когда предприниматели снижают заработную плату и ухудшают условия труда, когда милитаристы развертывают военное производство, безотлагательно необходимо создавать единый фронт рабочих на заводах и в жилых районах»¹.

Но как бы ни был необходим единый фронт рабочего класса в борьбе против империализма и милитаризма, как бы ни способствовали удовлетворению многих требований трудящихся крах политики буржуазного блока, поражение на выборах партий крупной буржуазии и победы КПП и СДПГ, обеспечивать единство действий становилось все труднее. СДПГ вела переговоры о создании большой коалиции с партией Центра, Германской демократической партией, а также с Германской пародной партией — типичной правой партией крупной буржуазии. 12 июня председатель СДПГ Герман Мюллер дал согласие Гинденбургу сформировать коалиционное правительство. В начале июня КПП выступила с предложением о создании в земле Саксония-Ангальт, где социал-демократы и коммунисты получили на выборах в ландтаг большинство голосов, социал-демократического правительства меньшинства, поддерживаемого коммунистической партией. Но подобные инициативы не находили у СДПГ никакого отклика. Тем не менее в связи с поражением партий буржуазного блока, в том числе Германской пародной партии и партии Центра, а также победой СДПГ на выборах в ее рядах начало проявляться недовольство коалиционным курсом. Поэтому в борьбе коммунистов против коалиционных устремлений, за создание единого фронта 12 млн. избирателей, отдавших голоса за СДПГ и КПП, социал-демократические лидеры усматривали тем большую угрозу своей политике. Руководства СДПГ и находившихся под ее влиянием массовых организаций обострили свой антикоммунистический курс.

Особенно усердствовали в этом социал-демократические лидеры профсоюзов. «Наши успехи вызывают у реформизма сильнейшее

¹ Deutschlands unsterblicher Sohn, S. 302—303.

сопротивление. Профсоюзная бюрократия организуе раскол везде, где мы завоевываем профсоюзы»¹, — констатировал Эрнст Тельман в апреле 1928 г. В июне правлениями профсоюзных объединений из профсоюзов были исключены Вильгельм Пик, Густав Соботка, Вальтер Ульбрихт и многие другие коммунисты. На пленуме Центрального Комитета 27 июня Тельман заявил, что в профсоюзах все более открыто проявляется социал-демократическая «диктатура... против революционного фронта, который призван помешать проведению курса коалиционной политики»². Эту оценку подтвердили ход и решения XIII конгресса свободных профсоюзов, состоявшегося в начале сентября 1928 г. в Гамбурге. На нем было принято решение, обязывавшее профсоюзы поддерживать коалиционную политику социал-демократов. В нарушение устава конгресс также одобрил исключение из профсоюзов коммунистических деятелей.

С тем чтобы воспрепятствовать переходу руководителей рабочего спортивного движения на сторону коммунистов, социал-демократические спортивные деятели осуществили раскол этой организации на состоявшемся 23—26 июня 1928 г. в Лейпциге съезде Рабочего спортивного и гимнастического союза.

Ввиду такого хода событий Эрнст Тельман на пленуме Центрального Комитета КПГ охарактеризовал борьбу за единство рабочего класса как главный вопрос политики КПГ. Он призвал коммунистов вести решительную борьбу против правой, раскольнической политики социал-демократии и широко развязать в массах принципиальное положение, что «мы — партия единства рабочего класса, а не его раскола»³.

28 июня 1928 г. начало свою деятельность правительство большой коалиции. В это правительство наряду с социал-демократом рейхсканцлером Германом Мюллером и еще тремя социал-демократами — министром внутренних дел Зеверингом, министром финансов Гильфердингом и министром труда Висселем — входили семь министров, представлявших партии крупной буржуазии или симпатизировавших им. Министр иностранных дел Штреземан, министр рейхсвера генерал Грёнер — последний начальник генерального штаба кайзера — и два других министра раньше уже входили в состав правительства буржуазного блока. Через несколько недель после формирования кабинет принял решение о строительстве бронепоса, начав тем самым новую фазу репартизационной империалистической Германии. Министры-социал-демократы проголосовали за этот акт подготовки к войне, хотя в предвыборной кампании СДПГ выдвинула лозунг «Пищу детям вместо бронепосцев!» и можно было обеспечить большинство голосов против строительства бронепосцев. Министры-социал-демократы действовали даже в обход своей собственной фракции.

¹ IML, ZPA, 25/1/614.

² Ebenda, I 2/1/61.

³ Ebenda.

За день до начала деятельности правительства Мюллера Эрнст Тельман выступил на пленуме ЦК-КПГ с докладом об итогах выборов 20 мая, об изменении обстановки и задачах партии. Хотя название большой коалиции определяется партийной принадлежностью канцлера, можно быть уверенным, заявил он, что партия крупных капиталистов — Германская пародная партия «павяжет социал-демократии свой курс». Эрнст Тельман привлек внимание к действительным, глубинным движущим силам политического развития. На состоявшемся 15 июня в Дюссельдорфе заседании пресловутого «Лангнамферейна» — корпорации по охране совместных экономических интересов в Рейпланде и Вестфалии — крупный промышленник Пауль Ройш и другие капиталисты потребовали резкого сокращения социальных статей бюджета. Тельман расценил это как прелюдию к новым ударам германского монополистического капитала по рабочему классу. Характерно, отметил он, что официальные представители возглавлявшегося социал-демократами прусского правительства солидаризировались с требованиями предпринимателей.

Тельман предсказал, что большая коалиция будет продолжать политику буржуазного блока. Ее задача состояла в «укреплении капиталистической диктатуры», причем в условиях намечавшегося ухудшения конъюнктуры и начинавшихся экономических трудностей для буржуазии, в условиях полевения трудящихся масс и обострения классовых противоречий. Однако, если буржуазия столкнется с трудностями, которые она не сможет преодолеть с помощью методов буржуазно-парламентской демократии, «в борьбе против рабочего класса она применит и фашистские методы». Необходимо разъяснять именно социал-демократическим рабочим, указал Тельман, что правительство Германа Мюллера является капиталистическим правительством и СДПГ своим участием в империалистической правительственной коалиции «поддерживает капитализм». С другой стороны, коалиционная практика покажет, заявил Эрнст Тельман, насколько необоснованны разговоры лидеров СДПГ о завоевании рабочим классом политической власти с помощью избирательных бюллетеней. Ведь коалиционное правительство будет выполнять не предвыборные обещания СДПГ, а требования крупной буржуазии. КПГ должна учитывать в своей работе, что в рядах СДПГ ширятся разочарование и недовольство, что «в СДПГ неизбежно возникнут разногласия», что в социал-демократии может образоваться рабочая оппозиция.

Сейчас необходимо прежде всего еще лучше и более основательно готовить экономические выступления рабочих, подчеркнул Тельман. В действиях рабочего класса на первом плане должны стоять вопросы борьбы за повышение зарплат, сокращение рабочего времени, против арбитражной системы и вообще вопросы социальной политики. Задача состоит в организации экономических выступлений рабочего класса, необходимо развернуть эту

борьбу во всю ширь и соединить с политической борьбой, «чтобы умножить трудности для буржуазии» и содействовать дальнейшему полевению рабочего класса¹.

9

Безусловная верность Коммунистическому Интернационалу

Анализируя новые условия классовой борьбы, сложившиеся в 1927 — начале 1928 г., Эрнст Тельман стремился дать ответы на очень сложные и чрезвычайно важные для политики коммунистической партии вопросы: о тактике отражения наступления монополистического капитала, о борьбе против угрозы империалистической войны, о бдительности в отношении фашистских тенденций, о путях к единству действий рабочего класса. И все это с учетом того, что руководство социал-демократии все больше подчиняло свою политику потребностям монополистического капитала и милитаризма. Не в последнюю очередь занимал Тельмана и вопрос о стиле работы самой партии. Эти проблемы также находились в центре внимания VI конгресса Коммунистического Интернационала, который проходил с 17 июля по 1 сентября 1928 г.

На сей раз Эрнст Тельман поехал в Москву поездом. Сразу же по прибытии, 17 июля, состоялось организационное собрание делегации КПГ на конгрессе. В числе 30 делегатов были почти все члены и кандидаты в члены Политбюро, политические секретари важнейших округов, а также активисты заводских ячеек. В работе делегации принимала участие Клара Цеткин, которая тогда почти постоянно жила в одном из санаториев под Москвой. Делегация КПГ избрала Эрнста Тельмана своим руководителем и вместе с Германом Реммеле и Артуром Эвертом направила его в Совет старейшин конгресса, в котором были представлены все делегации и который должен был утверждать порядок дня конгресса.

Вечером 17 июля конгресс собрался на свое первое заседание в Колонном зале Дома союзов. Эрнст Тельман и Герман Реммеле как представители КПГ были избраны в президиум конгресса. Тельману выпала почетная задача приветствовать конгресс от имени европейских коммунистических партий.

Уже в этом первом выступлении перед представителями мирового коммунистического движения он затронул обе тесно связанные между собой центральные проблемы стратегии и тактики Коммунистического Интернационала: строительство социализма на одной шестой части земного шара — главный рычаг мирового революционного процесса, и борьбу против империалистической

¹ IMI., ZPA, I 2/1/61.

политики войны. Он подверг критике антисоветизм правых социал-демократов, способствующий подготовке империалистической войны, углубляющий раскол рабочего класса и тем самым значительно ослабляющий миролюбивые силы. Поэтому борьбу против антикоммунистической политики раскола он охарактеризовал как одну из важнейших задач коммунистических партий. Вместе с тем он указал на то, что борьбу за мир можно теперь вести при более благоприятном соотношении сил, чем когда-либо ранее: «Во время последней мировой войны существовали лишь слабые революционные группы... Сейчас же мы видим во всем мире мощное международное революционное движение во главе с Коммунистическим Интернационалом и, кроме того, крупные массовые организации, как например Союз красных фронтовиков в Германии»¹.

В течение следующих семи недель Эрнст Тельман принимал активное участие в обсуждении важнейших проблем мирового коммунистического движения: международного положения и задач Коминтерна, мер борьбы против угрозы империалистической войны, революционного движения в колониях, а также положения в Советском Союзе и в ВКП(б). Кроме 46 пленарных заседаний работа конгресса велась прежде всего на заседаниях различных комиссий. Эрнст Тельман был избран сопредседателем важнейшей, политической комиссии. Он являлся также докладчиком комиссии по выработке резолюции о положении в Советском Союзе и ВКП(б) и, кроме того, выступал в антивоенной комиссии².

В дискуссии о международном положении и задачах Коминтерна, которая занимала в работе конгресса наибольшее место и в ходе которой выступили около ста делегатов, обсуждались основные вопросы стратегии и тактики мирового коммунистического движения. На 11-м пленарном заседании во второй половине дня 26 июля на трибуну поднялся Председатель КППГ, который был встречен бурными аплодисментами. Тельман сразу же затронул вопрос, имевший огромное значение для дальнейшей разработки политики коммунистических партий, по которому, однако, выявились значительные разногласия,— вопрос об оценке капиталистической стабилизации. Докладчик Бухарин переоценил ее прочность, эту точку зрения поддержали Артур Эверт и некоторые другие руководящие деятели КППГ. Однако такая оценка не соответствовала действительности. Она мешала коммунистам решительно использовать обострение противоречий капитализма и рост трудностей буржуазии, в которых уже проглядывался конец стабилизации.

Тельман охарактеризовал прошедшие годы стабилизации как «четыре года, за которые партия накопила большой опыт, четыре года острейшей борьбы партии, четыре года тяжелых и трудных

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 428.

² ЦПА ИМЛ, ф. 493, ед. хр. 504.

боев пролетариата во всем мире». Он указал на то, что забастовки, восстания, движущие протеста и крестьянские бунты из года в год все сильнее накладывают свой отпечаток на всю обстановку. В полном единодушии с делегацией ВКП(б) он, как и руководящие деятели большинства других секций Коминтерна, в оценке международного положения исходил из того, что будет происходить дальнейшее расшатывание капиталистической стабилизации, дальнейшее обострение внутренних противоречий капиталистической системы и рано или поздно следует рассчитывать на созревании условий для пролетарской революции.

С полной определенностью высказал Эрист Тельман свое мнение и по другой важной проблеме, при обсуждении которой возникли серьезные разногласия, — о диалектике войны и революции. Бухарин считал, что капитализм рухнет лишь в результате войны между империалистами. Следовательно, борьба против империалистической политики войны не имеет-де никакого смысла. Вместо мобилизации всех сил на защиту мира и свержение империалистической буржуазии данный тезис ориентировал революционный пролетариат на пассивное ожидание военной катастрофы. Если бы коммунисты последовали этому пессимистическому и авантюристическому тезису, они изолировали бы себя от одного из важнейших общедемократических движений.

Поэтому Эрист Тельман, как и руководящие деятели ВКП(б) и других братских партий, решительно выступил против такой опасной концепции. «Нельзя предсказать, какой путь скорее приведет к решающей схватке между пролетариатом и буржуазией», — заявил он. Задача коммунистических партий как раз и состоит в том, чтобы «при наличии соответствующих объективных и субъективных предпосылок в отдельных странах» мобилизовать массы и повести их на свершение революции, «прежде чем империалисты зажгут факел войны». Он подчеркнул, что в борьбе за власть коммунисты не делают ставку на войну, а, наоборот, стремятся предотвратить развязывание империалистических войн. По мнению Тельмана, тот, кто хочет готовить социалистическую революцию, должен быть также последовательным борцом за сохранение мира. Как раз, «повышая нашу активность», путем революционной борьбы за свержение класса эксплуататоров, которые ведут подготовку к войне, «мы сможем также отсрочить войну»¹. Конечно, война может создать какие-то определенные условия для свершения пролетарской революции, но только обострение внутренних противоречий капитализма, и прежде всего усиление классовой борьбы, может непосредственно привести к пролетарской революции. И это может произойти совсем не обязательно лишь в условиях войны.

VI конгресс уделил большое внимание и другой серьезной проблеме — опасности фашизма. Эрист Тельман подробно остано-

¹ Тельман Эрист. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 431.

вился на этом вопросе в своем выступлении в прениях. Он сослался на обстановку, складывающуюся в Германии, где он уже не раз разоблачал фашистские устремления господствующего класса. Поскольку германская империалистическая буржуазия вряд ли сможет осуществить свою реакционную программу средствами буржуазной демократии, она «начнет усиленно применять фашистские методы»¹. Вопрос о фашизме и борьбе с ним всесторонне обсуждался как в программной комиссии, так и в возглавлявшейся Тельманом политической комиссии. При этом очень ценным оказался вклад Пальмиро Тольятти, видного представителя Итальянской коммунистической партии, которая вот уже почти шесть лет боролась в условиях первого фашистского государства. Политическая комиссия отметила как характерные признаки современного развития империализма усиливающееся сращивание монополий с государственной властью, постепенную ликвидацию буржуазно-парламентской демократии и переход от буржуазного парламентаризма к открытой террористической диктатуре крупного капитала — фашизму. На это указывал и Тельман в своих докладах на XI съезде КПГ и на последующих пленумах ее ЦК.

VI конгресс подтвердил вывод о том, что фашизм — это орудие крупной буржуазии и что существует тесная взаимосвязь между фашизмом и монополистическим капиталом, между фашизмом и развитием государственно-монополистического капитализма. Вместе с тем конгресс подчеркнул, что нельзя идентифицировать с фашизмом любую форму проявления буржуазной реакции. Следует также делать различие между открытым фашизмом и фашистскими тенденциями. Чрезвычайно важным было указание на то, что в высокоразвитых индустриальных странах, где есть сильный пролетариат, правящие круги, очевидно, будут пытаться постепенно, шаг за шагом, фашизировать буржуазное государство, вместо того чтобы устанавливать фашистскую диктатуру с помощью вооруженного путча. В докладе политической комиссии Тельман подчеркнул, что характеристика фашизма как особой формы империалистической реакции была дополнена. В частности, были более четко разработаны такие положения, как стремление фашизма к созданию массовой базы, а также взаимосвязь между террором и демагогией в тактике фашистских сил.

Данный VI конгрессом анализ фашизма очень помог Эрнсту Тельману и КПГ в последующие годы точнее оценивать опасность фашизма в Германии и находить более эффективные методы борьбы с ней.

В своем выступлении в прениях по докладу ИККИ Эрнст Тельман подробно остановился на необходимости использовать подъем рабочего движения и начинавшееся изменение соотношения классовых сил в пользу пролетариата для привлечения все

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 434.

более широких масс к революционной борьбе за власть. Он с особой силой подчеркнул, что коммунистическая партия должна не только вести принципиальную борьбу против капиталистического государства, за установление диктатуры пролетариата, но также «все энергичней должна выступать по всем насущным вопросам и повседневным задачам в качестве независимого активного фактора, в качестве единственной силы, которая действительно защищает интересы пролетариата в его борьбе за каждый пфенниг повышения заработной платы, защищает все требования пролетариата и всех трудящихся масс»¹.

Эрнст Тельман закончил свою речь страстным призывом к интернационализму. Перед лицом возрастающей военной опасности и назревания нового революционного подъема «пам, более чем когда-либо, пужен интернационализм, революционная солидарность трудящихся масс всего мира в союзе с угнетенными колониальными народами». Под долго не смолкавшие аплодисменты он заверил в том, что «...*дух безусловной верности Коммунистическому Интернационалу и безграничного доверия к его ведущей партии, ВКП(б)*», являющийся залогом победы, определяет мысли и дела всех коммунистов.

VI Всемирный конгресс единодушно принял Программу Коммунистического Интернационала. Когда Эрнст Тельман, вернувшись в Германию, делал доклад об итогах работы конгресса, он заявил, что именно в этом заключалось его историческое значение. Программа всесторонне обосновала роль международного рабочего класса как гегемона всемирной борьбы против эксплуататорского строя, за социализм и коммунизм, а также задачи его коммунистического авангарда. Исходя из ленинской теории империализма, Программа впервые дала исчерпывающий, научно обоснованный анализ общего кризиса капитализма. Она определила закономерности перехода от капитализма к социализму, сформулировав на этой основе принципы стратегии и тактики мирового коммунистического движения. Она прежде всего всесторонне обосновала место Советского Союза в мировом революционном процессе и вооружила революционеров всех стран глубоким теоретическим обобщением первого основополагающего опыта и итогов социалистического строительства. Программа Коминтерна в значительной мере способствовала более тесному идеологическому и организационному сплочению и укреплению мирового коммунистического движения, углублению идей пролетарского интернационализма.

Хотя в прениях по проекту Программы Эрнст Тельман не выступал — по поручению германской делегации здесь выступал Филипп Денгель, — он все же высказал свое мнение по основным вопросам проекта. Он был одним из тех ораторов, кто особенно prominently говорил о социалистическом строительстве на од-

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 439.

ной шестой части земного шара как о решающей движущей силе мирового революционного процесса. Он подчеркнул ленинскую мысль о том, что первое социалистическое государство своими экономическими успехами оказывает наиболее глубокое воздействие на мировой революционный процесс. «Каждый новый крупный успех на хозяйственном фронте является для рабочего класса всего мира новым доказательством преимущества социалистической системы по сравнению с капиталистической. Этот вопрос всемирно-исторической важности в конечном итоге решает исход борьбы между нами и буржуазией»¹, а следовательно, и между коммунизмом и социал-реформизмом. Особую роль Советского Союза Тельман также подчеркивал при обсуждении вопроса о путях предотвращения империалистической войны².

Очень ответственной являлась деятельность Эрнста Тельмана в качестве одного из сопредседателей политической комиссии VI конгресса, в которой вместе с ним работали Васил Коларов, Мария Кошутская (Костшева), Отто Куусинен, Пьер Семар, И. В. Сталин и другие. Главная задача комиссии состояла в подготовке проекта резолюции о международном положении и задачах Коммунистического Интернационала с учетом итогов продолжавшейся почти две недели дискуссии по этому вопросу на пленарных заседаниях конгресса.

На вечернем заседании конгресса 29 августа Эрнст Тельман представил ему доклад политической комиссии. Он разъяснил важнейшие уточнения резолюции и затем, как уже говорилось, дал анализ фашизма. Тельман также выдвинул одобренное комиссией предложение об определении путей и методов борьбы коммунистов с оппортунизмом социал-демократов, за единство действий рабочего класса ввиду развернувшегося антикоммунистического наступления и раскольнической политики реформистов. «Мы должны определить нашу тактику таким образом, чтобы противопоставить реформистской политике раскола важнейших массовых внепартийных организаций (профсоюзов, кооперации, культурных и спортивных организаций) борьбу масс за классовое единство»³, — заявил Тельман в своем единодушно одобренном конгрессом докладе.

Отношение к социал-демократии и шедшей за ней части рабочего класса было настолько сложной проблемой, что ее не смог решить и VI Всемирный конгресс. За последние два года до созыва конгресса ведущие лидеры социал-демократических партий все более резко отклоняли инициативы стремившихся к совместным действиям коммунистов и все более открыто выступали против их попыток организовать борьбу с крупным капиталом

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 436.

² См. там же, с. 431.

³ Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. М.—Л., 1929, вып. 5, с. 122.

и буржуазной реакцией. Реформистские профсоюзные лидеры проводили курс, направленный против единства профсоюзов. В 1926 г. британские социал-реформисты совершили предательство по отношению ко всеобщей стачке и борьбе горячков в Англии, а их единомышленники в других странах саботировали дело международной солидарности. В июле 1927 г. руководство австрийской социал-демократии нанесло удар в спину рабочим Вены, боровшимся с клерикальной реакцией. Кильский съезд СДПГ, съезды других социал-демократических партий и конгрессы социал-демократического интернационала подтвердили их антикоммунистический и антисоветский курс. И наконец, вхождение СДПГ в большую коалицию со всей очевидностью показало, что социал-демократия шла все дальше вправо, ужесточая свою непримиримую позицию в отношении коммунистов.

Пагубная политика классового сотрудничества, которая подчиняла большую часть рабочего класса политике буржуазии, раскалывала и ослабляла пролетариат, создавала впечатление, что социал-демократические партии и находившиеся под их влиянием массовые организации в целом превратились в составную часть буржуазного классового фронта. В коммунистическом движении сложилось мнение, что в таких условиях нет смысла стремиться к сотрудничеству с социал-демократией.

К тому же ввиду завершения периода стабилизации капитализма в скором времени ожидался новый революционный подъем. Поэтому представлялось тем более необходимым активно разоблачать социал-реформистов, которые стали препятствием в борьбе против буржуазии, оказывая ей прямую поддержку в подавлении революционного движения и его изоляции от масс. Конгресс дал принципиально правильную оценку, указав на буржуазный характер политических и идеологических классовых функций социал-демократии, однако он недостаточно учел различия между социал-демократией и империалистической реакцией. Недостаточно учитывалось также противоречие между мелкобуржуазно-реформистской политикой социал-демократии и ее, по существу, пролетарской массовой базой, что давало возможность для проведения политики единства действий. И наконец, коммунисты осложнили свою борьбу за создание единого фронта с рабочими-социал-демократами тем, что направляли главный огонь критики реформизма против левого крыла социал-демократии; по, несмотря на преобладание и здесь антикоммунизма, в скором времени можно было ожидать перехода многих социал-демократических рабочих на революционные позиции.

Сложность этих проблем нашла отражение и в соответствующих высказываниях Эрнста Тельмана. В своем выступлении в прениях он правильно расценил поправление СДПГ и ее усилившийся антикоммунизм как приспособление к политике империалистической буржуазии, а формирование правительства Германа Мюллера — как доказательство существования «пакта между трестов-

ским капиталом и социал-демократией»¹. Однако под впечатлением этой коалиционной политики он охарактеризовал социал-демократию и как активную, движущую силу империалистической политики. Он поддерживал также предложение сосредоточить огонь критики реформизма на левых лидерах социал-демократии.

Дни на конгрессе были заполнены выполнением самых различных обязанностей. Большую работу выполнял Эрнст Тельман в делегации КПГ, на заседаниях которой подробно обсуждались все важнейшие проблемы конгресса. Он неоднократно выступал и на заседаниях конгресса. Так, он огласил заявление 12 коммунистических партий Европы и Коммунистического Интернационала Молодежи по докладам Евгения Варги и Д. З. Мануильского о положении в Советском Союзе и ВКП(б). В этом заявлении был дан резкий отпор попыткам троцкистских раскольников продолжать свою антипартийную деятельность.

С большим вниманием следил Тельман за развитием событий в Германии, где давало себя знать отсутствие почти всех членов Политбюро и Секретариата ЦК партии. Советами и директивами он оказывал помощь и поддержку временному руководству партии во главе с Гуго Эберлейном. В телеграмме партийному руководству 6 августа 1928 г. он просил усилить антивоенную кампанию и потребовать созыва комиссии рейхстага по иностранным делам в связи с угрозами правительства Пилсудского Литве. 19 августа в приветственной телеграмме участникам съезда Союза красных фронтовиков Средней Германии в Лейпциге он призвал их к борьбе против строительства бронепоездов и против подготовки империалистов к войне, призвал не отступать перед раскольниками и действиями подрывных элементов в рабочих организациях.

Размышляя о партийной работе в Германии, Эрнст Тельман с облегчением думал о том, что в случае необходимости товарищи могли посоветоваться с Вильгельмом Пиком, который после выписки из больницы должен был продолжить лечение, чтобы окончательно восстановить здоровье, и поэтому не смог воспользоваться своим мандатом делегата конгресса. В доверительном письме В. Пикю от 10 августа Тельман проинформировал его о ходе работы конгресса и о дискуссиях внутри делегации КПГ. «Я считал своим долгом сообщить тебе коротко самое важное, с тем чтобы ты... имел общее представление». Тельман выражал надежду, что удастся устранить имевшиеся разногласия с Артуром Эвертом и некоторыми другими товарищами. «Мы постараемся сделать все,— писал он В. Пикю,— чтобы в любом случае избежать споров внутри руководства, которые могут охватить всю партию». Он просил Вильгельма Пика употребить также и свое влияние в этом направлении, закончив письмо словами: «Надеюсь, что ты скоро сможешь возобновить свою работу в партии. Тебя приветствует твой Тедди»².

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 1, с. 432.

² IML, ZPA, NL 3/5.

Несмотря на большую загруженность, Эрнст Тельман не забывал время от времени написать хотя бы несколько строк своей семье. В почтовой открытке жене с приветом «из красной Москвы» от 4 августа Тельман просил сообщить ему адрес дочери Ирмы, которая была где-то на каникулах, чтобы написать и ей¹.

В эти дни Эрнст Тельман неоднократно посещал московские заводы. 30 июля состоялось торжественное заседание партийного актива Москвы, посвященное 25-й годовщине созыва исторического II съезда РСДРП, дате рождения большевистской партии. Доклад сделал Е. М. Ярославский; выступали и другие старые большевики, среди них Надежда Константиновна Крупская. От имени президиума VI конгресса участников торжественного заседания приветствовал Эрнст Тельман. «На трибуне товарищ Тельман,— писала газета «Рабочая Москва».— Крепкая, рослая фигура пролетария-вождя». Факт его появления во главе одной из самых крупных секций Коминтерна — германской — «результат,— как отмечала газета,— победы пролетарской линии над мелкобуржуазной меньшевистской рухлядью»². В своей речи Тельман заявил, что задача VI Всемирного конгресса состоит в укреплении в ленинском духе единства и сплоченности коммунистических партий в борьбе против оппортунизма. «Из опыта российской партии мы знаем,— подчеркнул Тельман,— что главную опасность для большевизма представляет реформизм и что основным достоинством большевистских партий являются ясность теории и дисциплина»³.

На заключительном заседании конгресса 1 сентября 1928 г. Эрнст Тельман был вновь избран членом ИККИ. Наряду со многими хорошо знакомыми ему по работе в руководстве мировым коммунистическим движением товарищами в Исполком были избраны Бенуа Фрашон, Клемент Готвальд, Йоганн Коллениг, Юлиан Ленский, Гарри Поллит, Морис Торез и Антонин Запотоцкий, которые, как и Тельман в КПГ, вели в своих партиях целеустремленную борьбу за полное торжество ленинизма. Среди новых членов ИККИ были также Вильгельм Пик и Фриц Геккерт; кандидатом в члены ИККИ был избран Вальтер Ульбрихт. С этими товарищами Тельман особенно тесно сотрудничал в последующие годы. На организационном пленарном заседании ИККИ 3 сентября Эрнст Тельман был вновь избран членом Президиума, в состав которого также вошли Герман Реммеле и Клара Цеткин. Фриц Геккерт был избран кандидатом в члены Президиума ИККИ.

После первого, утреннего заседания Президиума ИККИ 5 сентября, на котором был избран новый Политсекретариат, Эрнст Тельман в тот же день отправился в Ленинград с группой немецких, французских, итальянских, китайских и канадских делегатов, которую он возглавлял вместе с Марселем Кашеном. Когда Тель-

¹ IMI, ZPA, NL 3/7.

² Рабочая Москва, 1928, 31 июля.

³ Die Rote Fahne, 1. VIII 1928.

ман вышел из поезда на ленинградский перрон, навстречу ему протянулись десятки рук. «Мы гордимся такой встречей пролетариата, который первый сверг свою буржуазию и поднял красное знамя социализма»¹ — этими словами Эрнст Тельман выразил ленинградцам благодарность за сердечный прием.

После осмотра Смольного немецкие и китайские делегаты посетили завод «Красный путиловец»². На следующий день делегацию приветствовали сотни рабочих завода «Красный треугольник», где советская работница Шустова вручила каждому делегату по красной розе. Эрнст Тельман, который ознакомился еще с несколькими предприятиями — фабриками им. С. Халтурина и «Красное знамя», — выступая вечером 6 сентября в Доме культуры на Выборгской стороне, заявил, что на него произвели большое впечатление успехи Москвы и Ленинграда в социалистической индустриализации. Присутствовавшие чувствовали в его словах непоколебимую веру в силу объединенного международного рабочего класса. Каждое слово Эрнста Тельмана свидетельствовало о твердой воле КПП мобилизовать рабочий класс Германии на защиту Советского Союза. «Чувствуется красный фронтовик»³ — так прокомментировала его выступление «Ленинградская правда».

Во время пребывания в Ленинграде у Тельмана было немало и других встреч с рабочими и коммунистами. В военно-морском училище он выступил перед рабочими с заводов Васильевского острова, в Таврическом дворце — перед ленинградским партийным активом, в Народном доме — перед партийным активом Петроградской стороны. И наконец, Тельман выступил на заводе «Электросила» и на митинге портовиков.

Утром 7 сентября в Кронштадте состоялся осмотр линкора «Октябрьская Революция». Обращаясь к морякам Краснознаменного Балтийского флота, Эрнст Тельман сказал, что знакомство с революционными матросами и возможность выступить перед ними стали для него незабываемым событием и доставили ему большую радость. Ему было присвоено звание почетного рулевого линкора и вручена краснофлотская форма. Экипаж легендарного крейсера «Аврора» избрал его своим почетным членом. Эрнст Тельман воспринял это как признание заслуг всей коммунистической партии, комсомола и всего рабочего класса Германии⁴.

13 сентября 1928 г. Эрнст Тельман вместе с Вильгельмом Флорином и Хайнцем Нойманом отбыл из Ленинграда пароходом. Провожать их вышли около 3 тыс. рабочих и работниц Ленинграда, собравшихся на набережной лейтенанта Шмидта. Эрнст Тельман обратился к провожавшим с речью: «Мы провели 10 дней в Ленинграде — колыбели Октябрьской революции. Мы видели здесь быстрый рост социалистического строительства, все растущие и

¹ Красная газета (Ленинград), 1928, 6 сентября.

² Сегодня — Кировский завод.

³ Ленинградская правда, 1928, 7 сентября.

⁴ См.: Смена (Ленинград), 1928, 8 сентября.

крепнущие революционные чувства. Мы уезжаем с уверенностью... что недалек тот день, когда гамбургские суда войдут в Ленинградский порт под красным революционным флагом. Я передам от вас привет пролетариату Гамбурга, пролетариату всей Германии.

Да здравствует мировая революция!»¹

10

Расшатывание капиталистической стабилизации

Осенью 1928 г. капиталистическая стабилизация стала давать заметные трещины. Резко ухудшилась конъюнктура в экономике, пошла на убыль инвестиционная деятельность, значительно увеличилось число безработных. Борьба между рабочими и хозяевами получила новые размах и силу. В то же время государственные органы все чаще отвечали на боевые выступления рабочих принудительным прекращением стачек, запретами демонстраций, полицейскими облавами и другими мерами подавления. В большинстве буржуазных партий в это время пришли к руководству представители их правого крыла.

Подтверждалось убеждение Эрнста Тельмана в приближении ожесточенных классовых битв. Революционное рабочее движение, считал он, должно не допустить сдвига вправо и всемерно использовать ослабление монополистического капитала, ожидавшееся в результате краха относительной стабилизации капитализма, чтобы уничтожить его. Для этого необходимо было сломить сопротивление лидеров социал-демократии, выступавших в защиту капитала.

Эти взгляды, которые основывались на оценках VI конгресса Коммунистического Интернационала, разделяло большинство членов Центрального Комитета КППГ, в том числе Филипп Денгель, Фриц Геккерт, Герман Реммеле и Эрнст Шнеллер. Таково было мнение и КППГ в целом. Лишь некоторые правые оппортунисты в КППГ по-прежнему игнорировали закат капиталистической стабилизации и очевидное обострение классовой борьбы. Они выступали как отдельная фракция, подрывая тем самым сплоченность и боеготовность партии. Но и сторонники Артура Эверта не видели близкого конца относительной стабилизации капитализма и вытекающих из этого задач. Они не хотели признать, что в КППГ образовалась правооппортунистическая фракция, и облегчали ее деятельность своим примиренчеством. Групповыми выступлениями в Политбюро и Секретариате ЦК они подрывали коллективность партийного руководства.

Эрнст Тельман убеждал Артура Эверта и его сторонников в необходимости хранить единство партии и сплоченность ее руковод-

¹ Ленинградская правда, 1928, 14 сентября.

ства как предпосылку гибкой тактики и расширения влияния партии в массах. В Политбюро его полностью в этом поддерживали прежде всего Филипп Денгель, Эрнст Шнеллер, Фриц Геккерт, Герман Реммеле и Вальтер Ульбрихт. Вильгельм Пик осудил штирских приверженцев Генриха Брандлера и Августа Таллгеймера, которые восстаивали членов партии против возглавлявшегося Тельманом руководства КПГ, заклеймил их действия как безответственные и потребовал от каждого коммуниста товарищеского сотрудничества с партийным руководством. Усилия Тельмана поддержали также другие члены ЦК — Франц Далем и Пауль Меркер. VI конгресс Коминтерна поддержал большинство в ЦК КПГ, что было воспринято с удовлетворением почти всеми делегатами КПГ. Герман Дункер, например, решительно высказался за «линию товарища Тельмана»: «Это политическая линия, которую вся партия должна единодушно поддержать»¹.

Таким образом, возвращаясь в Гамбург, Эрнст Тельман не только был полон величественных впечатлений от мирового форума коммунистов, от бьющей ключом новой жизни в Советской стране и от сердечных встреч с трудящимися Москвы и Ленинграда. Он также постоянно думал о том, справится ли партия и прежде всего ее руководство с новыми сложными задачами борьбы против империализма и социал-реформизма и, главное, сможет ли она укрепить свое внутреннее единство и сплоченность и тем самым повысить свою боеспособность настолько, чтобы эти задачи оказались ей по плечу. Тельман и его спутники ехали грузовым парходом, на котором было несколько пассажирских кают. Это морское путешествие длилось четыре дня — редкий для Тельмана случай, когда он получил возможность немного отдохнуть и поразмыслить в спокойной обстановке, обменяться мнениями с товарищами. Сидя на палубе, он беседовал с Вильгельмом Флорином, вместе с которым уже более четырех лет работал в Центральном Комитете. Эрнст Тельман оптимистически оценил складывавшуюся в партии обстановку, однако не умалчивал о том, что его серьезно тревожат некоторые явления. Наряду с прочим он сообщил Флорину, что следует исключить из партии за коррупцию секретаря окружкома Вассерканте Йона Витторфа.

По возвращении на родину Тельман остался в Гамбурге, чтобы проработать материалы Всемирного конгресса и подготовить их широкое обсуждение во всей партии.

В это время примиренцы, потерпев политическое поражение на VI конгрессе, начали беспринципную фракционную борьбу за руководство в партии. В качестве предлога они использовали случай коррупции в окружком Вассерканте, о котором Тельман рассказал Вильгельму Флорину. Во время кампании по выборам в рейхстаг Эрнст Тельман и другие члены окружкома обнаружили, что тогдашний политический секретарь округа Витторф присвоил

¹ IML, ZPA, I 6/3/12.

деньги из партийной кассы. Чтобы в этой ситуации не дать антикоммунистической пропаганде лишний повод для травли и клеветы, они сочли целесообразным исключить Витторфа из партии не немедленно, а в более подходящее с политической точки зрения время. Поскольку сложившаяся в партийном руководстве обстановка давала основания для опасений, что примиренцы попытаются использовать это дело в своих фракционных интересах, Тельман не информировал Политбюро об этом официально, а лишь сообщил своему заместителю Филиппу Денгелю о том, что Витторф будет исключен из партии за коррупцию.

Примиренцы использовали это для обвинения Эрнста Тельмана в том, что он хотел замять «дело Витторфа». Их не интересовало объективное расследование; как сказал позднее Тельман, они преследовали только одну цель — «организовать политический скандал»¹. Их попытка обсудить это дело в отсутствие Эрнста Тельмана сорвалась из-за противодействия Вильгельма Пика, Эрнста Швеллера и других товарищей. Однако на пленуме Центрального Комитета 26—27 сентября 1928 г., на котором отсутствовала часть товарищей, участвовавших в работе VI Всемирного конгресса Коминтерна и еще не вернувшихся в Берлин, примиренцам удалось заставить членов ЦК врасплох и добиться принятия решения временно, до выяснения обстоятельств дела отстранить Тельмана от выполнения его обязанностей. Было также решено поставить об этом в известность общественность путем опубликования коммюнике. С помощью такого тенденциозно составленного коммюнике они хотели сделать невозможным пребывание Тельмана на посту Председателя партии. И хотя некоторые члены Центрального Комитета выступили против этого фракционного мажора², преобладающее большинство ЦК, которое отнюдь не разделяло политических воззрений и намерений примиренцев, поддавшись демагогической шумихе о коррупции и, не сразу разобравшись в их политических целях, позволило ввести себя в заблуждение.

Но партия поправила колебания, имевшие место в руководстве. Партийные организации с возмущением реагировали на эту вылазку примиренцев. Окружные комитеты партии округов Рудные горы-Фортланд, Магдебург-Ангальт, Средний Рейн, Нижний Рейн, Верхняя Силезия, Восточная Саксония, Пфальц, Рурская область и Вассерканте открыто выступили против этих ошибочных решений. Единодушно солидаризировались со своим Председателем

¹ IML, ZPA, I 2/1/64.

² 26 сентября Хайнц Нойман проголосовал против опубликования, а Жан Виптерих воздержался при голосовании. 27 сентября Герман Реммеле, который накануне отсутствовал, заявил, что он тоже голосует против этого решения. Серьезные сомнения в целесообразности публикации высказал также В. Флорин. На следующий день Лео Флиг, который не принимал участия в работе пленума ЦК, отмежевался от принятых решений. 30 сентября Фриц Геккерт и Вальтер Ульбрихт в телеграмме из Москвы осудили этот фракционный выпад (IML, ZPA, I 2/1/62, I 2/5/10; Die Rotefahne, 10.X 1928).

красные фронтовики. В своем печатном органе «Ди роте фронт» Союз красных фронтовиков выразил Эрнсту Тельману свое доверие, призвав всех членов союза выступить против клеветы.

Под воздействием этих протестов большинство членов ЦК к 5 октября заявило о своем несогласии с решениями от 26 сентября. ИККИ решительно поддержал здоровую реакцию подавляющего большинства членов партии. 6 октября 1928 г. Президиум ИККИ принял резолюцию, в которой выразил Эрнсту Тельману свое полное доверие.

Эта позиция получила в КПГ широкую поддержку. Большинство партийных организаций, почти все окружкомы, а также ЦК Коммунистического союза молодежи Германии заявили, что их мнение полностью совпадает с этой резолюцией. Центральный Комитет КПГ на своем пленуме 19 октября сделал из этих событий соответствующие выводы. Примиренцы были выведены из оперативного руководства партии. Секретариат Центрального Комитета был реорганизован. Вместо прежнего Политического секретариата и Секретариата, занимавшегося текущей организационной работой, был создан единый Секретариат, в который вошли Эрнст Тельман, Герман Реммеле, Фриц Геккерт, Франц Далем и Лео Флиг.

Этимп событиями партии пришлось заниматься как раз в то время, когда классовая борьба требовала всего ее внимания. 1 октября 1928 г. 45 тыс. рабочих судостроительных верфей Гамбурга, Киль, Фленсбурга и других портовых городов объявили забастовку. Они требовали повышения заработной платы и 48-часовой рабочей недели. Коммунисты и профсоюзные работники, находившиеся в оппозиции к реформистскому курсу, поддержали бастовавших. Оказав не организованным в профсоюзы рабочим финансовую помощь, они способствовали тому, что те вместе с членами профсоюзов смогли выдержать более чем трехмесячную забастовку.

Материальная помощь не организованным в профсоюзы рабочим в таком большом размере была организована коммунистической партией впервые. Это была одна из акций КПГ, направленных на повышение боеспособности рабочих и укрепление единства действий в борьбе за их повседневные интересы. Правда, Эрнст Тельман высказал в Центральном Комитете сомнение в том, стоит ли обобщать и широко распространять практику, применявшуюся во время забастовки судостроителей. Он считал, что ввиду общего подъема забастовочного движения, когда во всех частях Германии вспыхнут длительные стачки, обеспечить их необходимыми средствами путем сбора денег не представится возможным. По его мнению, решающее значение имел вопрос о том, что следовало делать, чтобы проводить забастовки при поддержке профсоюзов.

В поддержку рабочих-судостроителей 17 октября начали забастовку и портовые рабочие Гамбурга, выдвинув требование повышения зарплаты. По инициативе коммунистов и революционных сил в свободных профсоюзах, находившихся в оппозиции

к реформистскому курсу профсоюзных лидеров, она проводилась выборными забастовочными комитетами. Гамбургское местное правление Германского союза транспортных рабочих, в котором вот уже в течение 25 лет состоял и Эрнст Тельман, государствен-ный аппарат и предприниматели объявили эту забастовку «дикой», т. е. не санкционированной руководством профсоюза. Полиция применила против забастовщиков силу, а профсоюзные ин-станции организовали срыв забастовки.

В эти дни Эрнст Тельман находился в основном в Гамбурге, чтобы словом и делом помочь коммунистам побережья и бастовавшим рабочим. Он советовал бастовавшим прежде всего крепить единый боевой фронт. Коммунисты, говорил он, должны терпели-во вести беседы с социал-демократическими рабочими судострои-тельных верфей и порта и убеждать их на примере собственного стачечного опыта в общности интересов. В частности, говорил он, им следовало вести борьбу за прием в профсоюзы участвовавших в забастовке неорганизованных рабочих, чему пытались помешать правые социал-демократические правления профсоюзов, опасаясь подрыва своих позиций.

Эрнст Тельман с озабоченностью наблюдал в Гамбурге за тем, как реформистские профсоюзные лидеры вместе с предпринима-телями и администрацией делали общее черное дело против басто-вавших рабочих и даже организовывали действия штрейкбрехеров, как Рейхсбаннер формировал отряды погромщиков для защиты штрейкбрехеров и как эти отряды провоцировали столкновения с забастовщиками. События в Гамбурге особенно ярко показали, как далеко зашли социал-демократические профсоюзные лидеры в сво-ем пренебрежении к классовым интересам рабочих, как усердст-вовали они в углублении раскола рабочего класса.

Этот анализ Эрнст Тельман сделал на пленуме Центрального Комитета 20 октября в прениях по вопросу «Экономическая борь-ба и задачи партии». Многочисленные факты последнего времени подтверждали, что реформистские лидеры профсоюзов саботиро-вали борьбу рабочих против наступления предпринимателей. Стало еще более очевидно, что основной вопрос, как сказал Тельман, со-стоял в том, как в этих условиях, несмотря ни на что, претворять в действия стремление пролетариата к борьбе.

Важнейший рычаг для этого он, как и прежде, видел в том, чтобы поднять профсоюзные организации на борьбу за выполнение требований рабочих. Он нацеливал коммунистов и всех революци-онных профсоюзных работников на усиление своего влияния сре-ди рядовых членов свободных профсоюзов и среди профсоюзных функционеров.

Тельман затронул еще одну проблему, ставшую актуальной во время боевых выступлений последних месяцев, — роль не органи-зованных в профсоюзы рабочих, которые составляли две трети все-го рабочего класса. Он указал на то, что неорганизованные рабочие играли значительную роль в недавних забастовках, например в за-

бастовке 80 тыс. рабочих буроугольной промышленности Средней Германии в октябре 1927 г., а также в забастовке металлстов в январе 1928 г. Неорганизованные рабочие активно участвовали и в борьбе судостроителей побережья. Из этого Тельман делал вывод, что партия должна вести работу также и среди неорганизованных рабочих, привлекать их на сторону профсоюзов, чтобы и этим путем укреплять свободные профсоюзы, активизировать их деятельность.

Сразу после пленума Центрального Комитета Председатель партии снова отправился в Гамбург, где продолжалась забастовка. КПГ выступила с призывом провести митинг, посвященный 5-й годовщине гамбургского восстания, и объявила, что с речью выступит Эрнст Тельман. Вечером 23 октября 1928 г. гамбургские рабочие, и среди них многие бастовавшие портовики и судостроители, устремились к традиционному залу для собраний «Загебилль». Митинги под открытым небом были запрещены ввиду забастовок гамбургским полицией-сенатором, социал-демократом. Уже за час до начала митинга зал был переполнен. Восторженно приветствуемый участниками митинга в зал вошел Эрнст Тельман. Когда он проходил сквозь шпалеры красных фронтовиков к трибуне с поднятой рукой, сжатой в кулак, раздались приветственные возгласы и лозунг «Рот фронт», демонстрировавшие нерушимую связь гамбургского пролетариата с Председателем КПГ.

«Зал выслушал его речь с большим вниманием»¹, — сообщала газета «Гамбургер фольксдайтунг». Тельман призвал рабочих твердо стоять вместе с бастовавшими социал-демократами и членами свободных профсоюзов и не отождествлять их с теми правыми лидерами АДГБ и СДПГ, которые, подобно полицией-сенатору Гамбурга, выступили против судостроителей и портовиков. Он разоблачил лицемерие буржуазных газет, которые под крупными заголовками призывали бастовавших подумать о своих женах и детях и приступить к работе. Так призывают именно те, заявил Тельман, кто отнимает у женщин и детей самое необходимое. Именно из-за жен и детей рабочие должны оставаться твердыми и последовательно продолжать забастовку до победы.

Доводы Тельмана подводили слушателей к ленинской мысли: стачки показывают рабочим, «что только сообща могут они вести борьбу против капиталистов...»² и что им противостоит не только предприниматель, но и буржуазное государство, с которым тоже нужно бороться. Тельман обладал способностью простыми словами доводить до сознания даже самых теоретически не подготовленных рабочих принципиальные положения классиков марксизма-ленинизма. Он сам часто обращался за советом к работам классиков, особенно к произведениям Ленина. Вместе с тем он основательно анализировал ежедневную печать различных политических направлений, изучал информацию, подготовленную для

¹ HVZ, 24. X 1928.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 296.

руководства партии, — и все это поздно вечером, когда приходил домой после совещаний с партийным и профсоюзным активом и членами заводских советов, после встреч в заводских ячейках, бесед с забастовочными пикетами, после дискуссий с социал-демократами в рабочих закусочных. Тогда свет в квартире Тельмана гас только к утру, так как он просиживал всю ночь напролет за столом в гостиной, изучал, анализировал, готовился к решению задач наступавшего дня. «Приходя рано утром в квартиру Тельмана, — вспоминает один из его сотрудников, — я часто слышал слова Розы Тельман: «Не мешай ему, он спит. Он сегодня до самого утра читал и писал»¹.

Рабочие Гамбурга не устояли в длившейся до начала 1929 г. самоотверженной борьбе перед объединенным натиском предпринимателей, социал-демократического и буржуазного коалиционного сената, правых профсоюзных лидеров. Портовые рабочие были вынуждены прекратить свою забастовку солидарности, не добившись какого-либо материального успеха. Забастовка судостроителей была прекращена в начале января 1929 г. после вынесения решения третейского суда, которое было признано обязательным лидерами профсоюза металлистов. Забастовщики добились выполнения только лишь немногих из своих требований.

Забастовка рабочих на побережье была наиболее длительной и упорной за многие годы. Она со всей определенностью выдвинула на передний план новые вопросы профсоюзной борьбы и роли коммунистов в этой борьбе. Еще во время забастовки на побережье буржуазия предприняла новую атаку. 1 ноября 1928 г. в Рурской области был объявлен локаут, и 213 тыс. металлистов были выброшены за ворота заводов в ответ на их требование повышения зарплаты. Уже на следующий день на заседании Центрального Комитета партии Эрнст Тельман выразил свое отношение к этому событию. Вопрос о положении уволенных металлистов, а также о нуждах рабочих судостроителей и портовиков был в центре внимания II партийной конференции КППГ.

II Всегерманская партийная конференция КППГ открылась утром 3 ноября 1928 г. в большом зале заседаний прусского ландтага. Основной доклад о международном положении, военной опасности, стратегии и тактике Коммунистического Интернационала и задачах партии сделал Эрнст Тельман. Тельман проанализировал международную обстановку и подытожил опыт борьбы, а также сделал выводы относительно тактики партии, разработанной им в последнее время.

Тельман подчеркнул, что VI Всемирный конгресс поставил борьбу против военной опасности «в центр генеральной линии»² Коммунистического Интернационала. В своем докладе он также выдвинул этот вопрос на первый план. При этом он особо указал на два момента обострявшейся угрозы войны: на усиление

¹ IML, ZPA, EA 1400/1.

² IML, ZPA, I 1/2/6.

антисоветской направленности и на лихорадочное вооружение германского империализма.

Последнее нашло свое наиболее яркое выражение в переходе к строительству броненосцев. После принятия этого решения правительством Германа Мюллера в августе 1928 г. КПП проявила инициативу, потребовав проведения плебисцита, чтобы добиться запрещения строительства броненосцев и вообще военных кораблей. ЦК КПП и руководство Союза красных фронтовиков обратились ко всем заинтересованным организациям и после длительных переговоров добились того, что 32 преимущественно небольшие по численности организации рабочего движения, а также мелкобуржуазного пацифистского и социал-реформистского движения создали комитет по организации народного опроса.

В отличие от кампании по конфискации собственности князей, когда КПП удалось довольно быстро сломить сопротивление, которое вначале пыталось оказывать правление СДПГ, и добиться совместных действий, для проведения этого народного опроса пришлось преодолевать упорное противодействие руководства социал-демократов. Несмотря на это, в октябре 1928 г. 1,2 млн. избирателей высказались за референдум, открыто выразив недовольство правительству, проводившему политику вооружения. И хотя для проведения референдума такого количества голосов оказалось недостаточно, указанная акция была крупным антиимитаристским выступлением. В этой связи Тельман указывал на тот факт, что некоторые пацифистские силы, например в Германском обществе защиты мира, несомненно, были готовы вести по определенным вопросам совместную с коммунистами борьбу против империализма.

Опыт организации народного опроса со всей ясностью показал, отмечал Тельман, что империалистическая политика вооружения особенно опасна, когда ее проводит правительство, возглавляемое социал-демократом, ибо это чрезвычайно затрудняло мобилизацию масс на борьбу против военной угрозы. Используя пацифистски звучавшие антисоветские лозунги, социал-демократические лидеры отвлекали внимание от политики подготовки к войне, проводившейся правительством Германа Мюллера. Так, они лицемерно обвиняли Советский Союз, осуществлявший социалистическое строительство под постоянной угрозой нападения империалистов и вынужденный поэтому ценой больших жертв укреплять свою обороноспособность, в «красном милитаризме».

В своем докладе на Всегерманской партийной конференции Эрнст Тельман тщательно проанализировал наступление предпринимателей и первый опыт развернувшихся экономических схваток. Опираясь на решения VI Всемирного конгресса Коминтерна, он сделал вывод: «Капиталистическая стабилизация уже не та, что была два года назад. Она не упрочилась, как думают некоторые товарищи, а стала более хрупкой и неустойчивой»¹. Он обратил

¹ *Thälmann Ernst. Über proletarischen Internationalismus. Reden und Artikel. Leipzig, 1977, S. 91.*

внимание на то, что в политике крупной буржуазии все большую роль играл страх перед «внутренним врагом». Трестовский капитал, указывал Тельман, намерен усилить давление на рабочий класс.

Как показало наступление предпринимателей в Руре, капиталисты стали теперь более основательно готовить свои акции против рабочего класса. Они все чаще и активнее использовали против рабочих полицию и суды. Задача состоит в том, подчеркивал Эрнст Тельман, чтобы, не дожидаясь действий предпринимателей, проявлять самим инициативу в классовом противоборстве и, выбирая благоприятные моменты, поднимать широкие массы рабочих на борьбу за повышение заработной платы и сокращение рабочего дня.

Однако политика социал-демократического руководства, особенно после образования большой коалиции, и «сращивание социал-демократической... верхушки с органами государственной власти и верхушкой капиталистических трестов», как указывал Тельман и как говорилось в решениях VI Всемирного конгресса Коминтерна, облегчали борьбу монополистического капитала против рабочего класса. Это, естественно, оказывало влияние и на тактику коммунистов. В соответствии с решениями VI Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала Эрнст Тельман определил, что в складывавшейся обстановке центр тяжести в политике единого фронта следует перенести на создание единого фронта снизу, т. е. с базы, прежде всего с заводов. И хотя Тельман призывал не рассматривать эту ориентацию как отход от последовательной и систематической работы с рядовыми членами и функционерами социал-демократической партии, ее скоро стали истолковывать, по сути, как отказ от официальных контактов с организациями СДПГ. Тельман и сам аргументировал и действовал, исходя из такого мнения.

Перед лицом сговора реформистов с монополистической буржуазией, заявил Эрнст Тельман, партия должна быть готова к самостоятельной борьбе против предпринимателей, даже если реформистская профсоюзная бюрократия откажется от совместных действий. Памятуя о значении объединения рабочих в рядах профсоюзов, Эрнст Тельман совсем не имел в виду как-то игнорировать свободные профсоюзы. Напротив, он считал важным их укрепление как классовой организации пролетариата, он хорошо понимал, что только «путем формирования революционного фронта в профсоюзах» можно активизировать основную часть рабочего класса. Однако ввиду воинственного антикоммунизма и раскольнической тактики реформистской профсоюзной бюрократии было чрезвычайно трудно осуществить это намерение.

Поскольку перед коммунистами стояла задача возглавить массовые выступления рабочих и укрепить свои позиции в обострявшейся борьбе с социал-реформизмом, Эрнст Тельман требовал

«решительнее подчеркивать роль нашей партии» во всей политической и идеологической работе и повышать ее боеспособность. Особое значение он придавал упрочению связи партии с рабочим классом. Для этого необходимо, считал Тельман, «пополнять партию новыми пролетарскими кадрами с целью ее обновления». Далее, следовало укреплять руководящие органы партии, включая окружные, рабочими с важнейших заводов, с тем чтобы в этих узловых пунктах классовой борьбы находили свое непосредственное отражение мнение и нужды рабочих. Под бурные аплодисменты участников конференции Эрнст Тельман закончил свою речь призывом «ставить превыше всего единство и сплоченность [партии] и вести борьбу за единство и сплоченность всего Коминтерна»¹.

На II партийной конференции была закреплена победа марксистско-ленинского большинства партийного руководства над правооппортунистической фракцией и примиренцами. Поскольку правые оппортунисты усилили свою фракционную деятельность и даже пытались расколоть партию, в конце 1928 г. — начале 1929 г. они, как неисправимые враги партии, были исключены из КПГ.

Сразу же после партийной конференции Эрнст Тельман снова поехал в Рурскую область, где продолжалась борьба. 8 ноября 1928 г. он выступил на многолюдном собрании в зале города Эссена. Здесь перед более чем 4 тыс. уволенных в связи с локаутом рабочих-металлистов он, как и на встрече с судостроителями и портновиками в Гамбурге, убедительно говорил о том, что залог их победы состоит в создании прочного и широкого фронта борьбы против трестов и государственного аппарата. После митинга сформировались колонны демонстрантов. Эрнст Тельман и другие присутствовавшие там члены Центрального Комитета партии, а также члены комитета борьбы уволенных рабочих-металлистов прошли во главе этих колонн через весь город, мимо завода Круппа до рабочих кварталов, где, несмотря на позднее время, население приветствовало их бурными аплодисментами и возгласами «Рот фронт!». Демонстрация закончилась выступлением представителя бастовавших судостроителей Гамбурга.

В духе требований Тельмана в Рурской области удалось вовлечь значительную часть неорганизованных рабочих в боевой фронт сопротивления. Из рядов неорганизованных рабочих коммунисты вербовали новых членов свободных профсоюзов. Коммунисты также развернули работу в комитетах борьбы, созданных профсоюзом рабочих-металлистов. Но хотя КПГ делала все возможное, чтобы сплотить уволенных металлистов воедино, усилить их борьбу и распространить ее на другие группы рабочих, хотя отряды Союза красных фронтовиков охраняли собрания уволенных рабочих, а Межрабпом — эта «провиантская колонна пролетариата» — оказывал помощь в снабжении продовольствием и в организации кухонь, хотя депутаты-коммунисты отстаивали интересы

¹ IML, ZPA, I 1/2/6.

рабочих в рейхстаге и прусском ландтаге, все же на этот раз добиться удовлетворения боевых требований рабочих не удалось. После того как назначенный чрезвычайным арбитром социал-демократический министр внутренних дел Германии Зеверинг принял устраивавшее предпринимателей решение и они отменили лок-аут, руководство Германского профсоюза металлистов призвало рабочих вернуться на свои заводы. Так окончилась эта схватка. Если бы находившиеся в меньшинстве сторонники продолжения забастовки под руководством коммунистов и оппозиционно настроенных профсоюзных работников осуществили свое намерение, то они оказались бы в изоляции.

Эрнст Тельман неоднократно возвращался к этим проявившимся здесь с новой силой чрезвычайно сложным проблемам, особенно в своих работах, посвященных 10-й годовщине Ноябрьской революции 1918 г. и основания КППГ. Обобщение исторического опыта было для Тельмана необходимой предпосылкой для выработки новых идей и инициатив в революционной борьбе. Поэтому, выступая 30 декабря 1928 г. перед тысячами берлинских рабочих в цирке Буша на торжественном собрании, посвященном 10-й годовщине основания партии, Тельман подчеркнул, что задача заключается в том, чтобы «использовать в практической борьбе партии тот опыт, который дает нам история нашей собственной партии, а также история братской российской партии под руководством Ленина».

Как важнейший и чрезвычайно актуальный вопрос он рассматривал диалектическую взаимосвязь между объективными и субъективными моментами революционного движения. Противоречие «между наличием объективно созревших революционных условий» и «субъективной слабостью германского пролетариата, вызванной отсутствием целеустремленной большевистской партии...», он назвал «трагедией германской революции»¹. Последовательный критический анализ этого исторического опыта углублял осознание решающей роли партии «как единственного руководителя пролетарских масс при организации революции»²; осуществление этой роли поднимает степень зрелости субъективного фактора до высоты объективных исторических задач. Поэтому Эрнст Тельман видел центральную задачу в дальнейшем развитии партии, в частности в том, чтобы она овладевала марксизмом-ленинизмом и постоянно укрепляла свою связь с массами. Он всегда включал в субъективный фактор революционного движения связь сознательного и организованного авангарда с широкими массами и его способность к практическим действиям. Это делает понятным, почему из всех этапов процесса становления КППГ Тельман выделил именно ее II, Гейдельбергский съезд 1919 г., на котором были разгромлены левосектантские концепции, мешавшие развитию молодой КППГ и ее превращению в массовую партию.

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 2, с. 9.

² Там же, с. 16.

Как указал Эрнст Тельман, процесс роста и возмужания КПГ протекал в ходе классовой борьбы, а никак не в ходе внутреннего организационного развития. Вывод из опыта боев, писал Эрнст Тельман, состоит в том, что революционная партия в своем развитии должна достигнуть «той зрелости, ясности и сплоченности, при помощи которых партия Ленина смогла завоевать победу...». Борьба с оппортунистическими тенденциями, мелкобуржуазным влиянием, ревизионистскими уклонами не являлась при этом самоцелью. По словам Тельмана, эта борьба была «необходимым и неизбежным этапом внутреннего прояснения и созревания», пройдя который «Коммунистическая партия Германии должна была пробиться к высотам своей исторической задачи»¹.

На состоявшейся в конце января 1929 г. Всегерманской конференции партийных работников, посвященной профсоюзным вопросам, Эрнст Тельман в прениях 27 января по докладам Фрица Геккерта, Пауля Меркера и Пауля Берца говорил о том, как должны работать коммунисты в свободных профсоюзах, чтобы быть в состоянии организовывать экономические выступления рабочих и руководить ими. Он напомнил о важных изменениях в объективных условиях борьбы: массовая замена квалифицированных рабочих неквалифицированными, вовлечение миллионов женщин и подростков в производственный процесс в ходе капиталистической рационализации и вызвавшее этим увеличение доли рабочих, не являющихся членами профсоюзов. Действия социал-демократических профсоюзных инстанций вызывали необходимость организации забастовок вопреки их воле. Новая тактика требовала и новых форм борьбы, однако это не означало, например, создания параллельных профсоюзов. Чтобы противодействовать пассивности профсоюзного руководства и привлечь к борьбе не организованное в профсоюзы большинство рабочего класса, Тельман считал возможным создание специальных органов для руководства экономическими выступлениями рабочих, как это было, например, во время забастовки в Рурской области, когда на надпрофсоюзной основе были созданы стачечные комитеты. С их помощью коммунисты могли бы получить выход на борющиеся массы, к которым наряду с рабочими — членами свободных профсоюзов относились также члены христианских профсоюзов, гиш-дункеровских профсоюзов и не в последнюю очередь «огромная масса неорганизованных рабочих»².

Правда, Тельман опасался, что новые, надпрофсоюзные формы сплочения масс и организации экономических выступлений могут натолкнуться — хотя бы временно — на негативную реакцию со стороны членов свободных профсоюзов. Однако он считал необходимым идти на такой риск ради того, чтобы вообще сделать возможной организацию каких-либо выступлений рабочих. Между тем

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 2, с. 17.

² IML, ZPA, I 2/708/5.

вскоре выяснилось, что его опасения были весьма обоснованными. Как и другие товарищи, тогда он отодвинул их временно на задний план, рассчитывая, что последствия раскольнической политики правых профсоюзных лидеров удастся быстро преодолеть и что в скором времени возникнет широкий единый фронт готовых к борьбе рабочих, который выйдет за все рамки профсоюзной принадлежности. Так все больше проявлялась тенденция организации экономических выступлений рабочих независимо от профсоюзных комитетов, без каких-либо попыток побудить их вначале принять решение о проведении забастовок.

Иной возможности привести массы в движение и сломить саботаж реформистов ни Эрнст Тельман, ни другие товарищи не видели. Ждать было нельзя, необходимо было действовать. Тем большее значение имело то, что даже в этой сложной обстановке Эрнст Тельман гнал от себя всякую мысль о создании параллельных, революционных профсоюзов. В заключение своей речи на конференции партийных работников он выделил те актуальные профсоюзно-политические задачи, на которые он тогда постоянно указывал коммунистам: усиление революционной работы в профсоюзах, вовлечение в свободные профсоюзы неорганизованных рабочих, активизация идеологической борьбы с реформизмом.

11

Угроза реакционного изменения буржуазного государственного строга

Весной 1929 г. усилились признаки стремления империалистической буржуазии к реакционному изменению методов своего господства. В начале марта рупор крупных промышленников газета «Дойче альгемайне цайтунг» обратилась к президенту страны с призывом создать такое правительство, которое перестало бы считаться с парламентом и управляло бы откровенно диктаторскими методами. Сам Гинденбург задумывался над тем, при каких обстоятельствах возможно при назначении нового рейхсканцлера принять в расчет даже такую личность, у которой, как он сказал, «можно было бы предположить намерение применить насилие». В этом же месяце президент имперского банка Шахт обсуждал с генералом Сектом возможность применения 48-й статьи конституции о введении чрезвычайного положения, роспуска рейхстага и изменения конституции. КПП не оставалась сторонним наблюдателем. Она стремилась при помощи митингов и демонстраций поднять массы на борьбу и создать единый фронт против правой опасности.

Вечером 8 марта тысячи рабочих собрались в большом зале кёльнского «Гюрцениха» на митинг протеста «против диктаторских устремлений германской буржуазии» под лозунгом: «Наш девиз — борьба с фашизмом!»

Руководитель бельгийских коммунистов Жозеф Жакмонт выразил их интернациональную солидарность в борьбе против фашизма и империалистической войны. Эрнст Тельман был основным докладчиком. Как сообщала печать, в своей двухчасовой речи он показал, что крупный капитал встал на путь усиления реакции, «чтобы путем подавления революционной части рабочего класса создать предпосылки для проведения империалистической политики»¹. Он заклеил клерикальную партию Центра, лидеры которой, такие, как Генрих Брюнинг или Конрад Аденауэр, заигрывали с итальянским фашизмом. СДПГ он бросил упрек в том, что она, будучи правительственной партией, все более открыто выступала против революционного рабочего движения, ничего не предпринимая против правых сил и способствуя тем самым их укреплению.

9 и 10 марта 1929 г. в Берлине состоялся международный конгресс антифашистов, который был организован Коммунистической партией Германии совместно с братскими партиями, верующими, представителями демократической интеллигенции и другими антифашистами из различных стран. От имени КППГ конгресс приветствовал Вильгельм Пик. Подобные антифашистские массовые мероприятия проводились также и в других крупных городах.

Борьба против правой опасности была также определяющей темой выступления Эрнста Тельмана на Всегерманском съезде Коммунистического союза молодежи 31 марта 1929 г. в Дюссельдорфе. Приветствуемый бурными аплодисментами десятков тысяч юношей и девушек, а также рабочих промышленного округа Нижний Рейн Председатель КППГ выступил на главном митинге Всегерманского съезда молодежи на площади Карлсплац. Он обратился к собравшимся с призывом создать единый фронт рабочих — коммунистов, социал-демократов и верующих против фашизма и монополистического капитала. Особое внимание молодых коммунистов он обратил на необходимость активно работать внутри католического молодежного движения. Он наделил партию и союз молодежи на выполнение одной из важнейших задач — на расширение своей организационной базы.

Новые опасные явления в политике ведущих империалистических сил требовали основательного анализа. Эрнст Тельман попытался сделать такой анализ на пленуме Центрального Комитета КППГ 14 марта 1929 г. в своем докладе о внутривнутриполитическом положении. В работе пленума приняли участие представители братских партий Чехословакии, Норвегии и Швеции. В своем докладе Эрнст Тельман продолжал развивать мысли, которые он уже высказывал на XI съезде партии и последующих пленумах Центрального Комитета, прежде всего на сентябрьском и декабрьском 1927 г. и на июньском 1928 г. пленумах ЦК КППГ, и которые

¹ Die Sozialistische Republik (Köln), 9. III 1929.

обогатились в результате дискуссии на VI конгрессе Коммунистического Интернационала. Он констатировал, что безудержное стремление буржуазии к экспансии и жажда прибылей вызывают политический кризис, который выражался прежде всего «в расшатывании парламентаризма», а также в кризисе буржуазной партийной системы. Во всех буржуазных партиях усиливалось противоречие между правой политикой их лидеров и надеждами и требованиями значительной части их приверженцев.

Тельман также внимательно следил за изменениями и новыми моментами в политических воззрениях правящего класса. Он обращал внимание на то, что империалистическую буржуазию уже не удовлетворяла парламентская форма господства. Буржуазные политические деятели требовали расширения полномочий имперского президента и имперского правительства в отношении парламента. Эрнст Тельман уже тогда, в ранний еще период, распознал те моменты, которые привели позднее к установлению президентского режима, при помощи которого в Германии был осуществлен переход к фашистской диктатуре. По его оценке, в Германии постепенно совершалось «реакционное преобразование буржуазного государственного строя» с помощью откровенно диктаторских, а частично и полуфашистских методов.

Таким образом, Тельман дал своевременную, принципиально правильную оценку данного процесса перехода от буржуазно-парламентских к откровенно диктаторским методам господства. Это имело большое значение для ориентации революционного рабочего движения на борьбу против выхолащивания буржуазно-парламентской системы и ликвидации буржуазно-демократических прав и свобод.

В своем докладе на пленуме Центрального Комитета Эрнст Тельман охарактеризовал совершившийся финансовым капиталом, юнкерством и военной клепкой поворот вправо как «зачатки развития по пути к фашизму». Точно определить все силы, способствовавшие такому развитию, было непросто. Поэтому важное значение имел тот факт, что Тельман в особенности обратил внимание на фашистские тенденции в политике и идеологии партии Центра. В то время, когда был взят курс на фашистскую диктатуру и сделаны первые решительные шаги в этом направлении, она играла ключевую роль.

В начале 1929 г. все более безудержной стала антикоммунистическая травля, особенно со стороны руководства СДПГ. Многие из наиболее ожесточенных атак, предпринимавшихся в это время против революционного рабочего движения, против демократических прав и свобод широких масс, исходили от правительства Гемана Мюллера, от прусского и других земельных правительств, возглавлявшихся социал-демократами. Деятельность СДПГ как правительственной партии дала также и Тельману повод утрированно характеризовать ее как одну из сил, подготавливавших фашистскую диктатуру.

В заключение доклада на пленуме¹ Центрального Комитета Эрнст Тельман сделал правильный прогноз о том, что переход к фашистской диктатуре произойдет «не сегодня завтра», а постепенно. Это облегчало понимание решающего и в то же время сложного обстоятельства, что буржуазно-парламентские методы господства не просто «заменялись» диктаторско-фашистскими методами, а переплетались, проникали друг в друга. Из этого следовал вывод, что необходимо бороться с первыми ростками фашизма, а не ориентироваться лишь на отпор попытке фашистского переворота.

Из анализа внутривластической обстановки Эрнст Тельман сделал два основополагающих вывода. Во-первых, он определил центральную задачу по формированию массовой силы, достаточно мощной, чтобы сдержать дальнейшее поправление. Необходимо, указывал он, помешать тому, чтобы разочаровавшиеся в политике большой коалиции и сбитые с толку кризисом парламентской системы массы стали жертвой демагогии ультрареакционных, фашистских сил, утверждавших, что решения социальных проблем можно ожидать только от откровенной диктатуры. Более того, эти массы следовало вовлечь в революционное движение. Но главное — ввиду ужесточения антикоммунистического курса руководства СДПГ необходимо прежде всего усиливать борьбу за единство действий рабочих на предприятиях, в массовых организациях и в жилых кварталах, обращая при этом особое внимание на рабочих-социал-демократов и «разрушая искусственную преграду» между ними и коммунистами. Тельман обращал внимание на противоречие между правой ориентацией руководства СДПГ и поведением социал-демократических масс. Он подчеркивал необходимость делать различие между руководителями и рядовыми членами социал-демократии.

Во-вторых, Эрнст Тельман попытался ответить на вопрос, как следует формировать эту массовую силу для борьбы против поправления. Решающую предпосылку для этого он видел в том, чтобы указать рабочим и другим трудящимся путь, который они сами признали бы реальным. Партия, подчеркивал Тельман, должна более эффективно пропагандировать и разъяснять свои конкретные цели и требования во всех областях общественной жизни, более убедительно раскрывать свои политические задачи и вести соответствующую практическую работу. В этом же духе он высказался через несколько дней после мартовского пленума Центрального Комитета на берлинской партийной конференции, выступая в прениях по политическому докладу Вильгельма Пика.

Эрнст Тельман считал, что стало еще более неотложным делом «добиваться поворота в революционной массовой политике»¹, и критиковал то, что работа партии слишком робко выходит за рамки партийных организаций и круга самих коммунистов. В марте и апреле 1929 г. он неоднократно указывал на необходимость

¹ IML, ZPA, I 2/1/71.

изменить деятельность партии таким образом, чтобы она смогла повести за собой широкие массы и действительно стать авангардом рабочего класса.

Большое значение придавал Эрнст Тельман оказанию помощи окружным партийным организациям. 24 марта он выступил на первом заседании вновь избранного окружного Берлин-Бранденбург-Лаузиц с докладом о «главной линии нашей работы в ближайшее время». В период с 20 марта по 19 апреля под его руководством состоялись обстоятельные совещания Секретариата Центрального Комитета с руководящими партийными работниками некоторых важнейших окружных партийных организаций: Нижний Рейн, Рудные горы-Фогтланд, Вассеркаппе и Галле-Мерзебург. 16 апреля он выступил с речью на окружной партийной конференции КПП в Рурской области.

Правые лидеры социал-демократии видели в усилении активности КПП и в росте ее влияния на массы все более серьезную опасность для своей политики большой коалиции. Это шло вразрез и с намерениями империалистической реакции, которая весной 1929 г. настоятельно требовала принятия мер насилия против революционного рабочего движения, проявляя заинтересованность в том, чтобы эти меры были приняты правыми социал-демократическими государственными деятелями. Как и десять лет назад, реакция хотела возложить всю ответственность за подавление рабочих и пролитую кровь на социал-демократических политиков. Если бы такие социал-демократы, как министры внутренних дел правительства страны, прусского и других земельных правительств, а также полицей-президенты, находились в первом эшелоне антикоммунистического террористического похода, то организованный отпор со стороны выступающего единым фронтом рабочего класса был бы невозможен. Напротив, следствием этого, скорее всего, было бы резкое углубление раскола рабочего класса. Поэтому правая империалистическая буржуазия толкала ведущих деятелей социал-демократии к проведению жесткого антикоммунистического курса. Руководящие деятели социал-демократии в свою очередь стремились доказать, что они необходимы буржуазным партиям как партнеры по коалиции.

Начальник берлинской полиции социал-демократ Карл Цёргибель с согласия прусского министра внутренних дел социал-демократа Альберта Гржезипского, имперского министра внутренних дел социал-демократа Карла Зеверинга и руководства СДПГ бросил рабочим Берлина открытый вызов. Впервые после свержения монархии Гогенцоллернов он лишил их права на проведение первомайской демонстрации. Он без каких-либо оснований преднамеренно распространил на 1 мая 1929 г. действие введенного в декабре 1928 г. запрета на проведение в Берлине демонстраций. КПП выступила с призывом не подчиняться запрету и отметить 1 Мая согласно традициям германского рабочего движения. «Долг партии был — не отступать перед классовым врагом»;

надо было «выйти на демонстрацию» вопреки запрету, отстаивать свое право на улицу — традиционное право пролетариата во всем мире...»¹ — заявил Эрнст Тельман после майских событий. У Цёргибеля не было сомнений в мирном характере этой демонстрации; так он и докладывал 16 апреля своему начальнику Гржезинскому. Таким образом, запрет этой демонстрации был тщательно продуманной провокацией. В то же время социал-демократическая печать усилила свои антикоммунистические выпады под броскими заголовками вроде: «KПГ нужны трупы!» — и распространяла устрашающие выдумки о «двухстах убитых... крайне необходимых для коммунистической партийной агитации».

1 мая 1929 г. около 200 тыс. рабочих Берлина последовали призыву выйти на первомайскую демонстрацию. На них напали тысячи полицейских и разгоняли их, жестоко избивая дубинками. Ослепленная яростью полиция открыла огонь по колоннам демонстрантов и скоплениям людей, убив многих демонстрантов и ранив сотни из них. Это вызвало возмущение и гнев среди революционных рабочих. Вечером рабочие в районах Веддинг и Нойкёльн стихийно перешли к самообороне. Они воздвигли баррикады, за которыми продержались до 2 мая, защищаясь от обрушившейся на них град пуль полиции. В некоторых местах столкновения с полицией продолжались до 3 мая.

«После того как в красном Веддинге и красном Нойкёльне вспыхнули баррикадные бои, партия была поставлена перед очень трудным вопросом: как ей следует поддержать это стихийное восстание масс?» Так описывал Эрнст Тельман сложное положение, в котором оказалась Коммунистическая партия Германии. Многие рабочие требовали оружия, чтобы на террор империалистической буржуазии в ее правых социал-демократических пособников ответить революционным насилием масс. «Но партия не могла поддаться призыву к вооруженному восстанию, призыву к вооружению... ибо не существовало остро революционной ситуации... — подчеркивал Эрнст Тельман. — Если бы партия поддавалась стихийным настроениям и требованиям масс, то это означало бы, что партия попала на провокацию полиции Цёргибеля и в результате была бы уничтожена лучшая часть берлинского рабочего класса, его революционное ядро. Огромная политическая ответственность лежала на партии в те дни»².

КПГ сразу же заявила о своей полной солидарности с борцами на баррикадах, призвала рабочих организовывать забастовки солидарности и проведении массовой политической стачки вынудить реакцию к отступлению. Одновременно с этим в ночь на 2 мая партийное руководство приняло решение не допустить продолжения и расширения вооруженной борьбы. В необходимости этого нужно было убедить взявшихся за оружие рабочих. Эрнст Тельман взял на себя миссию сообщить о решении партии

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 2, с. 80.

² Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 2, с. 81.

рабочим, сражавшимся на одном из решающих участков борьбы — на Кёзалинер штрассе в районе Веддинг. Для этого он должен был незаметно пройти через полицейское оцепление. «Крошечную темноту ночи в районе боев в Веддинге, где не горел ни один уличный фонарь, не светило ни одно окно, разрывали выстрелы, испарывали лучи прожекторов, раздирал рев моторов броневиков»¹. Военно-политические сотрудники партийного аппарата доставили Эрнста Тельмана с набережной по подземным ходам, через подвалы и развалины к сражавшимся рабочим. Здесь рабочие ознакомили его с обстановкой. В одном из рабочих клубов собрались функционеры этого квартала. Тельман разъяснил им необходимость прекращения вооруженного сопротивления, отступления без потерь и превращения этой борьбы в массовое политическое движение. Сражавшиеся рабочие, как коммунисты, так и беспартийные, последовали этому совету, доказав тем самым свое полное доверие к КПГ и ее руководству. 8 мая Эрнст Тельман вместе с Вильгельмом Пиком выступили на центральном кладбище Берлин-Фридрихсфельде у могил 33 рабочих и работниц, убитых во время «кровавого мая». Тельман разоблачил кровавую провокацию полиции и ее политическую подоплеку. Он заявил, что «буржуазия открыто потребовала от СДПГ в день 1 мая 1929 г. разгромить революционный пролетариат на улицах Берлина». Заклеймив массовые репрессии полиции и реакционного суда, а также развязанную погромную травлю коммунистов, Председатель КПГ с гордостью заявил: «КПГ полностью солидаризируется с теми, кто стоял на баррикадах». Подчеркнув оборонительный характер боев на баррикадах и опровергая клеветнические антикоммунистические утверждения и провокационные слухи, он заявил, что вопрос о вооруженном восстании на повестке дня не стоял. Оно может быть осуществлено, сказал он, только «после многолетней подготовки, обучения и концентрации сил». Вооруженное восстание нельзя проводить без поддержки широких масс, без тщательной подготовки, к нему нельзя относиться легкомысленно. Тельман предостерег от забегаania вперед в оценке соотношения классовых сил, от постановки еще не созревших целей борьбы и от применения форм борьбы, не соответствовавших реальной обстановке².

Окончательную оценку майских боев в Берлине Эрнст Тельман дал на XII съезде КПГ в июне 1929 г. Он охарактеризовал это открытое столкновение с буржуазной государственной властью как проявление самого крайнего после 1923 г. обострения классовых противоречий и накопившейся в массах революционной энергии. Цель провокации, отметил он, состояла в том, чтобы «изолировать коммунистическую партию от масс, спровоцировать ее на новое выступление, подобное мартовскому, и тем самым на долгое время отбросить ее назад». Однако в отличие от мартовских боев

¹ IML, ZPA, NL 3/63.

² Vgl.: HVZ, 10. V 1929.

1921 г. КПГ на этот раз сумела избежать ударов противника и не позволила ему навязать ей борьбу на невыгодных для себя условиях. Тельман убедительно показал, что ответственность за эту кровавую провокацию несут не только цёргибели, но и социал-демократические партийные и профсоюзные лидеры, ибо они поощряли намерения Цёргибеля и защищали его действия перед общественностью. «Полицейский социализм пытался таким образом задержать полевение рабочих масс...»¹

Вслед за кровавыми событиями в Берлине последовали другие террористические акты, направленные против революционного рабочего движения. Чтобы дать размах антикоммунистической пропаганде, заткнуть КПГ рот и затруднить распространение правды о совершенном против рабочих Берлина преступлении, Цёргибель 2 мая запретил выпуск газеты «Ди роте фане». Этот запрет с двухдневным перерывом действовал до 22 июня. В это же время были запрещены и другие коммунистические газеты. Значительно более тяжелые последствия имело, однако, запрещение 3 мая прусским министром внутренних дел Гржезипским Союза красных фронтовиков. Под давлением имперского министра внутренних дел Зеверинга к этому запрету присоединились и другие земельные правительства. Таким образом, одна из наиболее крупных массовых организаций германского рабочего класса была загнана социал-демократическими властями в подполье. Это развязало руки фашистским террористическим бандам типа гитлеровских фашистских штурмовых отрядов (СА). На это со всей определенностью указывал запрос, внесенный в рейхстаге 10 мая Э. Тельманом и В. Леовом от имени коммунистической фракции.

Эрнст Тельман немедленно принял меры по переводу Союза красных фронтовиков на нелегальное положение, а также по выработке соответствующих новым условиям форм и методов работы. На первый план Тельман выдвинул необходимость организации акций протеста. Ввиду запрещения коммунистических газет он придавал особое значение организации митингов и агитационных мероприятий.

Насколько сильно правый курс империалистической буржуазии отражался в политике СДПГ, показал ее съезд, состоявшийся в конце мая 1929 г. в Магдебурге. Для этого съезда было характерно, как заметил Эрнст Тельман, что на нем «не раздалось ни одного голоса протеста против убийств берлинских рабочих, совершенных Цёргибелем, или против запрета Союза красных фронтовиков и коммунистической печати»². О том, что влиятельные лидеры социал-демократии отождествляли себя с буржуазным государством и его террористическими мерами, что они стали составной частью системы империализма, свидетельствовало также принятие съездом решения о социал-демократической военной программе.

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 2, с. 79, 80.

² Там же, с. 64.

Исходя из мелкобуржуазной концепции о том, что Веймарская республика не является империалистическим классовым государством, а представляет собой «демократическое народное государство», в этой программе выдвигалось требование к рабочему классу в случае войны защищать это государство. Тем самым политика классовой измены, свершенной 4 августа 1914 г., была закреплена в виде программы. Наиболее ярким выражением сдвига в СДПГ вправо, на что Эрнст Тельман обратил особое внимание, было встреченное бурными аплодисментами заявление председателя СДПГ Отто Вельса о том, что в случае кризиса буржуазного государства социал-демократия в целях его спасения сумеет «использовать и диктатуру»¹.

«Кровавый май» явился самым жестоким актом насилия против рабочего класса после расправы над рабочими Средней Германии в марте 1921 г., и вызвал воспоминания о чудовищных злодеяниях Густава Носке и его банд из «черного корпуса» в 1919—1920 гг. Решения и установки Магдебургского съезда СДПГ означали безоговорочную поддержку империалистического государства, циничное и провокационное оправдание открытого террора, развязанного против коммунистов и миллионов революционных рабочих.

Под впечатлением этих возмутительных и тревожных фактов на передний план все сильнее выдвигалась появившаяся после VI Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала и разделявшаяся Эрнстом Тельманом ошибочная оценка, согласно которой реформизм превращался в «социал-фашизм». Эта оценка была обусловлена тем, что социал-демократы занимали в государственном аппарате и даже в его карательных органах все еще довольно значительные позиции; в то время как империалистическая буржуазия уже взяла курс на установление открыто диктаторского и в конечном счете фашистского режима, лидеры социал-демократии и в сложившейся обстановке использовали находившиеся в их распоряжении средства не для защиты демократических прав и свобод, а, напротив, ставили их на службу империалистической реакции, направляя главный удар против самых последовательных демократических сил, против революционного рабочего движения. Деятельность социал-демократических земельных правительств, кровавый террор, организованный представителями социал-демократии в государственном аппарате во время майских событий в Берлине, запрет Союза красных фронтовиков и другие меры, непосредственно способствовавшие укреплению позиций фашистских элементов, могли усилить впечатление, что социал-демократия, как говорил Эрнст Тельман, играла роль «организующей силы при установлении фашистской диктатуры...»²

¹ См. Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 2, с. 61.

² Там же, с. 62.

Однако такая оценка не отражала существа дела. Враждебные рабочему классу, антидемократические действия правых лидеров социал-демократии рассматривались в отрыве от общей обстановки. Вся социал-демократия в целом не могла стать массовой базой для фашистской диктатуры. Это было невозможно в конечном счете потому, что социал-демократия действовала главным образом в среде рабочего класса и должна была опираться на свободные профсоюзы и другие по своему составу преимущественно пролетарские массовые организации. Эти силы не могли согласиться с господством фашизма. С другой стороны, фашистские монополисты и их политические менеджеры не желали терпеть в своей системе реформистское рабочее движение дольше того, чем это было необходимо. Их стремление к установлению фашистской диктатуры включало в себя и намерение разделаться с социал-демократией. Распространенный до начала 30-х годов ошибочный тезис о «социал-фашизме» создал для коммунистов на какое-то время трудности в деле привлечения рядовых членов и функционеров социал-демократического движения к единству действий в борьбе против фашизма и наступления капитала, а также в нейтрализации влияния антикоммунизма.

После срыва майской провокации Эрпст Тельман сконцентрировал свои усилия на подготовке к предстоявшему XII съезду КППГ. Позади были почти четыре года неустанной, целеустремленной работы во главе руководящего органа партии. Тельман сыграл особую роль в том, что за эти годы КППГ при братской помощи и поддержке Коммунистического Интернационала стала идеологически, политически и организационно сплоченной боевой революционной партией, тесно связанной с массами. Тельман внес наибольший вклад в решающую победу марксизма-ленинизма над правым и «левым» оппортунизмом, а также над мелкобуржуазными националистическими течениями и тенденциями в германском революционном рабочем движении — победу, которая была одержана в условиях тяжелой и сложной классовой борьбы и острых схваток с реформизмом. Под его руководством в германском рабочем движении неуклопно утверждались идеологические, политические и организационные принципы марксизма-ленинизма. Революционная партия немецкого рабочего класса вступила в новый, более высокий этап своего развития. Особая заслуга Тельмана состояла в упрочении связей немецких рабочих с мировым пролетариатом, прежде всего в установлении и укреплении нерушимого, тесного боевого содружества и отношений доверия между немецкими и советскими коммунистами.

Под руководством тельмановского Центрального Комитета Коммунистическая партия Германии готовилась к грядущим великим классовым битвам, к борьбе против наступления монополистического капитала, против надвигавшейся фашистской опасности.

1929—1933

1

Когда партия поднимается против натиска врага

«Среди всех крупных капиталистических стран Германия является той страной, в которой отношения классов, классовые противоречия крайне обострились. С 1923 г. классовая борьба здесь вылилась в свою высшую форму»¹ — так оценивал Эрнст Тельман положение в стране накануне XII съезда КПП. Зловещим подтверждением явились кровавая расправа с демонстрантами в Берлине в день Первомая и запрет Союза красных фронтовиков. КПП была вынуждена отложить проведение своего съезда в Дрездене на несколько недель. Эрнст Тельман предложил в знак солидарности с пролетариатом Берлина перенести съезд в берлинский район Вединг. Центральный Комитет одобрил это предложение.

Одной из важных причин наступления, которое империалистическая буржуазия развернула с помощью министров социал-демократов и полицейских сил против авангарда рабочего класса, было

¹ Тельман Эрнст. Набранные статьи и речи, т. 2, с. 29.

то, что в конце 20-х годов германский империализм натолкнулся в своем развитии на преграды и стремился их преодолеть. Его экспансия на международной арене сдерживалась версальской системой, внутри страны утолению его жажды прибылей и власти мешали буржуазная демократия и сильное рабочее движение. Укрепив экономически и политически, он всячески старался устранить эти преграды на своем пути. Кирддорф, Крупп, Шахт, Тиссен, Фёглер и другие представители тяжелой индустрии и финансового капитала в мае 1929 г. держали совет, каким путем можно было бы обеспечить еще более реакционный курс правительства, чтобы осуществить свои враждебные народу намерения¹. Генерал фон Шлейхер, политический представитель германского милитаризма и доверенное лицо президента, уже весной 1929 г. посвятил монархически настроенного главу партии Центра Брюнинга в планы свержения в следующем году социал-демократического правительства и образования такого правительства, которое бы парализовало рейхстаг и осуществляло власть, присвоив себе диктаторские полномочия².

Господствующий класс монополистического капитала, агрессивность и реакционность которого усиливались возникшим несоответствием между его огромным экономическим потенциалом и ограниченными возможностями полного его использования, перешел в наступление, чтобы решительным образом изменить в свою пользу условия реализации капитала и, как констатировал Эрнст Тельман, «сломить силу сопротивления пролетариата, чтобы, когда начнется мировая война, не оказаться перед лицом такого сильного «внутреннего врага»³. Был взят курс на фашизм и войну. К тому же, когда готовился XII съезд КППГ, капиталистическая экономика оказалась в состоянии застоя, перешедшего вскоре в тяжелый кризис. Как это и предвидели коммунисты, период относительной стабилизации заканчивался.

Высший орган КППГ начал свою работу 9 июня 1929 г. в зале клуба «Фарус», традиционном месте собраний берлинских рабочих. Неподалеку отсюда в дни кровавых майских событий были сооружены баррикады. Съезд продолжался до 15 июня. В его работе приняло участие 217 делегатов с правом решающего голоса, представлявших 116 735 зарегистрированных членов партии. Около двух третей из них являлись рабочими с предприятий, однако лишь примерно 20% были организованы в заводских ячейках. Несмотря на все попытки правых профсоюзных лидеров удалить коммунистов из профсоюзов, в них еще входило около 72% членов КППГ, возраст и профессия которых позволяли им быть членами профсоюза; многие работали на выборных должностях насчитывавшего 5 млн. членов

¹ Vgl. *Menne Bernhard*. Krupp. Deutschlands Kanonenkönige. Zürich, 1937, S. 356—359.

² Vgl. *Brüning Heinrich*. Memoiren 1918—1934. Stuttgart (1970), S. 145—147.

³ *Тельман Эрнст*. Избранные статьи и речи, т. 2, с. 129.

объединения свободных профсоюзов. Коммунистами возглавлялись около 500 из 12 тыс. профсоюзных объединений и организаций АДГБ.

КПГ в своей деятельности опиралась на множество массовых организаций, например на Коммунистический союз молодежи Германии, насчитывавший почти 22 тыс. комсомольцев, на организацию Международной рабочей помощи, в которую входило около 42 тыс. отдельных членов и 1900 тыс. членов-корпораций, на организацию Красная помощь, в которой состояло 185 тыс. членов. К ним относился также ряд различных обществ и кружков, таких, например, как созданный в октябре 1928 г. Союз пролетарских революционных писателей или основанный незадолго до партийного съезда Всегерманский союз свободных студентов-социалистов, кружок социально-политических организаций и Союз друзей Советского Союза. Для распространения своих взглядов партия наряду с устной агитацией и печатью — КПГ издавала около 40 различных газет, включая еженедельники и подсобные издания, всего же в Германии в то время выходило примерно 4700 газет и журналов — использовала и различные другие методы, насколько позволяли ей весьма ограниченные финансовые средства, суровая цензура и преследования полиции. Так, к этому времени издавалось не менее 742 заводских, местных и домовых газет, которые в большинстве своем печатались на гектографах. Кинокартель «Вельфильм» и другие фирмы по оказанию организационных услуг изготавливали для партии короткометражные и узкоплечные фильмы. Партийное издательство выпускало многочисленные брошюры и листовки. Так, с ноября 1927 г. по февраль 1929 г. было издано более 30 брошюр общим тиражом 852 тыс. экземпляров, не считая продукции газетных издательств КПГ. Были изданы шесть работ Маркса и Энгельса, в том числе — наряду с «Манифестом Коммунистической партии» и другими неоднократно переиздававшимися трудами — «Критика Готской программы».

Благодаря самоотверженной работе десятков тысяч коммунистов, многих беспартийных членов пролетарских массовых организаций и сочувствовавших партии граждан авторитет и влияние КПГ в массах охватывали значительно более широкие круги, чем только тех, кто входил в ее ряды. Это проявилось, например, в ходе выборов в рейхстаг 20 мая 1928 г. В то время как число голосов, поданных за кандидатов от СДПГ (9 151 059), превышало число членов этой партии почти в 10 раз (в мае 1929 г. в СДПГ насчитывалось 949 306 членов), число голосовавших за КПГ избирателей превысило ее численность почти в 30 раз (за кандидатов КПГ было подано 3 263 354 голоса).

Эрих Тельман выступил на съезде с отчетным докладом, а также с речью на закрытом заседании съезда. В докладе он проанализировал глубокие изменения в обстановке и разъяснил вытекавшие из этого для партии задачи. Его речь отличалась высокой сознательностью революционера перед лицом назревших острых

классовых схваток. Прежде всего, Тельман выделил три задачи: отпор наступлению монополистического капитала, борьба против поднимавшего голову фашизма и против подготовки империализма к войне. Этим определялось содержание съезда, в ходе работы которого делегаты заслушали и обсудили также доклады Пауля Меркера об экономической борьбе и революционной политике и отношении профсоюзов и Германа Реммеле — о борьбе против империалистической войны и защите Советского Союза и о военной программе СДПГ.

Эрнст Тельман дал глубокий анализ причин и следствий наступления предпринимателей. Он констатировал, что финансовый капитал, стремящийся к переделу мировых рынков, готовил новый поход против пролетариата. При этом, указывал Тельман, он будет пытаться усилить эксплуатацию рабочих также при помощи государства и его органов. В этих условиях неизбежно «забастовки должны стать не только выступлениями за лучшие условия труда и заработной платы, но и выступлениями против государственной власти». Эрнст Тельман указал на происходивший уже в течение длительного времени спад экономической конъюнктуры и на участвовавшиеся проявления кризиса. Он выразил опасение, что «с приближением осенних и зимних месяцев армия безработных достигнет огромных размеров». Партия должна сделать все для того, чтобы преодоление этих кризисов происходило «не за счет трудящихся масс».¹ Тем самым была сформулирована одна из двух важнейших целей, на повседневную борьбу за которые КПГ нацеливала трудящиеся массы в течение последующих лет.

Особенно важное значение имело то, что в этой связи Эрнст Тельман остановился на международных переговорах о выплате Германией репараций. Он указал, что речь шла лишь о распределении прибылей между германскими капиталистами и другими империалистическими державами, и предсказал, что стремление к «увеличению прибылей, выжатых из пота и крови германского пролетариата и трудящихся слоев среднего сословия, будет принимать все более острый характер в связи с трудностями буржуазии». Политика буржуазных партий и правительства направлена на то, подчеркнул Тельман, чтобы обеспечить это увеличение прибылей. Эта проблема, продолжал он, «отражает борьбу не на жизнь, а на смерть между германской буржуазией и германским пролетариатом; ибо если германская буржуазия хочет жить, то есть все более наращивать свою империалистическую мощь, увеличивать экспорт капитала и свои собственные накопления, если она будет отвечать всем тем условиям, которые составляют сущность империализма, тогда германский пролетариат будет обречен на еще большую нужду».² КПГ рассматривает эту основополагающую проблему будущего немецкого народа, как и все вопросы,

¹ См.: Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 2, с. 84, 56, 52.

² Там же, с. 49.

с позиций рабочего класса. Она ведет борьбу за то, чтобы грядущие поколения немецких трудящихся не стонали под игом собственного и иностранного капитализма, она борется за ликвидацию этого двойного ига путем свержения германского империализма в революционной борьбе масс.

Давая оценку угрозы фашизма, Эрнст Тельман углубил свои выводы, сделанные на пленуме Центрального Комитета в марте 1929 г. Он подчеркнул, что «германская буржуазия сможет перейти в общее наступление только в том случае, если она осуществит резкий поворот в сторону фашистских методов господства...»¹. Тем самым он убедительно показал, что в основе устремлений фашистов лежали крупные экономические интересы. Как на ощутимые признаки угрозы фашизма он указал на кризисные явления в буржуазных партиях и в парламентской системе, на расширение аппарата подавления рабочего класса и стремление к изменению конституции, на усиление активности военно-фашистских организаций и рост их влияния среди мелкой буржуазии. В этой связи Эрнст Тельман отметил особую роль гитлеровских фашистов, задача которых, как подчеркнул он, состояла в создании массовой базы для реакционной политики монополистической буржуазии. Он констатировал, что нацисты, добившиеся успеха на выборах в ландтаг Саксонии в мае 1929 г., повсеместно расширяли свое влияние на массы, и особенно — в мелкобуржуазных слоях.

Под впечатлением от майских событий, магдебургского съезда СДПГ и прежде всего антинародной политики правительства Германа Мюллера, которое повысило налогообложение трудящихся, попустительствовало силам милитаристской реакции и фашистским организациям, преследовало революционных рабочих и пролетарские организации, запрещало коммунистические газеты, Эрнст Тельман доказал, что ориентировавшееся на сотрудничество с классом капиталистов руководство социал-демократии играло важнейшую роль в осуществлении политики угнетения трудящихся в интересах буржуазии.

В заключение Эрнст Тельман остановился на другой пившей решающее значение задаче революционного пролетариата — на систематической, организованной борьбе против империалистической подготовки к войне. Он призвал к тому, чтобы антивоенная работа была сконцентрирована прежде всего на важнейших крупных предприятиях военной промышленности.

Происходившие летом 1929 г. процессы были еще далеки от своего завершения; напротив, изменения в классовой борьбе свидетельствовали лишь о переходе к новому этапу. Фашизм впервые поднимал голову в высокоразвитой промышленной стране с сильным, хорошо организованным рабочим классом. Вопрос о том, какими темпами и методами следовало осуществлять постепенную ликвидацию демократических свобод, в лагере самой империали-

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 2, с. 66.

стической буржуазии все еще являлся спорным. В таких условиях было чрезвычайно трудно дать правильную оценку общим перспективам классовой борьбы, но еще труднее представлялось точно определить, как следовало действовать партии.

Тем не менее Эрнст Тельман правильно оценил решающие аспекты обстановки, в которой разворачивалась классовая борьба. Основопологающим моментом происходившего развития он назвал новый подъем революционного рабочего движения. Мы переживаем, таким образом, констатировал Тельман, «период революционного подъема классовой борьбы», однако подъем этот не является прямолинейным и непрерывным, временами наблюдаются и обратные моменты. Поэтому, заявил он, мы должны не только избегать «оппортунистической недооценки революционных сил», но и бороться «даже с малейшим проявлением тенденции к перескакиванию через отдельные этапы революционного развития». Он особенно подчеркнул: «...в настоящее время нельзя говорить об острой революционной ситуации»¹.

Эрнст Тельман нацеливал партию на то, чтобы она еще более решительно настраивалась на обострение классовой борьбы и поэтому еще более настойчиво боролась за привлечение на свою сторону большинства рабочего класса. Важнейшую предпосылку для этого он видел в усилении самой партии и в постоянном укреплении ее связей с массами. Сколь ни значительны были успехи в развитии партии за последние три с половиной года, у нее все же не было еще достаточно сил и влияния, чтобы вступить в решающую схватку с империализмом. Именно это имел в виду Эрнст Тельман, говоря на закрытом заседании съезда о том, что партия должна предъявлять к себе и ко всем своим членам самые высокие требования, тем более что условия для КПГ и ее работы в массах становятся не легче, а все труднее. «Необходима высшая готовность к самопожертвованию в наших собственных рядах,— заявил он в докладе на съезде,— не только в области политической, но и в материальной! В борьбе против классового врага мы должны защищать наши позиции до последнего; ни один коммунист не имеет права покидать свой пост, на который его поставила партия; даже в условиях самой тяжелой борьбы мы обязаны выполнять наш революционный долг без каких бы то ни было колебаний». Партия сможет выполнить свои задачи лишь при условии, «если она будет свободна не только от какой бы то ни было буржуазной сентиментальности, но и от какого бы то ни было зазнайства, если она будет хорошо знать жизненные нужды рабочего класса и защищать его интересы. Если мы сделаем это с чувством настоящего пролетарского товарищества, мы завоюем доверие масс, и массы почувствуют нашу любовь и готовность вести вместе с ними борьбу вплоть до последнего решительного боя»².

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 2, с. 85.

² Там же, с. 89.

Решающей предпосылкой выполнения коммунистической партией ее руководящей роли Эрнст Тельман считал деятельность заводских партийных ячеек. Он требовал, «чтобы здесь наступил резкий перелом»¹ и чтобы заводские ячейки всегда находились в центре внимания партийных комитетов. При этом необходимо было концентрировать внимание на крупных фабриках и заводах. «Партия должна теперь завоевать крупные предприятия. Каждое крупное предприятие должно стать нашей революционной крепостью. Никакому врагу не удастся выкурить нас из нее»² — так определил Тельман содержание и значение этой задачи.

Ввиду возросших требований, с которыми столкнулась теперь партия перед лицом грозившего наступления реакционного блока монополистов, милитаристов и фашистов против жизненных интересов немецкого народа, следовало обеспечить более последовательное и более квалифицированное выполнение партийных решений. Тельман критически констатировал, что, хотя партия в последние годы добилась гораздо большей ясности в принципиальных политических вопросах, в ее практической работе все еще имелись серьезные недостатки. Поэтому он требовал от партийных комитетов, и прежде всего от окружкомов, еще более ответственного выполнения решений, наполнения их более глубоким идейным содержанием применительно к конкретным условиям данного округа. В быстро и нередко внезапно изменявшейся экономической и политической обстановке, когда возникало немало новых сложных проблем и партия должна была постоянно находить новые методы работы, очень многое зависело от активности и творческого взаимодействия всех членов и функционеров КПГ. Необходимо повышать уровень внутрипартийной работы, подчеркнул Эрнст Тельман.

Главным вопросом эффективной борьбы с наступавшей крупной буржуазией Эрнст Тельман считал создание единого фронта на предприятиях и в пролетарских массовых организациях. Он четко и ясно заявил: «Мы должны всеми силами защищать единство массовых пролетарских организаций против реформистских раскольников»³. Партия должна особенно усилить свою революционную работу в профсоюзах. Тельман со всей решительностью подчеркнул, что коммунисты должны делать все, что в их силах, чтобы не допустить «столкновения между братьями по классу, между теми, кто выступает за революционную борьбу, и теми, кто еще не достиг такого уровня сознания, чтобы пойти по пути коммунистов»⁴.

Чтобы завоевать большинство рабочего класса, чрезвычайно важно, указывал он, вовлекать в классовую борьбу рабочих, молодежь и сельскохозяйственных рабочих. Партия должна самым

¹ IML, ZPA, 1/12/24.

² Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 2, с. 89.

³ Там же, с. 69.

⁴ Там же, с. 98—99.

энергичным образом привлекать на свою сторону рабочих, играющих особую роль на промышленных предприятиях, а также включать больше женщин в партийную работу. Он потребовал удесять усилия по привлечению сельскохозяйственных рабочих. Как задачу огромной политической важности охарактеризовал он работу среди безработных.

Эрнст Тельман показал далее, как много «зависит от того, насколько удастся облечь и закрепить в организационных формах самостоятельную активность масс и их доверие к нашей политике». Поскольку в начинающемся периоде острых классовых схваток применявшиеся до этого методы борьбы уже недостаточны, говорил он, следует испробовать новые органы единого фронта как предпосылку и необходимое условие «для организации революционной классовой борьбы на более высокой основе»¹. Среди них он выделил органы самообороны, комитеты безработных, комитеты борьбы, заводские комитеты для подготовки движения за лучшие условия труда и заработной платы, революционную систему доверенных лиц.

Для Тельмана было важно найти пути подготовки масс к решающим боям. В то же время он стремился к всемерному укреплению связей партии с массами, чтобы она могла действовать в самых сложных условиях, например в условиях подполья. Характерной чертой Эрнста Тельмана-вождя был постоянный поиск наиболее эффективных методов руководства массами и пробуждения их активности. После съезда Тельман много времени и сил уделил «поискам подлинно центрального лозунга». Он стремился к «сплочению масс под одним лозунгом», который мог бы стать «притягательным центром», связующим звеном между великой исторической миссией рабочего класса и ближайшими задачами в борьбе против империализма².

Эрнст Тельман подчеркивал, что достигнутая сплоченность рядов партии позволяла ей успешно осуществлять революционную политику. Важнейшей задачей он считал «поддержание самой строгой дисциплины как необходимого условия, чтобы быстро и гибко реагировать на любое изменение обстановки»³. И партия должна учитывать, что как раз в обострившейся политической обстановке клеветническая кампания антикоммунистов усилится в десять, во сто крат. Тельман предостерегал от политической слепоты, от проявления терпимости в отношении классово чуждых явлений. Он постоянно призывал всех коммунистов: «Никогда, ни при каких обстоятельствах нельзя позволить классовому врагу ослабить нашу революционную дисциплину и проникнуть в нашу партию»⁴. Партия была для Эрнста Тельмана самым высшим,

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 2, с. 71, 83.

² IML, ZPA, I 2/1/74.

³ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 2, с. 88.

⁴ IML, ZPA, 1/12/24.

самым дорогим¹. Обеспечить успешное осуществление партией ее руководящей роли — такова была главная мысль отчетного доклада, всех выступлений Тельмана на XII съезде КПГ.

Этот съезд партии, как ни один другой, продемонстрировал ее единство и сплоченность. На съезде убедительно проявилось полное доверие членов партии к ее руководству, и особенно — к Эрнсту Тельману. Лозунг на стене зала в сжатой форме выражал главную идею доклада Эрнста Тельмана: «Вперед в духе Ленина! С большевистской убежденностью, с железной дисциплиной и величайшей активностью сплывайте вокруг нашего красного знамени массы рабочих, сельскохозяйственных рабочих и крестьян!» Делегаты съезда, вся партия восприняли этот лозунг как руководство к действию. В приветственных речах многочисленных делегаций с крупных предприятий Берлина, в бурных овациях участников съезда этим проявлениям боевой готовности пролетариата выступить на борьбу против антипародного курса германского империализма, в выступлениях делегатов отражались решимость немецких коммунистов не отступать перед натиском буржуазии и последовательно защищать интересы трудящихся, их энтузиазм и активность в революционной борьбе партии.

Съезд завершился единогласным избранием нового Центрального Комитета в составе 38 членов и 25 кандидатов в члены ЦК. Организационный пленум ЦК, на котором были избраны его руководящие органы, состоялся 15 июня. В Секретариат, который возглавил Эрнст Тельман, вошли члены Политбюро Франц Далем, Лео Флиг, Фриц Геккерт, Пауль Меркер, Герман Реммеле, Вальтер Ульбрихт и кандидат в члены Политбюро Хайнц Нойман. В состав Политбюро наряду с этими членами Секретариата и Вильгельмом Пиком вошли также секретари важных окружных организаций: Вильгельм Флорин, Фриц Шульте, Жан Винтерих; кандидатом в члены Политбюро наряду с другими была также избрана заведующая отделом ЦК по работе с женщинами Хелене Оверлах.

После съезда Эрнст Тельман ненадолго выехал в Фихтенау, расположенный у городской черты Берлина. Там, в партийной школе им. Розы Люксембург, он готовился к X пленуму Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала. Ему было поручено выступить на пленуме с одним из двух докладов по включенному в повестку дня вопросу «Экономическая борьба, наша тактика и задачи коммунистических партий»; второй доклад взял на себя С. А. Лозовский. Докладчики поделили между собой большой по объему материал. Несколько дней, проведенных в школе на тихой, утопавшей в садах улице в Фихтенау, где обычно занималось до 40 членов партии, расширявших свои марксистско-ленинские знания, позволили Тельману спокойно заняться теоретической работой и в то же время несколько передохнуть. На открытке, отправленной жене 30 июня с озера Флакензее, где он

¹ См.: Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 2, с. 76.

побывал во время прогулки, Тельман писал: «Здесь я в последние дни занимался политической работой и немного отдохнул»¹.

3 июля 1929 г. в Москве начался X пленум ИККИ. Эрнст Тельман сделал свой доклад 15 июля. Но до этого, 10 июля, он выступил в дискуссии по докладу Отто Куусинена о международном положении и задачах Коммунистического Интернационала. В этих речах Тельман развил свои мысли о том, что следует делать, чтобы коммунистические партии как можно быстрее смогли выполнить задачи, вытекавшие из новой обстановки.

На X пленуме ИККИ стало очевидным, что коммунистические партии ввиду начинавшегося расшатывания относительной стабилизации капитализма, обострившихся противоречий империализма и курса империалистических сил на фашизм и войну рассчитывали на сравнительно быстрое революционизирование масс. Происходившие тогда резкие повороты в ходе классовой борьбы побуждали их к переоценке темпов и глубины потрясений, которые испытывал империализм, и уровня сознательности масс. Они исходили из того, что относительно быстро может возникнуть революционная ситуация и поэтому задача теперь состоит в том, чтобы также быстро подвести рабочий класс к борьбе за власть. Эрнст Тельман тоже разделял эти взгляды; так, например, развернувшуюся весной 1929 г. стачечную борьбу он расценил как начало контрстаупления рабочего класса.

В своем докладе на X пленуме ИККИ об экономической борьбе Эрнст Тельман подробно говорил об уроках развернувшегося в последнее время забастовочного движения, остановился также на героической борьбе текстильщиков Бомбея, начавших забастовку в конце апреля.

Он высказал ряд рекомендаций в связи с выборами в заводские советы, указал, как следует руководить забастовками, преодолевая сопротивление реформистских инстанций, как вовлекать в экономическую борьбу неорганизованные массы, как вести работу в профсоюзах и среди сельскохозяйственных рабочих, среди женщин и молодежи. Тельман вновь подчеркнул, что работа в профсоюзах является и всегда будет решающим звеном, связывающим партию с рабочими массами, и заявил: «Борьба в профсоюзах требует от нас величайшего упорства, революционного хладнокровия, а также способности убедить массы...» Он решительно отверг идею создания в такой стране, как Германия, новых революционных профсоюзов. Это означало бы капитуляцию перед трудностями и содействие раскольнической политике реформистских лидеров. А непреложный принцип Тельмана состоял в том, что коммунисты должны бороться за «революционное единство профсоюзов»².

В обеих речах на пленуме ИККИ Тельман ссылаясь на опыт различных партий — ВКП (б) и коммунистических партий Италии,

¹ IML, ZPA, NL 3/7.

² Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 2, с. 137, 174.

Польши, Швеции, Швейцарии и Чехословакии. Чтобы коммунисты могли выполнить стоявшие перед ними задачи, указывал он, «необходимо в дальнейшем больше развивать внутрипартийную демократию и инициативу во всех партиях», расширять самокритику, улучшать дисциплину, причем «мы все еще многому можем и должны учиться у ВКП(б)». Он высказал свое мнение о том, какие вытекают в этой связи требования к партии, которая должна быть авангардом рабочего класса, боевым союзом пролетариата: «Мы можем разгромить государственный аппарат буржуазии с его мощными организациями только при помощи еще лучшей организации, еще более крепкого аппарата, опирающегося на самую высокую сознательность в наших рядах и в рабочих массах»¹.

Возвращаясь на родину с пленума ИККИ, некоторые делегаты, в том числе Тельман, вновь посетили Ленинград, куда они прибыли 27 июля 1929 г. Эрнст Тельман опять выступал на собрании ленинградского партийного актива, на митингах в Домах культуры Московско-Нарвского района и на Выборгской стороне, а также перед матросами Балтийского флота. Он передал ленинградцам привет от немецких коммунистов и рассказал о работе XII съезда КПГ и X пленума ИККИ. Выступая в Доме культуры Московско-Нарвского района, он заявил: «Немецкие рабочие, как и рабочие всего мира, с величайшим трепетом следят за каждым шагом, за каждым крупным достижением социалистического строительства в вашей стране. Ваши успехи вселяют в нас бодрость и энтузиазм. Мы гордимся единоплеменной страной пролетарской диктатуры»².

2

**«Борьбу против фашизма
выдвигать на самый
передний план!»**

Пребывание в стране социализма придало Эрнсту Тельману новые силы. А они были ему крайне необходимы, ибо развитие событий во второй половине 1929 г. быстро подтвердило обоснованность сделанного на XII съезде КПГ предостережения об угрозе наступления монополистического капитала и фашизма.

Нацистская партия, являвшаяся до этого всего лишь одной из ряда правозэкстремистских, националистических групп, основывала многочисленные параллельные организации и фашистские профессиональные объединения. Опираясь на щедрую финансовую помощь монополистического капитала, она приступила к реорганизации своей террористической организации — штурмовых отрядов СА, переводя их частично на казарменное положение и денежное содержание. Используя утонченную социальную и национали-

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 2, с. 124, 125.

² Ленинградская правда, 1929, 28 июля.

стическую демагогию, нацистская партия быстро приобрела немало сторонников среди обнищавших или находившихся под угрозой деклассирования мелкобуржуазных масс. В августе 1929 г. на съезде НСДАП было принято решение создать сеть производственных ячеек, с помощью которых имелось в виду распространить влияние нацистской партии и на часть рабочего класса.

Также в августе на конференции в Гааге был одобрен разработанный под руководством крупного американского промышленника Оуэна Д. Юнга план, определявший новый порядок выполнения Германией ее репарационных обязательств. Как следовало из плана Юнга, международный капитал намеревался еще в течение шести десятилетий участвовать в эксплуатации немецких трудящихся. В качестве компенсации германскому империализму было обещано облегчение его политических и военных обязательств по Версальскому договору, в том числе вывод войск Антанты из Рейнской области в середине 1930 г. Реакционные империалистические круги Германии приняли план Юнга; в то же время Германская национально-народная партия и «Стальной шлем» выступили в конце сентября против плана Юнга, потребовав проведения народного референдума. Это требование было поддержано нацистской партией. Тем самым националистические демагоги намеревались использовать возмущение трудящихся отказом от защиты их жизненных прав для развертывания широкой фашистско-шовинистической пропаганды.

Наконец, на собрании членов Имперского союза германских промышленников 20 и 21 сентября 1929 г. была подвергнута острой критике экономическая политика правительства, в адрес которого было высказано обвинение в том, что оно недостаточно решительно отстаивает интересы предпринимателей. На собрании было выдвинуто требование эффективных мер и усиления влияния «промышленности» на общественную жизнь.

Все это происходило в то время, когда правительство Германии возглавлял социал-демократ. Руководящие деятели СДПГ, занимавшие посты рейхсканцлера и министров, премьер-министра, членов правительства в Пруссии и в других землях, обер-президентов прусских провинций и начальников полиции, непосредственно осуществляли империалистическую государственную политику. В то время десятки тысяч членов СДПГ занимали посты в государственном аппарате или в аппарате СДПГ, в АДГБ и в кооперативах. Это питало иллюзии, будто деятельность социал-демократов на государственных постах, их работа в общественных представительствах или переговоры профсоюзных инстанций с предпринимателями обеспечивают интересы рабочих или даже постепенное продвижение к социализму и будто в нынешних условиях классовая борьба старого стиля изжила себя. Своей политикой правые лидеры социал-демократии углубляли раскол рабочего класса, сумев удержать значительную часть пролетариата от борьбы против наступления империализма.

Поэтому коммунисты были вынуждены вести острую борьбу с руководством СДПГ, тем более что в Германии социал-демократическая партия представляла собой большую силу. Ввиду антикоммунистического курса правых социал-демократических лидеров для коммунистов было чрезвычайно сложно претворять в жизнь свою политику сплочения рабочего класса, его объединения против общего врага — монополистического капитала и его фашистских происков.

Спротивление империалистической политике разворачивалось в те месяцы в самых различных областях. В соответствии с требованием Эрпста Тельмана КПГ усиливала борьбу против шовинизма и угрозы войны. Во второй половине июля во многих городах, в том числе в Эссене и Магдебурге, где находились военные заводы концерна Круппа, состоялись митинги протеста против нападения китайских милитаристов на Китайско-Восточную железную дорогу, находившуюся в совместном советско-китайском управлении. В течение месяца газета «Ди роте фане» регулярно публиковала письма рабочих корреспондентов, в которых напоминалось об ужасах минувшей войны и разоблачалась гонка вооружений, к которой вновь приступил германский милитаризм. В конце июля в пограничных районах Германии были проведены совместные митинги с участием французских, бельгийских, люксембургских, голландских, польских, датских и швейцарских рабочих.

Самой значительной из них была встреча представителей пяти стран в Аахене, которую провели вопреки запрету полиции. В состоявшейся здесь демонстрации в защиту интернационализма, против подготовки новой империалистической войны приняли участие 10 тыс. рабочих.

1 августа 1929 г., которое было объявлено Коммунистическим Интернационалом днем борьбы против войны, рабочие многих городов вышли под лозунгами КПГ на демонстрации против угрозы войны. В Берлине на митинге в Люстгартене выступили с речами Фриц Геккерт и Вильгельм Пик. На многих предприятиях, например в Хемнице, Дрездене, Лейпциге, Мангейме и Цвикау, были созданы антивоенные комитеты, чтобы, как предложил Эрпст Тельман, на месте выявлять производство военной продукции и разворачивать борьбу против этого. В день борьбы против войны были проведены забастовки протеста также на ряде небольших заводов и фабрик и на стройках.

Во многих городах страны на улицы вышли колонны запрещенного Союза красных фронтовиков. Одетые в форму Союза красные фронтовики требовали отмены запрета своей организации. Создавались отряды рабочей самообороны от усиливавшегося фашистского террора. Удалось также провести несколько боевых акций против наступления предпринимателей. В конце августа в Берлине под руководством члена ЦК КПГ Михаэля Нидеркирхнера началась забастовка трубоукладчиков. В течение двух месяцев

они оказывали упорное сопротивление давлению предпринимателей, уволивших забастовщиков, и руководителей Германского союза металлистов, пытавшихся сорвать забастовку, а также давлению полиции, арестовавшей Нидеркирхнера и других членов стачечного комитета.

Партия усилила борьбу против реакции и в области культуры. КППГ с самого начала поддерживала развитие в Германии пролетарской революционной культуры. Ее культурно-политическая работа среди сотен тысяч участников Пролетарского движения вольнодумцев, певцов и театральных работников, а также в менее крупных культурно-политических массовых организациях и среди интеллигенции получила новый импульс в результате создания 13 октября 1929 г. Объединения деятелей рабочей культуры, в которое вошли революционные пролетарские культурные организации. На учредительном торжественном собрании с программным заявлением выступили Ханс Эйслер, Отто Нагель и Эрвин Пискатор. Активная работа КППГ с деятелями культуры и искусства содействовала усилению их борьбы с происками империалистических кругов. Писатели, артисты и художники своим искусством боролись против сил реакции и поднимавшего голову фашизма. Прогрессивные деятели культуры все чаще становились на сторону КППГ.

Движение протеста трудящихся против гнета господствующего класса усиливалось также и в деревне. Высокая экономическая конъюнктура последних лет мало что дала сельскому хозяйству; аграрная политика сменявших друг друга правительств Германии неизменно приписала односторонние выгоды крупному землевладению. Теперь же, когда начался переход к застою, а затем к регрессу в развитии экономики, положение крестьян стало невыносимым. В начале августа 1929 г. в Ноймюнстере (Шлезвиг-Гольштейн) крестьяне вышли на демонстрацию под черными знаменами. Воинствующие элементы из кулацкого «Движения земледельцев», в большинстве своем ориентировавшегося на нацистскую партию, громили финансовые учреждения и ратуши. Давая лживые обещания, используя мистифицировавшие традиционную привязанность крестьянина к земле демагогические лозунги типа «кровь и земля», фашистские силы быстро парализовали свое влияние. КППГ пыталась противодействовать этому, оказывая трудящимся крестьянам действительную помощь и стремясь убедить их в том, что они сами должны развернуть борьбу, борьбу на стороне рабочего класса. Рабочие Киль помогали крестьянам-арендаторам из окрестностей города вести борьбу против продажи с аукциона отобранного у них за долги урожая пшеницы. По инициативе возглавлявшегося депутатом рейхстага коммунистом Эрнстом Путцем Союза трудовых крестьян крестьяне-бедняки с побережья Балтийского моря и рабочие из Гамбурга, Любека и из городов Шлезвиг-Гольштейна проводили совместные демонстрации и митинги.

13 и 14 августа, а затем 24 и 25 октября 1929 г. Центральный Комитет КПГ обсудил на своих пленумах важнейшие аспекты политики партии. В августе он уделил главное внимание опыту работы по организации антивоенных выступлений и созданию организаций охраны труда рабочих, а в октябре — вопросам борьбы против плана Юнга. С докладом на эту тему выступил Эрнст Тельман. Все более очевидно, заявил он, что «во всех областях жизни государства происходит концентрация сил политической реакции» и что нацистская партия становится особенно опасным инструментом наиболее агрессивных и реакционных сил финансового капитала. Нельзя терять ни одного дня, мобилизуя рабочий класс на борьбу с фашизмом. «Наглые атаки фашизма, слабости и потеря темпа, которые допустила наша организация отчасти в борьбе против национал-социалистов и других террористических организаций, обязывают нас выдвинуть на первый план в гораздо большей мере, чем до сих пор, революционную борьбу против фашизма», — подчеркнул он на октябрьском пленуме ЦК.

Наступление реакции вызывало у Тельмана чувство глубокой тревоги. Поэтому он с такой озабоченностью говорил о «потере темпа», поэтому столь резко звучали его слова: «Мы атакуем, мы наступаем против фашизма. Мы должны победить и искоренить его, применяя все, в том числе и крайние методы борьбы». При этом он самым энергичным образом призывал не поддаваться попыткам спровоцировать террористические акции. «Борьба против фашизма является проблемой масс», — подчеркнул Тельман, — и террор национал-социалистов мы должны подавить, применив революционное насилие со стороны самих масс». Своевременное предостережение Тельмана от наступавшего фашизма помогло партии повысить эффективность своей борьбы против атак ультрареакционных групп германского монополистического капитала.

О том, насколько опасной считал Тельман складывавшуюся обстановку, свидетельствуют чрезвычайно высокие требования, которые он предъявил к партии. «Нашу правильную большевистскую политику мы проводим недостаточно популярно, недостаточно конкретно, недостаточно быстро»¹, — критически констатировал он в речи на пленуме ЦК. Партия должна, подчеркнул Тельман, принять в свои ряды десятки тысяч беспартийных рабочих из числа стойких участников забастовки трубоукладчиков и состоявшихся по всей стране демонстраций протеста против угрозы войны и фашистских провокаций.

Несколько дней спустя после октябрьского пленума Центрального Комитета Председатель КПГ написал по поручению Секретариата ЦК два письма: одно — политическим секретарям окружных партийных организаций, другое — членам Центрального Комитета. Тельман обращал внимание партийных функционеров на необходимость усиления идеологической и политической борьбы

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 2, с. 178—179.

«особенно против национал-социалистов» и систематического разоблачения их беззастенчивой демагогии. Он предостерегал, что нацисты могут усилить свое влияние среди безработных. Им также не следовало предоставлять свободы действий в деревне: «Стратегический план национал-социалистов — осуществить путем подчинения своему влиянию сельского населения вторжение в крупные города — необходимо сорвать решительным усилением нашей работы в сельских районах». Далее он нацелил партию на противодействие попыткам партии Центра и католической церкви усилить свое влияние, особенно среди рабочих, и на усиление идеологической работы с рабочими — членами СДПГ с целью убедить их в необходимости порвать с политикой классового сотрудничества, которую продолжали их лидеры, и включиться в борьбу, которую вели коммунисты.

Для завоевания всех слоев пролетариата и других трудящихся, писал Эрнст Тельман, необходимы «новые методы обновления и оживления всей нашей партии». Каждый коммунист должен нести большую ответственность. Поэтому Эрнст Тельман предложил обсудить изложенные им задачи на открытых партийных собраниях. Он потребовал от политических секретарей окружных партийных организаций, чтобы его соображения были обсуждены в руководящих органах округов, чтобы «в ваших округах были апробированы новые методы» с тщательным учетом «конкретных условий работы и борьбы», что должно повысить боевитость партии. «Прошу вас, — обращался он к членам Центрального Комитета, — серьезно обдумать эти соображения и сделать все для быстрого и решительного устранения имеющихся недостатков в каждом округе»¹. Оба эти письма отражали усилия Эрнста Тельмана, направленные на развитие и упрочение коллективности во всей работе партии и ее руководства, на поддержку и использование исходивших от коммунистов соображений и предложений, на быстрое доведение результатов совещаний руководящих органов до каждого члена партии.

В своей речи на пленуме Центрального Комитета в октябре 1929 г. Эрнст Тельман сделал глубокий анализ плана Юнга, показав, что он означал для немецких трудящихся. «Мы должны поставить вопрос с классовой точки зрения: кому придется выплачивать те суммы, которые требуют с Германии в связи с планом Юнга? Мы отвечаем: пролетариату и всем другим трудящимся слоям народа. Таков неизбежный классовый смысл плана Юнга»². Крупный капитал, продолжал он, будет стремиться к предельной эксплуатации пролетариата, и уже новая налоговая программа коалиции будет означать чудовищное ухудшение положения рабочего класса. Борьбу против этого наступления германского и международного капитализма, подчеркивал Тельман в речи на

¹ IML, ZPA, I 2/5/20.

² Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 2, с. 178.

этом пленуме, а также в других своих выступлениях, например в речи на конгрессе трудящихся женщин 20 октября 1929 г., необходимо увязывать с разоблачением «чудовищного обмана пролетарских масс»¹, который старались осуществить нацисты и Германская национально-народная партия, инсценируя народный опрос. Эрнст Тельман изобличил развязанную фашистами полемику против плана Юнга и против Версальского договора в целом как демагогическую уловку с целью отвлечь внимание от подлинных виновников бедственного положения трудящихся масс — германских капиталистов, от ответственных за Версаль германских империалистов и милитаристов и идеологически подготовить массы к установлению фашистской диктатуры и к новой военной агрессии. «Мы единственная партия в Германии,— констатировал Тельман,— которая в состоянии указать германскому пролетариату выход, освобождающий его от оков плана Юнга»².

Хотя организованный по инициативе блока Гугенберга — Гитлера народный опрос и не принес ему желаемых результатов, по на выборах в ландтаг Тюрингии и общинных выборах в Баварии 8 декабря нацистам удалось добиться значительного увеличения подаваемых за них голосов. В Тюрингии было образовано новое земельное правительство; посты министров внутренних дел и народного образования в этом правительстве занял нацист Вильгельм Фрик. НСДПГ, которая поначалу шла в фарватере Германской национально-народной партии и «Стального шлема», получая внушительную поддержку со стороны значительно более сильной печати Гугенберга, стала важным фактором фашизации политической жизни в стране.

Шовинизм нацистов, их варварский антикоммунизм и враждебное отношение к любому проявлению демократии в самом неприкрытом виде и в то же время весьма изощренно выражали исключительную агрессивность германского империализма. Нацистская партия умело направляла озлобленные массы мелкой буржуазии против демократических сил. Она организовала физический террор, нацеленный против рабочего движения; его жертвами все чаще становились антифашисты. Поэтому круги монополистического капитала, которые неуклонно стремились как можно скорее ликвидировать буржуазную демократию и установить неприкрытую диктатуру, отворачивались от традиционных буржуазных партий и все в большей мере ориентировались на партию гитлеровцев или на блок Гугенберга — Гитлера.

В конце 1929 г. экономическая, политическая и идеологическая обстановка в Германии уже в значительной степени определялась тем, что застой капиталистической экономики перешел в экономический кризис. 29 октября нью-йоркская биржа пережила свой черный день: чудовищное падение акций было сигналом о

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 2, с. 175.

² Там же, с. 178.

разразившемся мировом кризисе. В Германии в ноябре и декабре стремительно падало промышленное производство и столь же быстро росла безработица. За несколько дней до черной пятницы Эрнст Тельман в речи на пленуме Центрального Комитета предсказал, что безработица «этой зимой примет катастрофические размеры»¹: в конце января 1930 г. уже насчитывалось 3,2 млн. безработных. Между тем, в 1929 г. еще никто не мог сказать, какой глубины достигнет кризис капиталистической экономики в ближайшие годы, какие невообразимые бедствия принесет он миллионам людей.

Начавшийся экономический кризис усилил профашистские тенденции в политике господствующего класса. Крупный капитал воспользовался кризисом для того, чтобы сбивать заработную плату, сломить массовой безработицей волю рабочего класса к сопротивлению, чтобы усилить при помощи своей политики цен ограбление средних слоев и, ссылаясь на экономические трудности, окончательно подорвать конституционный строй Веймарской республики. В начале декабря Имперский союз германских промышленников опубликовал официальный меморандум под заголовком «Подъем или спад?». В нем с целью обеспечения монопольных прибылей выдвигалось требование: снизить налоги с монополистов, но повысить налоги с трудящихся масс, уменьшить социальные выплаты, резко сократить заработную плату и, невзирая на тарифное законодательство, ухудшить условия труда. На своем чрезвычайном заседании 12 декабря германские промышленники со всей определенностью дали понять, что эту программу может осуществить лишь правительство, которое правило бы при помощи чрезвычайных декретов, чрезвычайного положения и через голову рейхстага. Это был прямой ультиматум правительству большой коалиции, уведомлявший, что для монополистического капитала дни социал-демократического правительства сочтены. Президент имперского банка Яльмар Шахт уже добился отставки министра финансов социал-демократа Рудольфа Гильфердинга, отказавшись предоставить правительству кредит.

Многочисленные кризисные явления, характеризовавшие в конце 1929 г. общественное развитие в Германии и во всем капиталистическом мире, укрепляли убежденность Эрнста Тельмана в том, что рабочий класс должен готовиться к решающей схватке с империализмом. В этом смысле он уже высказывался на X пленуме ИККИ, говоря о двух огромных фронтах, которые противостоят друг другу на мировой арене: с одной стороны, революционное рабочее движение под руководством коммунистов, которое может опереться на Советский Союз, и, с другой стороны, лагерь капитализма, поддерживаемый реформизмом и все более прибегающий к услугам фашизма². Разразившийся экономический кризис со-

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 2, с. 178.

² См. там же, с. 130.

всей очевидностью показал, сколь вопиющим было противоречие между капиталистическим строем и жизненными интересами трудящихся масс. Теперь крайне необходимо было не допустить, чтобы монополистическая буржуазия с присущей ей тягой к реакции перешла повсюду к полной ликвидации демократических прав и свобод.

В этой борьбе усиление и расцвет социалистической страны под знаком первого пятилетнего плана означали укрепление и поддержку рабочего класса в охваченных кризисом странах капитализма. Во всемирно-историческом плане империализм уже находился в обороне. В то время как капитализм был охвачен экономическим кризисом, на шестой части планеты благодаря мудрому руководству ВКП(б) и энтузиазму народных масс была досрочно выполнена первая социалистическая пятилетка, небывалыми темпами развивалась социалистическая индустрия, крестьянство переходило к кооперативному социалистическому способу ведения сельского хозяйства. Возникали предпосылки для ощутимого улучшения жизненных условий трудящихся. В то время как империалистическая реакция уничтожала буржуазную демократию и поднимал голову фашизм, в стране пролетарской демократии сбросивший гнет эксплуататоров народ все более уверенно осуществлял руководство экономикой, государством и обществом. Коммунисты всех стран могли с гордостью ссылаться на пример Советского Союза. Практика социализма убедительно свидетельствовала о том, что кризисы и обнищание масс — это продукты капитализма. Эрнст Тельман хорошо понимал, какую огромную политическую и идеологическую поддержку оказывали рабочие и крестьяне Советского Союза пролетарским революционерам капиталистических стран, доказывая своим успешным, планомерным экономическим строительством, что рабочим и крестьянам становится намного лучше, когда они избавляются от капиталистов, помещиков и ростовщиков.

Выступая на пленуме Центрального Комитета КПП в октябре 1929 г., Эрнст Тельман назвал пятилетний план «предпосылкой огромного революционного значения... Какие огромные возможности раскроются перед нами, если мы на основании успехов в Советском Союзе покажем обнищание рабочего класса в германской республике». Он направил партию на целеустремленное использование в идеологической работе демонстрируемых Советским Союзом веских доказательств превосходства социалистической плановой экономики над капиталистической анархией: «Если мы сумеем воодушевить массы примером социалистического строительства в Советском Союзе, грандиозного осуществления пятилетки, то это послужит в руках пролетариата Германии мощным оружием классовой борьбы»¹.

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 2, с. 180.

Эрнст Тельман внимательно следил за публиковавшимися в печати сообщениями о Советском Союзе. Он основательно изучил документы ВКП(б) и Коминтерна о строительстве социализма в СССР. Об успехах советских трудящихся он также узнавал из писем советских рабочих и крестьян, которые с гордостью писали ему о своем труде. Так, например, делегаты партийной конференции района Кизляр в Дагестане в телеграмме Тельману 27 мая 1930 г. заявляли: «Партиконференция торжественно заверяет в Вашем лице пролетариат и бедняцкое крестьянство Германии, что мы выполним пятилетку в четыре года и успешно проведем коллективизацию сельского хозяйства. Тем самым мы ускорим революцию германского пролетариата и его победу над капиталом»¹. Советские трудовые коллективы, в частности лесной техникум в Туле, сообщали Тельману, что они носят его имя. Чтобы внести свой личный вклад в дело социалистического строительства, Тельман принял участие в сборе средств для одного из колхозов Московской области. В письме Тельману от 23 марта 1930 г. колхозники благодарили его за проявленную братскую солидарность. Они писали, что взяли на себя обязательство развернуть социалистическое соревнование и заработать деньги на покупку второго трактора².

Каждый раз, когда Тельман приезжал в Советский Союз, он знакомился с достижениями, которых добились советские трудящиеся в развитии экономики. В дни работы XVI съезда ВКП(б), избравшего Тельмана членом своего почетного президиума, он вновь убедился в том, какие «огромные перспективы», как писал он своей жене, претворялись в жизнь в этой стране³. Это придавало ему силы в тяжелой борьбе у себя на родине, где фашизм — наиболее ярко выраженное проявление упадка капитализма — становился все более ощутимой и серьезной угрозой всему общественному развитию.

На пленуме ЦК КПГ 28 и 29 ноября 1929 г. Эрнст Тельман в связи с подведением итогов выборов в ландтаги и общинные представительства в крупнейших землях страны подробно говорил о деятельности парторганизаций различных округов. Он суммировал важнейшие замечания и соображения, поступившие из округов в ответ на его письма. Чтобы политика партии была «живой и зовущей к борьбе», говорил он, каждый партийный работник должен по примеру Ленина, по собственному опыту знать «настроения, жизнь и дела пролетариата» и хорошо знать, «чего рабочие ожидают от коммунистической партии»⁴. Неизменным правилом руководящей деятельности Эрнста Тельмана было хорошее знание мыслей и чувств рабочего человека.

¹ IML, ZPA, I 6/3/115.

² Vgl. ebenda.

³ Ebenda, NL 3/7.

⁴ Ebenda, I 2/1/75.

В профсоюзной работе в то время складывалось положение, которое вызывало у Тельмана озабоченность. Заметно ухудшались условия ведения революционной работы в профсоюзах, поскольку все больше профсоюзных работников-коммунистов исключалось из профсоюзов и систематически увольнялось с предприятий, а реформистские профсоюзные деятели все чаще срывали забастовки, проводившиеся рабочими в защиту своих интересов. В конце октября под давлением предпринимателей, полиции и профсоюзных лидеров были вынуждены приступить к работе упорно бастовавшие с конца августа трубоукладчики Берлина. Профсоюзное руководство спокойно наблюдало за массовыми увольнениями бастовавших рабочих и за тем, как биржи труда помогали предпринимателям организовать срыв забастовки. Во время пленума Центрального Комитета бастовали рабочие текстильной фабрики «Реценция» в Хартмансдорфе, неподалеку от Хемпица. Это выступление рабочих также вылилось в чрезвычайно ожесточенную схватку. В течение нескольких недель хозяева ничего не могли поделать с забастовщиками. Во время массовой демонстрации в поддержку бастовавших текстильщиков полиция убила пять рабочих. В районе забастовки было объявлено осадное положение. Удар в спину рабочим вновь нанесло реформистское профсоюзное руководство. Продолжавшуюся 11 недель забастовку пришлось прекратить, так как Союз текстильщиков отказал бастовавшим рабочим в материальной поддержке.

Подобные явления, как и действия многих социал-демократических профсоюзных боссов и заводских советов, успевали в рядах партии и среди революционно настроенных профсоюзных работников склонность к отказу от работы внутри реформистских профсоюзов и предпочтению ей внепрофсоюзной работы, поскольку активные выступления в защиту интересов рабочих обычно и без того приводили к исключению из свободных профсоюзов.

Кроме того, многие рассчитывали, что в условиях разразившегося кризиса рабочие массы будут сами вставать на сторону коммунистов. Член Секретариата, заведующий отделом ЦК по профсоюзной работе Пауль Меркер и другие партийные работники считали, что противостоявшее реформистской политике революционное течение уже настолько упрочило свои позиции на предприятиях, в профсоюзах и среди безработных, став подлинно массовым движением, что оно сможет сравнительно быстро преодолеть влияние реформистской профсоюзной бюрократии. Они настаивали на том, чтобы эта революционная профсоюзная оппозиция стала самостоятельной организацией и чтобы наряду с союзами АДГБ были созданы революционные профсоюзы. Это представлялось Меркеру и другим товарищам подходящим путем борьбы с влиянием политики правых социал-демократов, парализовавшим сопротивление рабочих наступлению предпринимателей и атакам со стороны фашистов, и быстрого усиления боеспособности рабочего класса.

Вывод о целесообразности организационного объединения исключенных из свободных профсоюзов, а также еще оставшихся в их рядах революционно настроенных членов профсоюза и противодействию, таким образом, непрерывному ослаблению правыми лидерами социал-демократии организованных в профсоюзы рабочих путем их исключения напрашивался прямо-таки сам собой. Также назрела необходимость создания тем или иным путем организационных предпосылок для подготовки и проведения забастовок, несмотря на антипатию реформистских лидеров к любой забастовочной борьбе. И Эрнст Тельман стремился найти такие возможности. С другой стороны, имелась опасность, что там, где правые профсоюзные лидеры не настолько дискредитировали себя в глазах рядовых членов, как это считали некоторые коммунисты, претворение в жизнь организационных форм и мер, напоминающих какие-то сепаратистские профсоюзы или ведущих к их созданию, могло стать причиной изоляции революционно настроенных членов профсоюзов от основной массы рабочих, организованных в их рядах.

Эрнст Тельман, хорошо зная по собственному опыту, сколь прочна была связь состоявших в профсоюзах рабочих со своими организациями, даже если они нередко были несогласны с действиями реформистских функционеров, опасался, как и другие партийные руководители, что шаги в предлагавшемся Меркером направлении могли легко привести к созданию особой организации, оторванной от состоявших в профсоюзах рабочих. Поэтому на пленуме Центрального Комитета в конце октября Тельман поставил вопрос: действительно, не целесообразно ли провести всегерманский конгресс сил профсоюзной оппозиции? ¹ Несмотря на изложенные выше сомнения, было решено провести такой конгресс в конце ноября. Эрнст Тельман добивался того, чтобы целью конгресса стало оживление массовой работы КПГ среди заводских рабочих и в профсоюзах. Несмотря на расколыническую деятельность реформистских лидеров, указывал он, коммунисты должны всюду зарекомендовать себя как образцовые члены профсоюзов. Они должны повсеместно подхватывать требования рабочих и добиваться их выполнения. В своем письме членам ЦК от 6 ноября он требовал, чтобы в ходе подготовки конгресса в партийной печати еще более конкретно отражались «жизнь на заводах и фабриках, письма рабочих корреспондентов, чудовищные факты капиталистической рационализации, бедственное положение и воля к борьбе рабочего класса» ².

30 ноября 1929 г. в Берлине собрались 1117 делегатов I Всегерманского конгресса революционной профсоюзной оппозиции. Среди его участников находились 825 рабочих с предприятий и 191 безработный. Эрнст Тельман в приветственной речи обратился

¹ Vgl. IML, ZPA, I 2/1/74.

² Ebenda, I 2/5/20.

к делегатам конгресса со страстным призывом помогать выковыривать «великий единый фронт пролетариата» против плана Юнга и программы Имперского союза германских промышленников. Он предостерег от опасности этого нового удара монополистического капитала и призвал членов профсоюзов направить все силы на мобилизацию рабочего класса на защиту его условий труда и жизни. «Мы должны чрезвычайно усилить нашу работу на предприятиях, в профсоюзах, во всех массовых организациях, имея всегда в виду мобилизацию масс на борьбу»¹. Смысл более тесного объединения революционной профсоюзной оппозиции, заявил Тельман, состоит только в укреплении ее позиций на предприятиях и в оживлении политической работы революционных сил в возглавляемых реформистами профсоюзах. Объединение не должно давать повода для недооценки этой работы и пренебрежения ею.

Принятое конгрессом решение об избрании комитетов содействия революционной профсоюзной оппозиции в отдельных отраслях промышленности на местах, на уровне округов и для всей страны не способствовало, однако, решению этих задач. В речи на пленуме Центрального Комитета в мае 1931 г. Эрнст Тельман подчеркнул, что он стремился не допустить этого шага к созданию сепаратистской организации, который тогда был признан целесообразным также и со стороны Красного Интернационала профсоюзов и, «к сожалению, осуществлен большинством членов Профинтерна»².

Еще во время работы конгресса, 1 декабря, на митинге во дворце «Мерседес-паласт» в берлинском районе Нойкёльн 800 членов Антифашистской молодой гвардии поклялись Эрнсту Тельману вести неустанную борьбу против фашистского террора. Это была первая в целом ряду встреч рабочих Берлина, где Тельман выступил с разъяснением задач рабочих в борьбе против плана Юнга, наступления предпринимателей и растущей безработицы. Главная мысль всех этих выступлений состояла в том, что отпор необходимо организовывать на самих предприятиях, подготавливая стачки. Своими выступлениями он помог усилить политическую работу коммунистов на предприятиях. 4 декабря Тельман выступил с докладом в кинотеатре «Элизиум» в берлинском районе Нидершёненайде перед рабочими Всеобщей электрической компании. Зал был переполнен; уже много лет в Берлине-Шёненайде не было столь многочисленного собрания рабочих. После выступления Тельмана один из участников побывавшей в Советском Союзе делегации рабочих рассказал о социалистическом строительстве в первом государстве рабочих и крестьян. В заключение Эрих Вайперт прочел одно из своих зажигательных стихотворений. 11 декабря Тельман выступил с речью на открытом

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 2, с. 190.

² Vgl. IML, ZPA, I 2/1/79.

паходском собрании рабочих турбинной фабрики Всеобщей электрической компании в клубе берлинского района Моабит. Он говорил о том, как следует вести борьбу против грозивших на этом предприятии массовых увольнений. На следующий день он принял участие в собрании рабочих заводов Всеобщей электрической компании на Аккерштрассе и Брунненштрассе, а неделю спустя выступил перед рабочими Имперской типографии, собравшимися в зале ресторана «Александриер» на Александриенштрассе. В тот же день, 17 декабря, Тельман произнес речь на собрании рабочих сигаретных фабрик «Йосетти», «Маполи» и «Массари» в зале Музыкального салона неподалеку от Буловплац (теперь Роза-Люксембург-плац). На следующий день он вновь выступил в клубе района Моабит, на этот раз перед рабочими фабрики «Осрам», чтобы помочь довольно слабой партийной ячейке этой фабрики организовать борьбу против намеченных на январь массовых увольнений.

Кроме этих выступлений на заводских собраниях Эрнст Тельман 15 декабря произнес речь в цирке Бупа у станции городской железной дороги «Биржа» (теперь Маркс-Энгельс-плац), где собрались члены партии, вступившие в КПГ после коммунальных выборов в Берлине 17 ноября. Накануне рождественских праздников он выехал в Дрезден, где находился окружком парторганизации Восточной Саксонии. 22 декабря Тельман выступил на конференции трех партийных округов Саксонии. В длившемся четыре с половиной часа докладе он наряду с прочим выдвинул и обосновал предложение объединить в целях улучшения работы три партийных округа в единую окружную парторганизацию Саксонии. Предложение Тельмана было осуществлено; политическим секретарем окружной организации Саксонии стал Рудольф Реннер, работавший на различных партийных постах в Саксонии и накопивший здесь богатый опыт.

Рождественские праздники 1929 г. Эрнст Тельман провел с семьей, в Гамбурге. Он остался там и на Новый год. В первые дни января Тельман помог окружкому Вассеркапте критически проанализировать свою работу и извлечь из этого должные выводы. Он хотел знать, например, какие связи поддерживались с работавшими в порту товарищами из СДПГ, с кем окружком обсуждал свои проблемы и как могло случиться, «что кое-где коммунисты выдвинули лозунг прекращения уплаты членских взносов» в свободные профсоюзы, что делается в поддержку безработных и т. д. «Вопросы сыпались один за другим», — вспоминает сотрудник газеты «Арбайтер-иллюстриerten-цайтунг» Хайнц Вильман об одной из таких встреч в окружкоме. «Громкие фразы там были неуместны. Вопросы Тельмана... раскрывали в малом большое»¹.

Эрнст Тельман придавал большое значение своему как можно более частому участию в заседаниях окружкома Вассеркапте.

¹ Deutschlands unsterblicher Sohn, S. 166.

И это не только потому, что он был его членом, но прежде всего потому, что на этих заседаниях он мог ознакомиться с тем, как осуществляется линия, определенная руководством партии, потому что он мог лично содействовать ее проведению в жизнь и потому что он всегда старался поддерживать связь с низовыми звеньями партии. Герберт Варике писал, что Эрнст Тельман обладал способностью «внимательно выслушивать мнение рабочих. Он не только старался вести за собой рабочих, но и всегда был готов учиться у них. Он очень хорошо знал их мнения и настроения... Председателю нашей партии были знакомы и близки мысли и чувства рабочего человека»¹. Многие друзья и товарищи из Гамбурга писали ему, заходили к нему, когда он был дома, рассказывали ему о своей партийной работе и обсуждали с ним свои проблемы. Таким образом, Эрнст Тельман был даже в курсе персональных изменений, происходивших в территориальных партийных ячейках.

Вспоминая о совместной работе с Эрнстом Тельманом в гамбургском окружкоме, Альма Зольтау, сестра Артура Эверта, писала: «Многие заседания окружкома длились до утра, и он разъяснял нам стоявшие перед нами задачи до мельчайших подробностей»². В результате бесед с Тельманом расширился политический кругозор товарищей, обострялась их способность улавливать главное, видеть взаимосвязи, которые прежде ускользали от них. В ходе таких бесед Эрнст Тельман воспитал сотни молодых коммунистов, помог им стать толковыми, опытными и стойкими деятелями революционного рабочего движения.

3

**Борьба против угрозы фашизма
должна стать делом
всего рабочего класса**

Эрнст Тельман с растущей озабоченностью следил за последствиями развернувшегося наступления капитала, мирового экономического кризиса и плана Юнга. Массовые увольнения, неполный рабочий день и снижение заработной платы стали повседневными явлениями. В конце зимы 1929—1930 гг., в начале нового сезона, впервые за многие годы не снизилась численность безработных. Сокращались выплаты по безработице; почти 680 тыс. безработных вообще лишили пособий по безработице или в связи с кризисом и они вынуждены были существовать со своими семьями на грошовые пожертвования благотворительных организаций. Заработная плата во многих отраслях промышленности стала значительно ниже официально определенного прожиточного минимума.

¹ Deutschlands unsterblicher Sohn, S. 210—211.

² IML, ZPA, EA 1397.

Председатель КПП получал призывы о помощи от оказавшихся в беде трудящихся из многих частей страны. Будучи не в состоянии лично ответить на все эти письма, Эрнст Тельман всегда беспокоился о том, чтобы отправителям был дан необходимый совет и оказана помощь через сотрудников Центрального Комитета или депутатов парламента и чтобы подобные письма использовались в политической работе. Так, весной 1930 г. коммунистическая фракция в рейхстаге, узнав из адресованного Тельману письма из Аннаберга о том, что пятеро транспортных рабочих (среди них был отец шестерых детей) имели работу лишь в течение трех дней в неделю и не получали пособия в связи с неполной рабочей неделей, пыталась помочь им добиться своего права. В другом случае одно из районных правлений Германского союза пенсионеров обратилось к Эрнсту Тельману «с исполненной доверия настоятельной просьбой заставить правительство незамедлительно разработать законопроект о пенсионном обеспечении». Коммунистическая фракция в рейхстаге ответила, что КПП готовит проект закона о пенсиях и внесет его в рейхстаг.

11 февраля 1930 г. Эрнст Тельман выступил с трибуны рейхстага с речью в дискуссии по вопросу о ратификации законов о плане Юнга.

Председатель КПП не часто брал слово в рейхстаге, выступая там лишь по особенно важным вопросам. Однако он придавал большое значение тому, чтобы фракция КПП использовала в парламенте все возможности для ознакомления широкой общественности со своими взглядами и для защиты требований трудящихся. Депутаты-коммунисты делали это не только в своих выступлениях в рейхстаге, но также путем внесения предложений, запросов правительству и сотрудничества в парламентских комиссиях. По настоянию Тельмана, который возглавлял фракцию КПП в рейхстаге вместе с Вальтером Штёккером, ставшим позднее ее секретарем, ряд работавших во фракции КПП товарищей приобрели специальные знания в определенных областях парламентской деятельности. Среди них были Марта Арендзее, которая особенно хорошо знала вопросы социальной политики, Эдвин Хёрнле, занимавшийся главным образом аграрными проблемами, Антон Ядаш, защищавший интересы безработных. Теодор Нойбауэр был во фракции экспертом по финансам, а также занимался вопросами внешней политики, Эрнст Путц представлял интересы трудового крестьянства, областью Зигфрида Ределя также были вопросы социальной политики. Эрнст Шнеллер уделял главное внимание внешнеполитической и военной тематике, а специальной областью Георга Шумапа были вопросы жилищной политики и защита прав квартиросъемщиков. Эрнст Тельман часто принимал участие в заседаниях фракции; на пленарных заседаниях рейхстага от фракции КПП обычно выступали Вильгельм Кёнен и Вальтер Штёккер. Тельман чаще всего просматривал парламентские отчеты, и прежде всего речи делегатов от КПП. Он следил за тем, чтобы

готовившиеся под руководством редакционного секретаря фракции Эриха Глюкауфа материалы — справочники по вопросам деятельности рейхстага, информационный бюллетень, газета «Дер роте вэлэр» («Красный избиратель») — служили источником ценной информации для всей партии и использовались в политической работе.

В своей речи о плане Юнга Эрнст Тельман обвинил капиталистов Германии в том, что они одобрили грабительский поход международного капитала против трудящихся масс Германии. Он разоблачил изменнический сговор с американскими банкирами представителя германского финансового капитала Яльмара Шахта на переговорах о плане Юнга. На основе неопровержимых цифровых материалов Эрнст Тельман показал, с какой беспощадностью господствующий класс грабил трудовой народ. В своей речи он доказал также, что суть плана Юнга состояла в том, чтобы не только закрепить «право» международного монополистического капитала на эксплуатацию немецких рабочих, но и еще крепче привязать Германию к колеснице готовившейся войны против Советского Союза.

Эрнст Тельман показал, что, кроме КПГ, все партии — от социал-демократов до нацистов — несли ответственность за чудовищные бедствия, которые терпел народ. Лишь одна КПГ, подчеркнул он, защищает жизненные интересы голодающих или находящихся под угрозой голода миллионов людей от «пакта голода и угнетения», от «военного пакта против Советского Союза». Она ведет борьбу против плана Юнга как борьбу «за хлеб и заработок, за работу и возможность существования для всех трудящихся... за последнюю каплю молока, которую собираются отнять у детей трудящихся»¹. Здесь, в рейхстаге, Эрнст Тельман разоблачил также злобную реваншистскую пропаганду и демагогию империалистических кругов, утверждавших, будто причиной бедственного положения масс являются Версальский договор и репарационные обязательства, в то время как в действительности это было следствием безудержного стремления к прибылям германского крупного капитала. Он вскрыл подлинный смысл и цель шовинистической истерии, призванной отвлечь внимание от нового наступления монополий на жизненный уровень трудящихся.

На пленуме Центрального Комитета в октябре 1929 г. Эрнст Тельман указал на то, что коммунистические партии должны дать единую оценку плану Юнга как «мировому вопросу всего капитализма»². Через три дня после заседания рейхстага он выехал в Москву. Прибыв в советскую столицу 16 февраля 1930 г., Тельман с 18 по 28 февраля участвовал в заседаниях расширенного Президиума ИККИ. Он воспользовался предоставившейся ему возможностью и поставил там вопрос о координации действий коммунистических партий в борьбе против плана Юнга.

¹ См.: Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 2, с. 207, 205, 209.

² IML, ZPA, I 2/1/74.

В отчетном докладе Президиуму ИККИ о работе КПГ и в речи на заседании германской комиссии Эрнст Тельман вновь затронул вопрос о завоевании большинства рабочего класса в Германии и обеспечении «гегемонии пролетариата среди всех трудящихся и средних слоев»¹. Перед этими международными органами он также изложил свое мнение по спорным вопросам профсоюзной политики. Он считал, что центр тяжести в работе сил революционной оппозиции должен находиться внутри действующих профсоюзов, чтобы направлять деятельность организованных в их рядах миллионов рабочих. Опыт свидетельствовал, что уже прием неорганизованных рабочих в ряды революционной профсоюзной оппозиции затруднял работу сил оппозиции среди членов профсоюзов. Эрнст Тельман с особой силой подчеркнул, что отдать на самотек организованных в свободных профсоюзах рабочих было бы «предательством дела революции»².

Анализируя 20 и 21 марта 1930 г. итоги заседания расширенного Президиума ИККИ, Центральный Комитет КПГ решительно осудил тех, кто склонялся к тому, чтобы сосредоточить усилия партии на работе среди неорганизованных и безработных и ослабить внимание к свободным профсоюзам. ЦК вскрыл корни такого подхода: причина его состояла в стремлении избежать конфронтации с реформистскими профсоюзными функционерами. Он подчеркнул, что именно среди рабочих, которые все еще следовали за правыми лидерами СДПГ и профсоюзов, следовало настойчиво вести идейно-воспитательную работу, добиваясь, чтобы они стали настоящими классовыми борцами. Укрепление рядов революционной оппозиции является предпосылкой для усиления профсоюзной работы КПГ, отметил Эрнст Тельман, подчеркнув при этом, что «если революционная профсоюзная оппозиция не будет продолжать своей работы в профсоюзах и не усилит ее в сотни раз, то мы не добьемся решающего успеха»³. Принятое Центральным Комитетом решение было выдержано в этом духе.

Однако заведующий отделом профсоюзов в ЦК Пауль Меркер по-прежнему отстаивал взгляды, которые Тельман на пленуме Центрального Комитета отверг как ошибочные и наносящие вред профсоюзному движению. Меркер обратился с протестом в ИККИ, обвинив КПГ в том, что она не понимает подлинной роли СДПГ и свободных профсоюзов.

На своем заседании 4 и 5 апреля 1930 г. Политбюро ЦК КПГ приняло решение «О борьбе за выполнение партийных решений», в котором осудило действия Пауля Меркера. Оно решило отозвать его из Секретариата ЦК, поручить руководство отделом профсоюзов другому товарищу и реорганизовать отдел. 2 мая заведующим

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 526, ед. хр. 22.

² Die Kommunistische Internationale, 1930, H. 9/10, S. 553.

³ Thälmann Ernst. Die Eroberung der Mehrheit der Arbeiterklasse. Bericht über die Tagung des Erweiterten Präsidiums des EKKI. Gehalten im ZK der KPD am 20. März 1930. Berlin, 1930, S. 37.

отделом профсоюзов был назначен Фриц Эмрих. Ознакомившись с этими решениями, Эрнст Тельман, который не участвовал в заседании Политбюро, поддержал их, и еще в апреле они были одобрены Политическим секретариатом ИККИ.

За несколько дней до этого на политической сцене Германии произошли важные изменения. 27 марта Германская народная партия в сговоре с партией Центра развалила большую коалицию. Правительству Германа Мюллера пришлось уйти в отставку. Как неоднократно после 1928 г. подчеркивал Эрнст Тельман, участие социал-демократов в правительстве лишь содействовало усилению антидемократических сил. Преемником рейхсканцлера социал-демократа Германа Мюллера стал ведущий политический деятель партии Центра Генрих Brüning, включивший в состав своего правительства всех министров из правительства своего предшественника, не являвшихся членами СДПГ. В состав образованного 30 марта 1930 г. нового правительства вошли представители партии Центра, Баварской народной партии, Германской народной партии и других буржуазных партий.

Однако эта смена правительства не была простой заменой лиц. И суть ее состояла не в выводе из состава правительства социал-демократов, он лишь свидетельствовал о том, что крупная буржуазия не была больше намерена считаться с интересами трудящихся масс — избирателей. Решающим являлось нечто другое: новый кабинет не был коалиционным правительством, подотчетным парламенту, и, более того, президент наделил его особыми полномочиями. Это было начало выхода из конституционного парламентского строя Веймарской республики и перехода к президентской власти. И это был первый шаг на пути к прямой фашизации. Политбюро ЦК КПГ на своем заседании в начале апреля расценило преобразование правительства как признак обострения классовой борьбы и того, что финансовый капитал взял курс на «всемерное ускорение установления открытой диктатуры... и широкую фашизацию Германии»¹.

Назначение Генриха Брюнинга на пост канцлера первого президентского правительства свидетельствовало о том, что располагавшая устойчивой массовой базой партия Центра являлась тогда ведущей партией монополистического капитала. Главные силы империалистической буржуазии видели в этой партии политического клерикализма наиболее подходящую силу, способную постепенно, используя президентскую диктатуру, превратить буржуазно-парламентский режим в господство фашизма. Партия Центра особенно подходила для этого также и потому, что она была традиционным партнером социал-демократов в коалиционных правительствах. И прежде всего в Пруссии, где, как и в других землях, продолжила сотрудничество с СДПГ после падения правительства Мюллера, вынудив тем самым социал-демократических лидеров

¹ IML, ZPA, 3/1/735.

проявить терпимость к курсу президентского правительства рейха и оправдывать его перед голосовавшими за СДПГ избирателями.

Эрнст Тельман считал сложившуюся обстановку крайне опасной. Он хорошо понимал, что рабочий класс может выдержать натиск реакции лишь при условии, если удастся усилить фронт борьбы с ней миллионами активных, классово сознательных борцов, и всеми силами стремился содействовать решению этой важнейшей задачи. 20 апреля 1930 г., в первый день пасхи, Тельман ранним утром выехал в Лейпциг, где уже собралось более 30 тыс. молодых рабочих — участников V Всегерманского съезда Коммунистического союза молодежи Германии. Когда он вскоре после 10 часов утра прибыл на главный вокзал Лейпцига, огромный крытый перрон был уже до отказа заполнен молодежью. Эрнст Тельман знал: они завоевали право приехать сюда тяжелым трудом, неделями откладывали пфенниги и гроши на билет, выкраивая их из мизерного заработка или из пособия по безработице. Не успел он опомниться, как криксившие рабочие парни подняли его себе на плечи и понесли вдоль выстроившихся цепью ликующих и поющих комсомольцев. На вокзальной площади Тельмана ждали тысячи молодых рабочих. Он приветствовал их краткой зажигательной речью. Затем он встал во главе длинной колонны, которая направилась к Дому им. Франца Меринга, где работало руководство парторганизации КПГ Лейпцигского округа.

Во второй половине дня звуки фанфар возвестили об открытии митинга революционной молодежи на Аугустусплац. В этом Всегерманском съезде Коммунистического союза молодежи Германии впервые участвовали делегации молодежной организации СДПГ Социалистическая рабочая молодежь из Берлина, Хемница, Касселя и из Баварии, а также делегация молодых горняков-христиан. К тысячам участников митинга Тельман обратился со «страстной, проникновенной, сильной и доходчивой» речью¹. «Коммунистическая партия, — заявил он, — знает нужды пролетарской молодежи, нашей смены в революционном движении. Это единственная партия, которая действительно ведет повседневную активную борьбу за насущные интересы пролетарской молодежи, более всего страдающей от ударов дубины капиталистической рационализации и эксплуатации»². Он призвал рабочую молодежь создавать в борьбе за свои насущные интересы единый фронт, ибо, как отметил он в речи по поводу 10-й годовщины Коммунистического интернационала молодежи, «миллионы попраных и угнетенных капитализмом молодых рабочих и работниц все еще стоят в стороне» от борьбы³.

Эрнст Тельман нацелил молодежь на три главные задачи совместной борьбы: не допустить новой империалистической войны и защитить социалистический Советский Союз; оградить рабочую

¹ Deutschlands unsterblicher Sohn, S. 180.

² Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 2, с. 275.

³ IML, ZPA, 1 2/707/57.

молодежь от усиливавшейся эксплуатации и добиться осуществления ее политических прав и ее равноправия с взрослыми рабочими; дать отпор фашизму и разгромить его террористические организации. В заключение своей речи Тельман обратился к комсомольцам с призывом: «Будьте помощниками и руководителями всей пролетарской молодежи в ее борьбе. Невзирая на террор и запреты, вперед, к победе!»¹

Дальнейший ход молодежной встречи в Лейпциге показал, насколько справедливы были его напоминания о полицейском терроре. Полиция применила оружие против участников молодежной демонстрации, двое молодых рабочих были убиты. Лейпциг объявили на осадном положении. В Биттерфельде, Мерзебурге и Виттенберге полицейские пытались задержать грузовики с возвращавшимися из Лейпцига участниками встречи. Вернувшись, представители берлинской делегации молодежи с гордостью рассказывали Тельману, что они не поддались на полицейские провокации.

Следовало ожидать, что новое правительство еще более ужесточит борьбу против рабочего движения. На съездах трех важнейших окружных парторганизаций КПГ Эрнст Тельман изложил следовавшие из этого выводы для партийной работы. 10 мая 1930 г. он выступил в прениях на съезде в Эссене, 18 мая сделал доклад на окружном съезде КПГ в Гамбурге и 26 мая взял слово в прениях на окружном партийном съезде в Берлине. Он подчеркивал, что теперь более чем когда-либо необходимо «дифференцированно подходить к буржуазии, тщательно изучать развитие мелкобуржуазных слоев»². В повом правительстве, которое он охарактеризовал на Всегерманском съезде молодежи в Лейпциге как правительство буржуазного блока, проводящее фашистский курс, «финансовый капитал... сам занимает командные позиции»³. На съезде партийной организации КПГ округа Вассерканте в Гамбурге он заявил, что пока еще нельзя ясно представить себе, в какой форме и в каких деталях изменит буржуазия свои методы, «но мы можем сказать, что в ближайшие недели и месяцы наступление предпринимателей еще усилится и коммунистическая партия должна сосредоточить свое внимание на этом»⁴.

Готовясь к выступлениям на этих партийных съездах, Эрнст Тельман подробно ознакомился с обстановкой в каждом из округов. Так, накануне съезда парторганизации КПГ Рурской области он встретился с представителями окружного комитета, среди которых были политический секретарь Вильгельм Флорин и секретарь по вопросам профсоюзной работы Антон Зефков. По его просьбе товарищи рассказали о состоянии партийной работы и о том, как они представляют ее себе в дальнейшем. Тельман расспрашивал о том, как

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 2, с. 277.

² Там же, с. 283.

³ Там же, с. 296.

⁴ Там же, с. 285.

участвовали члены партии в подготовке съезда, как районные, местные организации и заводские ячейки отстаивали интересы рабочих, удалось ли добиться принятия для профсоюзных масс решений в духе революционной профсоюзной оппозиции, почему не организовав массовая кампания против исключения из профсоюзов. Он требовал конкретного ответа на вопросы: «Какую стратегию осуществляют предприниматели и реформистская профсоюзная бюрократия?», «Сколько абонентов выписывает газету СДПГ?», «Какие организации выдвигают требование о вступлении оппозиционно настроенных рабочих в профсоюзы, в какой из резолюций пропагандируется этот лозунг?»¹. Аналогичные вопросы задавал Эрнст Тельман и представителям окружка Вассерканте в ходе совещания с ними 15 мая.

Таким путем председатель партии получил реалистическое представление о работе окружных парторганизаций. И благодаря этому он в своих речах опирался на глубокое знание условий, в которых вела борьбу данная партийная организация.

В те дни партийное руководство почти ежедневно получало новые сообщения о снижении заработной платы. На заводах акционерного общества «Мансфельд», на металлургических предприятиях Рейнланд-Вестфалии, на многих текстильных и других фабриках производилось сокращение зарплаты или делались соответствующие уведомления. 2 мая 1930 г. Вильгельм Флорин докладывал в Политбюро о развернувшейся борьбе за сохранение заработной платы на металлургических заводах Рейнланд-Вестфалии, а Эрнст Тельман сделал сообщение о работе в профсоюзах. 23 мая Тельман принял участие в заседании Всегерманского комитета содействия революционной профсоюзной оппозиции, где он выступил с разъяснением задач оппозиции в подготовке к V конгрессу Красного Профинтерна.

Эрнст Тельман исходил из того, что конгресс должен обсудить пути и средства, при помощи которых можно будет противопоставить международному наступлению эксплуататоров международное наступление рабочих. На это, заявил он, следует нацелить революционную профсоюзную оппозицию. «Пять миллионов рабочих объединены в свободных профсоюзах и не менее 1,5 миллиона в других профсоюзах. Миллионы организованных рабочих могут и должны встать под знамена революционной классовой борьбы. Они должны объединиться со своими неорганизованными братьями по классу для совместной борьбы. Каждый активный член революционной профсоюзной оппозиции должен проверить, все ли он сделал в своем профсоюзе, в своей отрасли, чтобы убедить организованных товарищей в правильности нашей линии, в справедливости наших требований»². Оппозиция должна прежде всего выступить в защиту тарифных договоров и дать отпор массовым

¹ IML, ZPA, I 2/5/6.

² Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 2, с. 290—291.

увольнениям. В ходе подготовительной работы к съездам отраслевых профсоюзов она должна настойчиво требовать, чтобы профсоюзы развернули, наконец, решительную борьбу за интересы рабочих, то есть взялись за выполнение своей основной задачи.

Таким образом, Эрнст Тельман по-прежнему был против создания в Германии самостоятельных революционных профсоюзов. Он очень трезво оценивал как действительное влияние революционной профсоюзной оппозиции, так и прочность связей профсоюзных масс с находившимися под влиянием реформистского руководства профсоюзами. «Имеет ли смысл в настоящий момент создавать профсоюзы лишь из руководителей с незначительным числом рядовых членов?» Опыт классовой борьбы вновь и вновь подтверждал, что важнейшей задачей является усиление работы на предприятиях, чтобы «повести сомкнутыми рядами в бой» миллионы организованных и неорганизованных рабочих. «Тогда предприниматели будут вынуждены проводить такую тарифную политику, которая бы учитывала требования рабочих»¹.

В начале лета 1930 г. реакция усилила наступление. Нависла угроза ухудшения налогового законодательства и дальнейшего свертывания страхования по безработице. Монополисты и находившиеся под их контролем союзы предпринимателей требовали резкого сокращения заработной платы. 1 июня на предприятиях акционерного общества «Мансфельд» в ответ на это наступление хозяев началась крупная стачка, которая продолжалась несколько недель, но в результате уступок правых профсоюзных лидеров окончилась поражением. Участились нападения на рабочих отрядов фашистских террористов. Демагогия нацистов оказывала все более осязаемое влияние на массы мелкобуржуазных избирателей. НСДАП превратилась уже в крупное фашистское движение. Шовинистическая шумиха, поднятая в связи с выводом иностранных оккупационных войск из Рейнской области 30 июня 1930 г., свидетельствовала о том, сколь важное значение придавала реакция, и прежде всего нацисты, национализму как демагогическому заслопу против перехода масс в революционный лагерь, как главному орудию идеологической подготовки к войне.

4 июня 1930 г. Политбюро ЦК КПП приняло резолюцию «О борьбе против фашизма». В ней подробно излагались причины быстрого роста сил фашизма, разъяснялась таящаяся в этом угроза, делались должные выводы для партии. Борьба против фашистской опасности характеризовалась в резолюции как «органическая составная часть широкого контрнаступления пролетариата против наступления предпринимателей». В резолюции ясно и четко говорилось: «Борьбу против фашизма необходимо вести на самой широкой основе как массовую политическую борьбу». Политбюро подвергло критике пропагандировавшийся Хайнцем Нойманом сектантский лозунг «Бейте фашистов, где бы вы их ни встретили!».

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 2, с. 299.

призывавший к борьбе с отдельными представителями фашистских организаций с применением насилия, вместо того чтобы развешивать борьбу за отрыв от фашистов их сторонников из числа трудящихся. Политбюро подчеркнуло, что борьба против угрозы фашизма должна стать делом всего рабочего класса, и заявило, что «основой своей борьбы против фашизма КПГ считает создание пролетарского единого фронта снизу, сплочение всего рабочего класса в борьбе против буржуазии и ее агентов»¹.

Создание такого единого фронта было возможно лишь путем укрепления и сплочения различных пролетарских массовых организаций в борьбе против фашизма. Однако этому серьезно угрожало то, что повсюду, где во главе этих организаций находились реформисты, они вели дело к их расколу. Такой была, например, обстановка в Рабочем спортивно-гимнастическом союзе, реформистское руководство которого стремилось удерживать рабочих-спортсменов от участия в борьбе против империализма и настроить их на антикоммунистический лад. Они исключили из союза многих спортсменов и даже целые спортивные организации, выражавшие несогласие с их курсом. Ввиду этого революционные рабочие-спортсмены были вынуждены принять меры к сплочению своих рядов. Весной 1930 г. они подготовили свой первый всегерманский слет, проведение которого было намечено в Эрфурте на троицу. Эрнст Тельман написал для газеты «Ди роте фане» статью, опубликованную 29 мая под заголовком «Готовьтесь к Эрфурту», и выехал в Эрфурт, чтобы принять участие в слете. Бывший транспортный рабочий хорошо знал, что классовым борцам пролетариата необходима физическая тренировка и спортивная закалка, чтобы укрепить физическую силу своего сопротивления и боеспособность. Тельман считал свое участие в слете тем более необходимым, поскольку он проходил в непосредственной близости от Тюрингии (Эрфурт входил тогда в состав Пруссии), где пост министра впервые в Германии занял нацист. Слет спортсменов должен был стать сознательным боевым выступлением против фашизма.

В воскресный день троицы на соборной площади Эрфурта выстроились рабочие-спортсмены, большинство из них — в красочной спортивной форме. Ораторская трибуна была установлена перед собором, на высоких парадных лестницах которого разместились многочисленные зрители. Обратившись с приветственной речью к участникам слета, Эрнст Тельман настоятельно предостерег от грозившей рабочему классу опасности фашизма. «По соседству, в Тюрингии, — напомнил он, — фашистское правительство нагло и жестоко расправляется с трудящимися. Ссылаясь на веймарскую конституцию и закон о защите республики, фашистское правительство запрещает коммунистические и социал-демократические газеты... открытые митинги и спортивные демонстрации...»².

¹ Die Rote Fahne, 15. VI 1930.

² Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 2, с. 309.

Он призвал перед лицом этой угрозы к еще более активной и целеустремленной борьбе против раскола правыми лидерами рабочего спортивного движения и против использования реакцией спорта в своих целях.

После напряженных дней труда Эрнст Тельман любил провести вместе с товарищами несколько часов на природе, чтобы отдохнуть и поразмыслить. Так, после окружного партийного съезда в Рурской области он отправился вместе с Вильгельмом Флорином, Антоном Зефковым и главным редактором газеты «Рур-эх» Александром Абушем в Кобленц. Оттуда они совершили прогулку на пароходе вверх по Рейну до города Бингер Лох, где вчетвером зашли в небольшой ресторан на берегу реки и посидели за стаканом вина. В такие часы Тельман бывал веселым, любил посмеяться и подшутить над своими товарищами. При этом он быстро переходил на свой гамбургский диалект. «В этом личном общении в узком кругу, — вспоминал Макс Рейман об одной из таких встреч два года спустя в небольшом сельском ресторане неподалеку от Дуисбурга, в которой участвовали Эрнст Тельман, Макс Опиц, Фриц Зельбман и Ян Бройер, — так ярко проявлялись чудесные черты характера нашего Эрнста. Он весь искрился неудержимым весельем и юмором»¹.

Летом 1930 г. свободного времени для такого отдыха уже почти не оставалось. Рабочие акционерного общества «Мансфельд» до конца июля продолжали под руководством революционных профсоюзных руководителей свою массовую забастовку. Окружком КПГ Галле — Мерзебург и его политические руководители, прежде всего политический секретарь Вильгельм Кёнец, депутат ландтага Отто Шлаг и отвечавший за профсоюзную работу Вилли Долгнер, при поддержке со стороны Центрального Комитета оказали забастовщикам «Мансфельда» непосредственную помощь. Реформистские и христианские профсоюзные лидеры договорились с руководством концерна о несколько меньшем снижении заработной платы, чем этого хотели предприниматели. Тогда часть рабочих концерна приступила к работе, и забастовку пришлось прекратить. И все же рабочие добились в этой борьбе морального и политического успеха. Они доказали, что забастовочную борьбу можно вести и во время кризиса и что безработные не становятся штрейкбрехерами. В некоторых городах и в помещичьих имениях округа даже были организованы забастовки солидарности. В крупной акции солидарности в поддержку семей забастовщиков, организованной Международной рабочей помощью, приняли участие также трудящиеся крестьяне и мелкие ремесленники. Многие рабочие убедились в том, что коммунисты энергично отстаивают их интересы. Влияние КПГ возрастало; в Эйслебене, например, число ее членов удвоилось. В первой половине июля в районе деятельности северо-западной группы (Рейпланд-Вестфалия) Союза предприни-

¹ Deutschlands unsterblicher Sohn, S. 308.

мателей металлообрабатывающей промышленности также была проведена забастовка, длившаяся две недели. В ней приняло участие около 50 тыс. рабочих-металлистов.

16 и 17 июля состоялся пленум ЦК КПГ. Эрпст Тельман выступил на нем с докладом «Кризис капитализма в Германии, опыт и новые методы нашей революционной массовой работы». Доклад наряду с прочим основывался на опыте только что закончившейся забастовки в Рейпладт-Вестфалии и все еще продолжавшихся стачек в районе Мансфельда. Используя доклады И. В. Сталина и В. М. Молотова на XVI съезде ВКП(б), он дал анализ мирового экономического кризиса и процесса фашизации. Тельман сделал вывод, что буржуазия «переходит к новым, реакционным методам борьбы, к методам фашизации государственного аппарата». Суть процесса фашизации он охарактеризовал следующим образом: «Эта фашизация проявляется во всем: не только в кровавом терроре гитлеровских банд, но и в программе промышленников, в политических методах наступления на заработную плату, в переговорах о деловом сотрудничестве в духе «классового примирения», в увольнении с оборонных предприятий революционных рабочих, в вопросе восточной программы, в отмене иммунитета депутатов парламента, не говоря уже о запрещении Союза красных фронтовиков и Антифашистской молодой гвардии, в принятии закона о защите республики и т. д.»¹.

Это было важной констатацией того, что фашизм опирался не только на массовое фашистское движение. Тем самым Эрпст Тельман выступил против данной правыми социал-демократами и представителями буржуазной демократии оценки фашизма как движения радикализованного, сбесившегося мещанства — против взглядов, отрицавших классовую сущность фашизма, не желавших признать, что корни фашизма кроются в господстве и в политике монополистического капитала.

Шумная пропаганда и террор нацистов, которых Эрпст Тельман охарактеризовал как самую зверскую разновидность германского фашизма, как «самое опасное и самое грязное орудие германского финансового капитала»², являются, как подчеркнул он, лишь одной стороной этой опасности. И это не должно заслонять постепенной фашизации, которая осуществляется при помощи государственного аппарата.

В докладе на пленуме ЦК Эрпст Тельман дал глубокий анализ массовой работы партии. Он отметил, что между обусловленным наступлением монополистического капитала и его фашистских ударных отрядов требованиями и все еще недостаточной боеспособностью партии существует явный разрыв. Особое внимание Тельман обратил на тот факт, что партия все еще слишком слабо ведет идеологическую борьбу против фашизма. А без идеологиче-

¹ Тельман Эрпст. Избранные статьи и речи, т. 2, с. 318—319, 319.

² Там же, с. 360.

ской борьбы, подчеркнул он, нельзя преградить путь фашизму и обезвредить влияние его демагогии на массы. Специфическая роль фашистских движений, подобных нацистскому, и состояла именно в том, чтобы при помощи своей демагогии подчинить монополистическому капиталу прежде всего мелкобуржуазные слои и — по возможности — также часть рабочего класса, сделав их массовой базой террора против демократических сил, своей опорой в подготовке к войне. Необходимо было наносить удары фашизму там, где можно было поставить под вопрос его главное назначение, где он был наиболее уязвим.

Эрнст Тельман настоятельно предостерегал от недооценки чрезвычайно искушенного в вопросах классовой борьбы и крайне реакционного германского империализма. Он видел, что фашизм быстро развивает свое наступление. На выборах в ландтаг Саксонии 22 июня 1930 г. нацисты по сравнению с предыдущим годом получили почти на 240 тыс. голосов больше, а КПП приобрела лишь 11 тыс., причем социал-демократы потеряли около 54 тыс. голосов. Тельман хорошо понимал, что ответ на вопрос, кто одержит победу — революционные силы или силы фашизма, — «в решающей мере зависит от... силы партии в революционной борьбе». Поэтому он выдвинул требование: «Мы должны подвергнуть основательному самокритическому анализу всю работу партии»¹.

Справедливость и актуальность требования Тельмана повысить действенность борьбы против политики фашизации вскоре полностью подтвердились. 16 июля, в тот самый день, когда Тельман выступал с докладом на пленуме Центрального Комитета, правительство Брюнинга на основе чрезвычайных декретов президента в соответствии со статьей 48 конституции повысило подоходный налог, ввело подушный налог и налог с холостяков и дополнительные сборы с доходов чиновников и государственных служащих. А когда два дня спустя рейхстаг, воспользовавшись своим конституционным правом, отменил чрезвычайные декреты, он был распущен президентом.

26 июля со ссылкой на статью 48 были восстановлены предусмотренные чрезвычайными декретами (отмененными рейхстагом) налоги и, кроме того, был введен пивной налог, увеличены размеры взносов страхования по безработице, а выплаты существенно снижены. Кроме того, в соответствии с новым чрезвычайным декретом 150 млн. марок из налоговых поступлений от трудящихся выделялись на оказание так называемой восточной помощи, т. е. передавались в качестве подарка владельцам расположенных восточнее Эльбы помещичьих имений, задолжавшим в результате бесхозяйственности, расточительства и спекуляции землей. Эти факты красноречиво свидетельствовали о том, что власть в Германии уже не осуществлялась как в «нормальном» буржуазно-парламентском государстве.

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 2, с. 322.

КПГ охарактеризовала роспуск рейхстага как явное нарушение конституции с целью проведения чрезвычайных декретов, как шаг на пути к фашистской диктатуре. Она призвала к отпору наступлению правительства Брюнинга на права рабочего класса, крестьянства и среднего сословия и к решительной борьбе против нацистов на предстоящих выборах¹.

4

За национальное и социальное освобождение немецкого народа

Эрнст Тельман неустанно подчеркивал, что мало выработать правильную политику против наступления капитала и против фашизма и проводить ее в жизнь, надо еще и доходчиво разъяснять ее массам. На состоявшемся в середине июля 1930 г. пленуме ЦК КПГ он развивал именно эту мысль: «Мы должны расширять и укреплять в массах понимание той роли, которую играет наша партия — единственная сила, способная указать выход из массовой нищеты и рабства Германии плана Юнга, ибо она представляет собой единственную антифашистскую партию, единственную антикапиталистическую партию, единственную партию, которая может сплотить ряды великого единого фронта трудящихся против наступления капитала и его лакеев»².

КПГ получала большую помощь со стороны опытных функционеров братских партий и Коминтерна, советуясь с ними, как лучше и убедительнее разъяснять революционную альтернативу трудящимся, бороться против обмана нацистами широких масс, какие аргументы могут быть наиболее убедительными для разоблачения фашистской демагогии. В конце января 1930 г. Фриц Геккерт, который тогда являлся постоянным представителем КПГ в ИККИ, и Пауль Меркер обсуждали эти вопросы в Среднеевропейском лендсекретариате Коминтерна. Судя по зафиксированным в протокольной записи результатам этого совещания, на нем было высказано соображение относительно обращения ЦК КПГ к рабочим и всем трудящимся Германии, чтобы начать «широкомасштабную агитацию» и «обстоятельным образом» разъяснить «миллионным массам» основные цели и требования партии³.

Важнейшие социальные требования, с которыми выступала партия и которые надлежало популяризировать в качестве программы рабочей власти, были доходчиво изложены в десяти пунктах. Летом того же года Политический секретариат ИККИ направил ЦК КПГ письмо «К вопросу о борьбе против национал-фашизма в Германии»⁴.

¹ Die Rote Fahne, 19. VII 1930.

² Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 2, с. 327—328.

³ IML, ZPA, I 6/3/203.

⁴ Vgl. ebenda, I 6/3/216.

Опыт борьбы в последние месяцы подтвердил необходимость популярного изложения взглядов и целей коммунистической партии, чтобы «сорвать с лица национал-фашистов маску борцов за национальную независимость и социальное освобождение немецкого народа»¹.

Гитлеровские фашисты использовали националистическую пропаганду и свою антикапиталистическую демагогию как очень опасное и весьма действенное идеологическое оружие. В заключительном слове на июльском (1930 г.) пленуме ЦК КПП Эрнст Тельман говорил о том, что борьба против плана Юнга и националистической демагогии нацистов велась еще далеко не так наступательно, как того требовала обстановка. КПП еще слишком слабо акцентировала внимание на том, «что немецкие трудящиеся массы являются рабами не только германского капитализма, но и международного капитализма». В то же время любое замалчивание этого облегчало нацистам распространение своей лжи. Поэтому, подчеркнул Тельман, руководство КПП приняло соответствующие меры. Первое его предложение в этой связи было сформулировано так: «Мы считаем необходимым выпустить специальную листовку в форме манифеста»².

Предстояла избирательная кампания по выборам в рейхстаг, и программное заявление КПП с доходчивым изложением принципиальной позиции партии по основным социальным и национальным вопросам и с убедительным разоблачением нацистского обмана, социальной и националистической демагогии нацистов приобретало в этой связи особо важное значение.

Все мероприятия по случаю Международного антивоенного дня в первых числах августа проводились под знаком борьбы против лживой националистической пропаганды фашистов. В Эмдене, Шнайдемюле, Зебнице, Зондербурге, Штольберге под Аахеном и в других местах состоялись пограничные встречи трудящихся из десяти стран, на которых был дан отпор шовинизму и военной истерии. По всей Германии прошли митинги против подготовки новой войны. По призыву КПП в них приняли участие сотни тысяч граждан. Новой формой мобилизации трудящихся на борьбу против военной опасности стали конференции делегатов с предприятий военной промышленности. Они состоялись, в частности, в Берлине и Зингене.

8 августа выступлением в ресторане «Загебиль» Эрнст Тельман открыл избирательную кампанию КПП. «Задолго до начала огромный зал был переполнен, — писала «Ди роте фане». — Несмотря на то что дополнительно был открыт большой соседний зал, поток желающих попасть на митинг уменьшился незначительно, и многим тысячам людей пришлось повернуть обратно. Такого предвы-

¹ IML, ZPA, I 6/3/216. В этом Политсекретариат ИККИ видел главную задачу в борьбе против нацистов.

² Ebenda, I 2/1/77.

борного собрания рабочие Гамбурга еще не видели»¹. Воодушевление, с которым собравшиеся восприняли необычно большую для массового митинга речь Эрнста Тельмана, свидетельствовало о боевом настроении рабочих и желании широких слоев населения послушать, что скажет КПГ.

В своем выступлении Эрнст Тельман коснулся великих традиций революционных рабочих родного города. Он напомнил о забастовке портовых рабочих 1896 г., о длившейся 13 недель забастовке рабочих судоверфи в 1911 г., о демонстрациях, проходивших в те годы перед ратушей с требованием улучшения избирательного закона, о революционных боях 1918 г. Он напомнил о том, что в свое время Август Бебель был избран гамбургскими рабочими в рейхстаг, о «старом мужественном борце» Вильгельме Либкнехте².

Тельман проанализировал опыт двенадцати послевоенных лет, в течение которых буржуазия доказала свою неспособность решить хотя бы один из жизненно важных вопросов немецкого народа. Он обвинил правых лидеров социал-демократии в нежелании считаться с интересами трудящихся. После вывода социал-демократических министров из состава имперского правительства социал-демократы все еще сохраняли министерские посты в земельных правительствах Пруссии, Бадена, Гамбурга и других земель, неся ответственность за осуществление чрезвычайных декретов Гинденбурга — Брюнинга. Не эти правые социал-демократические лидеры, подчеркнул Эрнст Тельман, являются наследниками старой революционной социал-демократии, а коммунисты, которые ведут борьбу против эксплуатации и угнетения, против обнищания масс и фашизма.

Эрнст Тельман беспощадно разоблачил нацистскую партию как жестокого и грязного пособника монополистического капитала. Он показал, как обманывали трудящихся нацистские главари, суля им всяческие блага. Ведь в то же самое время они демонстрировали свою верность монополистам, натравливая на рабочих свои бандитские формирования в целях защиты капитала и распространяя лживый лозунг о «народном сообществе» рабочих и предпринимателей.

«Богатые должны платить»³ — в этом лозунге Эрнст Тельман выразил коммунистическую альтернативу экономической политике буржуазии, которая перекладывала на плечи трудящихся все тяготы погони за прибылями и капиталистических кризисов. Порождаемым капитализмом экономическому упадку и нищете, мрачной перспективе, открыто излагавшейся в программе чрезвычайных декретов и исподволь протаскивавшейся в предлагаемой народу программе нацистских обманщиков, он противопоставлял социалистическую перспективу коммунистов.

¹ Die Rote Fahne, 9. VIII 1930.

² Vgl. Thälmann Ernst. Geschichte und Politik, S. 138.

³ HVZ, 14. VIII 1930.

Эта перспектива стала реальностью на шестой части планеты. Полный свежих впечатлений от своей последней поездки в Советский Союз, Эрнст Тельман живо рассказал участникам митинга о практике социалистического строительства, о трудовом подъеме, с которым советский народ выполнял пятилетний план, о постепенном улучшении жизни широких масс и прежде всего о социальной справедливости в Советской стране. Это, говорил он, возможно и в Германии, если только власть возьмут в свои руки рабочие и другие трудящиеся.

Через две недели руководство КПП обнародовало программное заявление, чтобы использовать его с максимальной эффективностью в оставшееся до выборов время. 24 августа 1930 г. «Ди роте фане» сообщила: «Центральный Комитет Коммунистической партии Германии принял по предложению товарища Эрнста Тельмана нижеследующее заявление о национальном и социальном освобождении германского народа». Во вступлении от редакции говорилось: «Мы ничего не обещаем, чего мы не смогли бы безусловно выполнить. Пусть каждый рабочий, каждая работница, каждый молодой пролетарий, каждый служащий, каждый нуждающийся представитель средних слоев в городах, каждый трудящийся крестьянин в деревне, каждый честный труженик в Германии с совершенной ясностью убедится в правоте наших целей!»¹

Опубликованием программного заявления было на деле осуществлено то, чего всегда добивался Тельман. Четко и ясно для каждого трудящегося партия говорила, что она хочет изменить в Германии: осуществить безвозмездную конфискацию капиталистических предприятий и крупных земельных владений, национализировать банки и оптовую торговлю, передать землю трудящимся крестьянам, заключить экономический союз с Советским Союзом. КПП собиралась положить конец бедственному положению с жильем, добиться социальной обеспеченности для всех трудящихся, равноправия женщин и молодежи и прежде всего равной оплаты за равный труд. Эти и другие мероприятия были нацелены на ликвидацию порождаемых капитализмом нищеты и несправедливости.

В своем заявлении КПП разоблачала реакционную программу финансового капитала, и прежде всего, предательскую антинациональную и антипародную политику нацистов. Было показано, что политика НСДАП представляла собой разительный контраст ее пропагандистскому названию: эта партия служила не национальным интересам немецкого народа, а разбойничьим националистическим целям германского империализма; она отнюдь не стремилась к социализму, а, напротив, была призвана преградить ему путь и подготовить войну против первого социалистического государства; это была не партия рабочих, а самая крайняя политическая агента монополистического капитала. В программном заяв-

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 2, с. 368.

лении КПГ было показано, что фашистское движение воплощало собой алчность и агрессивность крайне реакционных сил финансового капитала. Поэтому бороться против фашизма, и прежде всего против нацистской партии, т. е. той фашистской силы, которая, пожалуй, больше всего удовлетворяла потребность германского империализма в массовой базе, необходимой для проведения его политики, значило бороться не только против фашистских ударных отрядов, но и против покровителей нацистов в лице финансовой буржуазии и крупных землевладельцев. КПГ предостерегала от недооценки нацистской партии, поскольку примитивная фразеология ее крикливых, пользовавшихся дурной славой лидеров вводила в заблуждение многих буржуазных демократов и социал-демократов. Следовало учитывать, какие классовые силы стояли за их спиной.

Этот программный документ послужил основой для энергичного наступления против буржуазного национализма — главной составной части идеологии германского империализма и фашизма. Нацисты с успехом играли на национальных чувствах широких народных масс, утверждая, что корень зла заключался в грабительском Версальском мире, что Германия должна стать «великой», что немцы — «нация господ», призванная подчинить себе весь мир. Эти и подобные им фразы, учитывавшие психологию мелкобуржуазных слоев, ловко вписались в их сознание. Поэтому программное заявление вскрывало лживость подобных утверждений, противопоставляя абсурдным потугам нацистов выступать в качестве защитников национальных интересов тот факт, что подлинными защитниками интересов немецкого народа были коммунисты. В этом документе КПГ излагалась принципиальная позиция партии по национальному вопросу, которой она придерживалась со времени своего образования, и показывалось, что политику, действительно отвечавшую национальным интересам народа, можно проводить только с позиций КПГ — с позиций пролетарского интернационализма и патриотизма рабочего класса.

В своей позиции по национальному вопросу КПГ учитывала особенности положения Германии 20-х и начала 30-х годов, когда немецкий трудовой народ нес бремя эксплуатации не только германской империалистической буржуазии, но и мирового империализма, когда народ вопреки собственным интересам был втянут в антисоветский фронт, когда свобода действий немецкого рабочего класса ограничивалась не только германским, но и мировым империализмом. Это был важный аспект классовой борьбы в Германии, хотя он и занимал подчиненное место по отношению к вопросу о власти.

В программном заявлении рассматривалась диалектическая взаимосвязь между обоими вопросами и отмечалось, что только в борьбе за разрешение социального вопроса можно решить и национальный вопрос. Таким образом, под руководством рабочего класса борьбу против германского империализма (и против

иностранных, а не только против первого, или прежде всего против него) нужно было вести под руководством рабочего класса во взаимодействии с рабочим классом других стран. «...Мы всегда ставим вопрос в том смысле, как нас учили Маркс и Энгельс: национальное освобождение может осуществиться только тогда, когда будет ликвидирована власть эксплуататоров, т. е. когда социальный вопрос будет решен в результате свержения господства буржуазии»¹, — указывал Эрнст Тельман. Решение национальных вопросов, существовавших в то время в Европе, могло быть только общим делом международного рабочего класса в борьбе против международного империализма.

В ответ на утверждение нацистов, будто они борются за национальное освобождение немецкого народа, в программном заявлении указывалось, что на самом деле нацистские лидеры заявили о своей готовности признать разбойничьи притязания иностранного финансового капитала. И они уже оказывали помощь рейхстагу и земельным парламентам, взваливавшим все бремя обязательств по Версальскому договору и плану Юнга на трудящихся, и препятствовали любому движению, направленному против этого. КПП, напротив, с самого начала боролась против двойной эксплуатации трудящихся Германии: против разбойничьего Версальского мира и его последствий и против перекладывания на плечи трудящихся масс всего бремени репараций. Эти положения заявления КПП своим острием были направлены против злоупотребления такими понятиями, как нация, отечество и патриотизм.

Руководство партии решительно выступало против всех тенденций недооценки национальных интересов и чувств народных масс и пренебрежения ими в идеологической работе, проявлявшихся и среди классово сознательных рабочих. Выработка позитивной национальной программы, прочно опиравшейся на принципы пролетарского интернационализма и дружбу с Советским Союзом, полностью отвечала требованию Тельмана решительно усилить идеологическую борьбу с фашизмом, особенно с его националистической демагогией. Изложение в программном заявлении национальной проблематики способствовало распространению в партии и широких слоях рабочего класса ленинского учения по национальному вопросу.

В программном заявлении КПП о национальном и социальном освобождении немецкого народа была изложена генеральная линия борьбы против фашистской опасности, за пролетарский, социалистический выход из кризиса. КПП призывала преодолеть раскол рабочего класса и объединить все антифашистские и антиимпериалистические силы. Она призывала всех рабочих, всю крестьянскую бедноту, всех служащих, всех трудящихся представителей средних слоев, как мужчин, так и женщин, молодежь и

¹ *Thälmann Ernst. Arbeitende Jugend im Kampf gegen Faschismus und imperialistischen Krieg (Rede auf der Plenartagung des KJVD), o. O. (1932), S. 12.*

взрослых, всех страдавших от кризиса, безработицы, пужды и эксплуатации сплотиться вокруг революционной партии рабочего класса.

Эрнст Тельман начал разъяснять содержание программного заявления сразу же после его опубликования. На многих митингах в различных городах Германии его слушали десятки тысяч избирателей. Заявление встречало одобрение широких слоев народа, и это внушало сильное беспокойство буржуазным партиям, но прежде всего самим нацистам. Посыпались клеветнические измышления и со стороны органов социал-демократии.

Опираясь на этот документ партии, Тельман резко полемизировал с фашистами и их шовинистической демагогией. Так, во Франкфурте-на-Майне он заявил: «Коммунистическая партия Германии — единственная из партий, которая вместе со всеми секциями Коммунистического Интернационала вела борьбу против позорного Версальского договора в то время, когда еще никто и не помышлял о фашистах, и теперь является единственной партией, в действительности стоящей на почве пролетарского интернационализма в борьбе против разбойничьего плана Юнга. Партия Гитлера является самым грязным и опасным орудием финансового капитала. На практике она, как показывает Тюрингия, беззастенчиво угнетает и эксплуатирует трудящихся, опираясь при этом на план Юнга»¹.

Во время избирательной кампании Эрнст Тельман проявил себя как блестящий агитатор. Он привлекал внимание слушателей не только своим темпераментом, простотой речи, ясностью мысли и привычкой всегда подкреплять сказанное убедительными фактами, но и умением обострять тему и к месту приводить яркие примеры, в которых, как в капле воды, отражались крупные общественные явления. Один из таких примеров он привел в речи в берлинском Дворце спорта: «После выступления Гитлера на большом митинге в Эссене, на который буржуазия съехалась на 177 автомобилях, промышленник Кирдорф пригласил его на ужин, — рассказывал Эрнст Тельман. — Можете вы себе представить, чтобы меня сегодня вечером, после собрания, пригласил на ужин Борзиг?»² Громовой хохот собравшихся свидетельствовал, что сравнение «сработало», что оно как вспышкой молнии осветило классовую противоположность нацистской партии и КПГ, обнажило лживость антикоммунистических фраз нацистов.

В своем «Последнем обращении ко всем трудящимся-избирателям», которое было опубликовано накануне выборов на первой полосе газеты «Ди роте фане», Эрнст Тельман еще раз остановился на факте, имевшем основополагающее значение для сплочения трудящихся вокруг партии, для создания широкого антифашистского и антиимпериалистического союза: Коммунистическая

¹ Die Rote Fahne, 31. VIII 1930.

² Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 2, с. 380.

партия представляет не только интересы трудящегося народа на будущее, но и основные ближайшие экономические интересы различных классов и слоев трудящихся.

«Рабочий должен быть в наших рядах!» — писал Тельман в этом обращении, — ибо мы боремся за более высокую заработную плату, за семичасовой рабочий день, за хлеб и работу для безработных, за увеличение пособий, за дешевые жилища для рабочих, за социальное страхование для всех без ограничения, за полное равноправие трудящихся женщин, за права рабочей молодежи, за лучшие условия жизни пролетариата.

Обедневшие средние слои должны быть в наших рядах! — ибо мы боремся против преступной налоговой политики капиталистов, против произвола в таможенном законодательстве, против недоступных цен на квартиры, против увеличения платы за газ, воду и электричество, против господства ростовщического финансового капитала.

Трудящийся крестьянин должен быть в наших рядах! — ибо мы боремся против налогового гнета, против ростовщических процентов и кабальной аренды, против описи имущества и принудительной распродажи по приговору суда, против крупных помещиков и антикрестьянской политики СДПГ и буржуазных партий»¹.

Так пропагандировал Эрнст Тельман поставленные в программном заявлении цели. В то же время он разъяснял, к чему стремились коммунисты, борясь за социалистическую Германию, что, собственно, они имели в виду, говоря о «Советской Германии». Касаясь вопросов, которые повседневно волновали трудящихся, он разъяснял им смысл борьбы за социализм, за такую Германию, где рабочий класс и другие трудящиеся возьмут управление делами общества в свои руки и будут вести их в соответствии со своими потребностями, как это тогда осуществлялось пока только в Советском Союзе. Под «Последним обращением» от 12 сентября стояла подпись: «По поручению Центрального Комитета Коммунистической партии Германии».

Эрнст Тельман

Председатель Коммунистической партии Германии

Председатель «запрещенного» Союза красных фронтовиков».

Тем самым Тельман выразил протест против полицейского и судебного произвола, который во время избирательной кампании пришлось испытать и ему самому. В частности, во время большого митинга в Галле на Росплац полиция запретила соорудить ораторскую трибуну. Но Эрнст Тельман нашел выход из положения, — рассказывал Отто Флейшер, который прибыл с целой колонной рабочих на велосипедах из Нордхаузена, чтобы увидеть и послушать главного кандидата КПП. «Когда Росплац заполнили десятки тысяч людей, то по сигналу трубы внезапно открылись

¹ Тельман Эрнст. Избранные статьи и речи, т. 2, с. 377.

ворота одного из домов. На тележке, которую выкатили товарищи, стоял Эрнст Тельман. Его сразу же окружила людская масса, и провокаторы не смогли подобраться к нему. С этой импровизированной трибуны Эрнст Тельман произнес одну из своих наиболее пламенных речей, которую многие слушатели восприняли с огромным воодушевлением»¹.

У Эрнста Тельмана были основания для протеста против запрещения Союза красных фронтовиков. В своей речи в Гамбурге он процитировал высказывание Вильгельма Либкнехта в связи с законом о социалистах: «Итак, мы не только не уважаем закон, который противоречит правам человека, который нарушает наши права или даже явно направлен на то, чтобы подавлять нас и лишать нас политической жизни. Мы не только считаем себя вправе обходить, нарушать такой закон, более того, мы считаем своим положительным долгом обходить такие законы, нарушать и выхолащивать их»².

Как и в этом случае, Эрнст Тельман часто прибегал к историческим примерам и параллелям. В ходе избирательной кампании он неоднократно напоминал о традициях революционного рабочего движения тех городов, где ему приходилось выступать, ссылаясь на последовательную боевую классовую позицию Розы Люксембург и Августа Бебеля. Использование истории и революционных традиций для обоснования актуальных политических задач, для углубления понимания событий сегодняшнего дня было характерной чертой тельмановского стиля.

14 сентября 1930 г. состоялись выборы в рейхстаг. Их итоги показали, что влияние различных партий на избирателей в ряде случаев претерпело резкие изменения. За список кандидатов КПП, во главе которого стояло имя Тельмана, проголосовало более 13%, или около 4,6 млн. избирателей — на 1,33 млн. больше, чем в мае 1928 г. Если раньше депутатами рейхстага были 54 коммуниста, то теперь в него вошли 77 депутатов от КПП. В Берлине КПП получила одну треть голосов, опередив остальные партии. Впервые в столице крупной капиталистической страны наибольшее число голосов получила коммунистическая партия.

СДПГ потеряла более полумиллиона голосов и 10 из 153 мандатов. Но наибольший сдвиг в распределении мест в парламенте произошел в результате того, что нацисты получили около 6,4 млн. голосов (до этого они имели 800 тыс. голосов), и их фракция выросла с 12 до 107 депутатов. Нацисты выиграли главным образом за счет других правых партий, потерявших 3 млн. голосов, и благодаря новым избирателям. Обе партии политического клерикализма — партия Центра и Баварская народная партия удержались

¹ *Fleischer Otto*. Wie Ernst Thälmann der Polizei von Halle ein Schnippchen schlug.— In: Deutschlands unsterblicher Sohn, S. 341.

² (Wilhelm Liebknecht) Trutz-Eisenstirn: Erzieherisches aus Puttkamerun. Ein vierblättriges Broschüren-Kleeblatt nebst einem Anhang vom Vetter Niemand, H. II. London, 1890, S. 15.

на том же уровне, получив полмиллиона голосов. Более 6 млн. человек отдали предпочтение многочисленным мелким буржуазным партиям, переживавшим подъем именно в первый год кризиса. Это было симптоматично и свидетельствовало о том, что мелкобуржуазные массы искали новых путей.

После выборов 14 сентября 1930 г. наиболее реакционные, авантюристические круги монополистической буржуазии стали требовать широкого вовлечения нацистов в правительство, причем как можно скорее. Наиболее рьяно за это ратовал магнат сталелитейной промышленности Фриц Тиссен. Другие же финансовые тузы, учитывая мощь немецкого рабочего класса и рост влияния КППГ, сочли более целесообразным использовать резкий скачок в росте числа сторонников нацистов для ужесточения курса президентской диктатуры и постепенной фашизации государства с помощью существующего правительства.

Позиция, запятая правым руководством социал-демократии, укрепила эту группу монополистического капитала, ибо перед лицом резкого обострения фашистской опасности, о чем свидетельствовали результаты выборов, лидеры социал-демократии вовсе не намеревались использовать возможности своей партии для решительной борьбы против политики фашизации. Напротив, они вывели СДПГ из парламентской оппозиции, — до роспуска рейхстага эта партия, хотя и очень вяло, оказывала сопротивление кабинету Брюнинга и принятию его первого чрезвычайного декрета. Премьер-министр Пруссии Отто Браун, председатель СДПГ Герман Мюллер и другие влиятельные партийные деятели добились принятия правлением партии и социал-демократической фракцией в рейхстаге решения «проявлять терпимость» к правительству Брюнинга, т. е. блокировать в рейхстаге любой вотум недоверия кабинету или какому-либо из его министров¹.

Проголосовав в Гамбурге, Эрнст Тельман 16 сентября прибыл в Берлин. На следующий день он рассказал об итогах выборов на конференции партийных работников берлинской парторганизации². Сначала мнения членов Секретариата ЦК КППГ в оценке выборов разделились; всестороннее рассмотрение сложной обстановки и тенденций ее развития оказалось не таким простым делом. Герман Реммеле писал, в частности, в журнале «Ди Интернационале» от 15 сентября, что поскольку прирост отданных за нацистов голосов произошел лишь за счет перегруппировки голосов избирателей в лагере буржуазии, то КППГ, стало быть, являлась единственным победителем на выборах. В передовой статье «Ди роте фане» от 16 сентября, написанной Хайнцем Нойманом, говорилось, что большинство избирателей нацистов построены антикапиталистически, они лишь поверили фашистским обещаниям.

¹ Vgl. *Braun Otto*. Von Weimar zu Hitler. Hamburg, 1949, S. 177—179.

² Vgl. *Thälmann Ernst*. Unser Weg zur Freiheit. Über unsere Aufgaben nach dem Wahlsieg vom 14. September.— In: Die Rote Fahne, 20. IX 1930.

В речи Тельмана перед берлинскими парторботниками — по содержанию она была идентична его статье в «Коммунистическом Интернационале» — подобных упрощений не было. Председатель КПГ осудил паникеров в буржуазно-демократическом лагере, а также предостерег от недооценки социал-демократами и некоторыми функционерами КПГ угрозы фашизма. «Со всей остротой мы должны выступить против излишнего пессимизма, с которым объясняют массам неожиданный успех нацистов. Тот, кто так поступает, не видит, на какой противоречивой, зыбкой основе нацисты добились своего нынешнего успеха... С другой стороны, конечно, чрезвычайно вредна и недооценка угрозы фашизма, и мы должны поднять свой предостерегающий голос среди рабочего класса, далеко за пределами нашей партии», — подчеркивал он. «В СДПГ, например, существуют такие настроения: пусть национал-социалисты сначала опозорятся в правительстве, после этого мы снова вернемся к штурвалу. Такие настроения таят в себе огромную опасность для немецкого рабочего класса, — предостерегал он от этого пагубного аргумента, — ведь, само собой разумеется, после своей победы на выборах фашисты развернут против миллионов немецких трудящихся еще более жестокую внепарламентскую борьбу. Подобные настроения способны ослабить боевой дух сопротивления фашистским планам». Именно на всемерное укрепление воли к борьбе против угрозы фашизма обратил внимание партийных работников Эрнст Тельман. Он требовал от партии напряженной идеологической работы, придавал большое значение быстрому организационному укреплению партии, прежде всего созданию производственных ячеек, проведению более эффективной профсоюзной работы, созданию специальных антифашистских боевых организаций, пополнению партии новыми членами. Необходимо, подчеркивал Тельман, сократить «огромный разрыв между большим и все возрастающим политическим влиянием, которое мы имеем в Германии, и его организационным закреплением». «Если мы не сумеем, — указывал он, — идти новыми путями и используя новые методы, расширить и организационно укрепить 4,6-миллионный внепарламентский фронт, то у нас не будет достаточно сил, чтобы выполнить нашу великую историческую задачу»¹.

В этой связи Эрнст Тельман говорил о необходимости создания новой легальной антифашистской массовой организации.

Первые отряды боевого союза, создававшегося в соответствии с этой установкой, уже 28 сентября приняли участие в массовом митинге в берлинском парке Лютсгартен. В декабре он насчитывал 38 тыс. членов, а летом 1931 г. в его рядах было уже более 100 тыс. человек. Примерно такой численный состав он сохранял и в последующем. Председателем Союза борьбы против фашизма

¹ *Thälmann Ernst. Unser Weg zur Freiheit.* — In: *Die Rote Fahne*, 20. IX 1930.

был Герман Реммеле, его непосредственным руководителем — Эрнст Райнке, а после него — Фриц Ланге. Союз объединял многочисленные отряды, сформированные на предприятиях и по месту жительства, а также из безработных. Но его задачи заключались не только в отражении фашистских налетов; как неоднократно указывал Эрнст Тельман, его первейшей обязанностью была массово-политическая работа, осуществление антифашистской политики единого фронта, идеологическая работа среди сторонников фашистов, введенных в заблуждение нацистской пропагандой.

Осенью 1931 г. Эрнст Тельман долго болел и поэтому не мог непосредственно заниматься делами партии. Еще 2 октября он продиктовал множество распоряжений по текущим вопросам для членов руководства и после этого, как обычно, поехал домой, будучи уверен, что через несколько дней вновь почувствует себя хорошо. Но за днями потянулись недели, потом месяцы.

В отсутствие Эрнста Тельмана в заседаниях Секретариата и Политбюро ЦК регулярно принимали участие Франц Далем, Лео Флиг, Хайнц Нойман и Вальтер Ульбрихт. Герман Реммеле выезжал поздней осенью в Советский Союз во главе делегации редакторов партийных газет. Вильгельм Пик сменил Фрица Геккерта на посту представителя КПП при ИККИ. В то время перед руководством партии стояли две нелегкие задачи. Во-первых, следовало обсудить итоги V конгресса Профинтерна, состоявшегося в Москве 15—30 августа 1930 г. Конгресс стремился найти ответ на вопрос: как организовать действенный отпор рабочего класса наступлению капитала. Конгресс призвал коммунистов и оппозиционно настроенных профсоюзных работников энергичнее готовить и самостоятельно проводить забастовки. В резолюции конгресса указывалось, что там, где противоречия между политикой находившегося в руках правой социал-демократии бюрократического профсоюзного руководства и объективными интересами рабочих были столь острыми, как в Германии, революционные силы должны создавать собственные профсоюзные организации.

КПП и революционная профсоюзная оппозиция стремились претворять эту линию в жизнь в условиях тяжелой борьбы против снижения заработной платы и массовых увольнений. Во второй половине октября 1930 г. 130 тыс. берлинских металлистов начали забастовку, требуя сохранения зарплаты. Энергичную поддержку бастовавшим оказывали окружком КПП Берлин-Бранденбург-Лаузиц-Грессенмарк, его политический секретарь Вальтер Ульбрихт и особенно секретарь по оргвопросам Альберт Купц, который сам был металлистом. Революционная профсоюзная оппозиция, ее берлинский окружной комитет во главе с опытным профсоюзным деятелем КПП Паулем Пешке создали временный стачечный комитет, проводивший совместную акцию профсоюзных, неорганизованных рабочих и безработных против намерения предпринимателей снизить зарплату на 15% и решения арбитражного

суда о ее сокращении на 6—8%. Союз германских металлистов был вынужден признать законность забастовки, поскольку в результате голосования по вопросу о ее проведении 85% членов профсоюза высказались за проведение. Однако через две недели реформистское руководство профсоюза все же добилося прекращения забастовки. Новое решение арбитражного суда пошло навстречу рабочим лишь в том, что зарплата снижалась не сразу, а поэтапно.

В ноябре прошли забастовки на металлургических заводах Люнебурга, на предприятиях Анкера в Билефельде, на некоторых берлинских кожевенных фабриках и в обувной промышленности Пирмазенса. В декабре бастовали трамвайщики Хемпица. В январе 1931 г. под руководством оппозиции начали стачку рабочие многих отраслей, в частности бумажных фабрик в Аммендорфе и Галле, текстильных предприятий в Вуппертале, деревообрабатывающих фабрик в Дюссельдорфе и других городах, а также машиностроительных заводов фирмы «Пельс» в Эрфурте. В Эйзенахе и Веймаре предприниматели прибегли к локаутам. 2 января 1931 г. была организована забастовка на шахтах Рура, в которой поначалу участвовало от 75 до 80 тыс. горняков; на некоторых шахтах она длилась неделю. В различных районах Рурской области не вышли на работу также металлисты, в Дюссельдорфском порту была организована забастовка солидарности, бастовали горняки Верхней Силезии. Но участники этих акций не выдержали давления со стороны руководства реформистских и христианских профсоюзов, сорвавшего забастовку. Их терроризировали нацисты, которые нападали на пикеты и брали под свою защиту штрейкбрехеров, к тому же в районах, охваченных забастовкой, было введено осадное положение.

Но силам революционной профсоюзной оппозиции все же удавалось проводить забастовочные акции под своим контролем. Правда, им приходилось преодолевать возраставшее сопротивление со стороны руководства концернов и государственных органов, которые настолько боялись забастовок и их последствий, что стремились подавить любое выступление рабочих еще в зародыше. Широкую поддержку в этом им оказывали реформистские лидеры. Это обстоятельство лишь усиливало необходимость настоячивых попыток КППГ и революционной профсоюзной оппозиции самостоятельно организовывать и проводить экономические выступления, не оставаясь в стороне, если правые профсоюзные лидеры бездействовали. В то же время при таком положении вещей, естественно, усиливалась тенденция к тому, чтобы вообще не привлекать реформистских функционеров того или иного профсоюза к организации забастовок.

Другая поставленная V конгрессом Профинтерна задача — создавать собственные профсоюзные организации — шла вразрез с опытом германского революционного рабочего движения. Она основывалась на схематичных выводах из анализа роли реформизма

в истории и на ошибочной оценке обстановки в рядах немецкого рабочего класса. Реально оценивая положение и учитывая опыт работы партии в профсоюзах, Эрнст Тельман долго возражал против преобразования сил революционной профопозиции в профорганизации. Жизнь скоро показала ошибочность нового решения. Образовавшиеся после забастовок революционные профсоюзы — Единый союз рабочих-металлистов Берлина и Единый союз горняков Германии — так и остались малочисленными организациями, насчитывавшими всего несколько тысяч членов. Подавляющая часть членов профсоюзов — рабочих не откликнулась на новый лозунг. Не оправдало ожиданий и создание в ноябре 1930 г. из сил революционной оппозиции самостоятельной организации — Революционной профопозиции: приток членов в нее был весьма невелик.

Второй вопрос, который обсуждался в руководстве КПП во время болезни Тельмана, касался оценки степени фашизации, осуществлявшейся правящими классами. Для этого мало было проанализировать итоги недавних выборов. Правительство Брюнинга издавало новые чрезвычайные декреты, каждую неделю жертвами физического террора нацистов становились классово сознательные рабочие. Все больше выражавших возмущение ростом нищеты трудящихся гибло под полицейскими пулями. Накануне выборов в рейхстаг нацисты обстреляли Дом им. Карла Либкнехта, 7 октября в Гинденбурге член «Стаального шлема» заколол коммуниста в его квартире, 29 ноября в Плауэне нацисты застрелили двух членов Красной помощи, 3 декабря в Лейпциге полиция убила трех безработных, 14 декабря в Гладбах-Рейдте эсэсовец убил коммуниста. В течение 1930 г. погибло около 80 антифашистов.

Под влиянием этих событий в КПП, в том числе у некоторых руководящих деятелей партии, возникали сектантские взгляды, противоречившие трезвому подходу Эрнста Тельмана к сложным вопросам классовой борьбы. Так, например, Хайнц Нойман считал, что после выборов президентский кабинет уже стал правительством фашистской диктатуры. Когда правительство в начале декабря издало очередной чрезвычайный декрет, он назвал это в передовой статье центрального органа партии установлением фашистской диктатуры¹.

Эрнст Тельман считал это мнение неправильным и опасался, что оно может привести к недооценке угрозы фашизма и, как следствие, к ослаблению борьбы против фашизма. Поэтому он искал более точное определение и впоследствии употреблял формулировку, согласно которой режим Брюнинга являлся правительством осуществления фашистской диктатуры. При этом Эрнст Тельман имел в виду процесс постепенной подготовки к установлению фашистской диктатуры.

¹ Vgl. Reichsgesetzblatt. 1930, Teil I, Nr. 47, S. 517—604. (Heinz Neumann:) Die Lage.— In: Die Rote Fahne, 2. XII 1930.— IML, ZPA, 3/1/735.

Во второй половине ноября Тельман вновь почувствовал себя работоспособным. 19 ноября он выступил на предвыборных собраниях в Билефельде, 21-го — в Бремсене в зале «Флоразал», где сообщил, что 22 ноября примет участие в заседании Секретариата ЦК КПП. Как раз в те дни должен был состояться второй конгресс трудящихся женщин. Уже было объявлено, что Эрнст Тельман выступит на приуроченном к конгрессу женском митинге в берлинском Дворце спорта. Тельман очень хотел там выступить, так как при анализе итогов выборов в рейхстаг он вновь отметил тот недостаток, что влияние буржуазных партий среди женщин все еще было сильнее, чем среди мужчин. Но постоянно выступая, недолечившись, Тельман настолько усугубил состояние своего здоровья (он страдал заболеванием горла), что не смог принять участие в этом митинге. Он послал на него приветственное письмо, в котором выражал сожаление, что болезнь помешала ему выступить.

Только в начале нового года Эрнст Тельман смог активно включиться в политическую борьбу. 4 января он принял участие в конференции делегатов гамбургской парторганизации, где говорил о только что начавшейся в Руре забастовке горняков. После этого он возвратился в Берлин.

5

**«В завоевании масс
состоит главный смысл
и основная идея
народной революции»**

Эрнст Тельман сразу же приступил к подготовке очередного, уже давно запланированного пленума Центрального Комитета. 14 января Секретариат и Политбюро ЦК утвердили представленный им план доклада. Пленум Центрального Комитета состоялся 15—17 января. Это было не только первое обстоятельное совещание руководящего штаба партии в условиях новой фазы процесса фашизации после сентябрьских выборов, но также и важнейшее пленарное заседание руководящих функционеров КПП после XII съезда партии. На этом пленуме руководство КПП проанализировало политические изменения, происшедшие с начала мирового экономического кризиса. Доклад Эрнста Тельмана, опубликованный в виде брошюры под заголовком «Народная революция в Германии», занял примерно восемь часов времени: он выступал с ним 15 и 16 января. В прениях участвовал 51 человек.

В своем докладе Эрнст Тельман исходил из научно обоснованной оценки экономического положения. Основываясь на богатом статистическом материале, он исследовал особенности экономического кризиса и взаимосвязь между этим, самым опустошительным циклическим кризисом, который когда-либо переживал капитализм, и общим кризисом капитализма.

Этот анализ был более глубоким по сравнению с предыдущими работами Тельмана. Теперь он анализировал экономическую, политическую и идеологическую обстановку в стране и ее взаимосвязь с международными событиями, внутреннюю и внешнюю политику правящего класса и положение в рабочем движении более обстоятельно, с привлечением более обширного материала, чем раньше. Анализ, содержащийся в речах и статьях Председателя КПГ, представлял собой современное точнейшее исследование взаимосвязей и причин глубоких общественных процессов, происходивших в Германии.

Эрнст Тельман в большей степени, чем раньше, стал привлекать для этой работы классиков научного коммунизма. Так, освещая в своем докладе на январском пленуме Центрального Комитета вопрос о революционной ситуации, он процитировал высказывания В. И. Ленина из его произведений «Крах II Интернационала» и «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». В другом месте своего доклада он использовал работы В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции» и «Государство и революция», произведение Карла Маркса «Классовая борьба во Франции» и его письмо к Кугельману от 12 апреля 1871 г., на которое ссылался Ленин.

Теоретические положения марксизма-ленинизма и материалистический диалектический метод Эрнст Тельман применял, так сказать, подчеркнуто наглядно не только в этом докладе, но и в большинстве дальнейших речей и статей, в которых он излагал свои концепции. Это объяснялось его стремлением побудить собственным примером партийных работников и рядовых членов партии к более тщательному теоретическому обоснованию своей работы и принятию политических решений только после тщательного исследования условий борьбы.

Выступая на пленуме Центрального Комитета, Эрнст Тельман отрицательно ответил на вопрос, существует ли революционная ситуация в данное время и ожидается ли она в ближайшем будущем. Он решительно предостерег также от каких-либо надежд на автоматическое крушение капиталистического строя, от всяких иллюзий относительно того, что наступление капитала, бедствия, вызванные кризисом, и натиск фашизма сами собой выведут массы на баррикады. Объективные факторы сами по себе не создадут «абсолютно безвыходной ситуации для капитализма». Хотя крах капитализма исторически и неизбежен, однако «создать ситуацию, безвыходную для капитализма» должна революционная пролетарская партия.

Эрнст Тельман подробно остановился на политике фашизации. Он считал, что вопреки преувеличенным представлениям об уже достигнутой степени фашизации Германия находилась в процессе постепенного перехода к фашистской диктатуре. Это выражалось прежде всего в использовании определенных фашистских методов господства. Тельман сделал особый упор на то, что нацист-

ская партия во все большей степени становилась «решающей внепарламентской массовой базой для буржуазии при проведении фашистской политики». Он снова констатировал: «Классовое содержание фашистской диктатуры заключается в том, что она несомненно является диктатурой финансового капитала». При этом он подчеркнул, что, хотя и буржуазно-парламентская республика, и фашистская диктатура представляют собой классовое господство крупной буржуазии, они являются различными формами господства этого класса. Форма господства меняется, «как только буржуазная демократия заменяется фашистской диктатурой»¹.

В начале второй части доклада, где рассматривались вопросы политики и задачи партии, Эрнст Тельман остановился на лозунге народной революции. Этот лозунг, под которым теперь КПГ выдвигала свою альтернативу фашистскому курсу правящего класса, ранее в отдельных случаях уже использовался партией. Тельман подробно разъяснил, что следует понимать под этим лозунгом и какой цели он служит. В первую очередь он хотел предотвратить его субъективистское толкование в смысле перескакивания через неизбежные этапы классовой борьбы; этому служила и его констатация отсутствия революционной ситуации. Поэтому, прежде чем вдаваться в суть данной проблемы, он заявил: «В сегодняшней обстановке... лозунг народной революции не может использоваться как краткосрочный лозунг действия. Сегодня лозунг народной революции является центральным, обобщающим пропагандистским лозунгом, главной стратегической целью, вокруг которой мы собираем и к достижению которой ведем массы, следуя нашей программе социального и национального освобождения»².

В своих дальнейших высказываниях Эрнст Тельман исходил из принципиального положения о том, что в развитых капиталистических странах пролетарская революция в историческом плане стоит на повестке дня с тех пор, как капитализм вступил в последнюю стадию своего развития, в стадию империализма. Великая Октябрьская социалистическая революция убедительно подтвердила это. Революционные силы всегда отличались от оппортунистов признанием диктатуры пролетариата как единственного пути к социализму. В этом выражались их понимание основного классового противоречия, их принципиальное несогласие со сглаживанием классовых позиций, убежденность в том, что начавшийся в 1917 г. переход власти из рук буржуазии в руки пролетариата не ограничится Россией, что это закономерный исторический процесс. Пропаганда этого была особенно необходима для воспитания рабочего класса и его революционного авангарда,

¹ *Thälmann Ernst. Volksrevolution über Deutschland. Rede auf dem Plenum des ZK der KPD, 15.—17. Januar 1931 (Berlin), S. 23, 28, 29.*

² *Ebenda, S. 31.*

поскольку антикоммунисты всячески извращали и предавали анафеме учение о диктатуре пролетариата.

Подчеркивание принципиальной альтернативы в повседневной агитации коммунистов было в решающей мере обусловлено исходом Ноябрьской революции, политикой империалистической Веймарской республики и позицией социал-демократии, а также объективным экономическим положением. Под покровом буржуазной демократии снова окреп империализм в Германии; Веймарская конституция, которую прославляли как «демократическую», теперь использовалась даже для маскировки подготовки фашистского переворота. На пути оппортунизма, ведущего якобы к социализму, не было никаких преград для перехода к реакционной президентской диктатуре, к фашизации.

Чрезвычайно острый экономический кризис, перекладывание его бремени на плечи трудящихся, быстрое обнищание миллионов людей обусловили необходимость прямого противопоставления банкротства капитализма социализму. «В Германии мы стоим перед выбором», — заявил в этой связи Эрнст Тельман на берлинской конференции партийных работников в сентябре 1930 г. «Один путь — это путь, на который вступила буржуазия: осуществление плана Юнга, путь фашизма, открытая фашистская диктатура. Другой путь — это путь, который ведет к власти пролетариата; он означает освобождение от цепей плана Юнга и выполнение нашей программы социального и национального освобождения. Это путь к свободе, к победе диктатуры пролетариата, подлинной пролетарской демократии в Германии»¹. Так характеризовал Эрнст Тельман существовавший исторический выбор, и его оценка подкреплялась тем, что фашизм — это продукт разложения капитализма.

Более того, заклятые враги социализма — фашисты выступали под флагом социализма. КПГ считала своим долгом противопоставить этому злопамеренному использованию понятия «социализм» реально существовавший в Советском Союзе социализм и разъяснить, что для утверждения социализма необходима замена власти монополий властью рабочего класса, экспроприация капиталистов и передача средств производства в народную собственность.

Но для достижения этой цели классовой борьбы пролетариата, для защиты непосредственных насущных интересов рабочих и отпора фашизму одного лишь изложения принципиально правильной позиции коммунистов по вопросу о власти и исторической перспективе было совершенно недостаточно. КПГ должна была решить проблему, как и с помощью каких аргументов привлечь к совместной с КПГ борьбе против фашизма и империализма, за свержение власти монополистического капитала тех трудящихся,

¹ *Thälmann Ernst. Unser Weg zur Freiheit.* — In: *Die Rote Fahne*, 20. IX 1930.

которые еще не были убеждены в необходимости ликвидации капитализма и в том, что это возможно только революционным путем. Партия должна была наметить дальнейшие шаги на пути борьбы за социализм.

Эрнст Тельман не питал никаких иллюзий относительно сложности этой задачи. По его твердому убеждению, разделявшемуся и другими руководителями КППГ и международного коммунистического движения, пужно было прежде всего разъяснить трудящимся, которые тяжело страдали от натиска капитала и последствий экономического кризиса и которым угрожал фашизм, их объективное положение и породившие его общественные причины. Коммунисты должны были указать виновников нищеты и бедствий и выход из этого положения, который был бы настолько понятен рабочим и другим трудящимся, что они были бы готовы следовать за ними.

Как показала практика, это тем более трудно было осуществить, поскольку многоопытная германская крупная буржуазия вводила в заблуждение значительную часть трудового народа, используя для этого все средства фашистского оболванивания масс, применяя также и традиционные методы, прежде всего методы клерикальных партий. К тому же руководство социал-демократии продолжало дезориентировать значительную часть рабочего класса. Итоги выборов в рейхстаг со всей очевидностью показали, насколько быстро росла опасность того, что фашистское наступление империализма увенчается успехом. И каждый день Эрнст Тельман вновь и вновь убеждался в том, какая высокая политическая зрелость требовалась от КППГ, чтобы успешно противодействовать тактическим уловкам тех партий, политика которых была направлена на сохранение господства империализма, и тех, которые прямо содействовали фашистскому наступлению наиболее реакционных и агрессивных сил финансового капитала.

Чрезвычайно многое зависело от того, насколько эффективной будет политика КППГ, насколько широко она охватит население в борьбе за сплочение рабочего класса и создание широкого союза всех трудящихся против фашизма и империализма. Только в этом заключался еще последний шанс уберечь немецкий народ от страшной судьбы, которую собирался уготовить ему господствующий класс. Необходимо было выработать такую политику, которая позволяла бы рабочему классу выполнить свою роль гегемона в борьбе народа против крупного капитала.

Чтобы решить такую сложную политическую проблему, как определение конкретного соотношения между отпором угрозе фашизма и подготовкой к коренному изменению государственной власти, чтобы выработать соответствующие действенные лозунги и методы организации масс на борьбу против фашизма и капитализма и затем осуществить эту тактику в данных условиях с необходимой оперативностью, преодолевая упорнейшее сопротивление

других политических сил,— для всего этого КПГ необходимо было еще накопить большой практический опыт и теоретически обобщить его. А это требовало много времени. В ориентировках Эрнста Тельмана для партии содержалось немало указаний относительно осуществления отдельных шагов, достижения конкретных целей борьбы. Много таких практических целеустановок содержалось и в принятых за последние месяцы и годы решениях партии. Но когда на пленуме Центрального Комитета в октябре 1929 г. Эрнст Тельман говорил о возможностях поднять массы народа на борьбу, в его речи нельзя было не заметить сомнения, не является ли, например, лозунг «против диктатуры фашизма — за диктатуру пролетариата» слишком общим, чтобы овладеть широкими массами.

Он подчеркивал тогда, что у партии есть бесчисленное множество тактических путей и частичных задач, чтобы шаг за шагом привести к борьбе за диктатуру пролетариата большинство рабочего класса и другие группы и слои эксплуатируемых и угнетенных, тем более что он хорошо понимал — ближайшим этапом на этом пути должен быть отпор угрозе фашизма. Все его помыслы были, естественно, направлены на то, чтобы точнее определить курс и опробовать пути, которыми в момент наибольшего обострения классовых противоречий партия могла бы повести рабочий класс и его союзников к пролетарской революции, к победе над буржуазией.

В своем докладе на пленуме Центрального Комитета в январе 1931 г. Тельман стремился глубоко вскрыть эти взаимосвязи. Лозунг народной революции он рассматривал как связующее звено между революционной целью коммунистической партии и предпосылкой, которую необходимо было создать для достижения этой цели,— союзом всех трудящихся под руководством рабочего класса.

«Означает ли лозунг народной революции затушевывание ясной классовой целенаправленности наших революционных задач?» — спрашивал Эрнст Тельман. И сразу же отвечал в духе упомянутой принципиальной позиции коммунистов: «Ни в коем случае! Понятие «народная революция» — это только синоним понятия «пролетарская революция», его популярная формулировка». И тут же он добавлял: формулировка, «которая при этом включает в себя ленинское учение о том, что пролетариат под руководством революционной партии должен привлечь себе в союзники трудящихся города и деревни»¹.

В другом месте своего доклада Тельман еще сильнее подчеркнул эту мысль и развил ее дальше. Он заявил, что этот союз не только является решающим фактором в процессе подхода к революции и в ходе самой революции, носителем которой не может быть лишь один рабочий класс, но и вообще должен стать

¹ *Thälmann Ernst. Volksrevolution über Deutschland, S. 31.*

главной чертой политики коммунистической партии. «Народная революция как главный стратегический лозунг означает, таким образом, не только популярную формулировку понятия социалистической, пролетарской революции, но в то же время и более активное вовлечение широких средних слоев населения в революционный классовый фронт в условиях нынешней обстановки»¹.

Смысл нового лозунга, по мнению Тельмана, заключался прежде всего в том, чтобы разъяснить и расширить представление о гегемонии пролетариата и о содержании и задачах революционной борьбы. Он призывал к более энергичному и широкому осуществлению тактики создания антифашистских и антимонополистических союзов. При этом он прямо указывал на мелкое и среднее крестьянство, городское среднее сословие и чиновничество, но и неоднократно подчеркивал, что союз рабочего класса и трудового крестьянства имеет главное значение для развертывания широкого народного движения, которое было бы достаточно мощным, чтобы отразить натиск германского империализма, вырвать Германию из порочного круга: империализм — кризис — фашизм — война и пойти выход в интересах всего народа.

Его советы помогли партии более целенаправленно вести борьбу за повседневные интересы всех трудящихся, за демократические права и свободы народа и лучше понять огромное революционизирующее значение именно этой работы для развертывания массового движения против империализма. Они нагляднее показали германским коммунистам сущность гегемонии пролетариата: это значило, с одной стороны, что только при руководстве рабочего класса другие трудящиеся классы и слои населения будут иметь настоящую перспективу и, с другой стороны, то, что рабочий класс и его революционная партия могут сплотить вокруг себя других трудящихся только путем последовательной борьбы за права народа.

В высказываниях Эрнста Тельмана о народной революции сохранились важные мысли о сущности самого революционного перехода от капитализма к социализму и о том, как протекает этот процесс. Примечательно, что после своего определения народной революции как синонима пролетарской революции Эрнст Тельман считал необходимым процитировать то место из работы «Государство и революция», где В. И. Ленин критиковал меньшевиков: «Они свели марксизм к такому убого-либеральному извращению, что кроме противопоставления буржуазной и пролетарской революции для них ничего не существует, да и это противопоставление понимается ими допелля мертвенно»². В другом месте Тельман, ссылаясь на работу В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции», где В. И. Ленин говорит о связи

¹ *Thälmann Ernst. Volksrevolution über Deutschland*, S. 32.

² *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 33, с. 39.

между завершением демократического переворота и социалистическим переворотом, называет их «до некоторой степени практическим воплощением понятия народной революции»¹.

В этом отношении размышления Эрнста Тельмана являлись попыткой дать более точное представление о всем процессе революционного перехода, к которому партия должна была готовиться ввиду дальнейшего обострения противоречий империализма. Он стремился продвинуть разработку стратегии и тактики партии таким образом, чтобы коммунисты ввиду новых требований могли еще эффективнее отстаивать интересы рабочего класса.

Разработкой и обоснованием лозунга народной революции Коммунистическая партия Германии и в первую очередь Эрнст Тельман внесли в рамках общепризнанных в коммунистическом движении взглядов важный теоретический вклад в дело применения ленинского учения о революции.

Наиболее важной и актуальной для Эрнста Тельмана задачей было накопление сил. Поэтому он подчеркивал, что «в завоевании масс состоит главный смысл и основная идея народной революции». Эта основная идея определяла содержание всех разделов доклада, в которых Тельман рассматривал тактику единого фронта, проблемы профсоюзной политики, вопросы внутрипартийной работы, стиль и методы работы партии и ее печатных органов и др. Он постоянно подчеркивал, что «тактика единого фронта представляет собой важнейший рычаг для завоевания большинства рабочего класса»². Он указывал, что фронту реакции необходимо противопоставить единый фронт рабочего класса. Следует более энергично, чем прежде, вовлекать в борьбу против наступления капитала, против политики фашизации женщин и молодежи. В политической работе нельзя пренебрегать ни одним отрядом рабочего класса, например даже и служащими. Напротив, необходимо помочь служащим и мелким чиновникам, находившимся ввиду своего служебного положения и образа жизни под особым идеологическим воздействием буржуазии, но принадлежавшим тем не менее к рабочему классу, занять свое место в рядах рабочего класса и его классовой борьбе.

В постановке задач по развертыванию непосредственной борьбы, о которых Эрнст Тельман докладывал Центральному Комитету, отражалась его реалистическая оценка сложившейся обстановки и глубокое понимание настроения масс. «Сегодня центральным лозунгом наших действий является массовая борьба против установления фашистской диктатуры. Мы должны сражаться за каждую пядь земли, которую стремится захватить фашизм, и защищать экономические и политические права рабочего класса»³. Защищать каждый рубеж демократии — таков был принцип,

¹ *Thälmann Ernst. Volksrevolution über Deutschland*, S. 32.

² IML, ZPA, I 2/1/78.— *Thälmann Ernst. Volksrevolution über Deutschland*, S. 35.

³ *Thälmann Ernst. Volksrevolution über Deutschland*, S. 31.

определявший действия Эрнста Тельмана. Он знал, что только так можно было увлечь за собой народные массы в борьбе против фашизма.

Этот принцип позволил Эрнсту Тельману и его партии вести эффективную борьбу с фашистской опасностью. Демократия была для коммунистов не абстрактным понятием, она не исчерпывалась правилами игры в буржуазный парламентаризм. Коммунисты защищали от фашизма реальные права и свободы трудящихся.

После пленума Центрального Комитета Эрнст Тельман подготовил детально разработанные предложения о деятельности коммунистической фракции в рейхстаге, которые наряду с прочим касались внесенных фракцией КПГ законопроектов о налогообложении миллионеров, об отмене параграфа 218 уголовного кодекса, об оказании помощи безработным. Он также написал статью для журнала «Коммунистический Интернационал» об основных проблемах, обсуждавшихся на пленуме Центрального Комитета. В этот период Тельман неоднократно докладывал на заседаниях Политбюро о политической обстановке, выступал на митингах с разъяснением политики партии, а в Кёльне и Брауншвейге говорил о состоявшихся там коммунальных выборах.

В начале 1931 г. натиск фашистов усилился. В январе они совершили нападения и убийства в Берлине, Бохуме, Фюрстенвальде, Кёльне, Реклингхаузене, Стейндале, Штральзунде и других городах. 26 января нацисты и полицейские убили двух молодых рабочих в Геестхахте. Эрнст Тельман принял участие в их похородах. 6 февраля он вместе с тысячами берлинских рабочих отдал последний долг двум убитым товарищам из подпольного Союза красных фронтовиков.

25 февраля, в международный день борьбы против безработицы, во время демонстрации безработных в Лейпциге полицейские застрелили четырех демонстрантов. А 15 марта нацисты совершили нападение на депутата законодательной палаты гамбургского парламента от коммунистической партии, старого боевого соратника Эрнста Тельмана, участника боев на баррикадах в октябре 1923 г. Эрнста Хеннинга и убили его. Во время этого нападения были ранены издатель коммунист Луис Канблей и трое других товарищей. Отдать последний долг передовому борцу революционного движения Гамбурга и проводить его на Ольсдорфское кладбище вышли 35 тыс. рабочих и их жеп. Полиция этого управлявшегося коалицией социал-демократов с буржуазными партиями ганзейского города запретила демонстрацию. Похоронная процессия была обстреляна, в результате чего погиб один рабочий. В то же время полиция не трогала штурмовиков (СА). Распевая на улицах свои воинственные песни, они не только открыто похвалялись убийством Эрнста Хеннинга, но и грозились «покончить» с депутатом городского парламента и председателем комитета борьбы против запрета Союза красных фронтовиков округа Вассерканте Эткаром Андре и с Эрнстом Тельманом.

В своей речи на кладбище Эрнст Тельман объявил фашизму беспощадную войну. «...Наши братья гибнут не напрасно. Они боролись и отдали свою жизнь ради будущего». Необходимо, говорил он, сохранять хладнокровие и вести систематическую работу по мобилизации сил рабочего класса и других трудящихся на разгром фашистских банд убийц. Только этой терпеливой и самоотверженной борьбой против фашизма и империализма можно завоевать лучшее будущее, только так можно выполнить заветы павших революционеров. «Запретами и pistolетными выстрелами наше движение не остановить... На место павших борцов вступят новые»¹, — закончил свою речь Эрнст Тельман.

Зверства фашистов, их кровавый террор и очевидный факт, что они действуют с ведома правящих классов, — этого было все еще недостаточно, чтобы побудить правых лидеров социал-демократии пересмотреть свою политику. Они по-прежнему были заодно с реакционными силами, препятствуя тому, чтобы находившиеся под их руководством крупные организации вышли за рамки отдельных акций и стали мощной силой сопротивления наступлению монополистического капитала и фашизма. Фракция СДПГ в рейхстаге помогала проваливать вотумы недоверия правительству Брюнинга и предложения об отмене чрезвычайного законодательства, вписавшиеся фракцией КППГ. Представители СДПГ в Совете старейшин путем частых и длительных отсрочек заседаний рейхстага содействовали парализации деятельности парламента. В то же время министры социал-демократы в земельных правительствах послушно проводили в жизнь чрезвычайные декреты, а члены СДПГ — пачальники полиции использовали полицейские силы для подавления протестов народных масс, а также против тех рабочих, которые вступали в борьбу с фашистскими террористическими бандами.

На закрытом совещании с Брюнингом и другими членами правительства 17 марта 1931 г. Отто Вельс, Рудольф Гильфердинг и другие лидеры социал-демократии зашли столь далеко, что заверили их в том, что СДПГ поможет провести в рейхстаге законопроекты о предоставлении правительству чрезвычайных полномочий по вопросам бюджета и пошлин, а затем проголосует за предложение о переносе заседаний рейхстага на октябрь. Правые лидеры социал-демократии заявили, что они не имеют «никаких возражений» против предоставления правительству «диктаторских полномочий». Правда, правительству не следовало бы «чрезмерно осложнять... обстановку для социал-демократии» в преддверии предстоящего съезда партии. Надо было бы также провести психологическую подготовку с учетом настроений членов СДПГ, просил Отто Вельс, чтобы лидеры социал-демократии могли на своем намеченном на конец мая партийном съезде добиться «определенного успеха».

¹ Die Rote Fahne, 22. III 1931.

Спустя три дня социал-демократическая фракция в рейхстаге, воздержавшись от голосования, содействовала выделению правительству Брюнинга новых крупных ассигнований на продолжение строительства броненосцев. Дело приняло тем более скандальный оборот, что нацистские делегаты по демагогическим соображениям не явились на заседание рейхстага и поэтому фракции СДПГ и КППГ могли бы образовать большинство и отклонить требования правительства. Правление партии и его печать внушали рядовым членам партии и голосовавшим за социал-демократов избирателям, что правительство Брюнинга следовало поддержать, а отклонение ассигнований на вооружение привело бы к его падению и неизбежному образованию еще более реакционного, возможно даже и гитлеровского, правительства. По сравнению с этим правительство Брюнинга являлось, в конце концов, «меньшим злом». Эта типично оппортунистическая аргументация не принимала в расчет даже мысль о внепарламентских политических шагах, которые могли бы воспрепятствовать продолжению правого курса господствующего класса и формированию еще более реакционного кабинета.

На этот раз правые лидеры социал-демократии в известной мере превзошли все, чего можно было ожидать от их партии. Во время голосования в рейхстаге 20 марта девять депутатов рейхстага от социал-демократической партии не поддались нажиму своей фракции и проголосовали вместе с коммунистами против предложенного государственного бюджета и против выделения средств на строительство броненосцев. После этого они открыто потребовали пересмотра линии, которой придерживались правление партии и большинство социал-демократической фракции в рейхстаге. Это явилось самым наглядным свидетельством существования в СДПГ оппозиции политике правых лидеров. Она проявлялась главным образом в кругах социал-демократической молодежи.

Примерно в то же самое время, когда поддержка правительства Брюнинга со стороны руководства СДПГ стала столь неприкрытой, правые социал-демократические руководители Всеобщего объединения работников государственных предприятий и предприятий пассажирского и грузового транспорта — приемник бывшего Объединения транспортных рабочих и Германского транспортного союза организовали гнусную антикоммунистическую провокацию. В письме от 18 марта 1931 г. гамбургское правление профсоюзов сообщило члену Всеобщего объединения Эрнсту Тельману, что оно направило в главное правление Всеобщего объединения ходатайство о его исключении из профсоюза. В качестве причины указывалось, что Эрнст Тельман является Председателем КППГ и что профсоюзная политика КППГ «мешает» деятельности профсоюза. На самом же деле политика коммунистических профсоюзных деятелей не только не «мешала», но и полностью соответствовала выполнению задачи, ради которой рабочие создали

свою классовую организацию и которой все меньше занимались свободные профсоюзы под руководством реформистов. Напротив, она мешала предпринимателям продолжать политику снижения заработной платы и постоянного ухудшения условий труда; она также мешала стремлению реформистов парализовать сопротивление рабочих их политике использования профсоюзов, для того чтобы вынудить рабочих пассивно наблюдать за наступлением капитала. Свидетельством такого рода «помех» в дни, когда писалось это провокационное письмо гамбургских реформистов, явились стачки в различных городах страны.

С тех пор как более 27 лет тому назад Эрнст Тельман стал членом объединения профсоюзов транспортных рабочих, он неустанно отстаивал цели, ради которых рабочий класс создал свои профсоюзы. Облеченный доверием своих товарищей по работе, он долгие годы выполнял обязанности профсоюзного функционера. Как деятель и руководитель коммунистической партии, он одновременно был и опытейшим профсоюзным деятелем, все помыслы которого были направлены на улучшение положения рабочих и укрепление их массовой классовой организации. Он воспитывал коммунистов так, чтобы они рассматривали свою деятельность на предприятиях и в профсоюзах по защите интересов рабочих как свою главную задачу. В октябре 1928 г. главное правление Германского транспортного союза вручило ему почетную грамоту «в знак признания его заслуг в деятельности организации, за верность и самоотверженную работу за время 25-летнего членства»¹. Но Эрнст Тельман никогда не был удобным профсоюзным работником для реформистских деятелей профобъединения. Он всегда активно боролся за интересы рабочих и резко критиковал политику сотрудничества с буржуазией.

В своем ответном письме гамбургскому окружному правлению Всеобщего объединения от 23 марта 1931 г. Эрнст Тельман с гордостью подтвердил свою приверженность революционной профсоюзной политике: «Точно так же как и тысячи моих коллег в этом объединении и десятки тысяч — в других объединениях, я долгие годы трудился в качестве функционера на благо свободных профсоюзов, которые стали мощной массовой организацией благодаря неустанной работе и самоотверженности миллионов немецких рабочих. В лице свободных профсоюзов германский рабочий класс хотел создать оборонительный вал против предпринимателей, боевую организацию для защиты своих жизненных интересов. Он также хотел создать в соответствии с учением Маркса мощный ударный кулак для разрушения системы наемного рабства». Тельман обвинял реформистских лидеров в том, что, став «штрейкбрехерами по убеждению», они превратили профсоюзы «из организации классовой борьбы в организацию поддержки капиталистической экономики и капиталистической госу-

¹ IML, ZPA, NL 3/3.

дарственной власти». Я признаю себя «виновным» в том, писал он, что, находясь во главе коммунистического движения, веду борьбу за восстановление «разрушенного профсоюзной бюрократией оборонительного вала», за то, чтобы продолжали жить «лучшие традиции более чем 60-летней профсоюзной классовой борьбы в Германии».

«Вы можете исключить меня, в течение десятилетий работавшего на благо объединения», — писал в заключение Эрнст Тельман; но пролетарскую классовую борьбу нельзя свернуть с ее победоносного пути ни бумажными резолюциями об исключении, ни полицейскими дубинками и злодейскими убийствами, которые совершают гитлеровские отряды защиты капитала. История идет своим путем, и она сметет с лица земли эксплуататоров вместе с их лакеями. «Вот что я могу сказать «в свое оправдание» в ответ на ваше письмо от 18 марта 1931 г.»¹. 8 апреля главное правление Всеобщего объединения «в соответствии с параграфом 5, пунктами «1а» и «б» устава»² исключило Эрнста Тельмана из профсоюза.

Подобные махинации не поколебали решимости Эрнста Тельмана и его партии, несмотря на все препятствия вести борьбу за интересы угнетенных. Об этом свидетельствовали разгневанные как раз в это время выступления трудящихся: в конце марта в Тюрингии, а во второй половине апреля в районе Даниига прошли забастовки сельскохозяйственных рабочих. 18 апреля в Эссене в голодном марше, к которому призвала КИГ, приняли участие 20 тыс. безработных и работающих. Об этом свидетельствовали также прошедшие по всей Германии забастовки строительных рабочих. Попытка предпринимателей в области строительства использовать окончание в конце марта срока действия тарифных договоров для общего значительного снижения заработной платы была поддержана государственными арбитражными органами, которые повсеместно вынесли решения в пользу предпринимателей. Сначала против этого выступили строительные рабочие в Саарской области. 1 апреля по инициативе Революционной профсоюзной оппозиции началась забастовка в Берлине; и вскоре здесь, а также в Рейнской области, в Вестфалии, в Саарской области работа замерла почти на всех стройках. В Саксонии предприниматели прибегли к локаутам. Бастовали тысячи рабочих в Бремене, Галле, Гамбурге, Оффенбахе, Мангейме, во многих небольших городах, таких, как Биттерфельд, Делич, Мюльхаузен, Рудольштадт, Шлойзинген и Вайсепфельс. Борьба продолжалась до середины апреля, к ней присоединялись все новые местные группы объединения свободных профсоюзов строительных рабочих. Затем стачечный фронт ослаб, так как реформистские лидеры профсоюзов объявили новое решение арбитражного суда обязательным.

¹ Die Rote Fahne, 5. IV 1931.

² Ebenda, 12. IV 1931.

Все поведение правых социал-демократических лидеров подтвердило оценку, данную КППГ социал-демократии. Эрнст Тельман решительно осуждал политику СДПГ, имевшую столь тяжелые для трудового народа последствия, и требовал в этой связи подрывать в среде рабочего класса влияние ее руководства. Оценивая социал-демократию как главную социальную опору буржуазии, он, однако, всегда подчеркивал, как, например, на пленуме Центрального Комитета в январе 1931 г., что, хотя СДПГ представляет собой «главное препятствие для пролетарской революции в лагере рабочего класса», совершенно ясно, что «сегодня главным врагом пролетариата в его классовой борьбе против буржуазии, против капитализма в Германии является фашизм». В той же речи Тельман как о «само собой разумеющемся деле»¹ совершенно определенно говорил, что необходимо делать различие между руководством СДПГ и низовыми функционерами, рабочими социал-демократами и безработными, что ответственность за политику партии нельзя возлагать на рядовых членов и сторонников СДПГ. Соответствующую формулировку в резолюции, на которую он здесь ссылаясь, Эрнсту Тельману пришлось отстаивать в борьбе против других точек зрения на пленуме Центрального Комитета еще в марте 1930 г.

Однако это «само собой разумеющееся дело», о котором говорил Эрнст Тельман, и весной 1931 г. было таковым не для всех коммунистов. Терпимость руководства СДПГ по отношению к правительству Брюнинга и поддержка фашизации снова и снова давали повод для ошибочной характеристики политики правых социал-демократов как «социал-фашистской». Систематический срыв реформистскими профсоюзными лидерами боевых акций профсоюзов приводил порой к односторонним оценкам социал-демократии, которые неверно отражали ее сущность и, вместо того чтобы содействовать проведению тактики единого фронта, скорее затрудняли его.

Лозунг народной революции нацеливал на создание широкого союза всех трудящихся. Претворяя в жизнь эту целевую установку, Эрнст Тельман с особой энергией занялся проблемами трудового крестьянства. Оно было важнейшим потенциальным союзником рабочего класса, и поэтому на него в особой мере была направлена демагогия нацистов. Объективно трудовое крестьянство крайне нуждалось в политической помощи рабочего класса. Эрнст Тельман настаивал на проведении партией в отношении крестьянства более эффективной политики. Сельских воскресников, подчеркивал он, т. е. агитационных поездок в деревню, и многочисленных предложений КППГ в земельных парламентах об оказании помощи группам мелких крестьян, виноградарей и рыбаков, особенно пострадавшим от кризиса или от стихийных бедствий и других причин, уже недостаточно для убеждения трудя-

¹ *Thälmann Ernst. Volksrevolution über Deutschland, S. 36, 35.*

щихся крестьян в том, что КППГ — единственная политическая партия, серьезно и честно защищающая их интересы. Следовало организовывать внепарламентскую борьбу и на селе, увязывая ее с потребностями трудового крестьянства. Например, необходимо было оказывать поддержку борьбе крестьян против принудительной распродажи с аукциона их полей, дворов и скота. Эта борьба начинала разворачиваться тогда во многих областях, главным образом в Северной и Средней Германии.

Поэтому Эрнст Тельман не упускал случая, чтобы самому как можно лучше ознакомиться с положением и заботами крестьян. Он не только изучал статистический материал, сообщения о положении на рынке и постановления о пошлинах, но и бывал в деревнях. Пауль Тастезен рассказывал, как однажды Эрнст Тельман поручил ему и другим местным партийным работникам организовать в районе Нойштрелиц встречу с трудящимися крестьянами. Товарищи должны были указать ему деревенский ресторанчик, где он мог бы поесть и заодно побеседовать с простыми крестьянами. Однако товарищи не решились повести своего Председателя партии в убогий трактир и назвали ему ресторан, в котором обычно собирались преимущественно местные кулаки, торговцы хлебом и скотом. Тельман откровенно высказал молодым коммунистам свое мнение на этот счет. Он решил задержаться в этом районе подольше и не успокоился, пока в доме родителей одного из коммунистов, которые сами были из мелких крестьян, не встретился за ужином с их соседями и подробно не побеседовал с ними¹.

Когда Тельман выступал в Кёльне в связи с коммунальными выборами, делегаты крестьян из Эйфеля, одной из беднейших сельскохозяйственных областей Германии, вручили ему меморандум. В нем они рассказали о страшной нужде бедняков и выразили поддержку политике КППГ. В ответ Эрнст Тельман направил крестьянам Эйфеля письмо, в котором разоблачал политику нацистов и других буржуазных партий, реакционных крестьянских союзов, правительства Брюнинга, а также политику социал-демократов. Все они обещали крестьянам помощь, но своих обещаний не выполняли. Более того, они постоянно голосовали против всех вносимых КППГ в парламент предложений об освобождении от налогов на крестьянские наделы, об аннулировании долгов, о более терпимой в отношении крестьян пошлинной политике, об арендных облегчениях и др. Помощь могла быть лишь в совместной борьбе трудового крестьянства в союзе с революционным пролетариатом, писал Эрнст Тельман в письме от 25 марта. Примеры такой совместной борьбы уже имелись. Крестьянам и рабочим в различных деревнях в Шлезвиг-Гольштейне, Саксонии и Бранденбурге под руководством коммунистов удалось не допустить принудительной распродажи с аукциона имущества бедняков.

¹ По сообщению Пауля Тастезена авторскому коллективу.

В Мекленбурге, Восточной Пруссии и Рейнской области, писал Тельман, трудящиеся крестьяне решили не возвращать полученные кредиты. Следует организовать широкую борьбу и против арендной платы, и против налогового бремени, и против всех видов эксплуатации и ограбления¹.

Непосредственно перед началом XI пленума ИККИ, который был созван 25 марта 1931 г., Эрнст Тельман вместе с другими членами делегации КПГ выехал в Москву. 29 и 30 марта ИККИ заслушал его содоклад «О положении в Германии и задачах КПГ» к основному докладу Д. З. Мануильского. 11 апреля, в последний день работы пленума, Тельман выступил еще раз, в прениях по докладу Марселя Кашена о задачах коммунистических партий перед лицом усиления угрозы войны.

Эрнст Тельман поддержал содержащуюся в тезисах этого пленума оценку международного положения, которое, с одной стороны, характеризовалось подъемом социализма в Советском Союзе, а с другой — усилением загнивания капитализма. В капиталистических странах шло наступление капитала на широкие слои трудового народа, а наиболее реакционные силы монополистического капитала перешли к политике фашизации. Тельман также разделял тезис о том, что главная задача коммунистических партий состояла в завоевании большинства рабочего класса. Поэтому он энергично поддержал требование, чтобы коммунисты всегда и везде вели решительную борьбу за повседневные интересы рабочего класса и других трудящихся. Эту задачу выдвигали также Д. З. Мануильский, Юлиан Ленский, Клемент Готвальд, И. А. Пятницкий, другие руководящие деятели Коммунистического Интернационала и представители его некоторых важнейших секций².

Эрнст Тельман подробно говорил о борьбе КПГ против фашизации. Он сообщил, что «стратегический политический поворот против фашизма» решающим образом оживил массовую работу КПГ и привел в движение огромное число трудящихся³. Тельман поддержал Д. З. Мануильского, заявившего, что любая педооценка фашизма ведет к ослаблению борьбы против политики фашизации; поэтому фашизм нельзя рассматривать только лишь как проявление слабости буржуазии и оборонительную меру капитала. Он является также и наступлением монополистического капитала. Следует решительно осудить мнение, что рост фашизма якобы подготавливает победу коммунизма, поскольку фашизм крайне обостряет противоречия между монополистическим капиталом и трудящимися массами⁴.

¹ Vgl. Ernst Thälmann zeigt den werktätigen Bauern den Ausweg.— In: Neue Deutsche Bauern-Zeitung (Berlin), 1931, Nr. 4.

² См.: XI пленум ИККИ. Стенографический отчет. Выпуск 1. Компартии и кризис капитализма. М., 1932, с. 621—634.

³ См. там же, с. 170.

⁴ См. там же, с. 606, 607.

Эрнст Тельман подробно говорил о лозунге народной революции. При этом он прежде всего обосновал необходимость ориентироваться не только на рабочий класс, но и на широкие массы. Он подчеркнул, что без рабочих социал-демократов единый фронт против фашизма и империализма немыслим. Эти рабочие обладали «определенным, хотя и не вполне четким, классовым самосознанием». Они искренне желали социализма, поэтому среди них можно было и следовало вести политическую работу. Он высказал опасение, что вновь созданные красные профсоюзы могут остаться лишь «сектантскими организациями», и подчеркнул, что необходимо настойчивое, систематическое «углубление нашей работы в реформистских профсоюзах»¹.

В дискуссиях и в решениях XI пленума ИККИ нашли свое отражение боевой дух коммунистов, их стремление поднять массы на решительную борьбу с фашизмом и капиталом. При этом, однако, была допущена определенная переоценка темпов назревания революционного кризиса и были подтверждены некоторые ошибочные оценки. Например, в тезисы пленума была включена сектантская точка зрения относительно дальнейшего развития социал-демократии. И далее, с одной стороны, давалась установка на защиту всех демократических завоеваний, а с другой — заявлялось, что разговоры о «противопоставлении фашизма буржуазной демократии и парламентских форм диктатуры буржуазии ее открыто фашистским формам» представляют собой искусственную конструкцию². Хайнд Нойман, выступавший от имени комиссии по разработке тезисов, заявил, что главный удар должен быть направлен не против одной из форм буржуазной диктатуры, а против диктатуры буржуазии вообще³.

Однако от подобных советов было мало пользы в стране, где самые реакционные и агрессивные силы монополистической буржуазии намеревались совершить переход к открытой террористической диктатуре и разрушить буржуазно-парламентский строй, который хотя и был диктатурой буржуазии, но представлял собой несравнимо более выгодное поле боя для рабочего класса. Поэтому Эрнст Тельман и другие руководящие деятели Коминтерна считали высказанную Нойманом точку зрения бесплодной и вредной для проведения эффективной политики.

XI пленум ИККИ снова избрал Эрнста Тельмана членом Президиума ИККИ, а на его первом заседании 15 апреля он был избран членом Политического секретариата.

14 и 15 мая 1931 г. Центральный Комитет КПГ на своем пленуме рассмотрел итоги работы XI пленума ИККИ и его решения.

¹ XI пленум ИККИ. Стенографический отчет. Выпуск 1. Компартия и кризис капитализма, с. 166, 178.

² См. там же, с. 626.

³ См.: XI пленум ИККИ. Стенографический отчет. Выпуск 2. Военная опасность и задачи Коминтерна. Заключительные работы пленума. М.—Л., 1931, с. 231.

Доклад по этому вопросу сделал Герман Реммеле. Эрнст Тельман выступил в прениях вечером первого дня работы пленума. Незадолго до этого, 6 мая, он уже проинформировал Политбюро по этому вопросу.

В своем выступлении в прениях на пленуме ЦК Эрнст Тельман подробно говорил только о профсоюзной работе. Он постоянно указывал, что следует усилить внимание к рабочим, организованным в свободных профсоюзах, и что ни в коем случае нельзя ограничивать работу коммунистов в профсоюзах так называемыми красными профсоюзами. Он также предостерегал, что деятельность среди безработных не должна вести к ослаблению политической работы на предприятиях. «В настоящий момент,— сказал он о заводских рабочих,— эти массы идут за социал-демократами»¹. Привлечь их на свою сторону, конечно, труднее, но и важнее, чем другие отряды рабочего класса. Вместе с тем он обратил внимание на то, что обещание никоим образом не делает безработных революционерами, а скорее наоборот, стихийно вызывает у них безнадежность и пассивность либо повышенную восприимчивость к лицемерной фразеологии пацистов. Поэтому, говорил Тельман, КПП должна продолжать целенаправленную борьбу за мобилизацию безработных и за улучшение их положения. Он сообщил, что требования КПП по ликвидации безработицы будут обобщены в программе по повышению занятости, разработка которой завершалась.

В качестве особого пункта повестки дня пленум Центрального Комитета рассмотрел во второй день своей работы вопрос: «Наша работа на селе». Докладчиком по этому вопросу был Генрих Рау. Выступив в прениях, Эрнст Тельман потребовал, чтобы партия с учетом опыта, о котором он говорил в своем письме к крестьянам Эйфеля, более конкретно занималась заботами и нуждами трудового крестьянства и училась говорить их языком. Он сообщил, что в своем выступлении на следующий день в Ольденбурге в связи с выборами в ландтаг он объявит требования, выдвинутые КПП от имени трудового крестьянства. Эти требования, заметил Эрнст Тельман, не представляют собой «какую-либо обширную программу»²; но на деле речь шла о конкретном плане действий, где содержались ближайшие и самые неотложные меры по улучшению положения крестьян, которые можно было осуществить немедленно.

Эту программу помощи крестьянам Эрнст Тельман объявил 16 мая 1931 г. на митинге крестьян в концертном зале Ольденбурга. В своей речи он убедительно показал нищету крестьян и вопиющую несправедливость аграрной политики правительства, подтвердив это красноречивыми статистическими данными. Как всегда, он затронул и специфические проблемы слушателей. Здесь

¹ IML, ZPA, I 2/1/79.

² Ebenda, I 2/1/80.

он наряду с прочим подверг критике меры министра сельского хозяйства правительства Брюнинга, бывшего президента Союза сельских хозяев Мартина Шиле, которые были направлены на разорение мелких свиноводческих и откормочных хозяйств северо-западной Германии, с тем чтобы создать благоприятные условия для развития этой отрасли к востоку от Эльбы, где хозяйничали юнкеры. Тельман подробно рассказал о развитии сельского хозяйства в Советском Союзе в условиях социализма, о том, как там был решен вопрос о земле в интересах беднейшего крестьянства, как увеличились доходы, улучшились условия жизни и труда, возможности советских кооперированных крестьян для получения образования¹.

Затем Тельман изложил программу КПГ по оказанию помощи крестьянам: следовало полностью или частично списать долги мелких и средних крестьян, виноградарей, овощеводов и мелких рыбаков на общую сумму не менее 5 млрд. марок, ликвидировать арендную плату, отменить обременительные для мелких крестьян пошлины на зерно и корма, списать налоги для малоземельных крестьян и середняков. Владельцы карликовых крестьянских хозяйств и крестьянская молодежь, вынужденные жить на побочные заработки, в случае необходимости должны были получать пособие по безработице. Для мелких крестьян, виноградарей и рыбаков следовало внести систему государственного социального обеспечения по старости и болезни. В выдвинутой КПГ программе помощи крестьянам доказывалась необходимость безвозмездной экспроприации крупных землевладельцев и передачи их земли малоземельным крестьянам. В качестве немедленной меры КПГ требовала лишить юнкеров «восточной помощи» на общую сумму 2,5 млрд. марок, часть которой использовалась ими, по невызывавшим сомнений сведениям, для спекуляции землей, а часть растрачивалась на оплату их расточительного образа жизни, и направить эти средства на оказание помощи трудящимся крестьянам. КПГ не давала крестьянам никаких обещаний, а заявила им откровенно: «Трудовое сельское население должно под руководством коммунистической партии добиваться удовлетворения требований крестьян и в тесном союзе с промышленным пролетариатом повсеместно вести борьбу за выполнение этих требований. Единственной гарантией успешного претворения в жизнь этих требований является совместная борьба за ликвидацию капиталистического господства, за создание рабоче-крестьянского правительства»².

КПГ стремилась довести свои аграрно-политические требования до сведения широкой общественности как можно быстрее. Уже 18 мая Секретариат ЦК принял решение опубликовать речь

¹ Vgl. Genosse Ernst Thälmann proklamiert Bauernhilfsprogramm der KPD.— In: Die Rote Fahne, 22. V 1931.

² Bauernhilfsprogramm der KPD, verkündet am 16. Mai 1931.— In: Die Rote Fahne, 22. V 1931.

Эрнста Тельмана в Ольденбурге во всех партийных газетах. 20 мая Эрнст Тельман предложил направить программу помощи крестьянам и текст своей речи буржуазным газетам, прежде всего редакциям ведущих крестьянских газет с предложением напечатать их. Конечно, эти газеты не опубликовали доводы коммунистов, однако неожиданное для реакционных сил выступление Эрнста Тельмана перед крестьянами помешало им прибегнуть к применявшейся обычно тактике замалчивания и вынудило буржуазную печать выступить с сообщениями и возражениями.

В крестьянских кругах речь Тельмана и программа помощи крестьянам вызвали положительный отклик. Коммунистам удалось организовать в ряде областей крестьянские конференции либо выступить на совещаниях крестьянских представителей. В Центральный Комитет и окружные партийные комитеты поступали письма крестьян по поводу программы крестьянской помощи. Газета «Ди роте фане» опубликовала факсимиле одного из таких писем, в котором крестьянин из Померании сообщал Председателю коммунистической партии: «Мы очень внимательно прочитали программу помощи крестьянам. Она содержит все, чего требуют трудящиеся крестьяне. Поэтому мы приветствуем эту программу помощи крестьянам и обязуемся обеспечить поддержку этой программы со стороны мелкого и среднего крестьянства в районе Кольберг, чтобы еще быстрее ширился союз города и деревни»¹.

29 мая 1931 г. в газете «Ди роте фане» был опубликован план КПГ по увеличению занятости, о котором Эрнст Тельман сообщал на пленуме Центрального Комитета. В нем содержались реальные предложения по вовлечению безработных в производственный процесс. В плане убедительно доказывалось, что для миллионов безработных имелась общественно полезная работа, прежде всего в жилищном и дорожном строительстве, на прокладке автострад, сооружении дамб и регулировании стока рек, на постройке плотин и мелиоративных работах в болотистых местностях. Много новых рабочих мест можно было создать за счет строительства больниц и детских садов, стадионов и плавательных бассейнов, электрификации железнодорожных линий в важных промышленных центрах и т. п. С другой стороны, в соответствии с планом следовало запретить ликвидацию рабочих мест путем закрытия предприятий или сокращения производства. Кроме того, план содержал предложения по финансированию создания новых рабочих мест. Так, КПГ требовала прежде всего сокращения расходов на вооружения и введения целевых налогов на крупные состояния и доходы. Указывались пути борьбы безработных за реализацию этих предложений. Своим планом увеличения занятости КПГ давала конструктивную ориентацию для выступлений безработных, направленных против проводившейся монополиями и госу-

¹ Die Rote Fahne, 4. VI 1931.

дарством политики обнищания. Этот план представлял собой конкретную основу для развертывания манифестаций и демонстраций безработных, акций протеста на биржах труда и выступлений делегаций в ратушах.

В июле 1931 г. по инициативе КПП было создано боевое содружество мелких ремесленников и представителей свободных профессий. Оно требовало, чтобы представителям этих групп профессий, потерявшим работу, заказы и доходы, выплачивалось своего рода пособие по безработице, а лица с низкими доходами освобождались от налогов и квартплаты. Оно образовало бесплатную консультационную службу. Вслед за этим аналогичные конструктивные инициативы в интересах трудящихся КПП выдвинула и для других слоев населения.

6

**«Социал-демократические
товарищи по классу,
вы намерены бороться
за Брюнинга
или за социализм?»**

В статье по случаю 1 Мая Эрнст Тельман обрисовал сложность обстановки, в которой рабочий класс вел антифашистскую борьбу, отметив, что рабочие подвергались сильному давлению: «Режим правительства Брюнинга готовит в Германии фашистскую диктатуру. Находясь вне правительства, что не мешает им, однако, быть накрепко связанными с капитализмом, колонны национал-социалистских головорезов пытаются сбить с толку рабочий класс, сломить его волю к сопротивлению путем террора, трусливых покушений из-за угла и налетов. С другой стороны, в рейхстаге, в реформистских профсоюзах, во всех выступлениях трудящихся за свои экономические интересы социал-демократическое руководство предстает как самый близкий союзник фашистской политики германской буржуазии. Коммунисты гибнут от руки подлых нацистских убийц, а начальники полиции социал-демократы запрещают коммунистические газеты. Убивают коммунистов, а прислуживающая финансовому капиталу социал-демократия пытается в ответ на это разгонять собрания революционных рабочих, их демонстрации, срывать их агитацию»¹.

В то лето резко обострился экономический кризис. Ярким проявлением этого являлось банкротство крупных банков. Чтобы отвести нависшую над Германией угрозу финансовой катастрофы, по предложению президента США Гувера на год была приостановлена выплата репараций и процентов. Германский финансовый

¹ *Thülmann Ernst. Kampfmai für Sowjetdeutschland.*— In: *Kampfmai gegen den Faschismus* (Zeitung zum 1. Mai 1931), Berlin.

капитал требовал от правительства еще более бесцеремонного, чем до сих пор, перекладывания тяжести кризиса на плечи трудящихся. В июне, октябре и декабре были приняты чрезвычайные декреты, предписывавшие резкое сокращение заработной платы и социального обеспечения. Материальное положение трудящихся продолжало ухудшаться.

Численность безработных превысила 4 млн. и неуклонно росла — в середине 1932 г. почти каждый второй рабочий оказался не у дел. Массовая, хроническая безработица распространилась также на служащих, инженеров и техников. Чиновникам низших и средних тарифных ставок пришлось мириться со снижением зарплаты и пенсий и платить дополнительные налоги. Все больше ухудшалось также социальное положение мелких ремесленников. Уже в 1930 г. оборот в области ремесел упал на 1,5 млрд., а розничный товарооборот — примерно на 3 млрд. марок. Сильно возросло налоговое и процентное бремя для сельских тружеников. Выросшие в 1928—1930 гг. на 800 млн. марок долги сельского хозяйства легли прежде всего на плечи мелких и средних крестьян. Все больше крестьянских дворов разорялось. В 1931—1932 гг. началась принудительная продажа с аукциона примерно 50 тыс. хозяйств.

КПГ была единственной партией, которая боролась против яростного наступления монополистического капитала. Коммунисты вели неустанную работу по организации забастовочной борьбы, принимали различные инициативы в помощь безработным и трудящимся крестьянам, обращались с призывами к служащим и чиновникам, мелким ремесленникам и лицам свободных профессий, выступали в парламенте в защиту молодежи и женщин, в поддержку жертв войны и защиту квартиросъемщиков — все свои силы компартия направляла на мобилизацию трудящихся на решительную борьбу за свои жизненные права. Старые буржуазные и фашистские партии обманывали народ, лгали ему относительно причин его бедственного положения, стремились демагогическими посулами сбить массы с толку. Социал-демократические лидеры представляли дело так, будто во всем виноват экономический кризис и последствия его якобы неотвратимы, лежат в природе вещей.

31 мая 1931 г. в Лейпциге собрался очередной съезд СДПГ. Руководство партии подвело итоги двух минувших после магдебургского съезда лет, сделав это в откровенно оппортунистическом духе. Оно одобрило политику возглавлявшихся социал-демократами земельных правительств, которые проявили терпимость к Брюнингу и проводили в жизнь его чрезвычайные декреты. Те, кто пытался критиковать эту политику и выражал оппозиционные взгляды, были резко одернuty. На рост влияния КПГ в рядах рабочего класса и на все громче раздававшиеся требования социал-демократов развертывать борьбу против фашизма правление СДПГ ответило яростными антикоммунистическими выпадами.

Один из председателей партий — Отто Вельс выдвинул лозунг: «Большевизм и фашизм — братья!»¹ Человек, который в марте за закрытыми дверями советовался с рейхскампфлером о том, как следует социал-демократии удерживать рабочих от борьбы против фашизации, теперь призывал к решительной борьбе — но против коммунистов!

Правда, выступавший на съезде влиятельный правый профсоюзный деятель Фриц Тарнов² вынужден был исключить из названия своего доклада «Капиталистическая экономическая анархия и рабочий класс» реформистский тезис об «организованном» капитализме. Однако в вопиющем противоречии с действительностью он утверждал в своей речи, что монополизация капитала, система страхования и пособий, передача капиталистическому государству акций малорентабельных или нерентабельных предприятий и даже брюннинговские чрезвычайные декреты являются-де «мощным фундаментом и несущими конструкциями для строительства социалистического будущего». Вместо того чтобы признать, что мировой экономический кризис является доказательством исторической обреченности капитализма, Тарнов заявил, что рабочий класс должен стоять «у больничного ложа капитализма... как врач, который намерен лечить»³. Тем самым он оправдывал перекладывание бремени кризиса на плечи трудящихся и доказал, что ни он сам, ни его единомышленники не были способны, да и не хотели мыслить категориями, выходящими за рамки капитализма. Напротив, все их помыслы были направлены к одному: поспешить на помощь капитализму, даже ценой того, что было завоевано рабочим движением в долгой и упорной борьбе. Стремясь угодить капитализму, эти социал-демократические лидеры готовы были поступиться как историческими перспективами рабочего класса, так и непосредственными материальными интересами пролетариата.

Лейпцигский съезд СДПГ не выдвинул никакой альтернативы и процессу фашизации. Напротив, в докладе по пункту повестки для «Преодоление фашизма» утверждалось, что фашизм уже вынужден перейти к отступлению. Хотя многие социал-демократы с озабоченностью следили за продвижением вперед гитлеровского фашизма, а руководящие деятели социал-демократии не могли не видеть, что Брюнинг стремился к установлению неприкрытой диктатуры правых сил, диктатура чрезвычайных декретов кабинета Брюнинга выдавалась ими за единственно возможную, пусть непривлекательную, политику, лишь бы не пришел к власти настоящий фашизм. В марте 1931 г. эти социал-демократические лидеры

¹ Sozialdemokratischer Parteitag in Leipzig 1931, vom 31. Mai bis 5. Juni im Volkshaus. Protokoll. Berlin, 1931, S. 19.

² Фриц Тарнов являлся председателем Германского союза рабочих деревообрабатывающей промышленности, членом федерального правления АДГБ и секретарем исполкома Международного союза рабочих деревообрабатывающей промышленности.

³ Sozialdemokratischer Parteitag in Leipzig 1931..., S. 50, 45.

дали согласие на предоставление Брюнингу диктаторских полномочий, 15 июня они просили его лишь оставить «клапан» для выхода недовольства масс и сохранить парламентские органы в качестве «ширмы»¹. Позднее Брюнинг даже объявил правым социал-демократическим лидерам, не встретив каких-либо возражений, что ввиду намечающейся диктатуры правых сил во главе с партией нацистов и Германской национально-народной партией СДПГ не имеет дальнейшей перспективы, однако, несмотря на это, он рассчитывает на их молчание². Таким образом, руководство социал-демократии повинно в сознательном обмане масс и пособничестве империалистической реакции.

5 июня, когда съезд СДПГ закончился, был издан «второй декрет рейхспрезидента об обеспечении экономики и финансов», включавший набор реакционнейших мероприятий, в том числе сокращение заработной платы и пенсий для гражданских служащих, пособий по безработице и в случае кризисов, а также новые налогообложения трудящихся более чем на 0,5 млрд. марок. Момент для этого нового наступления на жизненные права трудящихся был выбран не случайно: Брюнинг дождался конца съезда, покуда дольше не захотел считаться с социал-демократами.

Хотя Эрнст Тельман не знал содержания мартовских бесед социал-демократических лидеров с Брюнингом, он разгадал смысл этого разыгранного как по нотам спектакля. На митинге КПГ 11 июня в берлинском Дворце спорта он выступил с резким протестом против нового чрезвычайного декрета.

В своей речи он убедительно показал, что политика чрезвычайных декретов Брюнинга ведет немецкий народ к катастрофе. Тельман обвинил правительство в том, что оно обрекает миллионы трудящихся на голод и истощение, сокращая размеры пособий или даже отменяя их полностью и экономя прежде всего за счет беднейших слоев. Продиктованная интересами монополистического капитала экономическая политика президентского кабинета, говорил он далее, обостряет экономический кризис и катастрофически усугубляет его последствия для народных масс.

Тельман обвинил руководство СДПГ в том, что своей терпимостью в отношении Брюнинга оно лишь поощряет его реакционный курс. Оно мирится с принятием одного чрезвычайного декрета за другим, даже не пытаясь оказывать сопротивление, не говоря уже о том, чтобы призвать к совместной борьбе против этой политики. Эрнст Тельман подробно говорил о только что закончившемся съезде СДПГ, на котором, по его оценке, под влиянием руководства произошел дальнейший сдвиг социал-демократии вправо. Он показал, что правые лидеры социал-демократии еще более безоговорочно и открыто проявляли терпимость в отношении политики Брюнинга и сами проводили ее в жизнь, особенно в Пруссии, где

¹ Vgl. Bundesarchiv Koblenz, Akten der Reichskanzlei, R 43 I/1021. Zit. nach Das Ende der Parteien 1933, S. 213.

² Vgl. *Brüning Heinrich. Memoiren*, S. 462.

Отто Браун в качестве премьер-министра и Карл Зеверинг — министра внутренних дел занимали ключевые посты в правительстве. То новое, что привнес лейпцигский съезд в политику социал-демократии, Тельман выразил в следующих словах: «До сих пор СДПГ проводила свою политику поддержки Брюнинга как бы тайно, скрытно, облекая ее в формулу «меньшего зла»... Но теперь лейпцигский партийный съезд возвел политику Брюнинга в ранг официальной теории и практики германской социал-демократии»¹. Эрнст Тельман предсказал, что социал-демократическое руководство и после потери министерских постов как в центральном правительстве, так и в Пруссии будет безусловно продолжать поддерживать буржуазию.

Анализируя лейпцигский съезд СДПГ, Эрнст Тельман подчеркнул то, что были вынуждены признать, хотя и в завуалированной форме, выступавшие на нем докладчики: общественная практика опровергла все провозглашавшиеся на предшествующих съездах СДПГ реформистские, основанные на идее постепенного вращивания капитализма в социализм теории об «экономической демократии» и «организованном капитализме». Тельман решительно выступил против попыток приспособить эти тезисы к условиям экономического кризиса.

Эрнст Тельман обратился к социал-демократическим рабочим с настоятельным призывом образовать единый фронт: «Коммунистическая партия обращается к социал-демократическим товарищам по классу и призывает к их социалистическому чувству. Да, товарищи, мы протягиваем вам руку для совместной борьбы, мы готовы в братском союзе с вами создать фронт революционной борьбы, единый народный фронт против обанкротившейся капиталистической системы и против правительства Брюнинга».

Эрнст Тельман видел в социал-демократах своих товарищей по классу. Он всем сердцем стремился убедить их, что рабочие не должны позволить оттеснить себя в лагерь тех, кто готовит приход фашизма, что они не должны становиться на пути тех, кто добивается победы социализма. «Мы спрашиваем вас, социал-демократические товарищи по классу, — продолжал он, — вы намерены бороться за Брюнинга или за социализм? Это ключевой вопрос, который ныне стоит перед каждым социал-демократическим рабочим, перед каждым социал-демократическим функционером. Следуя своему собственному классовому инстинкту, руководствуясь своим классовым сознанием, каждый социал-демократический рабочий должен сделать выбор, и этот выбор может быть только один: вместе с коммунистами против капиталистов, против фашизма, против правительства — пособника фашистской диктатуры, против Брюнинга и всех, кто входит в его фронт».

Но подавляющее большинство социал-демократов не вняло этим призывам. Многие из них были сбиты с толку лживыми доводами

¹ *Thälmann Ernst. Katastrophe oder Sozialismus? S. 17—18.*

правых социал-демократических лидеров, доказывавших, что Брүннгу пужно дать свободу рук, чтобы фашизм не смог победить и полностью преградить путь к социализму. Не прошло бесследно и лицемерное утверждение Фрица Таршова, что если «паццепт» — капитализм — дышит на ладан, то страдают массы, а поэтому сначала пужно облегчить страдания капитализма¹.

Эрнст Тельман четко указал на объективно существующую линию классового фронта, а также на противоречия, расколовшие социал-демократию вследствие буржуазной политики ее правых лидеров. В этой связи он выразил надежду, что социал-демократические рабочие порвут с руководителями своей партии: «Мы хорошо знаем, что для рабочего, который, быть может, десятки лет является социал-демократом, не пустячное дело подвести черту под прошлым и перейти в лагерь коммунизма. Но выше всякой привязанности к той или иной партии стоит верность классу, пролетариату»². Но привязанность очень многих рабочих социал-демократов к своей старой партии была сильнее, чем полагал Тельман. Они не верили, что их руководители уже давно и столь прочно связали свою судьбу с капитализмом.

Мнение Тельмана, что влияние социал-демократических лидеров ослабевает, подкреплялось тем фактом, что внутри СДПГ действительно возникала оппозиция. На лейпцигском съезде были подвергнуты резкой критике несогласные с политикой руководства представители социал-демократической молодежи, а поведение девяти депутатов рейхстага, голосовавших в марте против кредитов на строительство броненосцев, было осуждено как «нарушение дисциплины», им грозило исключение из СДПГ³. Эрнст Тельман внимательно следил за развитием оппозиционных настроений среди социал-демократов и в своей речи на митинге 11 июня цитировал некоторые из их высказываний на лейпцигском съезде.

Тем не менее еще на январском пленуме Центрального Комитета КПГ он решительно предостерегал против «образования новой НСДПГ»⁴ и теперь повторил это предостережение. Тельман указал на отсутствие у правых лидеров социал-демократии свободы действий, вследствие чего они на съезде прибегли к столь жестким санкциям против оппозиции в СДПГ. Таким образом, оппозиционеры были вынуждены либо подчиниться политике правых, либо порвать со своей партией. Если бы они решились на последнее, попытавшись создать собственную центристскую партию, они потерпели бы неудачу, поскольку для этого уже не было массовой базы. Кроме того, образование новой партии нанесло бы немецкому рабочему классу вред, затруднив процесс прояснения позиций среди рабочих — членов СДПГ⁵. Когда в начале октября 1931 г. такая

¹ Vgl. Sozialdemokratischer Parteitag in Leipzig 1931..., S. 46.

² Thälmann Ernst. Katastrophe oder Sozialismus? S. 23.

³ Vgl. Sozialdemokratischer Parteitag in Leipzig 1931..., S. 119—120, 288.

⁴ Thälmann Ernst. Volksrevolution über Deutschland, S. 40.

⁵ Vgl. Thälmann Ernst. Katastrophe oder Sozialismus? S. 18—19, 21—22.

партия действительно возникла (Социалистическая рабочая партия — САП), то предвидение Эрнста Тельмана полностью подтвердилось.

Из ужесточения руководством СДПГ антикоммунистической политики, его соглашательства с подталкивавшими процесс фашизации силами Эрнст Тельман делал вывод о необходимости еще более энергичной борьбы за единый фронт рабочего класса, ибо добиться необходимого изменения соотношения сил между равнявшейся к фашизму реакцией и противниками фашизма иным путем было невозможно.

Но эту точку зрения разделяли не все коммунисты. Линия, которую решительнее всего отстаивал Тельман, встречала сопротивление и в руководстве КППГ; его истоками были революционное нетерпение или боязнь трудностей повседневной борьбы за массы. Имели место также иллюзорные и авантюристические взгляды на дальнейшее направление развития классовой борьбы. Некоторые функционеры считали излишним вести терпеливую, настойчивую борьбу за влияние в массах, к которой постоянно призывал Эрнст Тельман. Они полагали, что классовую борьбу можно развивать произвольно, опираясь на псевдорадикальные лозунги. Во всяком случае, так вел себя кандидат в члены Политбюро, член Секретариата ЦК и главный редактор газеты «Ди роте фане» Хайнц Нойман. При поддержке члена Политбюро и Секретариата ЦК КППГ Германа Реммеле он потребовал, чтобы КППГ призвала к участию в предстоявшем летом 1931 г. референдуме по вопросу о роспуске прусского ландтага (этого референдума добивались «Стальной шлем», Германская национально-народная партия и нацистская партия), чтобы попытаться свергнуть возглавлявшееся социал-демократами коалиционное правительство Брауна — Зеверинга. Еще весной, когда фашисты выступили со своей затеей, Эрнст Тельман решительно отверг соответствующее предложение Реммеле и позаботился о том, чтобы Пауль Швенк и другие депутаты-коммунисты прусского ландтага выступили с разоблачением реакционных намерений фашистов.

Действуя за спиной председателя партии и других членов Секретариата, но якобы от их имени, Нойман и Реммеле 15 июля сообщили Вильгельму Пику, представлявшему в то время КППГ в Коминтерне, и руководителям ИККИ о том, что 17 июля Политбюро КППГ намерено пересмотреть отрицательное отношение КППГ к референдуму. Они заверили, что успех референдума обеспечен, что на предстоящих затем выборах КППГ победит все остальные партии, что значительная часть поддерживающих нацистов избирателей отвернется от Гитлера. В дополнение к своим беспочвенным прогнозам они предостерегали, что нельзя, мол, упускать такую возможность для более решительного выступления против социал-демократии¹.

¹ Vgl. IML, ZPA, I 6/3/218.

Когда же 17 июля собралось Политбюро, никто из его членов не высказался за участие в референдуме: более того, представители округов единодушно выступили против. Эрст Тельман подтвердил свое убеждение в том, что нельзя оказаться в одной компании с правыми партиями, что КПП должна решительно заявить о своем отрицательном отношении к референдуму. В этом духе и было выдержано решение Политбюро. В то же время Политический секретариат ИККИ — в противоположность точке зрения Д. З. Мануильского и других товарищей, смотревших на вещи реалистически, — согласился с точкой зрения Ноймана и Реммеле.

Из-за интриги Ноймана партия и лично Эрст Тельман оказались в исключительно сложном положении. Поэтому на заседании Секретариата 21 июля, в котором принимали участие Лео Флиг, Хайнц Нойман, Герман Реммеле, Эрст Тельман и Вальтер Ульбрихт, было решено созвать на следующий день Политбюро, Центральный Комитет, а затем совещание всех политических секретарей окружных комитетов, редакторов и заведующих отделами, чтобы рекомендовать принять участие в прусском референдуме.

Однако Эрст Тельман распорядился предъявить правительству Брауна — Зеверинга некоторые элементарные демократические требования. Соответствующее обращение было направлено еще 21 июля с просьбой дать ответ уже на следующий день. Если правительство Пруссии примет указанные требования, то КПП воздержится от участия в референдуме. Речь шла о четырех пунктах: о восстанавлении на территории прусского государства свободы печати, собраний и демонстраций для рабочего класса и отмене запретов и чрезвычайных декретов, ограничивающих эти основные права; об отмене сокращения пособий по безработице и жалованья для чиновников низших разрядов; о гарантии выплат небольших вкладов в прусских сберкассах; об отмене запрета в Пруссии Союза красных фронтовиков, являвшегося боевой организацией противников нацистов и «Стального шлема». Отто Браун и Карл Зеверинг даже не стали обсуждать эти требования, они не намеревались осуществлять мероприятия, шедшие вразрез с политикой фашизации, которую проводило германское правительство при безоговорочной поддержке с их стороны. Поэтому они грубо выпроводили депутатов ландтага Пауля Гофмана и Пауля Швенка, а также члена прусского Государственного совета Вильгельма Кёпена, передавших им требования КПП. Министр внутренних дел Пруссии довел эту провокацию правительства до крайности, отдав полиции распоряжение занять Дом им. Карла Либкнехта, где находился ЦК КПП.

На состоявшихся 22 июля заседаниях Политбюро ЦК и встрече с другими партийными работниками Эрсту Тельману все же пришлось поддержать предложение о призыве к голосованию за роспуск прусского ландтага¹, ибо иное решение вопроса уже не пред-

¹ Vgl. IML, ZPA, 3/19/757; 3/1/755; I 2/1/81.

ставлялось возможным. В то же время он потребовал, чтобы каждый коммунист в агитационной работе постоянно подчеркивал, что КПП неизменно считает фашизм своим главным врагом и если она выступает против возглавляемого социал-демократами правительства Пруссии, то делает это только в знак протеста против его участия в политике фашизации и против лживого тезиса о «меньшем зле».

9 августа референдум по вопросу о роспуске прусского ландтага провалился. В политическом выигрыше оказались правые лидеры социал-демократии, использовавшие участие КПП в референдуме для новых антикоммунистических выпадов, для того, чтобы еще больше углубить ров, разделявший социал-демократов и коммунистов.

События той недели показали Эрнсту Тельману, что в партии и в ее руководстве усиливались левооппортунистические тенденции, обусловленные трудностями классовой борьбы. Их главным проводником был Хайнц Нойман, не вернувший в силу рабочего класса. Его поддерживали член ЦК Курт Мюллер, пользовавшийся значительным влиянием в КСМГ, ряд других функционеров. Хайнц Нойман оказывал определенное влияние на члена Политбюро и Секретариата ЦК Лео Флига, много лет отвечавшего за работу аппарата Центрального Комитета, а также на секретаря Международной рабочей помощи и ответственного за массовую печать и партийные предприятия Вилли Мюнценберга.

Эрнст Тельман стремился как можно скорее устранить разногласия, обеспечить единство в партийном руководстве на основе реалистической оценки обстановки и четкой марксистско-ленинской ориентировки. 19 августа он провел беседу с Хайнцем Нойманом, Германом Реммеле и Лео Флигом. Он намеревался, как писал на другой день Лео Флигу: «1. Найти возможность для действительно сближения друг с другом как в интересах партийного руководства, так и в особенности всей партии. 2. Провести краткую беседу с Хайнцем и вами, чтобы устранить имеющиеся второстепенные расхождения во мнениях и добиться ясности в руководящем ядре, но особенно с товарищем Хайнцем, по важным вопросам работы в массах».

Перечисленные Тельманом вопросы показывают, на чем он хотел сконцентрировать силы партии. В них вскрывается ошибочность взглядов Ноймана, обращается внимание на противоречие между его звонкими революционными фразами и незначительными успехами КПП в деле организации действительной борьбы: «Почему у нас не проводятся крупные выступления и забастовки?.. Как придать массовый характер работе Революционной профсоюзной оппозиции? Решения январского и майского пленумов ЦК; опыт и уроки референдума и его особенности; усиление принципиальной борьбы против СДПГ при одновременном более широком применении тактики единого фронта в отношении социал-демократических и беспартийных рабочих; более целенаправленное использование

индивидуальных методов в отношении «левой СДПГ» при самой активной открытой борьбе с нею; неудачи в нашей работе на крупных предприятиях».

Встреча 19 августа не дала результатов, на которые рассчитывал Эрнст Тельман. Выступая в узком кругу, Нойман даже не пытался скрыть своих амбиций и политически обосновать свое враждебное отношение к Эрнсту Тельману. Очевидно, полагая, что ему удастся вытеснить Тельмана из состава руководства, он перешел к беспринципной борьбе против Председателя партии. «Опасения, которые уже давно тревожили меня... — писал Эрнст Тельман Лео Флигу, — Хайнц полностью подтвердил своим поведением. Разлад в тесном руководящем кругу ввиду сложности проблем и задач и больших трудностей, с которыми сопряжено их быстрое и верное решение, понятен и какое-то время терпим». Однако открытые ненависть и недоверие со стороны Ноймана, писал Тельман, исключают серьезное сотрудничество в коллективе. Тельман делал оговорку, что его суждение, может быть, слишком сурово, ибо оно вынесено под непосредственным впечатлением от беседы. Может быть, оно было слишком односторонним, потому что выносилось им одним, но он не мог без возражений примириться с тем, что товарищ, с которым он так долго работал вместе, приписывал ему личные предубеждения и отвергал всякую критику своей работы со стороны Председателя партии. Все это нарушает тесные связи между руководителями партии и создает невыносимую атмосферу. Есть только два выхода, заключал Тельман: либо Нойман изменит свое поведение, и тогда с ним снова можно будет сотрудничать, либо он станет упорствовать, но в таком случае дальнейшее сотрудничество будет вынужденным, «а от этого пострадает не только лично каждый из нас, но и, что гораздо важнее, работа и политика руководства партии, да и всей партии в целом».

Это письмо свидетельствует о том, сколь важно было для Тельмана удержать своих старых соратников от непартийного поведения. «Сказанное Германом и тобой доставило мне большое удовлетворение, так как в ваших словах звучали не ненависть и враждебность, а озабоченность и стремление вместе со мной помочь устранению имеющихся трудностей и помочь партии в ее большой революционной работе, в осуществлении ее политики»¹. Далее Тельман писал, что он очень надеется на возобновление сотрудничества, и в заключение объяснял, что это письмо было продиктовано желанием снять внутреннюю тяжесть, ибо работа и без того была пелегка.

Письмо от 20 августа 1931 г. является одним из немногих личных свидетельств того, как относился Эрнст Тельман к своим товарищам, как он стремился к коллективности в работе, как нужна была ему принципиальная товарищеская атмосфера. Письмо говорит о большой выдержке Тельмана, о его готовности считаться с

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 526, ед. хр. 86.

мнениями других и стремлении обсуждать все проблемы в спокойной обстановке. Оно отражает всю глубину личных переживаний Эрнста Тельмана в связи с поведением Хайнца Ноймана, по тем не менее эти чувства не мешали ему думать только о партии и ее борьбе. Письмо иллюстрирует и такие характерные черты Эрнста Тельмана, как подчинение личных интересов интересам партии, непререкаемое требование к товарищам искренне и честно относиться друг к другу, убежденность, что цели партии можно претворить в жизнь только в атмосфере исполненного доверия сотрудничества между коммунистами, каждый из которых должен вносить свой творческий вклад в общее дело.

Через несколько дней после этой дискуссии, 23 августа, Эрнст Тельман выступал перед функционерами гамбургской парторганизации. В Гамбурге предстояли выборы в городской парламент. Эрнст Тельман убедительно говорил о том, что коммунисты не смешивают социал-демократических рабочих с продажными, враждебными народу чиновниками и парламентариями от СДПГ, а протягивают им руку. «Нынешняя система точно так же грабит и угнетает их, как и рабочих и рабочих коммунистов. Наш призыв к созданию пролетарского единого фронта против капиталистической системы и капиталистического государства, против полицейского террора и фашизма, наш призыв к братскому сплочению в борьбе — это не маневр и не «тактика». Нет, этот призыв к нашим социал-демократическим братьям по классу продиктован глубоким чувством, глубочайшей убежденностью!»¹ Так учил он своих товарищей осуществлять убеждавшую своей честностью политику единого фронта.

Эрнст Тельман старался по возможности уменьшить отрицательные последствия участия КПП в прусском референдуме. Поэтому он нацеливал партию на неприменную, теперь еще более решительную борьбу за единый фронт вместе с рабочими — членами СДПГ. Коммунисты были призваны энергично выступать против прусского правительства Брауна — Зеверинга, этого сильнейшего оплота режима Брюнинга, для чего прежде всего следовало разъяснять социал-демократическим рабочим иллюзорность надежд, возлагавшихся ими на министров социал-демократов. Касаясь тезиса Фрица Тарнова о том, что СДПГ должна, подобно врачу, лечить капитализм, Эрнст Тельман подчеркивал: «Для классовой партии рабочего класса, какой является КПП, есть только одна путеводная нить: классовая линия нашей политики... интересы рабочих, интересы трудящихся, интересы революционной классовой борьбы!»

Эрнст Тельман хорошо понимал, что далеко не все рабочие, тем более не все трудящиеся, мыслили категориями коммунистов. «То, что в головах миллионов есть буржуазные и социал-демократические иллюзии, которые частично сохраняются до победы пролетар-

¹ *Thälmann Ernst. Rotes Hamburg für Sowjetdeutschland (Hamburg) o. J., S. 25—26.*

ской революции,— это известно»¹, — отмечал он. Но главное для него заключалось в следующем: «Без нас, поддаваясь антикоммунистической травле своих лидеров, социал-демократические рабочие все больше будут превращаться в жертву капиталистического ограбления и капиталистического банкротства... С другой стороны, без миллионов рабочих, которые все еще находятся под влиянием социал-демократии»², мы, коммунисты, не сможем успешно завершить великое дело освобождения немецкого рабочего класса и победы социализма!

По мере парастания фашистской опасности Эрнст Тельман все больше задумывался над этими проблемами.

7

Единый фронт — главное звено пролетарской политики в Германии

Осень 1931 г. характеризовалась заметным возрастанием фашистской опасности. В конце сентября Всегерманский союз немецкой промышленности, Центральный союз немецких банков и банкиров, Объединение союзов немецких работодателей в ультимативной форме потребовали от правительства отмены тарифных ставок заработной платы, еще большего снижения расходов на социальные нужды и предоставления предпринимателям новых налоговых льгот и дотаций. Брюнинг уступил нажиму монополий, и 6 октября был издан новый чрезвычайный декрет, предусматривавший, в частности, снижение размеров заработной платы и пенсий. 9 октября под давлением наиболее реакционных кругов монополистического капитала было реорганизовано правительство Брюнинга: в целях дальнейшей концентрации власти военное министерство и министерство внутренних дел были объединены и во главе поставлен генерал Вильгельм Грепер; член правления «ИГ Фарбен» Герман Вармбольд получил пост министра экономики. На следующий день состоялись первые, пока еще безрезультатные переговоры Гинденбурга с Гитлером и Герингом об участии нацистов в правительстве. 11 и 12 октября Германская национально-народная партия, «Стальной шлем», Всегерманский союз, нацистская партия и другие фашистские организации провели в Бад Гарцбурге встречу с представителями юнкерства, монополистического капитала и военщины с целью объединения всех сил, стоявших правее президентского кабинета. Это собрание призвало к разгрому рабочего движения, ликвидации демократических прав народа, обеспечению получения монополиями максимальных прибылей, установлению

¹ *Thälmann Ernst*. Rotes Hamburg für Sowjetdeutschland (Hamburg) o. J., S. 4—5, 5.

² *Ebenda*, S. 26.

фашистской диктатуры, к форсированному вооружению и войне. Вскоре после этого рейхсканцлер и генерал Курт фон Шлейхер, представлявший командование рейхсвера, провели переговоры с Гитлером и Гугенбергом о дальнейшем объединении всех реакционных сил с целью ликвидации Веймарской республики¹.

Ввиду наступления монополистического капитала и ускорения процесса фашизации Коммунистическая партия Германии стремилась всемерно повысить боеспособность трудящихся масс. Программа самопомощи служащих и чиновников, которую в начале сентября приняла КПГ и Революционная профсоюзная оппозиция, содержала социальные требования этих профессиональных групп и призывала мелких чиновников и служащих к борьбе в одном строю с рабочим классом против политики чрезвычайных декретов и бесцеремонного ущемления их прав. На основе этой программы коммунисты намеревались также развернуть работу по противодействию опасному росту влияния нацистов на эти слои, особенно восприимчивые к их социальной демагогии. 15 октября КПГ внесла в рейхстаг проект закона об облегчении положения трудящихся женщин, чтобы оградить их от пагубных последствий экономической политики монополистического капитала и от политической дискриминации, которую фашисты грозились усилить. В это время при поддержке КПГ началась подготовка Всегерманского крестьянского съезда, намеченного на начало 1932 г. Уже на подготовительных конференциях рабочие повсеместно заявляли о своем стремлении к боевому союзу с трудящимися крестьянами.

В первой половине октября в Берлине проходил Всегерманский конгресс Международной рабочей помощи, уделявший большое внимание расширению социальной базы этой массовой организации солидарности, прежде всего путем вовлечения в нее представителей городских средних слоев и крестьянства.

В связи с антивоенным днем партия еще в июле 1931 г. провела множество мероприятий с целью вовлечения широких народных масс в борьбу против военной опасности, нараставшей с усилением фашизации. 1 августа вопреки полицейским запретам во многих городах рабочие добились права на проведение уличных манифестаций, но уже за несколько недель до этого по всей стране прошли многочисленные антивоенные демонстрации и конференции. В одной из таких манифестаций, созданной по инициативе Революционной профсоюзной оппозиции в Биттерфельде, приняли участие многие представители крупных военных предприятий, а также большая группа рабочих с заводов Лойны и других предприятий «ИГ Фарбен». Совместную антивоенную конференцию в Глейвице провели немецкие, польские и чехословацкие металлисты и сталевары.

Это были шаги по мобилизации все более широких слоев трудящихся на борьбу против неуклонно нараставшей фашистской

¹ Vgl. *Brüning Heinrich*. Memoiren, S. 460—473, 501—514.

опасности. Ввиду серьезности складывавшейся обстановки Эрнст Тельман стремился покончить с разногласиями в руководстве КПГ. Вместе с Нойманом он совершил поездку в Москву, где 30 октября в ИККИ с участием Вильгельма Пика состоялось обсуждение разногласий с Хайнцем Нойманом. На следующий день Тельман, Пик и Нойман имели беседу с Генеральным секретарем ЦК ВКП(б) И. В. Сталиным¹. 3 ноября они выехали из Москвы. Из припавших сразу же после их возвращения решений Секретариата ЦК КПГ следует, что точка зрения Ноймана была отвергнута.

В решении Центрального Комитета КПГ от 10 ноября 1931 г. «наличие левосектантских настроений, направленных против работы партии в массах» было охарактеризовано как «серьезная опасность внутри партии»². Хайнц Нойман дошел до того, что стал организовывать акты индивидуального террора, используя гнев и возмущение в связи с непрекращавшимися случаями нападения полицейских на революционных рабочих и покушений нацистов на коммунистов, — в 1931 г. от пуль и кинжалов фашистов и их полицейских прихвостлей погибло более 100 рабочих. Поэтому в решении ЦК было ясно сказано, что любое такое действие и терпимость к нему несовместимы с членством в партии. Коммунистам вновь давалась четкая ориентировка на выполнение главной задачи — на «самое энергичное развертывание революционной работы в массах»³.

13 ноября Эрнст Тельман внес на рассмотрение Политбюро ЦК КПГ новые предложения об улучшении внутрипартийной работы. Они нацеливали партию прежде всего на более последовательное применение ленинских принципов коллективности руководства, на большую четкость в работе Политбюро и Секретариата ЦК, на усиление идеологической и теоретической работы. Политбюро решило собираться каждые две недели. Заседания Секретариата стали проводиться один-два раза в неделю. Секретариату было поручено немедленно информировать окружки партии обо всех заседаниях Политбюро и по всем важным политическим вопросам, а также улучшить политический контроль за партийными газетами и журналами. Особо подчеркивалась необходимость повышения уровня теоретического органа партии — «Ди Интернационале» и более широкого распространения этого журнала. Решение ЦК от 10 ноября следовало также активно использовать в идеологической работе всех звеньев партии⁴.

Этим решением было определено главное направление деятельности Эрнста Тельмана на ближайшую перспективу. По его инициативе ЦК КПГ начал идеологическое наступление. В «Ди Интернационале» за ноябрь — декабрь 1931 г. была опубликована статья Тельмана «Некоторые ошибки в нашей теоретической и

¹ Vgl. IML, ZPA, NL 36/10.

² Die Rote Fahne, 13.XI.1931.

³ Ebenda.

⁴ Vgl. IML, ZPA, 3/1/755.

практической работе и пути их устранения». Центральный орган партии — «Ди роте фане» в номере за 24 ноября рекомендовал коммунистам изучить эту статью, а в циркулярном письме Секретариата ЦК от 28 ноября партийной прессе и всем партийным организациям вменялось в обязанность всесторонне обсудить вопросы партийной работы, поднятые Эрнстом Тельманом. Эта статья вызвала большой интерес и в братских партиях. Ее перепечатал, в частности, журнал для парторботников Французской коммунистической партии.

Целью идеологического наступления было улучшение политической работы партии и вооружение коммунистов для руководства действиями рабочего класса против наступления капитала и фашизма. Оно должно было углубить понимание функционерами и рядовыми членами КПП того, что активностью в классовой борьбе партия должна повседневно подтверждать свою руководящую роль. Речь шла о том, чтобы изложенная в решениях Центрального Комитета ориентировка по вопросам теории, политики и тактики была хорошо усвоена всеми коммунистами. Прежде всего следовало глубже раскрыть сущность процесса фашизации и роль гитлеровского фашизма, осознать пути осуществления политики единого фронта, внести ясность в характеристику политики правых социал-демократов, а также преодолеть нереалистичный подход к оценке соотношения политических сил.

В своей повседневной деятельности Эрнст Тельман уделял особое внимание проблеме единого фронта и политики союзов. В статье для «Ди Интернационале» он во весь голос предупреждал о растущей опасности гитлеровского фашизма¹. В обращении к крестьянам северо-западной Германии Тельман разоблачал социальную демагогию, при помощи которой гитлеровские фашисты усиливали свое влияние среди крестьянства. В духе Программы КПП по оказанию помощи крестьянам он ориентировал рабочий класс на оказание поддержки борьбе сельского населения «за землю, против налогового бремени, системы отработок, долговой опи-си имущества, принудительной продажи с аукциона и таможенно-го ростовщичества»².

Особые заботу и терпение проявлял Эрнст Тельман в том, чтобы, несмотря на ужесточение антикоммунистического курса руководства СДПГ, улучшить отношения с социал-демократическими рабочими. Он пояснял, что их можно убедить только «путем товарищеского разъяснения и на их собственном опыте совместной борьбы», а не сектантскими «громкими окриками и руганью»³.

¹ Vgl. *Thälmann Ernst*. Einige Fehler in unserer theoretischen und praktischen Arbeit und der Weg zu ihrer Überwindung.— In: *Die Internationale*, 1931, H. 11/12, S. 499—500.

² *Thälmann Ernst*. Verteidigung der Bauernscholle ist auch Sache der Arbeiterschaft. Adresse an die nordwestdeutschen Bauern.— In: *Die Rote Fahne*, 18. XI 1931.

³ *Thälmann Ernst*. Einige Fehler in unserer theoretischen und praktischen Arbeit...— In: *Die Internationale*, 1931, H. 11/12, S. 490.

На втором после возвращения из Москвы заседании Политбюро, 26 ноября, он выступил с докладом о политике единого фронта. Политбюро приняло решение довести до сведения окружкомов все соответствующие предложения и обратиться с призывом Центрального Комитета ко всем рабочим, состоящим в рядах СДПГ, «Рейхсбаннера» и в профсоюзах. Эрнсту Тельману было поручено написать для партийной прессы статью о фашизме и едином фронте¹.

Через три дня призыв и статья Эрнста Тельмана были опубликованы в «Ди роте фане». В них четко проводилась мысль о том, что единый фронт может возникнуть только в совместной борьбе коммунистов и социал-демократов против наступления капитала, чрезвычайных декретов и фашистского террора. Мы не требуем от социал-демократов, заявлял Эрнст Тельман, «чтобы они сразу же превратились в коммунистов, признали нашу Программу, нашу конечную цель и сменили членские билеты СДПГ на наши. Мы требуем от них только одного: чтобы они боролись с нами против классового врага»².

Этим заявлением Эрнст Тельман в значительной мере содействовал преодолению узкопартийных взглядов, которые в течение многих лет препятствовали эффективному проведению политики единого фронта КПГ и которые он сам разделял еще летом 1931 г. Он четко заявлял, что задача состояла в совместной борьбе за ближайшие цели. Однако он считал пока невозможным так называемое установление единого фронта сверху, т. е. заключение соглашения с СДПГ или с социал-демократическими организациями.

Но и после этого не было заметно каких-либо признаков изменения позиции руководства СДПГ, хотя сами социал-демократы подталкивали его к принятию мер против очевидной угрозы фашизма. 16 декабря 1931 г. правые социал-демократические лидеры ответили на дальнейшую активизацию реакционных сил и усиливавшиеся требования рядовых членов СДПГ о принятии контрмер объявлением о создании так называемого «Железного фронта». Эта мера, считали они, была направлена на объединение сил СДПГ, свободных профсоюзов, реформистских рабочих спортивных союзов и «Рейхсбаннера», чтобы повысить политический потенциал социал-демократического движения. В этом правое руководство СДПГ видело отдушину для настроений в пользу единства, распространявшихся и среди социал-демократических рабочих, и возможность создать еще один барьер между социал-демократами и коммунистами.

Провозглашая «Железный фронт», правые лидеры социал-демократии хотели создать себе алиби в глазах партийных масс накануне президентских выборов. Дело в том, что в переговорах с Брю-

¹ Vgl. IML, ZPA, 3/1/755.

² *Thälmann Ernst*. Schmiedet die rote Einheitsfront! Kämpft mit uns für Eure Forderungen.— In: Die Rote Fahne, 29. XI 1931.

нием в связи с предстоявшими выборами они проявили «высокую степень государственно-политического благоразумия»¹ относительно империалистической политики в вопросах власти и обещали рейхсканцлеру поддержку, когда он посвятил их в свой план продлить срок полномочий Гинденбурга. Руководство СДПГ изявило готовность участвовать в принятии соответствующего парламентского решения вместе с нацистами и Германской национально-народной партией.

Но среди рабочих, в том числе социал-демократов, имели место другие настроения. Усилия КПП, стремившейся улучшить работу в массах, уже в декабре стали приносить первые плоды. Антикоммунистический орган — «О-динст» в конце 1931 г. отмечал, что среди заводских рабочих наблюдается рост симпатий к коммунистам. 8 января 1932 г. Эрнст Тельман сообщал Вильгельму Пику в Москву: «В рабочих массах на предприятиях начинается новый рост активности». Из этого он делал следующий вывод: «Центральный Комитет поставит работу на предприятиях в центр всей деятельности партии как главную задачу из всех наших задач»².

В те дни Эрнст Тельман напряженно работал над подготовкой к очередному пленуму Центрального Комитета. 8 января он изложил на заседании Секретариата ЦК план своего доклада на пленуме. Волновавшие его мысли Тельман отразил в вышеупомянутом письме Вильгельму Пику. Тельман намеревался говорить о политической и профсоюзной работе на предприятиях как об одной из главных задач в деятельности партии. Его тревожили «внутреннее положение в партии и ее недостаточная активность», прежде всего «недостаточный теоретический уровень»³.

Насколько занимала Тельмана именно эта проблема, видно из его статьи о партии Центра и ее роли в процессе фашизации, опубликованной в январском номере «Ди Интернационале». Исследуя роль партии Центра, он «стремился способствовать более глубокому теоретическому осмыслению политики КПП в целом, ее оценок обстановки, расстановки классовых сил, ее характеристики классового врага и перспектив развития, а также ее стратегии в борьбе против классового врага».

Статья Эрнста Тельмана помогала партии более точно оценить процесс фашизации и его движущие силы, лучше учитывать разногласия в лагере империалистической буржуазии и лучше находить контакт с рабочими-христианами в борьбе за влияние в массах. В статье давался обстоятельный, основанный на богатом материале анализ партии Генриха Брюнинга, которая «в последние годы играла все более видную роль представительницы основных слоев германского финансового капитала и их политики»; Тельман ответил также на вопрос, каким путем партия Центра сумела

¹ *Brünig Heinrich. Memoiren, S. 502.*

² *IML, ZPA, 3/1/327.*

³ *Ebenda.*

добиться этого¹, какие классовые силы или специфические группы господствующего класса она представляла. В то же время он отмечал значительное отличие партии Центра от других традиционных буржуазных партий, заключавшееся в том, что она сумела поставить устойчивую массовую базу на службу откровенной капиталистической политике. Тельман рассмотрел связи партии Центра с католической церковью, характерные черты ее идеологии и методы работы в массах как наиболее важные моменты, обеспечивавшие устойчивость того широкого влияния, которым партия Центра пользовалась. Он вскрыл идеологическое родство этой партии с фашизмом, взаимодействие партии Центра с ее баварским филиалом — еще более консервативной партикуляристской Баварской пародной партией, а также показал, сколь прочно коалиция партии Центра с СДПГ в Пруссии приковала социал-демократию к диктатуре чрезвычайных декретов.

В статье прослеживалась история, анализировалась социальная структура партии Центра и ее массовой базы. Эрнст Тельман тщательно изучил различные организации, с помощью которых эта партия привлекала к себе трудящихся — от христианских профсоюзов до католической церкви, рассмотрел специфические организационные формы и методы ее идеологической работы, изложил профессионально-сословный организационный принцип клерикально-политических массовых организаций (кроме профсоюзов). Он отметил антикоммунизм и антисоветизм партии Центра. В итоге анализа Тельман рассмотрел роль партии Центра как проводника политики фашизации, ее идеологическую эволюцию, в ходе которой все более проявлялись признаки превращения этой силы в поспешителя клерикально-фашистской диктатуры.

Основываясь на данном анализе, Тельман сформулировал следующие выводы для политики КПГ: «Наша задача состоит в том, чтобы указать верующим рабочим путь к созданию красного единого фронта борющегося, классово сознательного пролетариата, руководимого коммунистической партией»², создать широкий единый фронт рабочих-христиан, рабочих социал-демократов и коммунистов, вовлечь в борьбу против фашизма находящихся под давлением партии Центра крестьян, ремесленников и другие слои трудящихся.

Статья Эрнста Тельмана была примером глубокого теоретического осмысления актуальных вопросов классовой борьбы в Германии. Тельман показал, какие выводы следовали из его критической констатации того, что, «несмотря на большие успехи нашей партии, ее теоретический уровень, идейно-политический уровень нашей партийной работы недостаточны». Есть товарищи, писал он незадолго до этого в «Ди Интернационале», которые недооценива-

¹ Vgl. *Thälmann Ernst*. Das Zentrum, die führende Partei der deutschen Bourgeoisie.— In: *Die Internationale*, 1932, H. 1, S. 7, 6.

² Ebenda, S. 26.

ют обсуждение теоретических вопросов, полагая, что теперь снова нужно спуститься с заоблачных высот теории и встать на твердую почву суровой практики. «Такие создающие противоречие между теорией и практикой построения и тенденции не имеют ничего общего с большевистскими взглядами», — подчеркивал он. «Любая уступка подобным построениям означает пренебрежение политической воспитательной работой в нашей партии и, таким образом, ослабление нашей практической работы в массах»¹.

Несмотря на большие усилия, внести ясность во все актуальные вопросы в ходе идеологического наступления не удалось. По таким важным вопросам, как политика единого фронта, взгляды Эрнста Тельмана не находили пока полного понимания и среди членов партийного руководства. Вопреки ноябрьским (1931 г.) решениям ЦК, Хайнц Нойман и его друзья упорно держались своих сектантских позиций. Если Эрнст Тельман постоянно подчеркивал необходимость трезвой оценки соотношения сил, требовал соизмерять все политические шаги партии с реальностью, выдвигать в центр ее борьбы повседневные элементарные экономические и политические интересы рабочих, то Хайнц Нойман авантюристически представлял дело таким образом, будто партия стоит на пороге борьбы за власть. Если Эрнст Тельман настойчиво предостерегал от угрозы гитлеровского фашизма, требовал объединения всех сил для борьбы с этой угрозой и формирования антифашистского единого фронта, то Хайнц Нойман утверждал, что установление фашистской диктатуры ускорит пролетарскую революцию. Если Эрнст Тельман считал действительно необходимым по-братски протянуть руку рабочим — членам СДПГ для совместной борьбы, то Нойман охаивал это его стремление как «заискивание» перед ними. Ультра-левые лозунги Ноймана, вроде «разгромить АДГБ», затрудняли как проведение политики единого фронта, так и революционную работу в свободных профсоюзах².

В отсутствие Эрнста Тельмана в последние дни января в связи с совещанием в ИККИ Лео Флиг, Хайнц Нойман и Герман Реммеле добились принятия решения, грозившего сужением политики единого фронта³. Нойман и его друзья обвиняли борovníегося за реалистическую политику Тельмана в нерешительности. В этой обстановке его главным другом и соратником был Вильгельм Пик, с ним он обменивался мыслями, ему он рассказывал о своих заботах и трудностях. В лице этого опытного борца и партийного деятеля Эрнст Тельман нашел наиболее конструктивно мыслящего

¹ *Thälmann Ernst*. Einige Fehler in unserer theoretischen und praktischen Arbeit... — In: *Die Internationale*, 1931, N. 11/12, S. 506, 507.

² Vgl. IML, ZPA, I 2/1/82; I 2/1/83; I 2/1/86; 1/13/31; 1/18/39. — *Thälmann Ernst*. Der revolutionäre Ausweg und die KPD. Rede auf der Plenarversammlung des Zentralkomitees der Kommunistischen Partei Deutschlands am 19. Februar 1932 in Berlin, o. O. u. J., S. 29, 59. — Ders.: Schlußwort (auf dem XII. EKKI — Plenum). — In: *Die Kommunistische Internationale*, 1932, H. 17/18, S. 1333.

³ Vgl. IML, ZPA, 3/19/315; 3/1/27; NL 36/10.

партнера в борьбе за дальнейшее развитие политики партии, особенно развертывание ее работы в массах. 8 февраля он написал Пику о том, как после возвращения из Москвы ему удалось добиться единства мнений на заседании Политбюро 5 февраля¹. Несмотря на то что ему срочно нужно было готовиться к выступлению на пленуме ЦК, Тельман сразу же после прибытия на родину в присутствии Флига потребовал у Ноймана объяснений в связи с неправильным решением Секретариата ЦК о политике единого фронта. С Германом Реммеле он говорил два часа с глазу на глаз, так как позиция этого старого деятеля рабочего движения внушала ему особое беспокойство.

Эрнст Тельман твердо придерживался следующей позиции: «при сохранении принципиальной линии классового фронта добиваться максимальной надежности в нашей тактике»². В своем выступлении на партийной конференции в октябре 1932 г. Вильгельм Флорин рассказывал, что, действуя в соответствии с этим принципом, Тельман сумел «спокойно, решительно и непреклонно довести дело до конца. Он был среди нас как бы уравнивающим центром, действовал методично, шаг за шагом, чтобы, с одной стороны, уберечь партию от... широкой ненужной полемики и, с другой — постепенно привлечь на свою сторону колеблющихся товарищей и все больше изолировать главных проводников ошибочных взглядов»³.

Тельман всегда старался помочь товарищам избавиться от ошибок. Как-то, просматривая партийную прессу, он обнаружил, что в публикациях нелегального антиимпериалистического органа «Октябрь» проявился крен в сторону индивидуального террора, рассуждения о «тактике малой войны» в целях «изматывания полиции»⁴. Герман Дюнов, бывший тогда редактором «Октябрь», рассказывал, как Эрнст Тельман сразу же после этого собрал у себя членов редакции. Долго и терпеливо он беседовал с ними о роли масс в борьбе против реакционной внутренней и внешней политики правительства Брюнинга, доказывая, что тактика, которую они защищали, в конечном итоге означала не что иное, «как отрыв, изоляцию партии от масс... Наша задача, — говорил Эрнст Тельман, — состоит... в том, чтобы на предприятиях и в жилых кварталах победила идея о самообороне масс», чтобы мобилизовать массы для отражения террора фашистских банд. Нельзя позволить спровоцировать себя на «малую войну». Собеседники Эрнста Тельмана навсегда запомнили эту «лекцию об основах марксизма-ленинизма». Тельман вскрыл причины их ошибочной позиции и указал на ее возможные последствия. По-товарищески, как требовательный партийный воспитатель он советовал им самостоятельно

¹ Vgl. IML, ZPA, 3/1/327.

² Ebenda.

³ Ebenda, 1/18/39.

⁴ K. F. Die Taktik in der jetzigen Situation. — In: Oktober (Berlin — Zürich), 1931, Nr. 4, S. 9.

исправить свою ошибку. «В осуществление этого принципа,— вспоминает Герман Дюнов,— мне было поручено выступить со статьей в «Октябрь»... о развертывании массовой борьбы пролетариата против фашистского террора»¹.

Для Эрнста Тельмана было очень важно не допустить проявления «левых» тенденций именно в органе нелегального Союза красных фронтовиков. Он всегда уделял большое внимание товарищам, которые руководили деятельностью союза в условиях подполья. Нередко Тельман, когда находился в Берлине и ему не предстояло выступать на каком-нибудь партийном мероприятии, выкраивал час-другой свободного времени в воскресенье, приглашал к себе своего заместителя в СКФ Вилли Леова, других членов правления союза — Пауля Хорника, Отто Шрайбера и Эмиля Пафрата или встречался с ними в какой-нибудь пивной. В ходе таких непринужденных встреч обсуждались сложные вопросы, возникавшие в нелегальной работе этой массовой организации.

20 — 23 февраля 1932 г. в здании рейхстага под видом заседания парламентской фракции КПГ состоялся пленум ЦК партии. Кроме членов и кандидатов в члены ЦК в нем участвовали руководящие работники аппарата ЦК, представители окружных комитетов и массовых организаций, всего 113 человек, кроме того — гости от восьми братских партий, в том числе избранный в 1930 г. Генеральным секретарем ФКП Морис Торез.

В докладе на пленуме Эрнст Тельман глубоко проанализировал соотношение политических сил в стране и возможности его изменения в пользу рабочего класса. Он настоятельно предостерегал от переоценки достигнутых успехов и недооценки серьезности обстановки. Необходимо, говорил он, всемерно вести борьбу «против любого дальнейшего углубления фашизации, против каждого нового шага в направлении неприкрытой фашистской диктатуры». Тельман потребовал от партии «чрезвычайного обострения борьбы против гитлеровского фашизма на всех фронтах»². Прежде всего, говорил он, следовало усилить разоблачение социальной демагогии и националистической пропаганды нацистов, неустанно вести идеологическую работу среди трудящихся — сторонников нацистской партии и расширить систему массовой самообороны от нацистского террора. Направив огонь своей критики против гитлеровского фашизма и показав, что его нельзя разбить без решительной борьбы против президентской диктатуры и всех сил, проводивших или поддерживавших курс фашизации, Тельман дал рабочему классу и всем антифашистам принципиальную оценку угрозы фашизма.

Он особо подчеркнул, что уровень революционного движения отстает от требований классовой борьбы. Остановить наступление

¹ *Dünow Hermann. Gegen individuelle Aktionen — für revolutionären Massenkampf.* — In: Deutschlands unsterblicher Sohn, S. 347, 348—349, 348, 350.

² *Thälmann Ernst. Der revolutionäre Ausweg und die KPD,* S. 26, 49.

монополистического капитала, разбить фашизм можно, только оградив рабочий класс от влияния реформистов, которые упорно противодействовали созданию единого фронта коммунистов и социал-демократов. «Ключевым звеном пролетарской политики в Германии» Эрнст Тельман назвал гибкую политику единого фронта, которая должна опираться на «неудержимое стремление масс к единству»¹. Исходным пунктом создания единого фронта он назвал организацию выступлений за удовлетворение повседневных нужд трудящихся. Еще в своей статье в «Ди Интернационале» он указал на то, что завоевание пролетарского большинства и привлечение союзников означает «организацию и расширение борьбы рабочего класса, забастовок на предприятиях, массовых выступлений безработных, массовой борьбы всех слоев трудящихся, забастовок квартиросъемщиков, палогоплательщиков, противодействия выселению из квартир и принудительной продаже имущества с аукциона и т. д., иными словами: развертывание массовой борьбы против чрезвычайного законодательства буржуазии, вплоть до проведения массовых политических забастовок и применения других более сложных форм борьбы»².

Последние месяцы показали, что организация выступлений на важнейшем участке борьбы — на предприятиях — шла с большим трудом. Так, недавний чрезвычайный декрет, принятый в декабре 1931 г., не встретил почти никакого сопротивления. Это побудило Эрнста Тельмана к критической оценке боеспособности партии и массовых революционных организаций. Преодоление недостатков в работе на предприятиях и в профсоюзах он назвал «одним из важнейших жизненных вопросов» для КПГ. В политико-массовой работе на предприятиях и в профсоюзах он видел ключ к развертыванию борьбы рабочего класса, проведению эффективной политики единого фронта. Поэтому он называл производственные ячейки партии «ренирующими органами... ядром партии», где «должен находиться центр тяжести нашей работы: не только на бумаге, не только на словах, но и на деле, в нашей повседневной работе»³.

В феврале 1932 г. КПГ насчитывала около 360 тыс. зарегистрированных членов — в три раза больше, чем три года назад. Более половины членов партии и функционеров ячеек, территориальных партгрупп и районных организаций вступили в КПГ в течение двух последних лет. У них еще было мало опыта классовой борьбы, нередко им недоставало идейной зрелости, которая отвечала бы высоким требованиям борьбы с классовым врагом в сложных условиях того времени. Только в январе 1932 г. в КПГ вступило почти 30 тыс., а в феврале — около 35 тыс. трудящихся, в большинстве это были

¹ *Thälmann Ernst. Der revolutionäre Ausweg und die KPD, S. 59.*

² *Thälmann Ernst. Einige Fehler in unserer theoretischen und praktischen Arbeit...— In: Die Internationale, 1931, H. 11/12, S. 501—502.*

³ *Thälmann Ernst. Der revolutionäre Ausweg und die KPD, S. 55.*

рабочие. Но в числе 6,8 млн. промышленных рабочих, насчитывавшихся в Германии к весне 1932 г., было не более 55 тыс. коммунистов, а к концу года вследствие массовых увольнений, которые использовались предпринимателями как оружие классовой борьбы против революционных рабочих, доля занятых на предприятиях рабочих в общем числе членов КПП снизилась до 11%. К февральскому пленуму КПП в партии насчитывалось около 2 тыс. производственных ячеек, распределение которых по мелким, средним и крупным предприятиям практически оставалось таким же, как в 1929 г. КПП удалось закрепиться на сравнительно небольшой части крупных предприятий: коммунистические ячейки имелись лишь на каждом пятом заводе с числом рабочих более 500. Эти ячейки были разобщены, и на большинстве промышленных предприятий организованной работы КПП не велось.

Революционная профсоюзная оппозиция и красные профсоюзы насчитывали весной 1932 г. от 260 до 310 тыс. членов, или 5 — 6% рабочих, состоявших в профсоюзах. Они были объединены в 4021 производственной группе и в 1400 группах безработных.

Число членов Революционной профопозиции на предприятиях почти везде превышало число коммунистов. Как сообщил на февральском пленуме ЦК КПП Франц Дале, 75% членов профсоюзной оппозиции были беспартийными. Таким образом, политическое и организационное влияние КПП среди заводских рабочих распространялось через революционные профсоюзные организации. Кроме того, коммунисты возглавляли в то время почти 300 рабочих касс и местных профсоюзных организаций. С 1929 г. возросло значение и таких традиционных связующих звеньев партии с трудящимися, как Международная рабочая помощь, Красная помощь, Общество рабочей культуры, Общество социально-политических организаций, Союз друзей Советского Союза. Число подписчиков ежедневных коммунистических газет с 1929 г. выросло с четверти до трети миллиона. Число заводских и местных многотиражек, которые, как и основная периодика, подвергавшаяся усиливавшимся гонениям, издавались фактически нелегально, с 1928 г. увеличилось почти в пять раз, их стало 4350.

Таким образом, благодаря самоотверженной работе и усилиям десятков тысяч коммунистов на различных участках пути, по которому вел партию Эрнст Тельман, отмечалось продвижение вперед или, по меньшей мере, удавалось сдерживать натиск классового противника. А натиск этот был сильным: КПП находилась под перекрестным огнем разнузданной антикоммунистической пропаганды, которую вели все поборники и защитники капиталистического строя, в том числе и правые социал-демократы; усиливали репрессии против коммунистов органы классовой юстиции и полиции, быстро нарастал фашистский террор; материальные средства партии были весьма скромны, возможности работать легально — ограничены. И все-таки КПП окрепла, к ней тянулось все больше рабочих и других трудящихся.

На февральском (1932 г.) пленуме ЦК КПП в посивших откровенный и критический характер прениях по докладу Эрста Тельмана, по проектам резолюций и декларации «Против репарационного рабства немецкого народа! Против Версаля и Юнга! За социальное и национальное освобождение путем установления диктатуры пролетариата!» выступили 45 человек. Вильгельм Пик, взявший слово в качестве представителя ИККИ, и члены Политбюро Франц Далем, Фриц Геккерт и Вальтер Ульбрихт дали такую же оценку обстановки, как и Эрст Тельман. Испытанные политические секретари окружных организаций Бернхард Бестляйн (Кёльн), Отто Гисельман (Данциг), Вальтер Каснер (Магдебург), Герман Матерн (Кёнигсберг), Иоп Шеер (Гамбург), Фриц Зельбман (Лейпциг), Пауль Зур (Галле), Маттиас Тезен (Эссен) говорили об опыте своей работы, высказывались в поддержку задач, сформулированных в докладе Тельмана. Альберт Функ, Оттомар Гешке, Роберта Гроппер, Эрст Грубе, Вильгельм Кёнен, Вилли Коска, Альберт Кунц, Вилли Леов, Макс Маддалена, Лене Оверлах, Генрих Рау, Антон Зефков, Эрст Шнеллер, Ойген Видмайер, Йозеф Виптерниц (Ленц) и другие товарищи, имевшие богатый опыт политико-массовой работы, говорили о трудностях и новых требованиях в борьбе партии за организацию антифашистских выступлений¹.

Выступивший на пленуме Морис Торез подтвердил солидарность французских коммунистов с немецкими товарищами. Отметив большое значение боевого опыта КПП для коммунистических партий других капиталистических стран, он тем самым подчеркнул ответственность, лежавшую на плечах КПП².

Февральский пленум ЦК КПП дал заметный толчок дальнейшему формированию политики КПП. Его решения укрепили основу для продолжения борьбы партии. Особо важное значение имела более реальная оценка соотношения политических сил, более дифференцированный анализ процесса фашизации и установка на сосредоточение основных усилий в политической работе партии на борьбе против гитлеровского фашизма. На пленуме было также подчеркнуто значение борьбы за частичные требования, направленные против любых проявлений наступления капитала, отмечено, что путь к разворачиванию широкой борьбы масс против фашизации вел только через выдвижение и отстаивание частичных требований. Решения пленума положили начало расширению и повышению эффективности массово-политической работы на предприятиях, в профсоюзах и среди безработных. Коммунистическая партия Германии взяла курс на проведение более гибкой политики единого фронта.

¹ Vgl. IML, ZPA, I 2/1/82; I 2/1/83; I 2/1/84; Karl Heinz. Zur Entwicklung der Einheitsfrontpolitik der KPD..., S. 70—94.

² Vgl. IML, ZPA, I 2/1/82.

**Кто голосует за Гинденбурга,
тот голосует за Гитлера,
кто голосует за Гитлера,
тот голосует за войну!**

Сразу же после плебума ЦК КПП Эрнст Тельман включился в завершающую фазу президентских выборов. 26 февраля 1932 г. он выступил на большом митинге в дортмундском зале «Вестфаленхалле» в качестве кандидата от КПП. За полтора месяца до этого «Ди роте фане» сообщила, что бывший транспортный рабочий, Председатель КПП Эрнст Тельман баллотируется на президентских выборах в качестве «красного кандидата немецкого рабочего класса»¹.

Как и в 1925 г., КПП не питала иллюзий, что коммунист сможет одержать победу на президентских выборах. В решении Секретариата ЦК КПП от 12 января 1932 г., которым утверждалась кандидатура Тельмана, говорилось, что своим участием в выборах КПП преследовала цель мобилизации масс на борьбу против политики крупной буржуазии и ее катастрофических последствий, на борьбу против политики фашизации. Эта кандидатура, заявил 16 марта Эрнст Тельман в телефонном разговоре из Гамбурга с Берлином, «с самого начала» была задумана как «боевая кандидатура»² для объединения антифашистских сил и развертывания внепарламентской борьбы масс против фашистской опасности.

Именно так — как символ пролетарской, демократической альтернативы империалистическому, фашистскому пути многие ее и рассматривали. Об этом свидетельствовали, в частности, результаты опроса, проведенного газетой «Арбайтер-иллюстрирпейтунг». «Мы голосуем за Тельмана, потому что, как руководитель КПП, он защищает революционные интересы», — заявил один рабочий; бывший функционер Социалистической рабочей молодежи сказал: «Сегодня я голосую за Тельмана... так как выступаю за истинно социалистическую Германию»; избиратель, живший на пожертвования благотворительной организации, подчеркнул, что «выбирает человека, который действительно является кандидатом бедных».

Кроме буржуазного кандидата от ряда мелких политических группировок, которые можно было не брать в расчет, Эрнсту Тельману противостояли три кандидатуры. Все они являлись выразителями курса, ведущего к фашизму, отличаясь друг от друга лишь в нюансах. Нацистский фюрер Адольф Гитлер и второй председатель «Стального шлема» Теодор Дюстерберг представляли наиболее оголтелые силы монополистического капитала,

¹ Die Rote Fahne, 13. I 1932.

² IML, ZPA, I 2/5/9.

юнкерства и военщины. Третьим кандидатом был президент Гинденбург. К переизбрапию бывшего кайзеровского фельдмаршала, который представлял собой символ милитаризма и политики фашизации, кроме партии Центра и других сторонников Брюнинга призывали лидеры СДПГ.

Выступив за Гинденбурга, руководство СДПГ фактически решило капитулировать перед фашизмом: ведь ни Гинденбург, ни Брюнинг, который вел дело к переизбрапию Гинденбурга, не скрывали намерения продолжать политику фашизации и как можно скорее посадить в правительственные кресла представителей национал-социалистов и Германской национально-народной партии. Однако социал-демократических избирателей руководство СДПГ заверяло в обратном: «Сколько бы мы ни находили недостатков у господина Гинденбурга, рейхспрезидентом фашистов, рейхспрезидентом национал-социалистского попрапия конституции и кровавадного режима этот человек... никогда не станет»¹.

Курс руководства СДПГ на поддержку Гинденбурга, наметившийся еще в конце 1931 г. во время переговоров в связи с президентскими выборами, представлял собой серьезное препятствие для любой политики объединения антифашистских сил. Он с самого пачала исключал возможность выдвижения надпартийного кандидата левых. Более того, КПП приходилось тратить много сил на борьбу с социал-демократической политикой «меньшего зла». Лидеры СДПГ утверждали, что, только голосуя за Гинденбурга, можно напести поражение Гитлеру, и дезориентировали тем самым социал-демократических избирателей, ибо в действительности ожидалось, что вновь избранный Гинденбург сыграет роль стремлянного Гитлера. Об этом предупреждал лозунг КПП: «Кто голосует за Гинденбурга, тот голосует за Гитлера, кто голосует за Гитлера, тот голосует за войну!» Поддержка социал-демократами кандидатуры Гинденбурга не могла не ослабить сопротивление шедшей за социал-демократами части рабочего класса курсу фашизации. Эта официальная социал-демократическая политика затрудняла попытки КПП вовлечь в единый антифашистский фронт ориентировавшиеся на социал-демократов массы.

Единственным демократическим кандидатом на этих выборах был Эрнст Тельман. Его имя воспринималось широкими кругами как программа. Для миллионов его товарищей по классу оно было воплощением принципов социализма и идеалов свободы на фоне капиталистического хаоса и угрозы установления террористического фашистского режима. За него высказывались целые рабочие собрания по всей стране; на манифестациях революционных массовых организаций в поддержку его кандидатуры при-

¹ *Hellmann Ernst. Eiserne Front.*— In: *Das freie Wort* (Berlin), 1932, Н. 6, S. 3.

нимались резолюции. В конце января 1932 г. в поддержку кандидатуры Тельмана выступил также первый Всегерманский крестьянский съезд, представлявший около 10 тыс. членов Германского крестьянского союза, которым руководил коммунист, депутат рейхстага Эрнст Путц. К избранию Эрнста Тельмана призывали Социалистическая рабочая партия, которую несколько месяцев назад основали исключенные из СДПГ оппозиционеры под руководством Курта Розенфельда и Макса Зейдевица, малый Международный социалистический боевой союз Вилли Эйхлера и христианско-социальная рабоче-крестьянская партия Витуса Геллера.

За Тельмана высказывались люди, убедившиеся в том, что только он стоял на позициях антифашизма и мира. Карл Осецкий обосновал это так: «Левая политика означает приложение сил там, где борьбу ведет представитель левых. Тельман — единственный такой человек, все остальное — реакция тех или иных оттенков. Он облегчает выбор»¹.

В ходе избирательной кампании Эрнст Тельман сам приложил максимум усилий к тому, чтобы пробудить сознание народных масс. После митинга в Дортмунде, где его слушали 25 тыс. человек, состоялись массовые мероприятия в Эссене (28 февраля), Дюссельдорфе (29 февраля). 3 марта во Франкфурте-на-Майне в поддержку кандидата КППГ выступило 50 тыс. участников митинга. Тельману пришлось выступить в нескольких аудиториях в течение одного вечера. «Когда он прибыл в Народный дом, наступила полночь, но множество людей, сидя и стоя, терпеливо ждали его»², — свидетельствовал Макс Опиц, бывший в то время политическим секретарем округа Гессен-Франкфурт. В течение нескольких дней Тельман выступил с предвыборными речами в городах Южной Германии — Мюнхене, Мангейме и Штутгарте. В Мангейме в один вечер состоялось два больших митинга. 10 марта он снова был в столице, где выступил перед своими избирателями на массовом митинге во Дворце спорта. На следующий день Тельман выступал уже в Гамбурге перед 15 тыс. рабочих, параллельно в его родном городе проходили другие предвыборные собрания КППГ, и на них присутствовало 50 тыс. человек.

Эрнст Тельман не давал своим избирателям никаких обещаний. Он беспощадно и честно говорил им о положении немецкого народа и призывал искать выход, опираясь на собственные силы, в массовой борьбе за цели, указанные КППГ. Он предупреждал, что нечего ждать избавления от реакционного рейхспрезидента, и звал на борьбу против голода и фашизма, за мир и социализм на стороне коммунистической партии.

¹ Ossietzky Carl von. Gang eins.— In: Die Weltbühne, 1932, H. 9, S. 315.

² Opitz Max. Ein großer Sohn seines Volkes.— In: Deutschlands unsterblicher Sohn, S. 390.

Тельман использовал выборы для острых идеологических выступлений против антисоветской клеветы, распространявшейся сторонниками трех реакционных кандидатов. Он основывался при этом на очевидной противоположности между обеими мировыми системами. Выступая 10 марта в Берлине, он говорил, что путь, открытый Великой Октябрьской социалистической революцией, ведет к миру, свободе и избавлению от нужды и нищеты: «Живой социализм, который в лице Советского Союза с каждым годом, с каждым месяцем все ярче сияет и вдохновляет, — вот практическое доказательство этого утверждения».

На советском примере Тельман демонстрировал перспективу, которую коммунисты указывали также и немецкому трудовому народу. «Подъем Советского Союза на социалистическом пути, — с воодушевлением говорил он перед 20-тысячной аудиторией во Дворце спорта, — где нет кризисов и безработицы, где нет фашизма и пропаганды войны, угнетения и эксплуатации, где навсегда покончено с капиталистической погоней за прибылями, — это доказательство превосходства социализма над капитализмом, доказательство триумфа учения Маркса, Энгельса и Ленина». Каждый, кто хотел разобраться в сути коммунистической программы, мог ориентироваться на этот живой социализм: «Взгляните туда, где мы, коммунисты, стоим у руля, где управляем мы, коммунисты! Взгляните и увидите, на что мы способны. И мы твердо и бесповоротно решили совершить то же самое в Германии».

Эрнст Тельман резко полемизировал с реакционными кандидатами: «Задайте трем кандидатам буржуазии главные вопросы и посмотрите на их ответы, которые они уже давно дали на практике: как относятся три кандидата буржуазии к капиталистической системе? Как они относятся к проблеме фашизма? Как все трое относятся к империалистической войне?» Такова была четкая, подкупающая своей простотой аргументация Тельмана — блестящий пример его мастерства агитатора, с которым он всегда выделял главные вопросы классовой борьбы. Полемически заостренная постановка вопросов помогала понять, что политика каждого из трех представителей реакции сводилась к одному и тому же: «Они хотят сохранить капитализм», они «защищают позиции фашистской реакции», они «выступают за империалистическую войну».

В этой и других предвыборных речах, сбрасывая словесную паутину фашистской фразеологии, Тельман умело вскрывал самую суть программы нацистов, состоявшую в том, чтобы «охранять и защищать капитализм». Он клеймил крайний антикоммунизм и опасный для дела мира курс нацистов: «Господин Адольф Гитлер толкает к войне против Советского Союза»¹.

¹ Thälmann Ernst. Geschichte und Politik, S. 172, 172—173, 173, 178, 178—179; Die Rote Fahne, 11. III 1932.

В своих предвыборных речах Эрнст Тельман выдвигал очередные задачи, за решение которых КПП призывала массы бороться: ликвидация безработицы и голода, улучшение жилищных условий, отпор террору вооруженных фашистских банд, прекращение двойной эксплуатации немецкого рабочего класса германским и международным монополистическим капиталом. Эта ориентировка для внепарламентской массовой борьбы — еще одно свидетельство заботы Эрнста Тельмана о защите интересов трудящихся масс, его способности выделить из общего контекста борьбы с ее главной целью задачи, которые следовало решать безотлагательно и которые были понятны трудящимся в силу их положения.

13 марта 1932 г. за Эрнста Тельмана отдали свои голоса пять миллионов избирателей. Итоги этих выборов показали, что по сравнению с выборами в рейхстаг в сентябре 1930 г. и с учетом особенностей президентских выборов влияние КПП окрепло, но не стало шире. Партии не удалось привлечь на свою сторону значительную часть находившихся под влиянием социал-демократов и входящих в свободные профсоюзы рабочих — их голоса достались фронту Гинденбурга. Отрицательно сказались также запреты на публикацию в прессе материалов в поддержку Тельмана и на проведение соответствующих предвыборных собраний, массированная пропагандистская кампания против кандидата от КПП, которого со всех сторон обливали грязью, начиная с нацистов и до социал-демократов. За Гинденбурга было подано 18,7 млн., за Гитлера — 11,3 млн., за Дюстерберга — 2,6 млн. голосов. Таким образом, за счет традиционных буржуазных партий нацисты получили почти в два раза больше голосов по сравнению с предыдущими выборами. Поскольку ни один кандидат не получил абсолютного большинства, возникла необходимость в проведении второго тура выборов.

После выборов Эрнст Тельман простудился и на неделю выбыл из строя. Свою оценку первого тура он сообщил Секретариату ЦК по телефону из Гамбурга, где был вынужден задержаться, чтобы подлечиться. Основное внимание, по его мнению, следовало обратить на следующие уроки: партия ни в коем случае не должна допускать «ослабления политики единого фронта», «ослабления внутрипрофсоюзной работы», не должна допускать «недооценки действительности обманных маневров СДПГ вокруг «Железного фронта» и тезиса о «меньшем зле»; она должна вести «живую и понятную народу агитацию и пропаганду» и впредь лучше увязывать участие в предвыборной борьбе с «конкретными вопросами повседневной политики», прежде всего «с самым смелым проведением политики единого фронта»¹.

Едва оправившись после болезни, Тельман 21 марта принял участие в заседании Секретариата ЦК КПП. На следующий день

¹ IML, ZPA, I 2/5/9.

оп докладывал об итогах выборов на Политбюро. 25 марта на конференции партийных работников, созванной ЦК КПГ, он проанализировал уроки первого тура президентских выборов и разъяснил задачи партии в связи с предстоявшим 10 апреля вторым туром, а также в связи с выборами в ландтаги Пруссии, Баварии, Вюртемберга, Ангальта и Гамбурга, намеченными на 24 апреля. На следующий день он уже был на съезде саксонской парторганизации, где также говорил об уроках выборов.

Эрнст Тельман трезво оценивал их итоги. В речи перед партийными функционерами он прежде всего подчеркнул, что, хотя за кандидата КПГ проголосовало 5 млн. избирателей, за трех представителей реакционно-националистического крыла буржуазии отдали голоса 32 млн. человек. Следует констатировать, говорил он, «что, к сожалению, миллионы людей полагают, будто данная система еще имеет какие-то перспективы и возможности для выхода». Далее он резко осудил появившиеся в партии настроения пессимизма, подверг критике тех, кто считал достаточным ограничиться проведением собраний и митингов. «Думаю, как самое важное из итогов выборов следует отметить следующий факт: всюду, где мы вели борьбу, где было движение за частичные требования, где организовывались забастовки, где мы действовали, где мы не сделали слишком много ошибок, — там мы получили прирост голосов даже в тех случаях, когда наши выступления не приписали победы»¹.

Задачи, сформулированные Эрнстом Тельманом на конференции парработников 25 марта, полностью соответствовали этой линии. На первое место он поставил борьбу против нараставшей военной опасности, особенно против милитаризации воспитания молодежи, и экономическую борьбу заводских рабочих и безработных против продолжавшейся политики чрезвычайных декретов. Он подчеркнул, что во всех парламентах коммунисты должны проявлять инициативу в защите прав трудящихся и всегда проводить линию партии применительно к местным условиям. Необходимо, требовал он, еще больше усилить политическую борьбу против нацистов — этого ударного отряда реакции. Только таким путем можно добиться единства действий с теми социал-демократами, которые действительно хотят бороться против фашизма. Эрнст Тельман подтвердил эту задачу в своем письме, направленном 12 апреля политическим секретарям окружных парторганизаций. «Важнейший вопрос — это организация внепарламентских массовых выступлений на предприятиях, биржах труда и в борьбе против фашизма. Эти выступления по-прежнему должны быть направлены главным образом и прежде всего против военной опасности, исходя из частичных и повседневных требований»².

¹ *Thälmann Ernst. Die Aufgaben der Partei in der Präsidentschafts-und Preußen-Wahlkampagne*, S. 6, 11.

² IML, ZPA, 3/19/326.

В течение недели, предшествовавшей второму туру президентских выборов, Эрнст Тельман вновь встречался с избирателями: 3 апреля — в Хемнице на тридцатитысячном митинге, 5 апреля — в Бреслау, 6-го — в Кёнигсберге, 7-го — на двух митингах в Галле, 8-го — в Кёльне и 9 апреля — в Лейпциге, где его также слушали 30 тыс. человек. После утомительных дней паканупе президентских выборов сразу же началась работа, связанная с выборами в ландтаги. На другой день после второго тура Эрнст Тельман снова выступал в берлинском Дворце спорта, еще через день — в Гамбурге. 20, 21 и 22 апреля состоялись огромные митинги в Ганновере, Магдебурге и Нюрнберге.

Для членов и сторонников КПП широкие манифестации с участием Эрнста Тельмана, состоявшиеся весной 1932 г., имели большое значение. Они мобилизовывали революционно настроенную часть немецкого рабочего класса и укрепляли боевой дух избирателей КПП, которых насчитывалось примерно в 20 раз больше, чем членов партии. Они свидетельствовали о твердой вере революционных масс в Председателя КПП. Участники тех событий единодушно отмечают, что, услышав о предстоящем выступлении Эрнста Тельмана на митинге, собиралось, как правило, гораздо больше рабочих, чем предполагали местные партийные функционеры, и что рабочие приезжали на такие встречи изда-лека.

Например, на предвыборные мероприятия в Галле люди добывались даже из Нордхаузена. Руководитель райкома Людвиг Эйнике возглавил колонну велосипедистов, которая отправилась в путь рано утром и, несмотря на плохую погоду и полицейские кордоны на дорогах, прибыла на митинг, чтобы послушать Тельмана. В Нюрнберге местные власти пришли в недоумение, когда окружком КПП арендовал для своего предвыборного митинга зал «Люйтпольдхалле», вмещавший 30 тыс. человек. «Я до сих пор вспоминаю сочувственную улыбку ответственного чиповника и обер-бургомистра, когда мы заказывали этот зал, — рассказывал очевидец тех событий Якоб Буланже. — Заведующий политическим отделом магистрата фашист Шахпигер спросил меня: «На сколько посетителей вы рассчитываете?» Я ответил: «Зал будет полон». На это он насмешливо хмыкнул и бросил: «Ну что же, желаю удачи». За час до начала «Люйтпольдхалле» был полон на две трети, еще через 45 минут помещение было переполнено, и полиция закрыла вход.

Эрнст Тельман не относился к числу блестящих ораторов, и все же он был одним из самых популярных трибунов своего времени.

Обычно он начинал сдержанно и следовал заранее написанному тексту речи. Но разойдясь, откладывал бумагу в сторону и говорил свободно, излучая силу, вселяя уверенность, заражая своей страстью.

Ни одна речь Тельмана не повторяла предыдущую. Основные тезисы были те же, а сама речь — другая. О тщательной

подготовке к каждому собранию свидетельствовали сообщаемые слушателям факты. Наболевшие политические вопросы излагались в увязке с местными проблемами; задачи большой политики разъяснялись на примере повседневных пужд трудящихся данного района. Где бы он ни выступал — в Гамбурге или Рурской области, в Берлине или Южной Германии, — люди всегда чувствовали его точную осведомленность о местных условиях труда и быта: об изменении в оплате труда и методах эксплуатации на предприятиях, количестве неотработанных смен, соотношении сил в трудовых коллективах и общинах. Он знал и называл имена рабочих, подвергавшихся гонениям, крестьян, чьи хозяйства были проданы с молотка, мелких кустарей и торговцев, которым грозило разорение, партийных работников, которых любили рабочие, короче говоря, он знал радости и горести своих слушателей.

Эрнст Тельман черпал эти сведения не только из отчетов окружкомов. Он всегда старался получить свежий материал и нередко за несколько дней до своего выступления посылал в соответствующий город кого-нибудь из товарищей с заданием расспросить прежде всего самих рабочих. Выполнявшие такие поручения детально изучали обстановку на местах с помощью вопросника, который составлял Эрнст Тельман. Он требовал точных данных о степени эксплуатации рабочих, нормах и объеме производства и соблюдении техники безопасности. Его интересовали также боевые традиции тех или иных коллективов.

Секрет агитационного и пропагандистского мастерства Эрнста Тельмана — в его тесных связях с людьми труда. Этого же он требовал от всех коммунистов, благодаря этому он стал блестящим агитатором, настоящим пародным трибуном.

10 апреля состоялся второй тур президентских выборов. Гинденбург, получивший почти 19,4 млн. голосов, был переизбран. Часть избирателей Тельмана отказалась от участия в голосовании, и за него было подано 3,7 млн. голосов. За Гитлера проголосовало 13,4 млн. избирателей. Итоги выборов в ландтаги 24 апреля в целом повторили результаты президентских выборов. В Пруссии, Баварии, Вюртемберге и Ангальте большой прирост голосов получила нацистская партия, завоевавшая большинство мест в земельных парламентах. Ни в одной из этих четырех земель КППГ не получила такого прироста голосов, который хотя бы примерно соответствовал потерям СДПГ. В Гамбурге, где не так давно состоялись выборы в городскую парламент, нацисты тоже образовали самую многочисленную фракцию. Избирательная кампания весной 1932 г. показала, насколько остро стояла проблема повышения боевистости партии. Она явилась важным этапом в ходе выработки более действенных методов мобилизации масс на борьбу против фашизма. В то время Эрнст Тельман вынашивал новые идеи создания единого фронта, которые он, не откладывая, начал претворять в жизнь.

9
За широкое
антифашистское
действие

Уже на другой день после выборов в ландтаги Эрнст Тельман анализировал их итоги на заседании Секретариата ЦК, а 28 апреля — на Политбюро. Он констатировал значительное замедление темпов развития революционного движения в сравнении с быстрым продвижением вперед фашистов. Крупные силы рабочего класса по-прежнему прозябали в состоянии пассивности из-за политики правых социал-демократических лидеров, в то же время КППГ была не в состоянии лишь собственными силами сдерживать натиск фашизма. Тем острее была необходимость преодолеть сопротивление единству действий со стороны правых социал-демократических лидеров. После выступления Тельмана Секретариат ЦК принял решение опубликовать в прессе уже подготовленный совместный призыв ЦК КППГ и Всегерманского комитета Революционной профсоюзной оппозиции ко всем рабочим — членам СДПГ и к членам профсоюзов, в первую очередь ко всем членам АДГБ.

В основу призыва от 25 апреля 1932 г. была положена следующая аргументация: наступление предпринимателей на заработную плату затрагивало интересы всех рабочих, террор фашистских банд был направлен против всех рабочих, фашистская опасность грозила всем трудящимся. Из общности их интересов логически вытекала необходимость совместной борьбы. В призыве содержалось предложение создавать на предприятиях и биржах труда органы для руководства совместной борьбой. «Мы готовы бороться вместе с любой организацией, в которой объединены рабочие и которая действительно хочет вести борьбу против сокращения зарплаты и пособий!» Тем самым КППГ пошла дальше своих прежних предложений о создании единого фронта, открыв возможность для установления новых отношений с организациями, руководящими органами, функционерами и членами свободных профсоюзов, СДПГ и «Железного фронта».

Секретариат ЦК поручил Эрнсту Тельману разъяснить эту политику в циркулярном письме, адресованном всем окружкам партии, в статье по случаю 1 Мая для «Ди роте фане» и в речи на первомайском митинге в Берлине. Политбюро приняло решение взять доклад Эрнста Тельмана за основу для ориентировки партийного аппарата и всей партийной прессы на проведение политики единого фронта. Окружки получили указание создавать единый фронт на предприятиях и в профсоюзных организациях, проводить беседы и совещания с рабочими — членами СДПГ и свободных профсоюзов и с заводскими советами, короче говоря, совершить «действительно практический поворот во всей нашей политике» в духе призыва к единому фронту.

1 Мая революционные рабочие Берлина заполнили весь парк Люстгартен и прилегавшие к нему улицы. «В последние годы мы редко собирались в таком количестве», — отметил Эрнст Тельман, выступая перед собравшимися. Теперь задача состоит в том, чтобы «не только проводить демонстрации, но и сделать шаг вперед и бороться». Он обратился с призывом к миллионам угнетенных в Германии, к рабочим социал-демократам, членам профсоюзов и беспартийным рабочим: «создавайте вместе с нами активный, борющийся единый фронт всех эксплуатируемых против политики буржуазии! Мы говорим всем рабочим: настал час, когда вы должны противопоставить фашизму единый борющийся фронт, чтобы положить конец его преступным действиям»¹.

7 мая Эрнст Тельман, Хайнц Нойман, Герман Реммеле и Вальтер Ульбрихт выехали из Берлина в Москву на заседание Президиума ИККИ. 19 мая Эрнст Тельман выступил там с докладом об актуальных проблемах и задачах КППГ. На обсуждение опытных руководителей многих коммунистических партий он внес свои соображения о необходимости принятия новых мер в области политики единого фронта. Оценивая обстановку в Германии, он указал на то, что среди разных групп монополистического капитала имеются расхождения относительно путей и темпов фашизации, но цель у них одна: подавить революционное движение с помощью открытой террористической диктатуры. Переход к фашистской диктатуре, говорил он, совершается в виде многоступенчатого процесса. Эта политика классового врага требует от партии большей гибкости и маневренности, неустойчивой энергии и готовности защищать каждый элемент демократии, каждое демократическое учреждение, каждое демократическое право. Для этого она должна повышать свой теоретический уровень и дееспособность. Эрнст Тельман коснулся также опыта братских партий, подчеркнув, что КППГ может поучиться у польской и чехословацкой компартий, особенно в том, что касается методов массово-политической работы, подготовки забастовок и т. д.

Из этого Эрнст Тельман делал вывод, что партия должна научиться руководить экономической и политической борьбой трудящихся масс, иначе нельзя рассчитывать на успех в деле защиты их жизненных прав; только активные действия и достигнутые при этом результаты могли убедить трудящихся в правильности политики коммунистов. Чтобы сокрушить демагогию нацистов, обезвредить их влияние на массы, сдержать наступление монополистического капитала и развеять туман пасаждавших социал-демократическим руководством иллюзий, недостаточно одной агитации в массах, говорил Тельман, «сюда отнесется проведение определенных акций и борьба... Это ключевой вопрос».

Назвав убедительную политику единого фронта решающим звеном, он заявил в этой связи: «Центральным вопросом является

¹ Die Rote Fahne, 3. V 1932.

проверка методов всей нашей работы, их соответствия новым условиям, которые диктуют нам ход развития событий и классовый враг с его обманливыми маневрами». Судя по всему, Эрнст Тельман пришел к выводу, что оценка роли социал-демократии и представления о политике единого фронта нуждались в корректировке. Это видно, в частности, из того, что он поставил на обсуждение следующий вопрос: «Какие возможности есть у партии, чтобы сделать шаг вперед в конкретизации положения о том, что мы должны бороться вместе с организациями, которые хотят добиться осуществления тех или иных требований?» Сам Тельман видел такую возможность в «создании новых, живых органов единого фронта», в прямом обращении к социал-демократам и членам профсоюзов, прежде всего на предприятиях, для обсуждения с ними способов «осуществления наших требований», методов совместной борьбы против фашизма. Чтобы «разрушить толстую стену, разделявшую коммунистических и социал-демократических рабочих», «партию нужно резко повернуть в сторону действительно убедительной политики единого фронта на различных участках ее массово-политической работы»¹.

В этих словах четко сформулирована мысль о том, что ленинский подход к постановке задач партии требовал дальнейшего развития политики единого фронта как основного направления антифашистской борьбы. Помогая прокладывать новые пути политики единого фронта, Тельман вносил значительный творческий вклад в развитие коммунистической политики.

Изложенные Тельманом соображения и накопленный им опыт перекликались с идеями других товарищей в руководстве Коминтерна. Коммунисты других стран также делали новые пробные шаги в поисках новых путей борьбы против наступления капитала, против империализма, который все больше приобретал характерные черты фашизма. Коминтерн обобщал методы нелегальной и полуполигальной работы, формы политической работы на предприятиях, пути установления единства действий, которые использовались компартиями Польши, Чехословакии, Италии и других стран. На основе опыта, о котором рассказывали руководящие деятели Коминтерна и входивших в него партий, и мыслей, которыми они делились, возникали новые политические лозунги. Из выступления Эрнста Тельмана на заседании Президиума ИККИ видно, что, высказывая соображения принципиального значения, он вносил свой вклад в выработку политики Коминтерна.

О способности Тельмана фокусировать внимание на наиболее важных вопросах классовой борьбы свидетельствуют и другие разделы его доклада. Вот, например, то место, где он остановился на

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 2, ед. хр. 160. Термин «антифашистское действие» в этой речи еще не встречается. В этой связи представляется интересным, что Эрнст Тельман правильно квалифицировал «социалистическое действие» СДПГ как отвлекающий маневр ее правых лидеров от борьбы против ускорившейся фашизации.

антивоенной борьбе и соединении этой борьбы с повседневными требованиями трудящихся и политикой единого фронта: «Вести борьбу против войны нельзя или почти невозможно без действительно убедительной политики единого фронта, необходимой для мобилизации масс на борьбу против войны. Это ключевой вопрос. Вся наша революционная ориентация, все наши знания по этому вопросу, наши стремления не помогут, если мы не создадим боевого содружества *со всеми*, в том числе с рабочими, придерживающимися иных взглядов». Или взять хотя бы его высказывания о националистических настроениях в массах, их использовании классовым противником и методах противодействия этому в классовой борьбе. Фашисты, выдававшие себя за поборников национальных интересов Германии, отмечал Эрнст Тельман, посеяли среди мелкобуржуазных масс большую смуту своими лживыми шовинистическими фразами. Миллионы людей попались на эту удочку. Необходимо, говорил он, еще более решительно противодействовать обману трудящихся, еще более убедительно разъяснять, что фашизм может привести только к национальной катастрофе. Коммунисты, напротив, имели все основания и только одни были вправе называть себя поборниками национальных интересов немецкого народа, ибо КППГ уже давно выступала за национальное освобождение немецкого народа, указала единственный путь к этому и сама твердо шла по нему.

Концепция Эрнста Тельмана была одобрена на совещании в Комиштерне. В то же время Вильгельм Кнорин, Васил Коларов, С. А. Лозовский, О. А. Пятницкий и другие высказали критические замечания по поводу известного схематизма в прежней политике единого фронта КППГ, ее недостаточной активности в организации массовых выступлений и в осуществлении контроля за выполнением решений. Критиковался язык прессы КППГ, который порой был сух и малопонятен. Дискуссия была откровенной и нелицеприятной, развитие обстановки в Германии вызывало тревогу. Эрнст Тельман начал свое заключительное слово с замечания: «До совещания я собирался сходить сегодня вечером в русскую баню. Но сейчас я вижу, что в этом нет больше необходимости».

По словам Эрнста Тельмана, одной из причин, вызвавших необходимость критики работы партии, была обстановка в руководстве КППГ. Потерпев идейное поражение на пленуме ЦК в феврале 1932 г., Хайнц Нойман еще во время избирательной кампании начал сколачивать в партийном аппарате и среди руководящих функционеров КСМГ фракцию против Эрнста Тельмана. Вместе с Германом Реммеле он постоянно провоцировал в руководстве партии дискуссии, стремясь сорвать разработанную Эрнстом Тельманом политику расширения борьбы масс против угрозы фашизма. Эрнсту Тельману пришлось срочно заняться решительным оздоровлением атмосферы.

Вопрос об обстановке в руководстве КППГ обсуждался 14—17 мая на нескольких специальных совещаниях. Кроме четырех

товарищей, прибывших в Москву, от КПГ в них участвовал Вильгельм Пик. Чтобы лишить Ноймапа возможности своими сектантскими действиями и заявлениями создавать в дальнейшем помехи политической работе КПГ, было условлено направить его на работу в аппарат Коминтерна в Москве. Центральному Комитету КПГ было рекомендовано провести изменения в составе Секретариата.

24 мая на Политбюро и состоявшемся затем закрытом заседании ЦК КПГ было заслушано сообщение Эрнста Тельмана по этому вопросу, одобрена достигнутая договоренность и утвержден предложенный новый состав Секретариата. Постоянно действующий орган партийного руководства отныне состоял лишь из трех членов и двух кандидатов в члены Секретариата. В качестве членов в его состав вошли Эрнст Тельман, Йон Шеер, успешно работавший до этого в течение двух лет политическим секретарем окружного КПГ в Нижней Саксонии, и Герман Реммеле. Кандидатами стали Вильгельм Пик (на посту представителя КПГ в ИККИ его сменил Вильгельм Флорин) и политический секретарь окружного Берлин-Бранденбург-Лаузиц-Гренцмарк (в то время самая большая окружная парторганизация КПГ) Вальтер Ульбрихт. Шеер был избран также в состав Политбюро.

Вильгельм Пик приехал в Берлин прямо с последнего заседания Президиума ИККИ. С Тельманом его связывала многолетняя боевая дружба. По многим основным вопросам классовой борьбы и партийной работы они придерживались единых позиций. Эрнст Тельман давно ценил Вильгельма Пика, который был старше его на десять лет, как надежного партнера в борьбе за укрепление КПГ на платформе ленинизма. На сентябрьском (1926 г.) пленуме ЦК КПГ, когда ультралевые ополчились против Пика, не позволившего втянуть себя во фракционную грызню, Эрнст Тельман выразил свое уважение к нему, как одному из основателей КПГ, в следующих словах: «Товарищ Пик встал на правильный путь раньше, чем многие другие, и, может быть, раньше, чем я и те, кто не принадлежал к Союзу Спартака»¹. За прошедшее с тех пор время отношения между ними стали еще более прочными.

В лице Вильгельма Пика Эрнст Тельман нашел опору в борьбе против авантюризма и интриг Ноймапа. В письмах Вильгельму Пикю он был предельно откровенен, делился с ним своими заботами.

На Вильгельма Пика была возложена обязанность осуществлять контроль за работой партийного аппарата, чтобы впредь пресекать фракционную возню, совершенствовать методы партийной работы и направлять всю деятельность аппарата на максимальное оживление работы в массах. Организационный отдел возглавил Франц Далем, Фриц Геккерт был направлен представителем при Профинтерне.

¹ IML, ZPA, I 2/1/48.

Пик также отвечал за работу партии в парламенте. В той обстановке это был весьма сложный участок. Режим президентской власти уже в значительной степени парализовал рейхстаг, поэтому парламентская борьба сконцентрировалась вокруг вновь избранного прусского ландтага. Нацисты хотели воспользоваться своей победой на выборах 24 апреля, чтобы прибрать к рукам правительство самой крупной из немецких земель, располагавшей самым большим после рейхсвера контингентом вооруженных сил и аппаратом политической полиции. Еще в Москве на заседании Президиума ИККИ Эрнст Тельман говорил о намерении использовать сильные позиции фракции КПП в прусском ландтаге для срыва планов нацистов.

Тельман предложил тогда новую тактику, суть которой заключалась в следующем: в случае надобности пойти на кооперацию в парламенте с социал-демократами и центром, чтобы преградить фашистам путь к образованию земельного правительства и обеспечить продолжение деятельности правительства во главе с социал-демократами. Вернувшись из Москвы в Берлин, Эрнст Тельман выступил 23 мая с разъяснением этой политики перед депутатами-коммунистами недавно избранного прусского ландтага. Председатель фракции КПП Вильгельм Пик с большим искусством проводил ее в жизнь¹. Однако коммунистам не удалось достичь договоренности с партиями Веймарской коалиции о совместных действиях, в том числе и против проникновения нацистов в президиум ландтага. Как и в рейхе, партия центра пошла на сговор с нацистами в Пруссии — ее фракция участвовала в выборах нацистского президента ландтага.

Речь Эрнста Тельмана на заседании фракции ландтага 23 мая была его первым политическим выступлением по возвращении с заседания Президиума ИККИ. На другой день на пленуме Центрального Комитета КПП с участием других руководящих партийных работников обсуждались очередные задачи партии. Политическая обстановка была весьма критической. С начала мая под натиском тройственного союза махровых реакционных сил — монополистического капитала, юнкерства и генералитета — кабинет Брюнинга стал все больше разваливаться. Его дни были сочтены. После того как с правительственными постами распрощались министр экономики и военный министр, Гипденбург в конце мая, не долго раздумывая, уволил в отставку рейхсканцлера.

Политика кабинета, искавшего поддержку своим чрезвычайным декретам у правых социал-демократов и профсоюзных лидеров, больше не устраивала силы, рвавшиеся к установлению фа-

¹ Vgl. *Wimmer Walter. Der Staatsstreich vom 20. Juli 1932 gegen die preußische Regierung Braun — Severing und seine Vorgeschichte. Phil. Diss. Berlin, 1962, S. 132—134.* — Представитель Немецкой народной партии выпущен был с досадой признать, что политика КПП имеет успех: «Им удастся, имея возможность сместить правительство Брауна, не делать этого и, таким образом, не допускать захвата власти господами национал-социалистами».

низма. Эти силы хотели иметь правительство, которое отказалось бы от такой поддержки и не принимало бы больше в расчет пожеланий правого социал-демократического руководства, вынужденного сохранять свое лицо ради собственных сторонников. Как возможных преемников Брюнинга правая пресса уже давно называла имена ультрареакционных, во всем симпатизировавших фашизму деятелей. В докладе на пленуме Центрального Комитета Эрнст Тельман констатировал: «Углубление кризиса приняло такие формы, о которых мы в ЦК в то время еще не могли предполагать»¹. Он подчеркнул, что ввиду успехов, достигнутых нацистами на выборах, очередная центральная задача состояла в том, чтобы всячески мешать нацистам пробраться в правительство как в Пруссии (в том числе при помощи парламентских компромиссов), так и в рейхе, ибо включение нацистов в состав правительства еще более ускорило бы установление открытой фашистской диктатуры.

«Создание единого пролетарского фронта массовой борьбы против фашизма стало крайней необходимостью, чтобы преградить гитлеровскому фашизму путь к участию в правительстве»². Это был один из основных тезисов выступления Тельмана на том важном пленуме ЦК КПП. «И вопрос сегодня стоит так: насколько нам удастся помимо методов, известных ЦК, выступить с крупной, новой в Германии, особой акцией. Мы пока не могли подробно обсудить этот вопрос, но я прикидываю организацию широкой антифашистской акции в Германии силами нашей партии и Революционной профопозиции. Какие формы и возможности должна она включать? Все товарищи в ЦК должны это обдумать и... внести предложения»³. Его концепция легла в основу создания «Антифашистского действия» — широкого движения с целью образования единого фронта против политики фашизации и нацистского террора, для оказания отпора фашизму общими силами.

С пленума ЦК КПП начался новый этап антифашистской борьбы. Эрнст Тельман лично прилагал много усилий к тому, чтобы эта политика быстрее претворялась в жизнь.

Воспользовавшись попыткой покушения нацистских депутатов на Вильгельма Пика при открытии прусского ландтага 25 мая 1932 г., КПП открыто объявила о создании «Антифашистского действия». Партийная пресса опубликовала призыв ЦК КПП. Основные положения доклада Эрнста Тельмана на пленуме были изложены в передовой статье газеты «Ди роте фане». С призывом в печати выступил также Всегерманский комитет Революционной профсоюзной оппозиции. 26 мая Секретариат ЦК КПП принял решение образовать комиссию, которой было поручено разработать

¹ IML, ZPA, I 2/1/85. Эрнст Тельман имел в виду предыдущий пленум ЦК в феврале 1932 г.

² In bolschewistischer Einheit vorwärts! Plenartagung des Zentralkomitees der KPD.— In: Die Rote Fahne, 27.V 1932.

³ Die Antifaschistische Aktion, S. 24—25.

специфические методы развертывания «Антифашистского действия». В комиссию во главе с Эрнстом Шнеллером намечалось ввести представителей Союза борьбы против фашизма, КСМГ, Революционной профсоюзной оппозиции и нескольких отделов ЦК КПГ. Руководство партии обратилось по телефону во все окружные с разъяснениями политики «Антифашистского действия», были даны конкретные указания о немедленной организации совместных с социал-демократами и профсоюзами акций против нацистов.

По решению Секретариата ЦК Эрнст Тельман направил членам ЦК письмо, в котором просил их оказать содействие руководству партии в поисках правильных форм и методов для «Антифашистского действия». Письмо, составленное в форме 18 вопросов, показывает, насколько глубоко Тельман успел вникнуть в эту проблему. Он рассматривал «Антифашистское действие» как основную определяющую линию всей политической работы партии. Это движение было открыто для всех слоев трудящихся и всех потенциально антифашистских сил.

Вскоре правительство Брюнинга ушло в отставку, и 1 июня на смену ему пришел новый кабинет во главе с Францем фон Папенем, политиком столь сомнительной репутации, что партия Центра не выставляла его кандидатуру даже на выборах в ландтаг. Чтобы стать преемником Брюнинга, Папен вышел из партии Центра. Как отмечал Эрнст Тельман¹, его кабинет был наиболее реакционным за все годы существования Веймарской республики, мало в чем уступая правительству капловских путчиков. Целью правительства Папена было привлечь на свою сторону нацистскую партию в качестве непосредственной массовой базы диктатуры финансового капитала, юнкерства и военщины, ввести ее представителей в состав кабинета или договориться с ней о полной поддержке ее сторонниками правительства, подобного кабинету Папена.

Новый кабинет начал свою деятельность с роспуска рейхстага. В середине июня были приняты новые чрезвычайные декреты, резко ухудшившие положение трудящихся. Одновременно получили свободу действий террористические банды нацистов, активность которых после президентских выборов была несколько приглушена запретом носить фашистскую форму и которые теперь вновь могли беспрепятственно расправляться с рабочими в уличных боях.

После смены правительства КПГ еще более настойчиво стремилась развернуть «Антифашистское действие». В начале июня в Бреслау, Эрфурте, Гамбурге, Лейпциге, Майнце и других городах состоялись крупные антифашистские митинги. В числе комитетов единого фронта, избранных по призыву ЦК КПГ, были ко-

¹ Vgl. *Thälmann Ernst. Zu unserer Strategie und Taktik im Kampf gegen den Faschismus.*— In: *Die Internationale*, 1932, H. 6, S. 267.

митет завода Всеобщей электрической компании на Бруненштрассе в Берлине, рабочие комитеты саарских железных дорог, трамвайщиков в Оффенбахе, железнодорожников берлинского района Папков, а также комитеты единого фронта в Берлине-Адлерсхофе, Франкфурте-Вестхаузене, Вальденбурге и Варене (Мюриц). Когда правительство Папена объявило в середине июня о введении чрезвычайных декретов, окружкомы КПГ предложили рабочим и всем рабочим организациям своих округов организовать совместные выступления, демонстрации, забастовки и акции самообороны против фашистского террора. В ответ на легализацию СА и СС антифашисты, прежде всего рабочие различной партийной принадлежности берлинского района Моабит, Гамбурга, Кили и многих других городов, провели демонстрации протеста; во многих местах брались под охрану здания, где размещались рабочие организации; многие рабочие записывались в отряды массовой самообороны; производственные коллективы и жители рабочих кварталов создавали группы самообороны.

8 июня Эрнст Тельман выступил с докладом перед политическими секретарями окружкомов и редакторами партийных газет. Он расценил назначение кабинета Папена как свидетельство дальнейшей эволюции методов господства империалистической буржуазии, как признак того, что для правительства Папена «национал-социалистическая партия становится партнером по коалиции»¹, в то время как в правительстве Брюнинга эта роль отводилась еще социал-демократии. Такая оценка давала толчок к отходу от ошибочной точки зрения, будто социал-демократия всегда служила главной социальной опорой империалистической буржуазии. Таким образом, Тельман побуждал к новой оценке места социал-демократии в условиях процесса фашизации, что давало КПГ возможность активизировать усилия по установлению единства действий с социал-демократической партией.

В докладе Эрнста Тельмана обобщался первый опыт применения нового лозунга, подчеркивалось, что «Антифашистское действие» следует понимать не как организацию, а как массовое движение миллионов. Он раскрыл содержание и цель недели борьбы, решение о проведении которой было принято по его предложению днем раньше, указал, что партийная пресса должна широко популяризировать идею боевого антифашистского содружества, пропагандировать примеры и опыт совместных выступлений против фашизма.

12 июня в Дармштадте состоялся массовый митинг с участием Эрнста Тельмана. Так началась кампания КПГ по участию в выборах в рейхстаг, которую партия всецело проводила под знаком «Антифашистского действия». Среди 12 тыс. участников митинга находились делегаты гессенского боевого конгресса «Антифашистского действия» — первого окружного конгресса представ-

¹ IML, ZPA, 1/30/51.

телей комитетов единого фронта и формирований самообороны. С докладом на митинге выступил Вильгельм Кёнен. Антифашистские конференции и конгрессы единства состоялись в те дни во многих городах, в частности в Аахене, Альтоне, Бонне, Гамбурге, Кобленце, Трире. О создании единого антифашистского фронта шла речь на конференциях заводских советов (например, в Вуппертале), на встречах трудящихся некоторых профессиональных групп (конгресс железнодорожников в Кёнигсберге, на котором от имени правления Революционной профсоюзной оппозиции выступил Роман Хвалек).

В конце июня журнал «Ди Интернационале» опубликовал статью Эрнста Тельмана под заглавием «О нашей стратегии и тактике в борьбе против фашизма», в которой он анализировал новую стадию политики фашизации. Эрнст Тельман предостерегал против поверхностного взгляда на правительство Папена как на «кабинет баронов» монархической ориентации, — такую точку зрения высказывали социал-демократические и левобуржуазные круги. Рабочему классу следует исходить из того, писал он, «что правительство Папена, правительство промышленных магнатов, юнкеров и генералов — это диктатура крупного капитала, который ведет прямую подготовку к установлению фашистской диктатуры в Германии».

Как чрезвычайно серьезный, вызывающий тревогу факт, который следует открыто признать, Тельман отмечал то, «что, несмотря на кризис, несмотря на революционный подъем в прошлом, концентрация сил фашизма и контрреволюции шла быстрее, чем формирование сил революционного пролетариата и руководимых им трудящихся масс». Развернув невиданную шовинистическую кампанию, буржуазия сумела использовать в своих целях недовольство масс, вызванное последствиями господства класса империалистической буржуазии. Но несмотря на все объективные моменты, обусловленные положением Германии, Версальской системой и кризисом, а также изощренной тактикой буржуазии, решающим по-прежнему оставался вопрос: почему рабочий класс никак не поднимется во весь рост и не освободит миллионы бедствующих, эксплуатируемых трудящихся от пут национализма и фашизма? «Ответ на этот вопрос, в сущности, заключается в следующем: потому что пролетариат не развертывал широкой борьбы, потому что не было массовых акций и забастовок, которые увлекали бы своим размахом».

Эрнст Тельман все время возвращался к этой центральной мысли. Но он отнюдь не видел рабочий класс в том, что не велась борьба широкого масштаба, а ставил вопрос о руководящей роли партии и ее ответственности. Работа КПГ в массах, несмотря на большие сдвиги и успехи, пока еще сводилась преимущественно к агитации и пропаганде, говорил он. Но партия должна возглавить движение рабочего класса и преодолеть стоящие перед ним огромные объективные трудности — преследование коммунистов

классом капиталистов и его государственным аппаратом, а также сопротивление социал-демократического руководства.

Эрих Тельман подверг критике еще имевшее место в партии предубеждение в отношении единого фронта с социал-демократами, вскрыл слабые места в работе в профсоюзах, с безработными и «неорганизованными». Именно для того, чтобы преодолеть эти недостатки, партия должна глубже проникнуть в суть ленинской политики единого фронта, овладеть основной стратегией и тактикой марксистско-ленинской партии, указывал Тельман. «Мы все еще не научились применять в полной мере тактику единого фронта как метод революционной мобилизации масс на борьбу — этот важнейший метод, разработанный более десяти лет назад Коминтерном под руководством Ленина для организации большинства рабочего класса в целях завоевания политической власти в капиталистических странах Западной Европы... Но от этого зависит успех нашей борьбы с фашизмом». Расколотый оппортунизмом рабочий класс не в состоянии отстаивать свои повседневные интересы и бороться за будущее, не создав единого фронта; лишь на пути единого фронта может революционная партия повести на борьбу весь рабочий класс, а не только его самые передовые отряды.

Ближайшая задача, подчеркивал Тельман, состояла в организации экономических забастовок, выступлений безработных, стачек квартиросъемщиков, акций в защиту социального обеспечения, против грабительских налогов, принудительной продажи имущества с молотка и выселения, в превращении этого движения в массовые политические забастовки и по возможности во всеобщую забастовку против правительства Папена. «Мы сможем сдерживать дальнейшее сползание к фашизму только путем такой массовой борьбы». Только путем самообороны масс от фашистского террора и разоблачения нацистской демагогии можно отразить натиск гитлеровского фашизма. Главным звеном в деле организации массового сопротивления фашизму, голоду и войне, писал Эрих Тельман, является «Антифашистское действие». Оно подразумевает также активную работу в реформистских профсоюзах, тесный союз города и деревни, мобилизацию масс для развертывания внепарламентской борьбы.

В те недели росло число социал-демократов, откликнувшихся на призыв коммунистов. В середине июня коммунисты, социал-демократы и верующие рабочие провели в Майнце демонстрацию против гитлеровского сборища. Несколько дней спустя в Дюссельдорфе члены «Железного фронта» помогли отбить нападение нацистов на здание комитета КПГ. В Берлине Союз борьбы против фашизма направил подкрепление для охраны здания газеты «Форвертс», которое также подверглось нападению нацистов. Заводские советы концерна «Лойнауверке», куда входили представители Революционной профсоюзной оппозиции, свободных и христианских профсоюзов, в конце июня обратились к рабочим

и служащим с призывом не уступать в вопросах зарплаты и оказывать сопротивление фашистам. Но руководящие круги СДПГ упорно стояли на своем. 28 июня правление этой партии разослало в округа циркуляр, запрещающий вести какие-либо переговоры о едином фронте. В тот же день представители СДПГ в процедурном комитете городского парламента Гамбурга проголосовали за лишение депутата Эрнста Тельмана парламентского иммунитета. По требованию Папена прусский министр внутренних дел социал-демократ Зеверинг запретил издание центрального органа своей собственной партии, а 6 июля фракция СДПГ в ландтаге воздержалась при голосовании предложения депутатов-коммунистов отменить запрет на издание органа социал-демократов «Форвертс».

8 июля в Доме им. Карла Либкнехта Эрнст Тельман провел беседу с двадцатью рабочими социал-демократами о проблемах совместной борьбы. Во встрече участвовали Вильгельм Пик и Ион Шеер. Социал-демократы, опытные партийные работники, руководители профсоюзных групп самообороны и групп «Железного фронта» пришли на эту беседу по поручению местных организаций Бадена, Берлина, Гамбурга, Нижнего Рейна, Рурской области и Саксонии.

Эрнст Тельман откровенно ответил на 21 вопрос, подготовленный представителями СДПГ. Так, его спросили, искренне ли предложение КПГ о едином фронте? В ответ Эрнст Тельман сказал: «Коричневые убийцы ежедневно губят наших товарищей, расправляются с нашими лучшими борцами, устраивают провокационные палеты на здания партийных комитетов: в тюрьмах томятся тысячи наших товарищей, выступивших на борьбу с фашистскими преступниками. Гитлеровское офицерье и монархическое отребье объявили, что они намерены поскорее коммунистическое движение, повесить, обезглавить и колесовать многие миллионы революционно настроенных мужчин и женщин. Поэтому разве можем мы, коммунисты, не стремиться всей душой к единому антифашистскому пролетарскому фронту перед лицом грозной опасности, нависшей над Германией, которая превращается в страну костров и виселиц?» Но, добавил Тельман, нельзя понимать единый фронт так, как некоторые социал-демократические лидеры, если они вообще допускали мысль о едином фронте: коммунисты-де должны прекратить создавать своими боевыми антифашистскими акциями помехи политике невмешательства социал-демократов, должны прекратить критиковать социал-демократию. Пусть не ждут от коммунистов, что они будут разделять надежды оппортунистов на то, что президентская диктатура в один прекрасный день, если только не раздражать реакцию сопротивлением, сама собой вновь сменится парламентской системой.

Отвечая на вопрос, не является ли «Антифашистское действие» организацией «с коммунистической партийной вывеской»,

Эрнст Тельман разъяснил характер этой организации. «Это надпартийный сборный пункт для всех рабочих, готовых к решительной борьбе против фашизма. Это не организация, а массовое движение». Под одобрительные возгласы находившихся в гостях ЦК КПГ социал-демократов он заявил: «Руководство специальными комитетами единства, которые создаются на предприятиях, в жилых кварталах, на биржах труда и т. д., должно, разумеется, находиться в руках наиболее подготовленных к борьбе рабочих». Различия во мнениях по другим вопросам, заметил Тельман, не должны отвлекать от главного: «Жгучей проблемой, которая сейчас волнует всех рабочих, является: как воспрепятствовать установлению фашистской диктатуры в Германии?»¹ Поэтому, подчеркнул он, КПГ ничего не требует, кроме совместной борьбы, не выдвигает никаких оговорок и предварительных условий.

Эта живая дискуссия продолжалась более пяти часов. Придерживавшиеся единой классовой позиции люди обсуждали трудную задачу: как оказать отпор коварному и жестокому врагу — пацизму, как положить конец расколу рабочего класса, годами углублявшемуся оппортунистами? Эрнст Тельман неоднократно подчеркивал, что различная партийная принадлежность не должна разделять коммунистов и социал-демократов. Разумеется, сказал он, отвечая на заданный ему вопрос, никто не считает, что социал-демократы или члены «Железного фронта» должны выходить из своих организаций, чтобы присоединиться к «Антифашистскому действию». Совсем наоборот.

Иоп Шеер в заключительном слове еще раз сформулировал главный вопрос, который, собственно, был в центре дискуссии: «Как нам создать совместный классовый фронт всех рабочих, независимо от их организационной принадлежности и мировоззрения?»²

Беседа Эрнста Тельмана с двадцатью представителями СДПГ убедительно продемонстрировала, что КПГ призывала социал-демократов к совместной борьбе как *членов социал-демократической партии*, что она стремилась к образованию единого фронта с социал-демократическими *организациями*. Рабочие — члены СДПГ подтвердили возможность и полезность откровенного обсуждения с представителями КПГ общих для обеих партий проблем. В принятой резолюции они назвали ответы Эрнста Тельмана «основой для создания единого фронта борьбы рабочих всех мировоззрений»³.

Через два дня после этой беседы, 10 июля 1932 г., Эрнст Тельман выступил перед 1465 делегатами органов единого

¹ Wie schaffen wir die Rote Einheitsfront? Thälmanns Antwort auf 21 Fragen von SPD-Arbeitern! Berlin, 1932.— Die Antifaschistische Aktion, S. 163—164, 166, 167.

² Wie schaffen wir die Rote Einheitsfront? S. 24.

³ Die Antifaschistische Aktion, S. 171.

фронта, собравшимися в зале берлинской филармонии на Всегерманский конгресс «Антифашистского действия». Среди них было 132 социал-демократа и 954 беспартийных. В докладе «Каковы цели «Антифашистского действия»? Эрнст Тельман еще раз разъяснил необходимость создания и цели антифашистского единого фронта. Полемизируя с решением правления СДПГ, направленным против каких бы то ни было выступлений в пользу единого фронта, он четко и ясно сформулировал точку зрения КПГ:

«Мы хотим, чтобы рабочие-коммунисты и рабочие социал-демократы вместе боролись против фашизма!

Мы хотим, чтобы все рабочие, независимо от их партийной принадлежности, вместе использовали все методы массовой борьбы против коварных планов фашизма!

Мы хотим, чтобы террору нацистов, отряды которых были узаконены чрезвычайным декретом правительства Папена, был противопоставлен единый красный фронт самообороны всех классов сознательных рабочих.

Мы хотим, чтобы против диктатуры чрезвычайного законодательства папенов и шлейхеров, а также против земельных правительств, подобных прусскому правительству Брауна — Зеве-ринга, была организована совместная массовая борьба всех рабочих, независимо от их партийной принадлежности, независимо от того, состоят ли они в какой-либо организации или нет, христиане это или вольнодумцы!

Мы хотим, чтобы рабочие всех мировоззрений и входящие в самые различные организации вместе и по-братски организовали массовую политическую забастовку против установления фашистской диктатуры, против ликвидации свободы и всех прав рабочего класса, против подавления пролетарских организаций, печати, собраний и демонстраций пролетариата, против всех запретов правительства Папена!

Таковы наши предложения по созданию красного единого фронта борьбы»¹.

О том, какое большое значение придавал Эрнст Тельман хорошим товарищеским отношениям между коммунистами и социал-демократами, свидетельствует его обращение к представителям СДПГ на конгрессе: «Вы, товарищи, члены СДПГ, вступили в ряды «Антифашистского действия», оставаясь социал-демократами... Мы верим в вашу готовность и решимость вместе с нами осуществить то, к чему вы стремитесь так же, как и мы, коммунисты: совместными усилиями разгромить фашизм!»²

На многочисленных крупных манифестациях «Антифашистского действия» и на предвыборных митингах КПГ, состоявшихся после Всегерманского конгресса единства, Эрнст Тельман

¹ *Thälmann Ernst. Was will die Antifaschistische Aktion?* (Berlin) o. J., S. 5—6.

² *Die Antifaschistische Aktion*, S. 173—174.

призывал к единству действий всех антифашистов для оказания совместного отпора нараставшей с каждым днем угрозе фашизма. 12 июля он выступал в Вуппертале. Этот город стал одним из центров борьбы за влияние на массы. В середине июля в городах Хаген-Хаспе и Вуппертале прошли мощные антифашистские демонстрации протеста, под патиском которых нацисты были вынуждены отступить. Они пытались взять реванш в Рейнско-Рурской области, организовав там шумные массовые собрания, на которых выступал их главный оратор Геббельс. 13 июля ожидалось выступление Геббельса на стадионе в Вупперталь-Зоннборне. Руководство окружной организации КПГ Нижнего Рейна, которую возглавлял Ламберт Хорн, предложило Эрнсту Тельману выступить там же днем раньше на антифашистском митинге. Несмотря на непрерывный дождь, в митинге приняло участие от 60 до 70 тыс. человек. Выступление Тельмана имело огромный успех. События следующего дня показали силу антифашистского движения: рабочие буквально прижали к стене фашистских штурмовиков. На стадион пробралась лишь горстка нацистов, да и то на грузовиках и под защитой полицейских. 12, 13 и 14 июля Геббельс записал в своем дневнике, что рабочие стали хозяевами улиц в Вуппертале, Хагене, Дюссельдорфе, Дортмунде, Оберхаузене и Мюнхене-Гладбахе, что штурмовики и эсэсовцы больше не отваживались открыто появляться в своей форме и что посещаемость митингов НСДАП стала хуже, чем посещаемость собраний и митингов КПГ. Преподанный в Вуппертале урок оставил глубокий след: вплоть до 1933 г. там не было нацистских шествий и митингов.

Влияние «Антифашистского действия» усиливалось. Его мероприятия мобилизовывали массы на борьбу. Тысячи собраний у бирж труда, в городских кварталах и на предприятиях помогали ковать единый фронт. Активнее, чем в прошлые годы, в совместных выступлениях участвовали рабочие — члены СДПГ. Все чаще удавалось одерживать верх над фашистскими террористами в ожесточенных уличных схватках. Действовавшие на предприятиях, среди безработных и в жилых кварталах группы массовой самообороны все успешнее давали отпор фашистским бадам. Эти не связанные партийной принадлежностью формирования рабочих-антифашистов были созданы на основе единого фронта, они не выдавали членских билетов, не требовалась уплата взносов. Вместе с подразделениями подпольного Союза красных фронтовиков и Союза борьбы против фашизма они часто срывали палеты фашистских молодчиков. Антифашистское движение массовой самообороны стало к тому времени эффективным составной частью «Антифашистского действия». Но, несмотря на все меры самообороны, банды фашистских убийц свирепствовали все больше, росло число кровавых жертв.

В воскресенье, 17 июля, когда Эрнст Тельман возвращался из Верхней Силезии в Дрезден, ему сообщили, что от 5 до 6 тыс.

охраняемых полицейскими пацистов устроили погром в рабочих кварталах гамбургского района Альгопа и в подлежащих так называемой «санации» трущобах, где жили семьи бедняков. В результате этой бойни от пуль полицейских и фашистов погибло 14 рабочих и их жен, среди них функционер СДПГ и несколько коммунистов, 70 человек получили ранения. Эта кровавая провокация предвещала еще большее обострение обстановки. Как бы то ни было, антифашисты не дрогнули перед пацистами, которых поддерживала полиция, а кое-где — даже части рейхсвера. Но на главном участке фронта борьбы — на предприятиях — «Антифашистское действие» набирало силу слишком медленно. Возникал вопрос: удастся ли в этих условиях направить ход событий в нужное русло?

10

Развертывайте «Антифашистское действие» на предприятиях!

С каждым днем становилось очевиднее, что с приходом правительства Папена фашистская опасность надвигалась все быстрее, что курс на установление фашистской власти — это путь к развязыванию новой войны. На начавшейся в январе 1932 г. в Женеве так называемой конференции по разоружению германские милитаристы выдвинули наглое требование свободы вооружения. На конференции в Лозанне (июнь — июль 1932 г.) было принято решение снизить репарационные обязательства Германии до 3 млрд. марок, которые, кстати сказать, так и не были выплачены. Воспользовавшись этой конференцией, рейхскамплер Франц фон Папен еще раз попытался уговорить империалистические державы дать согласие на вооружение Германии. В качестве ответной услуги он предложил Франции заключить антисоветское соглашение.

Эрих Тельман сразу же поднял тревогу в связи с этими планами «еще более широкого включения» германского империализма и антисоветский военный фронт, образованию которого должно было послужить прежде всего «создание германо-французского военного блока». В выпущенной в июле 1932 г. листовке КПГ по случаю предстоявшего 1 августа дня антивоенной борьбы он писал, что рост влияния генералитета и конкиерства, усиление реакционной пропаганды и пестование фашистских террористических банд правительством Папена не только были нацелены на разгром рабочего движения и установление фашистской диктатуры, но и представляли собой «непрерывную цепь явной и скрытой подготовки к войне». Эрих Тельман указывал далее в этой листовке, что «Антифашистское действие» «должно со всей смелостью и последовательностью выступить в поход против им-

империалистических военных преступников, в защиту нашего социалистического отечества — СССР. В рядах «Антифашистского действия», в борьбе с грабителями рабочего класса и нацистскими террористами, в ходе забастовок и в каждом массовом движении против угнетения и рабства должно вспыхнуть страстное желание борющегося класса пролетариев нанести удар за ударом по фашистской буржуазии собственной страны, должно родиться мощное стремление разбить поджигателей войны»¹.

Во всех своих выступлениях и статьях Эрнст Тельман выступал против фашизма и политики чрезвычайных декретов, вел острую полемику против империалистического курса на развязывание войны, против милитаризма и шовинизма. Он всегда действовал в духе оценки январского (1931 г.) пленума ЦК КПГ. «Мы — единственная выступающая за мир партия, единственная партия, способная решить все основные вопросы германской и международной политики без захватнической войны, без порабощения и угроз в отношении других народов»². В своей деятельности он всегда руководствовался пролетарским интернационализмом, гуманистической идеей общности всех трудящихся и эксплуатируемых, борющихся за свое освобождение во всем мире, считал долгом каждого отряда революционного рабочего движения защищать первое социалистическое государство.

В руководстве партии Тельман нес личную ответственность за антивоенную работу. В апреле 1932 г. по его инициативе было принято решение поручить руководителям КПГ политическую работу на наиболее важных военных заводах, на железнодорожных узлах и в портах. Выступая на предвыборном митинге в Кёнигсберге во время проходившей в апреле международной антивоенной недели, он решительно высказался в защиту Советского Союза, за совместную борьбу немецких и польских рабочих против империалистов в обеих странах. Тельман предупреждал, что конечной целью политики империалистов является нападение на Советский Союз. Уже в сентябре 1931 г. японские милитаристы напали на Маньчжурию, чтобы создать там плацдарм против Советского Союза. Эрнст Тельман заявил своим избирателям: «Мы являемся убежденными поборниками международной пролетарской солидарности!» — и пояснил далее, что это значит на деле: «Забастовки и массовые выступления против любых военных поставок и военных перевозок продукции химической, металлообрабатывающей и целлюлозной промышленности, на железных дорогах, на речном флоте и в портах — это важнейшая задача, это первейший лозунг дня. Тем самым мы будем выступать в защиту дела Ленина, будем выполнять его заветы, а также заветы Карла Либкнехта — передового революционного

¹ *Thälmann Ernst. Antifaschistische Aktion gegen Kriegsverbrecher.* — In: *Geschichte und Politik*, S. 193, 192, 193, 198.

² *Die Rote Fahne*, 21.I. 1931.

борца против империалистической войны!»¹ Выступая 17 июля с речью в Гинденбурге, он горячо и страстно обратился к немецким и польским рабочим: «Нас не разделяет национальный вопрос, не разделяет язык, а нас объединяет боевая солидарность, нас объединяет антифашистское знамя алого цвета крови».

В середине июля 1932 г. наиболее тревожно развивались события в Пруссии, где возникла угроза государственного переворота. Режим Папена стремился подчинить своему контролю государственный аппарат Пруссии, прежде всего полицию, и прогнать с занимаемых постов социал-демократов. 14 июля рейхсканцлер и министр внутренних дел фон Гейль нанесли визит президенту в его имении Нойдек в Восточной Пруссии. В результате еще более оживились слухи, возникшие после назначения Папена на пост канцлера, что в Пруссию будет направлен имперский комиссар. Буржуазная пресса сообщила, что Гинденбург согласился распространить исполнительную власть рейха на Пруссию. На этом основании можно было предположить, что кровавое воскресенье в Альтоне послужит имперскому правительству рейха предлогом для захвата власти в Пруссии.

Сообщения о планах государственного переворота не были для Эрпста Тельмана неожиданностью — уже с начала июля информационная служба партии сообщала тревожные известия о предстоящем государственном перевороте. По сведениям КПГ, полученным из бюро министра рейхсвера генерала фон Шлейхера, готовилось введение осадного положения. Информаторы КПГ сообщали, что в прусском министерстве внутренних дел также ожидали удара и были информированы, что Папен собирался назначить на пост рейхскомиссара личного друга Круппа обер-бургомистра Эссена Франца Брахта.

Встревоженные функционеры СДПГ намеревались оказать в своих округах сопротивление наступлению реакции, но Карл Зеверинг заверил их, что СДПГ и прусское правительство не дадут застать себя врасплох. В действительности министр внутренних дел Пруссии и не помышлял о том, чтобы сорвать путч правых.

17 июля газета «Форвертс» опубликовала заявление, принятое днем раньше правлением СДПГ: «Если кто-либо в Германии думает, что организации «Железного фронта» допустят отмену республиканской конституции германского рейха, то он жестоко заблуждается. Вполне достаточно, если мы в этой связи напомним, чем окончился капповский путч». Но и без многолетнего опыта политики правых лидеров СДПГ было ясно, что это пустые слова, рассчитанные лишь на то, чтобы успокоить социал-демократических рабочих и функционеров. Далее в этом заявлении утверждалось: «Мы заявляем об этом, чтобы каждый знал, как обстоит дело. Но мы хотим предостеречь, чтобы организованные рабочие, которые должны быть в курсе дела, не принимали

¹ Die Rote Fahne, 7. IV 1932.

всерьез призывы КПГ к проведению более или менее длительных забастовок протеста и других актов насилия по разным поводам.

Мы не позволим каким-то шарлатанам притупить это последнее, решающее оружие пролетариата»¹. Таким образом, социал-демократическое руководство давало понять, что оно намеревалось капитулировать перед фактом государственного переворота и даже саботировать сопротивление этому со стороны КПГ. В правительстве и канцелярии президента это заявление было воспринято с удовлетворением, ведь оно почти гарантировало организаторам путча удачу, поскольку выступлений против него со стороны рабочих не ожидалось.

18 июля в Дрезден прибыл Эрнст Тельман. Он выглядел усталым, его голос охрип после многочисленных выступлений в последние дни. В то время уже использовались микрофоны и громкоговорители, и тем не менее он всегда говорил во весь голос, заражаясь атмосферой массовых митингов и демонстраций.

Вечером 19 июля на дрезденском велотреке собрались 80 тыс. трудящихся, чтобы услышать Эрнста Тельмана. В те дни это было самое крупное мероприятие. Поздно ночью он отправился в Лейпциг. Там его уже ожидали свежие сообщения из Берлина, судя по которым на следующий день ожидалось назначение рейхс-комиссара для Пруссии.

Прусский министр общественного призрения, член партии Центра Гиртцифер, замещавший премьер-министра, так как Отто Браун, сказавшись больным, уже отошел от дел, и Карл Зеверинг были приглашены в имперскую канцелярию на среду, 20 июля, в 10 часов утра. Уже в понедельник, 18 июля, был объявлен всеобщий запрет на проведение демонстраций. В гарнизонах берлинского военного округа была объявлена повышенная боеготовность. Чтобы лишить прусское правительство возможности покинуть столицу, как это сделало правительство рейха во время капповского путча, рейхсвер установил контроль над воздушным сообщением с Берлином и блокировал выезды из него. Был установлен контроль за телефонной связью партийных комитетов КПГ и Революционной профсоюзной оппозиции: Паппен, Шлейхер и Гейль опасались, что коммунисты не останутся безучастными, когда начнутся действия против прусского правительства. Зеверинг разослал зашифрованные радиogramмы премьер-министрам и начальникам полиции всех земель Германии, конечно, не для того, чтобы призвать их к отражению готовившегося путча, а для того, чтобы в случае возможного процесса в буржуазном суде имелся материал, который бы свидетельствовал о безупречном исполнении им своих обязанностей.

Эрнст Тельман обсудил с лейпцигскими товарищами план действий. Поначалу он хотел сразу же отправиться к месту

¹ Vorwärts, 17. VII 1932, Morgenausgabe.

событий, но в конце концов его уговорили дожидаться более подробной информации о складывавшейся обстановке. Тем временем он направил товарищам в Берлин новые указания.

Когда прусские министры Зеверинг и Гиртзифер появились в имперской канцелярии, Папен объявил им, что Гиппенбург назначил его рейхскомиссаром Пруссии и он смещает Отто Брауна и Карла Зеверинга. Министры заявили формальный протест, вернулись в свои кабинеты и... ничего не предприняли. В тот же день к Зеверингу в сопровождении только что назначенного начальника берлинской полиции и двух высоких полицейских чинов явился Франц Брахт и сообщил, что рейхсканцлер и рейхскомиссар поручили ему возглавить министерство внутренних дел. Карл Зеверинг, который столь часто применял силу в отношении рабочих, ответил, что уступает силе, и отправился домой.

20 июля в первой половине дня Эрнст Тельман вместе с Эрнстом Биркенхауэром выехал из Лейпцига в направлении Потсдама, где неподалеку от города находилось место встречи. Место выбрали таким образом, чтобы не попасть в руки армейских патрулей при въезде в Берлин. Тем временем по указанию Тельмана партия пыталась организовать выступления рабочих на столичных предприятиях, немедленно созвать совещания заводских советов, провести демонстрации в разных частях города и выпустить листовки. В условленном месте встречи курьер сообщил Эрнсту Тельману явку в Берлине, и он сразу же приехал за делом. Вместе с Вернером Гиршем и Эрнстом Биркенхауэром он составил текст призыва, дополнил срочно написанные проекты статей и циркуляров в округа, передал через курьеров указания партийным организациям страны, ознакомился с текстом письма, в котором СДПГ и АДГБ предлагалось вместе с КПП объявить о начале всеобщей забастовки против правительства Папена и исполнительных властей рейха.

Призыв КПП ответить на государственный переворот всеобщей забастовкой был напечатан в экстренном выпуске «Дироте фане», который уже в полдень распространялся в Берлине. Ответ руководства СДПГ на предложение КПП в ее Центральный Комитет так и не поступил. Но ответ, который узнала общественность, был односторонним. В 13 часов 30 минут вышел экстренный выпуск газеты «Форвертс», отвергавший проведение всеобщей забастовки. Вечерний выпуск этой газеты успокаивал социал-демократов сообщением о предстоящих выборах в рейхстаг и о том, что смещенные прусские министры обратятся в государственный земельный суд. Вечером была распространена листовка, выпущенная берлинскими органами АДГБ, в которой призыв КПП к генеральной забастовке клеветнически объявлялся провокацией. Листовка призывала допустить на распространителей этого призыва в полицию и рейхспер. Около 20 часов правление СДПГ вынесло решение отказаться от каких-либо актив-

ных действий и призвать социал-демократов оказывать сопротивление не Папену и Шлейхеру, а коммунистам. Текст этого решения вместе с аналогичным призывом профсоюзной верхушки был опубликован на следующий день в газете «Форвертс».

Ободренный поведением правых социал-демократических лидеров, Папен еще 20 июля сместил со своих постов всех прочих прусских министров, а затем и многих обер-президентов провинций, начальников окружных управлений, начальников полиции и руководящих министерских чиновников, являвшихся членами СДПГ или буржуазных партий, не примыкавших безоговорочно к правому крылу; характерно, что обер-президент Гамбургера Густав Носке остался на своем посту.

В результате явной капитуляции лидеров социал-демократии не был использован шанс сразу же нанести поражение Папену и тем самым дать отпор фашизму. Была упущена хорошая возможность воздвигнуть преграду на пути процесса фашизации. Более того, фашисты увидели, что правые лидеры социал-демократии при любых обстоятельствах цеплялись за полптику капитуляции.

Возможность сорвать государственственный переворот 20 июля 1932 г. была реальной, так как партийные массы СДПГ проявляли готовность к борьбе, и даже значительная часть прусской полиции была готова взять под защиту легальное земельное правительство. КПГ эффективно противодействовать государственному перевороту лишь собственными силами не могла: слишком слабы были ее позиции на предприятиях. Как и предвидел Тельман, социал-демократы на предприятиях, готовые к тому, чтобы наконец-то выступить, ждали обещанных сигналов со стороны своего руководства. Однако сигналов не последовало, и они бездействовали. Позорная капитуляция социал-демократических лидеров надолго ослабила их влияние в массах, но вначале она блокировала все усилия коммунистов, пытавшихся организовать крупные выступления.

В те дни с Председателем КПГ совещались Георгий Димитров, который руководил находившимся в Берлине Западно-европейским бюро ИККИ, и Жак Дюкло. Они были озабочены развитием событий. «Мы были единодушны,— рассказывал об этой встрече Жак Дюкло,— в оценке происшедших тогда событий, считая, что они подготавливают приход Гитлера к власти. Естественно, речь шла также о капповском путче, который можно было рассматривать как прецедент для создавшейся к тому времени обстановки»¹. Отвечая на вопрос Георгия Димитрова, Эрст Тельман подробно рассказал, с какими огромными трудностями ввиду соотношения сил в рядах рабочего класса и капитулянтской позиции социал-демократического руководства была сопряжена организация забастовки с целью свержения правительства рейха.

¹ *Duclos Jacques. Memoiren: 1. 1896—1939. Berlin, 1973, S. 311.*

Но Тельман не только показал чрезвычайно неблагоприятные условия борьбы и позицию руководства социал-демократии, которое бездействовало, глядя, как фашистская реакция шаг за шагом ликвидировала Веймарскую республику. Он прежде всего искал глубинные причины того, почему КПГ, несмотря на правильную линию и огромные усилия, не удавалось развернуть достаточно широкие массовые выступления. Через несколько недель, говоря об этом на пленуме ИККИ, он заявил: «События 20 июля, недостаточная готовность и боеспособность партии — действительно серьезный для нас сигнал. Наши русские товарищи особо подчеркивали и подтвердили, что призыв партии к проведению генеральной забастовки был не только правилен, но и необходим, потому что этот лозунг соответствовал создавшейся обстановке. Мы не сумели лишь сделать из этой правильной линии должных выводов для ее практического революционного осуществления. Нам не удалось провести демонстрации, частичные забастовки, забастовки протеста и массовые выступления»¹.

Выводы из событий 20 июля свидетельствовали о правильности линии, которую последовательно проводил в жизнь Эрнст Тельман, неустанно стремясь к укреплению связей с массами, прежде всего с промышленными рабочими. Эти уроки подтвердили обоснованность его постоянных требований вовлекать рабочих в действительно боевые выступления, в тысячи практических акций борьбы против предпринимателей и фашистов, направляя все силы для укрепления партии.

Обстановка, сложившаяся после государственного переворота, 22 июля была обсуждена в Секретариате и 25 июля — в Политбюро. Политбюро одобрило все принятые Секретариатом меры в связи с государственным переворотом, особенно издание листовок и других материалов, а также направление директив в партийные организации. На заседании Политбюро обсуждались также меры по обеспечению безопасности партии. Давно хорошо понимая, что партии грозит переход на нелегальное положение, Тельман дал указание готовиться к такой возможности. Это стало еще более необходимым в напряженной обстановке лета 1932 г. Поэтому еще 6 июня Секретариат ЦК рассмотрел как вывод из происшедшей смены правительства вопрос о подготовке к переходу на нелегальное положение. Была создана комиссия, в которую вошли Иоп Шеер, Вальтер Ульбрихт и Ганс Киппенбергер. Комиссия, в частности, должна была обеспечить партийному руководству условия для работы в подполье, следить за проведением соответствующих подготовительных мероприятий в округах и массовых организациях и создать предпосылки для издания нелегальных листовок и газет.

21 июня Секретариат вновь рассмотрел вопрос о работе партии в усложнившихся условиях, а Эрнст Тельман внес предложения

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 170, ед. хр. 251.

о реорганизации и сокращении численности партийного аппарата. На заседании Политбюро, состоявшемся после переворота в Пруссии, был заслушан отчет о мерах безопасности для партии и начавшемся сокращении штатов партийного аппарата. Временно был прекращен прием в партию, в нее могли вступить лишь надежные, хорошо известные рабочие.

Сразу же после этого совещания Эрст Тельман продолжил свое участие в кампании по выборам в рейхстаг. На среду, 27 июля, был назначен митинг в Оберхаузене, где он должен был выступить с речью. В последний момент этот митинг запретили, но партия нашла выход: в тот день Эрст Тельман выступил перед 60 тыс. демонстрантов в выставочных залах Эссена, а также на митинге трудящихся Дортмунда, где присутствовало 30 тыс. человек. 28 июля он вновь был в Берлине, где выступал на стадионе в районе Нойкёльн. 29 июля его слушали десятки тысяч антифашистов Гамбурга и Альтоны.

На выборах 31 июля 1932 г. за КПП проголосовало 5 369 698 избирателей — на 770 тыс. больше, чем на выборах в рейхстаг в сентябре 1930 г., и на 0,5 млн. больше, чем во время первого раунда президентских выборов. 14,6% всех голосов были отданы за список № 3, во главе которого стояло имя Эрста Тельмана. Все больше рабочих ориентировались на КПП — единственную партию, которая вела активную антифашистскую борьбу. СДПГ, оказавшаяся после отставки Брюнинга в роли оппозиционной партии и надевшаяся на успех на выборах, была наказана за капитулянтскую политику своего руководства, потеряв более 600 тыс. голосов.

В выигрыше на этих выборах оказалась лишь КПП. Хотя число поданных за нацистскую партию голосов и удвоилось по сравнению с выборами 1930 г., однако после весенних выборов — выборов в ландтаги 24 апреля — ей так и не удалось увеличить число голосовавших за нее избирателей. «Антифашистское действие» сдержало нарастание фашистской волны. В важнейших промышленных районах — в Берлине, в избирательных округах Вестфалии, в Верхней Силезии, в Хемнице-Цвикау, а также во Франкони и Южной Баварии удалось даже несколько оттеснить фашистов. Рекомендованная Эрстом Тельманом политика выдержала испытание.

Через три дня после выборов в рейхстаг партия обсудила с политическими секретарями окружных организаций очередные задачи. Анализируя развитие «Антифашистского действия», Эрст Тельман сделал вывод, что исход борьбы против фашизма в решающей степени зависел от того, насколько удастся вовлечь в ряды этого движения заводских рабочих, прежде всего членов профсоюзов. 20 июля 1932 г. показало, что именно на этом центральном участке борьбы влияние КПП было еще недостаточным для организации эффективных действий против государственного переворота. Поэтому Секретариат ЦК уже 1 августа принял решение провести неделю борьбы на предприятиях под лозунгами:

«Разворачивайте «Антифашистское действие» на предприятиях!» и «Антифашистское действие» завоевывает предприятия!»

Эту проблему Эрнст Тельман рассмотрел также в написанной в те дни статье «Новый этап большевизации КПП», охарактеризовав организацию «Антифашистского действия» как важнейший источник успеха КПП на выборах. С помощью «Антифашистского действия», писал он, наконец удалось добиться перелома в проведении политики единого фронта как в самой партии, где были слытны оговорки в отношении единого фронта и на место единичных выступлений поставлено «последовательное, систематическое и живое применение тактики единого фронта в качестве главного метода борьбы за большинство рабочего класса», так и за пределами партии — в отношении рабочих, являвшихся членами СДПГ и профсоюзов¹.

Первые два месяца «Антифашистского действия» принесли большие успехи прежде всего в массовой борьбе против фашистского террора на улицах. Поэтому режим Папена попытался предотвратить открытое поражение СА от сил антифашистской самообороны, пустив в ход чрезвычайные суды и пригрозив введением драконовских мер наказания за политические выступления. И все же влияние «Антифашистского действия» на заводах усилилось за эти два месяца недостаточно. Эрнст Тельман выдвинул требование о необходимости поднять его на новую ступень. «И этот новый, этот второй, этот более высокий этап «Антифашистского действия» должен находиться под знаком завоевания предприятий, чтобы подготовить их для массовой политической забастовки». Эрнст Тельман подчеркивал, что дело не ограничивалось лишь проведением временной кампании, направленной на срыв очередных фашистских вылазок. Решающей задачей КПП было повести на борьбу заводских рабочих. Решить эту задачу — значило «окончательно перейти к новому этапу большевизации нашей партии»².

Соображения Эрнста Тельмана, изложенные в выступлении перед секретарями окружкомов и в статье, написанной для журнала «Ди Интернационале», характеризуют его как дальновидного революционера лепинского типа, который постоянно держал в поле зрения взаимосвязь между задачами классовой борьбы против империализма и развитием партии как решающей субъективной предпосылки победы в этой борьбе и реально оценивал боеспособность партии.

Результаты совещания партийного руководства с политическими секретарями окружных парторганизаций 3 августа были отражены в письме, направленном 8 августа всем окружкомам и партийным редакциям. В этом письме Секретариат требовал развития всех «форм массового сопротивления экономическим и поли-

¹ Vgl. Die Internationale, 1932, H. 7/8, S. 312.

² Thälmann Ernst. Die neue Etappe der Bolschewisierung der KPD.— In: Die Internationale, 1932, H. 7/8, S. 321, 324.

тическим акциям буржуазии». В письме говорилось, что «ввиду фашистской экономической программы, направленной на полную ликвидацию всего социального законодательства и снижение заработной платы до уровня прошлого столетия» необходимо подготовить заводских рабочих к предстоящим боям¹.

Еще в июне Эрнст Тельман поставил перед всеми коммунистами и революционными профсоюзными работниками задачу сплачивать тех членов свободных, а также христианских профсоюзов, которые не были согласны с пассивной, соглашательской политикой профсоюзных лидеров. Однако он считал, что целью сотрудничества с ними не должен быть их переход в ряды Революционной профсоюзной оппозиции. Тельман был также против создания других особых организаций революционных рабочих. Таков был его вывод из того факта, что влияние Революционной профсоюзной оппозиции в крупных профсоюзах оставалось ограниченным и что образованные в некоторых случаях специальные «красные объединения» оказались нежизнеспособными. Тельман был убежден, что массовые профсоюзы следовало готовить к классовой борьбе против монополистического капитала и фашизма и что только таким путем коммунисты могли вести в профсоюзах действительную работу. Поэтому он постоянно требовал, чтобы профсоюзная политика КПГ и Революционной профсоюзной оппозиции впредь была направлена не только на уже участвовавших в революционной борьбе рабочих. Подобные рекомендации давало и руководство Красного Профинтерна, которое в течение нескольких месяцев неоднократно высказывалось по поводу работы Революционной профсоюзной оппозиции.

11

Под знаком боевого пролетарского интернационализма против фашизма и пропаганды войны

Летом 1932 г., ведя борьбу против политики Папена и шовинизма нацистов, партийное руководство вновь обсудило вопросы противодействия угрозе войны, которая теперь уже совершенно явно нарастала и со стороны Германии. КПГ энергично поддерживала развернувшуюся подготовку к Международному конгрессу против империалистической войны, состоявшемуся в конце августа в Амстердаме. О его созыве объявили в середине мая Анри Барбюс и Ромел Роллап. Уже тогда Секретариат ЦК КПГ поручил Гансу Киппенбергеру подготовительную работу к конгрессу. Чтобы усилить мобилизующее воздействие конгресса на массы в Германии, на этот участок был направлен еще один опытный организатор

¹ Die Antifaschistische Aktion, S. 218, 218—219.

и пропагандист — Август Кройцбург. Эрнст Тельман предложил избрать делегатов на конгресс преимущественно на заводах и в профсоюзных организациях. Сам он также был выбран делегатом, но не смог поехать в Амстердам, так как на тот же срок был созван XII пленум ИККИ.

2000 делегатов из стран Америки, Азии и Европы, в том числе 759 из Германии, обсуждавшие в Амстердаме вопрос о предотвращении империалистической войны, образовали Всемирный комитет против империалистической войны, который был призван обобщать опыт антиимпериалистических выступлений и координировать их. В состав этого комитета вошли, в частности, Альберт Эйнштейн, Геприх Манн, Вальтер Штёккер и Клара Цеткин. Конгресс выступил в поддержку борьбы немецкого рабочего класса, приняв резолюцию «Против фашизма в Германии и преследования германским правительством антифашистских борцов».

В середине августа Эрнст Тельман, Вильгельм Пик, Герман Реммеле и Вальтер Ульбрихт выехали в Москву на XII пленум ИККИ. Эрнсту Тельману было поручено сделать один из основных докладов — об уроках экономических забастовок и борьбы безработных. С содокладами по этому вопросу выступили Клемент Готвальд и Юлиан Лепский. Со вторым основным докладом выступил Отто Куусинен.

Перед пленумом ИККИ Политический секретариат Исполкома был вынужден еще раз рассмотреть поведение Хайнца Ноймана. За три дня до выборов в рейхстаг выяснилось, что он, несмотря на растущую опасность фашизма и прямую угрозу для легальной работы партии, продолжал фракционную деятельность. 28 июля в руки Эрнста Тельмана и Вильгельма Пика попал документальный материал сторонников Ноймана, из которого следовало, что Хайнц Нойман создал фракцию. В нее входили несколько функционеров КПГ, работавших в Коминтерне, Профинтерне и других международных органах, редакторы и другие функционеры КПГ и КСМГ. Эта группа преследовала цель добиться вывода Эрнста Тельмана из состава партийного руководства¹. 29 июля Тельман написал в Политический секретариат ИККИ, что вследствие произведенных в мае изменений в составе партийного руководства и благодаря накопленному партией за истекший период опыту классовой борьбы фракционеры были уже не в состоянии угрожать единству партии, но их возня мешала антифашистской борьбе. Он потребовал положить конец интригам Ноймана против КПГ и подвергнуть его резкой критике, «поскольку он бесцеремонно нарушал решения Коминтерна. Товарищ Пик и я уже в то время² выражали сомнение относительно возможности его использования в Москве. Наши опасения подтвердились. Он не откажется и не может отказаться от фракционной деятельности и групповщины»³.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 3, ед. хр. 204.

² Во время совещания в мае 1932 г.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 3, ед. хр. 204.

Еще в первой половине августа Эрнст Тельман в обстоятельных беседах со многими руководящими работниками КСМГ пытался убедить их отказаться от нападок на партийное руководство. Но его усилия оказались безуспешными. Поддерживаемые Нойманом, они отказывали партийному руководству в праве вносить предложения об улучшении работы молодежного союза, грубо отклонив рекомендацию создать политически более сильное руководство. Урегулирование отношений стало невозможным, поскольку Герман Реммеле открыто выступил против Эрнста Тельмана¹. Ввиду этого 21 августа 1932 г. Политический секретариат ИККИ принял решение о несоответствии Хайнца Ноймана должности кандидата в члены Политбюро ЦК КПГ.

27 августа 1932 г. Эрнст Тельман открыл XII пленум ИККИ. Его вступительная речь² была посвящена главной задаче пленума — дальнейшей конкретизации политики Коминтерна и его секций ввиду обострения кризиса капитализма, угрозы фашизма и растущей опасности новой мировой войны, первый очаг которой уже возник на Дальнем Востоке в результате японского вторжения в Маньчжурию. Как руководитель самой крупной коммунистической партии капиталистического государства, противостоявшей очень сильному и жестокому отряду международного монополистического капитала, Эрнст Тельман знал, что будущее ставит перед ним нелегкие задачи. И тем не менее его слова были проникнуты уверенностью в победе, присущей пролетарскому революционеру, сознанием ясности целей, отличающим марксиста-ленинца:

«Мы знаем, что наши бои требуют новых и больших жертв. Тюрьма, каторга, голод предстанут частью наших лучших товарищей и революционного рабочего класса. Даже при победоносном шествии вперед, при новом революционном подъеме мы не всегда сможем совсем избежать некоторых поражений в отдельных странах... Путь пролетариата к власти есть путь тернистый, полный жертв. Вооруженные марксизмом-ленинизмом, безусловным доверием к Коминтерну и ВКП(б), с железной верой в собственные силы и в мощь пролетариата мы должны приступить к работе, к выполнению стоящих перед нами задач, полные нового революционного боевого духа. Наша братская партия ВКП(б) под руководством Ленина свалила царизм, победила капитализм, а теперь проводит строительство бесклассового общества. Будем все у нее учиться, будем учиться ее твердой большевистской целеустремленности, ее смелой революционной массовой политике, — и тогда нам скорее удастся выполнить наши исторические задачи...»³

На четвертом и пятом заседаниях пленума Эрнст Тельман выступал со своим докладом⁴, который обсуждался вместе с докладом

¹ Vgl. IML, ZPA, 3/19/315.

² См.: XII пленум ИККИ. Степнографический отчет. М., 1933, т. 1, с. 1—6.

³ Там же, т. 3, с. 92, 93.

⁴ См. там же, т. 1, с. 42—77.

Отто Куусинена и обоими содокладами. После продолжительной дискуссии, в которой участвовали многие видные коммунисты, в том числе Тойво Антикайнен, Бронислав Бортновский (Бронковский), Вильгельм Флорин, Васил Коларов, Иоганн Копленг, Бела Куш, Лупджин Лонго (Галло), С. А. Лозовский, Д. Э. Мануилский, Саидзо Носака (Окано), О. А. Пятницкий, Вильгельм Цик, Гарри Поллит, Яв Шверма, Е. Д. Стасова, Пальмиро Тольятти (Эрколи), Морис Торез, Вальтер Ульбрихт и Ван Мия, 14 сентября Эрнст Тельман выступил с заключительным словом¹. В докладе и заключительном слове он проанализировал многообразный международный опыт участия партий в борьбе масс, методы привлечения масс к борьбе за повседневные требования, возрастающее значение забастовочной борьбы в развитии революционного движения в условиях кризиса.

При этом Эрнст Тельман привел многочисленные примеры из практики борьбы польских, бельгийских и японских коммунистов, остановился на проблемах работы французских коммунистов и других братских партий. Он подчеркнул, что «чешские товарищи, в особенности т. Готвальд, привели нам практические примеры некоторых, отчасти блестящих выступлений единого фронта, их опыт применения особых и новых методов подхода к массам беспартийных, социал-демократических и профессионально организованных рабочих в целях улучшения нашей революционной массовой работы». Хотя у КПГ тоже были успехи, «как раз в Германии мы в области массовой политики многому еще должны поучиться у чешской компартии. Нам надо добиться перелома в вопросе о методах, о тоне, который мы должны взять при завоевании социал-демократических и реформистских рабочих».

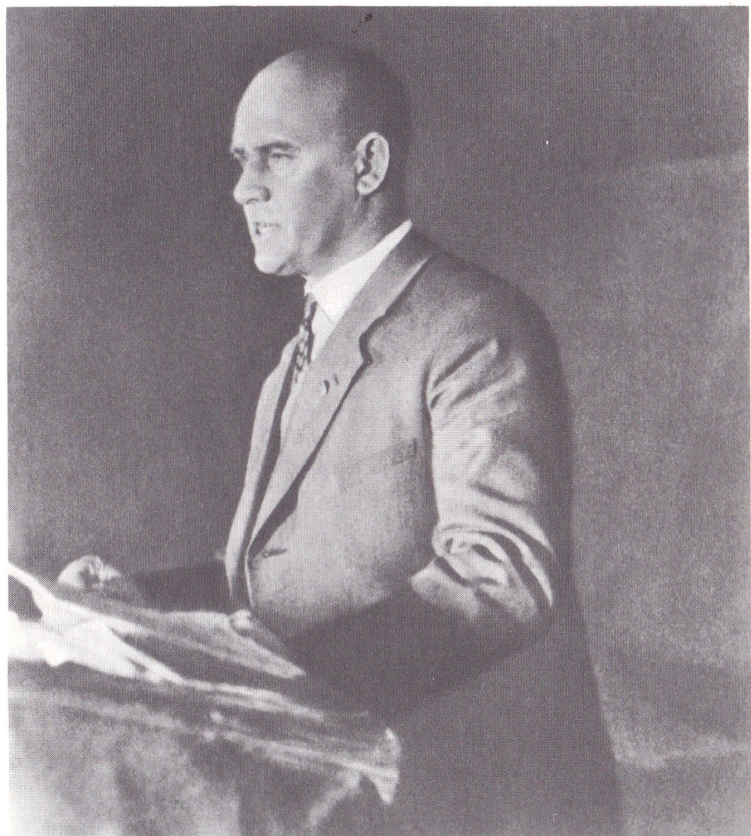
Особое внимание уделил Эрнст Тельман опыту ВКП(б). В качестве примеров поддержания партией тесных контактов с массами он привел «совещания беспартийных и непосредственные связи, создаваемые членами ячеек парторганизаций СССР...», методы, применяемые ВКП(б) при организации массовой инициативы по социалистическому строительству в СССР².

Пленум ИККИ уделил большое внимание германскому вопросу. Ввиду международного значения германской проблематики после заключительного слова Эрнсту Тельману была предоставлена возможность рассказать в особом выступлении³ о том, что происходило в Германии. В ходе состоявшейся дискуссии было высказано немало критики по поводу того, что влияние КПГ в массах росло слишком медленно, что значительная часть рабочего класса по-прежнему шла за социал-демократическими лидерами и что в последнее время КПГ не смогла организовать крупных массовых выступлений. Эрнст Тельман назвал эту критику полезной, оценил ее как помощь в решении стоявших перед КПГ сложных

¹ См.: XII пленум ИККИ. Стенографический отчет, т. 3, с. 85—118.

² См. там же, с. 92.

³ См. там же, с. 93—106.

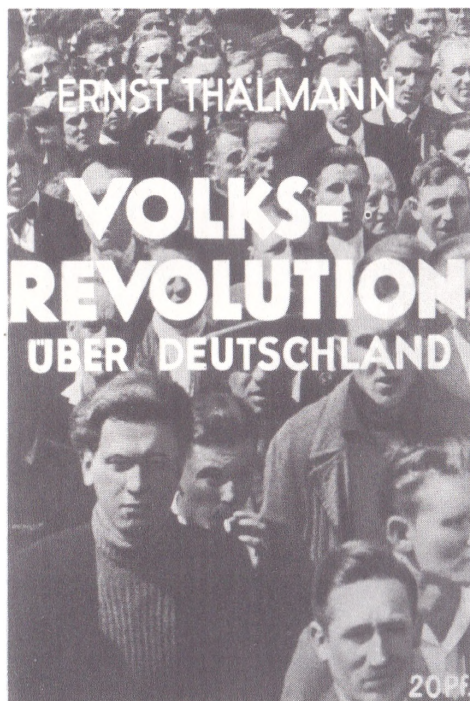
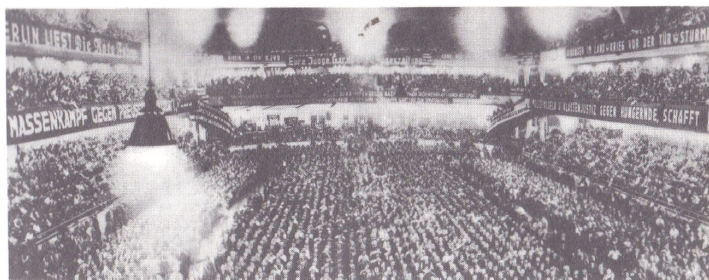

**Эрнст Тельман
выступает на XII съезде КПГ
в Берлине, район Веддинг.
Июнь 1929 г.**

Эрнст Тельман
выступает с речью
на Всегерманском съезде
КСМГ в Лейпциге.
Апрель 1930 г.

Эрнст Тельман
на первом майском митинге
в Берлине, район Веттинг,
ул. Кёблинерштрассе

*Митинг протеста КПП
во Дворце спорта
в Берлине
11 июня 1931 г.
против чрезвычайных
декретов правительства
Брюнинга*

*Обложка брошюры
с речью Эрнста Тельмана
на пленуме Центрального
Комитета КПП,
состоявшемся
15—17 января 1931 г.*

*Эрнст Тельман на митинге
международной солидарности
13—14 июня 1931 г. в Гамбурге*

**Фриц Геккерт у входа
в избирательный участок
во время второго тура
президентских выборов. 1932 г.**

Эрнст Телян

Иосиф Шер

Вальтер Ульбрихт

*Секретариат Центрального Комитета КПГ,
октябрь 1932 г.*

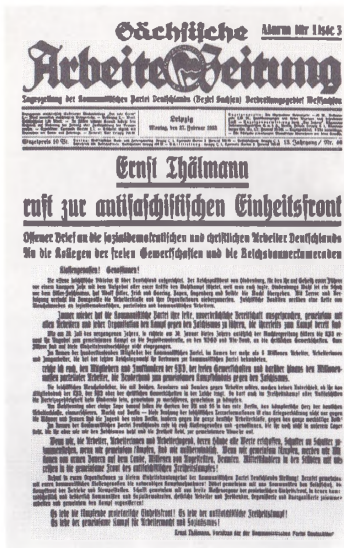
Вильгельм Пик

Вильгельм Флорин

**Эрнст Тельман,
Ион Шеер,
Вальтер Ульбрихт,
Франц Далеж
и другие члены
Центрального Комитета КПГ
на трибуне перед
Домом им. Карла Либкнехта
во время демонстрации
протеста рабочих Берлина
против фашизма
25 января 1933 г.**

**Окружная газета КПП
округа Саксония
«Зексисхе арбайтерцайтунг»
с текстом Открытого письма
КПП к членам СДПГ
и свободным профсоюзам,
верующим рабочим
и членам Рейтсбаннера**

Эрнст Теллерман
во дворе следственной
тюрьмы Берлин-Моабит.
Май 1934 г.

**Антифашистский
лозунг
в Германии.
1935 г**

**Труженицы Москвы
на первомайской
демонстрации 1934 г.
требуют освобождения
Эрнста Тельмана
из фашистской тюрьмы**

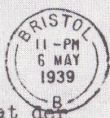

*Народный фронт во Франции
борется за освобождение
Эрнста Тельмана
из фашистского застенка.
1934 г.*

*Лозунг с требованием
свободы Тельману
на стене порта
в Норвегии*

*Обложка брошюры
Международного комитета
борьбы за освобождение Тельмана
и всех томящихся в тюрьмах
антифашистов*

POST EARLY
IN
THE DAY

Vertrauensrat der

Mechanischen Weberei,

Plauen - Vogtlan

Germany

Ernst Thaelmann on his seventh birthday in a Fascist prison.

Unite nationally and internationally for the struggle
AGAINST FASCISM and the fasces, which are
driving to WAR!

LIBERTY for ERNST THAELMANN, the LEADER of the WORKERS;
for KARL MIERENDORF, the trade union secretary; ROSSAINT Leader of
the young Catholic organisation; Clergyman NIEMOLLER; Count WESTARP

& for the other 300,000 prisoners (illegally imprisoned)
in Germany, Austria and Czecho-Slovakia.

Liberation for the German people from the Hitler
dictatorship.

Peace between the free Germany and all the peoples.

L. Roger. George Brisse

*"Schliesst Euch national und
international zusammen
zum Kampfe gegen den
Faschismus und gegen die
Kräfte des Krieges!"*

ZU SEINEN 7. GEBURTSTAG
HINTER FASCHISTISCHEN
KERKERMAUERN

FREIHEIT FÜR THÄLMANN UND ALLE POLITISCHEN
GEFANGENEN.

FREIHEIT FÜR DAS DEUTSCHE VOLK VON DER HITLERDIKTATUR.
FRIEDEN DES FREIEN DEUTSCHLANDS MIT DEN FREIEN
VÖLKERN DER WELT.

*Письмо
из Бристоля
в адрес
ткацкой
фабрики
в Плауэне
с требованием
английских
трудящихся
освободить
Эрнста
Тельмана.
1939 г.*

Ирма (справа) и Роза Тельман (слева).
После заключения Эрнста Тельмана
в тюрьму они много сделали
для поддержания связи между ним
и руководством КПГ

**Знамя батальона им. Тельмана
11-й бригады испанской
Народной армии**

Waldschanze 14. ~~11~~ ¹² ~~1943~~ ¹⁹⁴⁴ ~~1943~~ ¹⁹⁴⁴

1. Befragung Paris. ~~am 11. 12. 1943~~

2. Brief Göttingen. ~~am 11. 12. 1943~~

3. Befragung in Göttingen.

4. Befragung v. F. H. u. E. F. H. Göttingen.

5. West. Flügel - Kammal. ~~am 11. 12. 1943~~

6. West.

7. Brief Göttingen v. Göttingen St. Pauli. ~~am 11. 12. 1943~~

8. Brief v. Göttingen. ~~am 11. 12. 1943~~

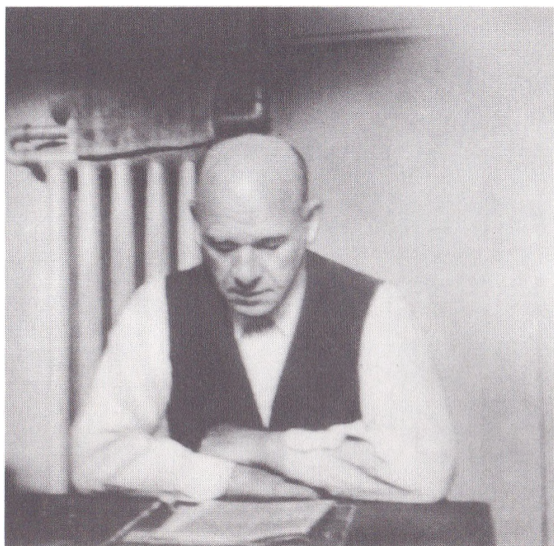
9. Brief Göttingen v. Göttingen St. Pauli. ~~am 11. 12. 1943~~

10. Brief Göttingen. ~~am 11. 12. 1943~~

11. Brief Göttingen v. Göttingen St. Pauli. ~~am 11. 12. 1943~~

12. Brief Göttingen v. Göttingen St. Pauli. ~~am 11. 12. 1943~~

Запись
рейсфюрера СС
Гимmlера
о достигнутой
с Гитлером
14 августа 1944 г.
договоренности
об убийстве
Эрнста Тельмана

**В судебной
тюрьме
Ганновера.
Последняя
фотография
Эрнста
Тельмана**

**Крематорий
концлагеря
Бухенвальд,
где фашисты убили
Эрнста Тельмана,
сегодня стал
мемориалом**

проблем; некоторые товарищи поделились положительным опытом работы своих партий.

Пленум ИККИ показал, что коммунисты искали пути создания более широкого единого фронта. В связи с этим вновь было выдвинуто требование устанавливать братские связи с рабочими социал-демократических организаций. В то же время следует отметить, что некоторые товарищи переоценивали уровень развития революционной борьбы в Германии и возможности КППГ, считая, что в Германии близится крах капитализма и предстоит пролетарская революция. Эта точка зрения выражалась в оценке фашизма как последнего средства защиты буржуазии от революции, а также во мнении, что теперь острей борьбы следует направить против социал-демократии как главной социальной опоры буржуазии. Высказывалась также точка зрения, что настало время объявить борьбу за создание власти советов. Под предлогом самокритики Герман Реммеле, выступая в прениях, сделал упрек в адрес тельмановского руководства КППГ в том, что оно имеет недостаточно «перспективную установку»¹.

Эрнст Тельман отклонил безответственные выпады Реммеле. Он по-деловому проанализировал классовые основы и цели правительства Папена, предостерег от заблуждений, вызываемых политикой правых социал-демократических лидеров, и иллюзий относительно темпов созревания революционной ситуации в условиях кризиса капитализма. Он решительно возражал против авантюристической, поверхностной оценки опасности, исходившей от фашизма.

В этой связи Эрнст Тельман указал на необходимость постоянного пересмотра старых оценок применительно к объективно изменяющейся обстановке. Сегодня фашисты действуют не теми методами, что годы назад; что касается Германии, то следует сказать, «что никогда еще не развивалась фашистская диктатура на базе такого огромного, идущего наряду с социал-демократией массового движения, какое представляет собою национал-социалистская партия...». Такие факты, делал вывод Эрнст Тельман, еще не могли быть учтены в программе, которую приняли на VI Всемирном конгрессе, в части, касавшейся проблемы фашизма. Он подчеркнул, что именно новые факты, новые условия развития фашизма в Германии были очень сложны. «Как отвергнутая XI пленумом особая «теория наступления» (что фашизму в Германии путь будто уже прегражден), так и позднее всплывшие мнения, будто фашизм уже победил и фашистская диктатура развернулась полностью, должны быть осуждены XII пленумом. Как переоценка, так и недооценка фашизма ведут к самым опасным последствиям».

Дискуссия на пленуме ИККИ явилась действенной поддержкой КППГ; она помогла вскрыть слабые места в работе партии

¹ XII пленум ИККИ. Стенографический отчет, т. 3, с. 93.

с массами и подтвердила правильность замыслов Тельмана относительно дальнейшей борьбы КПГ. Однако XII пленум пока еще основывался на точке зрения XI пленума ИККИ (1931 г.), согласно которой в Германии быстро зрели предпосылки революционного кризиса и поэтому в первую очередь следовало блокировать влияние социал-демократического руководства. Это затрудняло правильную оценку соотношения классовых сил и не давало достаточного импульса решению проблемы повышения эффективности политики единого фронта.

В дискуссии на XII пленуме ИККИ определенное место занимали вопросы борьбы против военной опасности. Эрнст Тельман высказал ряд важных соображений относительно борьбы с разжигавшимися фашистами шовинистическими и милитаристскими настроениями. Он резко выступил против требования германских империалистов развязать им руки в вооружении, показав, что право на оружие, как и все другие вопросы, является классовым вопросом. «Мы должны указать на то, что если бы пролетариат в 1918 г. добился разоружения германской буржуазии и беспощадно проводил диктатуру пролетариата, опирающуюся на вооруженный рабочий класс, то не было бы теперь никаких чрезвычайных декретов, никаких папенов, не было бы и военной дань».

Эрнст Тельман подчеркнул, что у КПГ не было ни малейших оснований попустительствовать нацистам в стремлении использовать настроения народа, протестовавшего против грабительского Версальского мира. «Вся партия должна гораздо сильнее преисполниться сознанием того, что мы в Германии первые и единственные борцы против Версаля и были таковыми еще задолго до того, как вообще появилась партия наци».

КПГ вела борьбу против версальской системы, руководствуясь, разумеется, не националистическими мотивами, а рассматривая ее как составную часть своей борьбы против империализма, а именно: против врага в собственной стране. Антиверсальские настроения немецкого народа, подчеркнул Эрнст Тельман, должны направляться именно в это русло, в результате чего эти настроения должны были стать источником силы для проведения такой национальной политики, которая действительно оправдывала бы это название, а националистическая демагогия фашистов получила бы весьма чувствительный удар. «Мы должны, — говорил он, — уметь ненавидеть мелкобуржуазных масс к державам-победительницам в первую очередь обратить на свое же правительство, на свою буржуазию и ее подручных. Мы должны разъяснять массам подоплеку событий. Надо показать массам тесную связь между жандармской работой собственной буржуазии по ограблению трудящихся и репрессивными мерами выжимающих военную дань держав-победительниц»¹.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 170, ед. хр. 251.

На пленуме ИККИ Эрнст Тельман еще раз указал на необходимость усиления внимания к политической работе с населением пограничных районов и среди национальных меньшинств, в частности среди польских рабочих в Германии. Он внес предложение по случаю десятой годовщины оккупации Рура провести в Германии и во Франции кампанию под знаком пролетарского интернационализма. Имелось в виду, что французские солдаты и немецкие рабочие выступят на массовых митингах с воспоминаниями о совместных боевых традициях; состоятся манифестации в приграничных землях; в совместном манифесте к немецкому, французскому, английскому, польскому и бельгийскому пролетариату, как и в 1923 г., будет дана клятва о совместной борьбе под лозунгом «Враг находится в собственной стране!».

Обогащенный множеством новых идей, Эрнст Тельман во второй половине сентября вернулся в Германию, где события принимали все более драматический оборот. Ночью 10 августа нацисты напали на квартиру симпатизировавшего КПГ сельскохозяйственного рабочего в Потемпа под Глейвицем и зверски убили его на глазах у матери. Несмотря на то что убийцы были фашистами, им грозила смертная казнь, так как преступление было совершено после издания декрета об учреждении специальных судов, деятельность которых отличалась от практики обычного буржуазного судопроизводства. Однако стоило Гитлеру, назвавшему преступников «своими товарищами», открыто высказаться в оправдание этого убийства, как суд ограничился приговором к лишению их свободы. Через несколько дней после этого отвратительного кровавого злодеяния Папен, Шлейхер и Гинденбург провели переговоры с Гитлером о допуске нацистов в правительство, предложив ему министерский пост. Требование Гитлера о назначении его на пост канцлера пока еще не было удовлетворено. 4 и 5 сентября правительство Папена издало новые чрезвычайные декреты, имевшие для рабочих наиболее тяжелые последствия.

Чрезвычайный декрет от 14 июня ограничил выплату пособия по безработице полутора месяцами, а его размеры были сокращены почти на одну четверть. На 15—20% были снижены благотворительная помощь и пенсия для инвалидов, вдов и сирот. Еще больше повысилось налогообложение рабочих и служащих, вновь вводился отмененный ранее налог с оборота для мелких кустарей и ремесленников. 200 тыс. безработных были лишены всякой материальной помощи. Летом и осенью 1932 г. немецкие биржи труда регистрировали более 5 млн. безработных, но лишь незначительная часть их получала пособие по безработице; еще 2 млн. безработных вообще не были зарегистрированы, некоторые из них годами не могли найти работу. У тех, кто еще работал на одну четверть или одну треть, за последние два года снизилась заработная плата, не считая потерь вследствие неполного рабочего дня.

Принятые в начале сентября чрезвычайные декреты позволяли предпринимателям сразу сократить зарплату еще на 20%.

Для этого достаточно было заявить, что иначе пострадает деятельность предприятия. Принимая на работу новых рабочих, они имели право платить всему коллективу с 31-го по 40-й час рабочей недели лишь 50% почасовой заработной платы. В обоих случаях им даже не требовалось обращаться за согласием к профсоюзам. Действуя таким образом, правительство Папена добивалось ликвидации права рабочих на заключение тарифных соглашений, чтобы полностью отдать их на произвол предпринимателей. В то же время капиталисты получили подарок в виде налоговых льгот.

12 сентября 1932 г. собрался рейхстаг в новом составе. Двумя неделями раньше, 30 августа, его старейший депутат, 75-летняя коммунистка Клара Цеткин произнесла пламенную речь при открытии парламента, в которой призвала немецкий народ к объединению ввиду фашистской угрозы¹. Первое рабочее заседание рейхстага от 12 сентября началось с голосования в связи с вотумом недоверия правительству Папена со стороны коммунистов. Одновременно КПГ потребовала отмены чрезвычайных декретов. 512 депутатов без обсуждения проголосовали за предложения коммунистов, лишь 42 голоса были поданы против. Это было самое тяжелое поражение, которое когда-либо наносилось имперскому правительству в парламенте. Рейхсканцлер, решивший парализовать рейхстаг еще до того, как он начал работать, явился на заседание, имея распоряжение президента о его роспуске, который обосновывался якобы опасностью выдвижения требования об отмене чрезвычайных декретов, т. е. применения парламентом своего конституционного права.

Перед КПГ и другими антифашистскими силами встала задача всеми средствами вепарламентской борьбы сорвать применение чрезвычайного законодательства и использовать новую избирательную кампанию по выборам в рейхстаг для дальнейшего укрепления фронта борьбы против угрозы фашизма.

Удары со стороны Папена не застали коммунистов врасплох. Когда в середине сентября предприниматели стали снижать зарплату, то в противодействии этим мерам сказались результаты настойчивых усилий Тельмана направить все силы партии на активизацию работы среди рабочих на предприятиях и в профсоюзах. В сентябре и октябре на многих затронутых чрезвычайным законодательством предприятиях началась быстро нарастающая волна забастовок. Сопротивление охватило почти все отрасли промышленности. В отличие от прошлых лет, стачки имели место во всех частях Германии. В них участвовали как квалифицированные, так и необученные рабочие, жепщины и ученики. Однако многие выступления против снижения зарплаты — забастовки, пассивное сопротивление, демонстрации перед зданиями дирекции, угроза организовать забастовку — проходили на средних и мелких предпри-

¹ Vgl. *Zetkin Clara. Es gilt, den Faschismus niederzuringen! Eröffnungsrede als Alterspräsidentin des Reichstags.* — In: *Ausgewählte Reden und Schriften.* Berlin, 1960, Bd. III, S. 413—419.

ятиях, поскольку крупные концерны в применении чрезвычайных декретов проявляли сдержанность. Акциями сопротивления руководили преимущественно не профсоюзы, а выборные забастовочные комитеты, в которых наиболее твердую позицию занимали коммунисты и представители других революционных сил в профсоюзах. Об этом свидетельствует обращение промышленников к имперскому министру труда от 13 октября 1932 г. с требованием запретить Революционную профсоюзную оппозицию, игравшую руководящую роль в борьбе рабочих против чрезвычайных декретов.

Когда Эрнст Тельман вернулся с XII пленума ИККИ, волна забастовок еще только начиналась, поэтому было необходимо принять срочные меры по дальнейшему повышению активности и целеустремленности коммунистов и революционных профсоюзных работников. На 15 октября 1932 г. была созвана партийная конференция — третья в истории КППГ. На ней должны были быть наиболее широко представлены функционеры, непосредственно участвовавшие в забастовках против предпринимателей и последних чрезвычайных декретов, а также в оказании отпора террористическим бандам гитлеровцев.

15 октября до начала конференции Эрнст Тельман выступил с отчетным докладом перед Центральным Комитетом КППГ. Он говорил, что обстановка в Германии обострилась. «Мы должны видеть, что фашизация в Германии идет катастрофически быстрыми темпами». Мы должны видеть «стремление буржуазии к открытой фашистской диктатуре, и мы должны попытаться... довести серьезность сложившейся обстановки до сознания всех членов партии»¹.

Эрнст Тельман непоколебимо верил в силу своей партии. Зная, что многие товарищи трудились не жалея себя, он требовал: теперь партия должна работать еще больше, еще эффективнее претворять в практические действия свою правильную генеральную линию. Эта задача была невероятно тяжела, так как КППГ являлась единственной организованной силой в Германии, боровшейся против фашизма. С самого начала она боролась против монополистического капитала — той силы, которая выдвинула на авансцену фашизм. И теперь она продолжала эту борьбу против мощного и жестокого врага, не получая никакой поддержки от других политических организаций страны, потому что капитулянты в руководстве СДПГ и свободных профсоюзов парализовали эти крупные организации, а буржуазные партии и подавно не вели политической борьбы с фашизмом.

Социал-демократические лидеры настойчиво отвергали любые совместные действия с КППГ и лишь делали вид, будто ведут борьбу с режимом Папена. Так, смещенные прусские министры обратились в государственный суд в Лейпциге, добиваясь права

¹ IML, ZPA, I 2/1/86.

по-прежнему называться министрами и пользоваться своими служебными кабинетами в правительственных зданиях; социал-демократическая фракция в рейхстаге упражнялась в обращениях к правительству Папена с требованием о «перестройке экономики» при помощи мер государственно-монополистического регулирования, называя это «социализацией». Эрнст Тельман разоблачал эти маневры, вводившие в заблуждение рабочих социал-демократов.

Проявленное социал-демократическим руководством в антифашистской борьбе бессилие показало, что нельзя вести борьбу против фашизма, цепляясь за антикоммунистические оговорки и уступая одно за другим буржуазно-демократические права и свободы. Столь же мало шансов на успех в противоборстве с империалистической реакцией имели призывы к империалистическому классовому суду и разглагольствования о демократии и свободе. Чисто парламентскими средствами невозможно было защитить от политики фашизации даже буржуазный парламентаризм, тем более что социал-демократические лидеры, не исчерпав парламентских средств борьбы и отмежевываясь от всех левых сил, настойчиво предлагали себя господствующему классу в качестве союзников.

Условия для усиления антифашистской борьбы осенью 1932 г., как того требовала объективная обстановка и чего добивалась коммунистическая партия, были весьма неблагоприятными. Но силы КПГ значительно возросли, и за последние месяцы она заметно окрепла политически. Ведя классовую борьбу, партия шаг за шагом на практике убеждалась в правильности политики, наиболее последовательным поборником которой был Тельман. Благодаря терпению и настойчивости Эрнста Тельмана и его соратников в борьбе за марксистско-ленинскую политику потерпели поражение фракционеры и в значительной степени было поколеблено сектантское предубеждение против антифашистской массовой политики, доказавшей теперь свою действительность. Эрнст Тельман выразил надежду, что все члены партии, свернувшие на авантюристический путь Хайнца Ноймана, снова твердо станут на почву марксистско-ленинской политики.

Улучшение руководящей деятельности партии и обеспечение столь необходимой в условиях напряженной обстановки ее боевистости потребовали дальнейших изменений в составе Секретариата. Герман Реммеле был освобожден от своих обязанностей члена Секретариата. Его место занял кандидат в члены Секретариата Вальтер Ульбрихт. Политическим секретарем окружной организации Берлин-Бранденбург-Лауэиц-Грепцмарк и кандидатом в члены Секретариата вместо Ульбрихта стал Вильгельм Флорин, являвшийся до этого представителем КПГ в ИККИ. На место Вильгельма Флорина в ИККИ был направлен Фриц Геккерт.

В соответствии с распределением обязанностей в Секретариате Эрнст Тельман осуществлял общее руководство, отвечал за антивоенную работу, направлял деятельность подпольного Союза красных фронтовиков и КСМГ. Йон Шеер в качестве заместителя

председателя партии отвечал за контроль над отделами аппарата Центрального Комитета и выполнял некоторые другие функции, которые до этого входили в обязанность Эрнста Тельмана. Вальтер Ульбрихт отвечал за связи с партийными организациями, осуществлял контроль над исполнением решений в Секретариате и Политбюро и направлял также деятельность Революционной профсоюзной оппозиции. Вильгельму Пик подчинялись многие другие массовые организации и парламентские фракции, вместе с Вальтером Ульбрихтом он отвечал за делопроизводство и финансы. Журнал «Ди Интернационале» подчинялся всему Секретариату, службой печати и газетой «Ди роте фане» ведали Йон Шеер и Эрнст Тельман.

Вечером 15 октября, после пленума Центрального Комитета, в здании прусского ландтага открылась Всегерманская партийная конференция. Вильгельм Пик приветствовал 216 коммунистов, избранных делегатами непосредственно в партийкеях; среди них были 129 рабочих с предприятий, 10 сельскохозяйственных рабочих, 38 безработных. В конференции принимали участие окружные секретари и редакторы, заведующие отделами центрального аппарата, все члены Центрального Комитета. Вильгельм Пик призвал товарищей держаться по возможности незаметно, чтобы не привлекать внимания полиции и фашистов. О том, насколько непрочным стало легальное положение партии, свидетельствовал тот факт, что участникам конференции чинились препятствия уже по пути в Берлин. Так, полиция задержала в Бергдорфе Антона Зефкова и еще трех делегатов от округа Вассерканте и лишь после настойчивых протестов разрешила им позвонить Эрнсту Тельману, который добился их освобождения.

Партийная конференция продолжалась до 18 октября. Ее участники заслушали большой доклад Эрнста Тельмана. Он выступал 15 октября вечером и в первой половине следующего дня. Вильгельм Пик проинформировал о докладе Д. З. Мауинильского на XII пленуме ИККИ о социалистическом строительстве в Советском Союзе. В прениях выступило 57 человек.

Центральное место в докладе Эрнста Тельмана занимало забастовочное движение, начавшееся в сентябре. Он потребовал дальнейшего улучшения работы заводских ячеек КПГ и обязал коммунистов и всех других членов Революционной профсоюзной оппозиции сосредоточить основные силы на свободных и христианских профсоюзах. При этом он сказал, ссылаясь на указание Ленина, что «нужно всегда учитывать тесную взаимосвязь между экономической и политической борьбой пролетариата. И из этого можно сделать вывод: без опыта целого ряда экономических и политических ежедневных акций борьбы, без частичных, массовых забастовок вплоть до генеральной забастовки»¹ рабочий класс

¹ *Thälmann Ernst. Im Kampf gegen die faschistische Diktatur. Rede und Schlußwort auf der Parteikonferenz der KPD im Oktober 1932. Die politische Resolution der Parteikonferenz (Berlin), o. J., S. 20.*

не может приобрести силу, достаточную для победы над империализмом. «Антифашистское действие» и волну забастовок против чрезвычайных декретов Папена от 4 и 5 сентября 1932 г. он охарактеризовал как претворение в жизнь принятого в феврале решения Центрального Комитета о применении тактики борьбы за повседневные интересы масс.

Еще на пленуме Центрального Комитета Эрнст Тельман отметил, что начиная с сентября 1932 г. более половины экономических выступлений рабочих увенчались успехом. Эти весьма положительные результаты были достигнуты к тому же в пору наибольшего обострения мирового экономического кризиса, когда почти каждый второй рабочий был безработным. Таких успехов во время стачек предшествовавших лет немецкий рабочий класс не добивался. Из этого Тельман сделал вывод, что в результате систематической работы КПГ на предприятиях рабочий класс вновь почувствовал свою силу. Забастовочное движение опровергло утверждения реформистов, что забастовки во время кризиса якобы невозможны. Многие рабочие на собственном опыте убедились в том, что успеха можно добиться только в борьбе.

Но правые профсоюзные лидеры и в ходе осенних забастовок 1932 г. продолжали в сговоре с предпринимателями проводить свою прежнюю политику соглашательства и отказа от борьбы, хотя окрепший боевой дух рядовых членов профсоюзов заставил их на некоторое время смириться с забастовками. Поэтому Тельман настойчиво призывал коммунистов к активной работе в профсоюзных объединениях, идти на выборные профсоюзные должности, каждодневно вести целенаправленную профсоюзную работу. Он еще раз подчеркнул: коммунисты, особенно члены Революционной профсоюзной оппозиции, должны повседневно на деле доказывать членам свободных и христианских профсоюзов, что они лучше, чем правые профсоюзные лидеры, отстаивают интересы рабочих. Эрнст Тельман потребовал решительного отхода от ошибочного курса в профсоюзной работе, попыток вести ее как бы со стороны, через специальные революционные объединения. И в тот период он неуклонно придерживался принципов марксистско-ленинской профсоюзной политики, изложенных им еще в 1925 г. на X съезде КПГ.

Наряду с этими ключевыми проблемами Эрнст Тельман рассмотрел в своем докладе и другие вопросы борьбы против угрозы фашизма, особенно борьбы против нацистов, политику единого фронта и положение в рядах социал-демократов.

В прениях многие делегаты конференции с предприятий и бирж труда рассказывали об опыте недавних забастовок, подтверждая целесообразность разработанной под руководством Эрнста Тельмана политики. Позиция и фракционная деятельность Хайнца Ноймана были осуждены¹.

¹ Die Rote Fahne, 22. X 1932.

Третья партийная конференция продемонстрировала приверженность партии к Эрсту Тельману и его марксистско-ленинской политике. В заключение конференции единогласно приняла резолюцию, которую от имени делегации Рурской области внес Макс Опци. В ней, в частности, говорилось:

«Партийная конференция... выражает глубокую приверженность и непоколебимое доверие всех членов партии и, более того, всех революционных рабочих Германии к Центральному Комитету КПП под руководством товарища Эрста Тельмана.

История нашей партии, ее поступательное развитие и превращение в боевую большевистскую партию теснейшим образом связаны с неустанной теоретической и практической деятельностью товарища Тельмана».

Далее отмечались заслуги Эрста Тельмана в развитии КПП и превращении ее «в революционную боевую партию, героическим примером и ярким идеалом для которой служила партия Ленина»; в резолюции констатировалось: «От имени всей партии партийная конференция выражает глубокое удовлетворение всех коммунистов тем, что наша партия... может гордиться своим руководством, своим ЦК, во главе которого стоит революционный рабочий, который является примером для всех классово сознательных рабочих»¹.

Партийная конференция сделала вывод, что КПП продвинулась еще на один шаг вперед по пути антифашистской борьбы, по которому ее твердо и целеустремленно вел Эрст Тельман. В результате сдвигов в общей мобилизации масс и распространении идеи единого фронта, в результате успехов, достигнутых в борьбе масс против фашистского террора, произошли заметные перемены к лучшему в разворачивании экономической борьбы и руководстве этой борьбой. Широкий обмен опытом на Всегерманской партийной конференции с коммунистами из первичных организаций показал также, насколько укрепилось под руководством Эрста Тельмана коллективное начало в работе партии и ее руководящих органов. Ускорились обобщение опыта, улучшилось внедрение ленинских норм партийной жизни.

На своих первых заседаниях после партийной конференции окружные комитеты КПП подтвердили сплоченность сил партии вокруг Центрального Комитета, Председателя партии и выразили стремление добиться еще больших успехов в борьбе против фашистской опасности. Они выразили свою приверженность политике, которую проводил в жизнь Эрст Тельман и которую он еще раз изложил на партийной конференции.

После конференции Эрст Тельман отправился в новую поездку по стране в связи с выборами в рейхстаг. Новые выборы были назначены на 6 ноября 1932 г. На 3-й конференции КПП Эрст Тельман поставил задачу провести совместные акции с рабочими

¹ Mitteilungen der Kommunistischen Partei Deutschlands, Oktober 1932, S. 5, 6.

Франции, Польши и других стран и дал разъяснения относительно совместной кампании, предложенной им на XII пленуме ИККИ и согласованной с братскими партиями. Он исходил из того, что сдвиги в массовом антифашистском движении и признаки застоя в распространении влияния нацистов создавали более благоприятные условия для усиления и повышения действенности пропаганды пролетарского интернационализма, развертывания движения антифашистской солидарности и боевого содружества за пределами страны. В то же время он учитывал, что именно в условиях нарастания военной угрозы было бы особенно опасно допустить усиление шовинизма, — новое поколение не испытало на себе, что такое война, и поэтому легко могло стать жертвой шовинистической и милитаристской обработки фашистами. В заключительном слове на партийной конференции Тельман сказал: «Опасность возникновения войны между Германией и Францией и между Германией и Польшей приобретает серьезный характер. Германский империализм проводит авантюристическую политику в отношении держав Версальской системы. Мы должны видеть, что в связи с этой военной политикой германской буржуазии, по мере увеличения контраста между военными расходами и огромной нуждой и бедствиями усиливаются антивоенные настроения в массах, как это было в связи со строительством бронепоездов». Так это было во Франции. Это обстоятельство, подчеркнул Тельман, открывает новые возможности для ведения решительной борьбы против угрозы войны: «Мы можем перейти к фронтальному наступлению на шовинизм и национализм. Мы можем и должны сильнее выдвигать на передний план вопрос нашего революционного интернационализма»¹.

Поэтому осенью 1932 г. КПГ усилила борьбу против военной опасности и шовинизма. В октябре и ноябре Эрнст Тельман разработал соответствующую программу. Под знаком пролетарского интернационализма и интернациональной борьбы коммунистов против военной опасности КПГ участвовала в избирательной кампании по выборам в рейхстаг. При этом особое внимание уделялось укреплению интернациональной солидарности рабочего класса в борьбе против шовинизма и национальной демагогии фашистов. Эта тема была главной в выступлениях Эрнста Тельмана в ходе избирательной кампании. 25 октября состоялись два первых крупных митинга с его участием: один — в 18 час. в Эссене и другой — через два часа в Дортмунде. На этих массовых митингах, в них приняло участие 65 тыс. человек, Эрнст Тельман огласил совместное заявление коммунистических партий Германии и Франции против Версальского договора. Это заявление призывало трудящихся обеих стран противопоставить шовинистической кампании свою солидарность в совместной борьбе. Затем Эрнст Тельман зачитал текст предложения о прекращении всех выплат по контри-

¹ *Thälmann Ernst. Im Kampf gegen die faschistische Diktatur, S. 34.*

буциям, которое КПГ собиралась внести в рейхстаг. ФКП одновременно выступила с соответствующим требованием во французской палате депутатов.

Чтобы продемонстрировать боевое содружество между немецкими и французскими рабочими, Тельман принял решение нанести визит во Францию. Пытаясь сорвать его планы, власти отказали ему в выдаче французской визы, но пролетарская солидарность оказалась сильнее. 27 октября Эрнст Тельман выступал в Дюссельдорфе, 30 октября — в Мюнхене. В течение многих дней коммунистическая пресса публиковала объявления о митинге с участием Тельмана в берлинском Дворце спорта, который был арендован КПГ на 1 ноября. Казалось, что календарь выступлений и поездов главного кандидата КПГ был заполнен до отказа. Создав такую видимость, Эрнст Тельман выехал из Мюнхена не в Берлин, а нелегально в Париж и 31 октября прибыл во французскую столицу.

Братская французская партия хорошо позаботилась об обеспечении безопасности Тельмана во время его пребывания в Париже — городе богатых революционных традиций, боевого классово сознательного рабочего класса, города Коммуны 1871 г. Эрнста Тельмана разместили на нелегальной квартире в Иври, в маленьком отеле «Де л'Авенир» на авеню де Верден, его владельцем был друг Мориса Тореза товарищ Марке. Здесь Эрнст Тельман провел вторую половину дня. Он имел долгую беседу с Морисом Торезом. Морис Торез был моложе Тельмана на 14 лет, но их объединяла дружба, завязавшаяся в ходе совместной работы в ИККИ. Оба руководителя обсудили вопросы, связанные с предстоящим митингом и совместной борьбой против фашизма. Затем водитель Центрального Комитета ФКП отвез их в 10-й округ Парижа.

Там в старом спортзале, неподалеку от площади Республики, в котором по традиции проводились митинги парижских рабочих, Центральный Комитет ФКП устроил митинг по случаю 15-й годовщины Октябрьской революции. Морис Торез дал указание шоферу подъехать к самому началу митинга. Когда зал был полон, Марсель Кашен — один из основателей ФКП, в течение многих лет возглавлявший парламентскую фракцию ФКП, открыл митинг и затем попросил закрыть все двери. На некоторое время был погашен свет, и когда вновь стало светло, то присутствовавшие увидели на сцене Председателя КПГ Эрнста Тельмана. Морис Торез представил посланца революционных немецких рабочих. Собравшиеся приветствовали Эрнста Тельмана бурей аплодисментов и боевым призывом «Рот фронт!».

В краткой речи, которую переводил Морис Торез, Эрнст Тельман заявил, что он прибыл в Париж, чтобы продемонстрировать «в городе Жака Жореса пролетарский интернационализм, нерушимую солидарность и тесные братские, товарищеские связи между немецкими и французскими рабочими в их совместной борьбе против капиталистических эксплуататоров в собственной стране,

против немецкой и французской буржуазии, за власть рабочих и социализм!»¹. Он осудил разнузданную реваншистскую кампанию германского империализма и призвал к совместной борьбе против грабительского Версальского мира. Морис Торез в ответной речи обвинил империалистов Франции и Германии в том, что они травливают народы друг на друга, и подтвердил, что рабочие обеих стран будут вместе вести борьбу против Версаля, за мир и социализм.

После митинга Эрнст Тельман направился на другую целевую квартиру, на улице Рю де Крими в 19-м округе. Оттуда Виктор Берлиоз и еще один французский товарищ доставили его в машине ЦК ФКП в Саарбрюккен, куда автомашина с французским номером могла проехать без контроля. Дорога шла вдоль десятков тысяч могил на полях бывших сражений первой мировой войны. Эрнста Тельмана, воевавшего на этом фронте, все увиденное глубоко взволновало. В Саарбрюккене его уже ожидали товарищи из КПГ, и в их сопровождении Эрнст Тельман пересек границу Саарской области с Германией.

Еще 31 октября Секретариат ЦК КПГ разослал циркуляр во все окружные парторганизации и редакции, в котором дал указание немедленно использовать неожиданное выступление Эрнста Тельмана в Париже для мощного агитационного удара по фашистам. Секретариат выдвинул лозунг: «Последние дни перед выборами должны пройти под знаком боевого пролетарского интернационализма».

Вечером 1 ноября Эрнст Тельман был с особым воодушевлением встречен участниками митинга в берлинском Дворце спорта. В начале своей речи он передал привет от революционных рабочих Франции: «От имени участников революционного массового митинга парижского пролетариата, от имени революционных рабочих Франции, от имени их руководящей силы — ФКП я передаю вам пламенный революционный боевой привет». Под гром аплодисментов и возгласы одобрения он заявил: «Движимые чувством братской солидарности, мы еще смелее протянем через пограничные столбы нашим боевым товарищам во Франции руку для боевого союза против военных преступников и их пособников»².

В своей речи Эрнст Тельман сделал упор на разоблачение ювипизма и национализма. Он призвал избирателей отдать свои голоса КПГ — единственной партии, борющейся за национальное освобождение немецкого народа и указавшей путь к этой цели: освобождение от господства эксплуататоров, социальное освобождение. Он бичевал националистическую пропаганду и демагогию нацистов и в то же время критиковал социал-демократических лидеров типа Отто Вельса, соревновавшегося в своих предвыбор-

¹ *Thälmann Ernst. Krieg dem imperialistischen Kriege! Nieder mit Versailles! (Aus der Rede in Paris am 31. Oktober 1932).* — In: *Geschichte und Politik*, S. 202—203.

² *Thälmann Ernst. Internationalismus der Tat.* — In: *Über proletarischen Internationalismus*, S. 174, 175.

ных речах с нацистскими крикунами, в выражении «любви к отечеству», но интерпретировавшего эту любовь в националистическом духе как готовность защищать империалистическую Германию силой оружия¹. Эрнст Тельман заявил: «Это отвратительная гримаса 1914 года. Но я спрашиваю: может ли быть отечеством Германия, где кучка капиталистов угнетает, подавляет и эксплуатирует миллионы рабочих и других трудящихся? Может ли быть отечеством страна, где тысячи техников, инженеров и других работников умственного труда выброшены на улицу вместе с миллионными массами пролетариата?.. Но мы, коммунисты, знаем, что миллионы тех, кто еще «верен отечеству», присоединятся к нашей революционной борьбе, к нашей борьбе за свободу, за настоящее социалистическое отечество, в котором не будет ни позора контрибуций, ни эксплуатации!»².

Эрнст Тельман напомнил о том, какой путь к справедливому миру указал Ленин и большевики, вскрывшие связь между национальной свободой, обеспечением мира и борьбой рабочего класса за свержение империализма. Никогда не должно повториться, говорил Тельман, чтобы молодежь разных народов пошла на войну и на смерть друг против друга. Молодежь и творческие силы рабочих и крестьян Германии и Франции, так же как и Советского Союза, призваны строить социализм. Поэтому коммунисты призывают к установлению тесных интернациональных связей трудящихся против эксплуататоров, угнетателей и поджигателей войны.

После выступления в берлинском Дворце спорта Эрнст Тельман выступал 3 и 5 ноября в Гамбурге. На этих митингах он также призывал к тесному сплочению рядов против фашизма и международного империализма. На многочисленных предвыборных собраниях революционные рабочие Германии выражали свою поддержку и одобрение сказанному Эрнстом Тельманом в Париже.

12

**Мы бьем в набат,
призывая к борьбе
за жизненные интересы
миллионов**

Политика, которую Эрнст Тельман неуклонно и настойчиво проводил в КППГ, его неумолимость в осуществлении этой политики, в борьбе против монополистического капитала и его империалистического курса на фашизацию способствовали активизации рабочего движения, достигшего в ноябре 1932 г. нового подъема. С 3 по 7 ноября бастовали рабочие берлинского Транспортного общества. Эта забастовка явилась кульминационной в серии начавшихся

¹ Vgl. Vorwärts, 24.X 1932, Abendausgabe, 25.X 1932, Abendausgabe.

² Thälmann Ernst. Internationalismus der Tat.— In: Über proletarischen Internationalismus, S. 179.

в сентябре стачечных выступлений. И хотя полиция разогнала пикеты и арестовала тысячу рабочих, а избранный забастовочный комитет был вынужден уйти в подполье и несмотря на организованное штрейкбрехерство, забастовка транспортников на несколько дней почти целиком парализовала движение в столице. Размах этого организованного под единым руководством выступления был настолько силен, что в поддержку забастовки пришлось высказаться даже нацистам.

Забастовка транспортников не принесла материального успеха, но она показала, что при хорошей подготовке КПГ и Революционная профсоюзная оппозиция были в состоянии провести массовую акцию рабочих, несмотря на несогласие правых профсоюзных лидеров. Транспортники нанесли правительству Папена тяжелое политическое поражение. В те дни Эрпста Тельмана не было в Берлине, он был занят подготовкой к выборам. Тем не менее забастовка имела успех благодаря его настойчивым рекомендациям применять следующую тактику: провести тщательную подготовку в различных учреждениях Транспортного общества и в рабочих поселках, организовать широкий единый фронт транспортников, привлечь к борьбе жен транспортных рабочих.

6 ноября, когда еще шла забастовка, состоялись вторые в том году выборы в рейхстаг. Реакции был нанесен еще один тяжелый удар. По сравнению с выборами 31 июля КПГ получила на 600 тыс., или на 17%, голосов больше и 100 депутатских мест в рейхстаге. Нацисты потеряли 2 млн. голосов. СДПГ тоже недосчиталась многих избирателей. Итоги выборов явились сигналом о наметившемся переломе в соотношении политических сил, вызванном последовательной антифашистской политикой КПГ. Результаты состоявшихся вслед за тем коммунальных выборов в Любеке, Саксонии и Тюрингии подтвердили тенденцию неуклонного укрепления позиций революционных сил, в то время как влияние НСДАП ослабевало.

10 ноября после выборов в рейхстаг состоялось заседание руководства СДПГ. Правое руководство социал-демократии было весьма встревожено результатами выборов, особенно приростом отданных за коммунистов голосов. Со всей серьезностью обсуждался вопрос: как сдерживать дальнейший рост влияния коммунистов в массах. Рудольф Гильфердинг говорил о «категорическом принципиальном неприятии коммунизма»; Матильда Вурм негодовала по поводу того, что «наши товарищи в разных частях страны... весьма живо стремятся к единому фронту», заявив в заключение: «Необходимо вести против коммунистов борьбу!» Этот лозунг выдвинул также и председатель партии Отто Вельс¹. Подобные высказывания определили ход всего совещания. А вопрос о том, что же следует предпринять против фашистов, был явно «забыт». При-

¹ Anpassung oder Widerstand? Aus den Akten des Parteivorstandes der deutschen Sozialdemokratie 1932/33. Bonn — Bad Godesberg (1975) (Archiv für Sozialgeschichte, Beiheft 4), S. 39, 44.

первенство буржуазному государству, боязнь утратить свое влияние на рабочий класс и тем самым стать ненужными буржуазии настолько владела настроениями правых социал-демократических лидеров, что, несмотря на близость конца Веймарской республики, они не только не выступали против фашизма, а, наоборот, боролись против боевой антифашистской силы — против коммунистической партии. Антикоммунизм правых социал-демократических лидеров чрезвычайно затруднял борьбу КПП за широкий антифашистский фронт. Он стал главным препятствием, мешавшим срыву фашистских планов.

Когда после избирательной кампании Эрнст Тельман вернулся в Берлин, предстояло дальнейшее обсуждение решений конференции КПП в Коммунистическом союзе молодежи и на съездах окружных партийных организаций. Необходимо было попытаться продолжить забастовочную борьбу и развернуть массовое движение за жизненные права беднейших слоев трудящихся, безработных и их семей; следовало предпринять дальнейшие шаги в борьбе против шовинизма и милитаризма. В те дни назревал кризис правительства Папена, и КПП следовало быть готовой своевременно реагировать на это событие. Все эти вопросы были обсуждены на заседании Секретариата ЦК КПП 11 ноября с участием Эрнста Тельмана.

Изучение итогов XII пленума ИККИ и 3-й конференции КПП имело особо важное значение для молодежного союза, поэтому было решено, что перед Центральным Комитетом КСМГ выступит сам Эрнст Тельман. Заседание ЦК КСМГ проходило 14—15 ноября в берлинском пригороде Прирос. Эрнст Тельман выступил на второй день в прениях по докладу Фрица Гроссе.

В течение некоторого времени в руководстве молодежного союза действовала группа сектантов, но уже в конце октября на заседании Бюро ЦК КСМГ на основе решений партийной конференции им был дан отпор. Ноябрьское совещание руководства союза положило конец сползанию КСМГ в болото самодовольного сектантства. Было образовано новое руководство, нацеливавшее КСМГ на практическую работу в гуще молодежи, как требовала того тельмановская политика. Председателем молодежного союза стал Фриц Гроссе, представителем КСМГ при Исполкоме КИМа был назначен Артур Беккер.

Доклад Председателя КПП на заседании руководства КСМГ в Приросе помог молодежным функционерам лучше уяснить многие важные теоретические и методические вопросы революционной политической работы коммунистов. Эрнст Тельман требовал от коммунистов в молодежном союзе, особенно от его руководящего звена, прочных теоретических и политических знаний, а также выработки навыков действительно вести за собой молодежь.

Доклад Эрнста Тельмана был проникнут тревогой за судьбу молодежи Германии в связи с планами монополистов, милитаристов и их фашистских приспешников превратить ее в пушечное

мясо в новой попытке добиться мирового господства. Поэтому Эрнст Тельман особенно настойчиво старался оградить подрастающее поколение от влияния фашистской демагогии.

Он выдвинул ряд предложений по проблеме, которой уделил огромное внимание, установления тесных связей КСМГ с рабочей молодежью. Он призвал также не забывать сельскую и учащуюся молодежь. Его указания касались работы с детьми трудящихся, в профессиональных школах, среди подмастерьев, в молодежных секциях профсоюзов и многих других сторон молодежной работы. Он говорил о необходимости искать более подходящие методы политической работы с молодежью, включая спорт или учения на местности, говорить с молодежью на понятном для нее языке, культивировать революционную романтику, воспитывать дух товарищества.

В этой связи Эрнст Тельман высказал ряд принципиальных соображений: привлечь массы на свою сторону и повести их на борьбу «нельзя при помощи схемы, для этого недостаточно одной только правильной генеральной линии; это еще и вопрос применения правильного психологического метода, понимания психологии масс». Только зная массы и формулируя понятные для них ближайшие цели, можно подвести их к крупным революционным задачам. «Борьба за частичные цели является обязательным условием решения дальнейших революционных задач... Вы не сможете подготовить молодежь к конечной битве, не воспитывая в ней качеств мужественных борцов, не мобилизуя ее на решение более высоких задач в ходе борьбы за отдельные цели». Может быть, продолжал он, это не совсем просто понять, учитывая склонность молодежи к авангардизму, но тем не менее это правильно. И это жизненно важный вопрос для революционного движения, потому что оно может быть жизнеспособным только в том случае, если революционная партия завоеует на свою сторону молодежь. «Революция без молодежи — это только половина революции, такая революция не может одержать победу», — говорил, обращаясь к молодым коммунистам, Эрнст Тельман. Он напомнил замечание Ленина в письме Богданову и Гусеву в 1905 г., что исход борьбы будет решать молодежь¹.

Чтобы помочь союзу молодежи и его новому руководству точнее определить свои задачи в борьбе масс против угрозы фашизма и натиска монополистического капитала, от которого особенно страдала трудящаяся молодежь, и найти пути к решению этих задач, Эрнст Тельман решительно выступил против некоторых ошибочных оценок и сектантских лозунгов, которых в последнее время придерживался Хайнц Нойман. Но, естественно, подчеркивал Тельман, необходимо направить все силы на решение политических задач. «Мы не должны ограничивать мобилизацию Коммунистического союза молодежи решением исключительно внутри-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 247.

партийных вопросов», заявил он, «а проводить активную массовую политику и массовую линию против наших классовых врагов» и тем самым помогать функционерам и членам партии становиться на правильные позиции. В отличие от чуждых партии фракций внутрипартийная борьба являлась для него не самоцелью — его целью всегда была политическая борьба с классовым противником, которую должны были успешно вести коммунисты, завоевывая на свою сторону трудящиеся массы.

Председатель партии подчеркнул большое значение, которое имеют для политического руководства революционной рабочей организацией марксистско-ленинская теория и ее научная методология. Он резко критиковал поверхностный подход к принципиальным и теоретическим вопросам, ведущий к поверхностности и в политике. Эрнст Тельман пояснил это на двух важных примерах.

После Лейпцигского съезда СДПГ (1931 г.) КСМГ установил связь с низовыми организациями Социалистической рабочей молодежи, сумев ослабить влияние правых социал-демократических лидеров среди молодежи. «Но когда пачались перегибы, когда заговорили о «кризисе в СРМ», когда заговорили о «самой революционной зиме», когда была «предана забвению» систематическая работа, потому что товарищи стояли на неправильном теоретическом фундаменте, то это не могло не привести к постепенному ослаблению всей работы».

Радикально звучащие, но тем не менее ошибочные формулы мешают молодежному союзу и в выполнении другой важной задачи — в работе с молодежью, уже подверженной нацистскому влиянию. «Мне думается, что наши молодые товарищи проявляют особенное нежелание вести такую работу», — отметил Эрнст Тельман. «Конечно, «бейте фашистов, где их встретите!» — легче, проще. Но, товарищи, если их так легко разбить, то почему же их становится все больше?» Предостережение не забывать о фактах и не довольствоваться фразами он дополнил указанием на то, что целеустремленная, серьезная работа увенчается успехом: «Конечно, «Антифашистскому действию» удалось не допустить захвата власти фашистами в результате путча не только благодаря пролетарской самообороне, но и благодаря идеологической работе в массах — благодаря привлечению к нашей политике единого фронта и рабочих — членов СДПГ»¹.

Тельман выразил непоколебимую уверенность, что дело, за которое он боролся и в духе которого он воспитывал также молодых коммунистов, победит. В заключение Тельман процитировал слова Ленина из его доклада о революции 1905 г., с которым он выступал 22 января 1917 г. перед швейцарской рабочей молодежью в цюрихском Народном доме. Ленин закончил свой доклад так: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции. Но я могу, думается мне, высказать с боль-

¹ IML, ZPA, 65/1/974.

шой уверенностью надежду, что молодежь, которая работает так прекрасно в социалистическом движении Швейцарии и всего мира, что она будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции»¹.

Эрих Тельман добавил к этому слова, выражавшие его собственный революционный оптимизм: «Ленин говорил это тогда, теперь этот вопрос стоит совсем по-другому. Сейчас мы уже не говорим, что мы, старики, не увидим того, что должна увидеть молодежь. Мы говорим: вместе с вами вперед к этой победе»².

17 ноября 1932 г. Франц фон Папен ушел в отставку. Выборы в рейхстаг и забастовка транспортников решили судьбу его правительства. Его покровители не отважились еще раз распустить рейхстаг и осуществлять управление страной в условиях чрезвычайного положения. Подобным намерениям потерпевшего крах рейхсканцлера особенно противилось командование рейхсвера, после того как были проанализированы уроки забастовки транспортников. Падение правительства Папена повлекло за собой двухнедельный правительственный кризис. И в этом проявилось глубокое влияние антифашистской борьбы партии Тельмана.

Начиная с середины сентября на заводах состоялись сотни забастовок и других выступлений, большинство из них увенчались успехом. Нередко достаточно было пригрозить забастовкой, чтобы заставить предпринимателя отказаться от намеченного снижения зарплаты. Если в 1931 г. и в первой половине 1932 г. забастовочная активность была низка, если раньше почти не удавалось организовывать забастовки против чрезвычайных декретов, так как правые профсоюзные деятели считали такие забастовки недопустимыми, поскольку они нарушали-де правовой порядок, то в последующем наступил настоящий перелом. Забастовочная волна не спадала и в ноябре и в декабре. Достигнутые успехи подтвердили правильность взятого Тельманом курса на усиление работы партии на предприятиях. Благодаря этому в значительной степени была подорвана экономическая и политическая программа правительства Папена. Рухнули барьеры на пути внепарламентского движения, воздвигнутые правыми лидерами АДГБ и СДПГ. Начало падать влияние социальной демагогии нацистов.

Боевой пролетарский интернационализм, примером которого являлась деятельность Эриха Тельмана, был одной из причин того, что на выборах в рейхстаг нацисты потерпели первое ошутимое поражение. Как говорил Тельман, КПГ сумела притупить «самое острое наступательное оружие против нас» — шовинизм, национализм, милитаризм, все те «лживые лозунги, с помощью которых буржуазия пробуждает националистические инстинкты и обращает их против нас».

Через два дня после отставки Папена ведущие банкиры, промышленники и юнкеры потребовали от Гинденбурга назначить

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 328.

² IML, ZPA, 65/1/974.

правительство Гитлера. Они хотели как можно скорее установить открытую фашистскую диктатуру, опасаясь, что в случае проводки начнется эрозия массовой базы фашистов. Другие представители империалистической буржуазии, напротив, считали, что слишком велик риск ответного удара со стороны рабочего класса. Они надеялись, что с помощью лидеров СДПГ и профсоюзов они и впредь смогут удерживать в стороне от борьбы значительную часть рабочего класса.

Эти расчеты имели под собой основания, если учесть то, что говорилось на заседании коллегии СДПГ 10 ноября. 28 ноября председатель АДГБ Теодор Лейпарт провел переговоры с военным министром Шлейхером. Социал-демократы в профсоюзном руководстве обещали правительству Шлейхера поддержку. 3 декабря Гинденбург назначил генерала Шлейхера канцлером и рейхскомиссаром в Пруссии. Новое правительство отменило или смягчило некоторые чрезвычайные декреты. Этими мерами оно стремилось приобрести некоторую популярность и помочь социал-демократическому руководству ввести массы в заблуждение относительно характера этого правительства.

17 ноября Секретариат ЦК КПП обсудил ближайшие задачи партии после отставки правительства Папена. 19—20 ноября состоялся съезд окружной организации КПП Берлин-Бранденбург-Лауэ-Гренцмарк. От имени самой крупной окружной парторганизации съезд выразил полное согласие с политической линией Эрнста Тельмана и сплоченного вокруг него руководящего коллектива. 20 ноября на съезде выступил Эрнст Тельман. Он нацелил партию на мобилизацию масс в связи с угрозой запрещения КПП и революционных массовых организаций, планами проведения реакционной «реформы» конституции и избирательного права, призвал к усилению борьбы против снижения зарплаты и ликвидации системы социального обеспечения, к проведению новой кампании безработных в целях укрепления движения единого фронта. Тельман обратился к «миллионной армии обнищавших, которых душат налогами, лишая хлеба и соли, голодный паек которых тает с каждым днем в результате унизительных проверок рацпонов питания», жизнь которых превращается в ад из-за ужасающего роста квартплаты и выселений, которые не получают больше ни одного пенни пособия». Он призвал их не отчаиваться, а бороться: «Если только вы, пролетарии — социал-демократы, христиане, готовые к борьбе национал-социалисты, члены свободных профсоюзов и беспартийные, объединитесь в единый фронт с вашими товарищами по несчастью — коммунистами, если только вы мужественно поднимете знамя борьбы, только тогда мы сможем завоевать хлеб, картофель и уголь для наших семей, для наших мальчишек и девочек, одежду и молоко для наших голодающих детей»¹. Тельман потребовал открыть для пугающихся

¹ *Thälmann Ernst. Wir läuten die Sturmglocken.* — In: *Die rote Fahne*, 21. XI 1932, Extraausgabe, 22. XI 1932.

продовольственные и угольные склады и обеспечить человеческие условия для 600 тыс. обреченных на бродяжничество молодых людей.

В этих призывах и требованиях Эрнста Тельмана была сформулирована цель выступлений, организованных Всегерманским комитетом безработных и Всегерманским комитетом единства «Антифашистского действия» вместе с КПГ. 20 ноября в Берлине состоялось совместное заседание этих органов единого фронта, на котором с докладом выступил Вильгельм Кёнен. Был принят призыв к безработным и всем трудящимся совместно бороться за «спасение от голода и холода». В поддержку этого призыва под заголовком «Мы бьем в набат, призывая к выступлению миллионы» были опубликованы и распространены по всей стране в виде листовок и на страницах газет выступления Эрнста Тельмана на съезде берлинской окружной организации КПГ.

В течение нескольких недель под лозунгом «Против голода и холода, за хлеб, картофель, уголь!» во многих городах проводились демонстрации безработных. Безработные направляли делегации на заседания коммунальных представительств, занимали помещения ратуш и благотворительных учреждений. В результате нередко удавалось добиться увеличения пособий и других видов помощи, например, в Альтоне, Аугсбурге, Берлине, Кайзерслаутерне, Бад Наугейме, Рендсбурге и Штаде, особо нуждавшимся выдавались уголь, картофель и обувь.

КПГ призывала и других трудящихся к организации самопомощи против политики разорения трудящихся. 30 октября во время избирательного митинга в Мюнхене крестьянские делегаты из различных районов Баварии передали Эрнсту Тельману пять вопросов. Он ответил на них письменно, поскольку митинг был прерван по распоряжению полиции. Последний вопрос гласил: «Что могут сделать крестьяне в защиту своих прав уже сейчас?». Тельман ответил: «1. Не жаловаться и не плакаться за столом в пивной или в финансовом управлении. 2. Пример, который подают бастующие промышленные рабочие: отпор снижению зарплаты. 3. Крестьянская самопомощь!.. Наш лозунг: «Сначала семья и хозяйство, потом налоги, проценты и сборы!» Образование крестьянских комитетов. 4. Трудящееся население каждой деревни должно сплотиться в борьбе! Крестьянин, ремесленник и рабочий должны объединиться в движении единого фронта. Борьба промышленных рабочих за зарплату — это борьба и за улучшение крестьянского рынка. Рабочие борются вместе с вами — боритесь и вы вместе с ними!»

Сразу же после съезда берлинской окружной организации КПГ руководство партии рассмотрело вопрос о возможной смене правительства. В письме Секретариата Фрицу Геккерту от 25 ноября, излагавшем оценку обстановки, говорилось, что пока нацистское правительство образовано не будет, а скорее всего будет назначен новый президентский кабинет, может быть установле-

на военная диктатура. «Новый состав правительства, — говорилось в письме, — ничего не изменит в общем политическом курсе». Следует ожидать усиления ударов против партии и революционных массовых организаций.

30 ноября Эрнст Тельман выступил с докладом о политической обстановке на заседании Политбюро ЦК КППГ, 1 декабря состоялось заседание Секретариата, 4 декабря его слушали делегаты организации КППГ округа Вассерканте, а 6 декабря — члены фракции КППГ в рейхстаге. Тельман проанализировал причины смещения правительства Папена, а в двух последних речах — уже после назначения правительства Шлейхера — он говорил главным образом о характере и политической программе нового кабинета. Тельман четко сформулировал мысль о том, что новое правительство означало еще один шаг в сторону усиления военной опасности. Через несколько дней события подтвердили эту оценку: 11 декабря государства, подписавшие Версальский договор — Франция, Великобритания, Италия и США, признали за империалистической Германией «принцип равноправия» в области вооружений. Это открыло германскому милитаризму свободный доступ к оружию. Так еще в лоне президентского режима создавались благоприятные условия для будущей фашистской диктатуры.

В речи на конференции окружной парторганизации КППГ Вассерканте на другой день после назначения Шлейхера рейхканцлером Тельман дал новому правительству следующую оценку: «Мы должны рассматривать кабинет Шлейхера как переходный, как кабинет, где резервируются посты для подготовки гитлеровской коалиции или гитлеровского правительства». Он резко осудил тактику умиротворения, которую проводило руководство СДПГ, и вновь обратился с призывом к социал-демократам и профсоюзам образовать единый фронт: «Любая недооценка диктатуры Шлейхера чревата сегодня очень большой опасностью! Мы против соглашения с усилением фашистской диктатуры. Мы разоблачаем пустую болтовню социал-демократов, которые утверждают, что в классовой борьбе наступила «разрядка»! Мы обращаемся к широким массам членов СДПГ и профсоюзов с призывом образовать братский боевой фронт и развернуть вместе с нами, коммунистами, борьбу против правительства фашистской диктатуры»¹.

Пolemическое выступление Тельмана против тактики успокоения масс, которой придерживались правые социал-демократические лидеры, было весьма своевременно не только ввиду переговоров, которые руководство АДГБ провело со Шлейхером уже в ноябре. Сразу же после вступления этого генерала в должность канцлера правые социал-демократы поспешили наладить сотрудничество своей партии с новым правительством и помогли тем

¹ Die Antifaschistische Aktion, S. 320.

самым Шлейхеру ввести трудящихся в заблуждение относительно этого крайне реакционного правительства и приглушить антифашистское движение. Социал-демократ Отто Браун, уволенный 20 июля при помощи Шлейхера с поста премьер-министра Пруссии, явился к новому рейхсканцлеру и предложил ему свои услуги. Социал-демократическая пресса давала явно неправильные оценки обстановки, приучавшие сторонников СДПГ к мысли, что развитие событий следовало пустить на самотек. Так, в газете «Дас фрайе ворт» Эрпст Хайльман писал: «Национал-социалистская партия быстро тает, как весенний снег, и последнее мрачное хвастовство Гитлера состояло в том, что он будет высоко держать свое знамя со свастикой, и если корабль национал-социализма пойдет ко дну, то и он сам погибнет вместе с ним». В опубликованном по случаю нового года обзоре газета «Форвертс» писала вопреки голосу рассудка: «Для финансовых магнатов, крупных промышленников и землевладельцев время гитлеризма уже давно прошло».

Многие симптомы свидетельствовали о том, насколько обоснованным было предостережение Эрпста Тельмана и насколько дезориентировала общественное мнение пропаганда правых лидеров СДПГ. Вновь был объявлен запрет на издание газеты «Ди роте фаше», на этот раз даже на три недели — с конца ноября и до второй половины декабря. 10 декабря во время конференции партийной организации КПГ Рурской области в отношении Тельмана была устроена новая полицейская провокация. Едва он успел занять вместе с Максом Опцем места в президиуме, как явилась полиция и объявила, что проведение конференции запрещено. Эрпст Тельман призвал присутствовавших сохранять спокойствие и не поддаваться на провокацию. 15 декабря рейхсканцлер выступил по радио с программной речью, в которой угрожал «драконовскими чрезвычайными постановлениями против коммунистической партии» и объявил о «жестком декрете в защиту немецкого народа», который «уже лежит в ящике письменного стола и представляет собой отличный документ, исключая любые лазейки»¹. С целью продемонстрировать это в нарушение парламентского иммунитета был подвергнут временному аресту Ион Шеер.

17 декабря Секретариат ЦК обсудил план нового выступления против шовинизма и угрозы войны, которое КПГ совместно с другими коммунистическими партиями намеревалась провести в конце 1932 г. — начале 1933 г., приурочив его к 10-й годовщине оккупации Рурской области французскими войсками. Эта акция должна была углубить раскол среди голосовавших за нацистов избирателей. Намечались совместные заявления и встречи в приграничных районах — не только в Рурской области и на западной границе, но и на польской границе вместе с Компартией Польши.

¹ Deutscher Geschichtskalender, 1932, Abt. A: Deutschland, Leipzig (1933), S. 258.

30 декабря 1932 г. в районе Ремшейд-Золинген состоялась нелегальная международная конференция, известная под названием Эссенской конференции. На ней были представлены компартии Бельгии, Германии, Эльзаса и Лотарингии, Люксембурга, Австрии, Польши и Чехословакии. Посланцы из Франции и Англии прибыли позже. По предложению КПГ работу конференции возглавил руководитель Западноевропейского бюро ИККИ Георгий Димитров, носивший партийную кличку Гельмут. С главным докладом выступил Вильгельм Флорин. Конференция приняла решение усилить пропаганду пролетарского интернационализма и защиты мира, а также содействовать еще более тесному взаимодействию коммунистических партий Европы.

Кампания против шовинизма, за международную пролетарскую солидарность была лишь частью развернутой КПГ широкой борьбы против реакции, фашизма и военной угрозы. 28 декабря 1932 г. Секретариат ЦК КПГ разослал в окружные комитеты партии и редакции партийных газет срочное циркулярное письмо с изложением ближайших задач. Проводившиеся в конце года мероприятия по случаю 14-й годовщины основания партии и посвященный памяти Ленина, Розы Люксембург и Карла Либкнехта митинг в середине января 1933 г. должны были, в частности, еще раз продемонстрировать, что только на знамени КПГ был лозунг борьбы за национальное и социальное освобождение немецкого народа. В связи с предстоявшей 50-й годовщиной со дня смерти Карла Маркса Секретариат поставил задачу активно выступать против нападок нацистов на марксизм и публиковать больше статей по основным вопросам марксизма-ленинизма.

Наряду с этим в письме Секретариата выдвигалось требование активизировать выступления безработных и продолжать забастовочное движение. 2 января 1933 г. истек срок полного запрета на демонстрации, введенного на основе предписывавшего «классовый мир» чрезвычайного декрета. Сразу же после этого следовало организовать многочисленные митинги и демонстрации против голода и пужды, а также против милитаризации молодежи. Несмотря на угрозу Шлейхера издать исключительный закон против коммунистов, КПГ и не думала отступить.

Секретариат также категорически потребовал, «чтобы безотлагательно были приняты все меры, необходимые для обеспечения продолжения нашей работы в усложнившихся условиях», иными словами, партия должна готовиться к переходу на нелегальное положение¹. Это требование было не ново, но в сложившейся обстановке к этому следовало быть готовым в любое время. Так, необходимо было обеспечить замену для широко известных функционеров КПГ, полностью отладить работу подпольной сети типографий и пунктов распространения литературы, которую организовал Ойген Шёнгаар. Следовало также проверить надежность нелегальных квартир. В то же время ни на минуту нельзя было ослаблять

¹ Vgl. IML, ZPA, I 2/5/23.

внимания к борьбе масс против угрозы установления фашистского режима во главе с Гитлером.

Уже в первых числах января 1933 г. обстановка резко обострилась. После нескольких недель относительного спокойствия нацисты и полиция вновь усилили террор. В первый день нового года в Берлине были убиты два антифашиста и еще один — у Везеля. С 1 по 24 января нацисты убили 11 и ранили 300 антифашистов. Различные фашистские силы вели закулисную подготовку государственного переворота, намереваясь окончательно похоронить буржуазно-парламентскую Веймарскую республику и начать кровавую расправу с рабочим движением. 4 января Папен и Гитлер встретились в доме банкира Курта фон Шрёдера в Кёльне, чтобы обсудить вопрос об образовании правительства, в состав которого входили бы нацисты, представители Германской национально-народной партии и клики Гинденбурга — Папена. Через три дня в доме мультимиллионера Эмиля Кирдорфа с той же целью состоялась встреча Гитлера и других нацистских главарей с ведущими монополистами.

В этой предгрозовой обстановке коммунисты доказали свою готовность к борьбе. Продолжались забастовки, проводились многочисленные акции безработных против голода и холода. В начале января во многих крупных городах прошли манифестации против правительства Шлейхера, террора фашистских убийц и непрекращавшейся политики голода. 4 января в Берлине состоялся митинг, в котором приняло участие более 100 тыс. человек.

В начале января 1933 г. был созван окружной съезд парторганизации КПГ Рурской области, сорванный полицией в декабре 1932 г. Он проходил 7—8 января в городском зале Эссена. Главными вопросами съезда было усиление политической работы на крупных заводах и активизация антивоенной работы. Съезд выразил твердую приверженность коммунистов Рурской области к Эрнсту Тельману, выступившему с речью 8 января в заключение работы съезда. Он сосредоточил основное внимание на военной угрозе, нависшей над Германией в результате действий фашистских сил, подчеркнув решимость революционных немецких рабочих защищать Советский Союз, отстаивать солидарность с революционерами всех стран.

Тельман воспользовался съездом в Эссене, чтобы встретиться с политическими секретарями других окружных организаций, присутствовавшими на нем в качестве гостей. Многие из этих товарищей прошли политическую школу Эрнста Тельмана.

За семь с половиной лет, в течение которых Тельман возглавлял партию, сформировался большой отряд опытных, закаленных во многих классовых боях, теоретически подготовленных функционеров. Это были испытанные пролетарские революционеры, прошедшие первую школу рабочего движения в основном на металлообрабатывающих и химических заводах, на верфях и стройках, на фабриках и в мастерских. Как политические бойцы и руководители

они росли вместе с КПГ, которая мужала и крепла под руководством Эрнста Тельмана, осваивая и претворяя в жизнь марксистско-ленинское учение в ожесточенной борьбе с поднимавшим голову фашизмом.

Эрнст Тельман поддерживал тесные товарищеские отношения с работниками партии и революционных массовых организаций. Будучи, как правило, моложе его, они любовно называли Председателя компартии «старик», правда, не столько из-за возраста, сколько в знак признания его заслуженно высокого авторитета. Из ближайших соратников Тельмана старше его на 10 лет был Вильгельм Пик, примерно одного возраста — Фриц Геккерт и Вильгельм Кёнен, несколько моложе — Теодор Нойбауэр, Эрнст Шнеллер и Вальтер Штёккер. Большинству в то время было около 40 лет, например, Иону Шееру, Берихарду Бестляйну, Гаусу Баймлеру и Максу Маддалене, другим не исполнилось и 30. Доклады и речи Эрнста Тельмана были для них школой умелого анализа и глубоко продуманной постановки задач. Они перенимали его опыт при обсуждении с ним проблем своей работы.

Съезд рурской организации КПГ проходил в обстановке ощущаемой угрозы фашистского переворота, подготовка которого велась на виллах монополистов, в штаб-квартире нацистской партии и в президентском дворце. 11 января 1933 г. «Ди роте фане» и многие окружные газеты КПГ опубликовали статью Эрнста Тельмана по случаю 10-й годовщины оккупации Рурской области, где он призывал к тесной сплоченности, чтобы сорвать заговор реакции. Борьбу за социальное и национальное освобождение немецкого народа, писал он, необходимо вести в «братском боевом союзе с рабочими и крестьянами Советского Союза, в тесном единении со всеми немецкими трудящимися, в духе боевой солидарности с пролетариями Франции, Польши, Бельгии и Италии». Эрнст Тельман остановился также на уроках событий 1923 г., отметив, что уже тогда проявилась международная боевая солидарность коммунистов, являющихся настоящими патриотами своей страны. В то время компартии Германии и Франции организовали акции протеста в Рурской области, с протестом против действий французского империализма выступил также Советский Союз. От имени КПГ Эрнст Тельман заявил об ответственности, которую несла партия перед международным рабочим классом.

Боевой дух революционных немецких рабочих особенно ярко проявился во время традиционного шествия к могилам Карла Либкнехта и Розы Люксембург 15 января 1933 г. Несмотря на очень холодную погоду, десятки тысяч людей пришли в этот день на кладбище Берлин-Фридрихсфельде. «Они почтили память Либкнехта и Люксембург, воздав также должное самим себе, — писал еще демонстрация 15 января не была столь массовой и боевой», — писал корреспондент «Ди роте фане». Участники демонстрации «заявили буржуазии: вы их убили, по дух их жив. Фридрихсфельде стало местом паломничества для всех революционе-

ров». 18 колонн демонстрантов, в их числе было много рабочих — социал-демократов и членов Социалистической рабочей молодежи, шли маршем к кладбищу из различных частей города. Пытавшиеся спровоцировать их нацисты получали должный отпор и обращались в бегство. На кладбище с речью выступил Вильгельм Пик, призвав к продолжению борьбы в духе основателей КППГ, которых зверски убили, т. е. в духе Ленина, за освобождение трудового народа, немецких рабочих и крестьян. Затем взял слово Морис Торез, находившийся в Берлине с ответным визитом. Он призвал к совместным действиям рабочих Германии и Франции в духе пролетарского интернационализма.

Неделю спустя нацисты устроили в столице демонстративное выступление с целью доказать крупному капиталу, что они способны оправдать возлагавшиеся на них надежды, т. е. разгромить немецкое рабочее движение. Они организовали шествие своих коричневых бандитских формирований на площади Бюловплац, напротив Дома им. Карла Либкнехта, где размещался Центральный Комитет КППГ. Обращенный в сторону площади фасад здания был украшен портретами В. И. Ленина, К. Либкнехта и Р. Люксембург и лозунгом: «В духе их заветов вперед на борьбу против угрозы войны, фашизма, голода и холода, за работу, хлеб и свободу». Фашистам пришлось выставить плотный полицейский кордон; как явствует из сообщения полиции, она разогнала на улицах Берлина 19 демонстраций рабочих и заняла Дом им. Карла Либкнехта.

Эрнст Тельман охарактеризовал выступление нацистов в центре Берлина как пробу сил реакции перед государственным переворотом. Он подчеркнул, что КППГ не поддавалась на провокацию, напротив, она направила свои усилия на мобилизацию масс. В статье «Нацистская провокация перед Домом им. Карла Либкнехта и уроки» он писал: «Быстрые политические ответные меры партии, быстрая и решительная мобилизация заводских рабочих, которая подняла на заводах Берлина волну возмущения, слившуюся с волной массовых протестов на биржах труда, — все это явилось как бы проверкой готовности красного Берлина к отражению еще более серьезных фашистских провокаций». Тельман призвал к борьбе против угрозы фашистского путча, против передачи государственной власти нацистам, к тесному сплочению антифашистов и заявил: «Коммунистическая партия обязывает всех своих членов и сторонников на каждом предприятии, на каждой бирже труда, в профсоюзах и других массовых организациях — будь то спортсмены, вольнодумцы или какие-то другие силы, и прежде всего молодежь, — вступать в боевой союз с социал-демократическими, верующими, беспартийными и всеми остальными товарищами по классу против общего классового врага».

Тельман указал на глубокую пропасть между классовыми интересами трудящихся, которых обманывали нацисты, и терроризмом нацистских банд, наиболее зверским вариантом классовой политики монополистической буржуазии. Ведя борьбу против натиска

фашизма, указывал он, необходимо подрывать его массовую базу. Для этого следует вести упорнейшую идеологическую работу среди трудящихся, ставших жертвами фашистской демагогии. «Коммунистическая партия обращается также к широким массам сторонников национал-социалистов,— писал далее Эрнст Тельман, отмечая «огромную разницу между отрядами штурмовиков и эс-эсовцев, пытающихся устраивать провокационные вылазки в рабочих кварталах или нападающих на рабочие жилые дома и пивные, и широкими массами измученных нуждой и кризисом рабочих, служащих, представителей средних слоев, ремесленников, мелких кустарей или даже трудящихся крестьян, которые шли или идут на поводу у нацистов, потому что верят демагогии и лживым обещаниям Гитлера, Геббельса и Штраессера».

Из этого, указывал Тельман, коммунисты и все революционные рабочие должны со всей последовательностью сделать необходимые выводы, нужно развернуть активную массовую борьбу против террора нацистских убийц и неустанную идеологическую работу с теми трудящимися, которые верят фашистам. Не следует уклоняться от ведения массово-политической работы также и среди штурмовиков и эсэсовцев. «Знали ли все штурмовики и члены гитлерюгенд, которым «было «позволено» выйти на демонстрацию» в воскресенье под защитой полицейских карабинов, что они делали это как солдаты финансового капитала, как защитники денежного мешка, как вспомогательная полицейская сила, охраняющая капитализм? ...Мы должны им об этом сказать»¹. Такова была принципиальная ориентировка КПГ в борьбе с фашизмом, в идеологической борьбе за массы, за освобождение трудящихся от духовных оков капитализма, и партия твердо придерживалась этой линии.

Фашистские газеты пытались сбить людей с толку ложью Геббельса о том, будто Тельман по вызову выехал из Германии в Москву. Однако 25 января 130 тыс. берлинских рабочих вышли на улицы, чтобы продемонстрировать свою сплоченность вокруг КПГ и ее Центрального Комитета. Партия призвала к проведению в 16 час. 30 мин. на Буловплац антифашистского марш-протеста против нацистской провокации. Уже в 13 час., несмотря на 16—18 градусов мороза, на улицах Берлина начали собираться рабочие колонны. Когда фанфары возвестили о начале демонстрации, Эрнст Тельман и другие члены партийного руководства под тысячеголосые приветственные возгласы «Рот фронт!» вышли на трибуну Дома им. Карла Либкнехта. Более четырех часов проходили бесконечные колонны антифашистов мимо здания ЦК, и это было убедительным свидетельством верности антифашистской политике КПГ, доверия к Эрнсту Тельману и боевого духа рабочих.

Размах демонстрации и митингов протеста против нацистской провокации, которые состоялись во многих других городах, показал, что еще можно было действовать, если бы руководство социал-демократии положило конец саботажу единого

¹ Die Rote Fahne, 26. I 1933.

антифашистского фронта, перестало упорно отказываться от участия в борьбе против угрозы фашизма и прекратило становившуюся все более разнузданной брань в адрес коммунистов.

Под руководством Эрнста Тельмана КПГ последовательно выступала против проводившейся монополистическим капиталом политики фашизации, против сменявших друг друга президентских кабинетов, против натиска нацистов. В ходе многочисленных выступлений она демонстрировала свою готовность к борьбе и возмраставшую силу. Она протягивала руку всем, кто также хотел бороться против угрозы фашизма. Она неустанно призывала социал-демократов, членов профсоюзов и христиан, рабочих, крестьян и представителей интеллигенции к совместной борьбе. Ее неустанная работа в массах и убедительная защита интересов трудящихся побуждали все большее число готовых к борьбе антифашистов встать на ее сторону. Под руководством Тельмана КПГ окрепла во многих боях, расширила свое влияние, обрела способность эффективно противодействовать политике классового врага.

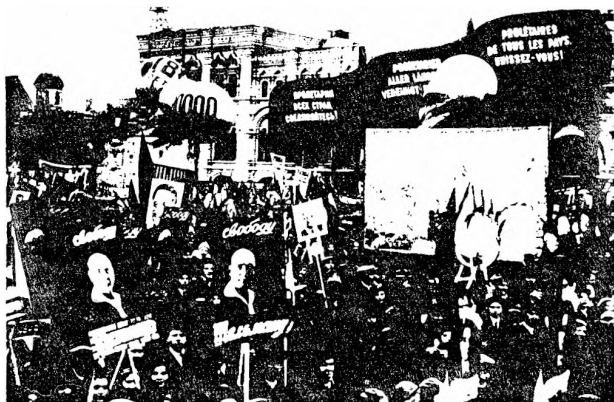
Но правые лидеры социал-демократии по-прежнему отказывались усилить фронт борьбы против фашизма, хотя и могли предоставить в его распоряжение свои крупные организации. Одна, без поддержки КПГ могла лишь замедлить процесс фашизации, сдерживать отдельные выступления фашистских сил или даже сорвать их, но не могла воспрепятствовать установлению фашистской диктатуры.

28 января 1933 г. правительство Шлейхера ушло в отставку. Уже в первой половине дня фракция КПГ в рейхстаге выпустила листовку с призывом не допустить образования еще более реакционного правительства. Франц Фоп Папен по поручению президента уже вел заключительные переговоры с Адольфом Гитлером и Альфредом Гугенбергом о создании правительства с участием нацистов и Германской национально-народной партии, т. е. открыто фашистского правительства.

На следующий день «Ди роте фане» вышла под заголовком «Тревога! Тревога! Угроза нового 20 июля!», призывая к «единому фронту действий против общего наступления фашизма!». «Еще более настоятельно Коммунистическая партия Германии и Революционная профсоюзная оппозиция подтверждают свое предложение рабочим-членам СДПГ и членам свободных профсоюзов об образовании единого фронта, с которым они выступили 20 июля прошлого года».

В духе созданного по инициативе Эрнста Тельмана «Антифашистского действия» КПГ сделала все возможное для организации совместных действий антифашистов. Ее клич тревоги отразил и тревогу многих социал-демократов, которую они выражали на митингах «Железного фронта». Но лидеры социал-демократии продолжали чинить препятствия организации широких совместных акций, проповедовали капитулянтство, игнорировали все предостережения, адресованные им партией Тельмана.

1933–1944

1 Открытое объявление трудящимся жесточайшей войны

30 января 1933 г. президент Гинденбург назначил Гитлера канцлером. Самые реакционные, шовинистические, агрессивные круги германского монополистического капитала установили открытую террористическую диктатуру. Реакция КПГ была немедленной. В тот же день Вальтер Ульбрихт по поручению Эрнста Тельмана предложил правлению СДПГ выступить с совместным призывом организовать всеобщую забастовку с целью свержения гитлеровского правительства. С этим предложением Центральный Комитет КПГ обратился также к профсоюзным организациям и распространил его в виде листовки. КПГ раскрывала классовый характер гитлеровского правительства и возложенной на него миссии: этот *«новый кабинет открытой фашистской диктатуры представляет собой открытое объявление жесточайшей войны трудящимся, немецкому рабочему классу!.. Бесстыдное ограбление рабочих,*

сверсный террор коричневой чумы, ликвидация последних жалких остатков прав рабочего класса, безудержное стремление к новой империалистической войне — все это стучится теперь в дверь»¹. Но даже теперь правые лидеры социал-демократии и профсоюзов упрямо продолжали свой антикоммунистический курс и отказывались призвать к борьбе членов и сторонников своей партии.

30 января состоялось заседание Секретариата Центрального Комитета КПП, на нем было решено, чтобы коммунисты, прежде всего на предприятиях, попытались создать антифашистские комитеты борьбы, мобилизовать членов профсоюзов, направить делегации профсоюзов в руководящие органы. Необходимо было привлечь рабочих к различным совместным выступлениям, шаг за шагом придавать борьбе против гитлеровского правительства массовый характер, создавая тем самым предпосылки для всеобщей забастовки.

В тот же день, 30 января, кабинет Гитлера обсудил вопрос об укреплении фашистской диктатуры. Члены правительства в один голос говорили о необходимости подавления всех антифашистских сил и использования всех средств для разгрома КПП. Опасаясь организации всеобщей забастовки рабочего класса, гитлеровское правительство, однако, не рискнуло сразу же запретить КПП, считывая на то, что СДПГ сорвет проведение такой забастовки. Было решено распустить рейхстаг в надежде получить на новых выборах абсолютное большинство голосов². Фашисты не обманулись в своих прогнозах относительно СДПГ. Хотя в опубликованном 31 января призыве социал-демократического руководства и говорилось о том, что настал момент, когда необходимо единство всего трудового народа, но тут же делалась оговорка, что руководство будет вести борьбу на основе конституции. «Недисциплинированные самовольные действия отдельных организаций или групп» объявлялись недопустимыми. В призыве говорилось, что следует беречь силы для решающих схваток: как только гитлеровское правительство использует свою власть в нарушение конституции, социал-демократы и профсоюзы получают от своих руководящих органов необходимые указания. Выжидательную позицию заняло также правление АДГБ.

Обещанные указания так и не последовали, хотя в последние дни января и в начале февраля коммунисты, социал-демократы и члены профсоюзов организовали во многих местах совместные забастовки, демонстрации и митинги протеста против фашистской диктатуры. По вине правых социал-демократических лидеров рабочий класс по-прежнему был расколот. Миллионы членов СДПГ, возглавлявшихся социал-демократами профсоюзов и других орга-

¹ Die Antifaschistische Aktion, S. 354.

² Vgl. Protokoll der ersten Sitzung des Kabinetts Adolf Hitler am 30. Januar 1933.— In: Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof Nürnberg, 14. November 1945 — 1. Oktober 1946, Bd. XXV. Nürnberg, 1947, S. 372—376.

лизаций, как и раньше, были выпущены, бездействовать в обстановке, когда еще имелась последняя реальная возможность бросить все силы на свержение гитлеровского правительства, пока фашисты не укрепили свой режим и не разгромили эти организации. Руководство и СДПГ и АДГБ упорно придерживалось антикоммунистических позиций, предавалось иллюзиям относительно возможности легальной борьбы и успокаивало людей надеждами на благоприятный исход выборов. Они, как и прежде, боролись не против империализма, а против КПП. Таким образом, рабочий класс был лишен возможности воспрепятствовать установлению фашистской диктатуры.

По требованию нацистов Гинденбург распустил рейхстаг. Новые выборы были назначены на 5 марта. Банды штурмовиков усилили террор против коммунистической партии, а также против социал-демократов, членов профсоюзов и других демократических организаций.

В конце января Эрнст Тельман отправился в Гамбург, чтобы повидаться с семьей и побывать в окружке Вассеркапте. Он встретился, в частности, с членом окружка Гарри Науёксом, поручив ему как можно быстрее возглавить партийную организацию в Любеке. Эрнст Тельман рассчитывал, что там удастся договориться о сотрудничестве с социал-демократами. Гарри Науёкс должен был сделать все для того, чтобы совместными усилиями рабочих Любека добиться освобождения функционера СДПГ Юлиуса Лебера, который был схвачен и зверски избит нацистами в ночь с 30 на 31 января 1933 г.

1 февраля Эрнст Тельман вернулся в Берлин и в тот же день принял участие в заседании Секретариата ЦК КПП. На нем был всесторонне обсужден вопрос о том, как следовало совместно с социал-демократическими рабочими и функционерами вести работу против фашистской диктатуры. Собрания, газетные публикации и листовки должны были привести к единым действиям с целью организации всеобщей забастовки, отмены запрета на демонстрации рабочих организаций и запрещения демонстраций нацистов там, где полицию возглавляли социал-демократы. На случай запрета КПП предусматривалась массовая забастовка. В агитации следовало самым активным образом использовать накопленный опыт единого фронта. Были приняты решения о совместных действиях с верующими трудящимися и об агитации среди поддерживавших нацистов трудящихся.

В материале, датированном 2 февраля, руководство КПП дало установку на борьбу против ожидавшегося запрета партии и на привлечение членов СДПГ и АДГБ к выступлениям против гитлеровского правительства — «правительства крупных промышленников, крупных аграриев и штыков (рейхсвер, штурмовые отряды и «Стальной шлем)». ЦК КПП прозорливо и предостерегающе подчеркивал, что гитлеровский кабинет — это «правительство ярого шовинизма (например, в отношении Польши) и усиления

интервенционистского курса в отношении Советского Союза». Далее указывалось на «резко возросшую опасность внешнеполитических авантюр и империалистических военных конфликтов».

На следующий день Эрнст Тельман выступил на заседании Политбюро с докладом о политической обстановке и задачах партии. Он подчеркнул необходимость бросить все силы на то, чтобы помешать укреплению фашистской диктатуры. Руководство партии приняло решение созвать 7 февраля пленум Центрального Комитета с участием руководящих функционеров, не входивших в ЦК, и главных редакторов основных окружных газет. Выступить с докладом было поручено Эрнсту Тельману.

2 февраля агенты берлинской политической полиции заняли Дом им. Карла Либкнехта и обыскали все помещения резиденции Центрального Комитета. Было также совершено нападение на окружные комитеты, другие учреждения партии и ее массовых организаций.

К этому партия начала готовиться уже давно. В 1931 г. были подобраны нелегальные жилые и рабочие помещения для членов и сотрудников Центрального Комитета, только в Берлине к весне 1933 г. было создано около 60 таких укрытий. В начале 1932 г. были подготовлены четыре нелегальные квартиры для Эрнста Тельмана. Готовясь к переходу в подполье, отдельные парторганизации начали расформировываться и создавать небольшие нелегальные группы. В этой работе КПП использовала ценные рекомендации партий, имевших большой опыт нелегальной борьбы, прежде всего ВКП(б) и Компартии Польши.

Но переход КПП на нелегальное положение оказался чрезвычайно трудным. Ведь это была массовая партия, насчитывавшая около 360 тыс. членов и миллионы сочувствующих. Ее руководящие деятели выступали перед сотнями тысяч людей, во время избирательных кампаний их фотопортреты распространялись по всей стране. Коммунистов знали на предприятиях и в жилых кварталах. Теперь же в короткие сроки следовало осуществить меры по обеспечению безопасности и одновременно уже на полулегальном положении участвовать в избирательной кампании. Это стоило больших усилий и многих жертв. Большая заслуга руководимой Тельманом партии состояла в том, что эта задача была выполнена.

7 февраля 1933 г. в ресторане «Спортхауз Цигенхальс» недалеко от Нидерлеме, юго-восточнее Берлина, собралось около 40 членов Центрального Комитета и других руководящих функционеров партии на пленум ЦК КПП. Большинство участников этого заседания вначале тайно собирались в пунктах встречи в разных местах Берлина, оттуда их доставляли к планетарию в Трептове, где их ожидал работавший там коммунист. Затем они под видом экскурсантов на двух автобусах прибыли в Цигенхальс.

В своем докладе Эрнст Тельман указал путь борьбы против фашистской диктатуры. Он видел паисшую над немецким рабочим классом и немецким народом огромную опасность и отдавал себе

отчет в том, какая ответственность лежит на КПГ и ее руководстве. Тельман исходил из резкого обострения классовой борьбы в результате образования правительства Гитлера. «Теперь партии грозит уничтожение. Настали в высшей степени решающие дни», — заявил он. — «Борьба, которая нам предстоит, — самая тяжелая, и партия должна ее выдерживать. Эта борьба не идет в сравнение с периодом после 1923 г. На каждого коммуниста ложится еще большая ответственность, чем даже в те времена»¹.

Охарактеризовав гитлеровское правительство как открытую фашистскую диктатуру, Эрнст Тельман предостерег от каких-либо иллюзий относительно возможности легальных действий партии и от недооценки этой диктатуры. Фашистские ставленники монополистического капитала, предсказывал он, будут безжалостно преследовать своих противников: «Буржуазия всерьез намерена разгромить партию и весь авангард рабочего класса. И она не остановится ни перед чем, чтобы добиться этого. Нас ждет, таким образом, не только ликвидация последних остатков прав рабочих, не только запрет партии, не только произвол фашистской классовой юстиции, но и применение всех форм фашистского террора. Более того, нас ждет массовое интернирование коммунистов в концлагерях, линчевание и убийства из-за угла наших мужественных борцов против фашизма, особенно коммунистических руководителей. Все эти средства борьбы открытая фашистская диктатура пустит в ход против нас. Уже первые действия гитлеровского правительства свидетельствуют о чрезвычайной серьезности обстановки»².

Председатель КПГ подверг глубокому анализу причины, почему не удалось сорвать установление фашистской диктатуры, несмотря на то, что партия своевременно указала на опасность прихода к власти гитлеровского правительства, организовала борьбу рабочего класса и других слоев трудящихся против надвигавшейся фашистской угрозы и добилась в этом успехов. «Если мы не достигли большего, то это потому, что не сумели в должной степени ограничить влияние на широкие массы рабочих, лидеров СДПГ и АДГБ, а также христианских профсоюзов». Тем самым Эрнст Тельман показал, кто нес ответственность за бездействие значительной части рабочего класса, кто чинил препятствия достижению единства действий рабочих, которое одно лишь могло преградить путь фашистской диктатуре. В то же время он откровенно назвал упущения со стороны самой КПГ. «В этой борьбе нам мешали недостатки в нашей профсоюзной работе, в работе на предприятиях, недостатки в тактике единого фронта... Успеха в борьбе

¹ *Thälmann Ernst. Geschichte und Politik*, S. 210. — Рукопись или стенограмма этой речи до сих пор не найдены. Сохранились лишь отрывки, включенные нацистскими юристами в текст обвинения. (Vgl. IML, ZPA, NL 3/42.)

Данные отрывки взяты из копии обвинения, изготовленной Эрнстом Тельманом, и впервые полностью опубликованы в цитируемой книге.

² *Thälmann Ernst. Geschichte und Politik*, S. 212—213.

против фашистской диктатуры мы добивались там, где удавалось преодолеть эти недостатки»¹.

Эрнст Тельман страстно призвал рабочий класс к единству действий, к совместной борьбе против фашистского германского империализма. Сколько таких обращений было в прошлые годы, когда он заклинал социал-демократов и членов профсоюзов отбросить все разногласия ради победы над общим врагом! Теперь, когда этот враг был близок к одной из своих главных целей, потому что единство действий отсутствовало, задача объединения сил стояла, как никогда, остро.

Председатель КПГ указал на необходимость вырвать из-под влияния фашистов крестьян, бедняков и батраков. Особенно необходимо было мобилизовать против гитлеровского режима молодежь, поскольку ей больше всего угрожало влияние нацистской пропаганды. На основе «Антифашистского действия» следовало создать широкий антифашистский фронт. Только таким путем можно было свергнуть гитлеровское правительство, имело на создании антифашистского фронта необходимо было сосредоточить все усилия.

Тельман также попытался ответить на вопрос о будущем Германии. «Свержение гитлеровского правительства и победа пролетарской революции не обязательно должны означать одно и то же. Мы ставим вопрос борьбы за свержение гитлеровского правительства, вопрос ликвидации правительства Гитлера — Гугенберга как непосредственную задачу. Мы ставим ее немедленно, ставим сегодня, поставим завтра, послезавтра, мы ставим ее на ближайшие недели и месяцы, но не говорим, что если нам удастся свергнуть фашистскую диктатуру, то это в любом случае на все сто процентов будет прямо связано с победой пролетарской революции»². Таким образом, Эрнст Тельман начал преодолевать распространявшееся до тех пор представление, что фашистская диктатура или какой-либо другой реакционный режим, например президентская диктатура, могут быть ликвидированы только в процессе пролетарской революции. В противоположность этому он подводил к мысли, что, напротив, именно свержение диктатуры самой реакционной части финансового капитала создаст более благоприятные предпосылки для борьбы рабочего класса за завоевание политической власти, поскольку тем самым будет решительно подорвано классовое господство буржуазии. В борьбе за эту ближайшую цель — свержение фашизма — было бы легче сплотить массы рабочих и других трудящихся и создать необходимый для успешного ведения борьбы широкий фронт. Эрнст Тельман отвергал всякий схематизм при определении ближайших перспектив классовой борьбы и подчеркивал необходимость в борьбе за демократические права и частичные социальные требования постепенно подводить массы к решающим

¹ Thälmann Ernst. Geschichte und Politik, S. 216—217.

² Ebenda, S. 213—214.

классовым схваткам. Значительная часть рабочего класса проявляла готовность к борьбе против фашизма и реакции, но у нее было немало сомнений и оговорок относительно борьбы за диктатуру пролетариата. Эрнст Тельман стремился учитывать это обстоятельство. Тем самым был определен важный исходный пункт для выработки стратегии и тактики на будущее.

Председатель КПГ обратился к членам партии с призывом: «Необходимо сосредоточить все силы на развертывании всех форм массовой борьбы, массовых акций и массовых боевых выступлений в последовательности: демонстрации, забастовки, массовые забастовки, всеобщая забастовка против фашистской диктатуры!

Осуществлять политику единого фронта в целях мобилизации на борьбу в ее более высоких формах, делать это смелее, инициативнее!..

Укреплять революционное самосознание, уверенность в победе, развивать наступательный порыв, сохраняя большевистскую трезвость!

Осуществить все это на деле — значит наносить удары по фашистской диктатуре и победить ее! Вперед в этой борьбе! Выполняйте свой революционный долг во имя победы немецкого рабочего класса!»¹

Так, через несколько дней после установления фашистской диктатуры Эрнст Тельман в своем докладе показал ее классовый характер, проанализировал новые для КПГ условия борьбы. Он решительно отверг политику выжидания, нацелив партию на борьбу за единство действий. Этот плебум Центрального Комитета еще раз показал, что КПГ наиболее последовательно вела борьбу против фашизма, указывая ей цель и направление.

Речь Эрнста Тельмана привлекла к себе внимание нескольких людей, находившихся в ресторане и рядом с залом, где проходил пленум. Когда из ресторана вышли двое, Вальтер Ульбрихт, который вел заседание, закрыл его в интересах безопасности участников пленума еще до того, как Председатель партии закончил свой доклад. Участники пленума незаметно покинули ресторан, некоторые из них были переправлены на лодке через озеро Цойтен. Тельман в сопровождении двух коммунистов отправился на автомашине на свою квартиру. Прибывшие через два часа штурмовики уже никого не застали.

В тот же день «Железный фронт» социал-демократов созвал в берлинском парке Люстгартен большой митинг протеста против гитлеровского правительства. На него собралось более 200 тыс. берлинских трудящихся, продемонстрировавших свою готовность действовать. В качестве представителя КПГ на митинге должен был выступить Эрнст Торглер. В своей речи в духе последнего пленума ЦК КПГ он намеревался призвать участников митинга к единству действий и огласить заявление окружкома КПГ

¹ *Thälmann Ernst. Geschichte und Politik, S. 235, 236.*

Берлин-Бранденбурга. В заявлении говорилось: «Для пролетариата все поставлено на карту. В эти дни мы можем либо одержать полную победу, либо многое потерять. Поэтому мы должны немедленно создать единый фронт для совместной борьбы. Дело идет о свободе для рабочего класса, о заработной плате и хлебе»¹. Но представителю КПГ не разрешили выступить.

В ответ на протест рядовых членов СДПГ против этого запрета центральный орган этой партии «Форвертс» 8 февраля заявил, что полиция могла воспринять выступление коммуниста как провокацию и запретить митинг. Кроме того, Люстгартен якобы неподходящее место для дискуссий о едином фронте; лучше-де мол действовать, чем дискутировать². Но ведь именно к этому и намеревалась призвать на митинге КПГ, в то время как руководство СДПГ подобными увертками срывало совместные действия.

В те дни Секретариат и Политбюро ЦК КПГ особенно часто собирались на конспиративных квартирах. Эрнст Тельман и другие партийные руководители всесторонне анализировали обстановку и уроки первых выступлений против фашистской диктатуры, неизменно уделяя основное внимание следующим вопросам: Как добиться единства действий в борьбе против фашистской диктатуры? Как организовать массовую самооборону против террора штурмовиков? Что следует делать дальше для перевода партии на нелегальное положение? В целях сплочения всех рабочих, независимо от партийной принадлежности, разрабатывались многочисленные предложения и принимались соответствующие организационные меры. По решению Секретариата ЦК к 10 февраля была разработана широкая программа борьбы за единый фронт, которую следовало немедленно довести до сведения всех членов партии. В соответствии с этой программой коммунисты должны были добиваться единства действий рабочих, прежде всего на предприятиях и биржах труда. Было решено вновь обратиться к руководящим органам СДПГ и АДГБ. Кроме того, обсуждался вопрос о подготовке к выборам в рейхстаг. Эрнст Тельман был снова выдвинут главным кандидатом от КПГ. Газета «Ди роте фане», которой он непосредственно руководил, опубликовала призыв к решительной борьбе против фашистской диктатуры, обращенный к коммунистам, ко всем рабочим и другим трудящимся.

Примерно 10 февраля на нелегальной квартире в берлинском районе Шёнеберг состоялась встреча Председателя КПГ с руководителем Западноевропейского бюро Исполкома Коминтерна Георгием Димитровым. Они обменялись соображениями относительно фашистской диктатуры в Германии и борьбы против нее международного пролетариата. Димитров рассказал о своем опыте нелегальной работы и подчеркнул необходимость активизации работы КПГ в профсоюзах и других массовых организациях. Тель-

¹ Die Rote Fahne, 8. II 1933.— Vgl. auch Vorwärts, 8. II 1933, Morgenausgabe.

² Vgl. Vorwärts, 8. II 1933, Morgenausgabe.

ман особо указал на важность создания единого фронта рабочих-коммунистов и социал-демократов. О том, как следует вести борьбу в условиях подполья, Эрнст Тельман несколько позднее советовался также с Генеральным секретарем Компартии Польши Юлианом Ленским. Тельман считал, что на нелегальном положении КПГ будет находиться долго. Согласившись с ним, Ленский просил Тельмана сделать все, чтобы самому не попасть в руки фашистов, — этого требовали интересы партии.

На заседании Политбюро 15 февраля Эрнст Тельман выступил с докладом по пункту повестки дня «Актуальные политические вопросы». В этом выступлении он вновь подчеркнул, что все усилия КПГ и ее массовых организаций должны быть направлены на осуществление политики единого фронта. Для разъяснения политики КПГ руководящие функционеры партии выехали в округа. Эрнст Тельман с 18 по 21 февраля находился в Гамбурге. На встрече с руководителями парторганизаций округов Вассерканте, Нижней Саксонии и Северо-Западного округа он разъяснил решения руководства партии. Эта встреча состоялась в одной из неприметных пивных Гамбургского порта при строжайшем соблюдении правил конспирации.

Эрнст рассказал о неудачных попытках организовать совместно с руководством СДПГ и профсоюзов массовую забастовку против Гитлера. Руководство СДПГ и профсоюзов отказалось от борьбы, заявив, что Гитлер пришел к власти «в соответствии с демократическими правилами игры» и оп «сам обанкротится», ибо «он ничем не лучше других». Тем не менее мы условились сделать все, что было в наших силах, чтобы развернуть сопротивление снизу, создать единый фронт и одновременно принять все организационно-технические меры по обеспечению нелегальной работы партии.

После заседания мы обменялись с ним еще несколькими словами. Озабоченные крайне серьезной обстановкой, мы, естественно, говорили об одном — что же будет дальше? Никогда еще я не видел товарища Тельмана таким серьезным во время личной беседы. Последнее, что я слышал от него в этот вечер: «Нам придется пройти через этот фашистский ад. Бедные немецкие пролетарии!»¹

Условия борьбы для КПГ все более усложнялись. 23 февраля полиция и штурмовики вновь заняли Дом им. Карла Либкнехта, обыскали и затем закрыли его. Фашисты распространили провокационную лживую версию, будто в «катакомбах» дома — так они называли помещения партийного архива — были найдены планы организации восстания. За коммунистами охотились вооруженные банды эсэсовцев, штурмовиков и «Стального шлема», которых Геринг объявил вспомогательной полицией. Грубо попирая закон

¹ *Schaible Richard. Das letzte Wort, das ich von Ernst Thälmann hörte.* — In: *Weg und Ziel* (Berlin), 1946, Nr. 4.

и право, нацисты и полицейские врывались в квартиры коммунистов и социал-демократов, насильно уводили их в казармы штурмовиков и подвергали пыткам. С целью исключить КПГ из общественной жизни срывались ее предвыборные мероприятия, запрещались демонстрации и митинги.

Но коммунисты самоотверженно выполняли свой долг. 10 февраля на кладбище Берлин-Фридрихсфельде состоялись похороны убитых фашистами трех молодых рабочих. Выступая на траурном митинге перед десятками тысяч берлинцев, Вильгельм Пик призывал рабочий класс к единству. В феврале, несмотря на бесчинства фашистских банд и полицейских, в Хемнице, Дюссельдорфе, Гапковере, Лейпциге, Любеке, Штеттине, Штутгарте и других городах состоялись антифашистские митинги, забастовки и другие выступления.

Фашистский террор усиливался. Руководство КПГ активизировало работу по обеспечению единства действий. Председатель партии написал призыв к рабочим — членам СДПГ и профсоюзов, который имелось в виду распространить на последнем предвыборном митинге КПГ 23 февраля 1933 г. в берлинском Дворце спорта и затем разослать в округа. Чтобы не подвергать вождя партии опасности, Секретариат ЦК принял 9 февраля решение, в соответствии с которым Эрнст Тельман не должен был больше выступать публично. Во Дворце спорта выступил Вильгельм Пик. Он заклеймил позором фашистскую диктатуру и призвал рабочих к единству. Перед самым началом митинга Эрнст Тельман внес поправки в текст призыва к совместным действиям.

В тот же день Секретариат ЦК направил в окружные комитеты директиву, в которой еще раз подводились итоги пленума ЦК от 7 февраля, разъяснялись обстановка и задачи, вытекавшие из выступления на нем Эрнста Тельмана.

В конце февраля Тельман обратился к социал-демократическим и верующим рабочим, членам профсоюзов и организации «Железного фронта»¹ с Открытым письмом. В нем вновь подтверждалась готовность коммунистической партии вместе со всеми рабочими и с каждой из названных организаций вести борьбу против фашистской диктатуры. «От имени сотен тысяч членов коммунистической партии, от имени более 6 миллионов рабочих, работниц и молодых рабочих, которые на последних выборах в рейхстаг выразили свое доверие коммунистической партии, вам, членам и функционерам СДПГ, свободных профсоюзов и миллионам беспартийных рабочих, я по-братски протягиваю руку для боевого союза против фашизма. Подлые фашистские убийцы пускают в ход пожи, револьверы и бомбы против рабочих, независимо от того, какой членский билет у них в кармане — КПГ, СДПГ или христианских профсоюзов. Так и в освободительной борьбе всех

¹ Текст письма распространялся в виде листовки и 27 февраля был напечатан в газете «Зексисхе арбайтерцайтунг».

антифашистов принадлежность к той или иной партии не должна быть препятствием тому, чтобы идти в общем строю, бороться сообща». Эрнст Тельман еще раз подчеркнул основной вывод из опыта борьбы рабочего класса: «Если мы, рабочие, работницы и рабочая молодежь, руками которых создаются все ценности, будем идти плечом к плечу, если мы будем бороться сообща, то мы непобедимы. Борясь в одном строю, мы сможем увлечь за собой в общий фронт антифашистской освободительной борьбы миллионы деревенских бедняков, миллионы служащих, чиновников, людей среднего сословия в городах!»

Повсюду в Германии рабочие сообща оказывали сопротивление нараставшему фашистскому террору. Но руководство СДПГ не реагировало и на это Открытое письмо. Как и в прошлом, рядовые социал-демократы и члены профсоюзов напрасно ждали, что их руководители призвут к решительной борьбе с фашизмом; между тем некоторые социал-демократические и профсоюзные лидеры начали приспособливаться к новому режиму.

В пламенном призыве, обращенном к каждому члену партии, Эрнст Тельман писал: «Необходимо всю силу и энергию, всю свою жизнь подчинить нашей социалистической борьбе за свободу, поставить на службу «Антифашистскому действию»... Идите во главе масс, защищая последние остатки социальных завоеваний, каждую кроху того, что осталось от демократических свобод. Ломайте нагроможденные руководителями СДПГ и АДГБ завалы и препятствия на пути к антифашистскому единству... Возьмитесь за руки с нашими соратниками из «Железного фронта» и СДПГ. Образуйте стальной заслон, армию, чтобы перейти в наступление на фашизм, чтобы вести социалистическую освободительную борьбу!»¹

27 февраля 1933 г. после заседания Секретариата ЦК собралось Политбюро — на этот раз в берлинском районе Лихтенберг, в ресторане на Гудруштрассе. На повестке дня стоял вопрос о последних мероприятиях в связи с подготовкой к выборам в рейхстаг и об обеспечении безопасности партии ввиду неудержимо нараставшего фашистского террора.

Когда после заседания Политбюро его участники стали расходиться по своим нелегальным квартирам, они увидели в центре Берлина пожар: горело здание рейхстага. Поздно ночью радио передало сообщение о пожаре в рейхстаге и об аресте одного из поджигателей — голландского коммуниста. Сразу же как только пожар был обнаружен, нацистские руководители распространили ложь о виновности в поджоге коммунистов.

Эрнст Тельман узнал о пожаре и обвинении в нем коммунистов от своей квартирной хозяйки. Еще в январе он съехал

¹ *Thälmann Ernst. Appell an alle Kommunisten.*— In: BzG, 1959, H. 4, S. 792.— Призыв был найден в делах министерства внутренних дел за март 1933 г. (Vgl. IML, ZPA, St 10/105, Bd. 8.) Дата на нем не проставлена, форма его публикации неизвестна.

с известной полиции квартиры Ковальских в Берлине-Шарлоттенбург, Бисмаркштрассе, 24, и с тех пор проживал у супругов Клучинских на Лютцовштрассе, 9, с которыми поддерживал связь со времени своего переселения в Берлин. По соображениям конспирации он больше не выходил из квартиры, а информацию получал через товарищей, поддерживавших контакт с другими членами партийного руководства.

Еще не потух пожар в рейхстаге, а фашисты уже развернули чудовищный по своим масштабам террор против коммунистической партии и других противников Гитлера. Масштабы этой акции превзошли самые худшие опасения. Для арестов гитлеровцы пользовались заранее подготовленными списками, которые были составлены еще прусской полицией, возглавлявшейся социал-демократами. Сразу же после пожара было схвачено более 10 тыс. функционеров и членов КПГ, СДПГ, а также оппозиционных буржуазных демократов. Они были доставлены в казармы штурмовиков и в тюрьмы, где их подвергли избиению и пыткам. Многие не вынесли мучений и погибли.

Через несколько часов после пожара рейхспрезидент подписал закон «о защите народа и государства», который отменял основные буржуазно-демократические права, записанные в Веймарской конституции, в частности право на личную свободу, свободу слова, свободу собраний и союзов, тайну переписки и телефонных разговоров. Был наложен запрет на всю коммунистическую, социал-демократическую и другую прессу. Против Коммунистической партии Германии была развязана разнузданная пропагандистская кампания. Распространяя клевету о «зверствах коммунистов», фашисты стремились создать атмосферу открытой вражды к коммунизму. Ранним утром 28 февраля официальный орган «Дер прейсшише прессединг» распространил лживое сообщение, будто поджог рейхстага — дело рук коммунистов. Так создали предлог для их безжалостного преследования. Были якобы найдены планы коммунистической партии поднять восстание, сигналом к которому должен был послужить пожар в рейхстаге. 28 февраля в 4 часа утра коммунисты якобы намеревались начать в Берлине грабежи крупного масштаба, а по всей стране в тот же день совершить террористические акты против отдельных личностей, против частной собственности и покушения на жизнь мирного населения. В экстренных выпусках газет, в речах министров, на плакатах возвещалось, что коммунисты-де хотели развязать гражданскую войну. В тот же день во все полицейские участки по радио был направлен приказ арестовать 24 руководящих функционера КПГ. Во главе переданного списка стояло имя Председателя партии, транспортного рабочего Эрнста Тельмана.

Группа полицейских 126-го берлинского полицейского участка явилась на квартиру Ковальских, предполагая, что Эрнст Тельман находится там. Но Председателя КПГ здесь не было. Фрау Ковальски сказала, что ее квартирант съехал.

По донесениям шпииков полиция еще до поджога рейхстага напала на след квартиры, где действительно проживал Тельман. В отчете командира взвода берлинской полиции, занимавшегося выслеживанием политических противников, от 22 февраля 1933 г. значилось: «Шнейдер показал, что супруги Ключинские, Шарлоттенбург, Лютцверштрассе, 9, являются ревностными коммунистами и часто укрывают в своей квартире политических беженцев. Теперь там скрывается коммунистический руководитель Тельман. Фрау К. работает в секретной службе КПП. Ее супруг почти все время находится на своей даче в Гатове, Хафельблик, Вестринг, и печатает там нелегальные материалы. В квартире, а также на даче спрятано оружие... Осведомитель просит рассматривать эту информацию как строго доверительную»¹. Этому сообщению полиция вначале не придавала особого значения, так как к тому времени в ее распоряжении было уже немало данных о местонахождении Тельмана и не все полицейские участки сразу же принимали меры по каждому донесению.

Исполком Коминтерна и Центральный Комитет КПП постановили особенно тщательно охранять Председателя партии и других руководящих работников и в случае необходимости вывезти их за границу. Но Эрнста Тельмана так и не удалось уговорить выехать из Берлина, не говоря уже о Германии. Он хотел поддерживать тесный контакт с другими членами партийного руководства и как можно дольше руководить борьбой против фашизма в стране. Тем не менее Политбюро приняло окончательное решение о выезде Эрнста Тельмана за границу, откуда он должен был руководить организацией борьбы против фашизма. Все было готово к его отъезду, намеченному на 5 марта. Но всего за два дня до этой даты Эрнст Тельман попал в руки фашистов.

Случилось это так. В конце февраля 1933 г. некий Герман Хиллигес, казначей садоводческого кооператива Хафельблик, дача которого находилась по соседству с дачей Ключинских, сообщил дежурному полицейскому в Гатове адрес нелегальной квартиры Эрнста Тельмана на Лютцверштрассе в Шарлоттенбурге. Но начальник 144-го полицейского участка в Шпандау не стал проверять эти сведения, установив пока лишь наблюдение за садовым участком, где Эрнст Тельман, однако, не появлялся. Поскольку сообщений об аресте Тельмана не было, Хиллигес передал свою информацию штурмовику из моторизованной группы № 1. Тот сразу же обратился в 144-й полицейский участок и потребовал немедленно арестовать Председателя КПП. После этого к делу был подключен 121-й полицейский участок в Шарлоттенбурге.

3 марта в 15 час. 30 мин. в квартиру на Лютцверштрассе, 9, прибыли капитан полиции и шесть вахмистров, которые арестовали Эрнста Тельмана и его сотрудника Вернера Хирша. Сначала

¹ Этому гестаповскому шпику заплатили 75 марок премии.

они доставили Эрнста Тельмана в 121-й полицейский участок. Оттуда полицейский конвой перевез его в президиум берлинской полиции на Александерплац. После короткого допроса, на котором Тельман отказался давать какие-либо показания, его поместили в одиночную камеру строгого режима.

Эрнст Тельман был схвачен без приказа на арест. Лишь 5 марта к советнику прокуратуры доктору Миттельбаху поступила просьба выдать ордер на арест и поставить на нем более раннюю дату. По распоряжению прусского министра внутренних дел каждый вахмистр, участвовавший в аресте Тельмана, получил 10 марок «вознаграждения»; доносчик Хиллигес стал управляющим делами районного объединения мелких садоводов в Шпандау, моторизованная группа штурмовиков № 1 получила 75 марок «премии»¹.

Эрнст Тельман в руках фашистов! Это был тяжелый удар для партии, для Коммунистического Интернационала и всего международного революционного движения. КПГ лишилась своего Председателя в тяжелейший период. Как заявил в 1935 г. на Брюссельской конференции КПГ Вильгельм Пик, «арест товарища Эрнста Тельмана не только отнял у партии ее вождя, но и лишил Политбюро крупнейшей силы при проведении линии, разработанной Коммунистическим Интернационалом совместно с немецкой партией, и ее конкретном применении в Германии. Авторитет, которым товарищ Тельман пользовался в руководстве партии, а также в партии в целом и в немецком рабочем классе, опирался на то, что товарищ Тельман, как никто другой, понимал сущность политики в отношении масс и наряду со своей политической ориентировкой обладал также способностью глубоко чувствовать проблемы, стоявшие перед партией»².

Но арест Эрнста Тельмана и многих других руководящих коммунистов не смог парализовать КПГ и прервать ее борьбу против фашистского режима. Выкованная Тельманом партия выстояла в тяжелейших условиях, возникших с приходом к власти фашизма. Она была единственной организованной силой, имевшей единое руководство и продолжавшей борьбу в годы фашистской диктатуры.

После ареста Председателя партии в середине мая Политбюро приняло решение о направлении в Париж Франца Далема, Вильгельма Флорина и Вильгельма Пика. В Германии руководство партией осуществлялось Ионом Шеером, членами Политбюро Германом Шубертом, Фрицем Шульте, Вальтером Ульбрихтом и

¹ После разгрома гитлеровского режима Герман Хиллигес находился в руках британской военной администрации. В сентябре 1945 г. состоялась очная ставка с Гансом Клучинским. Хиллигес признался, что 2 марта 1933 г. донес на Эрнста Тельмана. Находясь под следствием, Хиллигес покончил с собой.

² Пик Вильгельм. Избранные статьи и речи. М., 1976, с. 182.

другими товарищами. По решению партийного руководства осенью 1933 г. Германию по соображениям безопасности покинули остальные члены Политбюро, кроме Йона Шеера, который привлек к непосредственному управлению нелегальными парторганизациями других берлинских товарищей. Их круг неоднократно менялся — некоторые из них заменялись по соображениям конспирации, а другие оказались в руках фашистов; в ноябре 1933 г. были арестованы Йон Шеер и Ламберт Хорн.

2

В фашистском застенке

На другой день после ареста Эрнста Тельмана Центральный Комитет КПГ обратился к немецкому рабочему классу с призывом развернуть борьбу за освобождение Председателя партии. ЦК констатировал: «Нападение на коммунистическую партию, арест вождя борющегося единого фронта рабочих, мужественного и целеустремленного руководителя антифашистской освободительной борьбы товарища Эрнста Тельмана — это удар для всех трудящихся». Центральный Комитет призвал бороться за освобождение Эрнста Тельмана и всех других антифашистов так же бесстрашно, как вождь партии боролся за освобождение рабочего класса. В середине марта вышел в свет первый нелегальный номер газеты «Ди роте фане». Газета призвала немецких рабочих преодолеть межпартийные барьеры в борьбе против фашистского варварства. «Социал-демократические, христианские и беспартийные рабочие должны стать плечом к плечу со своими коммунистическими братьями по классу... На всех фабриках и шахтах, на всех биржах труда и во всех рабочих квартирах, во всех деревнях — повсюду могучим гудком sireны должно прозвучать ваше тысячеголосое требование: свободу товарищу Тельману! Свободу всем заключенным борцам за свободу! Долой фашистский режим террора!»

Свою приверженность коммунистической партии и Эрнсту Тельману, волю к антифашистской борьбе миллионы трудящихся Германии продемонстрировали на выборах в рейхстаг, состоявшихся 5 марта. Несмотря на фашистский террор и преследования коммунистов по всей Германии, за КПГ проголосовало более 4,8 млн. избирателей. Партия получила 12,3% всех голосов и 81 мандат в рейхстаге. Эрнст Тельман также был вновь избран депутатом рейхстага. Однако фашистский режим в нарушение всякой законности аннулировал мандаты КПГ, а также арестовал депутатов от СДПГ, чтобы обеспечить себе таким путем большинство в две трети голосов, необходимое для принятия, во изменение конституции, закона о предоставлении правительству чрезвычайных полномочий.

Роза Тельман узнала об аресте мужа 5 марта в Гамбурге. 8 марта Эрнст Тельман написал жене первое письмо: «Меня арестовали здесь 3.III. Со здоровьем у меня хорошо, а в остальном нужно продержаться. Ведь до сих пор вся моя жизнь была борьбой и будет такой до самой смерти... Я состою «под крайним подозрением в совершении действия, караемого на основании §§ 81—86 уголовного кодекса». Далее говорится: «В интересах общественной безопасности Вы подлежите заключению под полицейский арест впредь до особого распоряжения». Было бы хорошо, если бы ты поставила в известность адвоката Хегевинша и поговорила с ним о возбужденном против меня деле». В заключение он писал: «Как долго я пробуду здесь, не знаю. Конечно, отсюда меня скоро переведут в какое-нибудь другое место»¹.

Еще 6 марта Эрнст Тельман дал Курту Розенфельду, одному из самых известных защитников революционеров, полномочия представлять перед буржуазным судом свои интересы. Другой адвокат, Эрнст Хегевинш, 15 марта сообщил Эрнсту Тельману о том, что в сложившейся обстановке он не считает целесообразным брать на себя его защиту, однако попросил у него не ограниченных какими-либо сроками полномочий, чтобы воспользоваться ими при удобном случае. Оба адвоката оказывали помощь Эрнсту Тельману в начальный период заключения, например, в попытке получить часть денег, конфискованных во время его ареста, для передачи его семье, а также в составлении ходатайства Тельмана от 20 марта об ускорении начала предварительного следствия. Этим путем Эрнст Тельман хотел добиться перевода из полицейской тюрьмы в предварительное заключение, чтобы получить возможность консультироваться с адвокатами и встречаться с родственниками. Тем самым он также надеялся избежать передачи в руки фашистских изуверов.

Но оба первых адвоката Тельмана были известными антифашистами и вскоре сами подверглись преследованиям. Пришлось искать новых адвокатов, которые согласились бы взять на себя его защиту. На это ушло немало времени.

Эрнст Тельман понимал, что срок его заключения будет долгим. «А пока ясно только одно: кто борется за идею... тот должен уметь спокойно, сознательно и, как подобает честному революционеру, с величайшим упорством переносить все страдания в этой неизбежной борьбе»², — писал он жене. Особенно тяготила Эрнста Тельмана изоляция от политической жизни. Он настоятельно просил присылать ему газеты, ревностно следил, чтобы к нему поступали все газеты, посылаемые Розой, очень тщательно их читал. Будучи лишен, как он писал, возможности «свободно высказывать свое мнение»³, Тельман старался как можно яснее

¹ Тельман Эрнст. Письма из тюрьмы родным и близким (1933—1937 гг.). М., 1968, с. 14—15.

² Там же, с. 16.

³ Там же, с. 23.

излагать в письмах свои мысли о политической обстановке и перспективах ее развития.

«Посмотрим, приведет ли миллионы людей то опьянение победой, в котором они сейчас находятся, к лучшей жизни и иному будущему. Мы, коммунисты, всегда мыслящие реально, конкретно и при этом диалектически, придерживаемся другой точки зрения. Мы знаем: дать миллионам людей работу, хлеб и свободу капитализм не может», — писал он 18 марта 1933 г. своему отцу. И 1 мая, в этот «знаменательный день, богатый историческими воспоминаниями...», он писал отцу: «Подобно тому, как иногда лучи солнца упорно пробиваются сквозь мрачные тучи, закрывающие его, и в конце концов все озаряют светом, так справедливость и правда всегда будут продвигаться вперед и прокладывать новые пути в будущее»¹.

Уверенность в конечной победе пролетариата питала его стойкость в отношении клеветы нацистской прессы, распространявшей ложные слухи о его самоубийстве, о «смещении» его с поста Председателя КПП Москвой и т. д., на которую он не мог ответить и которая вызывала у него «физическое отвращение»².

Большую радость доставили Тельману поздравления с днем его рождения. Ему было передано 60 поздравительных карточек из Гамбурга. В действительности поздравления из всех частей Германии и из-за границы в тюрьму для подсудимых поступали мешками. Было прислано также много посылок. Но все это фашисты скрывали от Тельмана. Первое время он ничего не знал и о других свидетельствах солидарности из Берлина, из других городов Германии и из-за границы. Положение изменилось, когда его смогла посетить жена. Во время бесед она ловко намекала о дружеских посланиях «большой семьи». Но Роза Тельман получила возможность навещать мужа только в конце апреля — начале мая 1933 г.

Эльза Дауб вспоминает о данном ей партийном поручении помочь Розе Тельман получить разрешение на посещение мужа. Она также учила Розу передавать Эрнсту Тельману партийную информацию, задавать в беседах с ним те или иные вопросы. Информацию от партийного руководства товарищ Дауб записывала на папиросной бумаге. Первые тайные записки, переданные Эрнсту Тельману, содержали вопросы о состоянии его здоровья и краткие сведения о политической обстановке и борьбе партии. Вместе с Розой Эльза Дауб вела наблюдение за порядком приема передач для содержащихся в полицейской тюрьме заключенных. Это помогало им найти верный способ передачи Тельману тайных записок. Так, одна из них была завернута в сигару. Когда товарищ, препарировавший таким образом сигары, заболел, то Эльза Дауб стала вставлять туго свернутые в трубочку записки

¹ Тельман Эрнст. Письма из тюрьмы родным и близким, с. 18, 25, 26.

² Там же, с. 23.

в сигареты. «Это было не так просто,— пишет она,— потому что некоторые служащие тюрьмы разламывали сигареты. Требовалась большая аккуратность в работе». Одну из записок Эльза Дауб оплавила стеарином. «Я объяснила Розе, что во время следующего визита в президиум полиции она должна положить стеариновый шарик к себе в рот и во время свидания с мужем обязательно постараться поцеловать его и таким образом передать сообщение. В случае неудачи стеарин с запиской следовало проглотить! Таковы были инструкции. Эту записку удалось передать... Но это было весьма нелегко, так как Розе с трудом удалось приблизиться к мужу. Ей пришлось выждать момент, когда чиновник отвернулся...»¹

Уже в марте 1933 г. по инициативе КПГ и Коминтерна началось движение за освобождение Эрнста Тельмана. Во всем мире поднялась буря протеста против его ареста и террористических актов гитлеровского режима. 5 марта 1933 г. Исполком Коминтерна обратился к рабочим всех стран с призывом «перед лицом наступающего на рабочий класс Германии фашизма, развязывающего все силы мировой реакции», установить единый фронт против фашистской реакции, которая прежде всего в Германии пыталась «задушить рабочее движение методами беспощадного террора»². ИККИ призвал все коммунистические партии предложить руководству социал-демократических партий сотрудничество в борьбе против фашизма, в защиту рабочего движения. Коммунистические партии предприняли соответствующие шаги, но социал-демократы отклонили предложение коммунистов. 1 апреля Президиум ИККИ принял резолюцию о положении в Германии, в которой указывалось, как следует вести борьбу за освобождение Эрнста Тельмана в международном масштабе.

Руководство КПГ разработало специальную рабочую программу, в которой были сведены воедино все инициативы в борьбе за освобождение Председателя партии и более 10 тыс. других томившихся в заключении антифашистов. Призывы Коммунистической партии Германии и Коминтерна к освобождению Эрнста Тельмана и всех других антифашистов палили широкий отклик по всем мире.

Во многих частях Германии в рабочих кварталах крупных городов появились степные газеты и листовки с требованием освободить Тельмана. Только в одном районе его родного города Гамбурга с конца марта до середины апреля 1933 г. были выпущены и распространены три такие газеты и четыре листовки тиражом в несколько сотен экземпляров. Листовки и газеты с аналогичным призывом распространялись и во всех других округах Германии. Выступления за освобождение Эрнста Тельмана стали частью борьбы КПГ против фашизма. В них принимали участие классово

¹ IML, ZPA, EA 1088.— Vgl. auch ebenda, EA 1400/1.

² Правда, 1933, 6 марта.

сознательные социал-демократы и члепы профсоюзов, а также честные буржуазные демократы.

Мероприятия КПГ по случаю 1 Мая 1933 г. проходили под знаком борьбы против фашистского германского империализма и под лозунгом «Антифашистского действия» за освобождение Эрнста Тельмана и всех других заключенных. Этой цели были посвящены специальные выпуски пелегальных газет, листовки и другие материалы. В округе Вассеркауте подпольная организация КПГ приурочила ко дню 1 Мая неделю борьбы за освобождение Тельмана. В июне КПГ посвятила Тельману кампанию по улучшению массово-политической работы.

В июне 1933 г. в Париже состоялся Антифашистский конгресс рабочих Европы, созданный по инициативе Коминтерна с целью организации международной борьбы против фашизма и угрозы войны. В конгрессе приняло участие свыше 3 тыс. делегатов, в том числе 120 немецких антифашистов, которые представляли более 3 млн. трудящихся всех европейских стран. С 4 по 6 июня они обсуждали вопросы борьбы с фашизмом. Эрнст Тельман был избран в почетный президиум. С основным докладом на конгрессе выступил соратник Тельмана Вильгельм Флорип. Делегаты конгресса приняли манифест к трудящимся Европы, в котором фашизм был охарактеризован как опасность для трудящихся всех стран. Манифест призывал также к созданию комитетов борьбы, отрядов обороны и комитетов помощи жертвам фашистского террора. Уполномоченный партийного руководства КПГ договорился с немецкой секцией рабочего конгресса и с секциями других стран о проведении согласованной международной кампании за освобождение Эрнста Тельмана и создании международного комитета за его освобождение. Конгресс избрал Антифашистский центральный комитет, обсудивший в августе совместно со Всемирным комитетом против империалистической войны, который был избран в августе 1932 г. на антивоенном конгрессе в Амстердаме, вопрос об объединении обоих движений. В результате слияния этих руководящих органов был создан Всемирный комитет борьбы против войны и фашизма, который возглавил Анри Барбюс.

Требование освободить Эрнста Тельмана прокатилось по всем странам мира — от СССР до США и Японии. Наиболее сильным это движение было в Советском Союзе. В капиталистических странах применялись самые разнообразные формы борьбы — митинги протеста, статьи в легальных и пелегальных газетах, листовки, наклейки, лозунги на стенах домов, заборах и дымовых трубах, собрания, демонстрации, забастовки, почтовые карточки, письма и телеграммы в адрес Тельмана и органов юстиции, фильмы и политический театр, петиции в посольства фашистской Германии и организация помех работе посольств бесконечными телефонными звонками. В германские посольства в Москве, Париже, Праге, Мадриде, Амстердаме, Брюсселе, Лондоне, Нью-Йорке и

во многих других столицах обращались делегации с требованием немедленного освобождения Тельмана.

Еще в марте 1933 г. в Советском Союзе начались выступления партийных, комсомольских и профсоюзных организаций, а также организаций Международной рабочей помощи против злодеяний фашистов в Германии и за освобождение Эрнста Тельмана. По всей стране, от Ленинграда до Владивостока, рабочие, колхозники и интеллигенция принимали на митингах протеста письма с требованием освободить Эрнста Тельмана, других антифашистов и собирали средства в фонд помощи жертвам фашизма. Один из лозунгов ВКП(б) по случаю 1 мая 1933 г. гласил: «Братский привет революционным пролетариям Германии! Да здравствует героическая Коммунистическая партия Германии! Да здравствует тов. Тельман!»¹

Одним из первых выступлений советских трудящихся в защиту Эрнста Тельмана было массовое собрание работниц Острожского вагоноремонтного завода им. Тельмана в Международный женский день 8 марта 1933 г. Они заявили решительный протест против ареста Эрнста Тельмана, потребовали немедленного освобождения его и других жертв нацистского террора. В ответ на наступление фашистской крупной буржуазии на рабочий класс они обязались перевыполнить план первого квартала в первом году второй пятилетки. Направленные на укрепление первого социалистического государства производственные обязательства принимались по всему Советскому Союзу. Это было лучшей поддержкой борьбы за освобождение Тельмана, борьбы против фашизма. В мае 1933 г. рабочие Второго московского часового завода развернули соревнование за право носить почетное имя Эрнста Тельмана. Одержав победу в соревновании, этот коллектив взял шефство над одним из подмосковных совхозов и помог ему своевременно и с перевыполнением плана провести весенний сев. 24 мая 1933 г. крымский совхоз «Герой труда» в Бор Чокраке избрал вождем немецких рабочих своим почетным членом. Многие колхозные бригады, например третья бригада колхоза «Шир-канал» в Карагюмисе (Армения), зачислили Тельмана своим почетным членом и работали в его честь. Запись в трудовой книжке № 872, выданной на имя Тельмана, свидетельствует, что 25 июля 1933 г. было заработано 20 трудодней.

КПГ прилагала много усилий, чтобы освободить Эрнста Тельмана из берлинской полицейской тюрьмы. Один коммунист из городского района Шёнеберг получил задание сделать слепки с наружных дверей тюрьмы. Операция прошла удачно, ключи были изготовлены, но 23 мая Эрнста Тельмана неожиданно перевели в тюрьму для предварительного заключения Берлин-Моабит. Попытка освобождения, таким образом, сорвалась.

¹ Правда, 1933, 22 апреля.

3 Новая большая жизненная школа

В тюрьме Моабит Эрнст Тельман также был подвергнут строгой изоляции, прямо напротив его одиночной камеры находился наблюдательный пункт надзирателя. Блок С I на первом этаже тюремного здания предназначался для «особо опасных» преступников. Соседние камеры слева, справа и сверху пустовали. В «свободные часы» Эрнста Тельмана выводили во двор одного. Двор, где совершались «прогулки», был ограничен двумя крыльями тюремного здания и высокой кирпичной стеной. В середине — крошечная лужайка, вокруг нее — дорожка, выложенная камешными плитами, — вот и все пространство для ежедневной 30-минутной ходьбы. Для охраны Эрнста Тельмана была выделена специальная команда. Охранники в той части тюрьмы, где содержался Эрнст Тельман, подвергались особо тщательной проверке на благонадежность. Он должен был быть полностью отрезан от внешнего мира, а его освобождение исключено.

24 мая, на другой день после перевода Тельмана в следственную тюрьму Берлин-Моабит, неподалеку от площади Арминиусплац сотни рабочих вышли на демонстрацию с требованием его освобождения. Такие демонстрации, а также забастовки прошли во многих частях Германии, в частности в Рурской области — на предприятиях «Феникс» и на заводе Коникс концерна Клёкнера в Дюссельдорфе. До апреля 1933 г. КПП организовала свыше ста таких забастовок.

Гитлеровцы усиленно собирали материал для процесса над Эрнстом Тельманом. В его лице нацистский режим намеревался судить не только Председателя партии, но и коммунистическую партию и международное коммунистическое движение. Этот процесс должен был дискредитировать коммунистическое движение в глазах народов и представить мировой общественности фашистский германский империализм как авангардную силу в борьбе против коммунизма. Верховная прокуратура рейха составила меморандум под заголовком «Стремление коммунистов к перевороту в Германии». В нем КПП обвинялась в путчи́зме.

Эрнста Тельмана допрашивали четыре следователя. В течение 1933 г. допросы шли один за другим, иногда они продолжались более 10 часов кряду. Так нацисты собирали обвинительный материал. Речи, статьи, решения Секретариата и Политбюро, пленумов Центрального Комитета, сообщения о собраниях, на которых выступал Эрнст Тельман, — все, что только попадало в руки фашистских следственных органов, служило основой для допросов. Среди этих материалов было немало сообщений полицейских осведомителей. Позднее Тельман писал: «Все наиболее важные

центральные и периферийные документы партии и ее организаций, которые использовались против меня как обвинительный материал, давались мне на просмотр и оценку... наконец, вся политика партии, ее работа и организационная деятельность, ее бесчисленные документы и статьи подвергались самому скрупулезному разбору, причем иногда подсовывались фальшивки и материалы, сфабрикованные осведомителями»¹.

31 октября 1933 г. умер отец Эрнста Тельмана. Несмотря на данное поначалу согласие, Эрнсту Тельману не разрешили принять участие в его похоронах. Траурная церемония, состоявшаяся 4 ноября 1933 г. в Гамбурге, представляла собой впечатляющую демонстрацию в защиту Эрнста Тельмана и всех борцов-антифашистов. Цветы и венки на кладбище были украшены красными лентами и лозунгами. Надпись на одной из лент гласила: «Последний привет отцу нашего рабочего вождя Эрнста Тельмана!» На могилу был возложен венок от представительства Советской торговой миссии. Однако гестаповцы сорвали все ленты.

В то время как судебные органы пытались сломить волю Эрнста Тельмана непрерывными допросами, в Германии и за границей фашисты раздували против него целенаправленную злобную кампанию. Появились статьи и брошюры под названиями: «Суд народа над Тельманом», «Тельман обвиняется в убийстве», «Снять голову Тельману». Целью этих публикаций было восстановить людей против Тельмана и КПП и ослабить антифашистскую борьбу. Создав такую атмосферу, нацисты хотели оказать давление на предварительное следствие по делу Тельмана и предпринять исход намеченного процесса. Инсинуации вокруг Эрнста Тельмана одновременно должны были послужить «уликами» против Георгия Димитрова.

Болгарский коммунист, выдающийся деятель Коминтерна, Георгий Димитров вместе с двумя другими болгарскими коммунистами был арестован в Берлине 9 марта 1933 г. по обвинению в участии в поджоге рейхстага. 21 сентября 1933 г. в Лейпциге начался процесс о поджоге рейхстага, который по замыслу нацистов должен был также послужить политической и юридической подготовкой к суду над Тельманом. На лейпцигском процессе имелось в виду доказать, что КПП при поддержке Коминтерна собиралась в феврале — марте 1933 г. организовать вооруженное восстание. Этой ложью фашисты рассчитывали оправдать свои террористические акты. Но их планы были сорваны. Из обвиняемого Димитров стал обвинителем. Он не только опроверг обвинение, но и доказал, что в поджоге рейхстага были заинтересованы сами нацисты, что поджигателями были они сами. В декабре 1933 г. Георгий Димитров был оправдан. Его успех явился большой помощью Эрнсту Тельману, он облегчил подготовку к его процессу.

¹ IML, ZPA, NL 3/18.

Первый большой антикоммунистический процесс гитлеровцев провалился. Еще 1 декабря 1933 г. ведущий нацистский юрист Ганс Франк объявил в прессе, что вскоре состоится процесс против Эрнста Тельмана, что мир ужаснется, узнав о преступлениях коммунистов. Однако после процесса над Димитровым фашистским судьям срочно потребовался новый обвинительный материал. Но все усилия следователей вынудить Эрнста Тельмана дать компрометирующие его показания оказались тщетными. Поэтому 9 января 1934 г. они передали его для дальнейшей «обработки» гестапо. В тот же день Тельман был доставлен в пользовавшуюся недоброй славой штаб-квартиру гестапо на Принц-Альбрехтштрассе. Там его жестоко избили. Вот что писал он об этом десять лет спустя: «Описать то, что происходило в этой камере для допросов в течение четырех с половиной часов, с 5 до 9.30 часов вечера, почти невозможно. Ко мне были применены все самые жестокие меры принуждения, какие только можно себе представить, чтобы любым образом вынудить признания и получить данные о ранее арестованных товарищах, об их политических действиях. Гестаповцы начали с фамильярного тона, так как я знал некоторых из этих молодчиков еще со времен существования политической полиции Зеверинга, — с уговоров и так далее, чтобы в ходе такой беседы что-нибудь выведать о ком-либо из товарищей или о чем-либо другом, что их интересовало. Этот маневр не имел никакого успеха. Тогда последовало применение грубой физической силы. У меня были выбиты четыре зуба. Это также не дало никаких результатов... Через три с половиной часа наступила кульминация этой драмы, ее заключительный акт. С меня сорвали одежду. Два гестаповца положили меня поперек табурета. Один из них принялся равномерно избивать меня тяжелой плетью из кожи бегемота. От боли я несколько раз вскрикнул.

Тогда мне заткнули рот, и удары посыпались на меня градом. Меня били по лицу кулаками, по груди и спине плетью. Брошенный на пол, я лежал ничком, уткнувшись лицом в пол, и ни слова не отвечал на вопросы. Меня пинали ногами. Я все старался закрыть лицо. Я изнемогал. Сердце начало сдавать. Я уже ничего не видел и не слышал. К тому же меня мучила такая жажда, что изо рта шла пена, и я почти задохнулся»¹.

Через двое суток Эрнсту Тельману пришлось выдержать еще два таких допроса. Но, несмотря на варварские побои, гестаповцам так и не удалось получить от Тельмана никаких сведений.

19 января 1934 г. Геринг совершил инспекторский обход штаб-квартиры гестапо и наведалься также в камеру Эрнста Тельмана. Тельман заявил Герингу энергичный протест в связи с издевательствами и потребовал перевода в Моабит.

Услышав, что фашисты перевели ее мужа на Принц-Альбрехтштрассе, Роза Тельман попыталась получить разрешение

¹ Vgl. IML, ZPA, NL 3/18.

на свидание с ним. Ей отказали, но Роза категорически настаивала на своем. Если ей будут отказывать и дальше, заявила она, это явится доказательством того, что Эрнста Тельмана более нет в живых. В таком случае она не будет молчать и об этом узнает весь мир. Гитлеровский режим не хотел рисковать. Роза Тельман получила разрешение на посещение мужа. Увидев его, измученного и избитого, она воскликнула: «Эрнст, как ты выглядишь! Что они с тобой сделали!»¹

Другие товарищи тоже видели Эрнста Тельмана в гестапо. Эльза Дауб рассказывала: «Однажды, когда я вместе с другими узниками ожидала после всех истязаний в подвале гестапо прибытия полицейской автомашины, я видела Тельмана. Вдруг нам всем было приказано повернуться лицом к стене. «Кто оглянется, будет расстрелян!» — заорали на нас. Невзирая на угрозу, все мы обернулись и увидели, что мимо нас идет Эрнст Тельман. Его вел по коридору известный своими зверствами гестаповец Гиринг, тот же мучитель, который незадолго до этого подвергал нас жестоким пыткам. Эрнст Тельман нес свою куртку, перекинув ее через руку, и по нему было заметно, что его тоже только что пазбили»².

23 января Эрнст Тельман был возвращен в следственную тюрьму. По пути гестаповцы грозили убить его, если он вздумает рассказать о методах допроса на Принц-Альбрехтштрассе.

17 марта 1934 г. Политбюро КИГ получило конкретные сведения об истязаниях, которым подвергался Эрнст Тельман. Партийное руководство утвердило текст призыва к трудящимся всего мира усилить борьбу против фашистского террора и особенно за освобождение Тельмана. Когда стало известно, что в гестапо его подвергали пыткам, требования получить доступ к нему усилились.

Председатель КИГ был самым главным узником фашистского государства. Чтобы дать ответ на вопрос о его судьбе, гитлеровское правительство было вынуждено «показать» его международной общественности, не допуская с ним прямого контакта. Прибыло множество делегаций и отдельных лиц из Дании, Норвегии, Швеции, США и других стран, в том числе группа, в которую входили 50 видных юристов, все они требовали увидеть Тельмана лично. Вынужденные уступать этим требованиям, органы фашистской юстиции устраивали визиты к Тельману таким образом, что его можно было увидеть только из окон верхних этажей тюрьмы во время короткой ежедневной прогулки во дворе.

Делегации из Саарской области, которую направила Красная помощь Германии, после долгих мытарств удалось добиться

¹ *Thälmann Rosa. Auch im Kerker mit dem Volke verbunden.*— In: Deutschlands unsterblicher Sohn, S. 462.

² *Daub Else. Mit Ernst Thälmann im Gestapokeller.*— In: Ebenda, S. 439—440.

допуска к Тельману. В ее состав входили коммунист, социал-демократ и беспартийный рабочий: Это была единственная рабочая делегация, которой удалось поговорить с Эрнстом Тельманом за все одиннадцать с половиной лет его заключения. Дав разрешение саарцам, гитлеровский режим хотел ослабить нараставший протест за границей и развеять слухи об убийстве Тельмана. То, что исключение было сделано делегатам из Саарской области, объяснялось предстоявшим там плебисцитом о присоединении Саара к Германии или Франции. Фашистские чиновники дали гостям строгие предписания, что можно было сообщить Тельману и о чем его разрешалось спрашивать.

«Беседа» состоялась 19 мая 1934 г. в присутствии гестаповцев. Она продолжалась совсем недолго. Об этом посещении саарские товарищи рассказали следующее: «Нам было предписано, что от имени саарских горняков мы можем приветствовать его словами: «Здравствуй, товарищ, передаем тебе привет саарских рабочих». Затем гестаповские чиновники продиктовали нам следующие вопросы:

- Сытно ли тебя кормят?
- Получаешь ли ты письма?
- Разрешают ли тебе писать?
- Часто и долго ли ты можешь гулять?
- Можешь ли ты покупать дополнительное питание?

Чиновники не разрешили нам задать вопрос: «Можешь ли ты пожаловаться на обращение с тобой в тюрьме?» Нас предупредили, что если мы будем задавать вопросы кроме тех, которые нам продиктовали, то нам самим придется стать политзаключенным...

На первый вопрос относительно питания Тельман ответил: «Невозможно обойтись тем, что я здесь получаю... Если бы я не покупал продукты на деньги, которые присылает мне в тюрьму жена, то я не смог бы существовать».

На вопрос, получает ли он письма, Тельман ответил: «Я получаю письма только от ближайших родственников. Но мне известно, что в день моего рождения мне прислали тысячи писем и открыток. Но мне выдали только три...»

Мы неожиданно задали вопрос: «Товарищ Тельман, как ты себя чувствуешь?» И тут мы услышали всю страшную правду. С горечью Тельман сказал: «Меня били».

В этот момент вмешались гестаповские чиновники и закричали: «Вон!» Все более возбуждаясь, Тельман бил кулаком по барьеру и кричал: «Меня били и продолжают избивать!»

Гестаповские чиновники вытолкали нас из помещения. Тельман крикнул нам вслед, и это были последние слова, которые мы от него слышали: «Передайте привет рабочим в Сааре в моем духе!»¹

¹ Rettet Thälmann, Torgler und Genossen! Erklärung der Saardelegation, die mit Thälmann sprach.— In: Rundschau, 1934, Nr. 31, S. 1191.

В выступлениях на многих собраниях и с помощью специально выпущенной брошюры делегация ознакомила мировую общественность с положением и условиями, в которых находился Тельман, призвав к поддержке движения за освобождение Председателя КПП и других политических заключенных. О встрече делегации с Эрнстом Тельманом писали сотни иностранных газет, а также подпольные немецкие газеты.

После долгих поисков в сентябре 1934 г. Роза Тельман нашла защитника, который взялся вести дело Эрнста Тельмана. Лица, вызывавшие у нацистов подозрение, и иностранцы для этого заведомо не подходили. В сентябре 1934 г. Роза Тельман объявила, что защитником ее мужа является гамбургский адвокат доктор Эрнх Вандшнайдер.

Вандшнайдер был членом НСДАП, однако относился к гитлеровскому режиму с определенным предубеждением. По указанию фашистских властей он был официальным защитником известного гамбургского функционера КПП Фите Шульце. Стойкость Фите Шульце произвела большое впечатление на адвоката-антикоммуниста, побудив его задуматься о своем отношении к коммунистам. Эрнста Тельмана он знал уже давно. Курьеру руководства КПП удалось завязать с этим адвокатом знакомство. Вандшнайдер оказывал КПП помощь, предоставляя ей сведения о состоянии здоровья Эрнста Тельмана в тюрьме и передавая Тельману сообщения и рекомендации партийного руководства. Однако впоследствии его отношения с Тельманом ухудшились — поведение Вандшнайдера стало все больше определяться коммерческими соображениями.

В качестве официального защитника вначале намечался берлинский адвокат доктор Фридрих Рёттер. Он установил связь со своим подзащитным. Эрнст Тельман написал об этом своей жене в письме от 3 марта 1935 г.: «...у меня была краткая беседа с доктором Рёттером в присутствии судебного следователя. Сам Рёттер произвел на меня хорошее впечатление. Он умен и может кое-что сделать. Служил морским офицером, награжден Железным крестом 1-го класса. Разделял взгляды немецкой национальной партии и в своей прежней практике никогда не защищал коммунистов»¹. Убежденный в невиновности Председателя КПП, Рёттер проникся глубоким уважением к Тельману за его искренность и действительно хотел быть его защитником в судебном процессе. Но это совсем не устраивало нацистов. Так называемый «народный суд» в Германии не разрешил ему выступить в качестве официального защитника. В конце марта 1935 г. и Рёттер в течение некоторого времени находился под арестом. С помощью КПП он бежал из фашистской Германии. Наконец, преемником Рёттера стал берлинский адвокат Фриц Людвиг. Роза Тельман, в соответствии с пожеланием мужа, долго искала в Берлине адво-

¹ Тельман Эрнст. Письма из тюрьмы родным и близким, с. 81—82.

ката в качестве второго защитника. В то время как все другие адвокаты ответили отказом, Людвиг сразу же изъявил готовность взять на себя защиту Тельмана, отказавшись от какого-либо вознаграждения. Он предложил Розе Тельман ходатайствовать о том, чтобы его назначили официальным защитником. Ее прошение было удовлетворено. Людвиг оказывал Эрнсту Тельману большую помощь. Тельман передавал ему на хранение важные материалы, а также записки и письма для товарищей на свободе. Людвиг сотрудничал с адвокатом антифашистом Гельмутом Кюльцем, который в целях маскировки состоял в фашистских организациях и имел хорошие связи в фашистском судебном аппарате. До 1936 г. Кюльц поддерживал связь с курьером партийного руководства, встречался с ним, передавал ему полученные от Людвига записки и письма Эрнста Тельмана и информировал партийное руководство о возможном ходе предстоявшего процесса. В 1936 г. эту связь по соображениям безопасности пришлось прекратить¹. Таким образом адвокаты не только оказывали действительную помощь Тельману в подготовке к процессу, но и были важным связующим звеном между ним и партией.

Председатель КПГ получил разрешение читать некоторые газеты и журналы и пользоваться тюремной библиотекой. Это помогало ему легче пережить изоляцию, которую изредка прерывали лишь посещения жены, дочери, адвокатов и немногие доходившие до него письма. Дирекция тюрьмы контролировала все газеты и журналы, вырезая из них сообщения и статьи, которые, по ее мнению, не следовало читать Эрнсту Тельману. Тем не менее ему удавалось получать сведения о важнейших политических событиях и из этих, подвергавшихся дополнительной фашистской цензуре газет.

Особенно его интересовала обстановка в Советском Союзе. Поэтому наряду с газетой «Берлинер тагеблат» он выписывал «Берлинер бёрзен-цайтунг», в экономическом разделе которой поначалу публиковалась сравнительно подробная информация о Советском Союзе. Любое известие о новых успехах социализма в политической, экономической, социальной, культурной и военной областях, о которых благодаря своему большому опыту он узнавал из фашистской прессы, наполняло его радостью и гордостью, укрепляло его уверенность в победе коммунистической политики. В одном из писем жене он делился с ней своими раздумьями об этом: «Раньше я никогда не чувствовал с такой остротой, да и не мог себо представить, что значит находиться в одиночном заключении и длительной изоляции, какое психологическое воздействие может это иногда оказывать на мыслящего человека, если он принужден жить так годы. Для меня это новая большая жизненная школа... Конечно, и здесь положение по временам разнообра-

¹ Материалы, полученные от Эрнста Тельмана на хранение, после разгрома гитлеровского фашизма Ф. Людвиг передал КПГ.

вится, например, благодаря получению многих, многих новостей о событиях в Германии и во всем мире, но прежде всего в Советском Союзе; об этом я узнаю из газет, и это ободряет меня»¹.

В заключении Эрнст Тельман прочел большое число книг, многие из них основательно изучив. Об этом свидетельствуют его письма жене и дочери, а также записи, которые он вел в тюрьме. В них имеются цитаты из произведений Вальтера фон дер Фогельвайде, Шекспира, Лессинга, Гёте, Шиллера, Жак Поля, Клейста, Аридта, Гумбольдта, Золя и многих других. Если некоторые из отрывков Тельман просто выписывал, восхищенный глубиной мысли, меткостью высказывания или красотой рифмы, то выдержки из научных трудов он нередко сопровождал заметками и комментариями. Они свидетельствуют о его четкой марксистско-ленинской позиции, о стремлении обогатить свои знания и использовать все возможности, чтобы и в тюрьме готовиться к борьбе с классовым врагом. В письме к жене, написанном в самом конце 1935 г., он отметил: «Книга — единственный друг, который здесь со мной неразлучен. Я читаю, читаю часами, пока не раздается звон колокола — сигнал ко сну»².

Увлечение Тельмана литературой производило впечатление и на тюремных служителей. Один из них сказал Розе Тельман: «Ваш муж достоин всяческого уважения! Он постоянно занимается в своей камере, не теряя ни часу времени. Ведь он делает это не для себя, а, наверное, для других»³. Один юрист, который часто бывал в моабитской тюрьме, с удивлением говорил своим коллегам, что поражен основательностью и добросовестностью, с которыми Эрнст Тельман работал над имевшейся в тюремной библиотеке классической и исторической литературой⁴.

Многие проблемы волновали Эрнста Тельмана в первые годы заключения. Всеми путями своей души он был связан с жизнью за тюремными стенами. Он мысленно находился рядом с борющимися рабочими Германии и всего мира. Его интересовали и внутриполитические события и вопросы внешней политики. Так, в сентябре 1934 г. он с радостью воспринял весть о приеме Советского Союза в Лигу наций, расценив его как «событие мирового значения», «предвестник коммунизма во всем мире». Советская Россия, с удовлетворением писал он, «так усиливает тем самым свою политическую и дипломатическую роль в мировой политике, как этого еще не было со времени установления Советской власти»⁵.

Все это свидетельствует о том, что, несмотря на попытки фашистов сломить Эрнста Тельмана физически и морально, он оста-

¹ Тельман Эрнст. Письма из тюрьмы родным и близким, с. 36—37.

² Там же, с. 119.

³ Thälmann Rosa. Auch im Kerker mit dem Volke verbunden.— In: Deutschlands unsterblicher Sohn, S. 469.

⁴ Vgl. ebenda.

⁵ IML, ZPA, NL 3/11.

вался несгибаемым коммунистом, убежденным пролетарским интернационалистом, стойким марксистом-ленинцем. Как ни любил он жизнь и как ни тосковал по свободе, дело коммунизма он ставил выше жизни. «Что такое бреющая жизнь одного человека?» — писал он. «Но идея, которой мы преданы душой и телом, она живет, она не преходяща, она вечна. Идея, которая связывает нас не на жизнь, а на смерть, которая овладела миллионами людей и осчастливила их, которая вошла в нашу плоть и кровь, это великое, живое и могучее неистребимо и в годы тяжелейших страданий честного борца. Жизнь человека, живущего ради идеи, борющегося за освобождение трудящегося человечества, имеет более глубокий смысл — и боль теряет для него значение постольку, поскольку жизнь имеет для него более высокую ценность»¹.

Железная выдержка Эрнста Тельмана помогала другим узникам. Один из заключенных следственной тюрьмы Моабит рассказывал, что в 1934 г. он ежедневно видел Тельмана из окна своей камеры, когда он гулял по двору. Многие товарищи взбирались повыше, чтобы дотянуться до окна, увидеть Тельмана и приветствовать его поднятым вверх кулаком. Еще один коммунист вспоминает: «Меня мучили в Ораниенбурге 11 дней. Там мне отбили почки. В моабитском тюремном лазарете у меня была краткая встреча с Эрнстом Тельманом. Его привели туда на медицинское обследование. Я шепотом рассказал ему о своих мытарствах в Ораниенбурге. Он внимательно слушал, потом крепко пожал мне руку и спросил: «Достойно ли ведут себя товарищи?» Я ответил утвердительно. Тедди был рад. Заметив, как у меня болели раны, он еще раз взял мои руки и сказал: «Стисни зубы, товарищ! Настанут лучшие времена. Мужайся! И передай привет другим товарищам!» Когда я передал привет от Тельмана другим узникам, находившимся в лазарете, все были чрезвычайно обрадованы. Этот привет многих из них воодушевил — они убедились в том, что Тедди не изменился»².

Тем временем судебные органы, полиция, гестапо и другие фашистские службы продолжали собирать обвинительный материал против Эрнста Тельмана. 1 июня 1934 г. в органы политической полиции отдельных земель было направлено срочное требование немедленно заняться сбором обвинительного материала для «процесса над государственным преступником, бывшим руководителем КППГ Эрнстом Тельманом».

Эрнст Тельман настойчиво требовал проведения процесса, о котором вначале громогласно объявили нацисты. Он хотел заставить их померяться силами с коммунистами на виду у общественности. Но потерпевший провал в процессе по делу о поджоге рейхстага фашистский режим боялся нового поражения. Поэтому суд над Тельманом все время откладывался, ему не разрешали

¹ IML, ZPA, NL 3/9.

² Deutsche Informationen (Paris), 12. I 1937.

выступать в качестве свидетеля и на других процессах, как это было, например, в Лейпциге, где Георгий Димитров назвал его самым компетентным свидетелем политики КПГ.

5 февраля 1935 г. представители имперских и прусских министерств обсудили вопрос об «освещении в печати процесса над Тельманом». На этом совещании выражались самые различные мнения о целесообразности процесса против Тельмана. Представитель имперского и прусского министерства внутренних дел вообще подверг сомнению целесообразность такого процесса, «если судебное разбирательство не приведет к полному разоблачению коммунистической угрозы Германии и всему миру». В противном случае процесс явился бы поводом для коммунистов и близких к ним зарубежных кругов развязать «новую яростную кампанию против нынешней Германии». Поэтому-де следовало упрятать Тельмана в тюрьму без суда. Другие участники совещания возражали, говоря, что отказ от процесса мог бы привести к усилению давления из-за границы. Эта дискуссия показала, что фашистские власти были серьезно встревожены развернувшимся международным движением солидарности с заключенными антифашистами. В итоге договорились провести процесс по возможности при закрытых дверях и в любом случае «без шума»¹. 15 марта 1935 г. через два года после ареста судебные власти наконец вручили Эрнсту Тельману обвинительное заключение.

Тельман не был одинок в борьбе против фашистского суда. Несмотря на все усилия фашистского режима изолировать его от внешнего мира, несмотря на строгий контроль за его перепиской и присутствие на свиданиях с женой и дочерью бдительных надзирателей, связь партии с Эрнстом Тельманом не прерывалась. Она осуществлялась через адвокатов, но главным образом через Розу и партийных курьеров, все чаще к этому делу привлекалась также Ирма Тельман. В партийном руководстве за поддержание связей с находившимся в фашистском застенке Председателем партии сначала отвечал Вальтер Ульбрихт, а с лета 1938 г. — Франц Далем. Они были подотчетны ЦК КПГ и Исполкому Коминтерна.

«Ни тюремные стены, ни пограничные барьеры не были помехой для установления связи и полного взаимопонимания между Политбюро партии и товарищем Эрнстом Тельманом», — свидетельствует Франц Далем. «Между партийным руководством и Эрнстом Тельманом всегда было полное единство взглядов в главном политическом вопросе, в вопросе достижения революционного единства рабочего класса и всех антифашистских сил в борьбе против фашизма»². Роза Тельман писала: «И все-таки за долгие годы тюремного заключения фашистам ни разу не удалось нарушить контакты Эрнста Тельмана с партией... Во время моих посещениях тюрьмы я тайно, надежно упрятав, выносила оттуда

¹ IML, ZPA, NL 3/39.

² *Dahlem Franz.* Ernst Thälmann im Gefängnis. — In: Deutschlands unsterblicher Sohn, S. 425, 425—426.

небольшие письменные сообщения. Это удавалось даже в присутствии старшего надзирателя... Письма Тедди таким образом попадали по назначению незаметно для надзирателя»¹.

Эрнст Тельман мог поведаться и поговорить с женой и иногда с дочерью во время их кратких посещений раз в две недели, по чаще через большие промежутки времени. Эти его беседы с Розой и Ирмой были основной формой связи с партией. Роза Тельман ловко передавала мужу необходимые сообщения. Перед каждым визитом она в беседе с курьером дословно запоминала информацию, предназначавшуюся для Тельмана. Таким путем Эрнст Тельман был в курсе последних решений партии, получал советы в связи с намеченным процессом, сообщения о политике Коммунистического Интернационала и о важных внешнеполитических событиях.

Тем же способом он передавал свое мнение. Иносказательно, намеками Эрнст Тельман сообщал партии то, что считал нужным. Используя также постоянные издевательские вопросы и замечания гестаповских охранников, он в своих ответных репликах незаметно высказывал рекомендации и другие важные соображения для партийного руководства. Вскоре Роза научилась определять нужное для передачи партии по тону, которым говорил Тельман, а говорил он часто возбужденно и прямо наводил беседу на соответствующую тему. Курьеры изучали также адресованные родным и близким письма и открытки Эрнста Тельмана, в которых он ловко сообщал информацию для партии. В одной из тайно вынесенных из тюрьмы записок Тельмана руководству КПГ содержалось следующее указание: «Читайте мои письма Розе. Их приходится причислять, иначе их задержат, но в них вы увидите мою приверженность делу немецких рабочих»².

Курьеры действовали под псевдонимами: Адам, Ауге, Гумбольд, еще неизвестный товарищ, затем Герберт. О том, как курьеры выполняли свою сложную задачу, рассказывает один из них — Вальтер Траутцш, носивший псевдоним Эдвин. Он был участником восстания в Гамбурге и знал Эрнста Тельмана еще с 1923 г. «Летом 1936 г. партия дала мне необычное поручение: обслуживание заточенного в тюрьму руководителя КПГ Эрнста Тельмана. Товарищ Тельман должен был постоянно чувствовать близость партии, получать информацию о ее политике и, с другой стороны, нам было необходимо знать подробности об условиях, в которых находился Эрнст Тельман, и о его состоянии, о планах и тактике фашистов. Выполнение этого поручения требовало строжайшей конспирации. Круг знавших об этом людей был строго ограничен. Главное место, откуда я вел эту работу, была Прага; с осени 1936 г. оно было перенесено в Париж. Оттуда с интервалом в четыре — шесть недель я в течение двух с половиной лет ездил

¹ *Thälmann Rosa. Auch im Kerker mit dem Volke verbunden.* — In: Deutschlands unsterblicher Sohn, S. 464—465.

² IML, ZPA, NL 3/11.

в фашистскую Германию — в Берлин и Гамбург на нелегальные встречи с товарищем Розой Тельман»¹.

Эти встречи проходили чаще всего в окрестностях Гамбурга со строгим соблюдением правил конспирации. В беседе с курьером визит Розы к Тельману обсуждался во всех деталях, включая обмен репликами. Определенные фразы Роза Тельман должна была заучивать наизусть, а также дословно запоминать ответы мужа. Сразу же после посещения Тельмана ход встречи восстанавливался вплоть до мелочей. Роза воспроизводила устные замечания Тельмана. Курьер дословно записывал содержание беседы и зашифровывал текст.

Письменные материалы Тельмана, его письма партийному руководству, записки и др. часто уже через 48 часов после свидания Розы с Эрнстом Тельманом находились в распоряжении партийного руководства. Для этого использовались различные железнодорожные маршруты по Чехословакии, Швейцарии и Франции и паромные линии, которые вели через Скандинавские страны.

4

**«Мы должны выиграть
Эрнста Тельмана
как битву!»**

Важнейшей формой поддержки Эрнста Тельмана было развернувшееся по всему миру движение солидарности. О нем он узнавал через нелегальные каналы связи с внешним миром, а в отдельных, весьма редких случаях — через почту. И хотя он был лишен возможности получать достаточно полную информацию о размахе и многообразии форм этого международного движения, он черпал в нем силы и уверенность, что не одинок перед лицом фашистского суда.

Движение солидарности с Эрнстом Тельманом и другими узниками гитлеровского режима охватило народные массы всех стран мира. «Свободу Тельману!» — это требование Георгия Димитрова после его победы в процессе по делу о поджоге рейхстага и после его освобождения из фашистского застенка под давлением международного движения солидарности стало повсюду призывом к борьбе для многих людей, выступавших за мир, свободу и право. Димитров писал: *«Каждый честный, мыслящий человек должен решить, будет ли он на стороне Гитлера или Тельмана. Нейтральной позиции в этом вопросе нет. Кто хочет остаться нейтральным, тот фактически помогает — хочет он того или не хочет — Гитлеру. Кто хоть в какой-либо форме не выступит за спасение Эрнста Тельмана, тот разделяет — хочет он этого или нет — ответствен-*

¹ Berichte des Thälmann-Kuriers Walter Trautzsch.— In: BzG, 1965, H. 5, S. 852—853.

ность за преступление фашистских властителей. Кто выключает себя из движения за освобождение Тельмана, тот — сознательно или бессознательно — является одним из виновников его страданий в тюрьме, его физического разрушения, а может быть, и убийства»¹.

Вильгельм Пик заявил: «Борьба за освобождение Тельмана — битва международного единого фронта пролетариата, битва всех миролюбивых людей против фашизма и войны»².

Организаторами и руководителями этой битвы были Коммунистическая партия Германии и Коммунистический Интернационал. Организуя борьбу за освобождение своего Председателя, руководство КПГ согласовывало свои действия с Исполкомом Коминтерна.

Вначале эта борьба была тесно связана с движением за освобождение Георгия Димитрова и арестованных вместе с ним товарищей. Во время подготовки и в ходе процесса по делу о поджоге рейхстага во второй половине 1933 и в начале 1934 г. в центре внимания международной общественности, естественно, находились Георгий Димитров и его друзья. В тот период борьба за освобождение всех антифашистов, находившихся в руках у гитлеровского режима, превратилась во всемирное движение. По инициативе ИККИ члены Международного комитета по расследованию дела о поджоге рейхстага предложили образовать Международный комитет борьбы за освобождение Димитрова, Тельмана и всех заключенных немецких антифашистов. Этот комитет был образован 5 января 1934 г. в Париже, его председателями стали французские писатели Андре Жид и Андре Мальро. В задачи комитета входили сплочение представителей всех слоев, мировоззрений и политических направлений в народное движение по борьбе против германского и международного фашизма и координация освободительных акций, проводившихся в отдельных странах.

Освобождение Георгия Димитрова и его болгарских соратников из рук фашистов было первой крупной победой международного движения солидарности над немецким фашизмом. Этот успех придал ему новые силы в борьбе за освобождение Тельмана. 27 февраля 1934 г. в день своего освобождения из фашистского застенка, к которому фашистов принудило прежде всего активное вмешательство Советского Союза, Георгий Димитров прибыл в Москву. Вечером он заявил в интервью с представителями советской и иностранной печати: «Наше первое слово — это наша бесконечная и безграничная благодарность международному пролетариату, широчайшим слоям трудящихся всех стран, честной интеллигенции, боровшимся за наше освобождение, и в первую очередь мы выражаем, естественно, нашу благодарность рабочим и крестьянам Советского

¹ Эрнст Тельман. Борец за мир и свободу. М., 1937, с. 22.

² Pieck Wilhelm. Vorwort.— In: Die Welt im Kampf für Thälmann. Hrsg. vom Internationalen Befreiungskomitee für Thälmann und alle eingekerkerten Antifaschisten. Paris (1936), S. 2.

Союза — нашего социалистического государства»¹. Вскоре после этого интервью он сказал: «Само собой разумеется, после нашего освобождения борьба во всем мире не должна пойти на убыль, она должна быть усилена во всех возможных формах. Я убежден, что борьба за освобождение Тельмана является вопросом... чести для каждого, кто хочет бороться против фашизма»². На вопрос одной французской корреспондентки, встречал ли он в фашистском застенке среди заключенных одного из своих друзей, он сказал: «Да, в марте прошлого года я видел Эрнста Тельмана. Это мой друг. Я считаю его одним из наиболее крупных деятелей международного революционного движения. Потом я еще дважды встречался с ним в тюрьме Моабит... его мужество отнюдь не было сломлено»³.

В 1933—1934 гг. Политический секретариат ИККИ, а также его политическая комиссия разработали на основе воззвания от 5 марта 1933 г. директивы для единого фронта по борьбе за освобождение Эрнста Тельмана. Невзирая на отказ правлений социал-демократических партий принять соответствующие предложения, ИККИ рекомендовал коммунистическим партиям обратиться прежде всего к окружным и местным руководящим органам СДПГ, профсоюзов и других массовых организаций с призывом организовать массовое движение за единство действий в целях освобождения Тельмана и других антифашистских борцов. 8 июля 1934 г. Президиум ИККИ заслушал отчет по этому вопросу Бела Куна. Он настоятельно призвал коммунистов не ослаблять усилий в деле организации единства действий, направленных на освобождение Эрнста Тельмана, и соединить их с борьбой против угрозы фашизма в своих странах. Центральную роль в этой кампании играли представители коммунистов в Международном комитете борьбы за освобождение Тельмана. Они поддерживали постоянную связь с ИККИ, где за эту работу отвечал Бела Кун. ИККИ внимательно следил за деятельностью комитета, оказывая ему идейную и материальную поддержку, целенаправленно руководил работой входивших в его состав коммунистов.

Солидарность трудящихся Советского Союза с вождем революционных рабочих Германии впечатляюще продемонстрировал высший форум руководящей силы Страны Советов — XVII съезд ВКП(б). 28 января 1934 г. в прениях по Отчетному докладу ЦК, в котором Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И. В. Сталин клеймил кровавый террор и военные приготовления германского фашизма и подтвердил братский союз рабочего класса Советского Союза с рабочими капиталистических стран⁴, было оглашено привет-

¹ *Димитров Георгий*. Избранные произведения. В 2-х т. София, 1967, т. 1, с. 565.

² *Dimitroff Georgi*. Thälmanns. Befreiung ist Ehrensache des Weltproletariats.— In: *Ausgewählte Schriften*, Bd. 2, S. 458.

³ *Dimitroff erzählt*. Zwei Gespräche.— In: *Ausgewählte Schriften*, Bd. 2, S. 477—478.

⁴ См.: XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1934, с. 11—14.

ственное послание КПГ Эрнсту Тельману. Делегаты съезда встретили его бурными овациями и нескончаемыми здравницами в честь Тельмана¹.

В этом духе ВКП(б) и далее активно содействовала расширению движения солидарности с Эрнстом Тельманом. 8 июля 1934 г. Днепропетровский областной комитет Компартии Украины направил циркулярное письмо во все горкомы и райкомы партии, обязав их обратить внимание масс на возможность судебного процесса над Эрнстом Тельманом, взять эту работу под свой непосредственный контроль и усилить интернациональное воспитание в духе солидарности с жертвами фашистского террора в Германии². В 1934 г. ЦК советской секции Международной рабочей помощи рекомендовал местным организациям повсюду создавать новые ударные бригады и присваивать им за образцовые показатели в производственной и интернациональной работе имена таких выдающихся революционных борцов, как Эрнст Тельман и Георгий Димитров.

Под знаком солидарности с борьбой немецких антифашистов проходили также выборы в местные Советы. Многие городские и сельские Советы избрали Эрнста Тельмана своим почетным депутатом. 1 сентября 1934 г. Первый всесоюзный съезд советских писателей под гром аплодисментов и с одобрением иностранных гостей принял приветствие в адрес Эрнста Тельмана, в котором участники съезда заверяли его в своей глубокой солидарности: «Мы жмем твою руку, наш Тельман, мы глубоко ценим твоё мужество, мы любим тебя, как нашего брата и товарища, мы сделаем все, чтобы осуществить требования пролетариата и передовой интеллигенции мира:

*Свободу Тельману!»*³

Одним из центров движения солидарности с Эрнстом Тельманом стала Франция. Французская компартия сумела создать в своей стране широкий антифашистский единый и народный фронт против угрозы фашизма, представлявший собой прочную основу и для движения солидарности. В результате движение за освобождение Эрнста Тельмана и других антифашистов приобрело во Франции наиболее широкие масштабы по сравнению с другими капиталистическими странами. Только до 1934 г. там было выпущено 20 тыс. тельмановских брошюр, 30 тыс. значков и 32 тыс. почтовых карточек с изображением Тельмана; три журнала общим тиражом 150 тыс. экземпляров требовали освободить Тельмана. Ему было посвящено 260 тыс. листовок, 15 600 плакатов, 85 тыс. мелких листовок, 70 бюллетеней, каждый тиражом от 200 до 1500 экземпляров. Было собрано также около 100 тыс. подписей под требованием освободить Председателя КПГ.

¹ См.: XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет, с. 133—135.

² См.: Архив Мелитопольского райкома МОПР Днепропетровской обл., ф. р. 523, оп. I, д. 45.

³ Правда, 1934, 2 сентября.

Широкие акции солидарности были организованы в Чехословакии. На крупных промышленных предприятиях проводились рабочие митинги, в первой половине марта 1934 г. состоялось более 50 массовых собраний с требованием освободить Эрнста Тельмана. Рабочие делегации со всех концов страны требовали от германского посольства в Праге ответа на вопрос о судьбе Тельмана. В Берлин были посланы десятки тысяч почтовых открыток с портретом Тельмана и требованием его освобождения, но лишь несколько из них попали в руки узника. Были собраны значительные денежные средства. Комитеты солидарности передали их КПГ в поддержку борьбы за освобождение Тельмана.

Центральный Комитет действовавшей в подполье Компартии Польши опубликовал вызвавший широкие отклики призыв «Освободим Тельмана из рук палачей!». В марте 1934 г. парторганизациям было рекомендовано использовать день 1 Мая для выражения протеста против заключения Эрнста Тельмана и других немецких антифашистов. «Вызволить товарища Тельмана из рук палачей — дело чести пролетариата. Кампания в защиту Эрнста Тельмана охватила весь мир. В этой борьбе польский пролетариат должен идти в первых рядах. Рабочие массы должны требовать освобождения Тельмана на митингах и собраниях, на демонстрациях и во время забастовок протеста», — писал Генеральный секретарь Коммунистической партии Польши Юлиан Ленский в июле 1934 г. в «Обзоре политики, экономики и рабочего движения». Создавались комитеты защиты Тельмана, в которые входили коммунисты, члены польской социалистической партии и представители других партий и организаций. Германский посол в Варшаве получил многочисленные телеграммы протеста и письма с требованием освободить Эрнста Тельмана. В 1934 г. по всей Польше прошел сбор подписей под требованием его освобождения. Рабочие, крестьяне и представители интеллигенции проводили манифестации протеста, особенно в 1934 и 1935 гг.

Однажды утром в Нью-Йорке с верхушки памятника погибшим в первой мировой войне американцам было спущено огромное красное полотнище с надписью «Свободу Эрнсту Тельману!». Германское консульство в Нью-Йорке в течение многих дней не могло нормально работать — там беспрерывно раздавались телефонные звонки, звонившие протестовали против заключения Тельмана.

Находившийся в Париже международный комитет борьбы за освобождение Тельмана получил письмо от Коммунистической партии Японии, сразу же опубликованное в специальном бюллетене. В письме говорилось: «Давно пора вырвать товарища Тельмана из рук коричневых бандитов! Нужно сделать все для спасения жизни нашего любимого вождя».

Матросам фашистского военного судна «Эмден», сошедшим на берег в Лиссабоне, были розданы карточки, перевязанные черно-белой-красной ленточкой. Это были листовки с маскировочной облож-

кой приглашения на праздник немецкой колонии с требованием: «Освободите нашего Тельмана!» Коллеги Тельмана — портовые рабочие Лиссабона распространяли их на немецком, французском и португальском языках. Пассажиры немецкого туристского парохода «Штутгарт», который зашел в Стокгольмский порт, получили рекламные листки о парке отдыха «Дьюргартен». В них содержались сведения о бесчинствах гитлеровского суда.

По каналам Амстердама плыли плоты с огромными плакатами: «Свободу Тельману и всем немецким антифашистам!»

Неизвестные смельчаки водрузили на крыше германского консульства в Бристоле (Англия) знамя с надписью: «Свободу Тельману!» Это знамя в течение многих часов развевалось над городом. В одном из больших кинотеатров западной части Лондона в октябре 1934 г. неожиданно прервалась демонстрация фильма и на экране появилась надпись крупными буквами: «Освободите Тельмана из рук фашистских палачей!»

Профсоюзные организации во всех частях планеты требовали свободу Эрнсту Тельману: во Франции, Чехословакии, Испании, Норвегии, Греции, США, Южной Африке и на Кубе. Голос мировой совести звучал повсюду. Известный французский писатель Анри Барбюс заявил: «Мы должны выиграть Эрнста Тельмана как битву!»¹

В 1935 г. Коминтерн и его секции активизировали свои усилия по спасению Эрнста Тельмана. Варварские судебные процессы против антифашистов, многие из которых заканчивались вынесением смертных приговоров, а также угрожающие заявления фашистских чиновников наводили на мысль, что нацисты намеревались свести с Тельманом счеты, внезапно организовав против него скорый судебный процесс. Общий подъем антифашистского движения дал новый импульс кампании за освобождение Тельмана и других антифашистов, находившихся в заключении.

В марте политическая комиссия Политсекретариата ИККИ обсудила вопрос о том, как усилить борьбу за освобождение Эрнста Тельмана и подготовиться к его защите перед фашистским судом. 21 марта комиссия приняла резолюцию, в которой намечались меры по усилению помощи международному комитету борьбы за освобождение Тельмана и по расширению кампании в его защиту. Наряду с прочим предусматривалось образовать Международный комитет юристов, который должен был заняться расследованием террористических деяний нацистов, особенно в отношении Эрнста Тельмана.

Специальной комиссия Коминтерна во главе с Бела Куном было поручено осуществлять контроль за проведением намеченных мер. 26 марта она вновь призвала коммунистические партии «обратиться к социал-демократам с предложением о проведении акций единого фронта в помощь Тельману и продолжать попытки

¹ Zit. in Rundschau, 1934, Nr. 35, S. 1341.

добиться принятия профсоюзами и мелкобуржуазными организациями заявлений в связи с делом Тельмана».

20 мая комиссия Куна обсудила вопрос о непосредственной подготовке к процессу над Тельманом. Она постановила, что под руководством известного немецкого юриста, коммуниста, профессора Феликса Галле должен быть собран материал для защиты Эрнста Тельмана и разоблачения намерений фашистских главарей. Подготовка к процессу чрезвычайно затруднялась отсутствием обвинительного заключения. Поэтому комиссия настаивала на том, чтобы немецкие коммунисты «сделали все, чтобы получить обвинительное заключение по делу Тельмана»¹. Но это удалось лишь спустя несколько месяцев. А пока шла политическая и юридическая подготовка процесса, Феликс Галле и сотрудники комиссии Куна на основе всестороннего политического и юридического анализа уже проведенных нацистами процессов и их антикоммунистической пропаганды выявляли предполагаемые главные пункты обвинения и готовили на этом материале защиту.

Эта сложная задача решалась ими при действенной поддержке со стороны советских научных и государственных учреждений. Подготовка документов для защиты велась под руководством Феликса Галле в Московском институте криминалистики. Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б) предоставлял обширный материал для опровержения обвинения в «пэмеве родине», которое, как ожидалось, должно было стать главным пунктом обвинения. Этот институт также готовил материал, заказанный защитником Тельмана Эрихом Вандшнайдером. Другой его защитник, берлинский адвокат Фриц Людвиг, получал необходимые ему для защиты книги, газеты и листовки от советского посольства в Берлине.

В июне 1935 г. комиссия Куна разработала «Директивы для политической и юридической защиты товарища Тельмана». Эти директивы нацеливали на то, чтобы борьба в защиту Тельмана велась как широкая международная кампания мобилизации общественности и разоблачения нацистского суда в сочетании с политической защитой, которую вел бы сам Тельман, и с юридической защитой его адвокатов. Основной упор при этом намечалось сделать на политическом разоблачении гитлеровского фашизма, который намеревался придать этому процессу характер грубой клеветнической кампании против КПГ, Коминтерна и Советского Союза. Поэтому необходимо было в наступательном духе отстаивать программу и политику КПГ и Коминтерна, разоблачать фашистскую гитлеровскую диктатуру как антинародный, террористический, угрожавший миру и антинациональный режим германского империализма.

Директивы были утверждены в конце июня 1935 г. политической комиссией Политсекретариата ИККИ и разосланы товари-

¹ IMI, ZPA, I 6/3/374.

цам, руководившим подготовкой к процессу и международной кампанией борьбы за освобождение Тельмана. В духе этих директив Феликс Галле разработал к концу июля проект речи для защитника Эрнста Тельмана. В нем были сведены воедино аргументы для политического опровержения вероятных главных пунктов обвинения. Поэтому Феликс Галле назвал его «Обвинением гитлеровского фашизма». В то же время в речи защитника пункт за пунктом доказывалась несостоятельность юридического обоснования вероятного обвинения, что было чрезвычайно важно для подготовки защиты и ее тактики в ходе процесса.

Вскоре руководство Коминтерна и КПГ получили текст обвинения Эрнста Тельмана. Это дало возможность лучше подготовиться к процессу. Фашистские власти хотели во что бы то ни стало избежать ознакомления мировой общественности с обвинительным заключением. Но официальный защитник Тельмана Фриц Людвиг, несмотря на огромный риск, на одни сутки дал текст обвинения Фридриху Рёттеру, который в июле 1935 г. вместе с адвокатом Гельмутом Кюльцем организовал снятие с него копии. Текст обвинения перепечатали две молодые коммунистки. Эмигрируя из Германии, Рёттер вывез текст обвинительного заключения и сделал его достоянием мировой общественности. Покинув Германию, он совершил пропагандистские поездки, в ходе которых выступал за освобождение Эрнста Тельмана и других узников нацистского режима, продолжив их защиту политическими средствами. Впоследствии удалось снять еще несколько копий обвинительного заключения, которые также попали за границу.

Одновременно КПГ готовила побег Эрнста Тельмана, опираясь на международную помощь. Разрабатывались различные планы, которые согласовывались и с самим Тельманом. Эта работа успешно продвинулась вперед в 1934 г.

Освободить Эрнста Тельмана было поручено группе опытных товарищей. В тюрьме им помогал надзиратель социал-демократ Эмиль Мориц. Товарищи познакомились с ним через его жену, которая была членом КПГ. Мориц работал в том крыле тюрьмы, где находилась камера Тельмана. Уполномоченные КПГ несколько раз обсуждали с Морицем детали подготовки к побегу.

План освобождения был продуман до мелочей. Имелось в виду, что Мориц выведет Тельмана из камеры ночью, когда бдительность охраны ослабевает. Затем Тельман должен был выйти из тюрьмы через дверь для дежурных. Перед зданием тюрьмы его должен был ожидать легковой автомобиль, а в нем — женская одежда для беглеца.

На первом этапе побега Тельмана в сопровождении группы вооруженных товарищей через 15—20 минут езды должны были доставить в квартиру на Штреземанштрассе, принадлежавшую родителям Эрнста Шольца, одного из членов группы освобождения. Его родители согласились предоставить для побега свою машину. В этой квартире Эрнст Тельман смог бы прожить продолжительное

время в специально приготовленной антросоли. Но по плану его пребывание там ограничивалось лишь несколькими днями. Через два дня после побега в Праге предусматривалась публикация сообщения о побеге Тельмана с подтверждением соответствующими фотоснимками.

Направив таким образом нацистов на ложный след, организаторы побега должны были приступить к осуществлению его второго этапа — переправке Тельмана со Штреземанштрассе в городок Грос Кёрнс. Эрнст Тельман снова должен был переодеться в платье пожилой женщины. На озере Цеммин, недалеко от Грос Кёрнса, стоял дачный домик, где для Эрнста Тельмана была приготовлена комната без окон, освещавшаяся сверху. Промежуточной целью побега была Чехословакия. В зависимости от обстановки предусматривались и другие маршруты. Председатель КПГ мог пересечь границу надежными обходными путями.

Одип из членов подпольной группы был назначен связным Розы Тельман. Он много раз встречался с Розой, информировал ее о важнейших подробностях первого этапа побега, поручив ей передать соответствующую информацию Эрнсту Тельману. Это ей удалось.

Эмиль Мориц также подготовил все необходимое для побега Тельмана. Был точно проработан путь следования по коридорам тюрьмы. Мориц имел необходимые ключи, в том числе копию ключа от камеры Тельмана. На этом подготовка к побегу была завершена. Зимой 1934—1935 гг. Эрнст Тельман должен был быть на свободе.

Но одно лишь доброе намерение и несчастливое стечение обстоятельств свели на нет результаты длившейся несколько месяцев подготовки к побегу. Чтобы бесшумно закрыть дверь в камеру Тельмана в ночь его побега, Мориц время от времени смазывал ее. Однажды за этим занятием его застал специальный патруль, охранявший Тельмана. Морица перевели в другую часть тюрьмы, а затем арестовали. Эрнста Тельмана также переместили в другую камеру и усилили режим охраны. Таким образом, и этот план освобождения не удался.

5

«Сочетать защиту с наступлением»

Свои соображения относительно предстоявшего судебного процесса Эрнст Тельман излагал в письмах и записках, адресованных партийному руководству. Они нашли также отражение в различных письменных обращениях к следователям, в письмах жене и дочери. Наиболее полно они представлены в 12 тетрадях, в которых он вел записи до 1936 г. Их вынес из тюрьмы и сохранил адвокат Фриц Людвиг.

Все эти материалы дают представление о тактике Эрнста Тельмана на суде. Он намеревался открыто заявить о своей верности делу своего класса и партии, марксистско-ленинскому мировоззрению, решительно опровергнуть ложь и клевету фашистских обвинителей и в свою очередь выдвинуть обвинение фашистскому германскому империализму. «Я буду доказывать перед судом: 1) наша и моя борьба сотни раз оправданы... Я нахожусь здесь как представитель рабочих... Сочетать защиту с наступлением... гибко, маневренно, но недвусмысленно... Я должен поставить ряд вопросов, имеющих пропагандистское воздействие»¹.

В своих выступлениях и заявлениях перед судом он намеревался также дать ориентировку для борьбы коммунистам и другим антифашистским силам. Большинство этих соображений дошло до партии и было учтено при дальнейшей разработке ее стратегии и тактики.

Ознакомившись с обвинительным заключением, Эрнст Тельман получил более ясное представление о планах фашистов. Ему стоило невероятного труда переписать текст обвинения, который он снабдил комментариями. И это — при постоянной угрозе со стороны охранников. Главными пунктами обвинения были: подготовка к измене родине, организация вооруженного восстания, предпринятая весной 1933 г. попытка насильственного изменения конституции германского рейха.

Эрнст Тельман отметил, что, как ни стремились судебные власти оклеветать партию, они не могли в обвинительном заключении не признать ее борьбу за мирное и социалистическое будущее немецкого народа: «Несмотря ни на что, и это обвинение является историческим свидетельством на будущее и на все времена... которое враг невольно выдал Компартии Германии (здесь имеется в виду обвинение), оно является наглядным символом и убедительным подтверждением нерушимой антифашистской верности и революционной решимости, с которыми партия и ее руководство вели тяжелую борьбу за победу социализма в Германии...»². Но все это ничего не меняло в том, что фашистские заправилы лгут, подтасовывают, замалчивают и искажают факты, чтобы клеветать на коммунизм и КПГ.

Эрнст Тельман следующим образом охарактеризовал обвинительное заключение: «1) ...Однобокий, собранный за пару лет материал, который 2) ...преследует цель любым способом дискредитировать не только КПГ, но и бывшего руководителя партии; 3) теплециозная политическая стряпня, которая уходит корнями в суть нынешней системы и ее борьбы против коммунизма; 4) если суд предоставит возможность пригласить свидетелей с моей стороны, которых я могу назвать сам, а также других, кто, надеюсь, добровольно пожалеет этого ради права и справедливости, о которых

¹ IML, ZPA, NL 3/13.

² Ebenda, NL 3/17.

неустанно твердят господа из аппарата юстиции, то я твердо уверен в том, что... обвинение рассыплется в прах»¹.

«Для самого процесса у меня есть хорошие предложения, и настроение у меня боевое», — докладывал Эрнст Тельман руководству партии. Поскольку паписты пытались представить его как предателя Германии, противопоставить его своему классу и народу, дискредитировать его дружеские чувства к Советскому Союзу, его пролетарский интернационализм, он намеревался доказать, что гитлеровцы бросили его в тюрьму за то, что он, как революционный рабочий, отдавал все свои силы социалистическому будущему рабочего класса и всего трудового народа. «В моих жилах течет кровь немецкого рабочего, и таким я останусь до конца. Состою в кровном родстве с социал-демократическими рабочими», — писал он. Эрнст Тельман хотел рассказать о своей жизни, особо выделив при этом два события, которые предельно четко показывали коренное различие между империализмом и социализмом: «Во-первых, то, что я пережил на войне... затем моя первая поездка в Советский Союз в 1921 г. в качестве безработного из Гамбурга... потрясающее событие в моей жизни. Жесточайший голод в то время и, несмотря на это, безоговорочное непоколебимое доверие к своей власти — Советской власти. Потом с 1921 по 1932 г., когда я бывал там чаще, эти невиданные, гигантские, непередаваемые словами преобразования в стране в интересах рабочих и крестьян»².

В своих тюремных записках он писал: «Немецкое и коммунистическое не противостоят друг другу. Я не помышляю отойти от своих принципов хотя бы на миллиметр»³. Тельман подтвердил: «Коммунизм — это учение об освобождении рабочего класса. Но освобождение рабочего класса есть освобождение всего народа! Я горжусь, что боролся за это всю свою жизнь»⁴.

Эрнст Тельман с особой решительностью отклонил составленный верховной прокуратурой рейха меморандум «Коммунистические устремления к перевороту в Германии», как и все обвинения в том, будто КПГ проводила путчистскую политику. В письме следователю имперского суда, датированном 6 мая 1934 г., он заявил о своей приверженности делу социалистической революции и изложил марксистско-ленинскую теорию революции. Защищая политику партии от фашистских клеветников, он показал, что она служила прежде всего насущным интересам немецкого рабочего класса и всех других трудящихся слоев немецкого народа. «Непосредственной главной задачей партии было образование единого фронта рабочих в союзе с крестьянами и другими трудящимися, вовлечение большинства рабочих в борьбу против наступавшего национал-социализма... при этом все террористические выступления, любые

¹ IML, ZPA, NL 3/9.

² Ebenda, NL 3/11.

³ Ebenda, NL 3/9.

⁴ Ebenda, NL 3/13.

индивидуальные действия я считал губительными и несовместимыми с этой политикой, опиравшейся на массы».

В другом письме Эрнст Тельман заявил, что отвергает меморандум «в целом, поскольку он, за исключением соответствующих решениям ЦК формулировок и ссылок, как целое представляет собой карикатуру и извращение политики партии. Политика партии — это массовая политика, и она не имеет ничего общего с политикой путчей...

Партия борется, имея четкую программу. Мы хотим, чтобы рабочие и крестьяне взяли власть в свои руки, чтобы они полностью использовали ее в интересах народа, ибо время буржуазии прошло. Эта власть должна служить ликвидации капитализма, переводу в общественную собственность банков, крупной промышленности, судов, верфей, крупных поместий, огромных товарных запасов и т. д., чтобы все это стало достоянием рабочих, крестьян и других трудящихся. Центральной и главной задачей партии является завоевание на свою сторону большинства рабочих в союзе с другими трудящимися. Без выполнения этой гигантской задачи цель — осуществить в исторической перспективе победоносную пролетарскую революцию — недостижима. Но мы решительно против применения для достижения этой цели таких средств и методов, как перевороты, индивидуальный террор, авантюристические действия, поджоги, грабежи, нападения и покушения. Наша борьба — это политическая борьба за миллионные массы рабочих и трудящегося народа, которые мы стремимся привлечь на свою сторону при помощи нашей политики, письменной и устной агитации и пропаганды, путем парламентской и внепарламентской работы, с помощью митингов, демонстраций, забастовок, массовых движений и массовой борьбы. Эта революционная массовая политика неотделима от исторической постановки проблемы, которая состоит в том, при каких объективных предпосылках партия может в настоящее время выдвинуть вопрос о власти...

Поэтому неверно утверждение, будто мы в конце февраля (1933 г.) планировали переворот в Германии, абсурдно говорить о вооруженном восстании и о подготовке партии к восстанию. В действительности мы не занимались непосредственной подготовкой переворота; не было детально разработанного плана действий. Мы убеждены, что время вести открытую борьбу для нас еще не настало. ЦК не выдвигал практического лозунга о вооружении рабочих и не требовал этого.

Таким образом, мы не отрицаем революцию, мы считаем ее необходимой, и это единственная возможность добиться социального и национального освобождения. Мы работаем в этом духе и боремся за нее, но мы отвергаем заговоры...

Важная задача партии состоит в том, чтобы улучшить и расширить свою работу в массах при помощи агитации и пропаганды, повседневной борьбы и движений в поддержку и защиту насущных интересов рабочих и всех остальных трудящихся, чтобы, кроме

того, создать под руководством рабочего класса сильное революционное народное движение, задачей которого будет вовлечение все новых миллионов людей в борьбу за власть. Исторический переворот в Германии путем победоносной пролетарской революции мыслим только при опоре на миллионные массы рабочих и трудящегося народа, но не против них...

В заключение хочу заметить, что партия в своей политике энергично боролась против всех поветрий и тенденций заигрывания с революцией, против авантюристической романтики и интрижеских пополазновений в работе с массами. В повседневной политике, в пропаганде лозунга завоевания власти она не допускала возникновения в массах никаких сомнений в том, что завоевание исторической цели путем победоносной пролетарской революции возможно и мыслимо только при совершенно определенных объективных предпосылках»¹.

Это письмо, в котором Эрнст Тельман решительно отстаивал политику Коммунистической партии Германии, свидетельствует о том, насколько глубоко он проник в суть леппинской теории революции, о его способности мастерски применять марксизм-ленинизм в борьбе с классовым врагом. Письмо нацеливало на продолжение политики партии, на борьбу за завоевание большинства рабочего класса и создание широкого народного фронта.

В одной из своих записей Эрнст Тельман отмечал, что даже в момент установления гитлеровского господства следовало сохранять хладнокровие. Он гордился тем, что партия не совершила необдуманных, поспешных шагов. Важные доводы ему дал процесс о поджоге рейхстага: «Уже Лейпцигский процесс ясно показал, и это было признано всей мировой прессой, что КНПГ не планировала восстание, не говоря уже о поджоге рейхстага... Я широко использую Лейпцигский процесс». Поэтому он решил обязательно затребовать для своей защиты документы процесса о поджоге рейхстага.

Эрнст Тельман неустанно разоблачал фашистскую ложь о том, будто партия пропагандировала и применяла индивидуальный террор. «Любой террор и индивидуальные меры мы считаем губительными», — писал он. «Только сплоченная оборона рабочих была способна ослабить власть национал-социалистов. В партии проводилась идеологическая кампания в целях устранения имевшей место тяги к индивидуальному террору... Партийное руководство вело серьезную борьбу за искоренение террористических наклонностей»². Категорический отказ от индивидуального террора, разумеется, не означал, что рабочие безропотно позволят расстреливать себя или убивать холодным оружием. Эрнст Тельман зафиксировал множество примеров в доказательство того, что фашисты прибегали к террору и убийствам революционных рабочих.

¹ IMI, ZPA, NL 3/24.

² Ebenda, NL 3/9.

Он хотел подчеркнуть, что КПП призывала рабочих организовывать самооборону для защиты от нападения фашистов.

Важным в намеченной Тельманом линии на судебном процессе было его намерение решительно разоблачать фашистский режим. В его заметках есть запись: «По вопросу о политике гитлеровцев. Никаких уступок относительно роли находящихся на службе у капитала нацистов»¹. Фашизм необходимо разоблачать как открытую диктатуру финансового капитала, лишенную формальной демократической оболочки. Веймарскую конституцию выхлостили не коммунисты, а Гинденбург, Папеп и Гитлер, действовавшие по указке германского монополистического капитала, организовавшие государственный переворот 20 июля 1932 г., распустившие в 1933 г. рейхстаг, лишившие коммунистов депутатских мандатов и издавшие новые чрезвычайные декреты вплоть до передачи Гитлеру поста рейхспрезидента. Так называемую национальную революцию нацистов Эрнст Тельман намеревался охарактеризовать в соответствии с исторической правдой как установление террористического господства германского монополистического капитала.

Утверждению, будто коммунисты планировали вооруженное восстание, Эрнст Тельман собирался противопоставить пропаганду НСДАП, нацеленную на ликвидацию Веймарской республики. С помощью выдержек из речей и статей нацистских руководителей, в которых те призывали к уничтожению Веймарского государства, он имел в виду разоблачить лицемерие гитлеровской партии.

Чтобы убедительно показать классовый характер фашистской диктатуры, Эрнст Тельман глубоко изучил проблемы империализма. Книжки в тюремной библиотеке и фашистская пресса являлись скудными и к тому же тенденциозными источниками. Тем не менее, опираясь на свой богатый опыт классовой борьбы и глубокие знания марксизма-ленинизма, он провел значительную научную работу по исследованию сущности империализма и характера фашизма. Эрнст Тельман не только проанализировал развитие империализма в Германии и его характерные формы, он изучил также противоречия между империалистическими странами, прежде всего между державами-победительницами в первой мировой войне и Германией. Он особо отметил резкое усиление антагонизма между империалистическими государствами и социалистическим Советским Союзом.

Тельман показал, что эти противоречия таили в себе серьезную опасность новой мировой войны, прежде всего войны империализма против социализма, и что главным поджигателем войны являлся фашистский режим в Германии. Опиравшийся на высокопроизводительные силы германский империализм, писал Тельман, стремился занять в мире такое положение, которое соответствовало бы его экономическому потенциалу, но в этом стремлении он повсюду будет сталкиваться с другими империалистиче-

¹ IML, ZPA, NL 3/13.

скими державами. Борьба за передел мира еще не завершена. Более того, она обостряется. И все империалистические государства ищут выход из своих трудностей в борьбе против Советского Союза, против первой страны социализма. Речи, с которыми империалисты выступали в Лиге наций и на конференциях по разоружению, служили лишь маскировкой политики войны в отношении их собственных и других народов, прикрытием интенсивной подготовки к войне. Эрнст Тельман намеревался опровергнуть лицемерные разглагольствования империалистов о мире, прежде всего со стороны гитлеровцев, и доказать, что фашистский германский империализм стремился к переделу мира и мировому господству. Он хотел использовать процесс, чтобы сорвать маску с преступной политики германского финансового капитала и гитлеровцев, показать международной общественности их истинное лицо.

Эрнст Тельман глубоко раскрыл суть фашистской идеологии, прежде всего гитлеровского национализма. Исторический опыт подсказывал ему, что ясность в этом вопросе имела чрезвычайно важное значение для рабочего класса и других слоев трудящихся. Эрнст Тельман вновь и вновь возвращался в своих записках к традициям борьбы КПГ за решение национального вопроса, подчеркивая, что только коммунистическая партия — именно потому, что она руководствовалась принципами пролетарского интернационализма, — последовательно выступала за действительные интересы нации. Он разоблачал национальную демагогию нацистов и доказывал несовместимость их лицемерных лозунгов с интересами народа.

Как и ранее, Эрнст Тельман излагал отношение коммунистов к нации и отечеству: «Мы, коммунисты, любим свой народ и свою страну. Поэтому мы хотим освободить ее от капиталистического наемного рабства, от фашистской диктатуры, от концлагерей и порабощения. Мы любим свой народ и свою страну и поэтому боремся за советскую Германию, где рабочие и крестьяне наконец обретут свое отечество»¹. Для него как марксиста-ленинца национальный вопрос был прежде всего социальным, классовым вопросом. Он никогда не говорил просто о «нации», а всегда ставил вопрос так: какой класс является господствующим, тот класс и определяет судьбу нации. Теперь, находясь в застенке, он писал: «Мы боремся за свободную, социалистическую Германию. Мы признаем национальный вопрос. Сошлюсь на Ленина, который говорил о гордости великороссов, в то же время до конца оставаясь одним из величайших представителей интернационализма»².

Эрнст Тельман намеревался изложить на суде программное заявление ЦК КПГ о национальном и социальном освобождении немецкого народа от августа 1930 г. и противопоставить его фа-

¹ IML, ZPA, NL 3/13.

² Ebenda, NL 3/9.

нистской программе, ставшей с 1933 г. программой правительства. В своих записях он напоминал о том, что бедственное положение населения Германии в истекшие годы являлось прямым следствием империалистической политики. Чтобы отвлечь внимание людей от этого факта и под знаком борьбы против «позора Версаль» готовить новую войну в интересах немецкой буржуазии, вступив обманом в эту войну народные массы, гитлеровская партия извалила вину за бедственное положение народа на Версальский договор. В противоположность этому Тельман доказывал: «Мы были и остаемся единственной партией, которая действительно боролась и борется против Версаль. КПГ и Коминтерн отвергали Версаль еще до того, как была образована партия Гитлера... Но наша борьба против Версаль велась в интересах не буржуазии, а немецкого пролетариата, немецких трудящихся. Национализм не способен ослабить цепи Версаль, в конечном итоге он может лишь привести к империалистической войне»¹. Как отмечал Эрнст Тельман, милитаризм и национализм должны были затруднить трудящимся понимание их подлинных интересов и помешать им установить единство действий с рабочим классом других стран. Лишь победоносная народная революция преградит путь к войнам, исключит саму их возможность, устранив причины, которые лежат в основе империалистических войн. В то же время он писал: «Испытав на себе, что такое война, я не стал пацифистом. Я за военную оборону, но не в интересах капиталистического господства и не в целях его укрепления».

Эрнст Тельман исходил из того, что рабочий класс еще до завоевания политической власти является передовым борцом за подлинные национальные интересы. Он воплощает в себе не только социалистическое будущее нации и борется за него, но и защищает сегодняшние интересы народа от империализма. И эти интересы не противоречат интересам других народов, напротив, борьба за национальное и социальное освобождение представляет собой диалектическое единство. Не может быть национального суверенитета, самоопределения, не может быть отношений равноправия и сотрудничества между народами, если народы не ведут решительной борьбы против империализма. Эрнст Тельман хотел со всей определенностью высказаться на суде и о цели борьбы коммунистов. «Наша цель, пролетарская революция, есть средство для достижения более высокой цели — гарантировать подавляющему большинству действительную власть в государстве. Сущность пролетарского правительства состоит не только во взятии власти, но и в дальнейшем развитии на пути к социализму!» Но такое развитие может быть только результатом сознательных действий миллионов. «Пролетарская диктатура может быть установлена только основными слоями пролетариата в союзе с крестьянами и другими трудящимися, только она отвечает интересам

¹ IML. ZPA, NL 3/13.

трудящегося народа... Этот новый, социалистический строй несет в себе именно дух массового творчества, он вовсе не устанавливает формального и абсолютного равенства между людьми... Самые способные люди в государстве завоюют и займут свое место в нем».

Эрнст Тельман был убежден в победе социализма в Германии. Он подробно излагал свои мысли о «новом, социалистическом устройстве жизни». Мы находим в его записях заметки по основным вопросам социалистического строительства, изложенные большей частью в форме принципиальной полемики против социальной демагогии пацистов. Эрнст Тельман рисовал картину социалистического общества, которое он желал и для немецкого народа. Рабоче-крестьянское правительство он характеризовал как аппарат власти рабочего класса, как инструмент строительства социализма. Пролетарскую власть он представлял как государство, руководимое сотнями тысяч классово сознательных рабочих и крестьян, которым эта всемирно-историческая задача под силу, ибо их возглавляет революционная партия рабочего класса.

О цели борьбы коммунистов мы читаем в записях Эрнста Тельмана: «Передача власти в руки рабочих и крестьян. Важнейшие средства производства сделать общественным достоянием, превратить их в общественную собственность. Разъяснить все мероприятия в деталях, включая понятие рабочего контроля в связи с конфискацией значительных товарных запасов, жилья, банков, крупной промышленности, крупных имений и т. д., чтобы все это без остатка поставить на службу интересам рабочих, крестьян и других трудящихся».

Свои представления о социалистическом строительстве Тельман излагал прежде всего на основе хорошей осведомленности о практике социализма в Советском Союзе: «Живой пример показывает Советский Союз. 1. Партия. 2. Вовлечение всего рабочего класса в социалистическое строительство, в обеспечение его безопасности и обороны. 3. Неуклонное привлечение трудящихся крестьян и всех других работников. 4. Поддержка рабочих и трудящихся других стран. И какими средствами??? Не по приказу фюрера, а путем развития самостоятельности и инициативы масс, творческой деятельности масс в условиях пролетарской демократии, воплощенной в советах и массовых организациях при постоянном контроле снизу доверху путем систематической самокритики и руководства. В этой системе нет места для корысти, коррупции, наживы, эксплуатации и роскоши. Поэтому приверженцы капитализма и ведут против нее смертельную борьбу! Только ее победа положит конец кризисам и войнам, эксплуатации и бедности, ликвидирует проклятие подневольного труда!»

Ссылаясь на пример Советского Союза, Эрнст Тельман говорил о социалистической демократии, о социалистической культурной революции, о решении социалистическим обществом национального вопроса. Он излагал проблемы социалистического планового

хозяйства, функции социалистической внешней политики и вооруженных сил рабочего класса в социалистическом обществе.

Опираясь на пример первого социалистического государства, Тельман рассматривал также буржуазное понятие свободы, противопоставляя ему его марксистско-ленинское толкование: «Мы ставим в нашей программе вопрос: свобода от чего? свобода для чего? свобода для рабочих, для трудящихся крестьян, для всех трудящихся города и деревни; не для буржуазии, не для крупных землевладельцев и их свиты... Свобода бороться против капиталистической эксплуатации и порабощения. Итак, свобода от цепей капитализма и его орудий, свобода от наемной кабалы, от внутреннего и внешнего порабощения, свобода от угнетения со стороны государства, свобода для социализма, свобода для устранения противоположности между городом и деревней, между работниками умственного и физического труда, свобода для женщин вместо их крайнего бесправия, равноправие и подлинное равенство, не безграничная свобода, не безудержный, разнузданный произвол, а определяемая задачами пролетарского класса свобода».

Он постоянно подчеркивал, что речь здесь идет о постановке вопроса на классовую основу: «Итак, свобода, как и все политические понятия, воспринимается нами как классовое понятие». Затем он в деталях изложил различия между «свободой» при капитализме и свободой при социализме и коммунизме. Только при социализме возможно «широкое развертывание свободы в направлении высвобождения невиданных возможностей развития во всех областях», констатировал он, проиллюстрировав это примерами из политической, социальной и культурной жизни.

При всем этом Тельман всегда подчеркивал роль коммунистической партии как ведущей, направляющей и руководящей силы социалистического строительства: «Разумеется, все под руководством большевистской партии. На чем основывается право на руководство и как в то же время заводит и обеспечивает партия руководство? Это достигается тем, что массы, народ признают лозунги партии и осуществляют или пытаются осуществить их вместе с партией, они подчиняются руководству партии. Руководство передается, таким образом, рабочим, служащим и трудящимся крестьянам... Народ (без буржуазии), массы эксплуатируемых и угнетенных берут свою судьбу в собственные руки. Но они не могут сделать этого без партии: она собирает в своих рядах самых самоотверженных, самых активных, классово сознательных рабочих, она воплощает и собирает весь опыт всех революционных боев». Этот опыт является фундаментом революционной теории. «Поэтому принцип большевизма гласит: единство теории и практики — поэтому массы должны сами убедиться в правильности нашей политики, наших целей и наших методов»¹.

¹ IML, ZPA, NL 3/9.

Эрпст Тельман готовился к решительному опровержению антисоветских бредней фашистов. «Я выступаю как защитник Советского Союза»¹, — писал он. Тесная связь Тельмана с первой страной социализма, самой сильной и самой опытной партией мирового коммунистического движения — ВКП(б) — нашла отражение в его письмах и записках. «Мы с гордостью заявляем о своей приверженности пролетарскому интернационализму и Советскому Союзу». Отношение коммунистов к Советскому Союзу не означает «зависимости от Москвы», о чем лживо твердила фашистская пресса, а «глубочайшее братское единение на всей планете»; Москва является «центром, который воплощает в себе торжество социализма и будущее человечества».

С чувством глубокой убежденности он констатировал: «Великое чудо XX столетия» — это строительство социализма. «Чтите народ, который сумел сбросить оковы капитализма и построить социализм». Тельман подчеркивал большие успехи народов Советского Союза, достигнутые под руководством ВКП(б) в борьбе против мирового империализма. При этом он записал слова Ленина о том, что после установления диктатуры пролетариата Советская власть оказывает основное воздействие на международную революцию своей хозяйственной политикой. На Российскую Советскую Республику, писал Тельман, обращены взоры всего мира. Это гениальное предвидение Ленина о международном воздействии социалистического хозяйствования в Советском Союзе уже давно великолепно подтверждено историей. Ныне миллионы и миллионы эксплуатируемых во всех странах мира видят в социалистическом плановом хозяйстве Советского Союза блестящий пример революционного выхода из бедствий и нищеты, которые несет с собой капиталистический кризис. Для Тельмана развитие Советского Союза являлось «живым примером для настоящего и будущего». С этих позиций он собирался выступать перед судом.

В ходе подготовки к процессу Тельман глубоко проанализировал связь между социализмом и миром, охарактеризовав Советский Союз как самую могучую державу мира, как надежду народов в борьбе против опасности империалистических войн. Он подчеркивал, что защита Советского Союза от агрессивных устремлений империалистических держав должна быть делом всех передовых людей, особенно рабочего класса всех капиталистических стран. Поражение Советского Союза повлекло бы за собой разграбление и порабощение всех народов. Война против Советского Союза, этого оплота мира, была бы еще более реакционной, чем любая другая война, развязанная империалистами. Тельман хотел предостеречь от военной политики гитлеровского режима, которая была направлена прежде всего против первой страны социализма. Как он отмечал, обеспечение мира зависит от воли и решительной борьбы народных масс против империалистической войны и от всестороннего укрепления Советского Союза.

¹ IML, ZPA, NL 3/13.

Для Германии дружба с Советским Союзом жизненно необходима, подчеркивал он. Для нас «здесь имеет место полное совпадение наших интересов в подлинном освобождении Германии, которое, кстати, может быть обеспечено в союзе с Советским Союзом, с интересами развития человечества, интересами рабочих и крестьян Советского Союза, с их достижениями и с интересами их государства. Здесь речь идет не о государственно-правовых вопросах, а о полном совпадении интересов». Советский Союз не является для немецкого трудового народа «чужой, враждебной силой», как утверждали фашисты. Между немецким народом и народами Советского Союза нет противоречий. «Защита Советского Союза является защитой кровных интересов рабочих и трудящихся Германии... Советский Союз... один против Версаля, один — за национальное самоопределение с правом на полную автономию и отделение... Вся политика Советского Союза — это политика мира»¹.

Эти записи свидетельствуют о том, что Эрнст Тельман хотел использовать судебный процесс для передачи рабочему классу Германии опыта партии большевиков, во всеуслышание сказать правду о Советском Союзе, сорвав покровы нацистской лжи. Он давал рекомендации руководству КПГ, как можно было бы улучшить эту работу даже в сложных условиях подполья, подчеркивая, насколько необходимым было это именно теперь, когда вся пресса и радио Германии развернули безудержную кампанию лжи и клеветы против марксизма-ленинизма и Советского Союза. Эрнст Тельман с озабоченностью предостерегал: «Существует серьезная опасность того, что немецкий народ, и особенно немецкие рабочие, которые не слышат и не читают ничего другого, окажется в плену антирусских настроений». И он спрашивал: «Следует ли удивляться тому, что в обстановке разнузданной травли Советского Союза, под влиянием потоков лжи и фальсификаций в прессе и со стороны заправил НСДАП относительно существующих там фактов имеют место и не могут не возникнуть подобные настроения в массах?»²

Фашистские власти подобрали для процесса многочисленных «свидетелей», в большинстве это были гестаповские чиновники и шпики³. В то же время все свидетели со стороны Эрнста Тельмана были отведены или «не могли предстать перед судом». Он писал: «Ион Шеер был избит, от него пытались добиться признания, что... в его архиве были найдены компрометирующие меня документы. (Он не сознался.) Поэтому был расстрелян».

Но процесс все еще не начинался. На запросы из-за рубежа судебные органы отвечали, что нужно время, поскольку-де все еще поступают «новые обвинительные материалы». Два с половиной года пребывания под следствием и допросы в гестапо не сломили Эрнста Тельмана. Уверенность в конечной победе своего

¹ IML, ZPA, NL 3/9.

² Ebenda, NL 3/14.

³ Vgl. ebenda, NL 3/18.

дела была решающим источником его силы. В это столь тяжелое для него время он писал: «Пусть они пагромождют руины... пусть разрушают то немногое, что мы успели создать. Но как ни велики трудности и страдания на этом пути, мы уверены в победе»¹.

6

«Но я верю в торжество правды»

Мысли и чувства Эрнста Тельмана, его сердечные отношения с родными, настроения в годы заключения и несгибаемая воля коммуниста отражены в его письмах жене, дочери, отцу, пока тот был еще жив, и другу отца. Эти письма свидетельствуют о твердости характера Тельмана, о его любви к жене и дочери. Эти письма проливают свет на черты характера, симпатии и наклонности Тельмана, о которых почти ничего не было известно в предыдущие годы его напряженной политической деятельности. Письма позволяли ему в промежутках между свиданиями дать какой-то выход наполнявшим его мыслям и чувствам. Он тщательно продумывал содержание писем, переписывал их заново, чтобы оставить себе копию.

О значении, которое придавал переписке Тельман, говорит его письмо к жене от 18 августа 1935 г.: «Искусство писать письма обнаруживается не в форме, оно заключается в том, чтобы передать настроение, выразить участие, сердечную теплоту, внутреннюю, тесную жизненную связь. Даже полнейшее одиночество порой обогащает человека мыслями...»² Каждая строчка его писем проникнута желанием поделиться мыслями с женой. Многие из того, что он хотел сообщить, нельзя было излагать открыто. Поэтому, чтобы обойти цензуру, он писал свои письма «эзоповским языком». И тем не менее некоторые письма возвращались назад или частично вымарывались. Письма его родных также подвергались строгому контролю. В письмах Тельмана жене мы нередко читаем, например: «На второй странице твоего письма цензура кое-что зачеркнула»³.

Известия, которые Эрнст Тельман получал от своей семьи, помогали ему легче переносить тяготы заключения. В канун рождества 1933 г. он писал: «Моя дорогая Роза! Твое милое письмо от 10.XII я получил вовремя и прочел его с огромным душевным волнением. Твои строки напоминают мне о тех счастливых, хотя и часто трудных часах, которые мы совместно пережили на Слмссенштрассе. Пусть и это, быть может, самое тяжелое испытание в нашей судьбе также объединяет и связывает нас друг с другом, как это было всегда в нашей жизни»⁴.

¹ IML, ZPA, NL 3/9.

² Тельман Эрнст. Письма из тюрьмы родным и близким, с. 98.

³ Thälmann Ernst. Briefe aus dem Gefängnis, S. 28.

⁴ Тельман Эрнст. Письма из тюрьмы родным и близким, с. 31.

Когда Эрнст Тельман находился в фашистском застенке уже более года, а процесса все еще не было, его письма отражали порой нетерпение, недовольство, иногда и состояние подавленности. Так, 5 апреля 1934 г. он писал: «Твое последнее письмо от 22.III я прочел с большой радостью. Кроме того, получил к пасхе вашу открытку, открытку от Рудольфа и одну открытку из Берлина. Ты едва ли поймешь, почему я так долго молчал и не отвечал на твои последние письма. Даже мне очень трудно дать на это исчерпывающий и беспристрастный ответ. Мое молчание ни в коем случае не упрек и не обида по отношению к тебе, оно объясняется исключительно тем положением, в котором я нахожусь вот уже больше года. Беспокойство о вас, о будущем Ирмы и т. д., размышления о многом, что я пережил и сделал в последнее время, тоже способствуют тому, что я начинаю душевно страдать. При этом, сам того не желая, иногда становишься совершенно апатичным.

Пасха, праздник пробуждения природы... прошла здесь тихо, почти беззвучно. В страстную пятницу, в страстную субботу и оба дня пасхи здесь было очень спокойно, временами мертвая тишина, только иногда услышишь хлопанье форточки или глухой стук закрываемых тюремных дверей. На дворе обычное чириканье воробьев, и лишь изредка черный дрозд пропоет свою знакомую песню. В первый день пасхи, после обеда, безоблачное небо заполнили самолеты, и их гудение, длившееся несколько часов, прервало безмолвную тишину. В самой камере полнейшее одиночество; порой в полдень маленький, безобидный и усердный паук повиснет в желтых, как колосья, лучах солнца между железными прутьями решетки и плетет свою паутину. Отрезанный почти от всех людей, подвергнутый долгой изоляции, вдали от жизни немецкого народа, живу и прозябаю я здесь»¹.

Любовь к природе, внимательное наблюдение за тем, что его окружало, помогали Тельману бороться с таким настроением. В сентябре 1934 г. он писал жене: «Хорошо бы немного побыть вместе с тобой на солнце и свежем воздухе! Только здесь учишься ценить, что значит для человека красота природы. Пожалуй, никому окружающий его ландшафт не кажется таким просторным, как заключенному тюремный двор, где он на коротком пути, по которому ему разрешено ходить полчаса ежедневно, невольно отыскивает глазами все те частицы живой природы, какие только приютились на этом дворе: несколько затерявшихся среди травы цветов, медленно опадающих, ставшие желто-коричневыми листья на одиноко стоящих деревьях, воробьев, тут и там подбирающих хлебные крошки, брошенные заключенными, трудолюбивых муравьев, защищающих свою неоконченную постройку, может быть, паука, плетущего свою паутину в окне подвала. Чем уже полоска природы, ограниченная стенами тюрьмы, тем просторнее

¹ Тельман Эрнст. Письма из тюрьмы родным и близким, с. 32—33.

кажется заключенному этот пейзаж тюремного двора, наслаждаться которым он может лишь полчаса на воздухе и солнце, в дождь и ветер»¹.

Эрнст Тельман много думал о своей дочери Ирме. Он знал, что в условиях фашистской диктатуры ей, дочери «вождя коммунистов», придется нелегко. 24 октября 1934 г. Тельман спросил у жепы: «Понимает ли она то, что происходит? Понимает ли она все то, что произошло? Думаю, что да! Кажется, и она принимает мое дело близко к сердцу... Твоя обязанность как матери очень велика, ведь на тебе одной лежит вся ответственность за воспитание и благополучие нашего ребенка. Думаю, что Ирма это понимает, умеет ценить и проявляет послушание. Увидевшись с ней, я почувствовал, как у меня темного согрелось сердце; мысль о том, что снова долго придется быть вдали от нее, уже не так тяжела, ибо я знаю, что она меня понимает»².

В письмах Эрнст Тельман старался по-отечески влиять на свою дочь. В них много любви, стремления помочь ей обрести силы и жизни, борьбе: «Ни один шаг в твоей юной жизни не принесет тебе ничего в готовом виде, каждый шаг в ней требует напряжения, размышления, гибкости, стойкости. Нет успеха без усилий и труда. Сначала посей, потом пожнешь! Практическая деятельность и творческий подход — вот лучшие учителя в школе жизни. При этом очень важно вырабатывать в себе свободное самосознание, чтобы в нужный момент быть и работать там, где это необходимо. Я вспоминаю здесь умные слова немецкого поэта Вальтера фон дер Фогельвайде: «Кто убьет льва? Кто сразит великана? Кто одолеет того или другого? Это сделает тот, кто обуздает самого себя». Важнейшей основой успешного воспитания человека является формирование его характера. Поэт как-то сказал: «Лучше пылать одним ярким пламенем, чем мерцать десятком блуждающих огоньков»... Судьба требует борьбы, она мстит за любую попытку увильнуть от борьбы, воспринимать жизнь как игру... Дорогая Ирма, самокритично проверь свой жизненный путь, свои дела и цели. Такая проверка будет не только повышать твою веру в собственные силы, но и содействовать развитию воли и закалке твоего характера.

Самые сложные задачи, которые ставит перед нами жизнь, решаются не только трудом и прилежанием, к последним должно присоединяться еще и желание работать, делающее работу неотъемлемой и необходимой»³.

По переписке с дочерью можно судить и об углубленных занятиях Эрнста Тельмана литературой, он давал ей советы, как овладевать шедеврами мировой литературы: «Твое последнее письмо побудило меня задуматься над тем, что ты и твоя дорогая мама

¹ Тельман Эрнст. Письма из тюрьмы родным и близким, с. 41—42.

² Там же, с. 45—46.

³ Там же, с. 49—50, 51.

могли бы еще сделать, чтобы познакомиться с шедеврами Шекспира не только путем внимательного чтения их, но и как-нибудь еще. Твои предложения хороши, только вот еще отдельные указания для поддержки и подтверждения. Разумеется, целесообразно не только читать самые значительные пьесы Шекспира, но и сопереживать их в театре. Внутренняя напряженность его живых картин, его типические характеры, исполненные страстей, уже сами по себе составляют предпосылки для необыкновенных переживаний в театре... Мы должны ходить в театр с желанием увидеть отношения и судьбы других людей, как нечто чужое в тем не менее как свое. Там показаны как звенья самой судьбы человека типические характеры, воплощенные в драматические образы, ценность личности, формы ее нравственного поведения. Чувство действительности, с которым Шекспир представил образы людей, раскрывает тесную взаимосвязь между характером, страстью, судьбой. Драмы Шекспира — это зеркало самой жизни. Они не утешают нас, но учат понимать человеческое бытие так, как ни одно другое произведение европейской литературы»¹.

Монотонно текли дни в тюрьме. Нужны были постоянные усилия воли, чтобы выдержать это, сохранить ясность мысли. Невыносимо было месяц за месяцем, год за годом проводить в отрыве от работы. Мысли о готовившемся процессе, чтение книг и газет не могли заменить пустоты длинной вереницы дней. 20 мая 1935 г. он писал Розе: «...этот листок бумаги снова образует мост, соединяющий меня с внешним миром, реальность которого я постоянно перестаю ощущать. Я глубоко восхищаюсь твоим безграничным мужеством, с которым ты постоянно пытаешься ободрить и поддержать меня. И это действительно вселяет в меня бодрость и отраду, поскольку я не отношусь к числу холодных, бесчувственных людей. Твои письма пампого облегчают мою судьбу, дают мне больше спокойствия и силы, чем ты сама предполагаешь. К счастью, ты не можешь представить себе, какая безотрадная тупость охватывает меня здесь, в камере, какое тяжелое настроение овладевает мной временами, когда стены как будто начинают давить меня... К тому же ежедневное общение с одним из надзирателей, который мыслит и действует почти механически. Правда, сменяющий его надзиратель, хотя и исполняет свои обязанности с такой же неукоснительной строгостью, как и первый, все же улучшает мое настроение на несколько часов в день. С 6 часов вечера до 7 часов утра здесь всегда тишина, как в деревне. Этот тюремный мир тоже знает радости в горести, но они выглядят по-другому, чем в мире свободы.

Мы, заключенные, испытываем радость и горе, боль и подлость. Радость приносит порой участливое, дружелюбное слово надзирателя, прогулка по тюремному двору при свете солнца, хорошая порция картофеля в мундире с селедкой, чтение газет и

¹ Тельман Эрнст. Письма из тюрьмы родным и близким, с. 52—53.

некоторых книг. Радость приносит свидание, добрая весточка, сообщение прессы о некоторых событиях в мире, особенно же письмо или открытка с любимой, дорогой родины. Радость вселяет надежда на будущее, вера в правоту своего дела.

Судьба может быть жестокой, может даже духовно подавить человека, если его дух не оказывает сопротивления ее давлению; судьба может поколебать его и довести до отчаяния. Но я верю в торжество правды, и эта вера поддерживает меня в тех испытаниях, через которые мне приходится теперь проходить... Как ни трудно переносить это одиночество и тяжелое бремя, я буду смелым и мужественным, ибо знаю, что непреклонная воля и твердая вера сворачивают горы...»¹

У Эрнста Тельмана была эта воля. Он умел замечать прекрасное, как ни мало места было для этого в заключении. Глубина чувств, сила воли помогали ему сохранять стойкость и выдержку. Постоянным источником мужества и стойкости для него являлись также воспоминания о прошлых годах борьбы: о демонстрациях Союза красных фронтовиков, о спортивных и молодежных встречах, о которых он писал Розе в письме от 10 июня 1935 г.: «Троица! Пять часов. Меня охватывает сумрачная мгла. Встаю у стены под окном, глотаю свежий утренний воздух, смотрю в окно камеры, через три ряда железных прутьев, в далекую синеву неба.

Легкая дымка заволакивает небо, кое-где по нему быстро проносятся белые облака. Вот и проглянуло утреннее солнце, солнце троицы, возвещающая начало троицына дня. Светло и прекрасно засияло утро. Яркий утренний свет падает на одну половину тюремной стены и окрашивает ее в искрящийся васильковый цвет, в то время как другая половина еще лежит в фиолетовой тени.

Кругом царит глубокая тишина. Только птицы поют свои утренние песни. В голубом просторе стремительно проносятся ласточки, сверкая иногда в прекрасных солнечных лучах.

В самой глубине моей души рождается мысль о том, как все же мал и пустынен этот здешний мирок, эта пустота безлюдья и одиночества. Стою, охваченный раздумьем, совсем тихо и безмолвно. Вдруг издали до меня доносятся эхо пронзительных свистков локомотива. Дорогая родина! Вновь вспоминаю твой далекий образ. Передо мной проходят живые, широкие, незабываемые картины прежних троиц. Вот уже третью троицу вынужден я пережить, прозябая в этом давящем и оупляющем тюремном мире; каким длинным кажется мне этот отрезок времени, но вместе с тем как быстро бежит время! Когда же наконец придет тот счастливый час, то новое троицыно утро, утро золотой свободы?»²

¹ Тельман Эрнст. Письма из тюрьмы родным и близким, с. 90—92.

² Там же, с. 93—94.

В то время как Эрнст Тельман находился в одиочном заключении в берлинской тюрьме Моабит и готовился к процессу, в мировой политике, в германском и международном рабочем движении происходили важные события. Фашистская Германия перешла к открытому вооружению, санкционированному империалистическими державами Запада в надежде, что это вооружение в конечном итоге будет направлено исключительно против Советского Союза.

События в Германии, особенно попытка нацистов разгромить рабочее движение, преследования не только коммунистов, но и социал-демократов и членов профсоюзов, создали новую обстановку для коммунистов, стремившихся сплотить в борьбе против фашизма все демократические силы.

В феврале 1934 г. рабочие Австрии поднялись против клерикально-фашистской диктатуры. Во Франции, где под руководством ФКП действовал единый фронт рабочих и других трудящихся, был сорван фашистский путч. Там ширилось формирование единого и пародного фронта. В Испании в 1934—1935 гг. под влиянием коммунистической партии возникли зачатки единого рабочего фронта против фашистской угрозы. В Италии, где рабочее движение было вынуждено действовать в подполье, коммунистической партии удалось достичь соглашения с социалистической партией.

Но наиболее важное значение имело бурное развитие СССР. В Советском Союзе победил социализм. Советское государство стало социалистической великой державой, которая благодаря успехам рабочих и крестьян оказывала существенное воздействие на международную обстановку.

Коммунистическая партия Германии перешла на пелегальное положение. Она понесла огромные потери в результате фашистского террора. Многие ближайшие соратники Тельмана, в том числе Эрнст Пугт, Ион Шеер, Ойген Шёнгар, Фите Шульде, Рудольф Шварц, Эрих Штайнфурт, Франц Штепцер, были убиты фашистами. Десятки тысяч коммунистов были брошены в тюрьмы, отправлены на каторгу, заключены в концлагеря или эмигрировали. И все же партия сохранила единство и сплоченность. Возникли новые партийные комитеты, запово формировались партийные организации. В них работали люди, созревшие в рядах КПГ политически, когда во главе партии стоял Тельман, оказавший решающее влияние на их формирование. Как отметил на VII конгрессе Коминтерна Франц Далем, только КПГ «высоко несла в Германии знамя революционной классовой борьбы, сохранив честь рабочего класса... В тяжелейших условиях подполья

паша партия была способна на проявление такого героизма только потому, что во главе ее в течение ряда лет стоял большевик Тельман»¹.

КПГ была единственной, имевшей центральное руководство, организованной политической силой Германии, которая вела последовательную борьбу против фашистской диктатуры. Вокруг подпольных организаций КПГ начали собирать свои силы другие антифашисты. Во многих местах коммунисты работали в сотрудничестве с социал-демократами, членами профсоюзов и верующими трудящимися. К их борьбе присоединялись представители интеллигенции и противники Гитлера из буржуазных слоев.

Установление фашистской диктатуры в Германии и тяжелое поражение немецкого рабочего класса, с одной стороны, успехи единого и народного фронта, прежде всего во Франции и Испании, с другой, всесторонне обсуждались в руководстве Коммунистического Интернационала и во всех коммунистических партиях. Речь шла о вопросах, имевших решающее значение для международного рабочего движения, для миролюбивых людей всего мира: было ли установление фашистской диктатуры в Германии неизбежным, каким путем можно было бы свергнуть фашизм в Германии, как преградить ему путь в других странах. В дискуссиях о характере и формах этой борьбы, которые соответствовали бы сложившемуся тогда соотношению классовых сил, дело доходило порой до острой полемики с людьми, проявлявшими узкий, сектантский подход.

На VII Всемирном конгрессе Коминтерна, который первоначально намечался на вторую половину 1934 г., предполагалось завершить эту дискуссию, обобщить опыт борьбы коммунистических партий против фашизма, выработать политику мирового коммунистического движения против фашизма, милитаризма и войны, за мир, демократию, национальное освобождение и социализм в соответствии с новыми условиями классовой борьбы. Георгий Димитров и другие руководящие деятели Коминтерна проделали большую работу по подготовке конгресса. Некоторые важные соображения были по инициативе Димитрова направлены через Розу Тельман на рассмотрение Эрнста Тельмана.

Тельман написал в ответ обстоятельное письмо, которое тем же путем было доставлено в Политбюро КПГ и в ИККИ. В этом письме он подводил итог своим размышлениям со времени установления в Германии фашистской диктатуры. Вначале он рассматривал новую обстановку, возникшую в результате захвата фашистами власти, а также последствия этого для немецкого и международного рабочего движения. Тельман отмечал, что многие новые моменты в развитии мировой обстановки можно было правильно понять только во взаимосвязи с изменениями, происшедшими в Германии после 30 января 1933 г. Это особенно отно-

¹ VII. Kongreß der Kommunistischen Internationale. Gekürztes stenographisches Protokoll. Moskau, 1939, S. 80.

силось к политике единого фронта, поскольку доводы коммунистов в ее пользу находили теперь гораздо более благоприятную почву, чем раньше, в правильности этих доводов на собственном опыте убеждались и социал-демократы. Успехи политики единого фронта, считал Тельман, «были бы значительно меньшими, если бы в Германии не была установлена фашистская диктатура. (Конечно, это не следует понимать таким образом, будто это хорошо; но факт установления в Германии гитлеровской диктатуры существенно изменил соотношение сил в Европе и во всем мире.) Но несмотря на это, в рабочем движении чрезвычайно важных стран наблюдался новый резкий подъем...».

Далее Эрнст Тельман рассматривал вопрос о борьбе за единство действий рабочего класса: «Призыв рабочего класса к единству и сплочению требует от VII Всемирного конгресса особого внимания к этой сложной работе и важным задачам». Он предлагал усилить работу среди рабочих — членов СДПГ с целью их привлечения к революционной борьбе. Кроме того, надо было обдумать, не следовало ли Всемирному конгрессу предпринять новые инициативы по созданию единого фронта рабочего класса. «Борьба против фашизма требует сплоченности, боевой солидарности и единства рабочего класса в каждой стране и во всем мире».

Особенно важное значение для единства действий в борьбе с фашизмом имело единство профсоюзов. Поэтому Тельман предлагал: «Следовало бы даже прикинуть, возможно ли в отдельных местах и в отдельных странах поднять вопрос о единстве профсоюзно-политической борьбы. Само собой разумеется, с далеко идущими организационными последствиями!!! Это не обязывающее предложение, и его следует рассматривать с учетом общей обстановки и конкретных условий. Естественно, обязательной предпосылкой является прочность принципов партий, которые берутся за осуществление столь широких акций».

Эти предложения Эрнста Тельмана совпадали с соображениями ИККИ относительно установления единства действий рабочего класса. Опыт Председателя КППГ, накопленный им главным образом в 1930—1933 гг., подсказывал ему, что в борьбе за объединение рабочего класса следовало исходить из ближайших общих интересов и задач борьбы против империализма и фашизма. Этот вывод он сделал еще в 1932 г., положив его в основу дальнейшей политики КППГ. В письме Тельман развивал свои мысли, высказанные в беседе с социал-демократическими функционерами летом 1932 г.: путь к единству должен идти прежде всего через сотрудничество рабочих организаций в борьбе за достижение совместных целей в интересах рабочего класса; это сотрудничество приведет в конечном итоге к революционному сплочению.

Особое значение для организации совместных выступлений, по мнению Эрнста Тельмана, имело следующее: «Последним предложением для Всемирного конгресса является продолжение

и интенсивное углубление кампании за освобождение политзаключенных. Здесь надо особо выделить и подчеркнуть долг и необходимость, в силу солидарности, мужественно и энергично выступить в их защиту, особенно наших братьев по классу — социал-демократических рабочих и функционеров. Они проявили себя в Австрии, а также здесь, в Германии (за некоторыми исключениями), как честные классовые борцы, идущие в одном с нами строю, как наши товарищи по несчастью и сторонники по борьбе. Это усилит и повысит наш авторитет и доверие со стороны социал-демократических рабочих всего мира, облегчит нам привлечение рабочих на сторону сил, выступающих за единство действий и объединенных единой революционной волей в борьбе против фашизма и опасности войны».

Эрнст Тельман высказался и по другому вопросу. Он считал, что политика коммунистов может быть действительной лишь в случае, если она будет излагаться понятно. Сухой стиль резолюций никого не может воодушевить. Язык статей и других публикаций, указывал он, должен быть более народным и более понятным для рабочих. «Известную абстрактность языка, безусловно, при всех обстоятельствах необходимо устранить». Необходимо также при выработке аргументации лучше учитывать конкретные обстоятельства и факты, например националистическую демагогию фашистов; следует усилить национальную окраску аргументации, «без каких-либо нарушений при этом твердого принципа нашего мировоззрения». В резолюциях конгресса по различным странам не следует бояться «говорить о трудовом народе, о нации грядущего социализма действия, о национальных требованиях и т. д... Мы должны сказать, что такое народ: это рабочие, служащие, чиновники, крестьяне и среднее сословие, но без промышленных, финансовых и банковских грабителей, без аристократии и крупных землевладельцев».

Проблемы, поднятые Эрнстом Тельманом в его подробном письме, находились также в центре международной дискуссии коммунистических партий. Их прояснение потребовало переноса VII Всемирного конгресса Коминтерна на середину 1935 г. Эрнст Тельман, который был поставлен об этом в известность Исполкомом Коминтерна и ЦК КППГ в то время, когда велась активная подготовка к его освобождению, заканчивал свое письмо оптимистически: «Перенос Всемирного конгресса — это великолепно. Я еще, пожалуй, смогу присутствовать на нем. Для меня это был самый большой подарок»¹.

Но его надеждам не суждено было сбыться. 25 июля 1935 г. в Москве открылся VII Всемирный конгресс Коминтерна, его делегаты единодушно избрали Тельмана в президиум и почетным председателем конгресса. Они приветствовали это решение бурными аплодисментами, скандировали приветствия в адрес Тель-

¹ IML. ZPA, NL 3/9. См. также: Новая и новейшая история, 1966, № 4, с. 104—105.

мана. В своем докладе «Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма» Георгий Димитров заявил: «Мы приветствуем с этой трибуны вождя германского пролетариата и почетного председателя нашего конгресса — товарища Тельмана»¹.

VII Всемирный конгресс, на котором с отчетным докладом ИККИ выступил Вильгельм Пик, а с докладами Георгий Димитров, Пальмиро Тольятти и Д. З. Мануильский, после широкой дискуссии принял важные решения, в которых получили дальнейшее развитие стратегия и тактика мирового коммунистического движения. Соответствовавшая новым условиям борьбы политика была изложена и обоснована прежде всего в докладе Георгия Димитрова. Его анализ обстановки и постановка задач исходили из оценки фашистского режима как открытой террористической диктатуры наиболее реакционных, наиболее шовинистических элементов финансового капитала. Германский фашизм Димитров охарактеризовал как самую реакционную разновидность фашизма, который взял на себя роль ударного кулака международной контрреволюции, главного поджигателя империалистической войны, зачинщика «крестового похода» против Советского Союза.

Фашизм, этот заклятый враг рабочего класса, говорил Димитров, смог прийти к власти, потому что рабочий класс был расколот вследствие проводимой лидерами социал-демократии политики сотрудничества с буржуазией, а коммунистические партии были недостаточно сильны, чтобы поднять массы на решительный бой с врагом помимо и против социал-демократии. К тому же коммунистические партии совершали ошибки в борьбе против фашизма.

Исходя из этого, конгресс обосновал необходимость добиваться сплочения рабочего класса, чтобы путем единых действий свергнуть фашизм там, где он побеждал, или преградить ему путь к власти. *«Единство действий пролетариата в национальном и международном масштабе — вот могучее оружие, которое делает рабочий класс способным не только к успешной обороне, но и к успешному контрнаступлению против фашизма, против классового врага»*².

Кроме того, необходимо было создать широкий антифашистский народный фронт, установить союз с трудящимся крестьянством и основной массой городской мелкой буржуазии. В случае если в борьбе против фашизма возникнет ситуация, когда самые широкие слои народа будут готовы выступить против фашизма, но еще не будут готовы бороться за диктатуру пролетариата, коммунистические партии должны поддерживать образование правительств единого и народного фронта, если эти правительства будут готовы действовать против реакции и фашизма. Борьба за мир была объявлена центральной задачей коммунистов.

¹ Димитров Георгий. Избранные произведения. В 2-х т., с. 613.

² Димитров Георгий. Избранные статьи и речи. М., 1972, с. 130—131.

VII Всемирный конгресс выработал гибкую и в то же время принципиальную стратегию и тактику. Он внес значительный творческий вклад в дальнейшее развитие марксизма-ленинизма, особенно в развитие революционной теории, преодолел имевшие место сектантские и догматические уклоны и создал предпосылки для действенной борьбы против империализма, фашизма и войны, для подготовки рабочего класса и его союзников к борьбе за власть. Решения конгресса подтвердили все основные соображения, высказанные Эрнстом Тельманом.

Делегаты орденами приветствовали переизбрание Эрнста Тельмана членом Исполкома Коминтерна. В новый состав ИККИ от КИГ в качестве членов вошли также Вильгельм Флорин, Фриц Геккерт и Вильгельм Пик, в качестве кандидатов в члены — Франц Далем и Вальтер Ульбрихт. Георгий Димитров стал Генеральным секретарем ИККИ.

Во время VII конгресса, несмотря на большую занятость руководящих деятелей Коминтерна, не прекращалась интенсивная кампания за освобождение Тельмана. 14 и 15 августа под председательством Клемента Готвальда состоялось совещание комиссии Бела Куна с представителями коммунистических партий, на которые возлагалась особенно большая ответственность за проведение этой кампании. В нем принимали участие уполномоченные Международного комитета борьбы за освобождение Тельмана, Международной красной помощи, Всемирного комитета борьбы против империалистической войны и Профинтерна. Как сказал, открывая совещание, Клемент Готвальд, речь шла об «усилении кампании за освобождение товарища Тельмана». Бела Кун доложил о проделанной работе, дал оценку ходу кампании и деятельности Международного комитета борьбы за освобождение Тельмана, а также значения VII Всемирного конгресса Коминтерна для борьбы за освобождение Эрнста Тельмана и других антифашистов. Он призвал к тому, чтобы борьба за освобождение Тельмана стала повседневной темой каждой коммунистической газеты. Кун указал на лицемерные маневры нацистов с целью успокоить возмущенную мировую общественность и подчеркнул: «Наш девиз гласит: пока вожди немецкого пролетариата Эрнст Тельман находится в руках фашистов, его жизни угрожает опасность. Этот девиз должен стать центральным в нашей кампании». Вильгельм Флорин говорил о выступлениях коммунистов и других противников Гитлера в Германии в поддержку движения солидарности с Тельманом. Он информировал представителей братских партий и организации солидарности о состоянии здоровья Эрнста Тельмана, которое несколько улучшилось после того, как он, судя по всему, преодолел тяжелые последствия истязаний. «В остальном я могу сказать вам, товарищи, что товарищ Тельман спокойно и решительно готовится к этому суду». Английский представитель Идрис Кокс заявил, что «интенсивность кампании за освобождение Тельмана» должна рассматриваться

«как мерило наших успехов в выполнении решений конгресса». Китайский делегат Ян Сун предложил, чтобы КПГ «по нелегальным каналам специально информировала товарища Тельмана о решениях VII конгресса»¹.

В результате этого совещания Секретариат ИККИ принял 21 августа 1935 г. «Решение о кампании за освобождение товарища Эрнста Тельмана». В этом документе указывалось, что фашизм намерен использовать суд над Тельманом для нанесения удара «по всему международному рабочему движению, по всем силам мира и прогресса». Поэтому «необходимо мобилизовать все силы коммунистических партий, чтобы непрерывно расширять и наращивать кампанию за освобождение Тельмана на основе широчайшего движения единого и народного фронта». Ко всем партиям Коминтерна был обращен призыв прямо или через комитеты борьбы за освобождение Тельмана и другие подобные органы обратиться ко всем социал-демократическим партиям, ко всем общественным организациям, к республиканским, протестантским, католическим, пацифистским и другим организациям и объединениям, а также к отдельным видным деятелям с предложением о совместной борьбе за освобождение Тельмана и других антифашистов².

Перед компартиями была поставлена задача оказывать всестороннюю поддержку Международному комитету борьбы за освобождение Тельмана. Секретариат ИККИ подчеркнул, что за руководство всей кампанией по-прежнему отвечает коммунистическая фракция этого комитета. После VII Всемирного конгресса Коминтерна проводить эту работу непосредственно было поручено члену Секретариата ИККИ Клементу Готвальду. Это свидетельствует о том, какое значение придавал Коминтерн борьбе за жизнь и свободу одного из своих самых видных руководителей.

После VII конгресса Коминтерна была предпринята новая инициатива по установлению сотрудничества с социал-демократическими партиями в борьбе против гитлеровского фашизма. По решению совещания в Москве в августе 1935 г. 29 августа Международный комитет борьбы за освобождение Тельмана обратился в Бюро Социалистического рабочего интернационала с письмом и предложил организовать совместные движения протеста против заключения Эрнста Тельмана и других антифашистов, а также наладить регулярный обмен информацией о террористических действиях фашистов. 31 августа секретарь Международного комитета борьбы за освобождение Тельмана Эрих Биркенхауэр вручил это письмо секретарю Бюро Социалтерна Фридриху Адлеру. Тот согласился с идеей обмена информацией и материалами, но отклонил предложение о проведении совместных акций, мотивируя тем, что это были бы политические демонстрации в пользу единого фронта с коммунистами.

¹ IML, ZPA, I 6/3/376.

² Ebenda, I 6/3/375.

КПГ обсудила решения VII конгресса Коминтерна на партийной конференции, проходившей с 3 по 15 октября под Москвой. Названное в целях конспирации «Брюссельской конференцией», это совещание имело характер съезда. Его делегаты, среди них находились также представители нелегально действовавших в Германии парторганизаций, рассмотрели вопрос о проведении политики, направленной на свержение фашистской диктатуры в Германии. В числе участников конференции были Антон Аккерман, Франц Далем, Филипп Денгель, Вильгельм Флорин, Вальтер Хенель, Фриц Геккерт, Вильгельм Кнёхель, Пауль Меркер, Карл Мевис, Вильгельм Пик, Элли Шмидт, Герман Шуберт, Фриц Шульте, Вальтер Траутцш и Вальтер Ульбрихт. Замещавший находившегося в заключении Председателя партии Вильгельм Пик выступил с докладом Политбюро об опыте работы КПГ и выводах, вытекавших из решений VII конгресса Коминтерна.

Вначале Вильгельм Пик дал анализ политики КПГ за период с начала мирового экономического кризиса. Он отметил правильность генеральной линии партии — линии последовательной борьбы против фашизма. КПГ, заявил он, вела неустанную борьбу за единство действий германского рабочего класса в борьбе против фашизма. Далее Пик подчеркнул: «Прежде всего, нельзя проходить мимо большого вклада, внесенного товарищем Эрнстом Тельманом как вождем партии в развитие ее массовой работы, в проведение ее революционной линии, в воспитание героических кадров, выдержавших испытание огнем в условиях ужасающего террора фашистской диктатуры»¹.

Вильгельм Пик отверг утверждения, что главное направление деятельности КПГ, ее борьба за пролетарскую революцию являлись неправильными. Он подчеркнул вывод VII конгресса Коминтерна, что ответственность за то, что рабочий класс не смог воспрепятствовать победе фашизма, несут прежде всего правые социал-демократические лидеры, проводившие политику классового партнерства.

Вильгельм Пик высоко отзывался о героической борьбе подпольных парторганизаций в гитлеровской Германии: «Мы можем с гордостью смотреть на наши кадры, воспитанные под руководством товарища Тельмана. Наши товарищи в стране проявляют не только стойкость, смелость и самоотверженность, но они также находят новые методы агитации в нелегальных условиях. Им принадлежит большая заслуга в том, что партия не была разбита и что не удалось подавить ее большевистский боевой дух»².

Вильгельм Пик всесторонне обосновал политику единого и переднего фронта, целью которой было привлечение к совместной борьбе рабочего класса и всех других противников Гитлера, включая представителей буржуазии, независимо от их политических

¹ Пик Вильгельм. Избранные статьи и речи, с. 135.

² Там же, с. 182.

убеждений и мировоззрений. В качестве ближайшей стратегической цели он назвал свержение фашистской диктатуры и образование правительства единого пролетарского фронта или антифашистского народного фронта.

С целью извлечения уроков на будущее Вильгельм Пик сделал критический обзор недостатков и слабостей в работе КПГ в прошлом, особенно ее оценок социал-демократии и тактики борьбы за единый фронт. Он отметил, что в ходе дискуссии о необходимых выводах из новых условий классовой борьбы после установления фашистской диктатуры в руководстве КПГ вновь проявились сектантские тенденции. Но с помощью Коминтерна их удалось ослабить и добиться первых успехов в политике единого фронта.

Вильгельм Флорин сделал доклад «Конкретное применение решений VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала». Антон Аккерман, Франц Далем и Вальтер Ульбрихт выступили по поручению Политбюро с содокладами. В прениях делегаты подпольных парторганизаций из Берлина, Бремена, Франкфурта-на-Майне, Гамбурга, Верхней Силезии, Рейнско-Рурской области, Саарской области и Саксонии рассказали о своем опыте борьбы против фашистского германского империализма, что в решающей мере содействовало окончательному преодолению сектантства и догматизма.

Брюссельская партийная конференция направила Эрнсту Тельману приветствие, в котором говорилось: «Твоя стойкость и выдержка, твоя способность понимать народные массы и говорить их языком, твой неослабевающий интерес к волнующим весь трудовой народ вопросам являются для нас примером в борьбе за создание единого пролетарского фронта и антифашистского народного фронта, путь к которым нам указал товарищ Димитров»¹. Эрнст Тельман вновь был избран Председателем Коммунистической партии Германии. Конференция поручила Вильгельму Пиду исполнять его обязанности в период заключения Тельмана. Вместе с ними членами Политбюро были избраны Франц Далем, Вильгельм Флорин, Фриц Геккерт, Пауль Меркер и Вальтер Ульбрихт.

Исполком Коминтерна и руководство КПГ нашли возможность проинформировать Эрнста Тельмана о результатах VII Всемирного конгресса и Брюссельской конференции. Ему сообщили, что все его основные рекомендации в адрес VII Всемирного конгресса и особенно Брюссельской партконференции были учтены. Эрнста Тельмана проинформировали о новой стратегической цели КПГ в борьбе за свержение гитлеровского режима и ознакомили с новыми шагами партии по установлению единства действий с социал-демократами и созданию антифашистского народного фронта. Все эти решения получили его одобрение.

¹ IML, ZPA, I 4/113/31.

VII Всемирный конгресс Коминтерна дал заметный толчок международному движению солидарности с Эрнстом Тельманом. Были предприняты новые шаги, чтобы разоблачить перед мировой общественностью обвинение Тельмана фашистским судом как преступный заговор. Одним из кульминационных пунктов этой кампании был Международный юридический конгресс, проходивший в Париже с 30 ноября по 1 декабря 1935 г.

По приглашению Международного объединения юристов и Лиги борьбы за права человека в конгрессе приняли участие 300 юристов и других ученых из 15 стран. В Париже собрались люди различных мировоззрений, в большинстве это были представители буржуазных кругов. В президиуме конгресса находились, в частности, Георг Брантинг из Швеции, Рудольф Брейтшейд из Германии и французский министр Пьер Кот. Участники встречи рассмотрели «правовое» положение в Германии, особенно в области уголовного права, положение евреев и вопрос о процессе над Тельманом. Приводившиеся в докладах факты разоблачали гитлеровское варварство. Известный английский политический деятель лейборист Гарольд Ласки выразил общее мнение большинства участников конгресса, заявив: «Этот вопрос касается не только Тельмана, не только отдельного человека. Если Тельман будет казнен, то умрет не только он, умрет идея права в цивилизованной Европе. То, что происходит в Германии, является наступлением на все право и всю цивилизацию».

В распоряжении Международного юридического конгресса имелся текст обвинительного заключения против Тельмана. По поводу этого документа юристы приняли резолюцию, в которой, в частности, говорилось:

а) Обвинение не отвечает составу преступления, достаточно-му согласно закону для обвинения в государственной измене или в попытке совершения этого преступления.

б) Обвинение не может основываться на «духовных побуждениях» или на «преступных намерениях», т. е. на том, что прямо противоположно юридическим понятиям.

в) В процессе по делу о поджоге рейхстага... перед лицом общественности уже доказана полная несостоятельность обвинения партии Тельмана в индивидуальном терроре.

г) На Лейпцигском процессе перед всем миром были разоблачены обвинители, пытавшиеся представить поджог рейхстага как сигнал к восстанию. Выдумка о вооруженном восстании, в подготовке которого они пытались обвинить партию Тельмана, уже давно опровергнута фактами, оправданием подсудимого...

Поэтому конференция требует освобождения Тельмана и всех

противников национал-социалистского режима, которые были арестованы или осуждены в качестве таковых и по тем же причинам, что и Тельман»¹.

Международная конференция юристов призвала юристов всего мира сделать защиту Эрнста Тельмана от бросившего вызов правосознанию цивилизованного общества суда делом своей чести.

2 декабря 1935 г., на другой день после завершения конференции юристов, состоялась совместная демонстрация 3000 парижских коммунистов, социалистов и других демократов против гитлеровского фашизма. Также в декабре в связи со второй годовщиной освобождения Димитрова в Париже состоялось собрание, созванное Международным комитетом борьбы за освобождение Тельмана. Представители разных слоев населения и различных политических убеждений единогласно приняли резолюцию, в которой заявили о своей решимости отдать все силы борьбе за освобождение Эрнста Тельмана и всех других антифашистов.

Подпольные коммунистические и социал-демократические группы проводили совместные акции солидарности с Тельманом и другими антифашистами, оказывали поддержку семьям узников гитлеровского режима.

Всемирная кампания за освобождение Эрнста Тельмана достигла в 1936 г. нового подъема. 17 и 29 февраля руководство КПГ приняло решения, направленные на дальнейшее усиление борьбы за освобождение Тельмана. В этих целях намечалось использовать амнистию, объявленную фашистами по пропагандистским соображениям, а также подготовку и проведение Олимпийских игр в Берлине. Прежде всего имелось в виду использовать исполнявшееся 16 апреля 50-летие со дня рождения Эрнста Тельмана, чтобы мобилизовать мировую общественность на борьбу за его освобождение. Руководство партии образовало комитет Тельмана и разработало предложения, которые через Коминтерн были переданы другим братским партиям. В середине марта этот комитет доложил Политбюро ЦК КПГ о принятых мерах. Политбюро решило переименовать комитет Тельмана в комитет борьбы за освобождение Тельмана, Мирендорфа и Оседкого, имея в виду подчеркнуть тем самым широту движения за освобождение заключенных антифашистов.

Посольство фашистской Германии в Мадриде проинформировало 5 марта 1936 г. министерство иностранных дел в Берлине, что испанский комитет Международной красной помощи готовит крупную демонстрацию в защиту Тельмана и что в последнее время из всех частей Испании в посольство шел поток телеграмм протеста и решительных требований свободы Тельману. Посольство в Лондоне докладывало, что оно также получило многочисленные телеграммы и письма протеста с требованием освободить Тельмана. Группа лейбористов-депутатов нижней палаты англ-

¹ Resolution der Internationalen Juristen-Konferenz vom 1. Dezember 1935.— In: Das Gewissen der Welt wacht über Thälmanns Leben, S. 22—23.

лийского парламента опубликовала в «Манчестер гардиан» протест против террора гитлеровского режима, потребовав освобождения Тельмана.

Волнующий документ международной солидарности появился в марте 1936 г. в Португалии, народ которой сам вот уже десять лет томился под игом жестокой диктатуры Салазара. Находившиеся в заключении в крепости Пениче коммунисты выпустили специальный номер подпольной рукописной газеты под заголовком «Тельман». «Как уже свидетельствует заголовок,— говорилось в передовой статье,— наша газета посвящена Тельману, она выпущена в знак глубокого уважения к славному вождю немецкого пролетариата и выражает протест против террора фашистского правительства Германии».

Многочисленные и широкие выступления в защиту Эрнста Тельмана вынудили гестапо издать в начале апреля 1936 г. циркуляр, в котором обращалось внимание на то, что в связи с 50-летием со дня рождения Эрнста Тельмана ожидается новый подъем активности подпольной КППГ. Следовало иметь в виду, говорилось в циркуляре, что коммунисты, возможно, будут устраивать собрания, чтобы отметить эту дату.

Фашисты не ошиблись. В связи с юбилеем Тельмана тысячи немецких антифашистов, коммунистов, а также социал-демократов и буржуазных демократов выразили свою солидарность с этим стойким коммунистом и антифашистом, свою глубокую любовь и уважение к нему в нелегальных газетах и листовках, в тысячах открыток, писем и телеграмм. 16 апреля в управление тюрьмы Моабит для Эрнста Тельмана был передан большой букет красных роз. На прилагавшейся поздравительной открытке было написано: «Красный Берлин приветствует своего вождя»¹. Припесший цветы человек был арестован. Но его пришлось отпустить — он был всего лишь рассыльным моабитского цветочного магазина.

Международное коммунистическое движение широко отметило день рождения своего заслуженного соратника. От имени Коммунистического Интернационала Георгий Димитров писал: «Ты, наш друг, принадлежащий к лучшим вождям Коммунистического Интернационала, ты знаешь, что ты не один и что миллионы трудящихся всех стран борются вместе с тобой... Великое дело, которому ты посвятил свою жизнь, победит и восторжествует!»²

В приветственном письме Центрального Комитета КППГ говорилось: «Германия и мир знают, что школу Эрнста Тельмана пропали коммунисты и коммунистки, которые мужественно, не щадя жизни борются против жесточайшей в мире диктатуры. Этих людей можно убить, но их нельзя поставить на колени, ибо в них живет пример Тельмана»³.

¹ Vgl. IML, ZPA, NL 51/19; *Thälmann Rosa*. Auch im Kerker mit dem Volke verbunden.— In: Deutschlands unsterblicher Sohn, S. 472—473.

² Коммунистический Интернационал, 1936, № 8, с. 62.

³ Gruß an Thälmann.— In: Die Internationale, 1936, H. 2/3, S. 1—2.

Приветственные послания Эрнсту Тельману направили председатели многих коммунистических партий.

О братской солидарности с Председателем КПП свидетельствовали приветствия и трудовые подвиги советских людей. В его адрес шли поздравления со всех концов Советского Союза — от пионеров и комсомольцев, рабочих и крестьян, от инженеров и техников, от стахановцев, с крупных промышленных предприятий, от колхозов и МТС. В приветствии от имени X съезда Ленинского комсомола говорилось: «Ваше имя, дорогой товарищ Тельман, известно каждому молодому человеку нашей страны. Вы являетесь для нас образцом мужества, бесстрашия, самопожертвования и преданности делу мировой пролетарской революции»¹.

Колхоз и часовой завод, носившие имя Тельмана, по случаю дня его рождения взяли на себя социалистические обязательства. В Москве, в Крыму и на Крайнем Севере — повсюду советские трудящиеся принимали повышенные обязательства, чтобы, чувствуя Тельмана, внести свой вклад в укрепление Советского Союза как международного оплота мира, демократии и социализма, как главной антифашистской силы.

10 апреля 1936 г. Политбюро ЦК КПП по согласованию с руководством ВКП(б) определило места проведения в Москве торжественных собраний в честь Тельмана. В связи с предстоящим юбилеем Тельмана 6 апреля в московском Доме печати, за несколько часов до своей внезапной кончины, выступил Фриц Геккерт. На торжественном собрании в Колонном зале Дома союзов 16 апреля доклад сделал Вильгельм Пик. В Москве тиражом 40 тыс. экземпляров вышла его работа «Свободу Тельману».

По всей планете прокатилось громогласное требование: «Свободу Тельману!» В тюрьму Моабит поступали бесчисленные поздравительные телеграммы, открытки и письма. Своим почетным гражданином Тельмана избрали более 100 муниципалитетов во Франции, направив копии свидетельств о присвоении ему этого звания в Моабит и в посольство Германии в Париже.

Симпатии к Эрнсту Тельману вместе с коммунистами и международным рабочим классом выражали лучшие представители интеллигенции многих стран мира. Генрих Манн заявил: «Узник Эрнст Тельман очень силен. Он гораздо сильнее, чем его мучители, которые хотели бы, чтобы он исчез, но не решаются на это. Тельман — это настоящий рабочий с крепкими кулаками и с острым умом... Его имя знает весь мир»². Тельман, подчеркивал Мартин Андерсен Нексе, «ныне один из самых популярных людей планеты; он глубоко вошел в сердца миллионов. И по праву.

¹ Правда, 1936, 19 апреля.

² Mann Heinrich. Held Thälmann. Statt eines Vorwortes.— In: Dem Kämpfer für Frieden und Freiheit, S. 5—6.

Мало таких людей, кто, подобно Эрнсту Тельману, воплощает в себе будущее Германии и будущее мира вообще»¹.

Наряду со многими другими деятелями культуры в тюремную камеру Тельману послали поздравления Максим Горький, Ромеи Роллан, Эрх Вайнерт, Арнольд Цвейг. Иоганнес Р. Бехер писал: «Тот, кто смотрит в сторону Германии, ищет надежную опору. И прежде всего его взгляд встречается со взглядом товарища Тельмана. Он направляет и ведет нас туда, где на посту стоит безымянный коммунист, — в область нелегальной работы. И возвращаясь мысленно из Германии, каждый из нас, также лишенный свободы, чувствует себя сильнее благодаря человеку, который сам лишен свободы. Узник поддерживает нас»².

Эрнст Тельман получил лишь мизерную часть почты, но посетившая его Роза передала ему приветы от многих друзей и товарищей.

Эрнст Тельман стал символом всех, кто боролся за мир и прогресс. Борьба за его освобождение способствовала повсюду в капиталистическом мире сплочению для совместной борьбы за мир и демократию, против фашизма и войны коммунистов и социал-демократов, членов профсоюзов, верующих и представителей буржуазной интеллигенции, рабочих и крестьян, женщин и молодежи. Эрнст Тельман пользовался большим авторитетом среди международной общественности. Многие социал-демократы и члены профсоюзов видели в нем представителя интересов рабочих, брошенного в тюрьму за свои убеждения режимом, который был и их врагом. Немало социал-демократов и членов профсоюзов знали, что Тельман постоянно указывал на исходившую от этого режима угрозу и неустанно требовал единства действий рабочего класса — единственной силы, способной воспрепятствовать установленной фашистской диктатуре. Теперь, подобно многим социал-демократам и профсоюзным деятелям, Тельман был узником этой диктатуры. Борьба за его свободу стала для них политическим и моральным долгом.

Под обаянием личности коммуниста Тельмана, его мужества и стойкости находились также буржуазные демократы, представители интеллигенции и приверженцы различных религиозных течений. Их выступление в защиту Тельмана было обусловлено неприятием фашистского варварства, являлось для них делом гуманизма. Солидарность с Эрнстом Тельманом объединяла людей различных мировоззрений и происхождения.

Весной 1936 г. в Испании и во Франции победил народный фронт. В июле произошел фашистский путч против испанской республики народного фронта. На помощь испанскому народу поспешли антифашисты и демократы всего мира, в том числе 5 тыс.

¹ *Nezø Martin Andersen. Ein Proletarier, der die Zukunft trägt.* — In: *Dem Kämpfer für Frieden und Freiheit*, S. 42.

² *Becher Johannes R. Abbild der Kraft seiner Klasse.* — In: *Ebenda*, S. 54.

пемецких коммунистов, социал-демократов и других антифашистов. В качестве представителя Центрального Комитета КПГ для участия в организации отпора фашистам в Испанию был направлен бывший политический секретарь окружной организации КПГ Южной Баварии Ганс Баймлер, бежавший из концлагеря Дахау. Он помогал при формировании первого военного подразделения иностранных добровольцев — центурии им. Тельмана, которая хорошо проявила себя в жестоких и кровопролитных боях. Оставшиеся в живых члены этого подразделения позднее вошли в состав батальона им. Эрнста Тельмана Интернациональных бригад и принимали участие в обороне Мадрида. В первом номере окопной газеты бойцов-тельмановцев, как их называли, говорилось: «Наше формирование является боевым отрядом немецкого народного фронта. В нем сражаются коммунисты, социал-демократы, верующие рабочие и беспартийные. Всех нас объединяет великая цель — наголову разбить фашизм... за это борются с одинаковой страстью и одинаковым энтузиазмом все товарищи независимо от партийной принадлежности... На нашем знамени начертано гордое имя Эрнста Тельмана, который для всех нас, к какой бы партии мы ни принадлежали, является примером революционной стойкости, целеустремленности и непоколебимого мужества»¹.

Испытанные коммунисты, соратники Эрнста Тельмана вели политическую работу на ответственных постах в Интербригадах: были командирами, начальниками штабов, политическими комиссарами, среди них — Франц Далем, Артур Беккер, Вилли Бредель, Ганс Каале, Генрих Рау, Людвиг Рени, Альберт Шрайпер, Рихард Штаймер, Густав Шинда и Вильгельм Цайсер.

В состав 5-го полка, который являлся одним из лучших подразделений испанской народной армии, входил батальон, который также носил имя Тельмана. Испанские борцы за свободу писали Эрнсту Тельману по случаю его 51-й годовщины: «Товарищ Тельман, мы, испанские антифашисты, прежде чем взять в руки оружие, боролись за твоё освобождение из лап фашистов политическими средствами. Теперь, когда мы держим в своих руках оружие, мы боремся на поле боя, чтобы нанести поражение фашизму и отстоять свободу нашего народа. Мы помним, что твоя судьба прочно связана с нашей»².

Освободительная борьба в Испании стала кульминационным пунктом движения за антифашистский единый и народный фронт. В ходе боев за Мадрид, сражений на Хараме и под Гвадалахарой, под Брюнете, Теруэлем и на Эбро на испанской земле велась борьба против фашизма и, таким образом, за освобождение Эрнста Тельмана.

¹ *Goethe Johann Wolfgang v. Götz von Berlichingen*, o. O. u. J. (Reclams Universal-Bibliothek, Nr. 71), S. 16. (Маскировочное название.)

² *Die Mannschaften, Kommandeure und Politikommissare des spanischen Bataillons Thälmann im Quinto Regimento grüßen Thälmann.* — In: *Rundschau*, 1937, Nr. 16, S. 635.

Во многих странах борьба за освобождение Эрнста Тельмана все теснее смыкалась с выступлениями против угрозы войны, которую готовил гитлеровский режим. В письме ЦК КПГ Эрнсту Тельману по случаю четвертой годовщины его тюремного заключения говорилось: «Твое имя привлекло на сторону подлинной Германии миллионы друзей во всем мире, потому что оно говорит другим народам, что немецкий народ и господствующие ныне в Германии фашистские военные провокаторы — это не одно и то же... Наша партия будет действовать в твоём духе, выступая за единство и за народный фронт, против общего фашистского врага, рассматривая их как необходимую предпосылку грядущей победы над Гитлером!.. Вперед по пути единого и народного фронта в духе Эрнста Тельмана, за спасение Германии от катастрофы войны и за свободное счастливое будущее немецкого народа».

9

«Вера в собственную силу всегда одерживает верх»

В конце 1935 г. Эрнст Тельман писал своей жене: «Бывают иногда моменты, когда во мне преобладают боль и горечь, порождаемые этой моей столь жестокой судьбой. Так было и к концу второй половины дня накануне рождества. Погруженный в глубокое раздумье, я вызываю в памяти многое забытое из былых времен и из счастливых юношеских лет. Вспоминаю о моей далекой родине, о моих любимых дома... Я знаю, я чувствую, что у домашнего очага — моя Роза, наша Ирма и дед, а также родные, знакомые и друзья, что они думают обо мне и им недостает меня. С большой любовью думаю я о тебе и о былом. Многообразные воспоминания о пережитом в моем родном городе Гамбурге, о нашей общественной и семейной жизни, о нашей жизненной борьбе проносятся передо мной... О, как преходяще и кратковременно все прекрасное на земле! Оно приходит как чудо и улетает как счастье...

Но вера в собственную силу всегда одерживает верх... Я решительно выпрямляюсь, по-прежнему твердо и смело, хотя и страдая, смотрю в лицо неизбежному, с хладнокровием и новой жизненной энергией собираю все свое терпение»¹.

Горечь, которую испытывал Эрнст Тельман, имела свои причины. Процесс против него не начинался. Все потуги органов юстиции, гестапо и других нацистских органов собрать подходящий, убедительный для международной общественности обвинительный материал против Председателя КПГ не принесли результатов. Слишком велик был их страх перед публичным выступлением коммуниста Эрнста Тельмана. Только иностранных журнали-

¹ Тельман Эрнст. Письма из тюрьмы родным и близким, с. 118—119.

стов, подавших заявки для освещения процесса, насчитывалась тысяча.

Руководство партии поставило Эрнста Тельмана в известность о том, что процесс, вероятно, не состоится. Он ответил: «Я тоже подозреваю, что процесс не состоится. Единственным вопросом является их престиж, если они опубликуют заявление обер-прокурора рейха и после этого ничего не сделают. Похоже, что предварительное следствие закончено, или они все еще ищут и ищут что-нибудь подходящее для себя»¹.

Фашисты не нашли ничего подходящего, да и не могли найти. 15 ноября 1935 г. Эрнсту Тельману для сведения было передано письмо, в котором говорилось: «Обвиняемый Тельман — при сохранении в силе приказа об аресте только ввиду подозреваемой возможности побега — освобождается от дальнейшего отбывания предварительного заключения.

После освобождения обвиняемый обязывается ежедневно являться в соответствующий полицейский участок по месту пребывания»².

Но Эрнста Тельмана не освободили. Днем раньше ему было передано письмо с распоряжением, что «на основании § 1 декрета рейхспрезидента о защите народа и государства от 28 февраля 1933 г. (RGBl, S. 83)» он до особого распоряжения «в интересах общественной безопасности» должен находиться под арестом³. Теперь Эрнст Тельман окончательно переходил в распоряжение гестапо, оставаясь пока в тюрьме Моабит.

Эрнст Тельман глубоко переживал известие о том, что процесс не состоится. Он несколько лет готовился к схватке с немецким фашизмом непосредственно на виду у международной общественности. Борец по натуре, он горел желанием открыто обвинить гитлеровский режим в его преступлениях, придать мужества своим соратникам, своим братьям по классу, антифашистам в Германии и за ее пределами, поддержать со скамьи подсудимого единую борьбу против фашизма и войны. Теперь он был лишен этой возможности.

Не удался также тщательно готовившийся план его освобождения. Охрана тюрьмы Моабит была усилена. Специальный охранный отряд получил дополнительные автоматы. После 15 января 1936 г. в непосредственной близости от тюрьмы были расположены два полицейских опорных пункта, у каждого выхода из тюрьмы теперь стоял постовой, днем вокруг тюремного комплекса совершали обход три, а ночью — пять полицейских. Было также усилено наблюдение за Розой Тельман во время ее поездок в Берлин. В соответствии с новыми инструкциями гестапо было запрещено приносить Тельману продукты питания. Было сокращено время свиданий. Советник уголовной полиции Оппиц и другие чиновники

¹ IML, ZPA, NL 3/11.

² Тельман Эрнст. Письма из тюрьмы родным и близким, с. 157.

³ Там же, с. 158.

досаждали Тельману во время свиданий мелочными придирками и провокационными замечаниями. Но Эрнст Тельман не оставался в долгу у фашистских чиновников. Принципиально и страстно он отстаивал свое мировоззрение, политику партии и Коммунистического Интернационала. Отвечая на провокации, он излагал свою точку зрения, которую Роза и Ирма передавали затем через связанного партийному руководству.

В отчете связанного Тельмана от 9 сентября 1936 г. сообщалось, что во время одной из бесед гестаповский чиновник в провокационном тоне заявил: «Что было бы в Германии, если бы победили коммунисты, ясно показывает Испания». Тельман возразил: «Почему? Кто начал в Испании, разве рабочий класс? Напротив, Испания показывает совершенно ясно, где следует искать виновников того, что народ был ввергнут в несчастье»¹. Роза Тельман сообщила информацию еще об одном споре. Надзиратель заявил, обращаясь к Тельману: «Если бы вы могли увидеть сегодняшнюю Германию, то и вы бы сказали, что стало лучше. Только коммунисты постоянно обостряли обстановку». На это Эрнст Тельман дал меткий ответ: «Я не могу понять лишь одного, почему вы так боитесь коммунистов. Если действительно Германия стала лучше, то почему вы так боитесь рабочего класса? Потому что то, что вы называете подстрекательством и происками коммунистов, на самом деле — лишь недовольство масс, которым отказано в помощи»².

Роза проинформировала связанного и об одной из многих попыток заставить Тельмана отказаться от своих убеждений. Один чиновник сделал Тельману провокационное предложение выступить на собрании в тюрьме о национал-социализме, назвать марксизм ошибочным учением и «призвать других отречься от коммунизма». Тельман ответил с возмущением и со всей определенностью, что он этого никогда не сделает. Роза рассказала далее, что «чиновник дал понять, что для него это возможность как можно скорее выйти на свободу»³.

В начале 1937 г. ухудшилось состояние здоровья Эрнста Тельмана. Сказались последствия длительного заключения, недостаток движения, несмотря на гимнастику, которой Тельман занимался по возможности ежедневно, а также последствия пыток, которым его неоднократно подвергали в 1934 г. Его мучили повышенное давление, грипп, кишечные заболевания. Из-за тюремного питания и недостатка движения его тело отекло.

Обострилась болезнь сердца и у Розы Тельман, в начале 1937 г. она серьезно заболела. Несмотря на это, она продолжала посещать мужа. Связной докладывал партийному руководству: «Роза, несомненно, очень смелая и энергичная жепщина. Но тяжелые жизненные условия в течение последних четырех лет, особенно чрез-

¹ IML, ZPA, NL 3/27.

² Ebenda.

³ Berichte des Thälmann-Kuriers Walter Trautzsch.— In: BzG, 1965, H. 5, S. 862.

мерные душевные переживания, «не прошли для нее даром»¹. Иreme к тому времени исполнилось 17 лет, и ее стали чаще привлекать к осуществлению связи между Эрнстом Тельманом и курьером партии. Последний сообщал о встрече с Розой и Ирмой 3 февраля 1937 г.: «На эту встречу обе немного опоздали. Причиной тому было все еще очень плохое состояние здоровья Розы. Она очень медленно передвигалась и почти совсем не могла говорить... На мое замечание, что было бы лучше, если бы она вообще не пришла, Роза ответила, что она может ходить. Тот факт, что Роза пришла на эту встречу, убедительно свидетельствует о том, как серьезно и добросовестно относилась она к своему поручению. Так как Розе трудно было говорить, рассказывала Ирма»².

Сильный характер и уверенность в правоте своего дела помогли Эрнсту Тельману выдержать и эти нелегкие испытания. Этому в немалой степени способствовали свидания с женой и дочерью, которые получали через курьера советы и поддержку от руководства КПГ, и благодаря им Эрнст Тельман постоянно чувствовал заботу партии.

В марте 1937 г. Эрнст Тельман написал письмо жене по случаю ее дня рождения. Он стремился укрепить мужество Розы, ее веру в свои силы: «В качестве подарка ко дню рождения посылаю тебе это письмо... Мы с тобой давно привыкли все делить друг с другом, будь то горе, будь то радость... История нашего брака началась в вильгельмовские времена, мы пережили годы мировой войны и весь веймарский период, а теперь переживаем последнюю, доныне самую тяжелую пору в нашей судьбе. Попытка описать отдельные переживания истекших лет борьбы завела бы слишком далеко, однако мы знаем одно: наша жизнь не только отличается глубоким нравственным богатством, но и наполнена многосторонним опытом, который мы приобрели в самых различных областях в течение многих лет. И этот огромный опыт, эти бесценные сокровища мы накапливали не в отрыве от жизни и труда народа, а в самой гуще повседневной жизни трудового народа, в потоке жизни мы учились самостоятельно плавать и при этом приобрели немалое знание людей... Именно эта жизнь укрепила наши характеры, так тесно и верно связала нас друг с другом и создала наш полноценный брачный союз. В таком браке, в котором жена является боевой соратницей мужа, как, само собой разумеется, у нас, действительно возвышаешься над всей властью судьбы, потому что пережить такое счастье, хотя бы лишь узнать его, отнюдь не часто достается на долю человека... В результате таких взаимоотношений супругов, при которых один дополняет и обогащает другого и каждый одновременно дает и берет, возникает то подлинное взаимное единение, которое не может быть достигнуто лишь

¹ Berichte des Thälmann-Kuriers Walter Trautzsch.— In: BzG, 1965, H. 5, S. 865.

² IML, ZPA, NL 3/27; Vgl. auch Berichte des Thälmann-Kuriers Walter Trautzsch.— In: BzG, 1965, H. 5, S. 865.

в результате совместной жизни. Нужно самому испытать это, чтобы знать, как сильно влияет такой брак, как много дает он нам, какая сила вырастает в нас благодаря ему,— и тогда тем более пожалеешь всех тех, кому не выпало на долю такое счастье... Наша любовь составляет те узы, которые все крепче объединяли нас, особенно в тяжелые времена...

В этом году весна долго заставляет себя ждать и медленно дает себя чувствовать в жизни природы. В прошлом году в это время почки сирени уже распускались. Сейчас они еще закрыты и с тоской ждут теплых дней и властного весеннего солнца. Поэтому сегодня мне, к сожалению, не придется вложить в письмо тебе в подарок почки сирени, как в такой же день в прошлом году. Пошлю тебе в этом письме три сверкающих прекрасных осенних листка, прими их в утешение и как знак моей благодарности за все. Эти листья, пронизанные красными жилками, символизируют созидательную силу прекрасной природы, в которой жизнь, даже умирая, способна оставлять после себя [свои проявления].

Будем надеяться, что скоро придет такая весна, когда я сам смогу преподнести тебе первые цветы радости. С этой надеждой от всего сердца поздравляю тебя с днем рождения и шлю тебе самые горячие пожелания счастья. Пусть это письмо доставит тебе тихую радость как знак нашей взаимной верности и прочного союза...

И этот шепот слышен мне,
Ах, для любви глубокой
Пространства нет! Здесь в тишине,
В темнице одинокий,
Когда тоска мне давит грудь,
Шепчу и я: «О, не забудь!»
И к жизни возвращаюсь¹.

С благодарной верностью и незабываемой любовью шлет тебе горячий сердечный привет

твой любящий Эрнст»².

Это было последнее письмо Эрнста Тельмана своей жене.

Весной 1937 г. гестапо конфисковало все письма Тельмана родственникам. Фашисты хотели помешать КПГ использовать эти письма в политических целях. Тельману не было прямо запрещено писать, но все последующие письма Розе Тельман разрешалось читать только в полицейском участке. Там они и оставались. Узнав об этом, Эрнст Тельман заявил резкий протест ответственным гестаповским чиновникам. Он совершенно правильно охарактеризовал эту меру как новую попытку с целью нанести ему душевную травму. Тельман заявил, что пишет письма только своей жене, а не гестапо, поэтому отныне он прекращает переписку. Так он и сделал по договоренности с Розой.

¹ Гёте И. В. Собр. соч. СПб, 1879, т. 9, с. 31 (из баллады «Чудесный цветок. Песнь пленного графа». Перевод Ф. Миллера).

² Тельман Эрнст. Письма из тюрьмы родным и близким, с. 153—155.

Широкое международное движение солидарности с Эрнстом Тельманом, но прежде всего попытка организовать его побег и подозрения гестапо, что Тельман поддерживает тайную связь с партией, побудили гитлеровцев перевести его из тюрьмы Моабит в другое место. Гестапо хотело было бросить своего главного узника в концлагерь, но боязнь новых, еще более мощных международных протестов заставила его отказаться от этого намерения. Стремясь во что бы то ни стало положить конец всяческим контактам Тельмана с его товарищами, фашистские власти перевели его в тюрьму Ганновера, которая считалась особенно надежно охраняемой.

Ранним утром 13 августа 1937 г. Тельмана забрали из тюрьмы Моабит и в колонии из трех легковых автомобилей доставили в Ганновер. Его сопровождали два судебных чиновника, офицер гестапо, директор тюрьмы Моабит и пятеро охранников. Сопровождавшие Тельмана лица были в штатском платье, чтобы осуществить эту перевозку как можно незаметнее.

Во время поездки Эрнст Тельман впервые за четыре с половиной года вновь увидел леса и луга, деревни и города, занятых трудом людей.

В ганноверской тюрьме камера Тельмана тоже была выбрана с таким расчетом, чтобы он не смог установить связь ни с кем из заключенных. Исключалась также возможность перестукивания. Его резко ограничили в чтении. Газеты выдавались реже, а цензура стала еще более строгой. Книги почти совсем не разрешались. Свободные часы ему поначалу пришлось проводить под надзором двух охранников с карабинами и штыками. Постовым было строго приказано не говорить с Эрнстом Тельманом ни слова.

Становившиеся все более тяжелыми условия заключения подтачивали здоровье Тельмана. Его часто мучил грипп, затем он серьезно заболел. Он надеялся, что сможет больше гулять во дворе тюрьмы, но дирекция отказала ему в этом. Он просил дать ему в качестве партнера для игры в шахматы кого-нибудь из заключенных, и на это последовал отказ. Роза Тельман не знала о переводе мужа в Ганновер и пришла на очередное разрешенное свидание в тюрьму Моабит, однако ее не пропустили. Тюремная канцелярия отказалась сообщить ей какие-либо сведения. Но Роза Тельман не отступила. Она заявила, что не уйдет, пока не получит точных сведений о судьбе своего мужа, а если ей не скажут, что с ним, то она сочтет, что Тельман мертв, и оповестит об этом весь мир. В конце концов Розе назвали новое место заключения ее мужа и разрешили посещать его; в первое время значительно реже, чем в Берлине. Кроме того, ей приходилось приезжать в Ганновер под своей девичьей фамилией Роза Кох. Адвокатам Тельмана было разрешено посетить своего подзащитного только по два раза.

Благодаря Розе о местонахождении Эрнста Тельмана узнало также партийное руководство. И в самой тюрьме, несмотря на

все меры предосторожности, скоро стало известно имя нового, столь тщательно охраняемого узника. Просочившись из тюрьмы, это известие стало достоянием общественности.

В 1938 г. Эрнст Тельман был подвергнут основательному врачебному обследованию, так как состояние его здоровья стало еще хуже. После осмотра условия его содержания в тюрьме несколько улучшились. Но гестапо придумало новый способ наблюдения за ним. С августа 1938 г. Эрнсту Тельману было временно разрешено принимать посетителей в своей камере. Его дочь вспоминает: «Для незаметного обмена мыслями мы использовали дощечки, которые можно было прятать на теле. Делалось это по следующим причинам: в ганноверской тюрьме гестапо установило в камере отца подслушивающие устройства. Сразу же заметив это, он стал искать новые способы обмена информацией. Раньше на всех свиданиях присутствовали гестаповские чиновники. Теперь же отцу объявили, что для облегчения условий его заключения ему разрешалось оставаться наедине со своим посетителем. Отец сразу понял, зачем это было сделано. Он догадался, что за ним будут шпионить еще больше, чем прежде, ибо подслушивающие устройства доносили до ушей тайной государственной полиции любой разговор, любые мысли вслух, любой вздох, кашель, каждое движение. Таким образом гестаповцы надеялись выведать то, что им не удалось узнать, прибегая к побоям и издевательствам. Нацисты думали, что он, ничего не подозревая, будет рассказывать нам важные секреты. Но мы громко обсуждали всякие мелочи и в это время записывали все, что отец хотел знать от партии и что я должна была передать партии. Написанное сразу же стиралось, и, выходя из тюрьмы, я прятала дощечку. Это был удобный способ общения. Конечно, я была молода и неопытна, но отец проявлял терпение, и я быстро научилась. Нужно было хорошо все обдумывать и действовать ловко, чтобы ничего не бросалось в глаза. Прежде чем идти в тюрьму, я хорошенько готовилась, чтобы ничего не забыть.

Однажды отец написал: «Я дам тебе с собой важный материал, это 20 полностью исписанных моей рукой тетрадей. Ты должна доставить их в безопасное место. Поезжай отсюда в Гамбург и помни, что эти записи важны и наши товарищи должны их получить»¹.

Это было продолжение тех записок, которые Тельман вел еще в Моабите. Благодаря смелости и ловкости Ирмы Тельман сохранились и эти важные документы, содержащие мысли Тельмана по основным проблемам международного положения, международного рабочего движения, развития обстановки в Германии и прежде всего по вопросу об угрозе войны. Каждая их строчка свидетельствует об огромном стремлении опытного интернационалиста и партийного деятеля оказывать влияние на события, действовать. В некоторых местах заметна его горечь по поводу того, что

¹ *Thälmann Irma. Erinnerungen an meinen Vater, S. 111—112. Фактически речь шла о 22 тетрадях. (Vgl. IML, ZPA, NL 3/10).*

вот уже более пяти лет он обречен, томиться в застенке и бездействовать в изоляции от живой борьбы рабочего движения¹. В этих тетрадах отражены его беспокойный дух, острый ум и прозорливость. Здесь в Ганновере Ирма сумела сфотографировать своего отца фотоаппаратом, который он ей однажды подарил. Одна из фотокарточек сохранилась, это последняя фотография Эрнста Тельмана².

Движение международной солидарности с Эрнстом Тельманом продолжалось. 13—14 ноября 1937 г. в Париже состоялась Европейская конференция за восстановление прав и свобод в Германии. В состав почетного президиума были избраны Карл Осецкий, Эрнст Тельман, Карло Мирендорф, Каплан Йозеф Россен и Лило Герман. Избранием этих деятелей конференция, основавшая Международный центр борьбы за права и свободы в Германии, продемонстрировала свою солидарность с находившимися в заключении антифашистскими борцами в Германии. Международный центр продолжил работу Международного комитета борьбы за освобождение Эрнста Тельмана и всех других антифашистов. Им руководили Марсель Кашен, Леопольд Жуо, Андре Мальро, Томас Манн и Ромен Роллан. В одном из сообщений об этой конференции говорилось: «Самое сильное впечатление, оставшееся от этой конференции, были единство и сплоченность всех выступавших, к каким бы лагерям и мировоззрениям они ни принадлежали, в вопросе об освобождении Осецкого, Тельмана, Мирендорфа, Каплана Россена, пастора Нимёллера и всех других противников Гитлера, томившихся в заключении»³. Европейская конференция призвала мировую общественность к проведению новых, более мощных акций солидарности. На первом заседании секретариата Международного центра в качестве самого срочного и важного вопроса обсуждались задачи по интенсификации кампании за освобождение политических заключенных, прежде всего тех, кто находился в заключении в фашистской Германии с 1933 г. Это были Осецкий, Тельман, Мирендорф, Шумахер, Нойбауер, Штёккер и другие⁴.

По случаю 52-летия Эрнста Тельмана со всех концов земного шара в его адрес шли поздравления и приветствия с выражением солидарности. Многие видные деятели выражали чувства горячей симпатии к Председателю КПГ. Лион Фейхтваггер писал: «Уважаемый Эрнст Тельман, с сердечным волнением шлю Вам привет по случаю Вашего пятидесятидвухлетия. Многие миллионы глубоко взволнованных, возмущенных, надеющихся людей думают сегодня о Вас, и многие миллионы немцев горько сожалеют о том, что тогда, когда еще было время, они голосовали не за Вас. Но выше возмущения и сочувствия уверенность в том, что Ваше

¹ Vgl. IML, ZPA, NL 3/10.

² Согласно тому, что сообщила коллективу авторов Ирма Габель-Тельман.

³ IML, ZPA, NL 3/53.

⁴ Vgl. ebenda.

освобождение — это лишь вопрос времени. Ваш Лион Фейхтваггер»¹.

Всё новые свидетельства симпатии и солидарности с вождем революционного немецкого рабочего движения, ставшего символом стойкого сопротивления фашизму и борьбы за мир, поступали от советских трудящихся. В мае 1937 г. на имя Тельмана был выписан мандат делегата второй партийной конференции Киевского района Москвы от партийной организации московского предприятия номер 22². На фабриках и заводах продолжалось соревнование за право носить имя Тельмана. Так, на мурманском заводе «Механолит» имя Эрнста Тельмана было присвоено стахановской бригаде, выполнявшей план на 120—150%. Его имя носили также несколько колхозов. В песнях советских композиторов и стихах советских поэтов звучал призыв не ослаблять усилий в борьбе за освобождение Тельмана.

Гестаповские чиновники тщетно пытались внушить Тельману, что его имя давно забыто. Он знал, что это была ложь. В записи связного о посещении Розой Эрнста Тельмана 17 февраля 1938 г. говорится о том, что партия стремилась постоянно информировать его о международной солидарности в борьбе за его освобождение: «Я встретил Розу точно в назначенное время в обусловленном месте...

Эдвин: Передала ли тебе Ирма от меня все, что ты должна была сказать при свидании?

Роза: Да, все это я передала Тельману.

Эдвин: Что же ты ему сказала?

Роза: Я рассказала ему о борьбе, которая ведется за освобождение его, Нимёллера и Россена. Затем о Димитрове, а также то, что Тельман должен начать действовать и подать ходатайство о своем освобождении»³.

10

«Действительные противники войны империалистических государств»

Гитлеровский режим продолжал наращивать вооружение. Аннексия Австрии в марте 1938 г. стала первой открытой агрессией, которая удалась без войны. В одной из встреч с Эрнстом Тельманом охранник хвастливо заявил о «чудесном освобождении» австрийцев, которые возвратились «домой, в рейх». На это, по словам Ирмы Тельман, ее отец ответил: «Вы поработите их еще больше — так же, как вы поработили весь немецкий народ. Вы растоптали все демократические права и чувства людей, вы совершаете

¹ IML, ZPA, NL 3/48.

² Vgl. ebenda, NL 3/5.

³ Berichte des Thälmann-Kuriers Walter Trautzsch.— In: BzG, 1965, H. 5, S. 872—873.

разбойничьи походы в интересах немецкого капитализма, вы хотите запрячь в свою военную колесницу балканские народы, Чехословакию и Австрию». Когда фашистский чиновник заявил, что «фюрер за мир и социализм», Эрнст Тельман сказал: «Социализм — это мир, а не война. Социализм не допускает вторжения в другие страны вопреки воле народов, не позволяет бросать в концлагеря людей, борющихся за свободу своей нации, не допускает массовых казней. Разве это свобода? Разве это социализм?»¹ В доказательство того, что немецкие фашисты готовились к войне, Тельман привел множество примеров.

На следующем этапе агрессии фашистская Германия готовила нападение на Чехословакию. Сначала аннексии подлежала так называемая Судетская область. Империалистические державы Запада видели в этих враждебных для дела мира действиях лишь их антисоветскую направленность и надеялись, что, сделав соответствующие уступки, им удастся подтолкнуть гитлеровскую Германию еще дальше в этом направлении. Вот почему представители Великобритании и Франции предали Чехословацкую республику, пойдя в сентябре 1938 г. в нарушение своих союзнических обязательств на заключение мюнхенского соглашения. Они отказались гарантировать неприкосновенность границ Чехословакии и согласились с аннексией Судетской области фашистским германским империализмом. Угроза мировой войны возросла еще больше.

Эрнст Тельман с озабоченностью следил за этими событиями. Соблюдая все меры предосторожности, так как надзиратели все время контролировали его камеру при помощи «шпиона» и периодически проводили в ней обыск, он написал подробную записку о мюнхенском предательстве. Через Розу и курьера партийное руководство получило этот важный документ в свои руки.

Курьер писал:

«Встреча с Розой 27.10.1938 г.

Мы встретились в назначенное время в условленном месте.

Эдвин: Ну, как здоровье?

Роза: Спасибо, ничего... Тельман передал мне записку о мюнхенском соглашении. Я, конечно, поняла, что вас она должна очень заинтересовать, и много раз советовалась с Ирмой, что мне делать, написать вам или нет. В конце концов я все же... написала.

Эдвин: Ты поступила совершенно правильно. Тебе следовало написать сразу... Каким образом Тельман передал ее тебе? Это меня сейчас особенно интересует.

Роза: Свидание на этот раз было отсрочено из-за угрозы войны... Оно состоялось значительно позже... Прокурор и тюремный инспектор сидели, как обычно, за столом, а Тельман напротив меня. Эрнст толкнул меня ногой, и я заметила, что он хочет что-то передать. Я протянул мне руку под столом. В эту минуту инспектор спросил меня, получила ли я трубку. Я ответила «да», раскры-

¹ *Thälmann Irma. Erinnerungen an meinen Vater, S. 106.*

ла сумку и показала трубку; при этом я сунула записку в карман. Само собой разумеется, никто ничего не заметил»¹.

В своей записке² Эрнст Тельман вначале поставил вопрос: что было бы, если бы из-за событий в Чехословакии началась война с Германией. Отвечая, он писал, что эта война означала бы конец фашистского господства. Гитлер разоблачил бы себя в глазах мировой общественности как виновник и зачинщик всемирного пожара, и это не оставило бы безучастным и немецкий народ. Кроме того, Германия еще недостаточно сильна в военном отношении, чтобы устоять. При затяжной войне Германии пришлось бы испытать величайшие экономические трудности. Военный и экономический перевес противостоявших Германии сил был бы настолько велик, что также и это обусловило бы неизбежность развала национал-социалистской системы.

Гитлеру удалось успешно вести свою опасную игру ва-банк только благодаря поддержке Муссолини и позиции английского и французского правительств. Далее Тельман писал: «Тем самым мюнхенское соглашение не только спасло национал-социалистскую систему от перспективы неизбежной гибели в случае европейской войны, но и в значительной степени способствовало дальнейшему подъему и укреплению этой системы. Кроме того, соглашение и обусловленные им последствия означают новый заметный поворот в Европе к тоталитарным государствам, в частности к Италии и Германии, несмотря на существующие еще в Англии, Франции и других странах сильные противодействующие течения и довольно значительные оппозиционные силы». Аполитичная и подверженная влиянию фашистов часть немецкого народа не понимала исторических взаимосвязей, обусловивших появление этого соглашения, и происшедшего в результате его заключения поворота. «Эти люди видели прежде всего избавление от опасности развязывания войны, но они слишком медленно осознавали дальнейшие последствия. Им еще предстоит понять, что решение в Мюнхене было выработано только в угоду тоталитарным государствам. Для этого их следует в должной мере просветить и пробудить их активность.

Правительства Франции и Англии, особенно Даладье и Чемберлен, еще слишком крепко связаны с Мюнхеном, и сомнительно, что они хотели бы перейти к собственному сознательному и решительному наступлению на тоталитарные государства. Можно предположить, что этот путь станет возможным лишь тогда, когда в Англии и Франции под давлением самого народа удастся образовать новые правительства, которые будут проводить самостоятельную независимую от тоталитарных государств политику. И здесь на долю Советского Союза выпадает чрезвычайно важная для него самого и для народов Европы историческая задача. Если

¹ Berichte des Thälmann-Kuriers Walter Trautzsch.— In: BzG, 1965, H. 5, S. 873—874.

² Частично опубликована в Unbekannte Dokumente Ernst Thälmanns.— In: Ebenda, 1964, H. 3, S. 469—473.

бы Советскому Союзу удалось разорвать в европейской внешней политике активное контрнаступление, которое благодаря его последовательной позиции в отношении Мюнхена высоко подняло бы его престиж, такая реальная политика принесла бы большой успех. Особенно еще и потому, что мюнхенское соглашение затронуло Советский Союз тем, что Англия и Франция вели переговоры с Гитлером и Муссолини, не считаясь с Советским Союзом, и после Мюнхена тоталитарные государства, а также другие европейские круги начали крестовый пропагандистский поход против Советского Союза, изображая его и другие круги Европы как сторонников войны и возмутителей спокойствия.

Но величайшая историческая драма и почти невероятное состоит в том, что с помощью Мюнхена Гитлеру и Муссолини удалось представить себя миротворцами, наряду с Чемберленом и Даладье, по крайней мере в глазах своих народов, да и в глазах значительной части народов Европы».

По мнению Эрнста Тельмана, в борьбе против мюнхенского соглашения и его последствий труднейшей и в то же время самой актуальной задачей «для Советского Союза и его друзей были пропаганда мира и борьба за него. Эту сторону пропаганды и политики необходимо выделять всеми возможными методами, примерами, решениями, в прессе, по радио, на конференциях... словом, повсюду, и делать это настолько убедительно, чтобы в нас, коммунистах, видели подлинных врагов империалистической войны, подлинных друзей мира...»¹.

Эта оценка основных факторов, связанных с мюнхенским соглашением, совпадала с оценкой руководства КПГ и Коминтерна. Об этом Эрнст Тельман узнал лишь спустя два месяца. В отчете о встречах от 22 и 23 декабря 1938 г. Эдвин сообщал, что просил Розу во время посещения Тельмана на следующий день обязательно сообщить ему, «что его письмо получено. Он также должен знать наше мнение о письме. Постарайся изложить это в нескольких коротких фразах. Если тебе удастся передать ему это, то он будет иметь полную информацию о позиции партии».

Я несколько раз в разной форме изложил Розе эти сведения.

Я: Во-первых, ты скажешь: письмо получено, с линией согласны.

2. Ты должна ему сказать: Мюнхен — это измена, и Чехословакия была принесена в жертву...

3. Димитров говорит, чтобы подобные вещи не повторялись, необходимо вести борьбу за изменение политики демократических стран.

4. Немецкий народ сделал из Мюнхена вывод, что Гитлер — это война.

5. Наша политика была правильной, и мы будем следовать ей».

¹ IML, ZPA, NL 3/12.

Из отчета курьера видно также, что его встречи с Розой Тельман проходили с соблюдением чрезвычайных мер предосторожности. Несмотря на сильную выюгу, они ходили по улицам, обсуждая необходимые вопросы. До возвращения Розы на следующий день, приехавшей с опозданием на четыре часа, у курьера не было возможности сделать необходимые записи. Роза сумела сказать при свидании с Тельманом все, что намечалось. Эрнст Тельман дал понять, что согласен с оценкой партийного руководства¹.

В то время когда гитлеровский режим форсировал вооружение, в конце января — начале февраля 1939 г. неподалеку от Парижа состоялась конференция КППГ, названная в интересах безопасности Бернской конференцией. В ней приняли участие Антон Аккерман, Пауль Берц, Франц Далем, Герхарт Эйслер, Вальтер Хепель, Вильгельм Кнёхель, Пауль Меркер, Карл Мевис, Вильгельм Пик, Зигфрид Редель, Элли Шмидт, члены Центрального Комитета Коммунистической партии Австрии Иоганн Коплениг и Альфред Клар (Иоганн Матьё) и другие товарищи. С основным докладом выступил Вильгельм Пик, с содокладами — Франц Далем, Пауль Меркер, Пауль Берц, Антон Аккерман и Герхарт Эйслер².

В начале своего доклада «Современное положение и задачи партии» Вильгельм Пик констатировал: «Похоже, вскоре мы окажемся в состоянии мировой войны». Это предостережение полностью совпадало с оценкой Тельмана. Перед партийной конференцией, говорил далее Пик, стоит задача обсудить, что должна делать партия, чтобы предотвратить войну, или, если это не удастся, что делать во время войны, чтобы как можно скорее положить ей конец и восстановить мир. Он подчеркнул необходимость вести борьбу не только против Гитлера, но и против монополистической буржуазии, интересы которой представлял Гитлер. Лишь небольшая прослойка — трестовский капитал — была заинтересована в войне, в завоевании и порабощении других народов. Авантюристическая политика монополистического капитала не имела ничего общего с обеспечением национальных интересов немецкого народа, напротив, она находилась в вопиющем противоречии с этими интересами. В этой связи Вильгельм Пик подчеркнул, что КППГ в своей агитации не должна чураться слова «нация», как и слова «народ», — эта мысль во многом перекликалась с тем, что высказывал в своих тюремных записках Эрнст Тельман. «Этим мы хотим не затушевывать классовые противоречия внутри нации, а, напротив, вскрыть противоречие, существующее между национальными интересами народа и интересами его угнетателей и господ, трестовского капитала и гитлеровского фашизма»³.

¹ Vgl. Berichte des Thälmann-Kuriers Walter Trautzsch. — In: BzG, 1965, II. 5, S. 875; IML, ZPA, NL 3/27.

² Vgl. Die Berner Konferenz der KPD (30. Januar — 1. Februar 1939). Berlin, 1974, S. 11—12, 61—95, 12—17.

³ Пик Вильгельм. Избранные статьи и речи, с. 249—250.

Доклады и выступления в прениях показали, что, несмотря на жестокий фашистский террор и большие потери, КПГ окрепла, стала более зрелой и неуклонно продолжала борьбу против фашистской диктатуры и ее военного курса как в Германии, так и в эмиграции. На предприятиях и в жилых районах имели место успехи в организации сотрудничества с социал-демократами и другими противниками Гитлера, на отдельных предприятиях удалось провести акции сопротивления.

Бернская конференция подтвердила, что создание единого фронта рабочего класса и объединение всех противников Гитлера в рядах широкого антифашистского народного фронта оставалось главной задачей. Делегаты приняли резолюцию о пути к свержению Гитлера и о борьбе за новую, демократическую республику¹. В этой резолюции получила дальнейшее развитие политика КПГ, намеченная Брюссельской конференцией. В ней излагалась программа новой демократической республики, которая должна была возникнуть после свержения фашистской диктатуры в Германии. Таким образом, КПГ дала ответ на главный вопрос, который постоянно задавали противники Гитлера и вокруг которого шли споры: что будет после Гитлера?

Программа создания новой, антифашистской демократической Германии соответствовала идеям, разработанным Эрнстом Тельманом в годы заключения. В своих записках он отмечал, что будущая Германия должна быть страной мира, связанной узами дружбы с социалистическим Советским Союзом, Германией, в которой рабочий класс, опирающийся на союз с трудящимся крестьянством и другими демократическими силами народа, будет иметь решающий вес. Это будет Германия, способная к обороне, — она будет иметь народную армию для защиты народа².

На Бернской конференции КПГ также подтвердила необходимость основания единой революционной партии немецкого рабочего класса. Она руководствовалась тем, что единство действий рабочего класса в антифашистской борьбе создаст важные предпосылки для организационного единства рабочего класса и образования на революционной основе объединенной пролетарской массовой партии.

В состав нового Центрального Комитета наряду с другими испытанными партийными деятелями вновь был избран Эрнст Тельман — на время заключения Тельмана председателем партии вновь стал Вильгельм Пик.

В речи при открытии конференции Вильгельм Пик заявил: «На нашем заседании нам так не хватает прежде всего вождя нашей партии, товарища Эрнста Тельмана, который вот уже почти шесть лет содержится в качестве заложника в фашистском застенке. Кампании, которые проводились за его освобождение, хотя и имели известный резонанс, но, несмотря на неоднократные попыт-

¹ Vgl. Die Berner Konferenz der KPD, S. 116—147.

² Vgl. IML, ZPA, NL 3/12.

ки, вырвать его у фашистов с помощью широких международных кампаний пока не удалось. Поэтому мы должны приложить все силы для активизации движения за его освобождение. Это особенно важно сейчас, в связи с 6-й годовщиной его ареста 3 марта и 53-й годовщиной со дня его рождения 16 апреля. Мы шлем ему с нашей конференции наш самый сердечный привет»¹.

Движение солидарности с Эрнстом Тельманом и борьбы за его освобождение по-прежнему охватывало миллионы людей на всем земном шаре. В 1938 г. к Эрнсту Тельману обратился Генрих Манн: «Дорогой товарищ Тельман! Если этот привет дойдет до Вас, я прошу Вас: будьте уверены, что все мы, кто мечтает о лучшей, свободной Германии и кто хочет за нее бороться, с особым сердечным теплом будем вспоминать Вас 16 апреля». Германский посол в США получил письмо от Международной ассоциации юристов из Нью-Йорка, в котором был заявлен протест по поводу того, что Тельман уже более пяти лет сидел в тюрьме без судебного процесса. Юристы требовали немедленно освободить Тельмана. Свободу для своего коллеги докера Эрнста Тельмана требовал профсоюз портовых рабочих и докеров Франции. В Москве состоялось собрание рабочих, техников и служащих предприятий, носящих имя Тельмана. Они послали Эрнсту Тельману приветствие, в котором говорилось: «Твое имя вдохновляет нас на новые и новые свершения. План 1937 г. выполнен на 107,1%; план первого квартала 1938 г. — на 111,23%. Твое имя окрыляет стахановцев, которых становится все больше и больше: 1 января 1938 г. у нас было 280 стахановцев, 1 апреля 1938 г. их насчитывалось уже 361»². Это лишь некоторые примеры многочисленных акций солидарности с Тельманом.

В соответствии с решением Бернской конференции 53-летие Эрнста Тельмана 16 апреля 1939 г. было широко использовано для активизации борьбы за его освобождение. Члены руководства КПГ, находившиеся в Москве, приняли решение об издании брошюры о Тельмане и поддержали предложение об изготовлении его бюста. По предложению Георгия Димитрова брошюра должна была выйти в сокращенном немецком и в более широком русском вариантах. Со всех концов Германии в Ганновер поступали поздравления Тельману, но он так и не увидел ни одного из них.

Партия рекомендовала новый метод борьбы за освобождение Тельмана: рассылку писем и почтовых открыток не только в адрес Тельмана, но и в советы уполномоченных крупных предприятий. Таким образом на предприятиях тяжелой промышленности Эссена, Дюссельдорфа и Дуйсбурга появились открытки с портретом Тельмана. На этих открытках выдвигались требования сохранения мира и освобождения Тельмана, Мирендорфа, Россена, Нимёллера и других 300 тыс. политзаключенных Германии, Австрии и Чехословакии.

¹ Pieck Wilhelm. Gesammelte Reden und Schriften, Bd. V, S. 570.

² IML, ZPA, NL 3/48, 3/52, NL 3/48.

В 1939 г. крайне обострилась угроза войны. Коммунисты и социал-демократы, члены профсоюзов и христиане, буржуазные демократы и интеллигенция во всем мире все больше концентрировали свои усилия на борьбе за сохранение мира. Но, несмотря на это, они не смогли остановить фашистских поджигателей войны. Советский Союз вновь и вновь пытался создать систему коллективной безопасности против фашистского агрессора, стремился достичь договоренности об обеспечении мира прежде всего с Великобританией и Францией. Но усилия Советского Союза наталкивались на сопротивление западных держав, которые отклоняли все его предложения. Для Советского Союза существовала опасность оказаться в одиночестве перед угрозой фашистской агрессии. Стремясь избежать изоляции, СССР использовал противоречия между империалистическими державами и в августе 1939 г. заключил с Германией договор о ненападении. Этот договор дал ему возможность сохранить для своего народа мир, по крайней мере, на ближайшие годы и тем самым выиграть время для дальнейшего укрепления своей обороноспособности. Это имело решающее значение для исхода второй мировой войны.

Эрнст Тельман узнал об этом не только из фашистских источников. Роза сообщила ему о позиции Коммунистической партии Германии. Он знал, что руководство партии расценило договор о ненападении как важный шаг в пользу мира и что партия выступила с призывом сделать все, чтобы заставить гитлеровское правительство соблюдать этот договор¹.

Тельману было также известно, что в некоторых подпольных парторганизациях выражались сомнения в правильности позиции, занятой Советским Союзом. В связи с этим он несколько раз высказывал свое принципиальное отношение к договору. Через год с лишним после заключения договора, 7 ноября 1940 г., когда уже полным ходом шла вторая мировая война, он еще раз подробно изложил свое мнение в документе для партийного руководства.

Эрнст Тельман писал: «Главный вопрос, который здесь поднимается и который требует ответа, гласит:

Почему и при каких своеобразных обстоятельствах Советское правительство заключило договор с Германией в августе прошлого года?»

В те годы, когда Гитлер с помощью антикоминтерновского пакта фактически проводил политику окружения Советского Союза, писал Тельман, оказалось, что почти во всех странах коммунисты еще не были достаточно сильны, чтобы поставить достаточно прочный заслон на пути этой антисоветской политики Германии. Развязывание войны, а также прошедшее с тех пор время, к сожалению, показали, что коммунистическим партиям не хватило сил мобилизовать массы против войны. Теперь почти все коммунистические партии Европы оказались под запретом.

¹ Vgl. IML, ZPA, NL 3/28.

С учетом всего этого советское партийное и государственное руководство выработало свою политику, основанную «на единственном принципе — на обеспечении интересов народов Советского Союза и революционного движения. Советскому правительству пришлось определять основные внешнеполитические задачи в условиях резкого обострения международной обстановки весной и летом 1939 г. Активное осуществление этих задач открывало различные возможности:

Или с Англией и Францией против Германии и, возможно, также против Италии (причем велись переговоры о заключении совместного военного союза), или, если Англия откажется пойти по этому решающему пути, честной совместной с Советским Союзом борьбы в рамках будущего военного союза, искать другие, новые пути проведения внешнеполитических мероприятий, которые гарантировали бы достижение ближайших целей. То есть, речь шла о внешней политике, которая, во-первых, исключала бы изоляцию Советского Союза, во-вторых, давала бы Советскому Союзу возможность продолжать политику нейтралитета и мира и, кроме того, не мешала бы осуществлению им назревших внешнеполитических акций...

Попытки Советского Союза добиться совместных действий с Англией и Францией потерпели неудачу из-за высокомерия, недальновидности и нечестности английского правительства, и, таким образом, для Советского Союза создавалась новая обстановка... В этой отнюдь не благоприятной внешнеполитической ситуации, в которой незадолго до начала войны оказался Советский Союз по вине Англии, была затем найдена основа для заключения советско-германского пакта о ненападении»¹.

Заключение договора сорвало попытку организовать всемирный империалистический единый фронт против Советского Союза и на некоторое время отодвинуло империалистическое нападение на Советский Союз. Это дало Советскому правительству возможность значительно улучшить свои внешнеполитические позиции в интересах Советского Союза и, таким образом, в интересах революционных и миролюбивых сил всего мира.

Это письмо Тельмана дошло до партийного руководства, проделав сложный и длительный путь в условиях военного времени. В нем Эрст Тельман вновь выступает как выдающийся марксист-ленинец, как подлинный пролетарский интернационалист, оценивавший любое политическое событие с точки зрения интересов международного пролетариата, интересов борьбы против империализма и фашизма, за демократию и социализм. В тесной тюремной камере, имея под рукой лишь фашистские источники информации и немногие сообщения, получаемые через свою жену, он вскрыл замысел империалистических держав Запада и дал анализ советской политики в тесной взаимосвязи со всемирной борьбой между империализмом и социализмом, между силами реакции и прогресса.

¹ Vgl. IML, ZPA, NL 3/16.

11
«Фашистские армии
найдут в Советском Союзе
свой конец»

1 сентября 1939 г. фашистский германский империализм совершил агрессию против Польши, развязав преступную войну за мировое господство, принесшую неслыханные бедствия многим народам. К лету 1941 г. вермахт захватил большинство европейских стран; ряд из них и без того уже находился в полной зависимости от гитлеровской Германии. В оккупированных областях был установлен жестокий террористический режим. Фашистская Германия использовала ресурсы этих стран для укрепления своей военной машины. В своей одиночной камере Эрнст Тельман слышал, как охранники распевали победные песни. Но он был уверен, что народы в конце концов разгромят фашистский режим.

В тюрьме Ганновера он узнал о вероломном нападении гитлеровской Германии на Советский Союз. Это было самое тяжелое для него известие за все время заключения. То, что фашистскому германскому империализму удалось бросить значительную часть немецкого народа против первой страны социализма, против родины всех трудящихся, глубокой болью отозвалось в сердце Председателя Коммунистической партии Германии. Сколько сил потратила партия со времени своего основания, добиваясь, чтобы рабочий класс и другие трудящиеся стали на сторону Советского Союза. И вот фашистам удалось теперь совершить такое преступление! Но Тельман был твердо убежден: коммунисты не склонят голову, вместе с ними на сторону Советского Союза станут другие немцы, воплощающие истинную Германию, и создадут новое, демократическое немецкое государство.

И после того, как была развязана война, КПГ непоколебимо продолжала свою героическую борьбу против фашистского германского империализма. Партийные организации в стране вели в подполье борьбу за свержение гитлеровского правительства, чтобы положить тем самым конец войне. Вокруг подпольных парторганизаций формировались весьма крупные антифашистские организации сопротивления, в которых в одном строю с коммунистами действовали социал-демократы и беспартийные, рабочие и служащие, интеллигенты и противники Гитлера из буржуазных слоев. Центры этой борьбы находились в Берлине, Гамбурге, Саксонии, Тюрингии, Рейнско-Рурской области и Юго-Западной Германии. Немецкие коммунисты вели антифашистскую работу в концентрационных лагерях и каторжных тюрьмах совместно с брошенными туда коммунистами из оккупированных стран, вместе с политическими заключенными, принадлежавшими к другим партиям. Повсюду в первых рядах борцов находились соратники Эрнста Тельмана и люди, ставшие партийными функционерами под его руководством в годы Веймарской республики: Роберт Абсхаген, Бернгард Бостляйн,

Густав Брун, Артур Эммерлих, Вильгельм Гудддорф, Франц Якоб, Альберт Кунц, Георг Лехлейтер, Теодор Нойбауэр, Магнус Позер, Антон Зефков, Эрнст Шеллер, Георг Шуман, Ион Зиг и Роберт Уриг.

Во время первого свидания Ирма Тельман с отцом после нападения фашистов на Советский Союз надзиратель хвастливо заявил: «Мы ведем молниеносную войну против русских. Через несколько дней мы будем в Москве». Эрнст Тельман возразил: «Сталин сломает Гитлеру шею!» — и добавлял: «Фашистские армии пайдут в Советском Союзе свой конец... Весь советский народ будет сражаться, пока вся Советская страна не будет свободна... Ваш блицкриг закончится в Советском Союзе полным вашим уничтожением. Вы бы не были столь самопадеаины, если бы знали советских рабочих, если бы знали, как живет освобожденный от капитализма народ... Советскому народу, каждому человеку в Советском Союзе есть что защищать, ибо народу принадлежит вся страна... А что есть у немецкого народа? Каторжные тюрьмы и концлагеря. Нашим народом командуют несколько вояк»¹.

Эрнста Тельмана никогда не оставляла уверенность в том, что первое государство рабочих и крестьян в войне с фашистским германским империализмом в конечном счете одержит победу. Эта уверенность помогла ему стойко вынести еще несколько тяжких лет заключения, доказать свое моральное превосходство над тюремными надзирателями, убедительно отвечать на их победные реляции и антисоветские выпады.

Связь между Тельманом и руководством КПГ поддерживалась и в эти годы. По поручению Центрального Комитета КПГ находившийся в Германии Альфред Ковальке участвовал в оперативном руководстве борьбой против фашизма, установил связь с Розой Тельман и сообщал руководству партии сведения о находившемся в заключении Председателе КПГ.

Участившиеся в 1943 г. англо-американские воздушные налеты на Германию побудили фашистов вновь перевести Тельмана в другое место. Разумеется, они заботились не о жизни своего узника, а о надежности его заключения. Уже не раз во время воздушных налетов бомбы падали и на тюрьмы, политические заключенные, пользуясь случаем, совершали побег. Попадали бомбы и в ганноверскую тюрьму, поэтому фашисты опасались, что Эрнст Тельман мог воспользоваться бомбежкой для побега. Этим и объяснялось их стремление перевести его «в более безопасное» место.

11 августа 1943 г. Эрнста Тельмана на гестаповской легковой машине вывезли из Ганновера. В ганноверской тюрьме он провел почти шесть лет. К вечеру его доставили в каторжную тюрьму в Баутцене.

Камера на третьем этаже, куда поместили Эрнста Тельмана, была не более 10 кв. метров. У стены стояла кровать, напротив —

¹ *Thälmann Irma. Erinnerungen an meinen Vater, S. 107—108.*

стол, перед ним — табуретка. Здесь же висела простая полка для посуды и других принадлежностей. Над столом висел так называемый народный радиоприемник, который включался и выключался из соседнего помещения. Каторжная тюрьма в Баутцене строго охранялась. Там дежурили день и ночь жандармы. По прибытии в тюрьму Эрнста Тельмана охрана была усилена.

Бывший заместитель директора этой тюрьмы в своих показаниях после 1945 г. отмечал, что многолетнее заключение сказалось на состоянии Тельмана, но он все еще был полон энергии. Тельман ежедневно выходил на прогулку в восточном дворе и регулярно занимался гимнастикой. Из газет он получал «Дойче альгемайне», «Берлинер бёрзен-цайтунг», «Фёлькишер беобахтер» и воскресный выпуск «Гамбургер фремпенблат».

По свидетельству прикомандированного к тюремной охране в 1943 г. обервахмистра, и после одиннадцати лет одиночного заключения Эрнст Тельман не был сломлен. «Я был удивлен, — рассказывал он, — какая чистота и порядок царил здесь (в камере Эрнста Тельмана). Позднее я наблюдал, как товарищ Тельман каждое утро сам прибирал свою камеру. Длительное заключение не прошло для него бесследно, но в целом он был крепок, здоров и заряжен энергией... Еще весной 1944 г. он предсказывал, приводя доказательства, что в апреле — мае 1945 г. войне наступит конец»¹. Конечно, изоляция требовала от Эрнста Тельмана большого напряжения сил, но он использовал любую возможность, чтобы разъяснять своим фашистским охранникам, куда приведет Германию война. Он говорил им, что после войны рабочие начнут строить новую жизнь.

Вскоре узники баутценской тюрьмы, а затем и жители города узнали, что в тюрьме находится Эрнст Тельман. Через Розу и Ирму о новом местопребывании Тельмана стало известно и партийному руководству.

Один из коммунистов-подпольщиков, поддерживавший связь с женой и дочерью Тельмана и призванный затем в вермахт, перешел на сторону Советской Армии. Он рассказывал, что, когда появились признаки близкого поражения фашистской Германии, тюремные чиновники стали относиться к Тельману корректно. Но все его знакомые считали, что Гиммлер собирался убить Эрнста Тельмана. По словам этого товарища, моральное состояние Тельмана было отличное. Он, как и прежде, энергично отвергал все попытки гестапо заставить его открыто отречься от своих коммунистических убеждений или бросить какую-то тень на КПГ. Роза рассказывала этому товарищу, «что Тельман ни на минуту не сомневался в том, что Советский Союз победит фашистскую Германию... Тельман выражал также глубокую убежденность, что немецкий рабочий класс вновь вернет себе доверие пролетариев всего мира»².

¹ IML, ZPA, NL 3/76.

² Ebenda, NL 3/34.

Партия понимала, что по мере того, как неизбежность краха фашистского германского империализма становилась все более очевидной, усиливалась прямая угроза жизни Эрнста Тельмана. Вновь были приняты меры для его освобождения. Было дано соответствующее поручение подпольной парторганизации в Дрездене. Попытку освободить Тельмана должна была предпринять подпольная группа КПГ в Шмидеберге.

Этот факт также свидетельствовал о том, что, несмотря на гестаповский террор и тяжелые пытки, КПГ продолжала борьбу против нацистского режима. Под воздействием мощных ударов Советской Армии, сотрясавших фашистский вермахт, начались изменения в настроении населения Германии и возникали более благоприятные условия для борьбы КПГ. Под руководством партии ширилось движение «Свободная Германия», в рядах которого действовали антифашисты и патриоты, представители всех слоев народа. Это движение развивалось как в самой Германии, так и среди немецких антифашистов, эмигрировавших во многие страны Европы, Латинской Америки и в США.

В июле 1943 г. по инициативе КПГ в Советском Союзе был создан Национальный комитет «Свободная Германия», в который вошли военнопленные, эмигрировавшие в Советский Союз коммунисты и другие антифашисты. Его президентом был революционный поэт немецкого пролетариата коммунист Эрих Вайнерт. В округах и областях Германии, в частности в Берлине, Саксонии, Саксонии-Ангальт и в Тюрингии, имелись партийные организации КПГ, вокруг которых сформировались довольно крупные организации движения Сопротивления. Крепли связи и сотрудничество между ними. Оперативное управление подпольной партийной работой и антифашистской борьбой в Германии осуществляли главным образом Франц Якоб, Теодор Нойбауэр, Антон Зефков, Георг Шуман, Мартин Швантес, а после побега из каторжной тюрьмы — Бернгард Бестляйн.

Еще в августе 1943 г. Бернгард и Эрнст Альмштадт, Франц Якоб и Антон Зефков обсудили вопрос о том, как установить связь с Эрнстом Тельманом в ганноверской тюрьме и организовать его освобождение. Наладив эту связь, руководство партии узнало также о переводе Эрнста Тельмана в Баутцен. Подготовкой к освобождению Тельмана руководил Антон Зефков. На состоявшемся в апреле 1944 г. совещании в Дрездене он ознакомился с планом действий. План был утвержден, несколько товарищей из Берлина выразили готовность участвовать в его осуществлении. Но прежде чем план начал претворяться в жизнь, членов группы освобождения настигла волна фашистских арестов, которые начались после покушения на Гитлера 20 июля 1944 г. Попытка освобождения сорвалась.

Последним документом Эрнста Тельмана было письмо узнику тюрьмы в Баутцене, написанное в январе 1944 г. Авторскую копию этого письма удалось вынести из тюрьмы. После освобождения

Германии от фашизма достойным партией стал и оригинал. В этом письме Тельман еще раз сводил счеты с фашистским режимом, приветствовал близкую военную победу социалистического Советского Союза, выражал глубокую уверенность в том, что и немецкий народ завоеует себе право создать новый общественный строй.

Эрнст Тельман подробно описывал долгие годы своего заключения, в течение которых судебные органы и гестапо подвергали его бесконечным мытарствам и издевательствам. «Иногда и заточении судьба казалась нам почти невыносимой. Сколько было разных разочарований! Но среди разбушевавшейся стихии мы оставались тверды, решительны и непреклонны».

Эрнст Тельман не дал себя сломить. С гордостью он заявлял: «Моя жизнь и деятельность знали и знают только одно: отдать свой ум и знания, опыт и энергию, всего себя трудящемуся немецкому народу, на благо лучшего будущего Германии, на благо победоносной социалистической освободительной борьбы и новой весны немецкой нации».

...Мученичество, которое я принял на себя в интересах великих социалистических идеалов двадцатого столетия, — мученичество не одиночки, оно не изолировано от немецкого народа. Его разделяют многие и многие безымянные товарищи по заключению... Оно находит отклик в жизни могучего движения миллионов, которое охватило и воодушевляет весь народ социалистического Советского Союза и получило идеологическое и организационное распространение во многих частях мира... История нашей жизни сурова, поэтому она требует от человека полной отдачи... Быть солдатом революции — значит хранить нерушимую верность делу, пронести эту верность через жизнь и смерть, значит проявлять в любой обстановке безусловную надежность, уверенность, мужество и энергию. Пламя, озаряющее наш путь, наши сердца и умы, будет светить нам как факел в битвах нашей жизни».

Фашисты боялись этого негибаемого борца. Эрнст Тельман знал, что нацистский режим не остановится перед последним средством, когда почувствует приближение конца. Он писал: «Никто не может предсказать, что произойдет со мной или может произойти завтра или послезавтра! Нам не дано знать, не уготованы ли мне вновь, как это уже бывало не раз, новые лишения и страдания. Выпустят ли меня из застенка на свободу? Нет! Добровольно — в этом можно быть уверенным — нет. И весьма вероятно, как бы жестоко и сурово это ни звучало, что в случае опасного для Германии продвижения Советской Армии вперед и связанного с этим ухудшения общего военного положения Германии национал-социалистский режим сделает все, чтобы уничтожить Тельмана. В такой ситуации гитлеровский режим не остановится перед тем, чтобы заблаговременно убрать Тельмана или ликвидировать его».

Но, зная закономерности исторического развития и твердо веря в силу международного социализма, Эрнст Тельман заканчивал свое письмо оптимистически: «Верность и твердость, сила

характера и уверенность в победе — вот необходимые качества, и *только они* позволят нам выстоять в схватке с судьбой и выполнить наш революционный долг, возложенную на нас великую историческую миссию и повести дело к окончательной победе подлинного социализма»¹.

Вскоре после того, как Тельман написал это письмо, к нему в Баутцен приехала жена. Это было в феврале 1944 г. Во время этого свидания Эрст Тельман был полон уверенности. Известия с фронта, быстрое продвижение вперед советских войск настраивали его на оптимистический лад. «Ну, теперь фашизму скоро конец!»² — шепнул он жене. Это была их последняя встреча.

Находившиеся в подполье товарищи заботились о Розе и Ирме Тельман. Обе жили теперь в Южной Германии, в Зиггене (Хоентвиль), к тому времени Ирма вышла там замуж. Им тайно доставлялись продукты, чтобы как-то облегчить их тяжелое положение и дать возможность время от времени передать посылку с продуктами и Эрсту Тельману. С 1942 г. по апрель 1944 г. жену и дочь Эрста Тельмана поддерживала также подпольная антифашистская организация «Шпейерское товарищество».

Предвидя неминуемое поражение, гестаповские палачи зверели все больше. Тельман уже более десяти лет находился в застенке. Теперь эта судьба была уготована его жене и дочери. Ирма Тельман вспоминает: «В канун 16 апреля 1944 г. я с мамой готовилась отметить день рождения отца. Мы испекли пирог, использовав для этого продукты, полученные для отца от друзей и знакомых.

16 апреля, в день рождения отца, мать первым поездом поехала в Баутцен. Едва она вышла из квартиры, как перед дверью поднялся шум... Через мгновение начали колотить прикладами в дверь. Раздался крик: «Откройте, тайная государственная полиция!» 20 человек ворвались в нашу квартиру, дом был окружен».

Гестаповцы перерыли вверх дном всю квартиру и арестовали дочь Эрста Тельмана.

«В полиции гестаповец мне заявил, — рассказывает далее Ирма: «Скоро вам будет не до смеха. Вы сильно изменитесь. Так хорошо, как сейчас, вы уже никогда не будете выглядеть!»

Через три дня гестаповские преступники доставили меня в Гамбург. С первого дня я находилась в одиночном заключении... Надзирательницы меня не знали. Гестаповцы дали мне имя Марта Зурен. Никто не должен был знать, кто я.

В июле меня переправили в Берлин и доставили в тюрьму Шарлоттенбург.

В Баутцене мать не допустили к отцу. Она поехала в управление гестапо в Берлин. Там ей ничего не сказали. Тогда мать поехала к родственникам в Вайсвассер, а оттуда — домой. Там она узнала о моем аресте и спрятала в надежное место письма отца. Через несколько дней ее тоже арестовали и доставили в Берлин в

¹ IML, ZPA, NL 3/18.

² Tägliche Rundschau, 16. IV 1946.

полицейское управление на Александерплац»¹. После тяжелых, суровых месяцев, проведенных в фашистских тюрьмах и концлагерях, весной 1945 г. жена и дочь Тельмана были освобождены солдатами Советской Армии.

12

Эрнст Тельман среди нас

14 августа 1944 г. Гиммлер, занимавший посты рейхсфюрера СС, главы полиции, министра внутренних дел и главнокомандующего резервных войск вермахта, имел продолжительную беседу с Гитлером в его штаб-квартире, так называемом волчьем логове в Восточной Пруссии. Наряду с другими вопросами обсуждалась также дальнейшая судьба Тельмана. Было решено, что Тельман не должен пережить гитлеровский режим. В своем блокноте Гиммлер по указанию Гитлера сделал пометку против фамилии Тельмана: «подвергнуть экзекуции».

Из каторжной тюрьмы в Баутцене Эрнста Тельмана тайно привезли в концлагерь Бухенвальд. В ночь на 18 августа 1944 г. его там убили. Об этом никто не должен был знать.

Эрнста Тельмана больше не было в живых. Фашисты подло расправились с ним. Почти одиннадцать с половиной лет находился он в заточении, и все эти годы Председатель КППГ был тесно связан со своим классом, со своим народом, все эти годы он оставался тем, кем был всегда — негибаемым борцом за социализм, пролетарским интернационалистом и верным другом Советского Союза.

Гитлеровцы замалчивали убийство Тельмана. Они распространили весть, будто он погиб 28 августа 1944 г. во время воздушного налета авиации союзников на окрестности Веймара. Но правду скрыть не удалось, и она распространилась по всему миру.

Во многих странах коммунисты и социал-демократы, члены профсоюзов и христиане, буржуазная интеллигенция, все свободолюбивые люди протестовали против убийства Эрнста Тельмана. В Москве, Нью-Йорке и Мехико, в Лондоне и Стокгольме — всюду прошли траурные митинги и собрания памяти Тельмана, на которых звучала клятва вести борьбу до тех пор, пока не будет уничтожен фашистский режим.

Волнующий траурный митинг состоялся в бухенвальдском подполье. От 80 до 90 падежных товарищей, представлявших заключенных почти из всех оккупированных нацистами европейских стран, собрались в подвальных помещениях дезинфекционного отделения, в которое не решались входить эсэсовцы. На стенах помещения писали красные и черные куски материи. Портрет Тельмана, нарисованный углем на куске картона советским заключенным художником Романом Ефименко, освещала лампа. Перед ним

¹ *Thälmann Irma. Erinnerungen an meinen Vater, S. 122—124.*

в почетном карауле стояли советские военнопленные. Немецкий коммунист Бруно Апитц исполнил на скрипке «Вы жертвою пали». Карл Шног прочел стихи.

Роберт Зиверт произнес речь, в которой почтил память героического борца и сказал о задачах, которые предстояло решать в духе погибшего Председателя КПГ: «Мы клянемся именем Тельмана продолжать нашу борьбу без страха и колебаний,— как он нам завещал».

В заключение траурного митинга политические заключенные тихо спели на многих языках «Варшавянку».

17 сентября 1944 г. в «Правде» была опубликована статья немецких коммунистов, посвященная памяти Эрнста Тельмана, его жизни и борьбе. В заключение авторы писали: «Миллионы людей знали Тельмана именно таким: он верил в победу Советского Союза... верил в то, что коричневая чума будет уничтожена... Не простится фашистским гангстерам гнусное убийство вождя Коммунистической партии Германии Тельмана! А всех нас, немецких антифашистов, смерть Тельмана еще настойчивей зовет к бою — к беспощадному бою за быстрейший разгром врага всего человечества и немецкого народа — гитлеровского фашизма.

Аккерман, Арендзее, Бехер, Вайнерт, Гертнер, Хёрпле, Денгель, Кёнен, Линдау, Мале, Нидеркирхнер, Пик, Сobotка, Ульбрихт, Шваб».

Фашисты убили Эрнста Тельмана, но дело, которому он посвятил свою жизнь, победило. Его предвидение сбылось. Мощь Советского Союза сломала хребет германскому фашизму. Не прошло и года после убийства Эрнста Тельмана, как гитлеровский режим потерпел сокрушительное поражение. Начался новый этап в поступательном развитии мирового революционного движения.

Победа Советского Союза открыла путь к коренным революционным преобразованиям и немецкому народу. На немецкой земле стало явлю то, чему посвятил Эрнст Тельман всю свою сознательную жизнь. Революционные преобразования на востоке Германии после 1945 г. были не только торжеством идей Тельмана — их претворяла в жизнь партия, в формирование которой он внес решающий вклад, а в авангарде нового революционного строительства шли прежде всего его соратники, воспитанные им кадры. Объединением КПГ и СДПГ в Социалистическую единую партию Германии и ее превращением в сильную боевую марксистско-ленинскую партию был выполнен самый главный завет Эрнста Тельмана. Как и предвидел Тельман, рабочий класс Германской Демократической Республики завоевал под руководством СЕПГ уважение международного пролетариата.

Идеи пролетарского интернационализма и социалистического патриотизма, нерушимой дружбы с Советским Союзом и КПСС — его руководящей силой, самым горячим поборником которой был

Эрнст Тельман, являются не только ведущим принципом государственной политики, но и кровным делом граждан социалистического немецкого государства рабочих и крестьян.

Эрих Хонеккер с полным правом заявил в июле 1973 г.: «Эрнст Тельман теперь среди нас, ибо мы дали клятву укреплять в его духе нашу республику и неуклонно нести вперед знамя социалистической революции»¹.

Дух Эрнста Тельмана жив в рабочем классе, среди трудящихся Германской Демократической Республики. В этом духе работает Социалистическая единая партия Германии.

Если организация 10—14-летних ребят в Германской Демократической Республике носит имя Эрнста Тельмана, если присуждаются почетные знамена с его портретом, если его именем называют предприятия, бригады и школы, то это свидетельство того, что в ГДР чтут память о жизни и деятельности своего великого предшественника. Следовать его примеру, овладевать его богатым боевым и жизненным опытом особенно стремится молодежь.

Черты, характеризующие Эрнста Тельмана, благодаря которым он стал примером для любого революционного борца, будь то борьба против империализма и войны или строительство социализма и коммунизма, в 1934 г. метко описал Георгий Димитров:

«Путь революционного развития, пройденный товарищем Тельманом, его жизнь борца показывают нам также, что настоящий революционер, настоящий пролетарский вожь должен глубоко овладеть марксизмом-ленинизмом именно в огне классовых битв. Мало иметь темперамент революционера, нужно также владеть оружием революционной теории. Но недостаточно иметь чисто теоретические знания: в непрерывной борьбе с классовым врагом, преодолевая постоянные трудности и опасности, нужно воспитывать в себе революционную закалку и выдержку, большевистскую волю, твердость и упорство. Недостаточно знать, что нужно делать для победы коммунизма: надо еще иметь и мужество делать то, что необходимо, нужно всегда быть готовым ценой любых жертв делать то, что служит интересам рабочего класса. Надо уметь без остатка подчинить свою жизнь интересам пролетариата.

Настоящий пролетарский революционер — это живое воплощение революционной теории, которая формируется в неразрывной связи с революционной практикой борющегося пролетариата.

Образцом именно такого пролетарского революционера и является вожь немецких рабочих Эрнст Тельман. Он кровь от крови и плоть от плоти немецкого рабочего класса и всего международного пролетариата»².

¹ *Honecker Erich*. Wir tragen das Banner der Revolution voran. Ansprache auf einem Beisammensein mit den FDJ-Sekretären der ausgezeichneten Grundorganisationen, 23. Juli 1973. — In: Reden und Aufsätze, Bd. 2, Berlin, 1975, S. 324.

² *Dimitroff Georgi*. Retten wir Genossen Thälmann! — In: Ausgewählte Schriften, Bd. 2, S. 486.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

5

Часть первая 1886—1920

1. Детство, обогатившее большим опытом	9
2. «Мы начали борьбу»	14
3. Доверенное лицо товарищей по работе	18
4. В рядах левых сил Германии	23
5. Против империалистической войны!	30
6. «В истории классовой борьбы началась новая эпоха»	39
7. Необходим союз с Советской Россией!	48
8. «Вступайте во всеобщую забастовку!»	60
9. За присоединение к Коммунистическому Интернационалу и объединение с КИП	67

Часть вторая 1921—1925

1. «Придет день, когда немецкий пролетариат... объединится в своей борьбе»	77
2. «К массам!»	87
3. «В стране царит не демократия, а диктатура капитализма!»	95
4. Против Куно и Пуанкаре	110
5. «Восстания пролетариата — это этапы победного шествия революции...»	123
6. «Проникнутые чувством революционной силы слова Тельмана...»	134
7. За прочную, дисциплинированную, централизованную коммунистическую партию	142
8. Кандидат всех классово сознательных рабочих	149
9. Эрнст Тельман во главе партии	164

Часть третья 1925—1929

1. За сильное левое крыло в рабочем движении	179
2. Рабочий класс защищает жизненные интересы народа	191
3. Снова серьезное сражение между рабочими массами и буржуазией	204
4. «Решающий вопрос для международного рабочего движения»	214
5. «...Вперед по пути ленинизма!»	222

6. Со всей силой и страстью положим конец прощам поджигателей войны!	232
7. Боевой блок трудящихся против блока крупной буржуазии	242
8. Борьба за единство рабочего класса — основной вопрос	258
9. Безусловная верность Коммунистическому Интернационалу	270
10. Распятие капиталистической стабилизации	280
11. Угроза реакционного замысла буржуазного государственного строя	292

Часть четвертая 1929—1933

1. Когда партия поднимается против паники врага	302
2. «Борьбу против фашизма выдвигать на самый передний план!»	312
3. Борьба против угрозы фашизма должна стать делом всего рабочего класса	326
4. За национальное и социальное освобождение немецкого народа	339
5. «В завоевании масс состоит главный смысл и основная идея народной революции»	353
6. «Социал-демократические товарищи по классу, вы намерены бороться за Брюнинга или за социализм?»	373
7. Единый фронт — главное звено пролетарской политики в Германии	384
8. Кто голосует за Гинденбурга, тот голосует за Гитлера, кто голосует за Гитлера, тот голосует за войну!	397
9. За широкое антифашистское действие	405
10. Развертывайте «Антифашистское действие» на предприятиях!	420
11. Под знаком боевого пролетарского интернационализма против фашизма и пропаганды войны	429
12. Мы бьем в набат, призывая к борьбе за жизненные интересы миллионов	445

Часть пятая 1933—1944

1. Открытое объявление трудящимся жесточайшей войны	461
2. В фашистском застенке	475
3. Новая большая жизненная школа	481
4. «Мы должны выиграть Эрнста Тельмана как битву!»	492
5. «Сочетать защиту с наступлением»	500
6. «Но я верю в торжество правды»	512
7. Борьба против фашизма требует единства рабочего класса в каждой стране и во всем мире	517
8. «Миллионы трудящихся во всех странах мира ведут борьбу вместе с тобой!»	526
9. «Германия в собственную силу всегда одерживает верх»	532
10. «Действительные противники войны империалистических государств»	540
11. «Фашистские армии найдут в Советском Союзе свой конец»	549
12. Эрнст Тельман среди нас	555

Авторы:

Часть первая — *Хорст Науман*

Часть вторая, 1—7 — *Гюнтер Хортицански*

Часть вторая, 8—9, часть третья, 1—3 — *Стефан Вебер*

Часть третья, 4—11 — *Хайнц Карл*

Часть четвертая — *Вальтер Виммер*

Часть пятая — *Лотар Бертольд, Гюнтер Хортицански*

Общая редакция:

Гюнтер Хортицански, Вальтер Виммер

В подготовке отдельных частей участвовали:

*Л. Г. Бабиченко, Катя Хафerkорн, Райнер Хольце,
Эрика Кюклих, Ханс Вийяр*

Научная помощь:

*Эльфрида Фёльстер, Ханни Нессау,
Бёрбель Шиндлер*

ЭРНСТ ТЕЛЬМАН

Биография

Общая редакция перевода

В. П. Гренкова

Перевод с немецкого

В. Т. Алтухова, В. П. Гренкова,

В. В. Тихомирова

Заведующий редакцией *А. В. Никольский*

Редакторы *И. П. Башкирова, Ю. А. Егоров*

Младшие редакторы *Т. В. Гуничева, В. А. Зотова*

Художники *Е. А. Андрусенко*

Художественный редактор *В. И. Терещенко*

Технический редактор *Ю. А. Мухин*

ИБ № 2794

Сдано в набор 30.08.83. Подписано в печать 18.01.84. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Услови. печ. л. 37,13. Услови. кр.-отт. 39,75, в суперобложке 40,13. Учетно-изд. л. 41,95. Тираж 100 тыс. экз. Заказ 3755. Цена 1 р. 50 к., в суперобложке 1 р. 60 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Мигусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».

103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала

МАНДАТ № 38.

Пред'явитель сего тов.

Тельман

Э.

является ЧЛЕНОМ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА, избранным на
VII Конгрессе Коминтерна.

Секретарь ИККИ

Выдан ..

"

193 г.